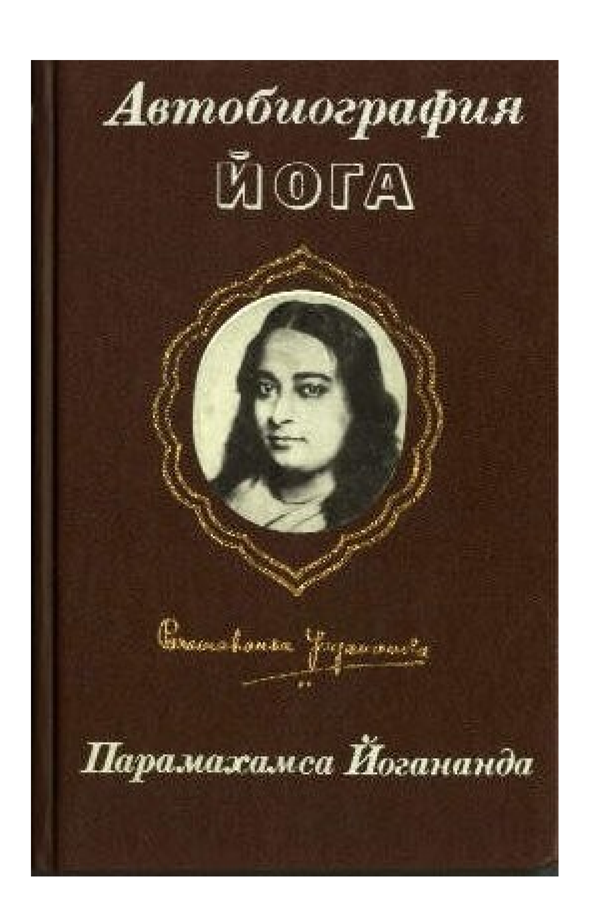
Парамаханса Йогананда

АВТОБИОГРАФИЯ ЙОГА



Посвящается памяти Лютера Барбанка, американского святого.

Благодарность

Выражаю свою глубокую признательность мисс Л.В. Пратт (госпожа Тара Мата) за большую работу, проделанную ею при редактировании рукописи данной книги. Моя благодарность адресована также мисс Рут Зан за подготовку индекса книги, мистеру Ричарду Райту за разрешение использовать выдержки из его индийского путевого дневника, а также доктору В.И.Эвансу-Вентцу не только за предисловие, но и за сделанные им замечания и поддержку.

Парамаханса Йогананда.
28 Октября, 1945 г.
Энсинитас, Калифорния

Содержание

Предисловие

«Автобиография» Йогананды – это одна из немногих книг об индийских мудрецах, которая написана не журналистом или иностранцем, а человеком их собственной расы и подготовки; эта книга о йогинах, написанная йогином. Как повествование о необычной жизни и силах современных индийских святых, книга Йогананды важна и для сегодняшнего дня, и для будущего. Талантливый автор, несомненно, заслуживает уважения и благодарности за необычную летопись своей жизни, одним из самых откровенных документов, когда-либо появлявшихся на Западе. Она раскрывает глубочайшие недра ума и сердца индийского народа и духовные богатства Индии.

Мне посчастливилось встретиться с одним из мудрецов, история жизни которого изложена в «Автобиографии», а именно, со Шри Юктешваром Гири. Я встретил его в городе Пури (штат Орисса), на берегу Бенгальского залива. В то время он возглавил там тихий ашрам, находившийся неподалеку от побережья, и был занят духовным воспитанием группы молодых учеников. Он проявил большой интерес к благоденствию народов обеих Америк и Англии, расспрашивал меня о деятельности его любимого ученика Парамахансы Йогананды, которого он послал в 1920 году на Запад в качестве своего эмиссара.

Шри Юктешвар обладал обладал приветливым выражением лица, мягким голосом и приятными манерами; он был вполне достоин того почтения, которое его последователи непроизвольно ему выражали; каждый, кто был с ним знаком, независимо от факта принадлежности его к общине, относился к нему с величайшим уважением. Я живо помню эту высокую аскетическую фигуру, прямую и облаченную в одеяние шафранового цвета,– символ отречения от мирских целей,– когда он приветствовал меня, стоя у входа в ашрам. У него были длинные, немного вьющиеся волосы и борода. Его тело отличалось крепостью мышц, но было тонким и хорошо сформированным; походка была энергичной. Он избрал местом своего земного пребывания святой город Пури. Целые толпы благочестивых индийских паломников, представлявших все провинции страны, ежедневно совершают туда паломничество к известному храму «Владыка Мира». Именно в Пури Шри Юктешвар смежил в 1936 году свои смертные очи, оставив преходящее состояние земного бытия; он ушел, зная, что его воплощение пришло к своему триумфальному завершению.

Я весьма рад возможности засвидетельствовать здесь возвышенный характер и святость Шри Юктешвара; довольствуясь удалением от людской толпы, он в полном спокойствии целиком отдался той идеальной жизни, которую его ученик Парамаханса Йогананда описал для будущих поколений.

В.И.Эванс-Вентц,
магистр искусств, доктор литературы и наук
Иисусова колледжа в Оксфорде,
автор книг:"Тибетская книга мертвых",
«Тибетская йога и тайные учения»,
«Великий тибетский йогин Миларепа».

Заметка американских издателей к лондонской публикации

Мир, опечалинный 7-го марта 1952г. уходом П.Йогананды, короткое время спустя был утешен поразительными новостями. Великий Учитель неразлагаемостью своего тела продемонстрировал власть йога над Смертью – «последним врагом».

Йогананда основал два общества, несекстанского и неприбыльного характера – товарищество Самопознания, с международной штаб-квартирой в Америке и Общество Йога Сат-Санга в Индии. Он часто заявлял, что, благодаря работе этих двух организаций, освобождающая весть крийя-йоги разнесется во все части света.

Иисус Христос, Бабаджи, Лахири Махасайя и Шри Юктешвар благословили этот труд,– заявил Йогананда,– и дали заверение, что он будет жить и расти. Необходимость знать и применять существующие научные методы конкретно для своих экспериментов в Богопознании – это настоящая человеческая потребность среди тревог атомного века.

Миссию великого учителя продолжают ученики, которых он много лет обучал для этой цели.

Йогананда написал о Лахири Махасайя замечательные слова: «Сперва я горевал, что он более не жив физически. Когда же я начал открывать его тайную вездесущность, я более не печалился. Он часто писал тем из своих учеников, которым слишком хотелось увидеть его:» Зачем приходить посетить мои кости и мясо, если я всегда нахожусь в сфере вашего духовного зрения?"

Товарищество Самопознания 1.09.55г.

Глава 1. Родители и ранние годы жизни

Испокон веков характерными чертами индийской культуры были поиски конечных истин и сопутствующие этому взаимоотношения между учеником и гуру[[1]].

Мой собственный путь привел меня к Христоподобному святому, чья жизнь является памятником на века. Он был одним из великих учителей, составляющих истинное богатство Индии. Являясь в каждом поколении, они служили своей стране надежной защитой от участи Вавилона и Египта.

Я вижу, как мои самые ранние воспоминания охватывают анахроничные черты предшествующего воплощения. Ясные картины воспоминаний приходили ко мне из далекой жизни, когда я был йогом[[2]] в Гималайских снегах. Эти проблески прошлого, благодаря не имеющей измерения связи, давали мне возможность видеть и будущее.

Из памяти не исчезла унизительная беспомощность детства. Я с обидой осознавал

1 [1]. Гуру – духовный учитель. В 17-й главе Гуругиты слово «гуру» трактуется как «рассеивающий мрак» (от гу – мрак, тьма и ру – тот, который разгоняет).

2 [2]. Йог – человек, занимающийся йогой – «единением», древней индийской наукой сосредоточения на Боге. См. главу 26 «Учение крийя-йоги».

неспособность ходить и свободно проявлять себя. От понимания телесной немощи волны мольбы поднимались во мне. Моя высокоэмоциональная жизнь мысленно выражалась в словах множества различных языков. Среди такого внутреннего замешательства ухо постепенно привыкло к окружающим звукам бенгальского языка моего народа. Сфера подвижного разума ребенка, искренне считающего себя ограниченным игрушками и пальцами стоп!

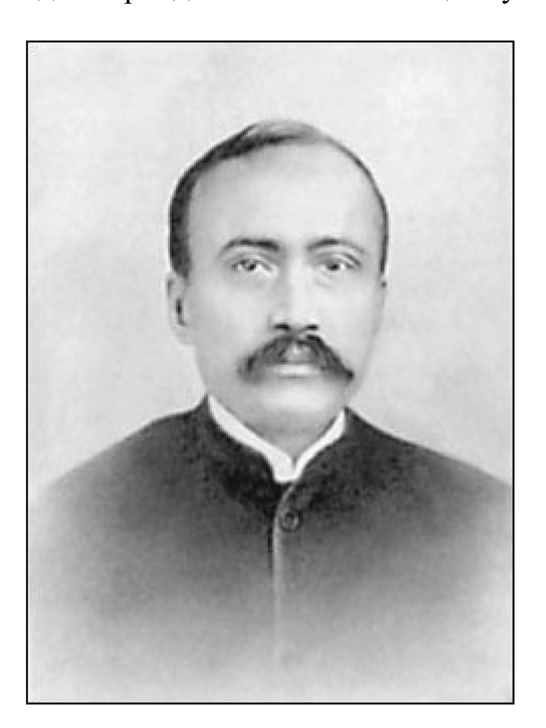
Психическое брожение и беспомощность тела провоцировали приступы крика. Своим горем я вызывал общее замешательство членов семьи. Но во мне теснятся и более счастливые воспоминания: ласки матери и первые попытки проковылять или пролепетать фразу. Эти триумфы, обычно скоро забываемые, тем не менее являются естественной опорой уверенности в себе.

Моя память о предыдущих жизнях не есть что-то уникальное в этом мире. Известно, что самосознание многих йогов не прерывается драматическими переходами от «жизни» к «смерти» и обратно. Если человек – это только тело, тогда смерть тела означает абсолютный конец его существования. Однако если пророки тысячелетия назад говорили истину, то человек по существу – это бестелесная и вездесущая душа.

Хотя это и необычно, но ясные воспоминания детства не являются столь редкими. Путешествуя по разным странам, я слышал об очень ранних глубоких воспоминаниях от многих мужчин и женщин.

Я родился в четверг, 5 января 1893 года в Горакхпуре, расположенном в северо-восточной Индии близ Гималайских гор. Здесь прошли мои первые восемь лет. Нас было восемь детей: четыре мальчика и четыре девочки. Я, Мукунда Лал Гхош[3], был вторым сыном и четвертым ребенком.

И отец и мать были бенгальцы, одаренные свыше, оба происходили из касты кшатриев[4]. Их взаимная любовь, спокойная и достойная, никогда не выражалась фривольно. Совершенная гармония, существовавшая между родителями, являлась центром покоя для периодически возникающей суматохи восьми юных жизней.



3 [3]. Имя мое изменилось на Йогананда в 1915г., когда я вступил в древнее монашеское братство – Орден Свами. В 1935 г. мой гуру даровал мне религиозный титул – Парамаханса. См. гл. 24 и 42.

4 [4]. Кшатрии, по индийской традиции, вторая каста – каста воинов и правителей.

Мой отец
Бхагабати Чаран Гхош.
Ученик Лахири Махасайя

Отец, Бхагабати Чаран Гхош, был добр, серьезен, временами суров. Горячо любя его, мы, дети, тем не менее сохраняли почтительное расстояние. Сильный математик и логик, он руководствовался в основном интеллектом. А вот мать была царицей сердец и учила нас только любовью. После ее смерти отец стал проявлять больше внутренней нежности. Я замечал тогда, что взгляд его часто, казалось, преобразовывался во взгляд матери.

От матери мы, дети, вкусили раннее горько-сладкое знакомство со священными писаниями. Она умело подбирала самые разные эпизоды из Махабхараты и Рамаяны[[5]], соответствующие всем случаям воспитания. Наказания наши сопровождались поучениями из древнего эпоса.

Повседневным проявлением уважения к отцу со стороны матери был обычай тщательно одевать нас после полудня, чтобы мы приветствовали его по возвращении со службы. Он занимал довольно высокое положение, нечто вроде вице-президента одной из крупнейших железнодорожных компаний Индии – Бенгал-Нагпур Рэйлуэй. Работа его была связана с переездами, и наша семья в период моего детства жила в нескольких городах.

Мать всегда была готова помочь нуждающимся. Отец тоже был склонен к доброте, но его уважение к правилам и порядку соотносилось с семейным бюджетом. Однажды за две недели мать истратила на еду для бедных больше, чем составлял месячный доход отца.

– Все, чего я прошу, – это то, чтобы ты проявляла благотворительность в разумных пределах.

Даже этот мягкий упрек от мужа был горек для нее. Ни одним словом не намекнув детям о размолвке, она спокойно вызвала экипаж.

– До свидания, я ухожу к маме. – Древний ультиматум!

Мы разразились воплями. Тут вовремя явился дядя матери, он шепнул отцу какой-то мудрый совет, припасенный, несомненно, с древних времен, после чего отец сказал несколько примирительных слов, и мать, к нашей радости, отпустила извозчика. Так закончилась единственная размолвка между моими родителями. Но я припоминаю и один типичный диалог.

– Дай мне, пожалуйста, десять рупий для только что пришедшей несчастной, – убедительным тоном попросила мать, улыбаясь.

– Почему десять? Одной достаточно. – В оправдание отец добавил: – Когда мой отец, дедушка и бабушка внезапно умерли, я впервые вкусил бедность. Единственное, что у меня было на завтрак перед тем как отправиться за несколько миль в школу, – это один маленький банан. Позже, в университете, я был в такой нужде, что обратился к богатому судье за помощью в одну рупию в месяц. Он отказал, заметив, что и одна рупия имеет значение.

– Как горько тебе вспоминать отказ в этой рупии! – Сердце матери отличалось мгновенной логикой. – Ты хочешь, чтобы и эта женщина тоже с горечью вспоминала отказ в десяти, которые ей крайне необходимы?

– Ты победила! – Незабываемым жестом побежденного он открыл бумажник. – Вот десять рупий. Передай их с добрыми пожеланиями от меня.

Отец имел склонность сначала на всякое новое предложение говорить «нет». Его отношение к незнакомой женщине, так быстро завоевавшей симпатию матери, было примером обычной осторожности. Антипатия к мгновенному одобрению – в действительности, лишь дань принципу «адекватного обдумывания». Я всегда находил, что отец был разумен и беспристрастно уравновешен в решениях. Если я мог подкрепить

---

5 [5]. Эти древние эпосы являются сокровищницами индийской истории, мифологии и философии.

многочисленные просьбы одним-двумя аргументами, он всегда выполнял их – будь-то экскурсия во время каникул или новый мотоцикл.

Отец был строгим сторонником дисциплины для своих детей в их ранние годы, но его отношение к самому себе было поистине спартанским. Он, например, никогда не посещал театр, а искал отдыха в разных духовных занятиях и в чтении Бхагавадгиты[[6]]. Избегая всякой роскоши, он носил одну пару башмаков, пока они не изнашивались окончательно. Его сыновья купили автомобили, когда они стали популярны, но отец для своей ежедневной поездки на службу вполне довольствовался трамваем.

Накапливание денег ради власти было чуждо его натуре. Однажды после организации им Калькуттского городского банка он отказался от своей доли акций, ибо он просто хотел выполнять в свободное время какой-то гражданский долг.

Несколько лет спустя после того, как отец ушел на пенсию, для проверки книг компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй из Англии прибыл бухгалтер. Изумленный ревизор обнаружил, что отец никогда не обращался за премиями. «Он работал за троих! – заявил бухгалтер. – Ему полагается выплатить сто двадцать пять тысяч рупий (сорок одна тысяча двести пятьдесят американских долларов) в компенсацию за не взятые им вовремя деньги».

Должностные лица преподнесли отцу чек на эту сумму. Он думал об этом так мало, что даже не упомянул об этом дома. Много позже младший брат Бишну, заметивший большой вклад на банковском счете, спросил отца о его происхождении.

– К чему окрыляться материальной выгодой? – сказал отец. – Тот, кто ищет уравновешенности, никогда не будет ликовать от прибыли или горевать из-за потери. Он знает, что человек приходит в этот мир без гроша и уходит, не имея ничего.

В начале своей совместной жизни мои родители стали учениками великого учителя Лахири Махасайя из Бенареса. Это общение укрепило от природы аскетический темперамент отца. Мать однажды сделала моей старшей сестре Роме удивительное признание: «Твой отец и я живем как муж с женой лишь раз в год, чтобы иметь детей».

Отец встретился с Лахири Махасайя благодаря Абинашу Бабу[[7]], служащему филиала компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй. В Горакхпуре Абинаш Бабу рассказывал мне захватывающие истории о многих индийских святых, неизменно завершаемые провозглашением высшей славы своему гуру.

Однажды летним днем, когда мы праздно сидели у нас во дворе, он спросил у меня, слышал ли я когда-нибудь о тех необычных обстоятельствах, в результате которых мой отец стал учеником Лахири Махасайя. В благоговейном ожидании я отрицательно покачал головой. Он начал рассказ:

"Несколько лет назад, еще до твоего рождения, я попросил своего начальника, твоего отца, дать мне недельный неоплачиваемый отпуск для того, чтобы я мог посетить гуру в Бенаресе. Твой отец поднял этот план на смех.

– Вы собираетесь стать религиозным фанатиком? – спросил он. – Если вы хотите идти вперед, сосредоточьтесь на своей службе.

В тот же день, уныло плетясь домой по лесной тропе, я встретился с твоим отцом, сидевшим в паланкине. Отпустив слуг и экипаж, он пошел рядом, стараясь утешить меня и раскрывая преимущества борьбы за мирской успех. Но я слушал его безучастно. Мое сердце повторяло: «Лахари Махасайя! Я не могу жить, не видя тебя!»

Тропинка привела нас на край спокойного поля, где лучи вечернего солнца уже увенчали светящейся короной высокую зыбь дикой травы. Восхищенные, мы молчали. Вдруг

6 [6]. Бхагавадгита – это величественная санскритская поэма, часть эпоса Махабхарата, является Библией Индии. Махатма Ганди писал: «Кто станет медитировать над Гитой, тот каждый день будет извлекать из нее свежую радость и новый смысл. Нет ни единой путаницы в духовных проблемах, которую Гита не могла бы распутать».

7 [7]. Бабу – господин. Помещается в конце бенгальских имен.

там, в поле, всего в нескольких метрах от нас возникла фигура великого гуру![8]

– Бхагабати, вы слишком суровы к вашему служащему! – раздался его голос, поражая слух.

Он исчез столь же таинственно, как и появился.

– Лахари Махасайя! Лахари Махасайя! – восклицал я, упав на колени.

Несколько минут твой отец оставался неподвижным от изумления, а затем произнес:

– Абинаш, я не только даю вам отпуск, но и сам беру его, чтобы завтра отправиться в Бенарес. Я должен познакомиться с великим Лахари Махасайя, способным материализоваться по своей воле, чтобы вступиться за вас! Я возьму жену и попрошу этого учителя вести нас по его духовному пути. Вы сопроводите нас к нему?

– Конечно!

От чудесного ответа на молитву и быстрого благоприятного оборота событий радость переполняла меня.

Вечером следующего дня твои родители и я сели на поезд. Приехав в Бенарес на следующий день, мы проехали некоторое время на телеге, запряженной лошадьми, а затем прошли узкими улочками к уединенному дому гуру. Войдя в маленькую гостиную, мы остановились перед учителем, сидевшем в обычной позе лотоса. Он сощурил проницательные глаза и посмотрел на твоего отца:

– Бхагабати, вы слишком суровы к вашему служащему!

Это были те же слова, что он сказал два дня тому назад на сельском поле. Затем добавил:

– Я рад, что вы позволили Абинашу посетить меня и что вы с женой сопровождаете его.

К великой радости твоих родителей он посвятил их в духовную практику крия-йоги[9]. С памятного дня того видения твой отец и я, как братья по ученичеству, стали близкими друзьями. Лахири Махасайя проявил определенный интерес к твоему рождению. Несомненно, твоя жизнь будет связана с ним. Благословение учителя не может не сбыться". – На этом Абинаш Бабу закончил рассказ.

Лахири Махасайя покинул этот мир вскоре после того, как в него явился я. Его портрет в изысканной рамке всегда украшал наш семейный алтарь в разных городах, куда отец переезжал по службе. Много раз утром и вечером мы с матерью медитировали перед импровизированной святыней, поднося цветы, смоченные в ароматной сандаловой пасте. Ладаном и миррою, а также объединенными молитвами воздавали мы почести божеству, нашедшему полное выражение в Лахири Махасайя.

Его портрет имел исключительное влияние на мою жизнь. Я рос, и вместе со мной росли мысли об учителе. В медитациях я часто видел, как его фотографический образ выходит из маленькой рамки и, принимая живую форму, сидит передо мной; когда же я пытался коснуться стоп его светящегося тела, он менялся и вновь становился портретом. С моим переходом от детства к отрочеству Лахири Махасайя из маленького образа, заключенного в рамку, преобразился в живое присутствие святости. Я часто молился ему в минуты испытания или смущения, обнаруживая в себе его утешающее руководство.

Сначала я переживал, что он уже оставил физическую жизнь, однако когда стала открываться его тайная вездесущность, то переживания оставили меня. Тем из учеников, которым слишком хотелось увидеть его, он часто писал: «Зачем приходить и смотреть на мои кости и мясо, когда я всегда в сфере вашего кутастаха (духовного зрения)?»

Мне было около восьми лет, когда я был благословлен чудесным исцелением через фотографию Лахири Махасайя. Этот случай усилил мою любовь.

8 [8]. Феноменальные силы, которыми обладают великие учителя, разъясняются в главе «Закон чудес».

9 [9]. Крия-йога – йоговская техника, благодаря которой буйство чувств утихомиривается, что позволяет человеку достичь все возрастающего единства с космическим сознанием (см.главу 26).

В нашем семейном имении Ичапур, в Бенгалии, я был поражен азиатской холерой. Состояние было безнадежным: врачи ничего не могли сделать. Мать, находившаяся у постели, постоянно заставляла меня смотреть на портрет Лахири Махасайя, висящий на стене над головой.

– Поклонись ему мысленно! – Она знала, что я был слишком слаб даже для того, чтобы поднять руки для приветствия. – Если ты действительно проявишь свое благоговение и внутренне преклонишься перед ним, твоя жизнь будет спасена!

Пристально глядя на его фотографию, я внезапно увидел ослепительный свет, обволакивающий тело и всю комнату. Тошнота и другие не поддающиеся контролю явления исчезли, мне стало хорошо. Тут же я почувствовал себя настолько сильным, что смог наклониться и коснуться стоп матери в благодарность за ее безмерную веру в гуру. Мать несколько раз прижалась головой к маленькому портрету:

– О вездесущий учитель, благодарю тебя, что твой свет исцелил сына!

Мне стало ясно, что она тоже видела свет, благодаря которому я тотчас выздоровел от смертельной болезни.

Эта фотография – одна из самых больших ценностей, которыми я владею. Подаренная моему отцу самим Лахири Махасайя, она содержит священную вибрацию. История происхождения этой фотографии не менее удивительна. Я слышал ее от ученика гуру, брата моего отца – Кали Кумар Роя.

Из нее следует, что учитель был против фотографирования. Несмотря на его протест, однажды снимок группы с его учениками и Кали Кумара Роя все же был сделан. Фотограф был поражен, обнаружив, что на пластинке, на которой были ясные изображения всех учеников, в центре, где он не без оснований ожидал найти контуры Лахири Махасайя, не было ничего, кроме пустоты. Этот феноменальный случай широко обсуждался.

Один из учеников, отличный фотограф Ганга Дхар Бабу, хвастался, что неуловимому образу учителя от него не убежать. На следующее утро, когда гуру сидел в позе лотоса на деревянной скамье у плетня, Ганга Дхар Бабу возился со своим оборудованием. Приняв все предосторожности для успеха, он отснял двенадцать фотопластинок. На каждой из них он нашел отпечаток деревянной скамьи и плетня, но тело учителя отсутствовало и здесь.

Со слезами на глазах и уязвленной гордости Ганга Дхар Бабу разыскал гуру. Прошло много часов, прежде чем Лахири Махасайя прервал свое молчание полным смысла замечанием:

– Я – Дух. Может ли твоя камера отразить Вездесущее Незримое?

– Вижу, что не может. Но, святой господин, я от всей души желаю иметь портрет вашего телесного храма. До сегодняшнего дня мое внимание было ограниченным, я не понимал, что вы полностью Живой Дух!

– Тогда приходи завтра утром. Я буду тебе позировать.

На следующий день фотограф вновь пустил в работу свою камеру. На сей раз святое изображение, более не сокрытое таинственной невосприимчивостью, отчетливо проступило на пластинке. Никогда более учитель не позировал для какого-либо другого портрета; по крайней мере, никакого иного портрета я не видел.

Репродукция фотографии демонстрируется в этой книге. Светлая кожа Лахири Махасайя, обычные для множества людей черты едва ли говорят о принадлежности к конкретной расе. Пылкая радость связи с Богом проявляется в несколько загадочной улыбке. Глаза полуоткрыты, чтобы показать условную направленность на преходящий внешний мир, и также полузакрыты, указывая на поглощенность внутренним блаженством. Предающий забвению бренные соблазны земли, он каждое мгновение был внимателен к духовным проблемам ищущих, обращавшимся к его щедротам.

Спустя короткое время после исцеления силой портрета гуру, у меня было впечатляющее духовное видение. Однажды утром, сидя на своей кровати, я вошел в глубокую концентрацию.

«Что скрывается за темнотой закрытых глаз?» – этот глубокий вопрос овладел разумом. Вдруг внутреннему взору явилась сильнейшая вспышка света. Божественные образы святых, сидящих в медитации в горных пещерах, образовали подобие миниатюрных кинокадров на большом сияющем экране внутри моего лба.

– Кто вы? – спросил я вслух.

– Мы – гималайские йоги. – Необычную реакцию трудно описать, сердце мое трепетало.

– О, я жажду отправиться в Гималаи и стать подобным вам!

Видение пропало, но серебристые лучи расходились в расширяющиеся до бесконечности круги.

– Что за чудесное зарево? – спросил я.

– Я – Ишвара[10]. Я есть Свет. – Голос был подобен раскатам грома.

– Я хочу быть единым с Тобой!

Из этого медленно гаснущего божественного экстаза я вынес неизменно вдохновляющую идею – поиск Бога. «Он – вечная, вечно новая радость!» Это воспоминание надолго пережило день экстаза.

Возникает другое раннее воспоминание – в точности такое, каким оно было, ибо по сей день я ношу его след. Мы со старшей сестрой Умой ранним утром сидели под деревом ним на нашем участке в Горакхпуре. Она помогала изучать бенгальский букварь, а мое внимание в это время было увлечено попугаями, клюющими поблизости спелый плод маргоза.

У Умы на ноге был нарыв. Жалуясь на него она достала баночку с лечебной мазью. Я тоже немного намазал лечебным средством свое предплечье.

– Зачем ты мажешь лекарство на здоровую руку?

– Я проверяю мазь, ибо чувствую, что завтра у меня здесь будет нарыв.

– Ты – маленький лгунишка!

– Сестра, не называй меня этим словом, до того пока не увидишь, что случится завтра. – Возмущение овладело мной.

На Уму это не подействовало, и она трижды повторила свою насмешку. Непреклонная уверенность звучала в голосе, когда я медленно сказал:

– Силой своей воли я заявляю, что завтра у меня на руке точно в этом месте будет большой нарыв, а твой вздуется вдвое больше теперешнего.

Утро застало меня со здоровенным нарывом на указанном месте, размеры нарыва Умы удвоились. Пронзительно крича, сестра бросилась к матери:

– Мукунда стал колдуном!

Мать сказала мне, что я никогда более не должен пользоваться силой слов для причины вреда. Я всегда помню ее совет и следую ему.

Мой нарыв был вылечен оперативным путем. От надреза доктора остался заметный шрам. На правом предплечье я по сей день ношу постоянное напоминание о силе чисто слова человека.

Те простые и, казалось бы, безобидные слова, обращенные к Уме, сказанные с глубокой внутренней концентрацией, обладали скрытой силой, достаточной, чтобы, подобно бомбе, взорваться и произвести определенный, хотя и вредный, эффект. Позже я понял, что взрывная вибрация слов может быть мудро направлена на освобождение жизни от трудностей и действовать без шрамов или упреков[11].

---

10 [10]. Ишвара – имя Бога на санскрите в значении Правитель Вселенной, от корня иш – управлять. Индийские Писания упоминают тысячу имен Бога. Каждое содержит различный оттенок философского значения. Ишвара – это Тот, волей Которого создается и разрушается все сущее.

11 [11]. Бесконечные возможности звука берут начало в созидательном слове Аум, космической вибраторной энергии, превосходящей любые другие энергии. Любое ясно осознанное слово, произнесенное с глубокой концентрацией, обладает эффектом материализации. Повторение вдохновляющих слов вслух или про себя считается эффективным в некоторых системах психотерапии; секрет кроется в усилении вибрации психических

Наша семья перебралась в город Лахор, расположенный в штате Пенджаб. Там я приобрел портрет богини Кали[12], олицетворяющей Божественную Мать. Он освящал маленькую неофициальную святыню на балконе дома. Ко мне пришла уверенность, что любая из просьб, произнесенных мною в этом месте, увенчается успехом. Однажды, стоя здесь с Умой, я следил за двумя мальчиками, запускающими воздушных змеев над крышами двух зданий, отделенных от нашего дома очень узким переулком.

– Отчего у тебя такой умиротворенный вид? – Ума игриво толкнула меня.

– Просто я думаю, как чудесно, что божественная Мать дает мне все, чего бы я ни попросил.

– Я думаю, что Она даст тебе тех двух змеев! – иронизируя, сказала сестра.

– А почему бы и нет? – Я начал тихо молиться об этом.

В Индии разыгрывают соревнования со змеями, нитки которых покрыты клеем с толченым стеклом. Каждый игрок своей ниткой старается перерезать нитку соперника. Сорвавшийся змей несется над крышами, поймать его – большая забава. Поскольку Ума и я были на балконе, казалось невероятным, что какой-нибудь упущенный змей попадет нам в руки, ибо нитка, естественно, потянула бы его поверх крыши.

Игроки, стоящие поперек улочки, начали состязание. Одна из ниток была перерезана, и змей немедленно полетел в моем направлении. От внезапного ослабления ветерка на миг он остался недвижим. Этой паузы было достаточно для того, чтобы нитка зацепилась за кактус, растущий на кровле противоположного дома. Образовалась отличная длинная петля для того, чтобы схватиться за нее. Я вручил трофей Уме.

– Это просто необыкновенная случайность, а не ответ на твою молитву. Если и другой змей попадет к тебе в руки, тогда я поверю. – В темных глазах сестры отражалось большее изумление, чем в ее словах.

Я продолжал молиться с возрастающей интенсивностью. Сильный рывок второго игрока кончился внезапной потерей его змея. Он полетел ко мне, танцуя на ветру. Мой добрый помощник – кактус – опять свернул нитку змея в нужную петлю, благодаря которой его стало возможно поймать. Я преподнес Уме второй трофей.

– В самом деле, Божественная Мать тебя слушает! От всего этого мне жутко! – Сестра умчалась прочь, как испуганный олень.

Глава 2. Смерть матери и мистический амулет

Самым большим желанием матери была женитьба старшего брата. «Ах, когда я увижу лицо жены Ананты, для меня это будет раем на земле!» – Я часто слышал, как мать этими словами выражает сильное чувство семейной преемственности, характерное для Индии.

Во время помолвки Ананты мне было одиннадцать лет. Мать находилась в Калькутте, с радостью наблюдая за приготовлениями к свадьбе. Отец и я оставались в нашем доме в Барейли, в Северной Индии, куда отца перевели из Лахора через два года.

Прежде я был свидетелем пышных брачных церемоний двух старших сестер – Ромы и Умы, но для Ананты, как старшего сына, планы были разработаны с особой тщательностью. Мать то и дело радушно принимала многочисленных родственников, ежедневно прибывавших в Калькутту из дальних мест. Она размещала их с удобствами в большом

волн.

12 [12]. Кали – символ Бога в аспекте вечной Матери Природы. Традиционно Ее изображают в виде женщины с четырьмя руками, стоящей на летящем Боге Шиве или Бесконечном, поскольку природа, или окружающий нас феноменальный мир, берет начало в Беспричинном Духе. Четыре руки символизируют обязательные атрибуты: две – творение благ, другие две – разрушение как неотъемлемые части дуализма – творение и разрушение.

недавно приобретенном доме по Амхерст стрит, 50. Все было готово: деликатесы для банкета, яркий трон, на котором брата должны были перенести к дому невесты, ряды красочных огней, картонные мамонты, слоны и верблюды, английский, шотландский и индийский оркестры, церемониймейстеры, жрецы для древних торжественных церемоний и ритуалов.

Отец и я, в праздничном настроении, предполагали присоединиться к семье во время церемоний. Однако незадолго до этого торжественного дня возникло видение, подвергшее меня в отчаяние.

Моя мать.
Ученица Лахири Махасайя

Это было в Барейли, в полночь. Я и отец спали на веранде нашего дома, когда меня разбудило странное трепетание сетки от москитов над постелью. Тонкие занавески раздвинулись, и я увидел любимый образ матери.

«Разбуди отца! – голос ее был подобен шороху. – Садитесь на первый поезд в четыре часа утра. Если хотите меня увидеть, поторопитесь в Калькутту!» – Фигура двойника исчезла.

– Отец, отец! Мать умирает! – мой ужасающий крик мгновенно разбудил его. Я с рыданиями пробормотал роковые вести.

– Не обращай внимания на эти галлюцинации. – Отец проявил характерное для него отрицательное отношение к новой ситуации. – У твоей матери отличное здоровье. Если поступят какие-нибудь дурные вести, мы выедем завтра.

– Ты никогда не простишь себе того, что не отправился сейчас! – Страдание заставило меня горько добавить: – И я никогда не прощу!

Грустное утро принесло точное известие: «Мать опасно больна, свадьба откладывается, приезжайте немедленно».

Отец и я выехали сильно встревоженные. По пути на станции пересадки нас встретил один мой дядя. В нашу сторону с грохотом мчался поезд, увеличиваясь на глазах. От внутреннего смятения у меня возникло внезапное желание броситься на рельсы. Уже лишившись, как я чувствовал, матери, мне было безмерно трудно выносить сразу же

опустевший мир. Я любил ее как самого дорогого друга на земле. Ее утешающие черные глаза были моим прибежищем в пустячных трагедиях детства. Я остановился, чтобы задать вопрос дяде:

– Она еще жива?

– Конечно, жива! – ответил он сразу, заметив на моем лице отчаяние.

Но я почти не поверил. Когда мы добрались до дома в Калькутте, нам лишь осталось предстать перед гнетущей тайной смерти. Я впал в почти безжизненное состояние. Прошли годы, прежде чем в мое сердце пришло какое-то примирение. Мои стоны, прорвавшись через самые врата небес, наконец вызвали отклик Божественной Матери. Ее слова окончательно исцелили кровоточащие раны: «Это Я храню тебя жизнь за жизнью в нежности многих матерей. Узнай в Моем взоре те черные глаза, те утраченные прекрасные глаза, что ты ищешь!»

Вскоре после кремации горячо любимой матери отец и я вернулись в Барейли. Каждый день рано утром я совершал трогательное паломничество к большому дереву *шеоли* , бросавшему тень на ровную лужайку перед нашим домом, покрытую зеленой и золотистой травой. В поэтические минуты я думал, что белые цветы *шеоли* с добровольным благоговением простираются над травяным алтарем. Слезы смешивались с росой, и при этом часто виделся странный свет иного мира, появляющегося с зарей. Меня охватывали острые приступы пылкого стремления к Богу. Я чувствую могучее влечение к Гималаям.

Один из моих двоюродных братьев сразу же после своего путешествия по святым горам навестил нас в Барейли. Я жадно внимал его рассказам о высокогорном жилище йогов и свами[13].

– Давай сбежим в Гималаи.

Это предложение, сделанное мною однажды Дварке Прасаду, старшему сыну хозяина нашего дома в Барейли, впоследствии принесло одни неприятности. Он открыл этот план моему старшему брату, как раз приехавшему повидать отца. Вместо того, чтобы слегка подшутить над мечтою маленького мальчика, Ананта решил меня высмеять:

– Мукунда, где твое оранжевое одеяние? Без него ты не можешь быть свами!

Но меня при этих словах охватило необъяснимое возбуждение. Они вызвали ясную картину: я – монах, скитающийся по Индии. Возможно, эти слова пробудили воспоминания прошлой жизни; во всяком случае стало ясно, с какой естественной легкостью носил бы я наряд этого основанного в древности монашеского ордена. Однажды утром, болтая с Дваркой, я ощутил обрушившуюся как лавина любовь к Богу. Собеседник лишь отчасти заметил это по необычному для меня красноречию, но я радостно внимал самому себе.

Днем я сбежал в Найнитал, расположенный у подножия Гималаев. Ананта решительно отправился в погоню. Меня заставили вернуться в Барейли. Единственно доступным осталось обычное паломничество на заре к дереву *шеоли* . Сердце оплакивало двух моих матерей: человеческую и божественную.

Трещина в семейном укладе, оставленная смертью матери, была невосполнима. В оставшиеся почти сорок лет жизни отец никогда более не женился. Приняв на себя трудную роль отца и матери для своих маленьких детей, он стал заметно нежнее и доступнее, спокойно и проницательно решая разные семейные проблемы. После нескольких часов службы он удалялся в свою комнату, как отшельник в келью, занимаясь в сладкой безмятежности *крия-йогой* . Через продолжительное время после смерти матери я попытался нанять прислугу-англичанку, которая могла бы сделать жизнь отца более уютной. Но он покачал головой:

– Служение мое окончилось с уходом твоей матери. – Глаза его были исполнены

13 [1]. *Свами* – от санскритского корня сва означает: тот, кто един со своим Я. Применяется к членам индийского ордена монахов. Официально значение этого титула соответствует титулу *преподобный* (см. главу 24).

вечной преданности. – Я не приму услуг какой-либо другой женщины.

Через четырнадцать месяцев после ухода матери я узнал, что она оставила мне важное послание. Ананта, находившийся у ее смертного одра, записал сказанное. Несмотря на то, что она просила открыть мне послание через год, брат с этим задержался. Скоро он должен был уехать из Барейли в Калькутту, чтобы жениться на девушке, выбранной для него матерью[14]. Однажды вечером брат подозвал меня:

– Мукунда, я вынужден передать тебе необычные вести, – в тоне Ананты слышалось смирение. – Мои опасения усилились из-за твоего стремления покинуть дом. Но, во всяком случае, ты сердишься с божественным пылом. На днях, поймав тебя на пути к Гималаям, я пришел к выводу, что более не должен откладывать осуществление своего торжественного обещания. – Брат вручил мне маленький ящичек и послание матери.

"Дорогой сынок Мукунда, пусть эти слова будут последним благословением! – писала мать. – Настал час, когда я должна рассказать о многих необычных событиях, сопутствующих твоей жизни. Еще когда ты был грудным младенцем, я первой узнала предопределенный тебе путь. В этом возрасте я принесла тебя в дом моего учителя в Бенаресе. Почти полностью скрытая группой учеников, я едва видела Лахири Махасая, сидевшего в глубокой медитации. Похлопывая тебя, я молилась, чтобы великий гуру даровал тебе благословение. Когда моя тихая благоговейная просьба усилилась, он открыл глаза и сделал мне знак приблизиться. Стоявшие впереди расступились, и я склонилась к святым стопам. Лахири Махасая взял тебя на колени, положив руку на твой лоб на манер духовного крещения, и сказал:

– Маленькая мать, твой сын будет йогом. Как духовный двигатель, множество душ направит он в Царство Божие.

От радости, что тайная молитва принята всеведущим гуру, сердце мое сильно билось. Незадолго до твоего рождения он сказал, что ты будешь следовать его путем. Позже, сын мой, когда из соседней комнаты я и твоя сестра Рома смотрели на тебя, больного, неподвижно лежащего в постели, мы, так же как и ты, видели Великий Свет. Личико было озарено, а в голосе звучала твердая решимость, когда ты сказал, что отправишься в Гималаи в поисках Бога.

Таким образом, дорогой сын, я убедилась, что путь твой находится вдали от стремлений мира. Однако самое удивительное событие в моей жизни, явившееся дальнейшим подтверждением написанного, произошло позже, именно оно побуждает меня к этому посланию со смертного одра. Это была беседа с одним мудрецом в Пенджабе. Когда мы жили в Лахоре, однажды утром в мою комнату вошел слуга со словами:

– Госпожа, пришел какой-то странный *садху* [15].

Эти простые слова тронули меня до глубины души. Сейчас же выйдя поклониться посетителю и склонившись к его стопам, я почувствовала, что передо мной поистине божий человек.

– Мать, – сказал он, – великие учителя хотят, чтобы ты знала, что твое пребывание на земле будет весьма недолгим, следующая болезнь окажется последней[16].

Наступило молчание, во время которого я не ощутила никакой тревоги, но лишь вибрацию великого покоя. Наконец он снова обратился ко мне:

---

14 [2]. Индийский обычай, по которому родители выбирают для своего ребенка спутника жизни, выдержал испытание временем. Индийские браки, глубоко уходящие своими корнями в религиозные представления, являются, по большей части, счастливыми.

15 [3]. *Садху* – отшельник, анахорет, тот, кто посвятил себя аскезе и духовной практике.

16 [4]. Эти слова показали, что мать тайно знала о непродолжительности своей жизни. Наконец до меня дошло, почему мать настаивала на ускорении женитьбы Ананты. Хотя она и умерла до свадьбы, ее естественным материнским желанием было участие в брачных церемониях.

– Тебе суждено быть хранительницей некоего серебряного амулета. Я не дам его тебе сегодня; для того, чтобы подтвердить истинность моих слов, он сам собой материализуется в твоих руках завтра во время медитации. На смертном одре ты должна поручить своему старшему сыну Ананте хранить этот амулет в течение года, а затем передать твоему второму сыну. Мукунда узнает его значение от великих учителей. Он должен получить его к тому времени, когда будет готов оставить все мирские упования и начать энергичные искания Бога. Через несколько лет, сослужив свою службу, амулет исчезнет. Если даже его хранить в самом тайном месте, он вернется туда, откуда пришел.

Я предложила святому милостыню[17] и склонилась перед ним в великом почтении. Не приняв предложенное, он удалился с благословением. На следующий вечер, когда я, сложив руки, сидела в медитации, между моими ладонями материализовался серебряный амулет точно так, как предсказал садху. Он дал знать о себе холодным, гладким прикосновением. Я ревниво хранил его более двух лет, а теперь передаю на хранение Ананте.

Не горюй обо мне, так как я передана моим великим гуру в руки Бесконечного. Прощай, дитя мое, Космическая Мать защитит тебя".

При виде амулета свет озарения сошел на меня, многие дремлющие воспоминания пробудились. Круглый и по-старинному причудливый, он был покрыт санскритскими письменами. Я понял, что он пришел от учителей из прошлых жизней, которые незримо направляли мои стопы. Действительно, в нем был некий отдаленный смысл, однако полную сущность амулета раскрыть невозможно[18].

Как он в конце концов исчез при глубоко несчастных обстоятельствах и как утрата амулета стала предвестником обретения мною гуру, я расскажу в другой главе.

---

17 [5]. Обычный знак уважения к садху.

18 [6]. *Амулет* – это предмет, имеющий астральное происхождение. Структурно рассеиваясь, такие объекты в конце концов исчезают с нашей земли (см.главу 43).

Мантры – древние священные заклинания – были написаны на амулете. Возможности *звука* и человеческого голоса нигде не изучали так глубоко, как в Индии. Вибрация *Аум* , распространяющаяся по всей вселенной («Слово» или «голос многих вод» из библии), имеет три проявления: творение, хранение и разрушение – *Тайтирья Упанишада* 1.8. Всякий раз, когда человек произносит слово, он приводит в действие одно из этих трех значений *Аум* . Здесь и кроется причина закона, определенная священными писаниями, по которому человек должен говорить правду.

Мантры , написанные на санскрите, при правильном их произношении, обладают вибрациями духовно благотворных потенций. Идеально сложенный санскритский алфавит состоит из 50 букв, каждая из которых имеет неизменное устойчивое произношение.

Джордж Бернард Шоу написал мудрый и, конечно, остроумный очерк о фонетической неадекватности английского алфавита, основанного на латыни, в котором 26 букв безуспешно борются за право на звук. С обычной безжалостностью господин Шоу убеждает принять новый алфавит с 43 буквами (см. его предисловие к *Чудесному рождению языка* , Philosophical Library, N.Y.). Такой алфавит приблизительно равнялся бы фонетическому совершенству санскрита, где использование 50 букв исключает неправильное произношение.

Изучение письмен, обнаруженных в долине Инда, привело к тому, что ряд ученых отказался от существующей в настоящее время теории, что Индия «заимствовала» санскритский алфавит из семитских источников. Недавно рядом с Мохенджо-Даро и Хараппой были произведены раскопки нескольких больших индийских городов, предоставляющие доказательства большой культуры, которая «должна была иметь длительную предшествующую историю на почве Индии, унося нас в век, о котором можно лишь смутно догадываться» (Сэр Джон Маршалл, *Мохенджо-Даро и цивилизация Инда* , 1931г.).

Если индуистская теория о весьма глубокой древности существования цивилизованного человека на этой планете верна, то становится возможным объяснить, почему наиболее *древний* язык в мире – санскрит – является также и наиболее *совершенным* (см. сноску в гл.10). «Санскрит, – сказал сэр Вильям Джоунз, основатель Азиатского Общества, – какой бы древний он ни был, имеет замечательную структуру: более совершенный, чем греческий, более обширный, чем латынь, и более утонченный, чем тот и другой».

"Со времени возрождения классического обучения, – утверждает *Американская энциклопедия* , – в истории культуры не было более важного события, чем открытие санскрита западными учеными во второй половине восемнадцатого века. Лингвистическая наука, сравнительная грамматика, сравнительная мифология, наука о религии... либо обязаны самим своим существованием открытию санскрита, либо его изучение оказало на них глубокое влияние".

Но маленький мальчик, которому помешали осуществить попытку достичь Гималаев, ежедневно уносился вдаль на крыльях своего амулета.

Глава 3. Святой с двумя телами (свами Пранабананда)

– Отец, если я пообещаю не убежать, можно мне совершить туристическую поездку в Бенарес?

Отец редко препятствовал моему пристрастию к путешествиям. Еще когда я был мальчиком, он разрешал мне посещать многие города и места паломничества. Обычно меня сопровождали друзья, один или более. Мы путешествовали очень удобно, по билетам первого класса, обеспечиваемым отцом. Его положение железнодорожного служащего вполне удовлетворяло кочевников в семье.

Отец обещал должным образом рассмотреть мою просьбу. На следующий день он подозвал меня и протянул билет до Бенареса и обратно, немного денег и два письма.

– У меня есть деловое предложение к бенаресскому другу Кедару Натху Бабу, – сказал он. – К несчастью, я потерял его адрес. Но, думаю, ты сможешь передать это письмо через нашего общего друга – свами Пранабананду. Свами, мой брат по ученичеству, достиг духовной высоты. Тебе будет полезно его общество; эта вторая записка послужит рекомендацией. – Глаза его блеснули, когда он добавил: – Смотри, больше никогда никаких побегов из дома!

Я отправился в путь с пылом своих двенадцати лет (хотя возраст и позже не мешал испытывать удовольствие от новых картин и незнакомых лиц). Прибыв в Бенарес, я сразу отправился к жилищу свами. Входная дверь была открыта, и я направился к обширной, наподобие зала, комнате не втором этаже. Довольно полный человек, в одной лишь набедренной повязке, сидел на слегка приподнятом помосте в позе лотоса. Его голова и лицо без единой морщинки были чисто выбриты, на губах играла блаженная улыбка. Чтобы рассеять мысль о том, что я ворвался без приглашения, он приветствовал меня как старого друга:

– *Баба ананд* (будь счастлив, дорогой). Приветствие в его голосе, похожем на детский, прозвучало искренне. Я преклонил колени и коснулся его стоп.

– Вы свами Пранабананда?

– Он кивнул.

– А ты сын Бхагабати? – слова его прозвучали прежде, чем мне удалось достать из своего кармана письмо отца. В изумлении я передал рекомендательную записку, казавшуюся теперь лишней.

– Конечно, я разыщу для тебя местонахождение Кедара Натха Бабу, – вновь поразил меня своим ясновидением святой.

Затем он мельком взглянул на письмо и сделал несколько лестных замечаний в адрес моего отца:

– Ты знаешь, я получаю две пенсии. Одну – благодаря рекомендации твоего отца, у которого я когда-то работал. Другую – благодаря рекомендации моего Отца Небесного, ради Которого я сознательно завершил свои профессиональные обязанности.

Это замечание показалось мне весьма туманным.

– Какого рода пенсию, сэр, вы получаете от Небесного Отца? Он что, бросает деньги к вашим стопам? – Свами засмеялся.

– Я имею в виду пенсию безмерного покоя – награду за много лет глубокой медитации. Теперь я никогда не нуждаюсь в деньгах. Мои малые материальные нужды вполне обеспечены. Позже ты поймешь смысл этой пенсии.

Внезапно прекратив беседу, святой стал величественно неподвижным, окутанным атмосферой сфинкса. Сначала глаза искрились, как если бы наблюдали нечто интересное,

потом потухли. Я был в замешательстве от его немногословия, ведь он еще не сказал, как встретиться с другом отца. С некоторой тревогой я осмотрел пустую комнату, где, кроме нас, никого не было. Мой блуждающий взгляд упал не его деревянные сандалии, лежавшие под скамейкой.

– *Чото Махасая* [19], не волнуйся. Человек, которого ты ищешь, придет через полчаса. – Йог читал мои мысли – дело не слишком трудное в тот момент!

Он снова впал в молчание. Когда часы показали, что тридцать минут прошли, свами очнулся.

– Я думаю, что Кедар Натх Бабу уже у дверей, – сказал он.

Я услышал, как кто-то поднимался по ступенькам. В полном недоумении в мыслях пронеслось: «Как можно, никого не посылая, вызвать друга моего отца? Свами со времени моего прихода ни с кем ни о чем не разговаривал, кроме меня!»

Молча выйдя из комнаты, я стал спускаться по лестнице, встретив на полпути худого светлокожего человека среднего роста. Казалось, он торопился.

– Вы Кедар Натх Бабу? – в моем голосе звучало волнение.

– Да. А ты сын Бхагабати, ожидающий здесь встречи со мной? – Он дружески улыбнулся.

– Сэр, каким образом вы пришли сюда? – Я почувствовал замешательство от его необъяснимого присутствия.

"Сегодня все таинственно! Менее часа тому назад, когда я как раз окончил купание в Ганге, ко мне приблизился свами Пранабананда. Не понимаю, как он узнал, что я был там в это время.

– Сын Бхагабати ждет тебя в моем доме, – сказал он. – Пойдем со мной?

Я охотно согласился. Когда мы вместе с ним отправились, свами в своих деревянных сандалиях странным образом сумел меня опередить, хотя на мне были вот эти прочные туфли. Внезапно остановившись, он задал мне вопрос:

– Сколько времени понадобится вам, чтобы добраться до моего дома?

– Около получаса.

– Мне нужно сейчас кое-что сделать, – загадочно взглянув, сказал свами. – Я должен вас опередить. Вы присоединитесь ко мне у меня дома, где сын Бхагабати и я будем вас ждать.

Прежде чем я успел возразить, он быстро промчался мимо меня и исчез в толпе. Как можно скорее я пришел сюда".

Это объяснение только увеличило мое недоумение. Я спросил:

– Давно ли вы знаете свами?

– В прошлом году мы встречались несколько раз, а в этом ни разу. Я был очень рад вновь увидеть его сегодня у *гхата* , где купался.

Не могу поверить своим ушам! Я что, схожу с ума? Он почудился, или вы действительно его видели, касались руки, слышали звук голоса, шагов?

– Не понимаю, к чему ты клонишь! – вспыхнул он. – Я не лгу. Неужели не понятно, что я мог узнать, что ты ждешь меня в этом доме, только от свами?

– Да, но ведь с тех пор, как я сюда пришел около часа тому назад, свами Пранабананда не уходил с моих глаз ни на минуту.

Я рассказал ему все, как было, и повторил свой разговор со свами. Его глаза широко раскрылись.

– Живем мы в этот материальный век или спим? Никогда в жизни я не ожидал стать свидетелем такого чуда! Мне казалось, что этот свами – обычный человек, а теперь оказалось, что он в состоянии материализовать еще одно тело и действовать через него!

19 [1]. *Чото Махасая* – имя, с которым ко мне обращались многие индийские святые. Оно переводится – маленький сэр, господин.

Мы вместе вошли в комнату святого. Кедар Натх Бабу показал на туфли под скамейкой:

– Смотри-ка, это те же самые сандалии, что были на нем, когда он внезапно появился у *гхата* , – шепнул он. – Кроме того, на нем была лишь набедренная повязка, как сейчас.

Когда гость склонился перед святым, тот повернулся ко мне с хитрой улыбкой:

– Почему ты так этому удивляешься? Тонкое единство нематериального мира не скрыто от истинных йогов. Одновременно я вижусь и беседую с учениками в далекой Калькутте. Подобно этому и они способны преодолевать сложности любого важного дела волевым усилием.

Вероятно, стараясь возбудить духовный пыл в юной груди, свами рассказал о своих способностях астрального «радио» и «телевидения»[[20]]. Но вместо энтузиазма ощущался лишь благоговейный страх. Поскольку мне было предопределено предпринять искания божественного через определенного гуру – Шри Юктешвара, которого еще не повстречал, я не чувствовал склонности признать Пранабананду своим учителем. Взглянув на него с сомнением, я желал понять, кто передо мной: он или его двойник.

Свами, стараясь развеять беспокойство, устремил на меня проницательный взгляд и вдохновенно заговорил о своем гуру:

– Лахари Махасая был величайшим йогом из всех, кого я знал. Он был самим Богом во плоти.

Если ученик, подумал я , мог по собственной воле материализовать еще одну физическую форму, какие же чудеса могли быть доступны учителю? И свами поведал мне, сколь бесценна помощь гуру.

"Обычно я и другой ученик медитировали каждую ночь по восемь часов, – начал он, – днем мы работали в управлении железной дороги. Находя трудным продолжать канцелярскую службу, я желал посвятить все время Богу. Восемь лет я ежедневно медитировал по полночи. Успехи были прекрасные, потрясающие духовные откровения озаряли разум. Но между мной и Бесконечным постоянно оставалась небольшая завеса. Казалось, что даже при сверхупорстве конечное необратимое единство окажется недоступно. Однажды вечером я пришел к Лахири Махасая и попросил его божественного вмешательства. Мои назойливые просьбы продолжались всю ночь:

– Ангельский гуру, мои духовные страдания заключаются в том, что я не могу больше выносить жизни, не встретив Великого Возлюбленного!

– Что я могу поделать? Тебе необходимо медитировать более глубоко, – ответил он.

– Я взываю к Тебе, мой Господь Бог! Я вижу Тебя материализованным перед собой в физическом теле, благослови меня, чтобы я мог воспринять Тебя в Твоей бесконечной форме!

Лахири Махасая сделал милостивый жест рукой: – Можешь идти и медитировать. Я ходатайствовал за тебя перед Брахмой[[21]].

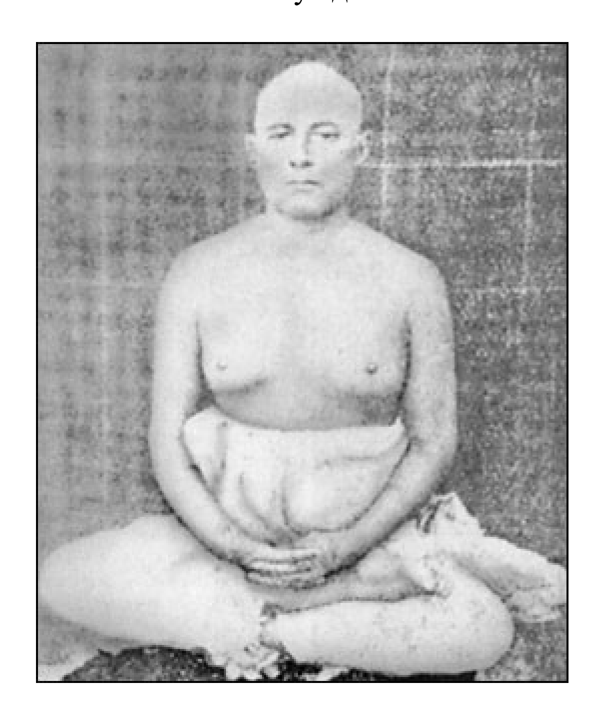
В безмерном душевном подъеме вернулся я домой. В медитации той ночью страстная

---

20 [2]. Своим собственным путем физическая наука подтверждает истинность законов, открытых йогами через ментальную науку. К примеру, 26 ноября 1934 года в Римском Королевском университете было наглядно продемонстрировано, что человек обладает возможностями телевидения. Доктор Джузеппе Калигари, профессор нейропсихологии, нажимал в течении пятнадцати минут на точку, расположенную в правой стороне грудной клетки тела испытуемого, в результате чего он становился способен подробно описывать лица и объекты, находящиеся в то же время по другую сторону стены. Доктор Калигари заявил коллегам, что если возбуждать другие участки кожи, то испытуемому передадутся сверхчувственные ощущения, позволяющие видеть объекты, которые он не мог бы воспринимать иначе, а также мог бы видеть на любом расстоянии, независимо от того, видел он эти объекты раньше или нет.

21 [3]. *Брахма* – Бог в аспекте Творца; от санскритского корня *брих* – распространяться. Когда Эмерсон в 1857 году напечатал в Atlantic Monthly стихотворение *Брахма* , большинство читателей было в недоумении. Эмерсон усмехался: «Скажите им, чтобы они читали Иегова вместо Брахма, тогда затруднений не будет».

цель моей жизни была достигнута. Теперь я непрерывно наслаждаюсь этой духовной пенсией. Никогда с того дня Всеблагой Творец не оставался сокрытым от моих глаз какой-либо завесой заблуждения".



Свами Пранабананда.
«Святой с двумя телами».
Просветленный Ученик Лахири Махасая

Лицо Пранабананды было залито божественным светом. Покой иного мира вошел в мое сердце, весь страх рассеялся.

Святой поведал нам еще кое-что:

"Через несколько месяцев я вновь пришел к Лахири Махасая и попытался поблагодарить за бесценный дар. Затем упомянул еще об одном:

– Божественный учитель, я больше не могу работать в конторе. Пожалуйста, освободи меня. Я постоянно опьянен Брахмой.

– Обратись за пенсией к своей кампании.

– Какую же мне указать причину столь раннего оформления пенсии?

– Расскажи им о том, что ты чувствуешь.

На следующий день я заявил в компании о желании уйти на пенсию. Доктор попросил обосновать мою преждевременную просьбу. Я сказал, что во время работы чувствую ощущение давления, поднимающееся по позвоночнику[22]. Пронизывая все тело, оно делает меня непригодным к работе[23].

---

22 [4]. В глубокой медитации первый опыт духа проявляется на алтаре позвоночника, а затем в головном мозге. Льющееся могучим потоком блаженство поразительно, но йог учится контролировать его направление и внешние проявления.

23 [5]. Ко времени нашей встречи Пранабананда, несомненно, был озаренным учителем. Но последние дни описанной им деловой жизни имели место на много лет раньше. Пранабананда тогда еще не вполне утвердился в *нирвакальпа самадхи* (см. гл. 26 и 43). В этом совершенном и неколебимом состоянии йог не испытывает никаких затруднений в исполнении каких бы то ни было мирских обязанностей.

После ухода в отставку Пранабананда написал *Пранабгиту* – один из глубочайших комментариев к *Бхагавадгите* , доступный на языках бенгали и хинди.

Сила, выражающаяся в способности проявляется сразу в нескольких телах, называется *сиддхи* – сила йоги, о

Без дальнейших вопросов врач настоятельно рекомендовал уход на пенсию, которую я вскоре получил. Я знаю, что божественная воля Лахири Махасая действовала через доктора и железнодорожных служащих, включая твоего отца. Они автоматически повиновались руководству великого гуру и освободили меня для жизни в неразрывном общении с Возлюбленным".

После необычного откровения свами Пранабананда снова впал в длительное молчание. Когда я уходил, почтительно коснувшись его ног, он дал мне свое благословение:

– Твоя жизнь связана с путем йоги. Я вновь увижу тебя с твоим отцом позже.

С годами эти предсказания сбылись[24].

Кедар Натх Бабу шел рядом со мной в надвигающихся сумерках. Я передал ему письмо отца, которое он прочитал под уличным фонарем.

– Твой отец предлагает мне занять одну должность в Калькуттском управлении его железнодорожной компании. Как приятно предвкушать по крайней мере одну из пенсий, которыми располагает свами Пранабананда! Но это невозможно. Я не могу оставить Бенарес. Увы, два тела пока не для меня!

Глава 4. Неудавшийся побег в Гималаи

– Под каким-нибудь незначительным предлогом выйди из класса и найми экипаж. Остановись в переулке, где никто из моего дома не сможет тебя увидеть, – это были мои последние указания Амару Митеру, товарищу по школе, намеревавшемуся сопровождать меня в Гималаи.

Для побега мы выбрали следующий день. Предосторожности были необходимы, ибо мой брат Ананта бдительным оком следил за мной. Он был полон решимости расстроить планы побега, которые, по его мнению, целиком занимали меня. Амулет, словно духовная закваска внутри меня, оказывал свое действие. Среди Гималайских снегов я надеялся найти учителя, чей лик являлся в видениях.

Наша семья жила теперь в Калькутте, куда перевели отца на постоянную работу. Следуя патриархальному индийскому обычаю, Ананта привел жену в наш дом. Там, в маленькой мансарде, я медитировал каждый день, подготавливая свой разум к поиску божественного.

Памятное утро наступило с дождем, не сулящим ничего хорошего. Заслышав на улице стук колес экипажа, я поспешно завязал в шерстяное одеяло пару сандалий, две набедренные повязки, нитку с молитвенными четками и один экземпляр *Бхагавадгиты* . Сбросив этот узел вниз из своего окна на третьем этаже, я сбежал по ступенькам лестницы и прошел мимо дяди, покупавшего рыбу у двери дома.

– Ты чего так взволнован? – его взгляд подозрительно скользнул по моей персоне.

Я уклончиво улыбнулся и вышел в переулок. Подобрав узел, с осторожностью заговорщика я присоединился к Амару. Путь лежал через торговый центр – Чандни Чоук. Несколько месяцев мы экономили деньги, которые нам давали на завтрак в школе, чтобы купить европейскую одежду. Зная, что Ананта легко может сыграть роль детектива, мы думали провести его европейским нарядом.

По пути на станцию мы заехали за моим братом Джотином Гхошем, он был новообращенным и стремился к поиску гуру в Гималаях, я просто называл его Джатинда. Он

которой упоминал Патанджали в *Йога-сутре* (см гл. 24). Явления биолокации проявлялись в жизни многих святых в прошлые века. В *Истории Терезы Ньюмен* (Bruce Pub. Co.) А.П.Шимберг описывает несколько случаев, когда эта христианская святая появлялась в прежние времена и разговаривала с людьми, находящимися далеко от нее и нуждающимися в ее помощи.

24 [6]. См. гл. 27.

надел новый костюм, который мы предварительно подготовили, надеясь, что здорово замаскировались. Нами овладело приятное настроение.

– Все, что теперь надо, – это брезентовые туфли. – Я отвел друзей в обувную лавку, выставлявшую обувь на резиновой подошве, – предметов из кожи, получаемой убийством животных, не должно быть в этом путешествии. Я остановился на улице, чтобы снять кожаный переплет с *Бхагавадгиты* и кожаные ремешки с *солнцезащитного шлема* .

На станции мы купили билеты до Бурдвана, где намеревались пересесть на Хардвар, расположенный у подножия Гималаев. Как только поезд тронулся, я высказал несколько сладких предвкушений.

– Только представьте себе! – воскликнул я, – нас будут обучать учителя, и мы испытаем транс Космического Сознания. Плоть будет заряжена таким магнетизмом, что дикие животные Гималаев, находясь около нас, будут как ручные. Тигры, как смиренные домашние кошечки, будут ожидать ласки!

Это замечание, рисующее, как мне казалось, и метафорически, и в буквальном смысле слова чарующую перспективу, вызвало у Амара восторженную улыбку. Однако Джатинда отвел глаза в сторону окна, глядя на убегающий ландшафт.

– Деньги надо разделить на три части, – этим предложением Джатинда прервал долгое молчание. – Каждый из нас сам купит себе билет в Бурдване. Так никто не догадается, что мы едем вместе.

Я согласился. Поезд остановился в Бурдване, когда уже опустились сумерки. Джатинда пошел в билетную кассу, а мы с Амаром остались на перроне. Подождав пятнадцать минут, мы предприняли несколько тщетных попыток выяснить причину исчезновения Джатинды. Ведя поиски во всех направлениях, в испуге мы настойчиво выкрикивали его имя. Но он исчез во тьме, окружающей маленькую станцию, неизвестно куда.

Пораженный странным оцепенением, я потерял всякое присутствие воли. Как Бог допустил такое обескураживающее событие? Романтические обстоятельства первого, тщательно подготовленного побега в Его поисках были безжалостно испорчены.

– Амар, нам следует вернуться домой, – я плакал, как дитя. – Вероломный побег Джатинды – дурной знак. Это путешествие обречено на неудачу.

– И это любовь к Господу? Ты не можешь выдержать маленького испытания – предательства друга?

От намека Амара на божественное испытание мое сердце успокоилось. Мы подкрепились знаменитыми бурдванскими засахаренными фруктамиситабхог («пища богини») и мотичур («самородки» сладкого «жемчуга»). Через несколько часов мы выехали в Хардвар через Барейли. На следующий день, ожидая на перроне поезд во время пересадки в Могхул Сераи, мы обсуждали один важный вопрос:

– Амар, возможно, нас скоро будут расспрашивать служащие железной дороги. Я не могу недооценивать изобретательности брата! Что бы из этого ни получилось, я не могу говорить неправду!

– Все, о чем я прошу, Мукунда, так это сохранять спокойствие. Не смейся и не гримасничай, когда я буду говорить.

В этот момент к нам подошел начальник станции – европеец. Он размахивал телеграммой, смысл которой я сразу понял.

Обращаясь ко мне, он сказал:

– Ты, обиженный, убежал из дому?

– Нет! – Я был рад, что его подбор слов позволял дать уверенный ответ. Ибо я знал, что не обида, а *тоска по божественному* была виной моего необычного поведения.

Тогда начальник обратился к Амару. Последовавшая за этим дуэль остряков едва позволяла мне сохранять рекомендованную стоическую серьезность.

– Где третий мальчик? – он вложил в голос всю весомость своего авторитета. – Быстро говори мне всю правду!

– Сэр, я заметил, вы носите очки. Разве не видно, что нас только двое? – Амар ехидно улыбнулся. – Я не могу наколдовать третьего мальчика.

Чиновник, заметно смущенный этой дерзостью, нашел новое поле для атаки.

– Как твое имя? – Меня зовут Томас. Я – сын англичанки, а мой отец – индиец, исповедующий христианство.

– А как зовут твоего друга?

– Я его зову Томпсон.

Моя внутренняя веселость достигла в это время зенита, и я бесцеремонно направился к поезду, предупредившему свистком об отправлении. Чиновник, сопровождавший Амара, оказался столь доверчивым и услужливым, что поместил нас в европейском купе. Наверное, ему было горько думать, что два мальчика-полуангличанина путешествуют в купе для туземцев. После того как он вежливо удалился, я упал на сиденье и разразился смехом. Амар тоже был рад, что перехитрил опытного европейского чиновника.

На перроне мне удалось прочитать телеграмму. Отправленная Анантой, она гласила: «Три бенгальских мальчика в английской одежде бежали из дома в Хардвар через Могхул Сераи. Задержите их, пожалуйста, до моего прибытия. Достаточное вознаграждение за услуги».

– Амар, я тебе говорил: не оставляй дома расписания с пометками, – я укоризненно посмотрел на него. – Брат, должно быть, нашел его там.

Друг покорно принял этот упрек. Мы ненадолго остановились в Барейли, где Дварка Прасад[25] ждал нас с телеграммой от Ананты. Мой старый друг доблестно старался нас задержать, но я уверял, что наш побег не был необдуманным. Как и в предыдущем случае, Дварка отказался от моего приглашения отправиться в Гималаи.

Когда наш поезд той ночью стоял на станции, я почти спал, а Амара разбудили расспросы другого чиновника. Он тоже стал жертвой чар «Томаса» и «Томпсона». К рассвету поезд торжественно доставил нас в Хардвар. Величественные горы заманчиво вырисовывались вдали. Мы промчались через вокзал и ощутили свободу лишь в городской толпе. Так как Ананта каким-то образом разгадал нашу маскировку под европейцев, первым делом было переодеться в местные одежды. Меня давило предчувствие провала нашего мероприятия.

Считая целесообразным как можно быстрее оставить Хардвар, мы купили билеты, чтобы не мешкая отправиться на север, в Ришикеш, – землю, давно освященную стопами моих учителей. Я уже сел в поезд, тогда как Амар медленно плелся по перрону. Оклик полицейского заставил его резко остановиться. Непрошеный страж отконвоировал нас в полицейский участок и наложил арест на все деньги. Он любезно объяснил, что его долг – задержать нас до прибытия Ананты.

Узнав, что целью беглецов были Гималаи, полицейский рассказал нам одну удивительную историю:

"Я вижу, вы сильно увлечены святыми! Вы никогда не встретите более замечательного божьего человека, чем тот, которого я видел вчера. Мой брат, тоже полицейский, и я впервые встретились с ним пять дней назад. Патрулируя город в районе Ганга, мы пытались выследить одного убийцу, которого приказано было схватить во что бы то ни стало живым или мертвым. Известно было, что для того, чтобы грабить паломников, он маскировался под садху. Невдалеке мы заметили человека, внешне походившего на описание преступника. Он проигнорировал команду остановиться, и мы бросились к нему, чтобы схватить силой. Подойдя сзади, я с большой силой ударил его палашем по руке. Правая рука была почти совсем отрублена. Не вскрикнув и даже не бросив взгляд на жуткую рану, незнакомец, к нашему изумлению, быстро шел вперед. Когда мы догнали его, зайдя спереди, он спокойно сказал:

25 [1]. Упоминается в гл.2

– Я не убийца, которого вы ищете.

Я был потрясен тем, что ранил божьего человека. Упав к его стопам, я умолял о прощении и предлагал свой тюрбан, чтобы остановить бьющую фонтаном кровь. Святой, доброжелательно взглянув на меня, сказал:

– Дитя, твою ошибку можно понять, иди и не укоряй себя. Возлюбленная Мать позаботится обо мне.

Он приложил болтающуюся руку к отрубленному месту, и – о, чудо! – она необъяснимым образом прикрепилась, а кровь перестала хлестать.

– Приходи ко мне через три дня вон под то дерево и увидишь, что я буду полностью исцелен. Тогда ты не будешь мучиться угрызениями совести.

Вчера мы с братом, горя от нетерпения, отправились к означенному месту. Садху был там и позволил осмотреть руку. На ней не было ни шрама, ни другого следа от раны! Он сказал:

– Я отправляюсь через Ришикеш в уединенные места в Гималаях.

Затем он, благословив нас, удалился. Я чувствовал, что моя жизнь возвысилась его святостью".

Свой рассказ полицейский закончил благочестивым возгласом. Этот случай явно подвигнул его далеко за пределы обычных для него глубин. Выразительным жестом он протянул вырезку из газеты, в которой, по обыкновению прессы, в искаженном, сенсационном виде, увы, не обошедшем стороной даже Индию, говорилось о чуде. Версия репортера была явно преувеличена, он говорил, что садху был почти обезглавлен!

Мы с Амаром пожалели, что не повстречали великого йога, способного простить, подобно Христу, своего истязателя. Индия, бедная материально в течении последних двух столетий, обладает, тем не менее, неисчерпаемым религиозным богатством. Духовные «небоскребы» могут встретиться даже обычным людям вроде этого служащего.

Мы поблагодарили полицейского, рассеявшего нашу печаль удивительным рассказом. Он, верно, считал себя гораздо удачливее нас, встретив озаренного святого без всяких усилий. Искание же нашего сердца закончилось, но не у стоп учителя, а в грубом полицейском участке!

– Так близко от Гималаев и вместе с тем пока в плену, меня вдвойне тянет на свободу. Давай ускользнем, когда представится случай. Мы можем пешком дойти до священного Ришикеша, – сказал я Амару, подбадривающе улыбаясь.

Но как только у нас отобрали верную денежную поддержку, мой спутник стал пессимистом:

– Если мы отправимся в поход через опаснейшие джунгли, то окажемся не в городе святых, а в желудке тигров!

Ананта и брат Амара прибыли через три дня. Амар встретил своего брата с радостным облегчением. Я был непреклонен, Ананта не добился ничего, кроме сурового укора.

– Я понимаю тебя, – утешающе сказал брат. – Прошу лишь, сопроводи меня до Бенареса, чтобы встретиться с одним святым, и съезди на несколько дней в Калькутту навестить опечаленного отца. Затем можешь возобновить поиски своего учителя.

В этот момент в беседу вступил Амар, чтобы отказаться от всякого намерения еще раз вернуться со мной в Хардвар. Он наслаждался семейным теплом. Но я знал, что никогда не оставлю поисков учителя.

Наша группа села в поезд на Бенарес, где я получил необычный немедленный ответ на мои молитвы.

Ананта заранее подготовил ловкий план. Прежде чем увидеться со мной в Хардваре, он остановился в Бенаресе, чтобы попросить одного авторитетного специалиста по Священным Писаниям побеседовать со мной позже. Этот пандид, а также его сын обещали отговорить меня от пути *саньясина* [[26]].

---

26 [2]. *Саньясин* – буквально – *самоотреченный* ; от санскритского глагольного корня – отвергать.

Ананта привел меня к ним домой. Сын, запальчивый молодой человек, приветствовал меня во дворе. Он занял меня длинными философскими рассуждениями, и заявил, что будучи ясновидцем, он знает мое будущее, в связи с чем не одобряет мою идею стать монахом.

– Тебе постоянно будут сопутствовать неудачи, ты будешь не в состоянии найти Бога, если станешь настаивать на уходе от обычных обязанностей. Ты не сможешь перебороть карму[[27]] без получения мирского опыта.

В ответ на уста мне явились бессмертные слова Кришны: «Даже если тот, у кого самая худшая карма, неустанно сосредотачивается на Мне, он быстро освободиться от последствий прошлых дурных действий. Становясь праведной душой, он скоро достигнет вечного спокойствия. Будь уверен: тот, кто Мне предан с полным доверием, никогда не умрет»[[28]].

Тем не менее предсказания молодого человека несколько поколебали мою уверенность. Со всем пылом своего сердца я тихо молился Богу:

«Пожалуйста, разреши замешательство и ответь мне здесь и сейчас, желаешь ли Ты, чтобы я вел жизнь отречения или мирского человека».

В то же время я заметил садху с благородными чертами, стоящего за оградой дома пандида. Видимо, он нечаянно услышал духовную беседу между мной и мнимым ясновидящим, ибо странник подозвал меня. Я ощутил великую силу, исходящую из его спокойных глаз.

– Сын, не слушай этого невежду. В ответ на молитву Господь сказал, чтобы я заверил тебя, что твой единственный путь в этой жизни – путь отречения.

С удивлением и признательностью услышав это, я счастливо улыбнулся.

– Отойди от этого человека! – сказал мне со двора «невежда».

Мой святой советчик поднял руку в благословении и медленно удалился.

– Этот садху такой же ненормальный, как и ты.

Это восхитительное замечание сделал убеленный сединами пандид. Он и его сын мрачно смотрели на меня.

– Я слышал, он тоже оставил дом в бездумных поисках найти Бога.

---

27 [3]. *Карма* – следствие прошлых действий в этой или какой-либо предшествующей жизни; от санскритского глагола *кри* – делать.

28 [4]. *Бхагавадгита* 9.30-31.

Я стою позади моего старшего брата Ананты

Я повернулся к Ананте и заявил, что более не намерен вступать в дальнейшие дискуссии с нашими хозяевами. Обескураженный брат согласился на немедленный отъезд. Вскоре мы сели на поезд до Калькутты.

– Мистер Детектив, как вы открыли, что я бежал с двумя помощниками? – живо полюбопытствовал я во время поездки домой. Ананта озорно улыбнулся:

"В твоей школе я узнал, что Амар вышел из класса и не вернулся. На следующее утро у него дома я нашел расписание поездов с пометками. Отец Амара, как раз собираясь уезжать в экипаже, жаловался кучеру:

– Мой сын не едет со мной сегодня утром в школу. Он исчез!

– Я слышал от брата, что ваш сын с двумя другими одетыми в европейскую одежду сел в поезд на железнодорожной станции Ховра, – ответил тот. – Они подарили ему свои кожаные туфли.

Таким образом, у меня было три ключа: расписание, трио мальчиков и европейская одежда".

Я внимал откровениям Ананты со смешанным чувством веселья и досады. Наша щедрость к извозчику была слегка неуместной!

"Конечно, я срочно дал телеграммы начальникам станций во все города, помеченные в расписании, – продолжал брат. – Амар отметил Барейли, и я отправил телеграмму твоему другу Дварке. Расспросив соседей, я узнал, что двоюродный брат Джатинда отсутствовал одну ночь, а на следующее утро вернулся в европейской одежде. Разыскав его, я пригласил на обед. Совершенно обескураженный дружескими манерами, он согласился. По пути я неожиданно завел его в полицейский участок. Его окружили несколько полицейских, подобранных заранее из-за свирепого вида. Под их грозными взглядами Джатинда согласился объяснить свое таинственное поведение:

– Я отправился в Гималаи в радостном расположении духа. Перспектива встречи с учителем исполняла меня вдохновением. Но когда Мукунда сказал, что при наших экстатических состояниях в гималайских пещерах тигры будут зачарованы настолько, что усядутся вокруг нас, как домашние кошечки, моя кровь застыла в жилах, капли ледяного пота проступили на лбу. – А что если, – подумал я, – ужасная натура тигров не изменится силой нашего духовного транса, встретят ли они нас с благожелательностью домашних кошек?" Умственным взором я уже видел себя невольным обитателем желудка какого-нибудь тигра, входящим туда не сразу всем телом, а частями!"

Мой гнев по поводу исчезновения Джатинды растворился в смехе. Веселое объяснение в поезде искупило все страдания, причиненные им мне. Я должен признаться в возникновении чувства некоторого удовлетворения: Джатинда тоже не избежал встречи с полицией!

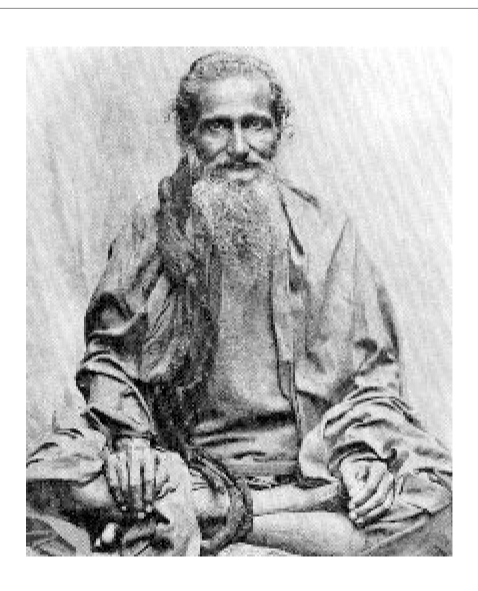
– Ананта[29], ты рожден быть ищейкой! – Моя веселость окрасилась легким раздражением. – А Джатинде я скажу, что рад, что им двигало не предательство, но, как оказалось лишь благоразумный инстинкт самосохранения.

Дома, в Калькутте, отец трогательно просил меня обуздать бродячие стопы, по крайней мере, до окончания средней школы. В мое отсутствие он с любовью вынашивал замысел, договорившись со святым пандидом свами Кебаланандой, чтобы тот регулярно заходил к нам домой.

Этот мудрец будет твоим репетитором по санскриту, – уверенно заявил родитель.

---

29 [5]. Я всегда обращался к нему Ананта-да; *да* – суффикс уважения, получаемый в индийской семье старшим братом от младших братьев и сестер.



Мой святой учитель санскрита Свами Кебалананда

Отец надеялся удовлетворить мою духовную жажду наставлениями ученого философа. Но он был разбит своим же собственным оружием: новый учитель, далекий от интеллектуального выхолащивания живой сути предмета, раздувал во мне тлеющие угольки жажды Бога. Отец не знал, что Свами Кебалананда был восторженным учеником Лахири Махасая. Несравненный гуру имел тысячи учеников, безмолвно влекомых к нему его неодолимым божественным магнетизмом. Позже я узнал, что Лахири Махасая часто характеризовал Кебалананду как *риши* , или озаренного мудреца[30].

Роскошные вьющиеся волосы обрамляли красивое лицо моего репетитора. Его темные глаза были простодушны и по-детски ясны. Все движения нежного тела были отмечены спокойной неторопливостью. Всегда ласковый и любящий, он прочно утвердился в Бесконечном Сознании. Многие часы, проведенные вместе, прошли в глубокой крия медитации.

Кебалананда был известным авторитетом в древних *шастрах* , или священных книгах: его эрудиция снискала ему имя *Шастри Махасая* , с которым к нему обычно обращались. Но мой прогресс в изучении санскрита не был заметен. Я искал любого удобного случая, чтобы забросить прозаическую грамматику и поговорить о йоге и Лахири Махасая. Репетитор однажды сделал мне подарок, рассказав кое-что из собственной жизни с учителем:

"Я был на редкость счастлив, у меня была возможность в течение десяти лет оставаться близ Лахари Махасая. Его бенаресский дом был целью еженощного паломничества. Гуру всегда находился в маленькой передней гостиной не первом этаже. Когда он сидел в позе лотоса на деревянном стуле без спинки, ученики полукругом окружали его. Глаза его веселились и искрились в божественной радости[31]. Они всегда были полузакрытыми, всматривающимися через внутреннее всевидящее око в сферы вечного блаженства. Он редко говорил пространно. Изредка взгляд его фокусировался на ученике, нуждающемся в

---

30 [6]. В то время Кебалананда еще не присоединился к Ордену Свами и его звали Шастри Махасая. Однако, чтобы избежать путаницы с именами Лахири Махасая, Бхадури Махасая (глава 7) и учитель Махасая (глава 9), я упоминаю репетитора по санскриту под его более поздним монашеским именем – свами Кебалананда. Его биография недавно опубликована на бенгали. Он родился в Кхулне, штат Бенгалия, в 1863г. Кебалананда оставил тело в Бенаресе в возрасте шестидесяти восьми лет. Его имя в семье было Ашутош Чаттерджи.

Махасая – исполненный уважения религиозный титул, означающий «великий возвратитель». (*Маха* – великий, *сая* – обращенный внутрь, идущий к покою).

31 [7]. Поскольку истинная природа Бога – блаженство, поклоняющийся, приведенный в созвучие с Ним, испытывает исконную беспредельную радость.

помощи, исцеляющие слова лились тогда подобно потоку света.

Непередаваемое чувство покоя возникало от одного лишь взгляда учителя, меня наполнял его аромат, лившийся как из лотоса бесконечности. Быть с ним, даже не обменявшись ни одним словом, было счастьем, преобразовывавшим все мое существо. Если на пути сосредоточения возникал какой-либо незримый барьер, я, бывало, медитировал у ног гуру. Там легко схватывались самые тонкие состояния. Такие прозрения ускользали в присутствии других, меньших учителей. Лахири Махасая был живым храмом Бога, чьи тайные врата открывались всем преданным ученикам.

Учитель не был педантичным толкователем Писаний, без усилий заглядывая в «божественную библиотеку». Слова и мысли мощной струей били из фонтана всеведения, у него был чудесный ключ, открывавший глубокое философское учение, скрытое много веков назад в *Ведах* [[32]]. Если его просили разъяснить различные планы сознания, упоминаемые в древних текстах, он соглашался улыбаясь: «Я пройду эти состояния и спустя немного времени расскажу вам, что чувствую». Таким образом, он был диаметрально противоположен учителям, заучивавшим на память Священные Писания, а затем провозглашавшим непрочувствованные абстракции.

«Пожалуйста, понимайте святые строфы по мере того, как их смысл приходит к тебе, – молчаливый гуру часто давал такое указание сидящему близко ученику. – Я буду направлять твой ум так, чтобы понимание было вернее». – Таким образом, многие осознания, воспринимаемые при помощи Лахири Махасая, оказались записанными разными учениками с обширными комментариями.

Учитель никогда не советовал верить рабски. «Слова – это только шелуха, – говорил он, – обретайте уверенность в божьем присутствии через собственный радостный контакт в медитации». Какова бы ни была проблема у ученика, гуру советовал для ее разрешения *крия-йогу* : "Йоговский ключ не утратит эффективности и тогда, когда я более не буду присутствовать в теле, чтобы направлять вас. Эта техника не может быть спрятана в переплет книги, отложена и забыта, подобно теоретическим идеям. Неустанно следуйте своим путем к освобождению через *крия* , чья сила кроется в практике".

Я сам считаю *крию* самым эффективным средством спасения собственными усилиями из когда-либо использовавшихся в человеческих поисках Бесконечного. Благодаря ее применению всемогущий Бог, скрытый во всех людях, зримо воплотился в теле Лахири Махасая и его учениках".

Христоподобное чудо, совершенное Лахири Махасая, произошло в присутствии Кебалананды. Мой святой репетитор рассказал однажды эту историю, и мысли его были далеко от лежавших перед нами на столе санскритских текстов.

"Один слепой ученик, по имени Раму, вызывал у меня большое сострадание. Неужели ему не видеть света, когда он так преданно служит учителю, в котором в полную силу светилось божество? Однажды утром я хотел поговорить с Раму, но он терпеливо сидел часами, обмахивая гуру *панкха* [[33]]. Когда почитатель учителя наконец вышел из комнаты, я последовал за ним.

– Раму, давно ли ты слеп? – спросил я.

– Я слеп от рождения, сэр! Глаза мои никогда не имели счастья видеть хотя бы

32 [8]. К настоящему времени сохранилось более ста канонических книг, входивших в четыре древние *Веды* . В своем *Журнале* Эмерсон отдал должное ведической мысли: «Это – величественно, как теплая ночь в безмолвном океане. Там содержится все религиозное чувство, вся великая этика, которая по очереди посещает каждый благородный ум... Бесполезно откладывать книгу; если я верю себе в лесу или в лодке на пруду, природа делает из меня теперь брахмана: вечная необходимость, вечная компенсация, неизмеримая сила, ненарушаемое безмолвие... Это ее вероучение. Мир, говорит она мне, и чистота, и абсолютное отречение – эти панацеи искупают весь грех и приводят вас к блаженству Восьми Богов».

33 [9]. *Панкха* – опахало, сделанное из пальмового листа.

проблеска солнца.

– Наш всемогущий гуру может помочь тебе. Пожалуйста, попроси его.

На следующий день Раму неуверенно приблизился к Лахири Махасая. Ученик почти стыдился просьбы, касающейся того, чтобы к его духовному сверхбогатству приблизилось богатство физическое.

– Учитель, в вас Озаритель Космоса. Молю ввести Его свет в мои глаза, чтобы я различил меньший свет солнца.

– Раму, кто-то потворствовал тому, чтобы поставить меня в неловкое положение, – ответил учитель. – Я не обладаю способностью исцелять.

Раму настаивал:

– Сэр, Бесконечный Единый в вас несомненно может исцелять.

– Это другое дело, Раму. Для Бога нет границ! Тот, Кто зажигает звезды и клетки плоти таинственной лучезарностью жизни, конечно, может ввести в твои глаза блеск света. – учитель коснулся лба Раму в точке между бровями[[34]]. – Удерживай свой разум сосредоточенным и в течении семи дней часто распевай имя пророка Рамы[[35]]. Для тебя особо засияет заря солнечного великолепия.

О чудо! Через неделю так и случилось. Впервые Раму увидел прекрасный лик природы. Всеведущий Единый безошибочно направил ученика, наказав повторять имя Рамы, любимого им более всех других святых. Вера в Раму была почвой, вспаханной благочестием, в которой могучее семя учителя пустило росток, – семя неизменного исцеления".

Кебалананда на мгновение умолк, затем воздал дань почитания учителю:

"Во всех чудесах, совершенных Лахири Махасая, было очевидно, что он никогда не позволял *эго-принципу* [[36]] считать себя причинной силой. Путем совершенной самоотдачи во власть *первичной целящей силы* учитель давал Ей возможность свободно течь через него.

Многочисленные тела, удивительно исцеленные благодаря Лахири Махасая, в

---

34 [10]. Местонахождение «единого», или духовного, глаза. При наступлении смерти сознание человека обычно привлекается к этому святому месту, чем объясняется поворот глаз вверх у мертвых.

35 [11]. *Рама* – центральная священная фигура санскритского эпоса *Рамаяна* .

36 [12]. Эго-принцип – *ахамкара* (буквально – я делаю) – является основной причиной дуализма или кажущегося разделения между человеком и его Творцом. *Ахамкара* приводит человеческое существо под власть *майи* (космической иллюзии), вследствие которой субъект (*эго*) ложно выступает как объект, это приводит к тому, что творения воображают себя творцом (См. сноски в гл.5 и 30, а также текст в гл. 30).

«Не свершаю я действий» – пусть йогин,
суть познав, так всегда помышляет -
обоняя, дыша, ощущая,
испражняясь, ходя, засыпая.
Говоря иль хватая рукою,
видя, слыша, глазами моргая,
он во всех этих действиях видит
лишь вращение чувств в предметах...
Тот, кто видит, что действия, *Партха* ,
совершает лишь *пракрити* всюду,
и кто *Атман* лишь в недеянье
созерцает, – тот истинно видит...
Пребывая всей твари владыкой,
нерожденным, нетленным, вечным,
Я внутри Мне подвластной природы
своей майей Себя рождаю...
Состоит ведь из гун моя *майя* :
одолеть ее, дивную, трудно;
но кто ищет Меня всей душою,
тот ее позади оставляет.

Бхагавадгита , соответственно: 5, 8-9; 13, 29; 4, 6; 7, 14.

конечном счете должны были стать пищей для огня кремации. Но его непреходящими чудесами являются безмолвные духовные пробуждения и формирование Христоподобных учеников".

Я так никогда и не стал санскритологом. Свами Кебалананда научил меня грамматике более божественной.

Глава 5. «Благоухающий святой» показывает чудеса

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом»[37].

Эта мудрость Соломона меня не утешила; везде я искал предназначенного гуру. Но пока я не окончил школу, наши пути не пересеклись.

Два года прошли со дня нашего с Амаром побега в Гималаи, приблизив великий день, когда появился Шри Юктешвар. За это время я встречал многих мудрецов: «Благоухающего святого», свами Тигра, Наджендру Нат Бхадури, учителя Махасая и известного бенгальского ученого Джагдиша Чандра Боса.

К моей встрече с «Благоухающим святым» было два «предисловия»: одно – гармоничное, а другое – комическое.

– Бог прост. Все иное – сложно. Не ищи абсолютных ценностей в относительном мире природы – эти философские высказывания тихо проникали в ухо, когда я молча стоял в храме перед изображением Кали. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с высоким человеком, чье одеяние, вернее его отсутствие, выдавало в нем странствующего садху.

– Воистину, вы проникли в путаницу моих мыслей, – приветливо улыбнулся я. – Смешение милостивого и ужасающего аспектов в природе, символизируемое Кали, ставило в тупик более мудрые головы, чем моя!

– Не многие разгадали Ее тайну! Добро и зло – это загадка, бросающая вызов, которую жизнь, подобно сфинксу, ставит перед всеми умами. Никак не пытаясь разгадать ее, многие платят своей жизнью – точно так же, как это было и во времена Фив. Но вот то там, то тут возвышается одинокая фигура, отказывающаяся сдаваться перед этой загадкой. У *майи* [38] – двойственности – он отбирает цельную истину единства.

– Вы говорите убедительно, сэр.

– Я долго практиковал честный самоанализ – остро болезненный способ постижения истины. Исследование себя, неослабное наблюдение за собственными мыслями – это сильный и разрушающий опыт. Он в порошок дробит самое стойкое эго. Но истинный самоанализ, творя провидцев, действует математически. Метод «выражения» себя, признания другими создает в результате эгоцентристов, уверенных в праве на личные толкования Бога и вселенной.

– Истина смиренно удаляется перед такой высокомерной оригинальностью. – Беседа доставляла мне удовольствие. Садху продолжал: – Человек не сможет понять вечных истин, пока не освободится от претензий. Человеческий ум, открытый для многовековой грязи, изобилует омерзительным скопищем несчастных мирских заблуждений. Бои на полях сражений бледнеют, ибо ничтожны в сравнении внутренними врагами! Их не победить никакой сверхсилой! Вездесущий, неугомонный, вечно за чем-то гоняющийся человек даже во сне искусно оснащен вредным оружием. Эти солдаты невежественных вожделений стремятся убить всех нас – безрассуден человек, зарывающий в землю идеалы, предаваясь уделу большинства. Не кажется ли он немощным, тупым, бесчестным?

37 [1]. *Екклесиаст* 3.1

38 [2]. *Майя* – космическая иллюзия, буквально – измеритель. *Майя* – это магическая сила творения, благодаря которой ограничения и разделения кажутся присутствующими в *неизмеримом* и *неделимом* .

– Уважаемый сэр, у вас нет никакого сострадания к сбитым с толку народным массам?

Мудрец на мгновение смолк, затем уклончиво ответил:

– Любить одновременно и незримого Бога – вместилище всех добродетелей, и зримого человека, явно не обладающего ничем, – часто затруднительно. Но искусность равносильна лабиринту. Внутреннее исследование быстро раскрывает единство всех умов – прочное сродство эгоистических побуждений. По крайней мере, в одном этом отношении обнаруживается братство человечества. Ошеломляющее смирение сопровождает это уравнивающее открытие. Оно вызревает в сострадание к собратьям, слепых относительно целительных потенций души, ожидающей исследования.

– Святые всех веков чувствовали, подобно вам, горести мира.

– Только мелкий человек теряет ответственность за несчастья других, замкнувшись в собственном узком страдании, – суровое лицо садху заметно смягчилось. – Тот, кто практикует рассечение себя скальпелем, узнает расширение вселенского сострадания. Ему даруется освобождение от оглушающих требований эго. Любовь Господа расцветает на такой почве. Создание в конце концов обращается к своему Творцу, если и не по иной причине, то хотя бы для того, чтобы вопросить с болью: «Почему, Господи, почему?» Через боль, под позорными ударами хлыста человек, наконец, приходит к Бесконечному Присутствию, чья красота только и должна привлекать его.

Мудрец и я находились в калькуттском храме Калигхат, куда я пришел взглянуть на его прославленное великолепие. Широким жестом мой случайный собеседник как бы разрушил его:

– Кирпичи и известковый раствор ни о чем не говорят, сердце открывается лишь в ответ на человеческую песнь бытия.

Мы брели к манящему сиянием солнцу у входа, где группами расхаживали почитатели Господа.

– Ты молод, – мудрец задумчиво оглядел меня. – Индия тоже молода. Древние риши[39] создали нетленные образы духовной жизни. Их древние изречения созвучны нашему времени и этой стране. Не устаревшие и неуязвимые перед ухищрениями материализма, дисциплинирующие наставления все еще хранят Индию. Приходившие в замешательство в течение тысячелетий, ученые могут дерзнуть вычислить: скептическое Время подтвердило ценность Вед! Возьми это в наследство.

Когда я почтительно прощался с красноречивым садху, он проявил себя ясновидцем:

– Сегодня, после ухода отсюда, ты столкнешься с необычным опытом.

Покинув окрестности храма и бесцельно бредя, завернув за угол, я наткнулся на старого знакомого, одного из тех собратьев, чья способность поговорить пренебрегает всякими понятиями о времени и объемлет вечность.

– Я тебя быстро отпущу, – сказал он, – если ты мне расскажешь все, что случилось за годы нашей разлуки.

– Вот парадокс! А я должен тебя сейчас оставить.

Но он вцепился в меня руками, стараясь выдавить новости. В голове пролетела забавная мысль, что он напоминает голодного волка: чем больше я рассказываю, тем более жадно он вынюхивает новости. Про себя я молил богиню Кали изобрести приличный способ исчезнуть.

Мой собеседник внезапно ушел. Я вздохнул с облегчением и прибавил шагу, опасаясь рецидива лихорадки говорливости. Услышав сзади нагоняющие меня шаги, я пошел еще быстрее, не смея оглянуться. Но юноша одним прыжком настиг меня, обняв за плечи.

– Я забыл сказать тебе о Гандха Баба («Благоухающем святом»), удостаивающем своим присутствием вон тот дом. Познакомься с ним, он интересен. Ты можешь столкнуться с необычным явлением. Прощай. Указав на жилище в нескольких метрах от нас, он

39 [3]. *Риши* – буквально – пророки, провидцы; в бесконечно глубокой древности были авторами *Вед* .

действительно оставил меня.

В уме мелькнуло предсказание садху в храме Калигхат, выраженное почти теми же словами. Явно заинтригованный, я направился к дому, где был введен в просторную гостиную. На толстом ковре оранжевого цвета по-восточному сидело много людей. До моих ушей донесся благоговейный шепот:

– Вот на леопардовой шкуре Гандха Баба. Он может наделить все не обладающее никаким запахом естественным ароматом любого цветка, оживить увядающий цветок или заставить кожу человека издавать восхитительный аромат.

Я посмотрел прямо на святого, его быстрый взгляд остановился на мне. Он был полный, бородатый, со смуглой кожей и большими светлыми глазами.

– Сын мой, я рад тебя видеть. Скажи, чего ты хочешь. Тебе, наверное, нравится какой-нибудь запах?

– Для чего? – Его замечание показалось мне несколько наивным.

– Чтобы испытать чудесное наслаждение благоуханиями.

– Заставляя Бога творить запахи?

– Что из того? Бог создает благоухания так или иначе.

– Да, но лепит хрупкие флаконы лепестков для употребления, когда они свежи, а когда увянут – их выбрасывают. Вы можете материализовать цветы?

– Да. Но обычно я вызываю благоухания, мой маленький друг.

– Фабрики духов разоряться.

– Я позволю им заниматься своим ремеслом! Моей целью является демонстрация силы Бога.

– Сэр, разве нужно доказывать Бога? Разве не делает Он чудеса всегда и везде?

– Да, но мы тоже должны проявлять некоторые из Его бесконечно разнообразных творческих замыслов.

– Сколько времени вам потребовалось, чтобы овладеть этим искусством?

– Двенадцать лет.

– На изготовление духов астральными средствами? Мне кажется, мой почтенный святой, вы потратили дюжину лет на ароматы, которые можно за несколько рупий приобрести в цветочном магазине.

– Ароматы увядают с цветами.

– Ароматы увядают со смертью. Почему я должен желать то, что нравится только телу?

– Мистер философ, ты мне нравишься. Ну-ка вытяни правую руку. – Он сделал жест благословения.

Я был в нескольких футах от Гандха Баба, никого другого не было настолько близко, чтобы соприкоснуться со мной. Я протянул руку, до которой йог даже не дотронулся.

– Какого запаха тебе хочется?

– Розы.

– Да будет так. К моему великому удивлению, от центра моей ладони сильно запахло чарующим ароматом розы.

Через минуту я взял из стоящей вблизи вазы большой белый цветок без запаха.

– Можно этот не пахнущий цветок пропитать запахом жасмина?

– Да будет так.

От лепестков мгновенно повеяло ароматом жасмина. Я поблагодарил чудотворца и сел рядом с одним из его учеников. Он сообщил мне, что Гандха Баба, настоящее имя которого было Вишудхананда, научился многим изумительным йоговским секретам у одного учителя в Тибете. Тибетский йог, уверял он меня, достиг возраста свыше тысячи лет.

– Его ученик, Гандха Баба, не всегда совершает ароматные чудеса таким простым, буквальным образом, как ты сейчас видел, – ученик говорил с явной гордостью за учителя. – Его методика весьма разнообразна в соответствии с разницей темпераментов. Он удивителен! Среди его последователей имеется много интеллигенции живущей в Калькутте.

Я решил не присоединяться к их числу. Гуру, «удивительный» слишком буквально, был мне не по вкусу. Вежливо поблагодарив Гандха Баба, я удалился, шагая в направлении дома и раздумывая о трех разных неожиданных встречах этого дня.

В дверях нашего дома меня встретила Ума:

– Ты становишься довольно элегантным, пользуясь духами!

Не говоря ни слова, я предложил ей понюхать мою руку.

– Какой приятный аромат розы! Он необычно силен!

Подумав, что он «сильно необычен», я тихо поднес к ее носу астрально пахнущий цветок.

– О, я люблю запах жасмина! – Она взяла цветок. Забавное недоумение отразилось на ее лице, потянув несколько раз носом, она ощутила запах жасмина от такого цветка, который вообще не должен его иметь. Ее реакция рассеяла мои сомнения в том, что Гандха Баба, возможно, вызывал состояние внушения, вследствие чего один я мог ощущать запахи.

Позже я слышал от одного друга, Алакананды, что «Благоухающий святой» иногда демонстрировал одно достижение; мне бы хотелось, чтобы миллионы людей, умирающих от голода обладали им. "Я был в доме у Гандха Баба в Бурдване с сотней других гостей, – рассказывал он мне. – Был праздник. Поскольку этого йога считали способным к материализации предметов просто из воздуха, я в шутку попросил его произвести несколько мандаринов, сезон которых уже прошел. Сейчас же *лючи* [[40]], лежавшие на банановых листьях, стали вздуваться. В каждом хлебце оказалось по очищенному мандарину. С некоторой тревогой я надкусил свой мандарин, но нашел его восхитительным".

Спустя годы я пришел к пониманию, как совершал Гандха Баба материализации. Метод этот, увы, вне сферы достижения голодных мирских масс.

Различные раздражители, на которые у человека реагирует осязание, зрение, вкус, слух и обоняние, производятся благодаря преобразованиям вибраций атомов. Они же, в свою очередь, регулируются *праной – жизнетронами* , тонкими жизненными силами, более тонкими, чем атомные, разумно заряженными пятью характерными чувствительными идейными субстанциями.

Гандха Баба, приводя себя в соответствие с пранической силой, благодаря некоторой йоговской технике, был в состоянии управлять *жизнетронами* , перестраивая их вибраторную структуру для получения желаемого результата. Производимые им ароматы, фрукты и прочие чудеса фактически были материализациями земных вибраций, а не гипнотически вызванными внутренними ощущениями.

Гипноз применяется врачами при некоторых хирургических вмешательствах как психический хлороформ для тех, кому анестезия может повредить. Но гипнотическое состояние вредно при частом применении, его результатом является отрицательный эффект – разрушение со временем психики. Гипноз – это нарушение границ, посягательство на территорию сознания другого[[41]]. Его временные достижения не имеют ничего общего с чудесами, совершаемыми людьми божественного сознания. Бодрствующие в Боге подлинные святые производят изменения в этом призрачном мире посредством воли, гармонично согласованной с Творческим Космическим Мечтателем[[42]].

40 [4]. *Лючи* – плоский круглый индийский хлеб.

41 [5]. Изучение сознания западными психологами чаще всего ограничивается исследованием подсознания и душевными болезнями, лечением которых занимается психиатрия и психология. Имеется незначительное количество исследований происхождения и формирования основных нормальных психических состояний и их эмоциональных и волевых выражений – истинно основной предмет, не игнорируемый в индийской философии. В системах *санкхья* и *йога* даются точные классификации различных связей, в нормальных умственных модификациях и характерных функций *буддхи* (тонкий интеллект), *ахамкары* (принцип эго) и *манаса* (ум, или сознание ощущений).

42 [6]. Вселенная представлена в каждой из ее частичек. Все произведено из одного сокрытого материала. Мир вмещается в капле росы... Истинная доктрина вездесущности заключается в том, что Бог проявлен

Делать чудеса – такие, как показывал «Благоухающий святой», – эффектно, но духовно бесполезно. Добиться незначительной цели ради развлечений – это отклонения от серьезных поисков Бога.

Показное хвастовство необычными силами открыто осуждается учителями. Персидский мистик Абу Саид однажды высмеял некоторых *факиров* [43], кичившихся чудесными воздействиями на воду, воздух и пространство: «Лягушка в воде находится в своем доме! – с легкой насмешкой сказал Абу Саид. – Вороны и грифы легко летают в воздухе, дьявол одновременно пребывает на Востоке и на Западе! Настоящий человек – тот, кто живет в праведности среди собратьев, кто покупает и продает, но тем не менее никогда ни на один миг не забывает о Боге!»[44]

В другом случае великий персидский учитель так изложил взгляды на религиозную жизнь: «Выбросьте из головы все эгоистичные желания и амбиции и даруйте свободно то, что в руках, и никогда не отступайте от ударов напастей!»

Ни беспристрастный мудрец в храме Калигхат, ни обученный в Тибете йог не удовлетворили моего стремления найти гуру. Сердце мое не нуждалось в наставнике, требующем признания и возгласов «браво!». Когда я, наконец, повстречал учителя, он научил меня измерять настоящего человека только величием примера.

Глава 6. Свами Тигр

– Я узнал адрес свами *Тигра* . Давай навестим его завтра.

Это приятное предложение исходило от Чанди, одного из школьных друзей. У меня

целиком и во мхе, и в паутине – Эмерсон в *Компенсации* .

43 [7]. *Факир* – мусульманский аскет.

44 [8]. «Покупать и продавать, но никогда не забывать Бога!» Идеал состоит в том, что рука и сердце действуют в гармоничном единстве. Некоторые писатели на Западе говорят, что цель индусов – робко *устраниться* от жизни, от общества, быть бездеятельными. Однако четырехкратный ведический план жизни человека хорошо сбалансирован для большинства с посвящением первой половины периода – обучению и домашним обязанностям, второй половины – практике созерцаний и медитаций (см. сноску в гл. 27).

Чтобы укрепиться в истинном Я, необходимо уединение, но затем учителя возвращаются в мир, чтобы служить ему. Даже те святые, которые не заняты никакой внешней работой, все равно через ум вносят святые вибрации – более драгоценный вклад в мир, чем может дать самая энергичная деятельность непосвященного человека. Великие, каждый по-своему, часто наталкиваясь на горькое сопротивление, самоотверженно стараются вдохновить и поднять собратьев. Ни один религиозный или общественный идеал индуса не бывает просто отрицательным. *Ахимса* – ненанесение вреда – называется сакало *дхармой* (совершенная добродетель), в *Махабхарате* оно является положительным предписанием, так как эта концепция заключена в том, что тот, кто не помогает другим, так или иначе вредит им.

Бхагавадгита 3.4-8 указывает, что деятельность неотделима от самой природы человека. Леность – это просто «неправильная деятельность».

Человек, отвергающий действия,
никогда не придет к недеянью:
ведь сама по себе отрешенность
к совершенству его не приводит.
Три природой рожденные *гуны*
понуждают всех тварей к деяньям.
Потому – человек ни мгновенья
в недеянье пробыть не сможет...
Совершай неизбежное действие,
оно лучше бездействия, *Партха* :
ведь и тело твое погибнет,
коль от действий ты отрешишься.

было горячее желание встретиться со святым, который до принятия монашества ловил тигров и сражался с ними голыми руками. Я испытывал сильный мальчишеский восторг перед такими замечательными подвигами.

Утро следующего дня было по-зимнему холодным, но мы с Чанди весело отправились в путь. После долгих тщетных поисков в Бхованипуре, расположенном за Калькуттой, мы пришли к нужному дому. На двери было два металлических звонка, в которые я пронзительно позвонил. Несмотря на шум, слуга приблизился неторопливой походкой. Его ироническая улыбка намекала на то, что шумные посетители бессильны нарушить покой дома святого.

Ощутив молчаливый упрек, мы с товарищем выразили большую признательность за приглашение в гостиную. Наше долгое ожидание там вызвало опасения. Неписанный закон Индии для искателя истины – терпение; учитель мог намеренно испытывать искренность порыва встречи с ним. Это психологическое правило широко применяется на Западе докторами и зубными врачами!

Наконец слуга позвал нас, и мы вошли в спальню. Знаменитый свами Сохонг[45] сидел на помосте. Вид его огромного тела подействовал на нас странным образом. Мы стояли с вытаращенными глазами, не говоря ни слова. Никогда ранее нам не приходилось видеть такой грудной клетки и таких бицепсов, походивших на футбольный мяч. Свирепое, но спокойное лицо свами украшали борода и усы, на необъятной шее лежали ниспадающие волосы. В темных глазах было что-то одновременно и от голубя, и от тигра. Он был раздет, если не считать тигровой шкуры, обвивающей его мускулистую талию.

Обретя дар речи, я и Чанди приветствовали монаха, выразив восхищение его отвагой на необычной арене семейства кошачьих.

– Не расскажете ли вы нам, как можно голыми руками одолеть самого лютого зверя джунглей – бенгальского тигра?

– Дети мои, мне ничего не стоит драться с тиграми. Если нужно, я могу сделать это хоть сегодня, – он по детски улыбнулся. – Вы считаете тигров тиграми, а для меня они домашние кошечки.

– Свамиджи, я думаю, что мог бы внушить своему подсознанию мысль, что тигры – это домашние кошечки, но разве можно заставить поверить в это тигра?

– Разумеется, сила тоже необходима. Нельзя ожидать победы от младенца, вообразившего, что тигр – это домашняя кошечка! Мое надежное оружие – это могучие руки!

Мы проследовали за ним во внутренний дворик, где он ударил по краю стены. Один кирпич с грохотом свалился на пол. Через зияющее пространство выбитого зуба стены четко проглядывало небо. Я был потрясен. «Тот, кто мог одним ударом выбить скрепленный известковым раствором кирпич из прочной стенной кладки, – подумал я, – конечно, способен выбить тигру зубы!»

– Многие обладают такой же силой, но им не хватает хладнокровия. Крепкие телом, но не духом, падают в обморок от одного лишь вида дикого зверя, разгуливающего свободно в джунглях. Тигр по свирепости в своей естественной среде значительно отличается от накормленных опиумом цирковых животных. Такой же силой Геракла обладали многие, тем не менее при нападении бенгальского тигра от страха впадали в жалкое, беспомощное состояние. Воздействуя таким образом, тигр делает людей столь же бессильными, как домашних кошечек. Но человек, обладающий достаточно сильным телом и бесконечно сильной волей, может поменяться с тигром ролями и заставить его почувствовать себя беспомощным, как домашняя кошечка. Как часто именно так я и делал!

Я был почти готов поверить, что этот титан передо мной был в состоянии осуществить метаморфозу: тигр – кошечка. Казалось, он был настроен говорить. Чанди и я почтительно

45 [1]. *Сохонг* было его монашеское имя. Однако всем он был известен как *свами* Тигр.

слушали.

– Разум – властелин мышц. Сила удара молота зависит от прилагаемой энергии. Мощь, проявляемая в теле человека, зависит от его настойчивой воли и мужества. Тело буквально создается и поддерживается разумом. Вследствие давления инстинктов из прошлых жизней сила или слабость просачиваются в человеческое сознание. Они выражаются в привычках, которые, в свою очередь, проявляются в теле как желательное или нежелательное состояние. Внешняя бренность имеет умственное происхождение. В порочном круге тело, связанное привычками, расстраивает разум. Если хозяин позволяет командовать собой слуге, то слуга становится хозяином. Аналогичным образом порабощается разум, подчиняясь диктатуре тела.

По нашей просьбе удивительный свами согласился рассказать кое-что о своей жизни:

– Предметом моих ранних желаний было сражаться с тиграми. Воля у меня была могучая, но тело хилое.

У меня вырвался возглас удивления. Казалось невероятным, чтобы этому человеку с плечами Атланта когда-либо была знакома слабость.

– Это благодаря постоянной стабильности мыслей о здоровье и силе я превозмог немощь. Я имею все основания превозносить непреодолимую силу разума, являющегося, как я убедился, подлинным покорителем и бенгальских тигров.

– Считаете ли вы, почтенный свами, что и я мог бы когда-нибудь сражаться с тиграми? – Это был единственный раз, когда причудливое честолюбие посетило меня.

– Да, – улыбнулся он. – Но тигры бывают разные, некоторые из них бродят в джунглях человеческих страстей. Оттого, что колотят бессознательных зверей, нет никакой духовной пользы. Побеждать лучше зверей внутренних.

– Не расскажите ли вы нам, сэр, как из укротителя диких тигров вы превратились в укротителя дикий страстей?

Свами Тигр впал в молчание, взгляд стал отсутствующим, вызывая видения прошлых лет. Я заметил некоторую внутреннюю борьбу в нем: решиться ли удовлетворить мою просьбу? Наконец он улыбнулся в молчаливой покорности.

"Когда моя слава достигла зенита, она вызывала опьянение гордыней. Я решил не только сражаться с тиграми, но и демонстрировать их в разных трюках. Честолюбие желало заставлять диких зверей вести себя подобно домашним. Я стал вершить подвиги публично с доставляющим удовольствие успехом.

Однажды вечером ко мне в комнату в задумчивости вошел отец и сказал:

– Сын, я должен предостеречь тебя. Мне хотелось бы спасти тебя от будущих несчастий, производимых жерновами причин и следствий.

– Отец, разве ты фаталист? Следует ли позволять ослаблять стремительный поток моей деятельности из-за предрассудков?

– Я не фаталист, сынок, – ответил отец. – Но я верю в беспристрастный закон возмездия, как тому учат Священные Писания. В семье джунглей зреет против тебя обида. Когда-нибудь тебе придется поплатиться за это.

– Отец, ты меня удивляешь! Ты хорошо знаешь, что тигры – красивые, но безжалостные животные! Кто знает, может быть, мои удары вбивают некоторое здравомыслие в их тупые головы? Я – директор лесной воспитательной школы, обучающей обитателей хорошим манерам! Отец, пожалуйста, считай меня укротителем тигров, но ни в коем случае не убийцей. Как мои добрые дела могут навлечь беду? Прошу, не пользуйся своей властью, чтобы изменить мою жизнь".

Чанди и я были все внимание, понимая эту дилемму прошлого. В Индии детям нелегко ослушаться воли родителей. Свами Тигр продолжал:

"В стоическом молчании отец выслушал мое объяснение. Затем последовало откровение, произнесенное мрачным тоном:

– Сын, ты вынуждаешь передать зловещее предостережение одного святого,

приходившего ко мне вчера, когда я был в медитации. Он сказал: «Дорогой друг, я пришел с вестью для твоего воинственного сына. Пусть прекратит дикую деятельность, иначе его следующая встреча с тигром закончится тяжкими ранами и смертельной слабостью в течение шести месяцев. Тогда уж он непременно откажется от прежних привычек и станет монахом».

Рассказ этот не произвел на меня впечатления. Я считал, что отец стал доверчивой жертвой заблуждения фанатика".

Свами Тигр сделал это признание с жестом нетерпения, как если бы это была какая-то глупость. Наступило долгое жуткое молчание, казалось, что он забыл о нашем присутствии. Внезапно приглушенным голосом он вновь принялся за прерванную нить рассказа:

"Немного спустя после отцовского предостережения я посетил столицу Куч Бихара. Живописный край был для меня новым, и я ожидал успокоительной перемены. Как и повсюду, по улицам меня сопровождали группы любопытных жителей города, от которых доносились обрывки шепота: «Это тот самый человек, который сражается с дикими тиграми». «У него ноги или стволы деревьев?». «Взгляни на его лицо! Он, должно быть, воплощение самого царя тигров!».

Вы знаете, что деревенские ребятишки действуют подобно последнему выпуску газет. С какой скоростью понеслись затем от дома к дому сводки устного телеграфа женщин! За несколько часов моего присутствия весь город пришел в состояние возбуждения.

Вечером, спокойно отдыхая, я вдруг услышал цокот копыт скачущих галопом коней. Они остановились прямо перед моим жильем. Вошли несколько высоких полицейских с тюрбанами на головах. Я был ошеломлен. «Для этих ставленников человеческого закона все возможно, – подумал я. – Интересно, не собираются ли они дать мне нагоняй за дела, о которых я не имею никакого представления?» Однако полицейские поклонились с необычайной почтительностью:

– Уважаемый сэр, нас послали приветствовать вас от имени раджи Куч Бихара. Он рад пригласить вас к себе во дворец завтра утром.

На некоторое время я задумался над этой перспективой. Оттого, что мое спокойное путешествие таким образом прервалось, по какой-то непонятной причине возникло ощущение острого сожаления. Однако вежливая манера полисмена меня тронула, и я согласился.

На другой день я был смущен помпезным эскортом от самых дверей. Мне подали великолепную карету, запряженную четверкой коней, слуга держал надо мной богато украшенный зонт, защищающий от палящего солнца. Я наслаждался приятной поездкой по городу и лесистым окрестностям. Царский отпрыск сам вышел к воротам дворца для приветствия. Предложив собственное обитое золотой парчой кресло, он сел в кресло попроще.

"Вся эта любезность определенно во что-нибудь обойдется:, – думал я с возрастающим удивлением. Однако побуждение раджи скоро выяснилось:

– Мой город наполнен слухами, что вы можете сражаться с дикими тиграми одними лишь голыми руками. Это верно?

– Совершенно верно.

– Я едва могу этому поверить! Вы – бенгалец из Калькутты, воспитанный в городе на белом рисе. Пожалуйста, будьте откровенны – не дрались ли вы с мягкотелыми, утомленными опиумом животными? – говорил он громко, с сарказмом и легким провинциальным акцентом. Я не удостоил ответом этот оскорбительный вопрос. Раджа продолжал: – Я предлагаю вам сразиться с моим недавно пойманным тигром Раджой Бегумом[46]. Если вы сможете успешно устоять против него, связать его цепью и оставить клетку в полном сознании, этот бенгальский тигр – ваш! Наградой будут также несколько

46 [2]. *Раджа Бегум* переводиться как Принц-Принцесса. Имя зверя указывает на то, что он обладал свирепостью тигра и тигрицы вместе.

тысяч рупий и многие другие дары. Если же вы откажетесь встретиться с ним в поединке, я по всему государству объявлю вас обманщиком!

Словно пулей поразила меня его оскорбительная речь. В гневе я был вынужден согласиться. Приподнявшись в возбуждении с кресла, раджа вновь опустился в него с садистской ухмылкой. Мне вспомнились римские императоры, услаждавшие себя зрелищами, выпуская последователей христиан на арену со зверями.

– Поединок состоится через неделю, – сказал он. – Я сожалею, что до него не могу вам позволить посмотреть на тигра.

Не знаю, боялся ли раджа, что я попытаюсь загипнотизировать зверя или тайно накормить его опиумом. Покидая дворец, я про себя с иронией отметил, что царского зонта и кареты теперь недостает.

Всю неделю я методично готовил ум и тело к предстоящему тяжкому испытанию. От слуги я узнал о фантастических выдумках. Страшное предсказание святого отцу каким-то образом распространялось везде. Многие простые сельские жители верили, что проклятый богами злой дух вновь воплотился тигром, принимая по ночам разные дьявольские обличья, а днем становился полосатым зверем. Полагали, что этот демон-тигр послан для того, чтобы меня покарать. Другая версия заключалась в том, что молитвы зверей Небесному Тигру получили ответ в образе Раджи Бегума. Он должен был стать орудием моего наказания – двуногого смельчака, так оскорбляющего весь род тигров! Человек без шкуры, без клыков, осмеливающийся бросить вызов вооруженному когтистыми лапами тигру со стальными мышцами. Сила сконцентрированного возмущения всех униженных тигров, говорили сельские жители, выросла до такой степени, что способна привести в действие скрытые законы и сразить гордого укротителя.

Далее слуга сказал, что раджа по собственной инициативе стал менеджером схватки между человеком и зверем. Он наблюдал за возведением павильона, способного выдержать штурм и рассчитанного на тысячи людей. В его центре в огромной железной клетке, для безопасности окруженной наружной камерой, был Раджа Бегум. Пленник то и дело разражался ревом, леденящим кровь. Его скудно кормили, чтобы возбудить дикий аппетит. Возможно, раджа надеялся, что я стану вознаграждающей пищей!

В ответ на бой барабанов, возвещавших об уникальном состязании, гигантский поток горожан и жителей пригородов энергично устремился покупать билеты. В день битвы тысячам людей из-за недостатка мест в билетах было отказано. Многие прорвались через отверстия в навесе и заполнили пространство под галереями".

Мое возбуждение от рассказа свами Тигра с приближением кульминации возрастало. Чанди также был нем от восхищения.

"Я спокойно появился под пронзительный рев Раджи Бегума и несвязный говор охваченных ужасом зрителей, – продолжал свами Тигр. – На мне не было никакой одежды, кроме той, что скудно обвивала талию. Я открыл засов на двери камеры и спокойно закрыл ее за собой. Тигр почуял кровь. С оглушительным грохотом бросаясь на прутья, он испустил дикий рев приветствия. Публика стихла в жалостливом страхе, я казался робким ягненком перед яростным зверем. В один миг я оказался внутри клетки, но когда закрывал ее, Раджа Бегум стремительно набросился на меня. Правая рука была безнадежно разодрана. Кровь человека, лучшее лакомство из известных тигру, лилась ужасным потоком. Пророчество святого, казалось, вот-вот сбудется.

Я мгновенно оправился от шока первого самого серьезного ранения из всех, которые когда-либо получал. Заткнув окровавленные пальцы за одеяние на талии и тем самым освободив себя от их вида, я взмахнул левой рукой и нанес удар, способный раздробить кости. Зверь отлетел назад, завертевшись в задней части клетки, и конвульсивно прыгнул вперед. Мое знаменитое кулачное наказание обрушилось на его голову. Но вкус крови действовал на Раджу Бегума, подобно первому возбуждающему глотку вина на долго воздерживавшегося алкоголика. С оглушающим ревом зверь напал на меня с возросшей

яростью. Защита лишь одной рукой была недостаточной и делала меня досягаемым для когтей и клыков. Но я награждал его ошеломляющим воздаянием. Клетка была кромешным адом. Кровь брызгала во все стороны, из глотки зверя вырывался рев боли и ярости – мы бились насмерть.

«Застрелите тигра! Убейте его!» – раздавались возгласы среди зрителей. – Человек и зверь двигались так быстро, что страж промахнулся. Я собрал всю силу воли, дико вскрикнул и нанес последний сокрушающий удар. Тигр рухнул на землю и затих".

– Как домашняя кошечка! – вставил я.

Свами от души рассмеялся, затем продолжил захватывающий рассказ:

"Наконец Раджа Бегум был побежден. Кроме того, была унижена его царская гордость: своими искалеченными руками я дерзко разжал его челюсти. На один драматический момент я задержал свою голову в зияющем капкане смерти. Затем, оглядев клетку в поисках цепи, я сорвал ее с дверей, привязал тигра за шею к прутьям клетки и с триумфом вышел.

Но это дьявольское отродье, Раджа Бегум, обладал запасом жизненных сил, достойным предполагаемого демонического происхождения. Невероятным рывком он разорвал цепь и вскочил мне на спину. Ощутив острую боль в плече, оказавшемся в челюстях тигра, я рухнул на пол, но вмиг подмял его под себя. Под безжалостными ударами вероломный зверь впал в полубессознательное состояние. На этот раз закрепив его более тщательно, я медленно покинул клетку.

Я был ошеломлен вновь, на этот раз от восторга. Приветственный рев зрителей как бы вырывался из единой гигантской груди. Насмерть израненный, я тем не менее выполнил три условия битвы: сразился с тигром, связал его цепью и покинул клетку, не требуя себе никакой помощи. В придачу я так здорово побил агрессивного зверя, что он согласился взглянуть сквозь пальцы на подходящую награду – мою голову в его пасти!

После того, как раны были вылечены, я был удостоен почестей и украшен венком. Тысячи золотых монет сыпались к моим ногам, весь город праздновал. Со всех сторон слышались бесконечные обсуждения победы над одним из самых больших и свирепых тигров, которых когда-либо приходилось видеть. Раджа Бегум, как было обещано, был подарен мне, но я не ощущал восторга. В сердце произошла духовная перемена. Казалось, что с последним выходом из клетки я также закрыл и дверь к мирскому честолюбию. Настал скорбный период. Шесть месяцев я лежал от заражения крови. Как только оказалось возможным покинуть Куч Бихар, я вернулся в родной город.

– Я знаю теперь, что мой учитель – тот, кто дал мудрое предостережение, – смиренно признался я отцу. – О, если бы я мог найти его.

Мое стремление было искренним, ибо однажды он явился без предупреждения.

– Достаточно укрощать тигров, – сказал святой со спокойной уверенностью, – идем со мной, я буду учить тебя покорять зверей невежества, бродящих в джунглях человеческого разума. Ты привык к публике. Пусть ею будет плеяда ангелов, развлекаемых твоим захватывающим мастерством в йоге!

Я был наставлен на духовный путь своим святым гуру. Он открыл врата моей души, заржавевшие и не поддающиеся от долгого неупотребления. Рука об руку мы отправились в Гималаи для моего обучения".

Чанди и я, признательные за описание могущественной жизни, склонились у ног свами. Так мы с другом были щедро вознаграждены за долгое испытание ожиданием в холодной гостиной!

Глава 7. Левитирующий святой

– Прошлой ночью я видел йога, парящего в воздухе в нескольких футах над группой людей, – сделал впечатляющее сообщение мой друг Упендра Мохун Чоудхури.

Восторженно улыбнувшись, я сказал ему:

– Может быть, я угадаю его имя. Это был Бхадури Махасая с Верхней Окружной улицы. Упендра кивнул, слегка удрученный тем, что это сообщение не оказалось новостью. Моя любознательность относительно святых была хорошо известна друзьям. Им доставляло удовольствие наводить меня на свежий след.

– Этот йог живет близко от моего дома, и я часто у него бываю. – Эти слова вызвали живой интерес Упендры, и я сделал дальнейшее признание: – Я видел удивительные проявления его способностей. Он мастерски овладел различными *пранаямами* [[47]], упомянутыми в древних йоговских трактатах при описании восьми ступеней йоги Патанджали[[48]]. Однажды Бхадури Махасая проделывал при мне пранаяму *бхастрику* [[49]] с такой удивительной силой, что казалось, что в комнате разразился настоящий шторм. Затем он прекратил громоподобное дыхание и стал недвижен в высоком состоянии сверхсознания[[50]]. Атмосфера покоя после бури была незабываемой.

– Я слышал, что святой никогда не выходит из дома. – В тоне Упендры было легкое недоверие.

– Это действительно так! Он не выходил из дома лет двадцать, но немного смягчает это правило, установленное им самим, во время святых празднеств, когда выходит на тротуар перед своей дверью. Туда приходит много нищих, так как святой Бхадури известен чутким сердцем.

– Как же он удерживается в воздухе, игнорируя закон гравитации?

– Тело йога утрачивает вес после применения некоторых *пранаям* . Тогда оно левитирует и прыгает с места на место, как лягушка. Известно, что даже те святые, которые не занимаются традиционной йогой, левитируют в состоянии глубокой преданности Богу.

– Мне хотелось бы побольше узнать об этом мудреце. Бываешь ли ты на его вечерних собраниях? – Глаза Упендры горели любопытством.

– Да, часто. Мне очень нравится его остроумие. Мой продолжительный смех иногда нарушает торжественную серьезность собраний. Святой не сердится, но его ученики поглядывают на меня осуждающе.

Днем, по пути из школы домой, я проходил мимо обители Бхадури Махасая и решился на визит. Йог был недосягаем для широкой публики. Одинокий ученик, занимающий нижний этаж, следил за покоем учителя. Ученик был в некотором роде педантом. Он осведомился, есть ли у меня «приглашение». Его гуру явился как раз вовремя, чтобы спасти меня от неминуемого изгнания.

– Пусть Мукунда зайдет, если хочет. – В глазах мудреца отразилась улыбка. – Моя уединенность существует не для собственного комфорта, но для удобства других. Мирские люди не любят прямоты, уничтожающей их иллюзии. Мало того, что святые встречаются

---

47 [1]. *Пранаяма* – метод контроля жизненной силы – *праны* – путем регулирования дыхания.

48 [2]. Патанджали – выдающийся толкователь йоги в древности.

49 [3]. *Бхастрика* – кузнечные мехи. Пранаяма бхастрика делает разум устойчивым.

50 [4]. Профессор из Сорбонны Жюль Буа в 1928г сказал, что французские психологи исследовали и признали сверхсознание, которое в своем великолепии в точности «противоположно подсознательному разуму Фрейда и включает в себя способности, делающие человека действительно человеком, а не суперживотным» Французский ученый объяснил, что пробуждение высшего сознания «не следует смешивать с гипнотизмом. Существование сверхсознания давно признавалось философией, являясь в действительности Сверхдушой, о которой говорил Эмерсон, но лишь недавно это получило научное признание».

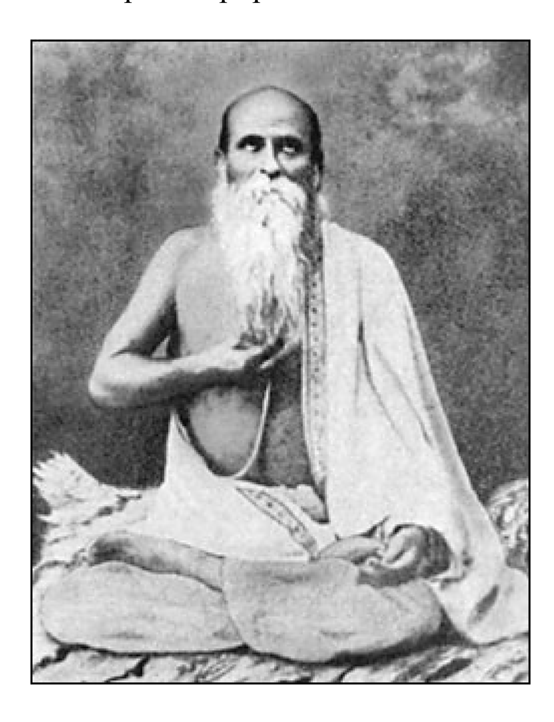
В *Сверхдуше* Эмерсон писал: «Человек – это фасад храма, в котором сочетаются вся мудрость и все добро. Тот, кого мы обычно называем человеком: кушающий, пьющий, сажающий цветы – как нам известно, таковым не является, но искажает представление о нем. Его мы не уважаем; но буде он позволит проявиться в своих действиях душе, органом которой на самом деле является, то заставит вас преклонить колени... Мы открыты с одной стороны глубинам духовной природы, всем свойствам Бога».

редко, их еще и страшатся. Даже в Священных Писаниях говорится, что их смущаются!

Я последовал за Бхадури Махасая в его комнату на втором этаже, из которой он выходил редко. Некоторые учителя, пока полностью не утвердятся, удаляют из поля внимания панораму мирских сует. Современниками мудреца являются не только те, кто относится к сугубо настоящему времени.

– *Махариши* [[51]], вы первый йог из тех, кого я знал, всегда остающийся дома.

– Иногда Бог сажает Своих святых на необычную почву, дабы мы не считали, что можем его проигнорировать!



Бхадури Махасая.
«Левитирующий святой».

– Махариши, мне хотелось бы, чтобы вы для пользы мира написали книгу о йоге.

– Я воспитываю учеников. Они и их ученики будут живыми книгами, защищенными как от естественного разрушения, так и от своевольных толкований критиков.

Мудрец заключил вибрации жизни своего тела в позу лотоса. Ему было семьдесят лет, но, несмотря на это, в нем не обнаруживались никакие отрицательные признаки возраста или сидячего образа жизни. Крепкий и прямой, он был идеален во всех отношениях. Лицо его было ликом риши, описываемых в древних текстах. С величественной головой и пышной бородой, он всегда сидел совершенно прямо, остановив свой спокойный взор на Вездесущем.

Святой и я вошли в блаженное медитативное состояние. Через час мое внимание привлек его нежный голос:

– Ты часто входишь в молчание, но развил ли ты *анубхаву* ?[[52]] – Он напомнил мне то, что Бога следует любить больше, чем медитацию: – Не следует принимать технику за цель.

Предложив несколько плодов манго, с добродушным остроумием, которое я находил восхитительным в его серьезной натуре, он заметил:

– Люди в общем больше предпочитают *джала-йогу* (единение с пищей), нежели

---

51 [5]. *Махариши* – великий мудрец.

52 [6]. *Анубхава* – истинное восприятие Бога.

дхьяна-йогу (единение с Богом).

Каламбур йога бурно подействовал на меня.

– Что у тебя за смех! – глаза его отразили нежность. Его же лицо было всегда серьезным, хоты в нем угадывалась улыбка экстаза. Божественная радость постоянно пряталась в больших лотосных глазах. Мудрец указал на несколько толстых конвертов на столе: – Вон те письма пришли из далекой Америки. Я переписываюсь с несколькими обществами, члены которых интересуются йогой. Они по-новому открывают Индию, с лучшим чувством направления, чем Колумб. Я рад им помочь. Знание йоги открыто, как дневной свет, для всех, кто хочет его получить.

То, что риши считают важным для спасения людей, не стоит выхолащивать для Запада. Ни Восток, ни Запад, схожие в душе, хотя внешний опыт у них и различен, не придут к расцвету, если не практиковать какую-либо форму дисциплинирующей йоги.

Святой задержал на мне спокойный взгляд. Я не понял, что его речь была завуалированным пророчеством. Только теперь, когда я пишу эти строки, пришло понимание полного смысла случайных намеков, которые он часто делал на то, что я когда-нибудь принесу в Америку учения Индии.

– Махариши, мне хотелось бы, чтобы вы для пользы мира написали книгу о йоге.

– Я воспитываю учеников. Они и их ученики будут живыми книгами, защищенными как от естественного разрушения, так и от своевольных толкований критиков.

Я оставался наедине с йогом, пока вечером не прибыли его ученики. Бхадури Махасая начал одну из неподражаемых бесед. Как чистый поток, смывал он умственную грязь со своих слушателей, неся их к Богу. Его замечательные притчи выражались на безупречном бенгали.

В этот вечер Бхадури Махасая излагал разные философские вопросы в связи с жизнью Мирибаи, средневековой махарани Раджпутана, оставившей жизнь во дворце в поисках общества святых. Великий саньясин Санатана Госвами отказался принять ее, потому что она была женщиной. Однако ответ поверг его в смирении к ее стопам: «Скажи учителю, – ответила она, – что я не знаю, есть ли во вселенной какой-либо мужчина, кроме Бога. Разве мы все не женщины перед ним?»[53]

Мирабаи написала много экстатических песен, все еще хранимых Индией. Здесь я перевел одну из них:

Если б постоянным плаванием можно бы было осознать Бога,
Я скорее бы стала китом в глубине;
Если б Его можно было узнать, питаясь плодами и корнями,
Охотно бы я приняла образ козочки;
Если б перебирание четок открывало Его,
Я отсчитывала бы молитвы на огромных четках;
Если поклоны пред каменным изваянием раскрыли б Его,
Я б смиренно поклонялась каменной горе;
Если б питьем молока можно бы было выпить Его,
Много телят и детей познали б Его;
Если оставление жены могло бы вызвать Его,
Не были бы тысячи евнухами?
Мирабаи знает: чтобы найти Единого Бога,
Единственно необходима – Любовь.

Некоторые ученики клали рупии в домашние туфли Бхадури Махасая, лежавшие сбоку

53 [7]. Концепция Писаний о Боге как о Единственном безусловном творческом принципе. Творение же Его – не что иное, как пассивная *майя* .

от него, когда он сидел в йоговской позе. Это подношение уважения, обычного в Индии, указывает, что ученик слагает материальные блага к стопам гуру. Благодарные друзья – это только замаскированный Господь, заботящийся о Себе Самом.

– Учитель, вы удивительны! – прощаясь, заметил один из учеников, бросив пылкий взгляд на патриархального мудреца. – Вы отреклись от богатства и удобств, для того чтобы искать Бога и учить нас мудрости! – Было хорошо известно, что Бхадури Махасая в раннем детстве отказался от большого семейного богатства, когда, преданный своему делу, вступил на йоговский путь.

– Ты все перевернул! – на лице святого был мягкий упрек. – Я оставил несколько жалких рупий и несколько незначительных удовольствий ради Космического Царства бесконечного блаженства. В чем же мое отречение? Я знаю радость участия во владении истинным сокровищем. Разве это жертва? Вот близорукий мирской люд – настоящие отрекшиеся! Они отказываются от ни с чем не сравнимого божественного обладания ради жалких земных игрушек!

Я позабавился этим парадоксальным взглядом на отречение – взглядом, возлагающем корону Креза на любого святого нищего и в то же время обращающим всех гордых миллионеров в мучеников, не осознавших источника мук.

– Божественный порядок устраивает наше будущее более мудро, чем любая страховая компания. – В последних словах учителя было осознанное кредо его веры. – Мир полон беспокойных людей, верующих в некую внешнюю гарантию. Их горькие мысли подобны шрамам на их лбах. Единый, Кто с первого вздоха дал нам воздух и молоко, знает, как обеспечить постоянно преданных Ему.

Я продолжал паломничества в дом святого после окончания уроков в школе. С тихим усердием помогал он мне достигать анубхавы. Через некоторое время он переехал на улицу Рам Мохан Роя, находящуюся далеко от моего дома. Любящие ученики построили ему новое жилье, известное как Наджендра Мат[[54]].

Хотя мне и придется забежать на несколько лет вперед, я приведу последние слова Бхадури Махасая, обращенные ко мне. Незадолго до отъезда на Запад я разыскал его и, смиренно склонившись, получил прощальное благословение:

– Сын, поезжай в Америку. Сделай своим щитом достоинство седой Индии. Победа написана на твоем челе. Далекие благородные люди хорошо примут тебя.

Глава 8. Великий ученый Индии Джагдиш Чандра Бос

– Изобретение радио Джагдишем Чандра Босом предвосхитило изобретение Маркони.

Услышав нечаянно это смелое замечание, я подошел к группе профессоров, занятых ученой дискуссией на тротуаре. Если мотивом присоединения к ним была расовая гордость,

---

54 [8]. Его полное имя было Наджендранат Бхадури. *Ма* т – это, строго говоря, монастырь, но этот термин часто применяется к понятиям *ашрам* или уединенное жилище.

Среди левитирующих святых христианского мира XVII века был святой Иосиф из Кьюпертино. Его способность получила всеобщее признание. Святой Иосиф в миру отличался рассеянностью, что в действительности отражало погруженность в духовное. Собратья по монастырю не могли позволить ему прислуживать за общим столом, дабы он и посуда не поднялись к потолку. Святой действительно не был приспособлен к земным обязанностям, так как не мог подолгу находиться на земле. Часто одного вида божественной статуи было достаточно, чтобы он совершил взлет вверх. Можно было видеть, как двое святых – один из камня, другой из плоти – вместе парили в воздухе.

Святая Тереза из Авилы с большим душевным волнением говорила, что физический подъем приводит ее в замешательство. Будучи весьма занята повседневными обязанностями, она тщетно пыталась препятствовать полетам. «Но небольшие предосторожности тщетны, – писала она, – когда Бог делает все иначе». Тело святой Терезы, покоящееся в Альбе, в Испании, оставалось нетленным на протяжении четырех веков. Это место явилось свидетелем многих чудес.

то я сожалею об этом. Однако не отрицаю живого интереса к доказательству того, что Индия может играть ведущую роль не только в метафизике, но и в физике.

– Что вы имеете в виду, сэр? – Бос первым изобрел беспроволочный когерер и прибор для регистрации рефракции электроволн. Но индийский ученый не использует свои изобретения в коммерческих целях. С мира неорганического он скорее переключает внимание на мир органический. Его открытия в области физиологии растений, явившиеся переворотом в науке, превзошли даже его фундаментальные достижения в области физики, – любезно пояснил профессор. Я вежливо поблагодарил своего ментора. Он добавил: – Великий ученый – один из профессоров президентского колледжа.

На следующий день нанеся визит в дом этого мудреца, находившийся недалеко от моего дома, я долго любовался им с почтительного расстояния. Серьезный и застенчивый ботаник любезно поклонился мне. Это был статный, крепкий мужчина лет пятидесяти, с густыми волосами, широким лбом и рассеянным взглядом мечтателя. Четкость в голосе обнаруживала в нем серьезного ученого.

– Я недавно вернулся из поездки по научным обществам Запада. Их члены проявляли глубокий интерес к чутким приборам моих изобретений, показывающих нераздельное единство всей жизни[55]. Крескограф[56] Боса имеет возможность увеличения объектов более чем в десять миллионов раз. Световой микроскоп, например, способный увеличивать лишь в несколько тысяч раз, тем не менее активно стимулировал развитие биологической науки. Крескограф открывает перспективы, которые трудно переоценить.

– Вы много сделали, сэр, чтобы руками бескорыстной науки ускорить объединение Востока и Запада.

– Я получил образование в Кембридже. Западный метод, подвергающий любую теорию тщательной экспериментальной проверке, замечателен! Эта эмпирическая процедура шла рука об руку со способностью к интроспекции, являющейся моим восточным наследием. Вместе они дали возможность нарушить долгое безмолвие царства природы. Контрольные карты моего крескографа являются для большинства скептиков доказательством того, что растения обладают чувствительной нервной системой и разносторонней эмоциональной жизнью. Любовь, ненависть, радость, страх, удовольствие, страдание, раздражение, оцепенение и иные адекватные реакции на возбуждение столь же присущи растениям, как и животным.

– Профессор, до вас единое биение жизни во всех творениях могло показаться только поэтическим образом! Один мой знакомый святой никогда не рвал цветов: «Разве я могу похитить гордость красоты у куста розы? Разве я могу оскорбить его достоинство грубым раздеванием?» Его нежные слова буквально подтверждаются вашими открытиями.

– Поэт обладает сокровенной связью с истиной, тогда как ученый достигает ее с трудом. Приходите как-нибудь в мою лабораторию и взгляните на недвусмысленное свидетельство крескографа.

Я с благодарностью принял приглашение и удалился. Позже я услышал, что этот ботаник ушел из президентского колледжа с намерением создать исследовательский центр в Калькутте.

Когда институт Боса открылся, я присутствовал во время его освящения. Сотни энтузиастов ходили по множеству помещений. Я был очарован красотой и духовным символизмом нового дома науки. Его парадный вход был увенчан старинной реликвией из отдаленной святыни. Позади водоема с лотосами[57] – скульптура женщины с факелом,

---

55 [1]. «Вся наука трансцендентна, в противном случае она умирает. Ботаника обретает теперь верную теорию – аватары Брахмы будут вскоре учебниками естественной истории». – Эмерсон.

56 [2]. От латинского слова *crescere* – усиливать. Крескограф и другие изобретения Боса получили всеобщее признание в 1917 г.

57 [3]. Цветок лотоса – древний божественный символ Индии. Его раскрывающиеся лепестки напоминают

отражающая уважение индусов к женщине как бессмертной носительнице света. В саду – небольшой храм, посвященный Непроявленному, стоящему за всеми явлениями. Отсутствие какого-либо образа на алтаре подразумевало идею божественной бестелесности.

Речь Боса по такому значительному случаю вполне могла бы исходить из уст какого-нибудь вдохновенного древнего риши.

"Ныне я освящаю этот институт не просто как лабораторию, но как храм. – Его благоговейная торжественность, подобно незримому покрову, окутывала переполненную аудиторию. – В своих исследованиях я неосознанно перешел границу между физикой и физиологией, с удивлением заметив исчезновение границы и возникновение областей соприкосновения между царствами живого и неживого. Неорганическая материя воспринималась не как нечто инертное, она трепетала под воздействием множества факторов.

Однотипность реакций указывает на воздействие единого закона для металлов, растений и животных. Все они проявляют, по сути, одни и те же процессы усталости и депрессии с возможностью отдыха и выздоровления, а также в равной степени неизменное отсутствие реакций после смерти. Исполненный благоговейным трепетом в связи с этим обобщением огромной важности и великой надежды, я вскоре изложил результаты, доказанные на опытах, королевскому обществу. Но присутствовавшие там физиологи посоветовали мне ограничить исследования областью физики, где успех был обеспечен, нежели покушаться на заповеданное ими. Я случайно проник в сферу необычной кастовой системы и нарушил ее этикет.

Было в том и бессознательное теологическое предубеждение, путающее невежество с верой. Часто забывают, что Тот, Кто окружил нас этой вечно развивающейся тайной творения, вселил в нас также желание спрашивать и понимать. Через много лет непонимания до меня дошло, что жизнь человека, посвятившего себя науке, неминуемо наполнена бесконечной борьбой. Жизнь его – пламенная жертва, где выигрыш и утрата, успех и неудача – едины.

Со временем ведущие научные общества мира признали мои теории и результаты, а также важность вклада Индии в науку[58]. Могло ли что-то мелкое и незначительное когда-либо удовлетворить разум Индии? Благодаря постоянной жизненной традиции и омолаживающей жизненной силе эта страна изменилась в бесконечных преобразованиях. Всегда являлись индийцы, отказывающиеся от непосредственных заманчивых благ настоящего момента, стремившиеся к осуществлению высших идеалов жизни не путем пассивного отречения, а путем активной борьбы. Слабовольный человек, отказавшийся от борьбы, ничего не достигая, ни от чего не отрекся. Только тот, кто боролся и победил, может обогатить мир, одарив его плодами победы.

Мои работы над ответной реакцией материи, уже проведенные в лаборатории, и неожиданные открытия в жизни растений осветили широкий простор глубоким исследованиям в области физики, физиологии, медицины, сельского хозяйства и даже психологии. Проблемы, считавшиеся до настоящего времени неразрешимыми, теперь перешли в сферу экспериментального исследования.

раскрытие души. Произрастание столь чистой красоты из глубокой грязи таит полное милости духовное обещание.

58 [4]. «Мы полагаем... что ни одна сфера изучения, особенно сфера гуманитарных наук, в любом крупном университете не может быть полностью обеспечена без специалистов, должным образом воспитанных в индийских разделах ее дисциплины. Мы полагаем также, что всякий колледж, имеющий целью подготовку выпускников для интеллектуального труда в мире, в котором они должны жить, должен иметь в штате ученого, компетентного в Индийской цивилизации». – Выдержка из статьи профессора В.Норманна Брауна из Пенсильванского университета, появившейся в мае 1939 г. в *Бюллетене* American Council of Learned Societies? Washington, D.C.

Джагдиш Чандра Бос.
Великий ученый Индии, физик, ботаник и изобретатель крескографа.

Но нельзя достичь большого успеха без строгой точности. Отсюда целая серия сверхчувствительных приборов и аппаратов моей конструкции, что стоят ныне перед вами в футлярах в вестибюле. Они расскажут о длительных попытках проникнуть через обманчивую видимость в оставшуюся незримой реальность, о непрестанном тяжком труде, упорстве и изобретательности, потребовавшихся для преодоления человеческих ограничений. Все ученые с творческим уклоном знают, что истинная лаборатория – это разум, где они за иллюзиями открывают законы истины.

Читаемые здесь лекции не будут простым повторением знаний из вторых рук. Они известят о новых открытиях, впервые продемонстрированных в этих стенах. Благодаря регулярным публикациям трудов института эти вклады Индии достигнут всего мира и станут всеобщим достоянием. Никаких патентов мы брать не будем. Дух нашей национальной культуры требует постоянной свободы от осквернения распространяемого знания личной выгодой.

Мое пожелание на будущее – чтобы, насколько возможно, оборудование этого института было доступно для деятелей всех стран. Этим я стараюсь продолжить традиции своей страны. Еще двадцать пять веков назад Индия радушно принимала ученых со всего света в свои древние университеты в Наланде и Таксиле.

Хотя наука не является ни восточной, ни западной, но, скорее, по универсальности, интернациональна, тем не менее Индия особо подготовлена к тому, чтобы внести в нее великий вклад[59]. Пылкое индийское воображение, способное докопаться до нового порядка

59 [5]. Атомное строение материи было хорошо известно древним индусам. Одна из шести систем индийской философии – *вайшешика* . Это слово происходит от санскритского корня вишешас, «атомная особенность». Выдающегося толкователя *вайшешики* Аулукья, родившегося около 2800 лет назад, называли также Кенеда, то есть «пожирающий атомы».

В одной из статей в журнале *Восток-Запад* за апрель 1934 г. научное знание *вайшешики* резюмируется следующим образом: "Хотя современная теория строения атома и считается новым успехом науки, она давным-давно была блестяще изложена Кенедой – «пожирающим атомы». Санскритское слово ану может быть правильно переведено как «атом», в буквальном значении слова *ипсит* (неделимый), недавно пришедшего из греческого языка. Из записанного задолго до Рождества Христова в трактатах *вайшешики* можно упомянуть: 1. Движение игл в направлении к магниту. 2. Циркуляция воды в растениях. 3. *Акаша* , или эфир, инертный и бесструктурный, как основа для распространяющихся тонких сил. 4. Солнечное тепло как причина всех прочих

в массе, казалось бы, противоречивых фактов, сдерживается привычкой к сосредоточению. Это ограничение дает силу для того, чтобы с бесконечным терпением удерживать разум на поисках истины".

Когда ученый произнес последние слова, на моих глазах показались слезы. В самом деле, не является ли «терпение» синонимом Индии, поражая в равной мере время и исторические параллели?

Вскоре после открытия научно-исследовательского центра я вновь посетил его. Великий ботаник помнил об обещании и повел меня в тихую лабораторию.

– Я присоединяю крескограф к этому папоротнику – увеличение огромное. Если бы в такой же степени увеличить передвижение улитки, то создалось бы впечатление, что она движется со скоростью курьерского поезда.

Мой взгляд остановился на экране, отражавшем силуэт папоротника. Мельчайшие движения жизни были ясно различимы, прямо на глазах он медленно рос. Ученый коснулся верхушки папоротника небольшой металлической полоской. Разворачивавшаяся пантомима резко остановилась, выразительные движения возобновились тотчас же, как только полоску убрали. -

Видишь, как любое незначительное внешнее вмешательство наносит ущерб чрезвычайно чувствительным тканям, – заметил Бос. – Смотри, сейчас я дам хлороформ, а затем противоядие.

Я увидел, как всякий рост тут же прекратился, дача же противоядия возобновила его. Развертывавшиеся на экране движения захватили меня значительно больше любого киносюжета. Мой собеседник, на сей раз в роли злодея, пронзил папоротник острым инструментом – трепет спазма указал на боль. Когда он надрезал стебель бритвой, тень необычайно взволновалась, затем затихла в последней точке смерти.

– Обработав предварительно большое дерево хлороформом, я добился удачной пересадки. Обычно такие лесные монархи очень скоро после их переселения гибнут, – Джагдиш счастливо улыбался, рассказывая в своей оптимистичной манере. – Диаграммы моего чувствительного прибора показали, что деревья обладают системой, обеспечивающую циркуляцию сока, механизм движения которого соответствует кровяному давлению у животных. Подъем сока необъясним с позиции законов механики, например капиллярного эффекта. Благодаря крескографу этот феномен был разгадан. Цилиндрические трубки, тянущиеся вдоль коры дерева, в связи наличия в них перистальтики[[60]] являются настоящим сердцем! Чем глубже мы проникаем, тем больше становится очевидным, что все формы в многообразной природе объединяет некий единый план.

Ученый указал на другой инструмент.

– Я покажу тебе опыты на кусочке олова. Жизненная сила в металлах отвечает на возбуждение враждебно или спокойно. Чернильные пометки зарегистрируют разные

видов тепла. 5. Тепло как причина изменения молекул. 6. Закон гравитации, являющийся следствием неотъемлемого свойства атомов, придающего им силу притяжения или тяготения вниз. 7. Кинетическая природа энергии, причина которой корениться в расходовании энергии или перераспределение движения. 8. Всеобщее деструктурирование или растворение вследствие дезинтеграции атомов. 9. Излучение тепловой и световой энергии в виде бесконечно малых частиц, устремляющихся во всех направлениях с невероятно большой скоростью (современная теория «космических лучей»). 10. Относительность времени и пространства.

Вайшешика относит происхождение мира к атомам, вечным по своей природе, то есть по основным свойствам. Считалось, что они обладали вибрациями непрерывного движения... Недавнее открытие, что атом – это солнечная система в миниатюре, не было бы новостью для философов старой *вайшешики* . Кроме того, они описывали наименьшую единицу времени кала как период, необходимый атому, чтобы пересечь часть пространства, равную его объему".

60 [6]. Перистальтика – последовательное волнообразное сжатие стенки полого мышечного органа, ткани или сосуда, обеспечивающее перемещение содержимого по направлению движения волн. – *Примечание российского издателя* .

реакции.

С глубоким вниманием я следил за диаграммой, регистрирующей характерные волны, производимые атомной структурой. Когда профессор приложил к олову хлороформ, вибрация самописчика прекратилась. Когда металл постепенно обрел нормальное состояние, она началась вновь. Тогда мой собеседник приготовил ядовитый химикат. Края олова затрепетали, и одновременно игла самописчика драматически начертила на ленте известие о смерти. Ученый сказал:

– Мои инструменты продемонстрировали, что такие металлы, как сталь, используемые, в частности, в ножницах или различных машинах, подвержены усталости и вновь приобретают работоспособность в результате периодического отдыха. Пульс жизни в металлах дает серьезный сбой и даже затухает вследствие действия электрического тока или большого давления.

Я оглядел комнату с многочисленными приборами – красноречивыми свидетельствами неутомимой изобретательности.

– Очень жаль, сэр, что массовое развитие сельского хозяйства не ускоряется посредством полноценного использования ваших чудесных приборов. Разве нельзя было бы применить некоторые из них в живых лабораторных опытах, дабы показать влияние различных удобрений на рост растений?

– Вы правы. Будущие поколения найдут широкое применение моим приборам. Ученый редко получает награду от современников, для него достаточно иметь радость творческого служения.

С выражениями безграничной признательности я покинул неутомимого мудреца. «Может ли когда-нибудь истощиться поразительная плодовитость его гения?» – подумал я.

Но никакого убывания с годами не произошло. После изобретения одного сложного прибора – резонансного кардиографа – Бос произвел широкие исследования на несчетном количестве индийских растений. Была открыта огромная неожиданная фармакопея полезных лекарств. Кардиограф был сконструирован с такой точностью, что на диаграмме регистрировалась сотая доля секунды. Резонансные записи определяют бесконечно малые пульсации в тканях растений, животных и человека. Великий ботаник предсказал, что применение кардиографа приведет к более гуманной практике вивисекции – не животных, а растений.

– Убористые записи о влиянии лекарств, даваемых растению и животному, имеют удивительно сходный результат, – указал он. – Все происходящее в теле человека предвещалось опытами на растениях. Эти эксперименты будут способствовать уменьшению страданий животных и человека.

Годами позже пионерские находки Боса относительно растений были обоснованы учеными. В Нью-Йорк Таймс так освещалась работа, проделанная в Колумбийском университете в 1938 году:

В прошедшие несколько лет было определено, что тогда, когда нервы передают информацию между мозгом и другими частями тела, вырабатываются слабые электрические импульсы. Эти импульсы измеряли чувствительными гальванопарами и с помощью современной аппаратуры увеличивали в миллионы раз. Из-за большой скорости их проведения до сих пор не найдено ни одного удовлетворительного метода для изучения импульсов, идущих вдоль нервного волокна у живого животного или человека.

Доктора К.С.Коул и Х.Дж.Куртис сообщали, что обнаружили фактическое подобие длинных единичных клеток растения нителла, обитающего в свежей воде, часто используемого в аквариуме, длинным нервным волокнам животных. Более того, они выявили, что при возбуждении волокна нителлы возникающие электрические импульсы полностью подобны импульсам, производимым нервными волокнами животных и человека, за исключением того, что скорость передачи значительно ниже. Поэтому колумбийские исследователи схватились за это открытие как за средство для снятия замедленного

изображения электрических импульсов в нервах.

Таким образом, растение нителла может стать средством для расшифровки прочно охраняемых секретов, близких к самой грани разума и материи.

Поэт Рабиндранат Тагор был верным другом индийского ученого-идеалиста, которому посвятил следующие стихи:

О отшельник, взывай достоверными словами
Того старого гимна, что зовется *Сама* :
«Восстань! Пробудись!»
Взывай к человеку, что гордится знанием *шастр* ,
Не преданных спорам бесполезным,
Взывай к тому глупому хвастуну, чтобы приблизился он
К лику природы этой широкой земли.
Впиши этот зов в свой ученый том,
Вместе вокруг жертвенного огня
Пусть все они соберутся. Так наша Индия,
Наша древняя страна, может вернуться к себе самой,
Еще раз вернуться к упорному труду,
Долгу и благоговению; к трансу
Ревности медитации; пусть воссядет
Еще раз покойная, бескорыстная,
нераздираемая междоусобицами, чистая -
На свое высокое место учитель всех стран[61].

---

61 [7]. Перевод стихов Рабиндраната Тагора с бенгали на английский Манмохана Гхоша, журн. *Вишвабхадури* , Шантиникстан, Индия.

"Гимн, называемый *Сама* ", упоминаемый в поэме Тагора, – это одна из четырех *Вед* . Другие три – это *Риг, Яджур и Атхарва* . Священные тексты открывают природу Брахмы – Бога и Творца, чье выражение в отдельном человеке называется *атман* – душа. Брахма происходит от корня брих – распространяться, передает ведическую идею о божественной силе, самопроизвольно вырастающей или выливающейся в творческую активность. Говорят, что космос, как паутина, выделяется из его сущности. В сознательном слиянии атмы с Брахмой, души с Духом, можно сказать, весь смысл *Вед* .

Веданта , обобщающая учение *Вед* , вдохновляла многих великих западных мыслителей. Французский историк Виктор Кузен сказал: «Когда мы внимательно читаем поэтические и философские памятники Востока, и более всего – индийские, мы открываем там множество столь глубоких истин... что вынуждены преклонить колена перед их философами и обнаружить в этой колыбели человеческой расы родину высшей философии». Шлегель заметил: «Даже самая возвышенная европейская философия – объективный идеализм в представлении греческих философов, в сравнении с изобилующим жизнью и энергией восточным идеализмом кажется слабой искрой Прометея против яркого света солнца».

В необъятной литературе Индии *Веды* (от санскритского корня *вид* – знать) – единственные тексты, которым не приписывается никакое авторство. *Риг Веда* 10:90.9 приписывает гимнам божественное происхождение и рассказывает нам 3:39.2, что они пришли из «древних времен» переодетыми в новый язык. От века к веку они приходили к мудрецам – *риши* как божественное откровение. Считается, что *Веды* обладают *нитьятвой* , то есть «вневременной завершенностью».

Веды были откровением посредством звука, «непосредственно слышимым» (*шрути*) древними риши. Это, по существу, литература в форме стихотворных строк, предназначенных для пения и декламации. *Веды* , содержащие около ста тысяч двустиший, не записывались, но передавались изустно священниками-*брахманами* . Бумага и камень одинаково подвержены разрушающему действию времени. *Веды* сохранялись в веках, так как *риши* понимали превосходство разума над материей как правильного средства их передачи. Что может превзойти «начертанное в сердцах»?

Соблюдая определенный порядок (*анупури*), в котором располагаются слова Вед, с помощью фонологических правил соединения звуков (*сандхи*) и связи букв (*санатана*), проверяя некоторыми математическими способами точность заучиваемых текстов, *брахманы* уникальным образом сохранили с глубокой древности первоначальную чистоту *Вед* . Каждый слог ведического слова (*акшара*) наделен значимостью и действенностью (см. главу 35).

Глава 9. Блаженный приверженец и его космический роман (учитель Махасая)

– Маленький господин, садись, пожалуйста. Я беседую с моей Божественной Матерью.

С великой осторожностью я вошел в комнату. Ангельский вид учителя Махасая[62] совершенно ослепил меня. С шелковистой белой бородой и огромными светящимися глазами он казался воплощением чистоты. Его приподнятый подбородок и сложенные руки говорили, что мой первый визит нарушил его молитвы.

Простые слова его приветствия произвели самое сильное из ранее испытываемых впечатлений. Горькую разлуку со дня смерти матери я считал мерой всех мук. Теперь же неописуемой духовной пыткой стало страдание от разлуки с Божественной Матерью. Со стоном я опустился на пол.

– Успокойся, маленький господин! – сопереживая, сказал святой.

Утопая в океане отчаянья, я охватил его ноги как единственный оплот спасения.

– Святой господин, молю вашего ходатайства! Спросите Божественную Мать, найду ли я какое-нибудь расположение в Ее взгляде!

Святое обещание ходатайства даруется нелегко. Учитель смущенно молчал. Вне всякого сомнения, я был убежден, что учитель Махасая интимно беседовал с Вселенской Матерью. Было глубоко унизительно сознавать, что мои глаза слепы к Той, Которая даже в этот момент была доступна восприятию безупречного взгляда святого. Беззастенчиво охватив его ноги, глухой к мягким протестам, я вновь и вновь просил о милости ходатайства.

– Я передам твою просьбу Возлюбленной, – капитулировал учитель с тихой улыбкой сострадания.

Что за сила в тех немногих словах, способных избавить мое существо от обуреваемого неистовством изгнания!

– Не забудьте о своем обещании, сэр! Я скоро вернусь за вестями от Нее! – радостное ожидание звучало в голосе, еще минуту назад полном скорби.

Переполненный воспоминаниями спускался я по длинной лестнице. Этот дом в Калькутте по Амхерст стрит 50, где теперь жил учитель Махасая, был домом моей семьи, когда умерла мать. Здесь мое человеческое сердце было разбито ее утратой. А ныне здесь же мой дух был как бы распят из-за отсутствия Божественной Матери. Священные стены – молчаливые свидетели мучительной боли и окончательного исцеления!

Энергично шагая я быстро пришел домой и в поисках уединения забрался в маленькую мансарду. До десяти часов вечера я пробыл в медитации. Теплота теплой индийской ночи внезапно озарилась чудесным видением.

В великолепном сиянии передо мной предстала сама Божественная Мать. Ее лицо с нежной улыбкой было прекрасно.

«Всегда Я любила тебя! Всегда буду любить!»

Она исчезла, небесные звуки еще переливались в воздухе.

На следующее утро, едва солнце взошло настолько, что нанесение визита стало приличным, я во второй раз посетил учителя Махасая. Поднявшись по лестнице дома горьких воспоминаний, я добрался до его комнаты на четвертом этаже. Шарообразная ручка закрытой двери была обернута тканью, в чем чувствовался намек на то, что святой желал уединения. Когда я нерешительно ступил на лестничную площадку, дверь открылась гостеприимной рукой учителя. Склонившись к святым стопам, в игривом настроении я сделал невозмутимое лицо, пряча за этим божественный подъем.

62 [1]. *Учитель Махасая* – это титул уважения, с которым к нему обычно обращались. Его настоящее имя было Махендра Натх Гупта. Свои литературные труды он подписывал просто "М".

– Сэр, я пришел так рано – сознаюсь! – за известиями. Сказала ли что-нибудь обо мне Божественная Мать?

– Озорник, маленький господин!

Он не сделал никакого другого замечания По-видимому, моя напускная важность не возымела действия.

– Зачем так таинственно? Разве святые никогда не говорят прямо? – Я был немного раздосадован. -

Следует ли тебе меня проверять? – его спокойные глаза смотрели с глубоким пониманием. – Разве я в состоянии добавить хоть одно слово к заверению, полученному тобой вчера в десять часов вечера от самой прекрасной Матери?

Учитель Махасая обладал властью над эмоциональными движениями моей души: я снова упал к его стопам. Но на сей раз у меня хлынули слезы блаженства, а не страдания от пережитого.

– Ты считаешь, что твоя преданность не тронула Бесконечную Милость? Божественное Материнство, которому ты поклонялся и в человеческой, и в божественной форме, никогда бы не оставило без внимания боль твоей утраты.

Кто был этот простой святой, малейшая просьба которого к Вселенскому Духу встречала ласковое согласие? Его роль в мире была малозаметной, как скромнейшего из людей, которых я когда-либо знал. В своем доме учитель Махасая руководил маленькой средней школой для мальчиков. Ни одного слова дисциплинарного взыскания никогда не сходило с его уст, дисциплина не поддерживалась ни правилами, ни линейкой. В этих скромных классах преподавали нечто поистине более высокое, чем математика или химия, – любовь, не изложенную ни в каких учебниках. Он сеял мудрость не краткими конспектами, а скорее заражая духовно. Поглощенный неподдельной любовью к Божественной Матери, святой требовал внешних проявлений уважения не более, чем дитя.

– Я не твой гуру, он придет немного позже, – сказал он мне. – Благодаря его руководству твои наработки в плане божественной любви и поклонения будут преобразованы в неизмеримую мудрость.

Каждый вечер я отправлялся на Ахмерст стрит, где пил из небесной чаши учителя Махасая, и ее капли ежедневно переполняли мое существо. Никогда раньше мне не приходилось преклоняться с таким почтением, и никогда я не испытывал столь безграничной гордости оттого, что могу быть рядом с учителем Махасая, ступать с ним по одной земле.

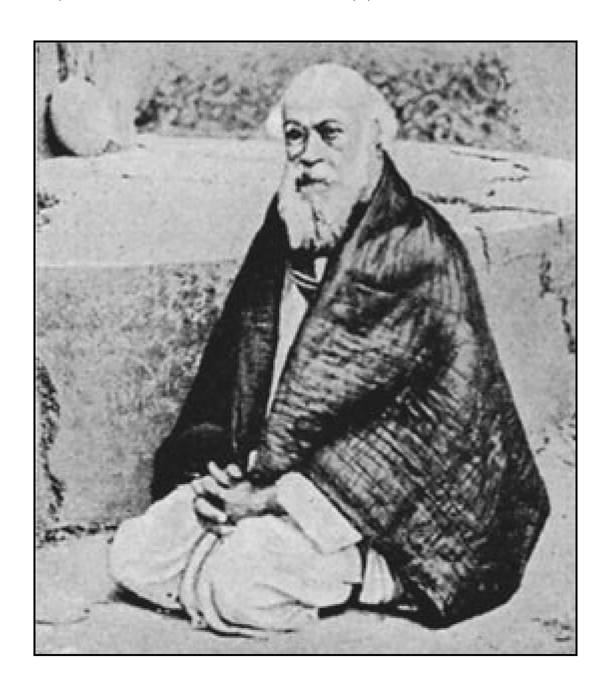
– Сэр, наденьте, пожалуйста, венок, сплетенный именно для вас. – Однажды вечером я пришел с венком из цветов чампака. – Но он застенчиво отстранил его, в очередной раз отказываясь от этой чести. Почувствовав мою обиду, он, наконец, с улыбкой согласился:

– Поскольку мы оба поклоняемся Матери, можешь возложить венок на этот телесный храм как подношение Той, Которая обитает внутри. – В его широкой натуре не было места для какого-либо чувства самовлюбленности. – Завтра мы отправимся в храм Кали в Дакшинешваре, навеки освященный моим гуру. – Учитель Махасая был учеником Христоподобного Шри Рамакришны Парамахансы, проведшего в Дакшинешваре большую часть своей возвышенной жизни.

На следующее утро мы проплыли в лодке по Гангу шесть с половиной километров, после чего зашли в девятиглавый храм Кали, где статуи Божественной Матери и Шивы стояли на лотосе из чистого серебра, тысяча лепестков которого были тщательно выточены. Будучи захвачен нескончаемым романом с Возлюбленной, учитель Махасая излучал очарование. Когда он распевал Ее имя, мое захваченное сердце, казалось, разлеталось на тысячу кусочков, подобно лепесткам лотоса.

Потом мы бродили по священным окрестностям и остановились в тамарисковой роще. Манна, выделяемая этим деревом, была символом небесной пищи, которой был одарен учитель Махасая. Его божественные обращения продолжались. Неподвижно сидя на траве среди пушистых цветков тамариска, как бы «покинув» на время тело, я был целиком

поглощен возвышенной беседой.



Учитель Махасая
в блаженном космическом трансе

Это было первое из множества паломничеств в Дакшинешвар со святым учителем. От него я узнал сладость Бога в аспекте Матери, или Божественной Милости. Святой, подобный ребенку, находил мало привлекательности в аспекте Отца, или Божественного Судьи. Суровое, требовательное, математическое суждение было чуждо его нежной натуре.

«Он может служить земным прототипом самих ангелов небесных!» – с нежностью подумал я, наблюдая за ним однажды во время его молитвы. Без тени порицания или критики смотрел он на мир глазами, давно знакомыми с Первичной Чистотой. Его тело, ум, речь и действия безо всякого усилия гармонировали с простотой души.

– Мой учитель говорил мне так... – этой данью почтения, избегая личного утверждения, святой завершал всякий мудрый совет. Отождествление учителя Махасая с Шри Рамакришной было так глубоко, что он не считал более свои мысли своими.

Однажды вечером мы со святым рука об руку гуляли по кварталу, где находилась его школа. Моя радость была омрачена появлением одного самодовольного знакомого, обременившего нас продолжительной беседой. -

Я вижу, тебе этот человек не нравится. – Самовлюбленный малый, очарованный собственным монологом, не слышал шепота святого. – Я сказал об этом Божественной Матери. Она понимает наше досадное положение. Как только мы дойдем до того красного дома, Она обещала напомнить ему о более срочном деле.

Глаза мои не отрывались от места спасения. Дойдя до красных ворот, знакомый без объяснений повернулся и исчез, даже не закончив сентенции и не простившись. Покой снизошел на измученную атмосферу.

На следующий день я в одиночестве гулял у железнодорожной станции Ховра, постоял с минуту у храма, безмолвно критикуя небольшую группу мужчин с барабаном и цимбалами, неистово повторявших монотонные песнопения.

«Как неблагочестиво пользуются они божественным именем Господа, механически повторяя его», – подумал я. Вдруг, к моему удивлению, откуда-то появился учитель Махасая.

– Сэр, как вы сюда попали?

Игнорируя вопрос, святой ответил на мою мысль:

– Разве не истинно, маленький господин, что имя Возлюбленной сладко звучит во всех устах – невежественных и мудрых? – он нежно обнял меня. Я почувствовал, что на его волшебном ковре возношусь к Милосердному Присутствию.

– Не хотел бы ты взглянуть на несколько биоскопов?[63] – этот вопрос, заданный однажды вечером затворником Махасая, озадачил меня; название это тогда в Индии означало движущиеся картинки. Я согласился, так как был рад находиться в его обществе при любых обстоятельствах. Бодрым шагом мы дошли до сада, расположенного около Калькуттского университета. Мой спутник указал на скамью у *голдигхи* (пруда).

– Посидим здесь несколько минут. Мой учитель всегда рекомендовал медитировать в местах, где есть водный простор. Здесь его безмятежность напоминает о безбрежном покое Бога. Как все предметы отражаются в воде, так и вся вселенная, как в зеркале, отражается в озере космического разума – так говорил часто мой гурудев[64].

Через некоторое время мы вошли в университетский зал, где лекция была в самом разгаре. Она оказалась ужасно скучной, хотя и оживлялась время от времени показом диапозитивов, тоже неинтересных.

– Так этот биоскоп хотел показать учитель! – В мыслях было нетерпение, но я не хотел обидеть святого, не позволяя скуке отразиться на лице. Он доверчиво склонился ко мне:

– Вижу, маленький господин, что этот биоскоп тебе не нравится. Я упомянул об этом Божественной Матери. Она нам вполне сочувствует, сказав, что свет сейчас погаснет и не зажжется, пока мы не выйдем из зала.

Когда его шепот прекратился, зал погрузился во тьму. Резкий голос профессора стих от изумления, потом послышалось: «Кажется система освещения зала неисправна». Тем временем мы с учителем Махасая благополучно переступили порог. Взглянув мельком из коридора, я заметил, что место нашего мучения вновь осветилось.

– Маленький господин, ты разочаровался в том биоскопе, но, я думаю, тебе понравится другой. – Мы со святым стояли на тротуаре перед зданием университета. Он мягко шлепнул меня по груди над сердцем.

Последовало преображающее молчание. Точно так же, как современное звуковое кино становится беззвучным движением изображений, когда выходит из строя звуковой аппарат, так божественная рука каким-то чудом подавила земную суматоху. Пешеходы, проезжающие троллейбусы, автомобили, телеги с запряженными в них волами, наемные экипажи с железными колесами – все бесшумно двигалось. Как бы обладая всевидящим оком, я видел сцены, разворачивающиеся позади меня, с любой стороны так же легко, как и впереди. Все зрелище этого оживленного маленького района Калькутты беззвучно проходило передо мной. Подобно отблеску огня, неясно различаемому под покровом пепла, мягкое свечение пронизывало этот панорамный вид.

Мое собственное тело казалось не чем иным, как одной из многих теней, хотя и было неподвижно, тогда как другие безмолвно двигались туда-сюда. Подошли и прошли несколько мальчиков, моих друзей; хотя они и смотрели прямо на меня, но не узнавали.

Необычная пантомима привела меня в невыразимый экстаз. Я пил глубоко из какого-то блаженного источника. Вдруг учитель Махасая снова мягко шлепнул меня по груди. Столпотворение мира обрушилось на мои уши. Я зашатался, как будто резко пробудившись от легкого сна. Трансцендентальное кино было отнято.

---

63 [2]. *Вебстерский новый международный словарь* (1934 г.) дает такое определение *биоскопа* : «Панорама жизни; то, что дает доступ к видению этой панорамы». В таком случае выбор слова учителем Махасая был вполне оправдан.

64 [3]. *Дев* – бог, иногда используется в комбинации с гуру – освящающий или божественный учитель. Означает признание глубокого почтения и уважения к учителю; кроме того, это обычное санскритское наименование духовного учителя.

– Маленький господин, я вижу, второй биоскоп тебе понравился. – Святой улыбался. В знак благодарности я хотел пасть перед ним на колени, но он остановил меня:

– Ты не можешь этого делать теперь. Ты знаешь, что Бог живет также и в твоем храме! Я не хочу допускать, чтобы Божественная Мать твоими руками касалась моих стоп!

Если бы кто-то понаблюдал за учителем и за мной, когда мы уходили с переполненного людьми тротуара, он, несомненно, заподозрил бы нас в пьянстве. Я чувствовал, что падающие вечерние тени были сочувственно опьянены Богом.

Пытаясь в скупых словах отдать должное его доброте, я задаюсь вопросом, осознавали учитель Махасая и другие святые, чьи пути пересекались с моим, что спустя много лет в западной стране я буду писать об их жизни, посвященной божественному? Их предвидение, вероятно, не удивило бы ни меня, ни, я надеюсь, моих читателей, до сих пор следовавших за мной.

Святые всех религий добились понимания Бога благодаря простой концепции Космического Возлюбленного. Поскольку Абсолют – это *ниргуна* (лишенный свойств) и *асинтья* (непостижимый), человеческая мысль и их чаяния всегда персонифицировались с образом Единой Матери. Соединение личного Бога и философии Абсолюта – древнее достояние индийской мысли, изложенное в *Ведах* и *Бхагавадгите* . Это «примирение противоположностей» удовлетворяет сердце и голову; *бхакти* (преданность) и *джняна* (мудрость) – по сути одно. *Прапати* – «поиск убежища» в Боге и *саранагати* – приход к божественному состраданию – действительно являются путями высочайшего знания.

Смирение учителя Махасая и всех святых исходит из признания ими полной зависимости – *сешатва* – от Бога как Единственной Жизни и Единственного Судьи. Так как сама природа Бога – блаженство, человек в гармонии с Ним переживает истинную безграничную радость. «Первая из страстей души и воли – это радость»[65].

Приверженцы всех поколений, приближаясь, как дети, к Матери, свидетельствуют о том, что Она всегда с ними играет. В жизни учителя Махасая проявление божественной игры происходило по любому поводу – важному и неважному. В глазах Бога ничто не является большим или маленьким. Если бы не Его совершенная точность в конструировании крошечного атома, то разве небеса были бы украшены гордым очарованием Веги или Арктура? Деление на «важное» и «неважное», конечно, неизвестно Богу!

Глава 10. Я встречаю своего учителя Шри Юктешвара

«Вера в Бога может произвести любое чудо, кроме одного – выдержать экзамен без обучения». – Я с отвращением захлопнул «вдохновляющую» книгу, купленную случайно в праздную минуту.

«Заключение автора указывает на отсутствие у него веры, – подумал я. – Бедный малый, он испытывает глубокое уважение к полуночной лампаде!»

Я обещал отцу окончить среднюю школу, но не могу сказать, что отличался особым прилежанием. В проходившие месяцы меня чаще можно было найти в укромном месте около *гхатов* для купания в Калькутте, чем в классной комнате. Примыкающие к ним места кремации, особенно страшные ночью, йог считает в высшей степени привлекательными. Тот, кто найдет Бессмертную Сущность, не должен бояться нескольких голых черепов.

---

65 [4]. Эти слова сказаны святым Иоанном Креста. Тело дивного христианского святого, умершего в 1591 г., было эксгумировано в 1859 г. и найдено нетленным.

Сэр Френсис Янгхасбенд (Atlantic Mounthly, декабрь, 1936 г.), рассказывая о святом, поделился собственным опытом переживания Космической радости: «На меня снизошло что-то, что было гораздо больше, чем восторг или приятное возбуждение. От сильнейшей радости я утратил ощущение себя, и с этой неописуемой и почти непереносимой радостью пришло откровение сущностной доброты мира. Невзирая на опровержения, я был убежден, что люди в душе добродетельны, что зло в них поверхностно».

Человеческая неадекватность становится особенно очевидной в мрачном местопребывании разных костей. В общем, мои полуночные бодрствования были совсем иными, чем у других учащихся.

В средней школе приближалась неделя выпускных экзаменов, внушавших многим, подобно могильному своду, хорошо известный ужас. Тем не менее я был спокоен. Храбро встречая «вурдалаков», я докапывался до знания, которое невозможно приобрести в лекционных залах. Но мне недоставало искусства свами Пранабананды, способного запросто появиться в двух разных местах в одно и то же время. Проблема получения мною образования была прямо-таки материалом для бесконечной изобретательности Всевышнего. Так рассуждал я, хотя для многих это и казалось нелогичным. Иррациональное поведение поклоняющегося вытекает из тьмы необъяснимых проявлений безотлагательного вмешательства Бога в его затруднения.

– Привет, Мукунда! Что-то тебя почти не видно в последнее время! – обратился ко мне однажды вечером один школьный товарищ.

– Здравствуй, Нанту! Ты прав, и именно поэтому нахожусь в значительном затруднении, – облегчил я душу под его дружеским взглядом.

Нанту – блестящий ученик, от души расхохотался; мое затруднительное положение действительно было не лишено комического аспекта.

– Ты совсем не готов к выпускным экзаменам! – сказал он. – Думается, мне надо бы тебе помочь.

Эти простые слова звучали как божественное обещание; и я с готовностью посетил дом друга. Он доходчиво пояснил ответы на вопросы, которые, как полагал, будут заданы преподавателем.

– Вопросы эти будут хорошей приманкой в экзаменационной ловушке, на них попадутся многие. Запомни мои ответы, и ты спокойно проскочишь.

Когда я уходил, ночь была уже на исходе. Нагруженный скороспелой эрудицией, я искренне молил Господа, чтобы она сохранилась на несколько следующих критических дней. Нанту поднатаскал меня по разным предметам, но из-за нехватки времени забыл о курсе санскрита. В панике я напомнил Богу о недосмотре.

На следующее утро во время прогулки, приноравливая новое знание к ритму запинающихся шагов, я слегка срезал путь, пройдя прямиком по заросшим травой задворкам. И тут мой взгляд упал на несколько листков небрежно напечатанного текста. Триумфальный прыжок – и в моих руках санскритские стихи! Я попросил одного пандида помочь моему спотыкающемуся переводу. Его сочный голос наполнил воздух гладкой медовой прелестью древнего языка[66].

– Однако этот удачный прыжок не поможет тебе на экзаменах по санскриту, – скептически заметил мудрец.

Но знакомство со стихом позволило мне на следующий день благополучно сдать этот экзамен. По всем другим предметам, благодаря проницательной помощи, оказанной Нанту, я набрал необходимый минимум баллов.

Отец был доволен, что я сдержал слово и окончил среднюю школу. Благодарность моя вознеслась к Господу, чье единственное руководство я усматривал во встрече с Нанту и в прогулке по необычному маршруту через задворки. Играючи, Он придал двойственное выражение своевременному плану моего спасения.

Случайно натолкнувшись на заброшенную книгу, автор которой отказывал Богу в превосходстве в экзаменационных залах, я не мог удержаться от смеха, когда про себя заметил: «Путаница в голове этого ученого мула лишь усилилась бы, скажи я ему, что

66 [1]. *Санскрит* – отшлифованный, полный. Это древнейший из всех индоевропейских языков. Его алфавит – *деванагари* (буквально – божественная обитель). «Кто знает мою грамматику, тот знает Бога!» – такую дань математическому и психологическому совершенству санскрита отдавал великий филолог древней Индии Панини. Тот, кто сумел бы проследить этот язык до его истока, несомненно, закончил бы всеведением.

божественная медитация среди трупов сокращает путь к диплому средней школы!»

В своем новом звании я уже открыто строил планы покинуть дом. Вместе с новым другом Джитендрой Мазумдаром[67] я решил присоединиться к бенаресской обители отшельника Шри Бхарата Дхармы Махамандала и принять ее духовный порядок.

Однажды утром при мысли о расставании с семьей меня охватило отчаяние. После смерти матери возросла нежная привязанность к младшим: братьям Сананде и Бишу и сестре Тами. Я бросился в убежище – маленькую мансарду, свидетельницу столь многих сцен моей беспокойной *садханы* [68]. Проплакав часа два, я ощутил себя странным образом преобразованным как бы некоторым алхимическим очистителем. Всякая привязанность[69] пропала. Решение продолжать поиски Бога как друга из друзей стало прочным, как гранит.

– Прошу в последний раз. – Отец был очень огорчен, когда я пришел к нему за благословением. – Не покидай меня, а также опечаленных братьев и сестер.

– Дорогой отец, как выразить любовь к тебе? Но еще более велика моя любовь к Отцу Небесному, одарившему меня лучшим отцом в мире. Отпусти меня, дабы я однажды вернулся с большим знанием Бога.

Получив вынужденное родительское согласие, я отправился с тем, чтобы присоединиться к Джитендре, уже находящемуся в Бенаресском ашраме. По прибытии меня сердечно встретил глава обители свами Даянанда. Он был молод, высок и худощав, вид его был задумчив. От красивого лица исходил покой Будды.

Я радовался, что в новом доме была мансарда, где мне удавалось проводить часы рассвета и заката. Жители ашрама, мало знавшие о практике медитации, думали, что все мое время займут организационные дела, хваля за работу, которую я выполнял днем.

– Не пытайся уловить Бога столь быстро! – эта насмешка сотоварища сопровождало одно из моих ранних отбытий в мансарду. Я зашел к Даянанде, занятому в своем маленьком кабинете, из окна которого открывался вид на Ганг.

– Свамиджи, мне непонятно, что здесь от меня требуется. Я ищу прямого контакта с Богом. Без Него меня не могут удовлетворить ни членство, ни учение, ни добрые дела.

Духовный наставник в оранжевом одеянии нежно похлопал меня. С наигранным видом он сделал выговор нескольким находящимся поблизости ученикам:

– Не беспокойте Мукунду. Он научится нашим методам.

Из вежливости я скрыл сомнение. Ученики покинули комнату не слишком обремененные наказанием. Даянанда продолжил:

– Мукунда, я вижу, отец регулярно посылает тебе деньги. Пожалуйста, возврати их ему, ты здесь ни в чем не нуждаешься. Второе дисциплинарное предписание касается еды. Не упоминай о ней, даже если ты очень голоден.

Видно ли было по глазам, что я голоден, не знаю. Только хорошо знаю, что я действительно часто был голоден. Постоянным часом первого приема пищи в обители был полдень. А у себя дома я привык к обильному завтраку в девять часов утра.

Трехчасовой разрыв с каждым днем казался все больше. Далеко ушли те годы в Калькутте, когда можно было упрекнуть повара за десятиминутную задержку. Теперь я старался контролировать аппетит и однажды устроил суточный пост. С удвоенным интересом я ждал следующего полудня. –

Поезд Даянанды опаздывает; мы не сядем есть, пока он не приедет, – принес мне

---

67 [2]. Это был не тот Джатинда (Джотин Гхош), памятный своим своевременным отвращением к тиграм.

68 [3]. *Садхана* – путь или подготовительная дорога к Богу.

69 [4]. Индийские Писания учат, что семейная привязанность – это заблуждение, если она препятствует приверженцу искать Подателя всех благ, включая и любовь, не говоря уже о самой жизни. Иисус тоже учил: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». – *От Матфея* 10.37.

Джитендра эту сокрушающую новость. Для радушного приема свами, отсутствующего две недели, было приготовлено много лакомств. Воздух наполнился аппетитными ароматами. Что мне оставалось проглотить, кроме гордости за вчерашнюю голодовку?

«О Господи, поторопи поезд!» Но мне казалось, что Небесный Провидец вряд ли вмешается в запрет, наложенный Даянандой. Божественное внимание было где-то в другом месте. Медленно текли часы. Когда вошел руководитель, уже спустились сумерки. Радость моего приветствия была неподдельна.

– Даянанда помоется и помедитирует перед едой, – вновь, как ворона, с дурным известием приблизился Джитендра.

Я был близок к обмороку. Молодой желудок, непривычный к лишениям, протестовал. Подобно призракам, картины жертв голода носились передо мной.

«Следующая смерть от голода в Бенаресе будет именно в этой обители», – подумал я. Надвигающаяся гибель была предотвращена в девять часов вечера приглашением к пище богов! Этот ужин живет в памяти как один из лучших часов жизни.

Хотя я был целиком поглощен едой, тем не менее заметил, что Даянанда ест как-то рассеянно, он явно не разделял моего глубокого наслаждения.

– Вы не были голодны, свамиджи? – Наевшись, счастливый, я был наедине с ним в его рабочем кабинете.

– О, да! – сказал он, – последние четыре дня я ничего не ел и не пил, ибо никогда не ем в поездах, наполненных разнородными вибрациями мирских людей. Я строго соблюдаю предписания *шастр* [70] для монахов моего ордена. Некоторые проблемы организации работы в нашем обществе не выходят у меня из головы. Сегодня я пропустил обед, – к чему спешка? Завтра я уж обязательно хорошо поем, – он рассмеялся, вопрос этот, очевидно, не имел для него никакого значения.

Я задыхался от стыда. Но мучения прошедшего дня забыть было нелегко, и я рискнул заметить:

– Свамиджи, я в затруднении. Предположим, следуя вашим указаниям, я никогда не попрошу еды и никто мне ее не предложит. Я умру от голода.

– Тогда умри! – расколол воздух волнующий ответ. – Умри, если ты должен, Мукунда! Никогда не допускай мысли, что ты живешь благодаря пище, а не силе Бога! Тот, Кто сотворил всякую форму питания, Тот, Кто наделил аппетитом, безусловно обеспечит Своего приверженца всем необходимым. Не воображай, будто тебя хранит рис, будто тебя поддерживают деньги или люди. В состоянии ли они помочь, если Господь отберет дыхание твоей жизни? Они просто Его косвенные инструменты. Твоим ли умением переваривается пища в желудке? Воспользуйся мечом различения, Мукунда! Рассеки цепи внешних средств и постигни Единственную Причину!

Его резкие слова проникли в душу. Ушла давняя иллюзия, из-за которой телесные требования превозмогали душевные. Сразу же я ощутил всеизбыточность духа. Во скольких чужих городах в дальнейшей жизни, почти сплошь состоящей из переездов, я видел полезность этого урока, полученного в Бенаресской обители!

Единственным сокровищем, сопровождавшим меня от Калькутты, был серебряный амулет садху, завещанный матерью. Я оберегал его несколько лет и теперь тщательно спрятал в своей комнате. Однажды утром я открыл ящик, чтобы вновь порадоваться свидетельству талисмана. Запертая крышка была нетронута, но... о чудо! – амулет исчез. Я со

---

70 [5]. *Шастры* – буквально – священные книги; включают четыре вида Писаний: *шрути, смрити, пураны* и *тантры* . Эти глубочайшие труды освещают все аспекты религиозной и социальной жизни, а также сферу музыки, медицины, архитектуры, искусства и так далее. *Шрути* – это «непосредственно услышанные» писания или «открытые», к ним относятся *Веды, Смрити* – или «запоминаемые» учения, были окончательно сформированы в далеком прошлом как самые длинные в мире эпические поэмы – *Махабхарата* и *Рамаяна* . *Пураны* – буквально – древние аллегории; их насчитывается восемнадцать. *Тантры* – буквально – обряды или ритуалы; эти писания под покровом детально разработанного символизма выражают глубокие истины.

скорбью разорвал пакетик, чтобы окончательно в этом убедиться. Как и предсказывал садху, амулет растворился в эфире, из которого появился.

Отношение к последователям Даянанды становились все хуже и хуже. Домочадцев оттолкнула моя решительная отчужденность и строгая приверженность медитациям на том самом Идеале, ради Которого я покинул дом и мирские стремления, и вызывала мелочные упреки со всех сторон.

Раздираемый духовной мукой, однажды я вошел в мансарду с твердым решением молиться до тех пор, пока не удостоюсь ответа.

– Милостивая Мать Вселенной, научи меня Сама через видения или через гуру, ниспосланного Тобой!

Шли часы, но слезная мольба оставалась без ответа. Вдруг я ощутил себя как будто телесно вознесенным в беспредельные сферы.

– Твой учитель появится сегодня! – Божественный женский голос прозвучал одновременно отовсюду и ниоткуда.

Это высокое восприятие было прервано пронзительным криком одного из жильцов ашрама. Юный священнослужитель по прозвищу Хабу позвал меня из кухни на нижнем этаже.

– Мукунда, хватит медитировать! Для тебя есть поручение.

Будь это в другой день, я бы ответил резкостью; теперь же я вытер распухшее от слез лицо и кротко повиновался. Вместе с Хабу мы отправились на отдаленную базарную площадь в бенгальской части Бенареса. Немилосердное индийское солнце еще не достигло зенита, когда все покупки были сделаны. Мы протискивались через красочную толпу домохозяек, проводников, священников, просто одетых вдов, достойных *брахманов* и многочисленных священных коров. Проходя по одной неприметной улочке, я оглянулся, всматриваясь в узкое пространство.

Человек, похожий на Христа, в одеянии свами цвета охры неподвижно стоял в конце улочки. Мой жадный взгляд на мгновение остановился на нем, он сразу показался давным-давно знакомым. Потом мною овладело сомнение: «Ты путаешь этого странствующего монаха с каким-нибудь знакомым. Иди дальше, мечтатель».

Минут через десять я почувствовал в ногах тяжкое оцепенение, будто обратившись в камень, они отказались нести меня дальше. С трудом я повернулся назад – тяжесть в ногах исчезла. Повернулся в противоположном направлении – стальная тяжесть навалилась опять.

«Святой притягивает меня к себе, как магнит», – подумал я и взвалил свои свертки на руки Хабу. Он с изумлением наблюдал за беспорядочными движениями моих ног и теперь разразился хохотом.

– Что с тобой? Ты сошел с ума?

Мое возбуждение не давало возможности возразить. Я молча кинулся обратно, и в мгновение ока достиг той же самой узкой улочки, обнаружив спокойную фигуру, степенно смотрящую в мою сторону. Несколько быстрых шагов – и я у его стоп.

– Гурудев![[71]] – Этот божественный лик был именно тем, который я созерцал в тысячах видений. Эти безмятежные глаза, львиная голова с остроконечной бородкой и волнистыми волосами проглядывали сквозь тьму ночных мечтаний, неся не вполне понятное обещание.

– О мой родной, ты пришел! – вновь и вновь повторял он на бенгали, голос его дрожал от счастья. – Как много лет я ждал тебя!

Мы слились в молчании, слова казались излишними. Красноречие беззвучной песней текло от сердца учителя к сердцу ученика. Безошибочная интуиция говорила, что гуру знает Бога и поведет меня к Нему. Все туманное в этой жизни рассеялось в хрупкой заре воспоминаний прежней жизни. Волнующий момент! В нем слились сцены прошлого, настоящего и будущего, сменяющие поочередно друг друга. Не первое солнце заставало

---

71 [6]. Я встретил учителя в 1910 г.

меня у этих святых стоп!

Взяв за руку, гуру повел меня в свою временную резиденцию в районе Ран Махала. Атлетически сложенный, он передвигался уверенно и быстро. Высокий, стройный, в свои пятьдесят пять лет он был активным и энергичным, как молодой человек, большие прекрасные темные глаза выражали бездонную мудрость. Слегка вьющиеся волосы смягчали поразительную властность лица. Сила неуловимо сочеталась с мягкостью.

Когда мы вышли на каменный балкон дома с видом на Ганг, он сказал с нежностью:

– Я отдам тебе жилища и все, что у меня есть.

– Господин, я пришел ради мудрости и контакта с Богом. Это те драгоценности, которые мне нужны!

Быстрые индийские сумерки опустили завесу прежде, чем учитель заговорил вновь. В глазах его была неизмеримая нежность.

– Я дарю тебе свою безусловную любовь.

Дорогие слова! Четверть века спустя я получил другое бесценное доказательство его любви. Устам его был чужд пыл, молчание стало его сердцем, сердцем-океаном.

– Подаришь ли ты мне такую же безусловную любовь? – он смотрел на меня с детской доверчивостью.

– Я буду любить вас вечно, гурудев!

– Обычная любовь эгоистична, она коренится во тьме желаний и их удовлетворении. Божественная любовь не имеет условий, границ и измерений. Переменчивость человеческого сердца исчезает навсегда от пронизывающего прикосновения чистой любви. – Он смиренно добавил: – Если когда-нибудь ты увидишь, что я отпадаю от богопознания, обещай, пожалуйста, положить мою голову к себе на колени и помочь вернуться к Космическому Возлюбленному, Которому мы оба поклоняемся.

Он поднялся в сгущающейся тьме и повел меня во внутреннюю комнату. Когда мы ели манго и миндальные леденцы, он в беседе ненавязчиво проявил глубокое знание моей натуры. Я был охвачен благоговением перед грандиозностью его мудрости, изысканно сочетавшейся с врожденной скромностью.

– Не убивайся по амулету. Он выполнил свою роль, – как в божественном зеркале, в гуру точно отразилась вся моя жизнь.

– Живая реальность вашего присутствия, учитель, – это радость превыше всякого символа.

– Поскольку в нынешней обители ты чувствуешь себя несчастным, настало время перемен.

Я совсем не говорил о своей жизни, теперь это казалось не нужным. По его естественной манере говорить, лишенной всякого нажима, я понял, что он не хотел возгласов изумления по поводу его ясновидения.

– Ты должен вернуться в Калькутту. Зачем же исключать родных из сферы любви к людям?

Это предложение очень сильно испугало меня, ибо семья предсказывала такое возвращение, хотя на множество подобных просьб в их письмах я не отвечал.

«Пусть юная птичка полетает в метафизических небесах, – заметил Ананта. – Крылья ее утомятся в тяжкой атмосфере. Мы увидим еще, как она устремится вниз, к дому, сложит крылышки и скромно обоснуется в семейном гнездышке». – Это обескураживающее сравнение ожило в памяти, и я решил не «устремляться вниз», в сторону Калькутты.

– Господин, я последую за вами всюду, но домой не вернусь. Дайте, пожалуйста, мне ваш адрес и назовите свое имя.

– Свами Шри Юктешвар Гири. Основное мое жилище находится в Серампуре, на Рей Гхат-лейн. Сюда я приехал на несколько дней для того, чтобы навестить мать.

Я подивился сложной игре Бога с Его приверженцами. Серампур находится всего в двадцати километрах от Калькутты, и все же в тех местах мне никогда не доводилось, хотя

бы случайно, встретить своего гуру. Для этого мы должны были проехать к древнему Каши[72], освященному памятью о Лахири Махасая. Эту землю также благословили стопы Будды, Шанкарачарьи[73] и многих других Христоподобных йогов.

– Ты приедешь ко мне через четыре недели, – впервые в голосе Шри Юктешвара проявились суровые нотки. – Теперь, когда я выразил вечную привязанность и показал, что счастлив найти тебя, ты считаешь возможным пренебречь моим требованием. Когда мы встретимся в следующий раз, ты должен будешь вновь пробудить мой интерес. Я нелегко приму тебя в ученики; необходимо полностью отдать себя в полное повиновение моему строгому обучению.

Я хранил упорное молчание. Но гуру быстро проник в мое затруднение:

– Ты считаешь, что родные будут над тобой смеяться?

– Я не вернусь домой.

– Ты вернешься через тридцать дней.

– Никогда.

Почтительно склонившись к его стопам, я ушел, не рассеяв натянутости разговора. Шагая в полуночной тьме, я думал, почему чудесная встреча закончилась так некрасиво. Двойственный весы майи, что всякую радость уравновешивают с печалью! Мое юное сердце еще не было податливым для преобразующих рук гуру.

На следующее утро я заметил возросшую враждебность членов обители в отношении ко мне. Меня сопровождала неизменная грубость. Прошло три недели. Даянанда уехал в Бомбей, чтобы принять участие в конференции. Пребывание в ашраме стало адом.

«Мукунда – паразит, пользующийся гостеприимством обители, ничем не возмещая его». – Услышав такое замечание, я впервые пожалел, что подчинился требованию отослать

---

72 [7]. *Каши* – древнее название Бенареса.

73 [8]. *Шанкарачарья* (Шанкара) – величайший индийский философ – был учеником Говинды Джати и впоследствии Гуадапады. Шанкара написал знаменитый комментарий к трактату *Мандукья Карика* Гуадапады. С неопровержимой логикой, в восхитительно нежном стиле Шанкара, строго следуя духу *адвайты* (монизма, недуалистичности), комментировал философию *Веданты* . Великий монист сочинял стихи о благоговейной любви. В его *Молитве Божественной Матери о прощении грехов* есть припев «Хоть плохих сынов много, никогда не было плохой матери».

Санандана – ученик Шанкары – написал комментарий к *Брахма-сутре* (философия *Веданты*). Манускрипт полностью сгорел при пожаре, но Шанкара, однажды просмотревший его, повторил содержание слово в слово своему ученику. Текст, известный как *Панчападика* , изучается учеными по сей день.

В бытность ученичества Санандана получил новое имя после одного чудесного эпизода. Однажды, сидя у реки, он услышал, что с противоположного берега его зовет Шанкара. Санандана сразу ступил в воду. Его ноги и вера одновременно получили поддержку, когда Шанкара материализовал в бурлящей реке множество цветов лотоса. После этого случая ученика стали звать именем Падмапада, что переводится как «лотос-нога».

В *Панчападике* Падмапада множество раз воздает нежную дань своему гуру. Сам Шанкара писал следующие прекрасные строки: «Для истинного гуру не существует достойного сравнения в трех мирах. Если бы философский камень действительно существовал, он мог бы лишь превратить железо в золото, а не в другой философский камень. Почитаемый учитель же делает равным себе ученика, который находит убежище у его ног. Поэтому гуру – бесподобен и, более того, трансцендентален» (*Century of Verses?* 1).

Божественный Шанкара являл редкое сочетание святого, ученого и человека действия. Хотя он прожил только тридцать два года, многие из этих лет были потрачены на трудные путешествия в разные уголки Индии, где он распространял учение *адвайты* . Собирались миллионы людей, движимые большим желанием услышать животворные мудрые речи босоногого монаха.

Шанкара усердно реорганизовывал древний монашеский Орден Свами (см. гл. 24). Он создал также *маты* (монашеские центры образования) в четырех областях: Майсур – на юге, Пури – на востоке, Дварка – на западе и Бадринатх – на севере Гималаев.

Четыре *мата* великого мониста, обеспечиваемые государственными деятелями и простым народом, давали возможность свободного обучения грамматике санскрита, логике и философии *Веданты* . Целью Шанкары при размещении этих четырех *матов* в разных уголках Индии было религиозное и национальное единство. Теперь, как и прежде, набожный индус находит бесплатное место и стол в *чоултриях* и *сатрамах* – домах для отдыха вдоль дорог, по которым идут паломники. Все это поддерживается общественными пожертвованиями.

деньги отцу. С тяжким сердцем разыскал я единственного друга Джитендру.

– Я уезжаю. Передай, пожалуйста, почтительные извинения Даянандаджи, когда он вернется.

– Я тоже думаю уехать! Мои попытки медитации здесь увенчались не большим успехом, чем твои, – решительно заявил Джитендра.

– Я встретил Христоподобного святого. Навестим его в Серампуре.

Итак, «птичка» собралась «устремиться вниз», опасно приближаясь к Калькутте!

Глава 11. Двое мальчишек без гроша в Бриндабане

– Поделом будет, Мукунда, если отец лишит тебя наследства! Как глупо ты расточаешь свою жизнь! – Упреки старшего брата обрушились на мою голову.

Мы с Джитендрой, свеженькие с дороги (это образно говоря; на самом деле мы были в пыли с головы до пят), только что прибыли с поезда в дом Ананты, недавно переведенного из Калькутты в древний город Агру. Брат был главным бухгалтером правительственного департамента коммунальных работ.

– Ты же хорошо знаешь, Ананта, я ищу наследства от Небесного Отца.

– Сначала деньги, потом Бог! Кто знает – жизнь может быть слишком длинна.

– Сначала Бог, деньги – Его рабы! Кто знает – жизнь может быть слишком коротка.

Мое возражение было вызвано остротой момента, в нем не было никакого предчувствия. Жизнь для Ананты действительно закончилась рано[74].

– Мудрость из обители, я полагаю! Но я вижу, ты оставил Бенарес. – Глаза Ананты светились удовлетворением, он еще надеялся приколоть мои крылья к семейному гнезду.

– Пребывание в Бенаресе было не напрасным! Я нашел там все, чего желало сердце. Можешь быть уверен, это не твой пандит и не его сын!

Ананта вместе со мной рассмеялся, вынужденно признавая, что выбранный им бенаресский «ясновидящий» на самом деле оказался несколько недальновидным.

– И каковы твои планы, мой бродящий братец?

– Джитендра уговорил меня заехать в Агру. Здесь мы осмотрим красоты Тадж Махала[75], – объяснил я. – Затем отправимся в Серампур к моему вновь обретенному гуру.

Гостеприимный Ананта сделал все, чтобы нам было удобно. Несколько раз за вечер я замечал, что глаза его задумчиво на мне задерживались.

«Знаю я этот взгляд, – подумал я. – Замышляется заговор!»

Развязка наступила во время раннего завтрака. – Итак, ты чувствуешь себя независимым от отцовского состояния, – Ананта с невинным взглядом подвел итог колкостям вчерашней беседы.

– Я сознаю свою зависимость от Бога.

– Слова ничего не стоят! До сих пор жизнь берегла тебя. Как бы обернулось дело, окажись ты вынужденным надеяться на *Незримую Руку* в пропитании и приюте? Ты, верно, вскоре оказался бы уличным нищим.

– Никогда! Я скорее не поверил бы в прохожих, чем в Бога! Для Своих приверженцев Он может открыть тысячи источников помимо чаши нищего!

– Опять слова! Предположим, я решусь испытать твою хвастливую философию в этом осязаемом мире.

– Я бы согласился! Ты что, ограничиваешь Бога одной только умозрительной сферой?

– Посмотрим; сегодня у тебя будет возможность либо изменить, либо подтвердить мои

74 [1]. См. главу 25.

75 [2]. *Тадж Махал* – известный во всем мире мавзолей.

собственные взгляды. – Ананта выдержал драматическую паузу, потом заговорил медленно и серьезно:

– Предположим, я пошлю тебя с твоим единомышленником Джитендрой сегодня утром в соседний город Бриндабан. У вас не должно быть ни единой рупии, вы не должны просить ни еды, ни денег, никому не открывать затруднительного положения, и все это не должно привести к остановке в Бриндабане. Если вы до двенадцати ночи вернетесь сюда, в мой дом, не нарушив ни одного правила этого испытания, я буду самым удивленным человеком в Агре!

– Я принимаю вызов, – ни в словах, ни в сердце у меня не было колебания. Передо мной промелькнули приятные воспоминания о *незамедлительных благодеяниях* : исцеление от смертельной холеры через обращение к портрету Лахири Махасая; шаловливый дар двух воздушных змеев на лахорской крыше с Умой; своевременной появление амулета в период упадка духа в Барейли; имеющая решающее значение весть от незнакомого бенаресского садху из-за ограды дома пандита; видение Божественной Матери и Ее величественные слова любви; Ее нежное внимание через учителя Махасая к моим пустячным затруднениям; руководство в последнюю минуту, материализовавшееся дипломом средней школы; и высший дар – живой учитель из тумана мечтаний всей жизни. Я никогда не допускал того, что моя «философия» не подходит к какой-то борьбе на почве грубых мирских доказательств.

– Такая готовность делает тебе честь. Сейчас я провожу вас на поезд, – сказал Ананта, и повернувшись к Джитендре, стоявшему с открытым ртом, продолжил: – А ты поедешь с ним как свидетель и, весьма вероятно, как вторая жертва.

Через полчаса я и Джитендра были обладателями двух билетов в одну сторону этой импровизированной поездки. Мы позволили обыскать себя в укромном уголке станции. Скоро Ананта убедился, что у нас не было скрыто никаких припасов. В наших простых *дхоти* [[76]] было лишь минимум самого необходимого.

Когда дело веры коснулось серьезной сферы финансов, мой друг запротестовал:

– Ананта, дай нам для гарантии одну-две рупии. Тогда в случае неудачи я смогу телеграфировать.

– Джитендра! – воскликнул я укоризненно. – Я не пойду на это испытание, если ты в качестве какой-либо гарантии возьмешь хоть сколько-нибудь денег.

– В звоне монет, быть может, есть что-то успокаивающее. – Встретившись с моим строгим взглядом, Джитендра больше ничего не прибавил.

– Мукунда, я не бессердечен. – Тень смирения закралась в голос Ананты. Возможно, он почувствовал угрызение совести, посылая двух мальчиков без гроша в чужой город, а возможно, по причине собственного религиозного скептицизма. – Если вам каким-то образом удастся пройти через бриндабанское испытание, то я буду просить тебя принять меня в твои ученики.

В этом обещании было некоторое нарушение общепринятых норм, видимо, в связи с из ряда вон выходящим случаем. Старший брат в индийской семье редко склоняется перед младшим; он принимает уважение и повиновение, уступая лишь отцу. Но для моего замечания не оставалось времени. Поезд вот-вот должен был отправиться.

Пока поезд покрывал мили, Джитендра сохранял мрачное молчание. Наконец, пошевелившись, он наклонился вперед и больно ущипнул меня за чувствительное место.

– Я не вижу никаких признаков, по которым можно было бы судить, будто Бог собирается нас покормить!

– Будь спокоен, Фома неверующий, Господь с нами.

– Не можешь ли ты заодно договориться, чтобы Он поспешил? Я ощущаю голод только лишь от вида ожидающей нас перспективы. Я оставил Бенарес для того, чтобы увидеть

76 [3]. *Дхоти* – кусок ткани, завязывающейся вокруг талии и закрывающей ноги.

мавзолей *Тадж* , а не для того, чтобы оказаться в собственном!

– Не унывай, Джитендра! Ведь нам предстоит впервые взглянуть на священные чудеса Бриндабана?[77] Меня всего пронизывает радость при мысли, что я ступаю по земле, освященной стопами Господа Кришны.

Дверь нашего купе открылась, и в нее зашли двое. Следующая остановка поезда – последняя.

– Ребята, у вас есть в Бриндабане друзья? – проявил неожиданный интерес незнакомец, севший напротив меня.

– Никого, а что? – я бесцеремонно отвернулся. – Вы, наверное, убежали из дома очарованные Похитителем сердец[78]. Я сам испытываю перед Ним благоговейный трепет и сочту долгом позаботиться о том, чтобы вас покормили и дали укрытие от этой изнуряющей жары.

– Нет, сэр, не беспокойтесь о нас. Вы очень добры, но вы ошибаетесь, принимая нас за беглецов из дому.

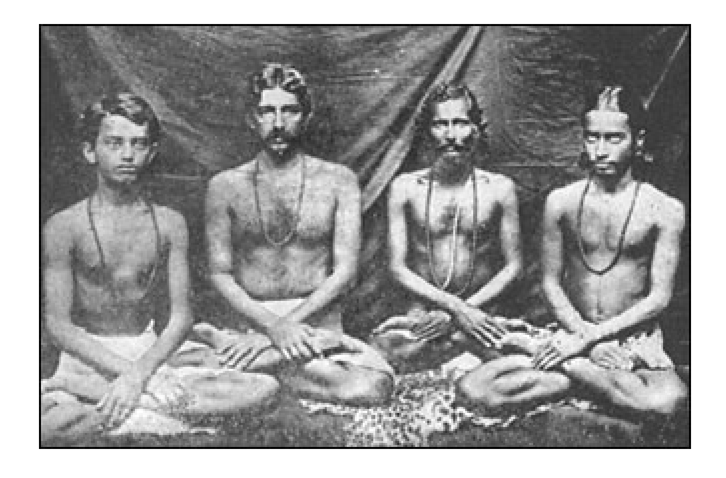
Беседа дальше не клеилась, поезд приближался к остановке. Когда мы с Джитендрой сошли на платформу, случайные попутчики присоединились к нам и подозвали кеб.

Мы подъехали к величественному жилью, окруженному вечнозелеными деревьями и садом, содержащимся в отличном состоянии. Наши благодетели, очевидно, были здесь хорошо известны. Улыбающийся мальчик, не говоря ни слова, повел нас в гостиную. Скоро вышла полная достоинства пожилая женщина.

– Гаури Ма, принцы явиться не смогли, – обратился один из наших попутчиков к хозяйке ашрама. – В самый последний момент их планы изменились, и они глубоко извиняются. Но я привел двух других гостей. Едва мы повстречались в поезде, как я сразу почувствовал в них поклонников Господа Кришны.

– До свиданья, юные друзья! – оба попутчика направились к двери. – Если Богу будет угодно, мы еще встретимся.

– Будьте как дома, – Гаури Ма по-матерински улыбнулась двоим неожиданным подопечным. – Лучшего дня выбрать было невозможно. Я ожидала двух царственных покровителей этой обители. Было бы очень досадно, если бы мою кухню никто не оценил!



Слева направо: Джитендра Мазумдар (мой компаньон по испытанию в Бриндабане), мой двоюродный брат Лалит-Да, мой учитель санскрита Свами Кебелананда и я сам

77 [4]. Бриндабан у реки Джамуны – это индийский Иерусалим. Здесь аватара Господь Кришна на благо всего человечества являл Свою славу.

78 [5]. Похититедь сердец – *Хари* ; ласкательное имя, под которым Господь Кришна известен среди Своих приверженцев.

Эти приятные слова весьма неожиданно подействовали на Джитендру: он разревелся. «Перспектива», пугавшая его в Бриндабане, обернулась королевским приемом. Такой внезапный поворот оказался ему не по силам. Наша хозяйка взглянула на него с любопытством, но ничего не сказала. Видимо, ей была хорошо известна неуравновешенность молодежи.

Объявили завтрак. Гаури Ма провела нас во внутренний дворик, предназначенный для принятия пищи и наполненный вкусными запахами, а сама исчезла в примыкающей к нему кухне.

Предвосхищая этот момент, выбрав у Джитендры подходящее место, я столь же чувствительно ущипнул его, как и он меня в поезде.

– Фома неверующий, Господь действует – да еще и спешит!

Хозяйка вернулась с веером. Она обмахивала нас на восточный лад, пока мы сидели на богато украшенных покрывалах. Ученики ашрама ходили взад и вперед, разнося еду – всего около тридцати блюд. Все это скорее можно было назвать не едой, а роскошным пиршеством. Со дня появления на этой планете мы с Джитендрой никогда не пробовали подобных яств.

– Досточтимая мать, в самом деле, эти блюда – для принцев! Не могу представить, какое дело ваши царственные покровители сочли более неотложным, нежели этот пир. Он нам запомнится на всю жизнь!

Связанные требованием Ананты молчать, мы не могли объяснить доброй женщине, что эта благодарность имела двойной смысл. В конце концов, наша искренность была очевидна. Мы ушли, получив ее благословение и заманчивое предложение вновь посетить обитель.

Жара на улице была беспощадной. Мы с другом укрылись под пышным деревом к*адамба* у дверей ашрама. Я услышал резкие слова: Джитендру опять одолевали опасения.

– В хорошенькое дельце ты меня втянул! Наш завтрак был лишь счастливой случайностью! Как нам удастся осмотреть достопримечательности этого города без единой *пайсы* в кармане? И каким образом ты собираешься доставить меня обратно к Ананте?

– Ты быстро забываешь Бога – едва наполнился желудок! – мои прямые слова изобличали короткую человеческую память о дарах Божьих! На земле нет никого, чтобы хоть одна из молитв его не исполнилась.

– Мне также не следует забывать и свою глупость – отважиться на это рискованное предприятие с таким сумасбродным типом, как ты!

– Будь спокоен, Джитендра! Тот же Господь, что накормил нас, покажет нам Бриндабан и вернет нас в Агру.

Изящный молодой человек с приятным лицом быстрым шагом приблизился к нам. Дойдя до нашего дерева, он склонился передо мной:

– Дорогой друг, вы и ваш товарищ здесь, должно быть, чужие. Позвольте мне быть вашим хозяином и гидом.

Едва ли индиец может побледнеть, но лицо Джитендры вдруг стало бледным. Я вежливо отклонил предложение.

– Вы ведь не гоните меня? – Смятение незнакомца в иных обстоятельствах было бы забавным.

– Отчего же?

– Вы мой гуру. – Глаза его доверчиво смотрели на меня. – Во время моих полуденных молений блаженный Господь Кришна в видении явился мне. Он показал мне две покинутые всеми фигуры под этим самым деревом. Одно лицо было вашим, учитель. Мне часто виделось оно в медитациях. Как я буду рад, если вы примете мои скромные услуги!

– Я тоже счастлив, что ты нашел меня. Ни Бог, ни люди не остановили нас! – Хотя я не пошевелился, улыбаясь восторженному лицу, внутренняя почтительность повергла меня к стопам Божьим.

– Дорогие друзья, не окажете ли вы честь моему дому своим посещением? – Ты добр, но план этот неосуществим. Мы уже гости моего брата в Агре.

– По крайней мере, пусть памятью о вас мне будет наша с вами экскурсия по Бриндабану.

Я охотно согласился. Молодой человек, сказавший, что его имя Пратап Чаттерджи, вызвал экипаж. Мы посетили храм Маданамохана и другие святыни, связанные с Господом Кришной. Когда мы молились, на храм опустилась вечерняя темнота.

– Извините меня, я принесу *сандеш* [79]. – Пратап зашел в лавку близ железнодорожной станции. Мы с Джитендрой прогуливались по широкой улице, дышащей теперь относительной свежестью. Наш друг отсутствовал некоторое время и, наконец, вернулся с дарами – множеством леденцов.

– Пожалуйста, позвольте мне обрести религиозную заслугу, – Пратап просительно улыбнулся, протягивая пачку рупий и два только что купленных билета до Агры.

Благодарность моего принятия предназначалась Незримой Руке. Разве щедрость Ее, высмеиваемая Анантой, не простиралась много дальше крайней необходимости?

Мы отыскали укромное место близ станции. – Пратап, я научу тебя *крия-йоге* Лахири Махасая, величайшего йога современности. Его техника будет твоим гуру.

Обучение завершилось в полчаса.

– *Крия* – твое *чинтамани* [80], – сказал я новому ученику. – Техника эта, которая, как ты видишь, проста, воплощает в себе искусство ускорения духовной эволюции человека. Индийские Священные Писания учат, что воплощенному я требуется миллион лет, чтобы достичь освобождения от *майи* . Этот естественный период значительно сокращается посредством *крия-йоги* . Точно так же, как рост растений может быть значительно ускорен против обычной нормы, что продемонстрировал Джагдиш Чандра Бос, можно ускорить и психологическое развитие человека с помощью научных средств. Будь предан в своей практике и ты достигнешь Гуру всех гуру.

– Я подвигнут найти этот йоговский ключ, который давно искал! – сказал Пратап задумчиво. – Его действие, снимающее чувственные оковы, несет освобождение для высших сфер. Сегодняшнее видение Господа Кришны может означать для меня лишь высшее благо.

Мы немного посидели, понимая друг друга без слов, затем медленно направились к станции. Садясь в поезд, я был исполнен внутренней радости, но для Джитендры это был день слез. Нежное прощание с Пратапом прерывалось сдавленными всхлипываниями обоих моих друзей. В поезде скорбь вновь овладела Джитендрой, но теперь он скорбел не из-за страха за себя, но о себе.

– Как поверхностна моя вера, сердце мое было каменным! Никогда больше я не усомнюсь в Божьем покровительстве.

Близилась полночь. Двое «Золушек», отосланных без гроша, входили в спальню Ананты. Как он и предсказывал, на его изумленное лицо стоило посмотреть. Молча я усыпал стол рупиями.

– Джитендра, правду! – тон Ананты был шутливым. – Не ограбил ли кого-нибудь этот юноша?

Но когда все было рассказано, брат стал серьезным, затем каким-то торжественным.

– Закон спроса и предложения достигает более тонких сфер, чем я предполагал, – Ананта говорил с духовным энтузиазмом, которого ранее у него не отмечалось. – Я впервые понимаю ваше безразличие к земным благам и пошлым накоплениям.

Хотя было поздно, брат мой настаивал на получении *дикша* [81] в *крия-йогу* . «Гуру»

79 [6]. *Сандеш* – индийские леденцы.

80 [7]. *Чинтамани* – мифическая драгоценность, обладающая силой дарования исполнения всех желаний; также имя Бога.

81 [8]. *Дикша* – духовное посвящение, от санскритского глагольного корня *дикш* – посвящать себя.

Мукунда в один день взвалил на себя ответственность за двух учеников.

Завтрак на следующее утро был съеден в полной гармонии, отсутствовавшей днем раньше.

Я улыбнулся Джитендре:

– Тебя не лишат Тадж Махала. Осмотрим его до поездки в Серампур.

Простившись с Анантой, мы с другом вскоре стояли перед славой Агры – Тадж Махалом. Белый мрамор ослепительно сверкал в лучах солнца, являя собой картину абсолютной симметрии. Идеальное окружение – темные кипарисы, блестящие газоны и мирные лагуны. Внутри мавзолея – изысканная кружевная резьба, инкрустированная самоцветами. Мрамор образует изящные сложные завитки коричневого и фиолетового цвета. Из-под купола свет падает на саркофаги императора Шах Джахана и царицы его владений и его сердца Мумтаз-и-Махаль.

Довольно зрелищ! Меня тянуло к моему гуру. Вскоре мы с Джитендрой ехали в поезде на юг, к Бенгалии.

– Мукунда, я передумал ехать. Несколько месяцев я не видел родных. Возможно, я навещу твоего учителя в Серампуре позже.

Друг, отличавшийся, мягко говоря, непостоянством темперамента, оставил меня в Калькутте. Местным поездом я скоро добрался до Серампура, расположенного в двадцати километрах к северу.

Я был поражен, когда до меня дошло, что со дня встречи с моим гуру в Бенаресе прошло ровно двадцать восемь дней. – «Ты приедешь ко мне через четыре недели!» – И вот с бьющимся сердцем я стою в его дворе на тихой Рей Гхат-лейн, впервые входя в жилище, где провел лучшую часть следующих десяти лет с *Джнянаватарой* [[82]] Индии.

Глава 12. Годы в доме учителя

– Ты пришел, – Шри Юктешвар обратился ко мне, сидя на тигровой шкуре, постеленной на полу гостиной с балконом. Голос его был холодным, манера говорить равнодушной.

– Да, дорогой учитель, я здесь, чтобы следовать за вами. – Склонившись, я коснулся его стоп.

– Как это может быть? Ты игнорируешь мои требования.

– Больше нет, гуруджи! Ваше указание будет законом для меня.

– Так-то лучше! Теперь я могу взять на себя ответственность за твою жизнь.

– Я с готовностью передаю вам эту ношу, учитель.

– Тогда – мое первое требование: ты вернешься домой, к семье. Я хочу, чтобы ты поступил в колледж в Калькутте, – образование необходимо продолжить.

– Хорошо, сэр. Я скрыл ужас: «Неужели докучливые книги годами будут меня преследовать? Сначала отец, теперь Шри Юктешвар!»

– Когда-нибудь ты отправишься на Запад. Люди там охотнее воспримут древнюю мудрость Индии, если чужеземный индусский учитель будет иметь университетскую степень.

– Вам лучше знать, гуруджи.

Мое уныние рассеялось. Упоминание о Западе сбило меня с толку и казалось невероятным, но я воспользовался возможностью порадовать учителя послушанием.

– Ты будешь рядом в Калькутте; наезжай сюда, когда выберешь время.

– Если можно, каждый день! Я с благодарностью признаю ваш авторитет в любой,

---

82 [9]. *Джнянаватара* – воплощение мудрости.

даже незначительной детали своей жизни при одном условии.

– Да?

– Если вы обещаете открыть мне Бога!

Последовала часовая словесная борьба. Обещание учителя не может быть поддельным; оно дается нелегко. Такой обет подразумевает открытие широких метафизических перспектив. Поистине, учитель должен быть в самых близких отношениях с Творцом, прежде чем принудить Его явиться! Я чувствовал единение Шри Юктешвара с Богом и, как его ученик, решил настоять на преимуществе.

– Ты настойчив. – Затем сочувственно прозвучало окончательное решение учителя: – Да будет твое желание моим желанием.

Томление души рассеялось, туманные поиски в разных направлениях были позади. Я нашел приют в истинном гуру.

– Пойдем, я покажу тебе дом. – Учитель поднялся с тигровой шкуры. Я осмотрелся, мой взгляд с изумлением остановился на портрете, висевшем на стене и украшенном веточкой жасмина.

– Лахири Махасая! – сказал я удивленно.

– Да, мой божественный гуру, – голос Юктешвара выражал почтение. – Как человек и йог он был более велик, чем любой учитель из встреченных мною.

Я тихо склонился перед знакомым портретом. Почтение души вознеслось к несравненному учителю, благословившему младенчество и направлявшему меня до сего часа.

Мы обошли дом и сад. Просторное старинное добротно построенное жилье было окружено двориком, украшенном массивными колоннами. Наружные стены были покрыты мхом; голуби порхали над плоской серой крышей, бесцеремонно занимая место в помещении ашрама. Сад позади дома, с фруктовыми деревьями, манго и бананами, был очень мил. Балконы комнат, расположенных на втором этаже двухэтажного здания с балюстрадой, выходили во двор с трех сторон. Просторный зал на первом этаже с высоким потолком, поддерживаемым колоннами, использовался, как сказал учитель, в период ежегодных праздников *Дургапуджи* [[83]]. Узкая лестница вела в гостиную Шри Юктешвара с балконом, выходящим на улицу. Ашрам был меблирован строго, все было просто, чисто и практично. Бросались в глаза несколько стульев, скамей и столов в западном стиле.

Учитель пригласил меня на ночлег. Ужин из овощей и кари был подан двумя юными учениками, воспитывающимися в ашраме.

– Гуруджи, расскажите мне, пожалуйста, что-нибудь о своей жизни.

Я присел на соломенную циновку рядом с его тигриной шкурой. Дружелюбно светящие звезды, казалось, были совсем рядом, за балконом.

– Мое имя в семье было Прия Натх Карар. Я родился[[84]] здесь, в Серампуре, где отец был богатым коммерсантом. Он оставил мне этот родовой дом, ныне здесь ашрам. Мое официальное обучение было незначительным: я находил его весьма скучным и поверхностным. С наступлением зрелости я принял обязанности домохозяина, и у меня есть дочь, которая теперь замужем. Средний период жизни был благословлен руководством Лахири Махасая. После смерти жены я вступил в *Орден Свами* и получил новое имя – Шри Юктешвар Гири[[85]]. Такова моя простая летопись.

---

83 [1]. *Дургапуджа* – поклонение Дурге. Это главный праздник бенгальского календаря, длящийся в большинстве мест девять дней в месяце *асвине* (сентябрь-октябрь). Дурга – буквально – недосягаемая; это аспект Божественной Матери, *Шакти* – персонифицированной женской творческой силы. Традиционно считается, что она уничтожает все зло.

84 [2]. Шри Юктешвар родился 10 мая 1855 г.

85 [3]. *Шри* – это не имя, а уважительный титул, переводящийся как *святой. Юктешвар* – соединившийся с Ишварой. *Гири* – буквально – гора; классификационное определение одной из десяти ветвей Ордена Свами.

Учитель улыбнулся, заметив нетерпение на моем лице. Подобно всем биографическим очеркам внешние факты, приведенные им, не раскрывали внутренней сути.

– Гуруджи, я был бы рад услышать рассказы о вашем детстве.

– Я расскажу несколько – каждый с моралью!

Глаза Юктешвара предупреждающе блеснули.

"Мать однажды попыталась меня напугать ужасной историей о духе в темной комнате. Я тут же отправился туда и был разочарован, не обнаружив его там. Мать больше никогда не рассказывала ни одной страшной истории. Мораль: взгляни страху в лицо, и он перестанет тебя беспокоить.

Другое из ранних воспоминаний связано с желанием получить безобразную собаку, жившую у одного соседа. Несколько недель с этой целью изводя домашних, я был глух к предложениям завести других комнатных животных с более располагающей внешностью. Мораль: привязанность слепа, она придает воображаемый ореол привлекательности объекту страсти.

Третья история касается пластичного юного ума. Мать часто говорила: «Человек, соглашающийся работать под чьим-либо началом, – раб». Это утверждение упрочилось во мне столь глубоко, что даже после женитьбы я отказывался от любых должностей, а с возникавшими расходами справлялся, вкладывая семейные сбережения в землю. Мораль: добрые и положительные советы должны поучать чуткие детские уши. Ранние понятия закрепляются надолго".

Учитель погрузился в спокойное молчание. Около полуночи он проводил меня к узкой кроватке для сна, который в первую ночь под кровом гуру был здоровым и сладким.

Следующее утро Шри Юктешвар избрал для того, чтобы даровать посвящение в *крия-йогу* . Технику эту я уже получил от двух учеников Лахири Махасая – от отца и репетитора – свами Кебалананды, но учитель обладал силой преобразования. При его прикосновении великий свет пронизал мое существо, подобно свету сияющих вместе несчетных солнц. Поток невыразимого блаженства до самой глубины переполнил мое сердце.

Лишь поздним вечером я смог заставить себя покинуть это жилище.

«Ты вернешься через тридцать дней». – Когда я ступил на порог своего дома в Калькутте, вместе со мной вошло осуществление предсказания учителя. Никто из родных не сделал ни одного колкого замечания по поводу «высоко парящей птички».

Я поднялся в маленькую мансарду и, оглядев ее, подумал с нежностью, словно о живом существе: «Ты была свидетельницей медитаций, слез и бурь моей садханы. Теперь я достиг приюта у божественного учителя».

– Я счастлив за нас обоих, сынок. – Вместе с отцом мы сидели в вечерней тишине. – Ты чудесным образом нашел гуру, так же как я нашел своего. Святая рука Лахири Махасая направляет нашу жизнь. Твой учитель оказался не неприступным гималайским святым, а живущим по соседству. Молитвы мои не остались без ответа: в поисках Бога ты не исчез из поля моего зрения.

Отец остался доволен и тем, что моя официальная учеба будет продолжаться. Он договорился по этому поводу, и на следующий день меня зачислили в шотландский церковный колледж в Калькутте.

Потекли счастливые месяцы. Читатели, несомненно, догадались, что меня редко видели в классах колледжа. Дом в Серампуре непреодолимо манил к себе. Учитель принимал мое обычное присутствие без комментариев. К моему облегчению, он редко упоминал об учебных классах. Хотя всем было ясно, что ученого из меня никогда не выйдет, тем не менее, я ухищрялся от раза к разу набирать необходимый минимум проходных баллов.

Повседневная жизнь в ашраме протекала плавно, спокойно, без особых перемен. Лежа,

а иногда сидя на кровати, учитель входил в *самадхи* [[86]].

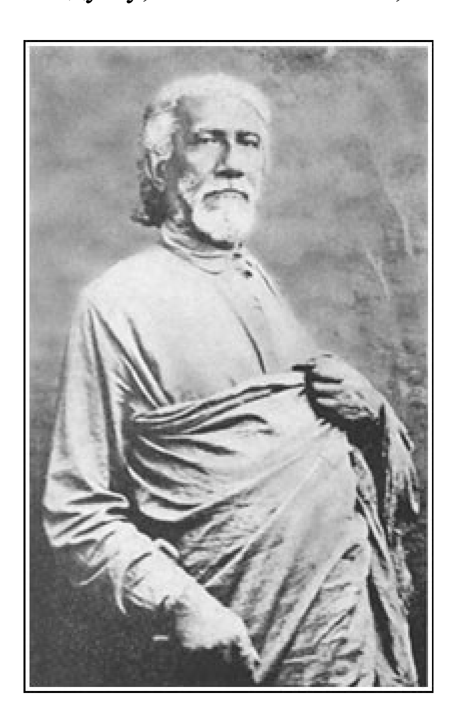
Гуру просыпался до рассвета. Было очень просто понять, что он не спит, – резко обрывался изумительный храп[[87]]. Один-два вздоха, может быть, движение тела, затем беззвучное состояние бездыханности – он пребывал в глубоком йоговском блаженстве.

Завтрака после этого не было; сначала была продолжительная прогулка по Гангу. Те утренние прогулки с гуру – как они реальны и живы по сей день! Они легко воскресают в памяти. Я часто вижу себя рядом с ним: раннее солнце согревает реку, звучит его голос, исполненный высшей мудрости.

Купание, затем полуденная еда. Приготовление ее в соответствии с повседневными указаниями Шри Юктешвара было точной задачей юных учеников. Гуру был вегетарианцем, однако, до принятия монашества он ел яйца и рыбу. Ученикам он советовал следовать любой простой диете, оказавшейся пригодной для каждого индивидуально.

Учитель ел мало, часто это был рис, украшенный куркумой, свекольным соком или шпинатом и слегка политый буйволиным *гхи* [[88]]. На другой день могли быть чечевичный дал или *чанна* [[89]] и *кари* с овощами. На десерт – плоды манго, или апельсины с рисовым пудингом, или фруктовый сок.

Посетители являлись после полудня. Ровный поток вливался из мира в покой обители. Со всеми гостями гуру обходился учтиво и доброжелательно. Учитель – тот, кто осознал себя как душу, а не тело и не эго, – понимая, что все люди поразительно схожи.



Мой Учитель Шри Юктешвар.
Ученик Лахири Махасая

---

86 [4]. *Самадхи* – буквально – направлять вместе, управлять; это сверхсознательное состояние экстаза, в котором йог реализует тождество индивидуальной души и Космического Духа.

87 [5]. *Храп* – физиологический показатель крайнего расслабления.

88 [6]. *Гхи* – топленое масло.

89 [7]. *Дал* – густой суп из дробленого гороха или других бобовых. *Чанна* – сыр из свежескисшего молока; его часто режут квадратиками, едят с приправой из картофеля.

Беспристрастие святых коренится в их мудрости. На них больше не влияют меняющиеся лица *майи* , они больше не подвержены пристрастиям и предубеждениям, путающим суждения непросвещенных людей. Шри Юктешвар не выказывал никакого особого предпочтения сильным мира сего или образованным, не относился пренебрежительно к бедным или неграмотным. Он с уважением выслушал бы слова истины от ребенка, а когда надо, мог открыто проигнорировать тщеславного пандита.

Ужин бывал в восемь часов, и некоторые гости задерживались до этого времени. Гуру не простил бы себе трапезу в одиночестве: никто не покидал ашрам голодным или неудовлетворенным. Шри Юктешвар никогда не чувствовал затруднения, его никогда не пугали неожиданные посетители; при его изобретательных указаниях ученикам из скромной пищи мог получиться целый банкет. Тем не менее он был экономен, его скромных средств хватало надолго. «Располагай комфортом по деньгам, – говаривал он часто. – Расточительность принесет вам лишения». В деталях приема гостей в ашраме, в работах по его обустройству и ремонту да и в других практических делах проявлялась оригинальность творческого духа учителя. Тихие вечерние часы зачастую приносили мне сокровища, не подверженные действию времени, – беседы с гуру. Каждая фраза была отточена мудростью. Его манеру выражения себя отмечала величественная уверенность – она была единственной в своем роде из известных мне людей. Мысли его проверялись на точных весах различения, прежде чем он позволял им облечься в слова. Суть истины, всепроникающей даже в физиологическом смысле, исходила от него как благоухающее излияние души. Я всегда осознавал, что нахожусь в присутствии живого проявления Бога, голова под влиянием его божественности сама собой склонялась перед ним.

Если гостям становилось заметно, что хозяин поглощен Бесконечным, Шри Юктешвар старался быстро занять их беседой. Он был не способен позерствовать или рисоваться уходом в себя. Всегда единый с Господом, он не нуждался в отдельном времени для общения с Ним. Познавший себя учитель уже оставил за собой переходный мостик медитации. «Цветок опадает, когда появляется плод». Но святые придерживаются иногда каких-либо духовных форм для того, чтобы давать пример ученикам.

С приближением полуночи гуру мог впасть в дремоту с естественностью ребенка. Постельные принадлежности его не волновали. Часто он ложился на узкую тахту, накрытую тигровой шкурой, даже без подушки. Днем эта тахта использовалась в качестве сиденья.

Философская дискуссия на всю ночь не была редкостью, любой ученик мог вызвать ее своим живым интересом. Тогда я не чувствовал ни усталости, ни желания спать – живых слов учителя было достаточно. «О, уже рассвет! Погуляем по Гангу» – так кончались многие моменты моего ночного воспитания.

Кульминацией моих первых месяцев общения с Юктешваром был полезный урок на тему: «Как перехитрить москитов». В доме моей семьи ночью всегда пользовались защитными занавесями. Я был обескуражен тем, что в серампурском доме этот благоразумный обычай не был удостоен внимания. Насекомых же было полным-полно: я был искусан с головы до ног. Однажды гуру сжалился надо мной:

– Купи себе занавесь и мне тоже. – Засмеявшись, он добавил: – Если ты купишь только себе, все москиты перекинутся на меня.

Моей признательности не было границ. Каждую ночь, что я проводил в Серампуре, учитель просил меня пристроить на ночь занавеси.

Однажды вечером москиты были особенно злы, а учитель забыл дать обычные указания. Отправившись спать около полуночи, я нервно вслушивался в предупреждающее жужжание насекомых. Прочитав в их адрес умилостивительную молитву, через полчаса я притворно кашлянул, привлекая внимание гуру. Я думал, что сойду с ума от укусов, а в особенности от «песен», с которыми москиты справляли кровожадные ритуалы.

От учителя не последовало никакого ответа. Я осторожно приблизился к нему; он не дышал. Это было первое близкое наблюдение мною его в йоговском трансе, и я весьма

испугался.

«Должно быть, отказало сердце», – подумал я, приблизив к его носу зеркало; оно не запотело. Чтобы удостовериться вдвойне, я на несколько минут закрыл пальцами ему рот и ноздри. Тело было холодным и недвижным. Ошеломленный, я повернулся к двери, чтобы позвать на помощь.

– Ладно! Многообещающий экспериментатор! Мой бедный нос! – учитель сотрясался от смеха. – Чего ты не спишь? Разве весь мир должен измениться ради тебя? Переменись сам: избавь свое сознание от москитов.

Мне пришлось смиренно вернуться в постель. Ни одно насекомое не осмелилось приблизиться. Я понял, что гуру соглашался ранее на занавеси только ради меня, москитов он не боялся. Его йоговская сила была такова, что он мог либо заставить насекомых не кусать себя, либо прибегнуть к какой-то внутренней неуязвимости.

«Он продемонстрировал то йоговское состояние, к достижению которого я должен стремиться», – подумал я. Йог должен быть в состоянии войти в сверхсознание и сохранять его, невзирая на многочисленные отвлечения, никогда не пропадающие надолго с этой земли – жужжание насекомых, всепроникающее сияние дневного света! На первой стадии *самадхи* , называемой *сабикальпа* , приверженец изолирует себя от всех чувственных ощущений внешнего мира. За это он вознаграждается восприятием звуков и сцен внутренних миров, более прекрасных, чем утраченный рай[90].

Москиты послужили поводом и для другого начального урока, полученного в ашраме. Был тихий час сумерек. Гуру бесподобно изъяснял древние тексты. Я находился в полном покое у его ног. Один свирепый москит нарушил идиллию и вступил в борьбу за обладание моим вниманием. Когда он вонзил ядовитую иглу в бедро, я машинально поднял руку для немедленного отмщения. Отсрочка неминуемой расправы! Мне вовремя пришел на память один из афоризмов *Йога-сутры* Патанджали об ахимсе (непричинение вреда)[91].

– Что же ты не кончаешь дело?

– Учитель! Вы поддерживаете убийство?

– Нет, но в уме ты уже нанес смертельный удар.

– Я не понимаю.

– Под *ахимсой* Патанджали подразумевал устранение *желания* убивать. – Для Шри Юктешвара мои мысли были открытой книгой. – В этом мире затруднительно буквальное исполнение *ахимсы* . Человек может быть вынужден уничтожить вредную тварь. Но он вовсе не обязан также чувствовать гнев или враждебность. Все живое имеет равное право дышать воздухом *майи* . Святой, открывающий тайну творения, находится в гармонии с бесчисленными смущающими внешними проявлениями природы. Все люди способны осознать эту истину, преодолев страсть к разрушению.

– Гуруджи, следует ли пожертвовать собой или убить дикого зверя?

– Нет, тело человека бесценно. Оно обладает высшей эволюционной ценностью благодаря его уникальному мозгу и спинным центрам. Они позволяют продвинутому приверженцу схватывать и выражать высочайшие аспекты божественного. Ни одна из более низких форм не имеет такой организации. Это верно, что человек возьмет на душу некоторый грех, если будет вынужден убить какое-нибудь животное. Но *шастры* учат, что бессмысленная утрата человеческого тела является серьезным проступком против кармического закона.

---

90 [8]. Всемогущество йога, благодаря которому он видит, слышит, ощущает вкус, запах и осязает без помощи внешних органов чувств, следующим образом описано в *Тайтирья Араньяке* : «Слепой делал отверстие в жемчужине, лишенный пальцев – продевал в него нить, лишенный шеи носил и лишенный языка воздал ей хвалу».

91 [9]. "В присутствии человека, достигшего совершенства в *ахимсе* (ненасилии), враждебность (в любом существе) не возникает". – *Йога-сутра* 2.35.

Я вздохнул с облегчением: подкрепление естественных инстинктов Священным Писанием происходит не часто.

Насколько я знаю, учитель никогда не встречался близко с леопардом или тигром. Но смертельная кобра однажды предстала перед ним – и только для того, чтобы оказаться побежденной его любовью. Столкновение произошло в Пури, где у Шри Юктешвара была обитель на побережье. Юный ученик Прафулла был при этом.

"Мы сидели на свежем воздухе у ашрама, – рассказывал мне Прафулла, – как вдруг совсем рядом появилась кобра – сущий ужас, длиной более метра. Капюшон ее сердито раздулся, она быстро двигалась на нас. Раздался восторженный смешок учителя, как будто это был ребенок, а не кобра. Когда я увидел, что Шри Юктешвар ритмично хлопает в ладоши[92], мной овладел ужас. Он развлекал страшного посетителя! Я сидел тихо, пылко молясь про себя. Змея, находившаяся рядом с гуру, неподвижно застыла и казалась загипнотизированной его лаской. Страшный капюшон мало-помалу сжался, она скользнула между ног учителя и исчезла в кустах.

Почему гуру шевелил руками и почему кобра на них не бросилась, я тогда не понял, – заключил Прафулла, – но с тех пор понял, что мой божественный учитель абсолютно не боится никакой живой твари".

Однажды после полудня в первые месяцы пребывания в ашраме я заметил, что на меня устремлен пронзительный взгляд Шри Юктешвара.

– Мукунда, ты слишком худ.

Его замечание задело меня за живое. Запавшие глаза и истощенный вид не нравились мне самому. Постоянное нарушение пищеварения преследовало меня с детства. Дома на полке в моей комнате стояло множество бутылок с различными тонизирующими средствами, но ни одно из них не помогало. Время от времени я с грустью спрашивал себя, имеет ли смысл жизнь в столь нездоровом теле.

– Возможности лекарств весьма ограничены; божественная созидательная сила беспредельна. Верь в это: ты непременно будешь здоров и крепок.

Слова учителя немедленно доказали, что я могу достаточно успешно применить эту истину в жизни. Ни один другой целитель (а я перепробовал многих) не смог вызвать у меня столь глубокой веры.

День за днем я прибавлял в здоровье и силе. Благодаря скрытому благословению гуру, за две недели я набрал вес, к которому безрезультатно стремился в прошлом. Постоянные желудочные расстройства пропали навсегда.

В дальнейшем я был свидетелем мгновенного божественного исцеления гуру лиц, страдающих от туберкулеза, диабет, эпилепсии и паралича.

"Много лет назад мне тоже очень хотелось набрать вес, – рассказал мне учитель вскоре после того, как вылечил меня. – Выздоравливая после болезни, я посетил Лахири Махасая в Бенаресе.

– Сэр, – сказал я ему, – я был очень болен и сильно похудел.

– Я вижу, Юктешвар[93], ты сделал себя больным, а теперь думаешь, что ты худой.

Я вовсе не ожидал услышать это. Однако гуру одобряюще добавил:

– Дай подумать; я уверен, что завтра ты должен почувствовать себя лучше.

Мой восприимчивый ум принял его слова как намек на то, что он скрытно врачевал

---

92 [10]. Кобра быстро бросается на любой движущийся предмет, находящийся в поле зрения. Полная неподвижность обычно является единственной надеждой на спасение.

Эту змею очень боятся в Индии, где от ее укусов ежегодно гибнут более пяти тысяч человек.

93 [11]. На самом деле Лахири Махасая называл его Прия (по первому имени учителя), а не Юктешвар (монашеское имя, которого при жизни Лахири Махасая гуру еще не получил; см. в начале главы). Здесь и в некоторых местах книги я заменил имя учителя на Юктешвар, дабы читатель не запутался в двух разных именах

меня. На следующее утро, разыскав учителя, я с ликованием воскликнул:

– Господин, сегодня мне гораздо лучше!

– В самом деле! Сегодня ты придал себе сил.

– Нет, учитель! – запротестовал я, – это вы помогли; впервые за несколько недель у меня есть хоть какая-то энергия.

– О да! Болезнь твоя достаточно серьезна. Тело все еще слабо; кто может сказать, что будет завтра?

От мысли о возможном возврате слабости меня кинуло в дрожь. На следующее утро я едва приковылял к дому Лахири Махасая.

– Господин, я снова заболел.

– Так! Ты опять сделал себя нездоровым. – Гуру игриво взглянул на меня.

– Гурудев, теперь понятно, что вы день за днем надо мной смеетесь. Терпение мое иссякло, и я не понимаю, почему вы не верите.

– На самом деле это мысли заставляли тебя чувствовать себя то слабым, то сильным. – Учитель смотрел на меня с нежностью. – Ты видел, как здоровье в точности следует подсознательным ожиданиям. Мысль – это сила, равно как и электричество или гравитация. Человеческий разум – это искра всемогущего сознания Бога. Я мог бы показать, что во чтобы ни уверовал твой разум со всей силой, это мгновенно свершится.

Зная, что Лахири Махасая никогда не говорил попусту, я обратился к нему с благоговением и признательностью:

– Учитель, если я решу, что чувствую себя хорошо и верну прежний вес, случится и это?

– Это так, и даже в сию же минуту, – учитель говорил весомо, его взгляд устремился на меня.

О чудо! Я ощутил возрастание не только силы, но и веса. Лахири Махасая погрузился в молчание. Несколько часов пробыв у его стоп, я вернулся в дом своей матери, где останавливался во время посещения Бенареса.

– Сын мой! Что такое? У тебя, наверное, водянка? – мать едва могла поверить глазам. Тело мое опять отличалось теми же дюжими размерами, что и до болезни.

Я взвесился и обнаружил, что за один день прибавил почти двадцать три килограмма; таким я и оставался всегда. Друзья и знакомые, видевшие мою тощую фигуру, были поражены. В результате этого чуда многие из них изменили образ своей жизни и стали учениками Лахири Махасая.

Мой гуру, бодрствующий в Боге, знал, что этот мир – не что иное, как объективированная греза Творца. Поскльку Лахири Махасая вполне осознавал свое единство с Божественным Грезящим, он мог материализовать или дематериализовать грезы – атомы феноменального мира[94].

Все творение управляется законом. Принципы, проявляющиеся во внешней вселенной и открываемые учеными, называются естественными законами природы. Но существуют более тонкие законы, управляющие скрытыми духовными сферами и внутренним миром сознания; эти законы познаются через науку йоги. Не ученый физик, но вполне познавший себя учитель постигает истинную природу материи. С помощью именно такого знания Христос мог исцелить ухо слуге после того, как один из Его учеников отрубил его[95] ", – завершая, сказал Шри Юктешвар.

Гуру был бесподобным толкователем Священных Писаний. Многие из самых

---

94 [12]. «Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» – *От Марка* 11.24. Единые с Богом учителя вполне в состоянии передать способности продвинутым ученикам, как в данном случае поступил Лахири Махасая с Шри Юктешваром.

95 [13]. «И один из них ударил раба первосвященникова и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его». – *От Луки* 22.50-51.

счастливых воспоминаний связаны с его беседами на эти темы. Но драгоценные мысли нельзя было превращать в пепел невнимательностью или тупостью. Одного беспокойного телодвижения или незначительной рассеянности с моей стороны было достаточно, чтобы остановить учителя.

– Ты отсутствуешь, – заключил однажды он, прервавшись, как обычно, очень внимательно наблюдая за мной.

– Гуруджи! – заявил я протестующим тоном. – Я не пошевелился, веки мои не дрогнули, я могу повторить каждое ваше слово!

– Тем не менее, ты не вполне был со мной. Однако твое возражение принуждает меня заметить, что в подсознании ты в это время воздвигал три больших заведения. Одно было лесным приютом на некой равнине, другое – на вершине холма и третье – у океана.

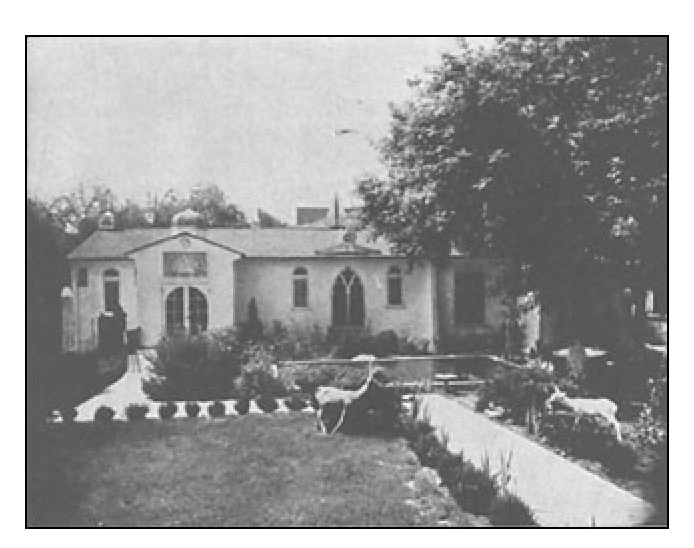
Эти неясно оформленные мысли действительно присутствовали, но почти бессознательно. В моем взгляде была капитуляция.

– Ну что мне делать с учителем, так легко проникающим в случайные мысли?

– Ты дал мне это право. Те тонкие истины, что я изъясняю, нельзя охватить без полного сосредоточения. Если это не является необходимым, я не вторгаюсь в уединение других умов. Человек обладает естественной привилегией тайно скитаться среди своих мыслей. Господь незваный не входит туда, и я не рискну.

– Я всегда рад вам, учитель!

Это здание в районе Лос-Анджелеса Маунт Вашингтон Эстэйт с 1925 года является штаб-квартирой американского общества Самопознания



Церковь Самопознания всемирного братства в Голливуде, Калифорния

– Твои архитектурные грезы позже материализуются. Теперь же время для занятий!

Так, между прочим, просто, на свой обычный лад гуру открыл мне знание трех значительных событий, произошедших в будущей жизни. С ранней юности в моем воображении возникали загадочные видения трех строений, каждое в разном окружении. Именно в последовательности, указанной Юктешваром, видения эти приняли окончательную форму. Сначала была йоговская школа мальчиков на равнине в Ранчи, затем американского центра на вершине холма в Лос-Анджелесе и, наконец, обители всемирного братства в южной Калифорнии, у безбрежного Тихого океана.

Учитель никогда не заявлял высокомерно: «Я предрекаю, что такое-то и такое-то событие непременно случится тогда-то! – Он скорее мягко намекнул бы: – Не думаешь ли ты, что это может произойти?» Но его простая речь таила в себе пророческую силу. Он не отказывался от высказанных мыслей, его слегка завуалированные слова никогда не оказывались ошибочными.

Шри Юктешвар был весьма сдержан и прозаичен в поведении. Не бывало у него туманных или безрассудных мечтаний. Ноги его твердо стояли на земле, а голова находилась в самых высоких небесах. Практичные люди вызывали его восхищение. «Святость – не глупость! Божественное восприятие не является неприспособленностью! – говорил он. – Активное выражение добродетели дает начало острейшему уму».

Гуру очень неохотно говорил о сверхфизических сферах, его единственной «чудесной» аурой была аура совершенной простоты. В разговоре он избегал упоминаний о чем-либо поразительном; в поступках же он свободно выражал себя. Другие учителя много толковали о чудесах, но не могли ничего проявить. Шри Юктешвар редко упоминал о тонких законах господствующих в мире, но тайно оперировал ими по собственной воле.

"Человек осознания не станет совершать никакого чуда, пока не получит внутренней санкции, – пояснял учитель. – Бог не желает, чтобы тайны Его творения раскрывались без разбора[96]. Кроме того, каждая личность в мире имеет неотъемлемое право на проявление свободной воли. Святой не станет покушаться на эту независимость".

Обычное для Шри Юктешвара молчание было вызвано глубокими восприятиями Бесконечного. Не оставалось времени для «откровений», занимающих дни иных учителей, не достигших самореализации. «У пустого человека незначительные мысли, подобные маленьким рыбкам, вызывают много волнений. В океанских же умах даже киты вдохновения едва ли создают рябь». Это наблюдение из индусских Священных Писаний не лишено проницательности.

Из-за отсутствия эффектности в облике гуру лишь немногие из современников видели в нем сверхчеловека. Народную поговорку: глуп тот, кто не может скрыть мудрость, – никак нельзя было приложить к учителю.

Хотя Шри Юктешвар, как и все прочие, был рожден смертным, он достиг идентичности с Правителем времени и пространства. Он не обнаруживал непреодолимой преграды в слиянии человеческого с божественным. У меня возникло понимание, что не существует препятствий, кроме духовного безделья.

Я всегда чувствовал трепет от прикосновения к святым стопам Шри Юктешвара. Йоги учат, что ученик духовно магнетизируется при почтительном контакте с учителем; порождается некий тонкий ток. Нежелательные процессы в мозгу поклоняющегося как бы «прижигаются», рутина его мирских тенденций благотворно разрушается. По крайней мере, на мгновение тайные покровы *майи* могут приподняться, давая проблеск ощущения

---

96 [14]. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». – *От Матфея* 7.6.

реальности блаженства. Когда бы я ни преклонил колена перед гуру на индийский лад, мое тело ощущало огонь очищения.

«Даже когда Лахири Махасая молчал, – говорил мне учитель, – или беседовал не на строго религиозные темы, я обнаруживал, что, тем не менее, он передавал мне невыразимое знание».

Шри Юктешвар действовал на меня таким же образом. Если я приходил озабоченным или безразличным, настроение незаметно улучшалось. Целебный покой нисходил на меня при одном лишь виде гуру. Каждый день с ним был новым опытом радости, мира и мудрости. Я никогда не видел его введенным в заблуждение или эмоционально опьяненным алчностью, возбуждением, гневом или какой-нибудь иной из человеческих привязанностей.

– Темнота *майи* приближается бесшумно. Поспешим же в наш внутренний дом. – Этими предостерегающими словами учитель постоянно напоминал ученикам о необходимости *крия-йоги* .

Время от времени какой-нибудь новый ученик выражал сомнение в том, что достоин заниматься практикой йоги.

«Забудь прошлое, – обычно утешал Шри Юктешвар. – Прошлые жизни всех людей омрачены многими постыдными эпизодами. Поведение человека всегда ненадежно, пока он не укрепится в божественном. Если, несмотря ни на что, ты совершаешь духовное усилие, в будущем все станет лучше».

В ашраме учителя всегда были юные чела (ученики). Их духовное и интеллектуальное воспитание было делом его жизни: даже незадолго до того, как оставить этот мир, он принял в обитель двух шестилетних мальчиков и юношу шестнадцати лет, заботливо и твердо направляя всех, кто пришел под его начало.

Обитатели ашрама любили и почитали своего гуру: легкого шлепка в ладоши было достаточно, чтобы они быстро приблизились к нему. Когда он был тих и уходил в себя, никто не отваживался разговаривать; когда же звучал его веселый смех, то даже дети видели в нем человека близкого к себе.

Шри Юктешвар редко просил других оказать ему личную услугу и не принял бы помощь ученика, если тот не был искренне и добровольно готов оказать ее. Учитель мог сам стирать свою одежду, если ученикам случалось забыть об этой привилегированной работе.

Шри Юктешвар носил дома традиционное одеяние свами цвета охры, башмаки без шнурков были, по обычаю йогов, из тигровой или оленьей шкуры.

Гуру бегло говорил по-английски, по-французски, на хинди и бенгали, его санскрит был превосходен. Он терпеливо обучал юных учеников сокращенным путям, остроумно изобретенным для изучения английского языка и санскрита. Учитель не был страстно привязан к телу, проявляя к нему лишь разумное внимание. Бесконечное, говорил он, должным образом проявляется через физическое и умственное здоровье, при этом не одобрял никаких крайностей. Одному ученику, пожелавшему однажды пройти продолжительный пост, гуру сказал, смеясь: «Почему бы и не бросить собаке кость?»[[97]]

Здоровье Шри Юктешвара было превосходным; я никогда не видел, чтобы он плохо себя чувствовал[[98]]. Из уважения к мирскому обычаю, если этого хотелось ученикам, он позволял им консультироваться с врачами. «Врачи, – говорил он, – должны делать свое дело целения через Божьи законы, приложенные к материи». При этом он признавал превосходство ментальной терапии, часто повторяя: «Мудрость – величайший очиститель», и добавлял: – «Тело – вероломный друг. Отдавайте ему должное, но не более. Боль и удовольствие скоропреходящи, переносите все двойственности спокойно, одновременно устраняя их власть над вами. Воображение – это та дверь, через которую входят и болезнь, и

97 [15]. Гуру одобрял пост как идеальный естественный способ очищения, но этот ученик был излишне увлечен заботой о своем теле.

98 [16]. Он болел в Кашмире, в мое отсутствие (см. гл. 21).

исцеление. Не верьте в реальность болезни, даже когда больны, – непризнанный, посетитель сбежит!»

В числе учеников учителя было немало врачей. «Кто узнал физиологические законы, должен идти дальше и исследовать науку души, – говорил он им. – Тонкая духовная структура скрывается сразу же за телесной механикой»[99].

Шри Юктешвар советовал ученикам быть живой связью западных и восточных добродетелей. По-западному пунктуальный во внешних привычках, внутренне он был духовным Востоком, ценя прогрессивные ценные, здоровые стороны Запада и религиозные идеалы, издревле приносившие славу Востоку.

Дисциплина была для меня не нова – дома отец был строг, Ананта часто суров. Но воспитание Шри Юктешвара можно охарактеризовать не иначе как жесткое. Сторонник совершенства, учитель был весьма строг к чела, как в важных вопросах, так и в тонких нюансах повседневного поведения.

«Хорошие манеры без искренности подобны красивой мертвой женщине, – замечал он при удобном случае. – Прямота без учтивости – будто нож хирурга – эффективна, но неприятна. Искренность с вежливостью полезна и превосходна».

Учитель был явно доволен моим духовным прогрессом, ибо редко говорил об этом; в ином ушам моим не было чуждо порицание. Главными проступками были рассеянность, периодическое потворство унынию, несоблюдение некоторых правил этикета, иногда бессистемность.

«Заметь, как хорошо организована и уравновешена во всех отношениях деятельность твоего отца Бхагабати», – отмечал учитель. Два ученика Лахири Махасая встретились вскоре после того, как я начал паломничество в Серампур. Отец и учитель составили высокое мнение друг о друге. Оба они построили свою прекрасную внутреннюю жизнь на духовном граните, нерушимом в веках.

От случайного учителя моей ранней жизни я усвоил несколько неверных уроков. «Чела не нужно энергично заботиться о мирских обязанностях», – говорил он, и когда я пренебрегал работой или небрежно выполнял ее, меня не наказывали. Человеческая натура легко усваивает подобное. Однако под беспощадными порицаниями Шри Юктешвара я скоро исцелился от приятных иллюзий безответственности.

"Слишком хорошие для этого мира украшают собой иные, – заметил Шри Юктешвар. – Пока дышишь чистым воздухом земли, ты обязан платить благодарным служением. Лишь тот, кто вполне овладел бездыханным состоянием[100], свободен от космических императивов. Я обязательно скажу, когда ты достигнешь окончательного совершенства".

Гуру нельзя было подкупить даже любовью. Он не проявлял никакой снисходительности ни к кому, кто, как я, охотно выразил готовность быть его учеником. Были ли мы с учителем среди учеников, чужих людей или наедине, он всегда говорил прямо и укоряюще строго. Никто, допустивший даже пустяковую мелочь или непоследовательность, не избегал его выговора. Это обращение, буквально дробившее мое эго, было трудно переносить, но я твердо решил позволить Шри Юктешвару сглаживать мои психологические загибы. Пока он титанически трудился над их преобразованием, я много

99 [17]. Мужественный медик Чарльз Робер Рише, лауреат Нобелевской премии в области физиологии, писал следующее: "Метафизика еще не признана официальной наукой. Но она будет признана... В Эдинбурге, перед сотней физиологов, я мог подтвердить, что наши пять чувств не являются единственными инструментами познания и что часть реальности иногда достигает ума другими путями... То, что какой-либо факт редок, еще не указывает на то, что его не существует вовсе. И то, что изучение сложно, не является причиной, чтобы его не понимать... Тем, кто ругал метафизику как оккультную науку, будет стыдно за себя, как и тем, кто ругал химию за то, что поиски философского камня оказались иллюзией... Что касается принципов, то есть только те, которых придерживались Лавуазье, Клод Бернар и Пастер – *эксперимент* всегда и везде. Итак, приветствуем новую науку, которая изменит направление человеческой мысли".

100 [18]. *Самадхи* – сверхсознание.

раз сотрясался под тяжестью дисциплинирующего молота.

«Если тебе не нравятся мои слова, ты волен уйти в любое время, – заявлял учитель. – Мне ничего не надо от тебя, кроме улучшения. Оставайся лишь в том случае, если чувствуешь, что это приносит пользу».

Я чрезвычайно благодарен учителю за каждый усмиряющий удар, нанесенный по моему тщеславию, чувствуя иногда, что – метафорически – он выявлял и вырывал у меня каждый больной зуб. Твердый стержень эгоизма трудно удалить иначе, как суровостью, после чего, наконец, открывается свободный канал для проявления божественного. Тщетно стремится Оно пробиться через каменные эгоистичные сердца.

Интуиция Шри Юктешвара была столь всепроникающей, что он часто, не обращая внимания на говорившееся вслух, прямо отвечал на невысказанные мысли. Человеческие слова и мысли зачастую могут быть противоположны. «С помощью внутренней тишины, – говорил гуру, – за путаницей человеческого многословия старайтесь чувствовать мысль».

Но божественная проницательность болезненно воспринимается мирским ухом; учитель не был популярен у поверхностных учеников. Разумные же, которых всегда было немного, глубоко почитали его.

Я осмелюсь сказать, что Шри Юктешвар как гуру пользовался бы самым большим успехом в Индии, не будь он настолько прямолинеен и строг.

«Я строг к тем, кто приходит учиться, – говорил он мне. – Это мой метод. Принимай его или нет; я никогда не иду на компромисс. Но ты будешь гораздо мягче к своим ученикам; это твой метод. Я стараюсь очистить учеников только огнем суровости, опаляющим зачастую сверх обычной терпимости. Мягкий подход любви также преобразует. Жесткие и мягкие методы равно эффективны, если используются мудро. Ты отправишься в другие страны, где резкие нападки на эго не воспринимаются. Учитель не сможет нести весть Индии на Запад, не запасшись достаточным терпением и снисходительностью». Не могу и счесть, как часто в Америке я вспоминал его слова!

Хотя лишенная лицемерия речь гуру мешала иметь много последователей во время его пребывания на земле, тем не менее, через все возрастающее число приверженцев его учения дух его живет в миру и сегодня. Воины, подобные Александру Македонскому, ищут верховной власти над землями; такие учителя, как Шри Юктешвар, завоевывают более долговечные владения в душах людей.

Гуру имел обыкновение указывать на простые незначительные недостатки учеников с видом необычайной суровости. Однажды мой отец приехал в Серампур засвидетельствовать почтение Шри Юктешвару. Весьма вероятно, что он ожидал услышать несколько слов похвалы обо мне, и был поражен, получив длинный перечень моих недостатков. Он бросился ко мне:

– Из замечаний учителя я понял, что ты потерпел полное фиаско! – отец не знал, смеяться ему или плакать.

Единственной причиной недовольства Шри Юктешвара в то время было то, что наперекор его мягкому намеку я пытался обратить одного человека на духовный путь.

Негодуя, я спешно разыскал гуру. Он встретил меня, потупив взор, как бы сознавая вину. Это был один-единственный раз, когда я видел божественного льва кротким, сполна насладившись этим уникальным моментом.

– Господин, зачем вы так безжалостно осудили меня перед отцом? Разве это справедливо?

– Я больше не буду, – сказал Шри Юктешвар извиняющимся тоном.

Я был мигом обезоружен. С какой готовностью признал этот великий человек ошибку! Хотя учитель никогда более не нарушал покоя моего отца, он продолжал безжалостно критиковать меня, где и когда хотел.

Новые ученики часто присоединялись к Шри Юктешвару в беспощадной критике других. Мудрые, как гуру! Образцы безупречного видения! Но тот, кто идет в наступление,

не должен быть беззащитен. Те же придирчивые ученики стремительно спасались бегством, как только учитель публично пускал в них несколько стрел из своего аналитического колчана.

«Уязвимые внутренние слабости, противящиеся слабым прикосновениям порицания, подобны болезненным частям тела, которые дрожат в ужасе даже перед самым деликатным уколом», – со смехом замечал Шри Юктешвар о сбежавших.

Многие ученики, ищущие гуру, созданного собственным воображением, часто мне жаловались, что не понимают Шри Юктешвара.

«Вы не понимаете и Бога! – парировал я однажды. – Если бы святой был ясен вам, то вы сами были бы святыми». В мире, наполненном мириадами тайн, дышащих невыразимым воздухом вечности, кто может решиться требовать, чтобы непостижимая сущность учителя была мигом схвачена?

Ученики приходили и обычно уходили. Те, кто жаждал легкого пути – елейности и утешительных одобрений, не находили этого в ашраме. Учитель предлагал приют и пастырство навеки, но многие ученики скаредно требовали еще и бальзама для эго. Они уходили, предпочитая смирению неисчислимые унижения жизни. Лучи свободно проникающего сияния мудрости Шри Юктешвара были слишком мощными для их духовной немощи. Они искали учителя менее значительного, одурманивающего их лестью и допускающего спячку невежества.

В первые месяцы с учителем я боялся его замечаний, но скоро заметил, что они приберегались для учеников, просивших его словесной вивисекции. Если кто-нибудь, обидевшись, заявлял протест, Шри Юктешвар скромно умолкал. Слова его никогда не были гневны, но исполнены беспристрастной мудрости.

Проницательность учителя была не для неподготовленных ушей случайных посетителей, он редко отмечал их недостатки, даже если они бросались в глаза. Но в отношении учеников, искавших совета, Шри Юктешвар чувствовал серьезную ответственность. Поистине смел тот гуру, что принимается за преобразование неочищенной руды пропитанного эгоизмом человечества! Смелость святого коренится в его сострадании к людям, сбитым с толку майей, к спотыкающейся слепоте мира.

Освободившись от исподволь возникавшей обиды, я заметил, что дисциплинарные взыскания, адресованные мне, значительно уменьшились. Со временем я разрушил все стены рационализации и подсознательных[101] оговорок, за которыми обычно укрывается человеческая личность. Учитель очень тонко перешел к снисходительности. Наградой была не требующая усилий гармония с гуру. Тогда я видел, что он доверчив, деликатен и молчаливо любящ, но сдержан – он не говорил ни одного нежного слова.

Мой же темперамент – благоговение, набожность, поклонение. Вначале меня смущало, что Шри Юктешвар, пропитанный джняной и на вид сухой для *бхакти* [102], выражал себя главным образом языком холодной духовной математики. Но когда я достиг гармонии с его натурой, то обнаружил не замедление, а ускорение моего благочестивого приближения к Богу. Познавший себя учитель вполне может вести разных учеников согласно их основным естественным склонностям.

Мои отношения со Шри Юктешваром были красноречивы без слов. Я часто внутренне ощущал его молчаливую подпись под моими мыслями, делавшую слова лишними. Спокойно

---

101 [19]. «Наше сознательное и подсознательное существо увенчано сверхсознанием», – отмечал раввин Израиль Х.Левинталь на лекции в Нью-Йорке в 1929 году. Много лет назад английский психолог Ф.В.Маерс высказал мысль о том, что «в глубине нашего существа скрываются и куча мусора, и сокровищница». В отличие от этой психологии, что сосредоточивает все изыскания на подсознательном в природе человека, новая психология сверхсознания фокусирует внимание на сокровищнице – на той области, которая единственная в состоянии объяснить великие, бескорыстные, героические поступки человека.

102 [20]. *Джняна* – мудрость; бхакти – преданность; два основных пути к Богу.

сидя рядом с ним, я чувствовал, как его щедрость мерно изливалась на мое существо.

Особенно заметно беспристрастность своей справедливости учитель проявил в мои летние каникулы после первого учебного года в колледже. Я был счастлив от благоприятной возможности непрерывного проведения этих месяцев в Серампуре с гуру.

– Тебе можно поручить заботу о доме. – Учителю было приятно, что я приехал с таким энтузиазмом. – Твоей обязанностью будет прием гостей и наблюдение за работой других учеников.

Кумар, молодой селянин из восточной Бенгалии, был принят на обучение в ашраме две недели назад. Очень разумный, он скоро завоевал привязанность Шри Юктешвара. По какой-то непостижимой причине учитель занял по отношению к нему некритичную позицию.

– Мукунда, пусть Кумар примет на себя твои обязанности, а ты займи время уборкой и приготовлением пищи, – отдал учитель указание через месяц пребывания с нами нового мальчика.

Возвысившись до руководства, Кумар проявлял мелкую домашнюю тиранию. В безмолвном мятеже ученики продолжали обращаться ко мне за повседневными советами. Это продолжалось три недели, затем я случайно услышал разговор между Кумаром и учителем.

– Мукунда невозможен! – говорил Кумар. – Вы поручили наблюдение мне, а ученики идут к нему и его слушаются.

– Потому-то я и назначил его на кухню, а тебя в приемную. – Сухой тон Шри Юктешвара был нов для Кумара. – Из этого ты должен сделать вывод, что достойный руководитель имеет желание служить, а не властвовать. Тебе хотелось положения Мукунды, но ты не смог его удержать заслугами. Теперь вернись к прежней работе помощника повара.

После этого уничижающего инцидента учитель вернул прежнее отношение необычной снисходительности к Кумару. Кто может объяснить тайну притягательности? В Кумаре гуру открыл некий источник очарования, который, однако, не бил для его соучеников. Хотя новый мальчик был явно любимцем Шри Юктешвара, я не чувствовал уныния. Личные особенности, свойственные даже великим учителям, придают богатую сложность шаблону жизни. Моя натура редко руководствовалась какой-нибудь деталью, я искал у Шри Юктешвара иных плодов, нежели внешняя похвала.

Однажды Кумар без причины злобно говорил со мной, и это меня глубоко задело:

– Ты слишком возомнил о себе. – Я прибавил предостережение, истинность которого интуитивно почувствовал: – Если ты не исправишься, то в один прекрасный день тебя попросят покинуть ашрам.

С саркастическим смехом Кумар повторил мое замечание гуру, как раз вошедшему в комнату. В полной уверенности, что меня распекут, я смиренно забился в угол.

– Может быть, Мукунда и прав, – ответ гуру был необычайно холоден.

Через год Кумар поехал навестить дом детства, проигнорировав мягкое неодобрение Шри Юктешвара, никогда не пользовавшегося своим авторитетом для того, чтобы препятствовать передвижениям учеников. Через несколько месяцев мальчик вернулся в Серампур; неприятная перемена бросилась в глаза. Пропал величавый Кумар с сияющим безмятежным ликом. Перед нами стоял ничем не выделяющийся крестьянин, приобретший за последнее время много дурных привычек.

Учитель вызвал меня и сокрушенно обсуждал тот факт, что молодой человек теперь не годился для монашеской жизни в ашраме.

– Мукунда, поручаю тебе сообщить Кумару, чтобы он завтра оставил ашрам, я сам не могу этого сделать! – в глазах Шри Юктешвара блестели слезы, но он быстро овладел собой. – Мальчик никогда не опустился бы так низко, если бы послушался и не уехал, чтобы общаться с нежелательной компанией. Он отверг мое покровительство; его учителем все еще должен быть этот грубый мир.

Уход Кумара не поднял моего настроения; я печально удивлялся тому, что человек, имевший силу завоевать любовь учителя, мог легко поддаться мирским соблазнам. Наслаждение вином и сексом пустили корни в обычном человеке; не требуется особой тонкости восприятия, чтобы ценить их. Уловки чувств можно сравнить с вечнозеленым олеандром, благоухающим многокрасочными цветами, но при этом любая часть растения ядовита[103]. Страна исцеления находится внутри, сияя тем счастьем, которого слепо ищут в тысяче разных направлений.

«Острый интеллект – обоюдоостр, – заметил однажды учитель в отношении блестящего ума Кумара. – Им можно пользоваться и для созидания, и для разрушения, как ножом, способным вскрыть нарыв невежества и обезглавить себя. Интеллект верно направлен лишь после того, как пришло понимание, что от духовного закона не убежать».

Гуру свободно общался с учениками и мужского, и женского пола, относясь к ним, как к детям. Сознавая их душевное равенство, он не делал различия и не проявлял пристрастия.

«Во сне вы не знаете, мужчина вы или женщина, – говорил он. – Точно так же, как мужчина, исполняющий роль женщины, не становится женщиной, так и душа, исполняющая роль мужчины и женщины, не имеет пола, ибо она неизменный, неограниченный образ Бога».

Шри Юктешвар никогда не избегал женщин и не порицал их как «предмет соблазна». Мужчины, считал он, тоже являются искушением для женщин. Однажды я спросил гуру, почему один древний мудрец назвал женщин «вратами в ад».

– Должно быть, какая-нибудь девушка в ранний период его жизни причинила много мучительных беспокойств миру его разума, – колко ответил он, – иначе он винил бы не женщин, а несовершенство управления собой.

Если какой-нибудь посетитель принимался в доме рассказывать неприличную историю, учитель сохранял молчание.

«Не позволяйте себе быть сраженными провоцирующим хлыстом красивого лица, – говорил он ученикам. – Как могут рабы чувств наслаждаться миром? Его тонкие ароматы ускользают от них. Для человека стихийных страстей все тонкие различия утрачиваются».

Ученики, стремившиеся избежать сексуальных иллюзий, вызванных майей, получали терпеливый и полный понимания совет Шри Юктешвара:

"Точно так же как голод, а не обжорство имеет законное назначение, так и половой инстинкт был применен природой исключительно для продолжения рода, а не для разжигания ненасытных страстей, – указывал учитель. – Уничтожайте ошибочные желания теперь, иначе они последуют за вами после того, как астральное тело отделится от своей физической оболочки. Даже когда плоть слаба, ум постоянно должен быть стойким. Если искушение нападает на вас с ужасной силой, превозмогайте его беспристрастным анализом и неукротимой волей. Любую естественную потребность можно подчинить.

Берегите силы. Будьте как просторный океан, спокойно поглощающий притекающие реки чувствований. Мелкие желания лишают вас внутреннего покоя; они подобны отверстиям в резервуаре, что позволяют целебным водам теряться в пустынной почве материализма. Сильный активирующий импульс ложного желания – величайший враг счастью человека. Идите по миру, управляя собой, как лев, не разрешайте лягушкам чувственных слабостей прыгать вокруг вас.

Преданный Богу в конечном счете освобождается от всех инстинктивных побуждений. Он преобразует потребность в привязках в устремленность к одному Богу – любви единственной, поскольку Он есть везде".

---

103 [21]. Великий ведантист Шанкара писал: «Человек в бодрствующем состоянии прилагает невыразимые усилия, дабы испытать чувственные удовольствия, а когда все органы чувств утомляются, он забывает даже то удовольствие, что имеется в его распоряжении, и отходит ко сну, чтобы наслаждаться отдыхом в душе, его собственной природе. Сверхчувственного блаженства, таким образом, крайне легко достичь, и оно много выше чувственных удовольствий, которые всегда заканчиваются отвращением».

Мать Шри Юктешвара жила в районе Ран Махал в Бенаресе, где я впервые посетил гуру. Милая и добрая, она тем не менее была женщиной весьма своеобразных мнений. Однажды, стоя на балконе ее дома, я наблюдал за беседой матери с сыном. В своей спокойной, разумной манере учитель старался убедить ее в чем-то, но явно не имел успеха, так как она, энергично покачав головой, сказала: «Нет, нет, сынок, оставь! Эти мудрые слова не для меня! Я тебе не ученик!»

Без дальнейших аргументов Шри Юктешвар отступил, как ребенок, получивший нагоняй. Я был тронут его глубоким почтением к матери, даже когда она вела себя неблагоразумно. Она видела в нем лишь своего маленького мальчика, а не мудреца. В этом пустячном инциденте было особое очарование, он проливал новый свет на необыкновенную натуру гуру, его внутреннюю скромность и внешнюю непреклонность.

Монашеские правила не позволяют свами самим принимать участие в мирских обычаях. Он не может выполнять церемониальные семейные обряды, обязательные для обычного домохозяина. Тем не менее Шанкара, реорганизатор древнего Ордена Свами, пренебрег этими предписаниями: когда умерла горячо им любимая мать, он кремировал ее тело небесным огнем, заставив его извергнуться со своих воздетых рук.

Шри Юктешвар тоже игнорировал эти ограничения, правда, менее эффектным образом. Когда скончалась его мать, он обратился в службу крематория у святого Ганга в Бенаресе и, в соответствии с многовековым обычаем домохозяина, накормил много *брахманов* .

Запреты *шастр* предназначались для того, чтобы помочь свами преодолеть любые личностные ограничения. Шанкара и Шри Юктешвар полностью слились с Безличным Духом, им не нужна была никакая помощь правил. К тому же учителя иногда намеренно пренебрегают каноном для того, чтобы возвысить принцип над формой, ибо независимы от нее.

За исключением Священных Писаний, Шри Юктешвар читал мало. Тем не менее он был знаком с позднейшими открытиями и прочими успехами науки[[104]]. Блестящий собеседник, он наслаждался обменом мнениями со своими гостями на бесчисленные темы. Непринужденное остроумие и веселый смех гуру оживляли любую беседу. Часто пребывая серьезным, он никогда не был мрачен. "Чтобы искать Господа, вовсе не нужно искажать свое лицо, – говорил он, перефразируя Библию[[105]]. – Помните, что обретение Бога будет означать погребение всех скорбей".

Многие из философов, профессоров, юристов и ученых, приходя в первый раз, ожидали встретить ортодоксального приверженства религии. Высокомерная усмешка, проблеск забавной терпимости случайно выдавали, что вновь пришедшие ожидали не более чем нескольких набожных банальностей. Но поговорив со Шри Юктешваром и обнаружив его глубокое проникновение в их специальные области знания, гости уходили крайне неохотно.

Гуру обычно был вежлив и приветлив к гостям, его гостеприимство даровалось с чарующей сердечностью. Но закоренелые эгоисты получали иногда очень сильное потрясение. Они наталкивались либо на холодное равнодушие, либо на непреодолимое противодействие учителя – лед и сталь!

Один известный химик однажды скрестил шпаги с Шри Юктешваром. Он не допускал существования Бога, поскольку наука не открыла способов Его обнаружения.

– Итак, вам по необъяснимой причине не удавалось выделить Высшую Силу в пробирках! – взгляд учителя был суров. – Я рекомендую один неслыханный эксперимент: неослабно проследите за вашими мыслями в течение полных суток. Затем более не удивляйтесь отсутствию Бога.

---

104 [22]. Когда учитель того желал, он мог мгновенно подстроиться к уму любого человека (йоговская сила, упоминаемая в *Йога-сутре* Патанджали 3.19). Его способности, подобные человеческому радио, и природа мыслей объясняются в главе 15.

105 [23]. *От Матфея* 6.16.

Подобную же встряску получил и один прославленный ученый. С показным рвением он сотрясал ашрам знанием Священных Писаний. Полились звучные отрывки из *Махабхараты, Упанишад* [106] и *бхашьи* (комментарии) Шанкары.

– Я жду, чтобы услышать вас, – сказал Шри Юктешвар вопрошающим тоном, как если бы царило молчание. Пандит был в недоумении. Гуру продолжал: – Цитат здесь было предостаточно, – слова учителя обрадовали меня, находившегося на почтительном расстоянии от посетителя. – Но какой оригинальный комментарий можете предложить вы, исходя из неповторимости собственной жизни? Какой священный текст вы усвоили и сделали сутью своего существа? Какими путями эти вневременные истины обновили вашу природу? Удовлетворяет ли вас пустое механическое повторение слов других людей?

– Я сдаюсь! – огорчение пандита было забавно. – У меня нет внутреннего осознания.

Может быть, в первый раз он понял, что умелая расстановка запятых не заполнит духовную пустоту.

«Эти безжизненные педанты уж слишком вымучены, – заметил гуру после того, как ушел один из подвергшихся каре. – Они считают философию милым интеллектуальным упражнением. Их возвышенные мысли заботливо огорожены от грубой внешней деятельности, от какой-либо жесткой внутренней дисциплины!»

В других случаях учитель подчеркивал бесполезность одного лишь книжного знания:

«Не воображайте, будто понимание является каким-то более крупным словарем, – замечал он. – Святые Писания полезны для стимуляции жажды внутреннего осознания, внутренней реализации, если медленно усваивать по строфе за определенный отрезок времени. Беспрестанное интеллектуальное изучение может привести к тщеславию, ложному удовлетворению и неусвоению знания».

Шри Юктешвар рассказал собственный эпизод наставления в Писаниях. Дело было в лесной обители в восточной Бенгалии, где он наблюдал за методикой известного учителя – Дабру Баллава. Его метод, одновременно простой и сложный, был распространен в древней Индии.

Дабру Баллав собрал учеников в уединенном месте, в лесу. Перед ними была открыта священная *Бхагавадгита* . Полчаса они пристально смотрели на одну строфу, затем закрывали глаза. Протекало еще полчаса. Учитель давал краткое толкование. Не двигаясь, они медитировали еще час. Наконец гуру спросил:

– Вы поняли строфу? – Да, господин, – рискнул заявить один.

– Нет, не совсем. Ищите духовную жизненность, что дала этим словам силу обновлять Индию век за веком.

Еще час прошел в молчании. Учитель распустил учеников и обратился к Шри Юктешвару:

– А вы знаете *Бхагавадгиту* ?

– Нет, господин, не доподлинно, хотя мои глаза и ум пробегали по ее страницам много раз.

– Тысячи людей отвечали мне по-разному! – в улыбке мудреца было благословение. – Если заниматься внешним проявлением богатства Священного Писания, останется ли время для молчаливого внутреннего добывания бесценных жемчужин?

Шри Юктешвар направлял обучение учеников тем же интенсивным методом устремления в одно.

«Мудрость усваивается не глазами, а атомами. Если ваша уверенность в истине проникает не только мозг, но и все существо, вы можете скромно поручиться за ее смысл, –

106 [24]. *Упанишады* , или *Веданта* (буквально – окончание, результат *Вед*) встречаются в определенных частях четырех *Вед* как резюме самого существенного и формируют доктринальное основание индуистской религии. Шопенгауэр высоко оценил заложенное в них, сказав: "Глубокие, оригинальные и возвышенные мысли, – и добавил: – Доступ к *Ведам* (через западный перевод *Упанишад*) является, в моих глазах, величайшей привилегией нынешнего века над всеми предшествующими веками".

обескураживал он ученика, имеющего тенденцию полагать, что книжное знание – необходимый шаг к духовной реализации. Затем продолжал: – Древние риши в одно изречение вкладывали столько глубины, что ученые комментаторы поясняют их в течение множества поколений. Бесконечные литературные споры – для ленивых умов. Какая из мыслей освобождает быстрее, как не та, что „Бог есть“ или просто „Бог“?»

Но человек не легко возвращается к простоте. Для него редко существует простое «Бог», скорее – заученные напыщенности. Его эго льстит то, что он может показать эту эрудицию.

Люди, испытывавшие гордость от своего богатства или высокого мирского положения, в присутствии учителя могли в придачу к прочему имуществу приобрести скромность. В приморский дом в Пури однажды для беседы пришел местный судья, снискавший репутацию безжалостного. В его власти было вообще выселить нас из ашрама. Я предостерегал гуру о возможности такого деспотизма. Но он сел с непримиримым видом и не поднялся навстречу вошедшему посетителю. Слегка нервничая, я сидел у двери на корточках. Гость удостоился деревянного ящика, Шри Юктешвар не попросил меня принести стул. Явному ожиданию судьи, что его важность будет церемонно признана, не суждено было осуществиться.

Последовала метафизическая дискуссия. Гость пробирался на ощупь через неверные толкования Писаний. Вместе с ростом ошибок рос и его гнев:

– Знаете ли вы, что я лучше всех сдал экзамен на степень магистра искусств! – благоразумие оставило его, но кричать он еще мог.

– Господин судья, вы забываете, что это не ваш кабинет, – спокойно отвечал учитель. – Судя по наивным замечаниям, я полагаю, что ваша карьера в колледже не была заметной. Во всяком случае университетская степень совсем не связана с пониманием *Вед* . Святых не выпускают группами каждый семестр, как бухгалтеров.

Наступило жуткое молчание, и вдруг посетитель от сердца рассмеялся.

– Это моя первая встреча с судьей небесным, – сказал он.

Позже он официальным юридическим языком, очевидно, бывшим неотъемлемой частью его натуры, попросил принять его в ученики с «испытательным» сроком.

В некоторых случаях Шри Юктешвар и Лахири Махасая не поощряли «незрелых» учеников в желании присоединиться к Ордену Свами. "Ношение одежды цвета охры, когда человек еще не готов к познанию Бога, – утверждали они, – означает введение общества в заблуждение. Преждевременный отказ от некоторых внешних символов может повредить, ибо пробуждает гордыню. Если постоянно практиковать *крия-йогу* , отказ от материального обеспечит устойчивый, постепенный духовный прогресс".

Определяя важность человека, святой использует вечные критерии, весьма далекие от изменчивых мирских идеалов. Все человечество, столь разное в его собственных представлениях, в глазах учителя делится всего на два типа: невежды, не стремящиеся к Богу, и мудрецы, ищущие Его.

Гуру лично вникал в детали управления своим имуществом. Некоторые неразборчивые в средствах лица пытались овладеть его наследственной земельной собственностью. С твердой решимостью, и даже доводя дело до суда, Шри Юктешвар уходил от противников. Он подвергался этим мучительным испытаниям из желания не быть нищим гуру, бременем для учеников.

Финансовая независимость была единственной причиной непричастности моего прямолинейного учителя к хитростям дипломатии. Не в пример иным учителям, вынужденным льстить тем, кто их содержит, мой гуру был недоступен влиянию богатства, явному или скрытому. Я никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь просил денег или хотя бы намекнул о них для какой-либо цели. Его домашнее обучение предлагалось свободно и бесплатно всем ученикам.

Однажды в ашрам Серампура явился один обнаглевший представитель суда. Нам с

учеником по имени Канаи случилось при этом присутствовать.

Вручая Шри Юктешвару повестку, чиновник был настроен агрессивно:

– Вам будет полезно покинуть это жилище и вдохнуть чистый воздух помещения суда, – презрительно произнес он.

– Еще одно дерзкое слово, и вы будете на полу! – не смог удержаться я и приблизился с угрожающим видом.

– Негодяй! – вырвалось у Канаи. – Ты осмелился принести в этот святой ашрам богохульства?

Но учитель встал на защиту обидчика: – Не волнуйтесь попусту. Этот человек всего лишь выполняет свой законный долг.

Чиновник, изумленный столь разнородным приемом, сконфузившись, в двух словах извинился и исчез.

Удивительным было то, что учитель со столь пламенной натурой был весьма спокоен. К нему вполне подходило ведическое определение Божьего человека: «Нежнее цветка, где дело касается доброты, страшнее грома, где дело касается принципов».

В этом мире всегда существуют те, кто, по словам Браунинга, «не выносят света, ибо сами темны». Кто-то из посторонних время от времени бранил Шри Юктешвара за нанесение воображаемой обиды. Невозмутимый гуру обычно вежливо вслушивался, разбираясь внутри, нет ли в этом обличении доли истины. Эти сцены вызывают в моем уме одну из остроумных реплик учителя: «Некоторые люди стремятся стать выше, сняв голову другим!»

Неизменная выдержка святого выразительнее любой проповеди. "Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою *лучше* полководца"[[107]].

Мне часто казалось, что мой величественный учитель вполне мог быть императором или воином, потрясающим мир, будь его разум сосредоточен на славе или мирских достижениях. Вместо этого он предпочел штурмовать те внутренние цитадели страстей и самовлюбленности, падение которых знаменует рост человека.

Глава 13. Неспящий святой (Рам Гопал Музумдар)

– Пожалуйста, позвольте мне отправиться в Гималаи. Я надеюсь в ненарушаемом уединении достичь непрерывного божественного общения.

Я действительно однажды обратился с этими неблагодарными словами к учителю. Объятый одной из непредугадываемых иллюзий, время от времени посещающих поклоняющихся, я чувствовал растущее раздражение от обязанностей по ашраму и занятий в колледже. Некоторым оправданием явилось то, что я высказал эту просьбу всего после шести месяцев общения со Шри Юктешваром и еще не вполне разглядел истинную колоссальность его фигуры.

– Много горцев живет в Гималаях, и все же не обладают восприятием Бога, – медленно и просто ответил гуру. – Лучше искать мудрости у познавшего себя человека, чем у инертной горы.

Игнорируя явный намек учителя на то, что не какая-то гора, а он является моим учителем, я повторил просьбу. Шри Юктешвар не ответил, что я воспринял за согласие, – неопределенное, но удобное толкование.

Этим вечером в своем калькуттском доме я занимался подготовкой к путешествию. Завязав в одеяло несколько вещей, я припомнил такой же узел, тайком выброшенный из окна мансарды несколькими годами раньше, я и теперь удивился бы, узнав, что этот побег в Гималаи окажется неудачным. Первое время настроение было приподнято, ночью же от мысли, что покидаю гуру, я почувствовал тяжкие угрызения совести.

---

107 [25]. *Притчи* 16.32

На следующее утро я разыскал пандита Бехари, профессора по санскриту в Шотландском церковном колледже.

– Господин, вы говорили мне о дружбе с выдающимся учеником Лахири Махасая. Дайте мне, пожалуйста, его адрес.

– Ты имеешь в виду Рама Гопала Музумдара? Я зову его «неспящим святым». Он всегда бодрствует и находится в экстатическом состоянии. Он живет в Ранбаджпуре, близ Таракешвара.

Поблагодарив пандита и немедленно сев в поезд на Таракешвар, я надеялся на одобрение *неспящего святого* занятий медитациями в уединении Гималаев. До меня дошли сведения, что друг Бехари получил озарение через много лет занятий *крия-йогой* в уединенных пещерах Бенгалии.

В Таракешваре я приблизился к знаменитой святыне. Индусы относятся к ней с таким же благоговением, как католики к святилищу Лурда во Франции. Много чудес исцеления случалось в Таракешваре, в том числе с одним из членов моей семьи.

«Я пробыла в храме неделю, – рассказала однажды моя старшая тетка, – соблюдая полный пост и молясь за выздоровление от одной хронической болезни твоего дяди Сарады. На седьмой день у меня в руках материализовалась какая-то трава! Сделав отвар из нее я дала его дяде. Болезнь сразу исчезла и более никогда не возвращалась».

Подойдя к святому месту поклонения Таракешвара, я не увидел на алтаре ничего кроме круглого камня. Такая форма камня, без начала и без конца, выражает Бесконечность. В Индии космические абстракции не чужды уму даже самого скромного крестьянина, и, действительно, люди Запада часто обвиняют его за то, что вся его жизнь наполнена абстракциями.

Настроение мое в тот момент было столь мрачным, что желание преклониться перед каменным символом не возникло: «Бога следует искать, – думал я, – лишь в душе».

Покинув храм, не преклонив колена, я быстро направился к отдаленному селению Ранбаджпур, совершенно не зная, куда идти. Мое обращение к прохожему за информацией заставило его впасть в длительное раздумье.

– Когда дойдешь до первого перекрестка, поверни направо и так и иди, – наконец произнес он пророчески.

Следуя совету, я пошел вдоль берегов канала. Спускалась тьма, окраины селения в джунглях наполнились лишь мерцающими светлячками да воем шакалов поблизости. Весьма призрачный лунный свет не давал никакой уверенности. Часа через два я остановился. Приятный звон коровьего колокольчика! После нескольких окликов ко мне, наконец, подошел крестьянин.

– Я ищу Рама Гопала Бабу.

– Такой человек в нашем селе не живет, – ответил он угрюмо. – Ты, наверное, какой-нибудь неудачливый ищейка?

Надеясь успокоить подозрение его обеспокоенной политикой ума, я взволнованно объяснил свое затруднительное положение, и он гостеприимно отвел меня к себе домой.

– Ранбаджпур отсюда далеко, – заметил он, – у перекрестка тебе надо было повернуть налево, а не направо.

«Мой прежний советчик, – подумал я с досадой, – явно был грозой для путешественников». Вкусно поужинав неочищенным рисом, чечевицей дал и кари из картофеля с бананами, я удалился в маленькую хижину, расположенную рядом со двором. Вдали пели крестьяне под шумный аккомпанемент барабанов *мриданга* [[108]] и цимбал. Сон был неважный, и я глубоко молился, чтобы быть направленным к уединенному йогу Раму Гопалу.

---

108 [1]. Барабаны, в которые бьют руками; они используются только для исполнения молитвенной музыки *(киртан)* .

С первым светом утренней зари, проникшим в щели моей темной комнаты, я отправился в Ранбаджпур, устало тащась через кучи сухой глины, мимо срезанных серпом колючих растений. Встречающиеся периодически крестьяне неизменно говорили, что цель "всего в какой-нибудь *кроша* "[109]. Через шесть часов солнце победоносно проследовало от горизонта до зенита, но я начал чувствовать, что вечно буду в одной кроша от Ранбаджпура.

После обеда миром моим все еще было бесконечное рисовое поле. Нещадный, смертельно изнуряющий жар лился с небес. Когда ко мне неспешным шагом приблизился какой-то человек, я едва осмелился произнести обычный вопрос, чтобы не вызвать монотонного: «Как раз кроша».

Незнакомец остановился рядом со мной. Он был худощав, невысокого роста и ничто в нем не производило особого впечатления, за исключением пары темных глаз необычайной проницательности.

– Я собирался покинуть Ранбаджпур, но твои намерения были добрыми, и я подождал тебя. – Он погрозил пальцем перед моим изумленным лицом. – Разве ты недостаточно умен, чтобы не понять, что, незваный, ты мог свалиться мне как снег на голову? Этот профессор Бехари не имел права давать моего адреса.

Считая излишним называть себя в присутствии этого учителя, несколько уязвленный таким приемом, я стоял, не говоря ни слова. Внезапно он сделал следующее замечание:

– Скажи-ка, где, по-твоему, Бог?

– Ну, Он во мне и повсюду! – ответил я, сбитый с толку, что, несомненно, было видно по лицу.

– Все проникает, а? – удовлетворенно рассмеялся святой. – Тогда почему же, молодой человек, ты не склонился вчера перед Бесконечным в каменном символе в Таракешварском храме?[110] Твоя гордыня была наказана неверным советом прохожего, не обремененного пониманием четкой грани между левым и правым, что обернулось определенными неудобствами.

Я искренне согласился, пораженный, что всевидящее око сокрыто в неприметном теле рядом со мной. От йога исходила целительная сила, я был вмиг освежен в этой палящей жаре.

– Поклоняющийся думает, что его путь к Богу единственный, – сказал он мне. – Йога, с помощью которой божественное проявляется внутри, несомненно, высший путь, – так говорил нам Лахири Махасая. Но, открывая Бога внутри, мы осознаем Его во вне. Святыни в Таракешваре и в других местах справедливо почитаются как знаменитые центры духовной силы.

Строгость святого пропала, глаза его сочувственно потеплели. Он похлопал меня по плечу.

– Юный йог, ты, я вижу, убегаешь от своего учителя. У него есть все, что тебе нужно, ты должен к нему вернуться. Горы не могут быть твоим гуру, – Рам Гопал повторил ту же мысль, что выразил Шри Юктешвар при нашей последней встрече. – Учителя не связаны космическим принуждением ограничивать место своего пребывания. – Собеседник игриво взглянул на меня. – Индийские Гималаи и Тибет не обладают никакой монополией на святых. Та истина, которую человек не старается найти внутри себя, не откроется от перемещения тела в разных направлениях. Как только набожный человек готов идти хоть на край света за духовным просвещением, его гуру появляется рядом.

Я молча согласился, припомнив свою молитву в Бенаресской обители, за которой последовала встреча со Шри Юктешваром на безлюдной улочке.

– Можешь ли ты иметь маленькую комнатку, где мог бы закрыть дверь и быть один?

109 [2]. *Кроша* – расстояние приблизительно в три километра.

110 [3]. «Ничему не поклоняющийся человек никогда не сможет вынести бремени самого себя». – Ф.М.Достоевский, Бесы.

– Да, – мне подумалось, что этот святой переходит от общего к частному с приводящей в замешательство скоростью.

– Это и есть твоя пещера, – он одарил меня озаряющим взглядом. – Это и есть твоя святая гора. Там-то ты и найдешь Царство Божие.

Его простые слова в один миг изгнали одержимость Гималаями, всю жизнь преследовавшую меня. В рисовом поле под палящим от зноя солнцем я пробудился от грез о вечных снегах.

– Молодой человек, твоя божественная жажда похвальна. Я чувствую к тебе большую любовь. – Рам Гопал взял меня за руку и повел к причудливой деревушке. Глинобитные дома, покрытые кокосовыми листьями, над входом были скромно украшены свежими тропическими цветами.

Святой посадил меня на затененный помост из бамбука в своей маленькой хижине. Подав подслащенного лимонного сока и кусок твердого леденца, он пошел во внутренний дворик и сел в позу лотоса. Часа через четыре, выходя из медитации, я открыл глаза и увидел, что монолитная фигура йога все еще была неподвижной. Но когда мой желудок остро напомнил о хлебе насущном, Рам Гопал обратился ко мне:

– Я вижу, ты проголодался, – сказал он. – Еда скоро будет готова.

В глиняной печи, во дворике, был разожжен огонь. Скоро на большом листе банана были поданы рис и *дал* . Хозяин любезно отказался от помощи в приготовлении пищи. «Гость – это Бог» – эта индийская поговорка с незапамятных времен внушала благоговейное почтение. Позже, во время множества путешествий по миру, мне было приятно видеть, что подобное же отношение к посетителям проявляется в сельской местности многих стран. В городах же величие гостеприимства принижается избытком посторонних лиц.

Толпы людей казались чем-то смутным и далеким, когда я сидел на корточках около йога в маленькой деревушке, затерянной в джунглях. Хижина, озаренная мягким светом, казалась таинственной. Рам Гопал приспособил мне под постель несколько дырявых одеял на полу, а сам сел в позе лотоса на соломенную циновку. Потрясенный его духовным обаянием, я отважился на просьбу:

– Господин, почему бы вам не даровать мне *самадхи* ?

– Дорогой, я был бы рад передать божественный контакт теперь же, но не мне делать это, – святой взглянул на меня полузакрытыми глазами. – Твой учитель скоро одарит тебя этим опытом. Тело твое еще не настроено на нужный лад. Как маленькая лампочка не может выдержать чрезмерно высокое напряжение, так и твои нервы пока не готовы для космического тока. Если б я ныне передал бесконечный экстаз, ты воспламенился бы так, как если бы каждая клетка тела оказалась в огне. Ты просишь у меня озарения, – продолжал йог задумчиво, – а я удивляюсь, как такой незаметный человек, как я, с теми незначительными медитациями, что я проделал, преуспел в приятности Богу, и что такого ценного представляю я в Его глазах в конечном счете.

– Господин, разве вы не искали Бога долгое время?

– Я не много сделал. Бехари, должно быть, рассказывал тебе кое-что из моей жизни. Двадцать лет я занимал скрытый грот, медитируя по восемнадцать часов в сутки. Потом перешел в более недоступную пещеру и оставался там двадцать пять лет, вступая в йоговское единение по двадцать часов в сутки. Во сне я не нуждался, ибо всегда был с Богом. Тело больше отдыхало в абсолютном покое сверхсозерцания, чем это могло быть в частичном покое обычного бессознательного состояния. Мышцы во сне расслабляются, но сердце, легкие и система кровообращения работают постоянно, не имея отдыха. В сверхсознании внутренние органы остаются в состоянии временно приостановленной живости, электризуемой Космической энергией. Благодаря этому годами я находил сон ненужным. Настанет время, когда и ты будешь обходиться без сна, – добавил он.

– Вот это да, вы медитировали так долго и все же не уверены в благосклонности Господа! – я в изумлении уставился на него. – Что же тогда сказать о нас, ничтожных

смертных?

– Ну разве ты не видишь, что Бог – это сама вечность? Предполагать, будто Его можно познать за сорок пять лет медитаций, – это, пожалуй, нелепо. Но Бабаджи уверяет нас, что даже незначительное количество медитаций помогает освободиться от ужасного страха смерти и будущего после нее. Не устанавливай духовный идеал на маленькой горке, но прицепи его к звезде безграничного божественного достижения. Если ты трудишься упорно, то будешь там.

Увлеченный этой перспективой, я попросил у него еще слов просвещения. Он рассказал чудесную историю о своей первой встрече с гуру Лахири Махасая – Бабаджи[111]. К полуночи Рам Гопал смолк, и я улегся на одеяла. Закрыв глаза, я увидел вспышки молнии, обширное пространство внутри меня было камерой расплавленного света. Открыв глаза, я обнаружил то же ослепительное сияние. Комната обратилась в часть бесконечного свода, созерцаемого мною внутренним зрением.

– Ты почему не спишь? – спросил йог.

– Господин, как я могу не спать, если сверкают молнии и при закрытых, и при открытых глазах?

– Ты благословен иметь этот опыт: духовные излучения нелегко увидеть, – святой прибавил несколько ласковых слов.

На заре Рам Гопал дал леденцов и сказал, что мне следует уходить.

Мне так не хотелось расставаться с ним, что глаза были полны слез.

– Я не позволю, чтобы ты ушел без подарка, – нежно сказал йог, – и что-нибудь для тебя сделаю.

Он улыбнулся и пристально посмотрел на меня. Я стоял на земле как вкопанный, покой мощным потоком устремился через шлюзы моих глаз. Возникло ощущение мгновенного исцеления от боли в спине, много лет с перерывами беспокоившей меня.

Обновленный, омытый в море светлой радости, больше не плача, коснувшись стоп святого, я вошел в джунгли, прокладывая путь через тропические сплетения, пока не достиг Таракешвара.

Там я предпринял второе паломничество к знаменитой святыне и простерся перед ее алтарем. Круглый камень во внутреннем взоре расширился, пока не стал космическими сферами, кольцо в кольце, ряд за рядом, – во всем этом ощущалось присутствие Бога.

Час спустя я удачно сел на поезд до Калькутты. Путешествие окончилось, но не в величественных горах, а в гималайски величественном присутствии моего учителя.

Глава 14. Опыт космического сознания

– Вот и я, гуруджи, – робость говорила за меня красноречивее всяких слов.

– Пойдем-ка на кухню и найдем что-нибудь поесть. – Поведение Шри Юктешвара было столь же естественно, как если бы мы расставались на какие-нибудь часы, а не дни.

– Учитель, я, должно быть, огорчил вас, внезапно оставив свои обязанности; мне кажется, что разгневал вас.

– Нет, конечно, нет! Гнев возникает только от несбывшихся желаний. Я ничего не жду от других, так что их действия не могут противостоять моим желаниям. Я не стал бы использовать тебя в своих целях и счастлив только твоим собственным настоящим счастьем.

– Учитель, о божественной любви говорят туманно, но сегодня в вашем ангельском облике я в самом деле вижу ее конкретный пример! В миру отец не легко прощает сына, если тот оставляет родительское дело без предупреждения. А вы не проявляете ни малейшего раздражения, хотя, конечно, я поставил вас в большое затруднение, оставив многие дела

111 [4]. См. главу 33.

недоделанными.

Мы посмотрели друг на друга, у обоих глаза наполнились слезами. Волна блаженства поглотила меня. Я сознавал, что Господь в образе моего гуру преобразовал маленькие порывы сердца в неограниченные просторы космической любви.

Через несколько дней, утром, войдя в пустую гостиную, я собирался медитировать, но непокорные мысли не разделяли этого похвального намерения. Они бросались врассыпную, как птицы перед охотником.

– Мукунда! – прозвучал голос Шри Юктешвара с дальнего балкона.

«Учитель всегда советует мне медитировать, – внутренне взбунтовавшись, проворчал я про себя, – и не должен меня беспокоить, зная, зачем я вошел в эту комнату».

Он снова позвал меня, я же упрямо молчал. На третий раз в тоне его был упрек.

– Учитель, я медитирую! – воскликнул я протестующе.

– Я знаю, как ты медитируешь, – отозвался гуру. – Твой ум рассеян, как листья в бурю! Иди сюда!

Отчитанный и разоблаченный, я с досадой направился к нему.

– Бедный мальчик, горы не могли дать тебе того, чего ты хотел, – учитель говорил ласково, пытаясь утешить меня. Его спокойный взор был неизмеримо глубок. – Желание твоего сердца осуществится.

Шри Юктешвар редко говорил загадками, и я был сбит с толку. Что он имеет в виду? Он слегка шлепнул меня по груди над сердцем. Тело стало неподвижно, как будто какой-то огромный магнит извлек дыхание из легких. Душа и ум, сразу лишившись их физических оков, устремились наружу изо всех пор тела, как текущий, пронизывающий свет. Плоть как бы омертвела, но я остро осознавал, что никогда прежде не был по-настоящему жив. Ощущение собственной личности не было больше узко ограничено телом, но обнимало окружающие атомы. Люди на дальних улицах, казалось, тихо двигались по моей собственной отдаленной периферии. Корни растений и деревьев виднелись сквозь затуманенную прозрачность почвы, я различал, как внутри них течет сок.

Все окрестности раскрывались передо мной; мое обычное плоскостное зрение, сменившись на объемное, воспринимало все одновременно. Затылком я видел людей, гуляющих вдали по Рэй Гхат-лейн, при этом заметив и нетерпеливо приближавшуюся белую корову. Когда она дошла до открытой калитки ашрама, я видел ее как обычными физическими глазами, когда же она прошла за кирпичную стену, я все еще ясно видел ее.

Все предметы, находившиеся в поле панорамного видения, мерцали и вибрировали, как быстро движущиеся кадры кинокартины. Мое тело, тело учителя, двор с колоннами, мебель и пол, деревья и солнечное сияние вдруг неистово затрепетали, пока все не расплылось в светящееся море, в точности как кристаллы сахара, брошенные в стакан воды, растворяются при размешивании. Объединяющий свет перемешался с формами материализаций, эти метаморфозы открывали закон причин и следствий в творении.

Океан счастья хлынул в мою спокойную душу. Я осознал, что Дух Божий – это неисчерпаемая радость, тело Его – неисчерпаемые ткани сплетения света. Усиливающееся блаженство начало охватывать города, континенты, землю, солнечную и звездные системы, тонкие туманности и плывущие вселенные. Весь космос, мягко сияющий, как город, видимый ночью издалека, мерцал в бесконечности моего существа. Ослепительный свет за резко очерченными контурами земного шара несколько ослаблялся у самых дальних краев, где виднелось мягкое, не уменьшающееся сияние. Оно было неописуемо тонким, планетарные картины были образованы из более плотного света[112].

Божественное распространение лучей, изливающихся из Вечного Источника, разгораясь в галактики, видоизменялось невыразимыми аурами. Снова и снова я видел, как созидающие сияния уплотняются в созвездия, а затем растворяются в полосы прозрачного

112 [1]. Свет как сущность сознания объясняется в главе 30.

пламени. Секстиллион миров переходил в прозрачное сияние, а затем огонь заливал небесные сферы. Состояния эти ритмично чередовались.

Я осознал неземной центр как некое место интуитивного восприятия в своем сердце. Излучающийся блеск истекал из моего центрального ядра к каждой части вселенской структуры. Блаженная, текучая, как ртуть, амрита (нектар бессмертия) пульсировала во мне. Я слышал созидающий голос Бога, звучавший как *Аум* [113], вибрацией космического мотора.

Внезапно дыхание возвратилось в легкие. С почти невыразимым разочарованием я понял, что бесконечность, необъятность утрачена. Я снова ограничен клеткой тела, не легко приспосабливаемой к духу. Как заблудшее дитя, убежал я из дома – из макрокосма и заключил себя в жалком микрокосме.

Гуру неподвижно стоял передо мной. Я было собрался припасть к его святым стопам в благодарности за дарованный опыт космического сознания, которого так долго и страстно жаждал, но он удержал меня, просто и спокойно сказав:

– Не надо пьянеть от экстаза. В миру у тебя еще много работы. Пойдем-ка подметем пол на балконе, а потом погуляем у Ганга.

Понимая, что учитель обучал меня тайне гармоничной жизни, я принес веник. Душа должна простираться над космическими безднами, в то время как тело выполняет свои повседневные обязанности.

Когда мы позже отправились на прогулку, я все еще был объят несказанным восторгом, видя наши тела как две картины, движущиеся по дороге у реки, сущность которых составлял один лишь свет.

– Это Дух Божий активно поддерживает всякую форму и силу во вселенной, тем не менее он трансцендентен и находится в стороне, в блаженной несотворенной пустоте за пределами миров вибраторных явлений[114], – объяснил учитель. – Те, кто достиг самопознания на земле, ведут подобное двойственное существование. Сознательно выполняя здесь работу, они, однако, погружены во внутреннее блаженство. Господь сотворил всех людей из безграничной радости Своего собственного существа. Хотя они мучительно стеснены телом, Бог знает, что души, сотворенные по Его подобию, в конце концов поднимутся над всеми отождествлениями чувств и вновь соединятся с Ним.

Космическое видение оставило много неизгладимых из памяти уроков. Ежедневно останавливая поток мыслей, я смог добиться освобождения от иллюзии, что я – это тело, масса из мяса и костей, бредущая по твердой почве – материи; поняв, что дыхание и беспокойный ум подобны бурям, вздымающим океаны света до образования волн, соответствующих материальным формам – земли, неба, людей, животных, птиц и деревьев. Не может быть никакого восприятия Бесконечного как Единого Света, если не утихомирить эти бури.

---

113 [2]. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». – *От Иоанна* 1.1.

114 [3]. «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну». – *От Иоанна* 5.22. «Бога не видел никто никогда; единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». – *От Иоанна* 1.18. «И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом». – *К Ефесянам* 3.9. «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду». – *От Иоанна* 14.12. «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам». – *От Иоанна* 14.26.

Эти библейские слова относятся к тройственной природе Бога как Отца, Сына и Святого Духа (*Сат, Там, Аум* в Индийских Писаниях). Бог-Отец – это Абсолют, непроявленный, существующий за *пределами* вибраций творения. Бог-Сын – это сознание Христа (Брахма или *Кутастха Чайтанья*), существующее *внутри* вибраций творения, и есть «единственно порожденный», или единственное отражение Несотворенного Бесконечного. Внешнее проявление вездесущего Сознания Христа, Его «свидетель» – *Откровение* 3.14. – это *Аум* , Слово или Дух святой, божественная незримая сила, что поддерживает все творение через вибрацию *Аум* – блаженный Утешитель, слышимый в медитации, открывающий поклоняющемуся конечную Истину, сводя «все к ... воспоминаниям».

Как только успокаивались эти два природных буйства, я созерцал многочисленные волны творения, слитые в одно светящееся море, точно так же, как волны океана, когда бури стихают, безмятежно растворяются во всеобщем единстве.

Учитель дарует божественный опыт космического сознания, когда его ученик посредством медитации укрепил разум до такой степени, что безбрежные перспективы не могут раздавить его. Этот опыт ни в коем случае нельзя передать просто через интеллектуальную готовность или умственную восприимчивость человека. Только достаточное расширение сознания практикой йоги и благоговейной *бхакти* может подготовить ум к восприятию вездесущего освобождающего шока.

С естественной неизбежностью Он приходит к искреннему поклоняющемуся, пылкое желание которого начинает притягивать Бога с непреодолимой силой. Господь притягивается магнетическим пылом стремящегося в сферу его сознания в плане Космического Видения.

Впоследствии я написал стихотворение «Самадхи», пытаясь передать великолепие космического сознания:

Исчезли завесы света и тени,
Рассеялся скорби туман,
Унеслись все зори мимолетной радости,
Исчез туманный мираж чувств.
Любовь, ненависть, здоровье, болезнь, жизнь, смерть:
На экране двойственности погибли эти ложные тени.
Бурю майи успокоил магический жезл сверхинтуиции.
Вселенная – забытый сон – таится в подсознании,
Прошлого, настоящего, будущего более нет для меня.
Планеты, звезды, туманности, Земля,
Вулканические взрывы катаклизмов судного дня,
Литейная печь творения,
Ледники безмолвных рентгеновских лучей, жгучие потоки электронов,
Мысли всех людей, прошлое, настоящее, грядущее,
Каждый листик травы, я сам, человечество,
Каждая частица вселенской пыли,
Гнев, жадность, добро, зло, спасение, вожделение -
Я испил все, преобразуя
В безбрежном океане крови собственной сущности.
Затаенная радость, часто раздуваемая медитацией,
Ослепляя мои полные слез глаза,
Вспыхнула бессмертным пламенем блаженства,
Поглотила мои слезы, мое тело, меня всего.
Ты – я, я – Ты, Знающий, Познаватель, Познаваемое – в Едином!
Покойный, непрерывный трепет, вечная жизнь, вечно новый мир.
Дарующее невообразимое счастье превыше любых ожиданий блаженство *самадхи!*
Не умственный эфир,
Где я Космический Зритель,
Не бессознательное состояние, из которого нельзя вернуться по своей воле,
– *Самадхи* расширяет область моего сознания

За пределы смертного остова (тела)
До самой дальней границы вечности.
Где я – космическое море -
Наблюдаю, как плавает во мне маленькое «эго».
Слышны шорохи подвижных атомов.
Темная земля, горы, долины.
Смотри-ка! Ведь это расплавленная жидкость!
Текучие моря превращаются в дымку, чудесно раскрывая ее завесы,
Раскрыты океаны – сияющие электроны,
Пока с последним звуком космического барабана[115]
Более грубый свет не преобразуется в вечные лучи всепроникающего блаженства.
Из радости я пришел, для радости я живу, в священной радости я растворился.
Океан разума, Я пьет все вибрации творения.
Четыре завесы твердого, жидкого, пара и света снимаются должным образом.
Я во всем входит в Великое *Я* .
Ушли навсегда перемещающиеся мерцающие тени смертной памяти,
Нет ни пятнышка на моем умственном небе -
Внизу, впереди и высоко вверху.
Вечность и Я – один объединенный луч.
Я, крошечный пузырек смеха, – стал Морем Самого Веселья.

Шри Юктешвар научил меня, как вызывать это блаженное состояние по своей воле, а также, как передавать его другим[116], если их каналы интуиции достаточно развиты.

Месяцами я пребывал в экстатическом единении понимания – вот почему Упанишады говорят, что Бог – это *раса* , то есть «вкуснейший». Однажды утром я задал учителю задачу:

– Господин, мне хотелось бы знать, когда же я найду Бога?

– Ты уже нашел Его.

– О нет, я так не думаю!

– Я уверен, что ты не ожидаешь увидеть некую почтенную личность, украшающую собой трон в каком-то незараженном уголке космоса! – гуру улыбался. – Однако, я вижу, ты воображаешь, что обладание чудесными силами и есть знание Бога. Нет. Можно обладать властью над всей вселенной и тем не менее обнаружить, что все-таки Господь ускользает. Духовный прогресс следует измерять не внешними силами, но только глубиной блаженства при медитации. – *Вечно новая радость – это Бог!* Он неисчерпаем, если твои медитации будут длиться годами, Он будет занимать тебя с бесконечной изобретательностью. Подобные тебе поклонники, нашедшие путь к Богу, никогда не подумают променять Его на любое другое счастье. Он соблазнителен, Он вне всякой конкуренции. Как быстро мы устаем от земных удовольствий! Желание материального бесконечно, человек никогда не бывает вполне удовлетворен и преследует одну цель за другой. Это что-то, чего он ищет, и есть Господь, Который только и может даровать прочную радость. Внешние стремления изгоняют нас из внутреннего дома. Они предлагают ложные удовольствия, которые лишь выдают себя за счастье души. Потерянный рай быстро обретается вновь с помощью

115 [4]. *Аум* , творческая вибрация, облекающая все творение в конкретную внешнюю форму.

116 [5]. Я передал космическое видение многим *крия-йогам* на Востоке и Западе. Один из них, мистер Джеймс Дж.Линн, показан на снимке в состоянии *самадхи* .

божественной медитации. Поскольку Бог – это неожиданное и вечно новое, мы никогда не устанем от Него. Можем ли мы пресытиться восхитительно разнообразным вечным блаженством?

– Учитель, теперь я понимаю, почему святые называют Бога непостижимым. И вечной жизни не хватило бы, чтобы постичь Его.

– Это верно, но Он же близкий и родной. После того как ум очищен от чувственных преград *крия-йогой* , медитация дает двоякое доказательство существования Бога. Вечно новая радость – это свидетельство Его существования, проникающее в каждый наш атом. Кроме того, в медитации человек обретает Его мгновенное руководство, Его точный ответ на любое затруднение.

– Гуруджи, вы решили мою проблему, – благодарно улыбнулся я. – Теперь я понимаю, что нашел Бога, ибо всякий раз, когда радость медитации неосознанно возвращалась в часы деятельности, я неуловимо мягко направлялся на верный путь во всем, до мелочей.

– Человеческая жизнь исполнена скорби, пока мы не знаем, как прийти в соответствие с божественной волей, верный курс которой часто неприемлем для эгоистического интеллекта, – сказал учитель. – Лишь Бог может дать безошибочный совет. Кто, как не Он, несет бремя космоса?

Глава 15. Похищение цветной капусты

– Учитель, эти шесть огромных кочанов капусты я вырастил своими руками, следя за их ростом с заботливостью матери, кормящей ребенка, – выразившись столь церемонно, я преподнес ему корзину с овощами.

– Спасибо! – благосклонно улыбнулся Шри Юктешвар. – Пусть капуста полежит в твоей комнате, завтра она мне понадобится для приготовления специального обеда.

Приморский ашрам моего гуру в Пури

Я только что прибыл в Пури[117], чтобы провести летние каникулы с гуру в его

117 [1]. Пури расположен в трехстах километрах к югу от Калькутты, город паломников, почитателей Кришны; Его культ отмечается здесь двумя ежегодными праздниками – *Снанаятра* и *Ратхаятра* .

приморском ашраме. Симпатичный маленький приют в два этажа, построенный учителем и его учениками, выходил на Бенгальский залив.

На следующее утро я проснулся рано, освеженный соленым морским ветерком и чарующей тишиной ашрама. Меня призвал мелодичный голос Шри Юктешвара. Взглянув на взлелеянную мною цветную капусту, я аккуратно уложил ее под кроватью.

– Пойдем-ка на пляж.

Учитель шел во главе, а я и несколько учеников шли за ним разрозненной группой. Оглядев нас критически, он сказал:

– Когда гуляют наши западные братья, они обычно получают удовлетворение в согласии. А ну-ка, маршируйте в два ряда, нога в ногу друг с другом. – Шри Юктешвар наблюдал, как мы повиновались. – Ходит мальчиков отряд, все шагают дружно в ряд, – декламировал он.

Я не мог не восхищаться легкостью, с которой учитель был в состоянии поспевать за живым шагом учеников.

– Стой! – учитель вопросительно посмотрел на меня. – Ты не забыл запереть дом с черного хода?

– Думаю, что нет. Шри Юктешвар помолчал несколько минут с затаенной улыбкой.

– Нет, забыл, – сказал он наконец. – Созерцание божественного не оправдывает небрежность. Ты не выполнил свой долг по охране ашрама и должен быть наказан. – Когда он прибавил: Из твоих шести растений скоро останется только пять, – я подумал, что он как-то непонятно шутит.

По команде учителя мы развернулись кругом и пошли маршем, пока не приблизились к дому.

– Постой-ка, Мукунда, взгляни на дорогу, что за оградой слева от нас. Сейчас там появится человек, который будет орудием твоего наказания.

Столь непостижимое замечание раздосадовало меня. Вскоре на дороге показался крестьянин. Он забавно приплясывал, раскинув руки. Почти онемев от любопытства, я не отрывал глаз от этого веселого представления. Когда человек подошел к тому месту дороги, где должен был исчезнуть из виду, Шри Юктешвар сказал, что теперь он вернется.

Крестьянин вдруг изменил направление и подошел к ашраму с тылу. Пройдя по полосе песка, он вошел в здание через черный ход; я действительно оставил его незапертым, как и сказал гуру. Человек скоро вышел с одним из бесценных кочанов цветной капусты. Теперь он шагал представительно, преисполненный достоинством обладания.

Разыгрывающийся фарс, в котором мне была отведена роль изумленной жертвы, привел меня в замешательство, но не настолько, чтобы в негодовании не броситься в погоню. Я уже было направился к дороге, когда учитель, буквально сотрясаясь от смеха, отозвал меня обратно.

– Этот несчастный сумасшедший жаждал цветной капусты, – пояснил он в паузах между взрывами смеха. – Я подумал, что будет справедливо, если он получит одно из твоих столь плохо оберегаемых растений!

Я бросился в свою комнату, где обнаружил, что вор, навязчивой идеей которого были, по-видимому, овощи, оставил в полной неприкосновенности золотые кольца, часы, деньги, лежавшие открыто на одеяле. Вместо этого он залез под кровать, где, движимый особой страстью, раздобыл один из кочанов цветной капусты, лежавших совершенно скрытыми от чужих глаз.

В тот вечер я попросил Шри Юктешвара разъяснить этот инцидент, в котором, по-моему, некоторые моменты сбивали с толку. Гуру медленно покачал головой:

– Когда-нибудь ты поймешь это. Наука не скоро откроет многие из таких скрытых законов.

Когда чудеса радио вскоре обрушились на изумленный мир, я вспомнил предсказание учителя. Вековые понятия о времени и пространстве были опровергнуты, не осталось ни

одной крестьянской хижины, которая не смогла вместить Лондон или Калькутту! Границы разума расширились от неоспоримого доказательства одного из аспектов вездесущности человека.

«Сюжет» комедии с цветной капустой легче понять через аналогию с радио[118]. Учитель был идеальным человеческим радио. Мысли – не что иное, как очень тонкие вибрации, движущиеся в эфире. Как чувствительный радиоприемник из тысяч разных программ, несущихся со всех сторон, ловит желаемый музыкальный номер, так и гуру воспринял определенную мысль – мысль из множества различных мыслей радиостанций человеческой воли. О простом желании крестьянина ему стало известно по пути на пляж, не раньше, и он решил удовлетворить это желание. Божественное око Шри Юктешвара обнаружило этого человека вытанцовывающим на дороге еще до того, как он стал видим учениками. То, что я забыл запереть дверь ашрама, было для учителя подходящим оправданием для лишения меня одного из бесценных растений.

Таким образом, выступив в роли приемника, Шри Юктешвар, действуя через свою мощную волю как передатчик, стал посылать информацию[119]. В этой роли он успешно вернул крестьянина и отвел в мою комнату за одним из кочанов цветной капусты.

Интуиция – это руководство души, естественно проявляющееся у человека в те мгновения, когда его ум спокоен. Почти у каждого был случай необъяснимо точного «предчувствия», почти каждый успешно передавал свои мысли другому.

Ум человека, свободный от помех, вызванный неспокойствием, через антенну интуиции может осуществлять все функции сложной радиоаппаратуры – как принимать, так и посылать, а также отстраиваться от нежелательных мыслей. как мощность радио зависит от потребляемого тока, так и человеческое радио возбуждается в соответствии с величиной силы воли, которой обладает данный индивидуум.

Все мысли вечно вибрируют в космическом пространстве. Благодаря глубокой концентрации учитель в состоянии раскрыть любые мысли – живого или мертвого. Мысли постоянно находятся во вселенной, а не в индивидууме, истину нельзя создать, ее можно лишь осознать. Любая ошибочная мысль является результатом несовершенства человеческого различения в большей или меньшей степени. Цель йоговского учения – успокоить ум, чтобы он без искажений мог отражать Божественный Голос, присущий вселенной.

Радио и телевидение вмиг переносят разные звуки и изображения далеких людей к семейным очагам миллионов; это первые слабые намеки науки на то, что человек – это всепроникающий Дух. Не тело, прикованное к какой-то точке пространства, но безбрежный Дух, который мелкое я тщетно пытается ограничить весьма варварскими методами.

"Еще могут обнаружиться очень странные, весьма удивительные и, казалось бы, весьма невероятные феномены, которые, будучи раз установлены, удивят нас не более, чем

---

118 [2]. Создание в 1939 г. радиомикроскопа открыло мир ранее неизвестных лучей. "И сам человек, и все виды материи, считавшейся инертной, постоянно генерируют лучи, «видимые» этим инструментом, – сообщало *Associated Press* . – Те, что верят в телепатию, второе зрение и ясновидение, имеют в этом сообщении и первое научное доказательство наличия невидимых волн, действительно распространяющихся от одного лица к другому. Радиоаппарат на самом деле есть частотный радиоспектроскоп, открывающий атомы, из которых состоят звезды... О существовании этих волн, исходящих от человека и всех живых объектов, ученые подозревали давно. Ныне имеется первое экспериментальное доказательство их наличия. Это открытие показывает, что каждый атом и каждая молекула в природе является постоянной радиостанцией... Таким образом, даже после смерти та субстанция, что называлась человеком, продолжает генерировать волны. Их длины колеблются от более коротких по сравнению с используемыми ныне в радиовещании, до самых длинных. Их невообразимое множество. Их миллионы. Одна большая молекула может генерировать одновременно миллион волн разной длины. Длинные волны распространяются так же легко и быстро, как и короткие... Между открытыми и обычными волнами, наподобие световых, есть поразительная разница. Из непотревоженной материи радиоволны могут излучаться тысячелетиями".

119 [3]. См. сноску в главе 28.

теперь мы удивляемся всему тому, что сделала наука за последнее столетие, – заявил лауреат Нобелевской премии в области физиологии Шарль Робер Рише [120]. – *Предполагается, что явления, которые мы теперь принимаем, не вызывают нашего удивления потому, что они непонятны. Но не в этом дело. Если они нас не удивляют, то не потому, что понятны, а потому, что знакомы, так как если бы нас удивляло то, что непонятно, мы бы удивлялись всему – падению камня, брошенному в воздух, желудю, становящемуся дубом, ртути, расширяющейся при нагревании, железу, притягиваемому магнитом...*

Сегодняшняя наука легковесна... Те удивительные истины, которые откроют наши потомки, даже ныне окружают нас, уставились, так сказать, нам в глаза; и все же мы их не видим, даже недостаточно сказать, что мы их не видим: мы не желаем их видеть, ибо едва обнаруживается какой-нибудь неожиданный или непривычный факт, как мы стараемся подогнать его под банальные рамки уже приобретенного знания и негодуем, если кто-нибудь осмеливается продолжить эксперименты".

Через несколько дней после того как у меня столь невероятным образом украли цветную капусту, произошел забавный случай. Мы никак не могли найти керосиновую лампу. Будучи недавно свидетелем всеведущего прозрения гуру, я полагал, что он обнаружит ее, так как определить местонахождение лампы для него – детская игра.

Учитель понял, чего я жду, и с напускной серьезностью опросил всех обитателей ашрама. Один юный ученик сказал, что он брал лампу, чтобы сходить к колодцу на задний двор.

– Поищите лампу у колодца, – весомо произнес Шри Юктешвар.

Я бросился туда и, увидев, что лампы нет, уныло вернулся. Гуру весело смеялся, нисколько не сожалея о моем разочаровании.

– Очень жаль, что не смог направить тебя к исчезнувшей лампе, я не предсказатель судьбы! – и, вращая глазами, добавил: – И даже не Шерлок Холмс!

Я понял, что учитель не стал бы проявлять силы по незначительному поводу или для того, чтобы что-то доказать сомневающимся.

Шли недели, полные радости. Шри Юктешвар задумал религиозную процессию. Он попросил меня провести учеников через город и пляж Пури. День празднества (день летнего солнцестояния) начался сильной жарой.

– Гуруджи, как можно провести босых учеников через обжигающие огнем пески? – спросил я в отчаянии.

– Сообщу тебе один секрет, – ответил учитель. – Господь пошлет зонтик из туч, и все вы пройдете с полным комфортом.

Я с радостью организовал процессию, наша группа вышла из ашрама со знаменем Сатсанга[121]. Нарисованное Шри Юктешваром, оно несло на себе символ единого глаза[122], всевидящего ока интуиции.

Не успели мы выйти из дома, как участок неба над нашими головами, как по волшебству, затянулся тучами. К удивлению окружающих, прошел небольшой дождь, увлажнив улицы городка и охладив пылающее морское побережье.

Редкие освежающие капли дождя падали с неба в течение всех двух часов парада. Как

---

120 [4]. Автор *Нашего шестого* чувства, London: Rider & Co.

121 [5]. *Сат* – буквально – бытие; следовательно, – сущность, истина, реальность; *санга* – единение. Шри Юктешвар называл свою домашнюю организацию *Сатсанга* – содружество с истиной.

122 [6]. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло». – *От Матфея* 6.22. При глубокой медитации единое, или духовное, око становится видимым внутри центральной части лба. На это всеведущее око в Писаниях есть различные указания как на третий глаз, звезду востока, внутреннее око, голубя, спускающегося с небес, око Шивы, око интуиции и многие другие.

раз в тот момент, когда наша группа вернулась в ашрам, и тучи, и дождь бесследно исчезли.

– Видишь, как Бог нам сочувствует, – сказал учитель, когда я выразил ему признательность. – Господь отзывчив ко всем и трудится для всех. Точно также, как Он по моей просьбе послал дождь, также осуществляет Он любое искреннее желание преданного поклоняющегося. Люди редко осознают, как часто бывает внимателен Бог к их молитвам. Он беспристрастен, но прислушивается ко всякому, кто доверчиво обращается к Нему. Дети Его всегда безо всяких сомнений должны верить в нежную доброту их вездесущего Отца[123].

Шри Юктешвар отмечал четыре праздника в год – в дни весеннего и осеннего равноденствия и летнего и зимнего солнцестояния, – на которые отовсюду стекались ученики. Зимнее солнцестояние отмечалось в Серампуре. Первый такой праздник, на котором присутствовал я, навсегда принес мне благословение учителя.

Он начался утром с босоногой процессии по улицам. Нежные религиозные песни звучали голосами сотни учеников, несколько музыкантов играли на флейтах и *кхол карталах* (барабаны и цимбалы). Толпа энтузиастов, радуясь тому, что наши звучные восхваления благословенного имени Господа оторвали их от прозаических занятий, усыпала путь цветами. Длинный поход закончился во дворе жилища. Там мы окружили гуру, тогда как ученики с верхних балконов осыпали нас цветами.

Множество гостей поднялось наверх получить пудинг из *чанна* и апельсинов. Я направился к группе братьев-соучеников, что были в этот день поварами. Пищу для таких собраний надо было готовить под открытым небом в больших котлах. Сделанные наскоро кирпичные печи, топившиеся дровами, дымили, вызывая слезы, но мы весело смеялись за работой. Религиозные праздники в Индии никогда не считались обременительными, каждый набожный человек принимает в них участие деньгами, рисом, овощами или личными услугами.

Учитель вскоре оказался среди нас, наблюдая за множеством деталей проведения праздника. Занятый все время, он не отставал от энергичных юных учеников.

На втором этаже происходил санкиртан[124] в сопровождении фисгармонии и *кхол карталов* . Юктешвар оценивающе прислушивался, у него был тонкий музыкальный слух.

– Они же поют не в той тональности! – Учитель оставил поваров и присоединился к артистам. Мелодия послышалась вновь, на этот раз в точном воспроизведении.

Сама Веда содержит самые ранние письменные работы в области музыкальной науки. В Индии музыка, равно как и живопись, и сценическое искусство, считается божественным искусством. Брахма, Вишну, Шива – вечная Троица – были первыми музыкантами. В Писаниях сказано, что Божественный танцор Шива в Его аспекте Натараджа разработал бесчисленные виды ритмов в Своем космическом танце вселенского творения, сохранения и разрушения, тогда как Брахма отбивал такт на звонких цимбалах, а Вишну ударял в священный барабан *мриданга* .

Сарасвати – богиня мудрости – символически часто изображается играющей на вине, матери всех струнных инструментов. *Сама Веда* содержит самые ранние в мире сведения по музыкальной науке. Кришна, воплощение Вишну, часто изображается с флейтой, на которой Он играет привлекательную песнь, призывая человеческие души, блуждающие в *майе* , в их Истинный Дом.

Краеугольным камнем индусской музыки являются так называемые *раги* , или неизменные мелодические гаммы. Шесть основных раг разветвляются на сто двадцать шесть производных *рагини* (жены) и *путра* (сыновья). В каждой раге минимум пять нот: ведущая нота *вади* (царь), вторичная нота *самавади* (премьер-министр), вспомогательные ноты *анувади* (слуги) и диссонирующая нота *вивади* (враг).

---

123 [7]. «Насадивший ухо не услышит ли? И образовавший глаз не увидит ли? Вразумляющий народы неужели не обличит, – Тот, Кто учит человека разумению?» – *Псалом* 93.9-10.

124 [8]. *Санкиртан* – групповое пение.

Каждая из шести *раг* имеет естественное соотнесение с определенным часом дня, сезоном или правящим божеством, которое дарует какое-то конкретное могущество. Так, например: (1) *Хиндола рага* играется лишь на заре, весной, дабы возбуждать настроение вселенской любви; (2) *Дипака рага* играется по вечерам, летом, дабы возбудить сострадание; (3) *Мегха рага* – это мелодия для полудня, в сезон дождей, дабы вызвать смелость; (4) *Бхайрава рага* играется по утрам, в августе, сентябре, октябре для достижения умиротворения; (5) *Шри рага* сохраняется для осенних сумерек, дабы достичь чистой любви; (6) *Малкоунса рага* слышна в полночь, зимой для стимуляции доблести.

Древние риши открыли эти законы звуковой связи между природой и человеком. Поскольку природа является объективизацией Аум, Первого Звука или вызывающего вибрации Слова, человек в состоянии достичь контроля над всеми проявлениями природы путем использования некоторых *мантр* , или песнопение[125]. Исторические документы рассказывают о замечательных силах Мияна Тан Сена, придворного музыканта Акбара Великого, жившего в XVI веке. Когда император повелел петь ночную *рагу* , в то время как не небе сияло солнце, Тан Сен запел *мантру* , и весь дворец вмиг погрузился во тьму.

В индийской музыке октава делится на двадцать две *срути* , или четверти тона. Эти микротоновые интервалы делают возможными тончайшие музыкальные оттенки, недостижимые для западной хроматической гаммы из двенадцати полутонов. Каждая из семи основных нот октавы в индийской мифологии ассоциируется с каким-нибудь цветом, пением той или иной птицы или звуком животного: *до* – с зеленым цветом и криком павлина; *ре* – с красным цветом и пением жаворонка; *ми* – с золотистым и блеянием козы; *фа* – с желтовато-белым и криком цапли; *соль* – с черным и пением соловья; *ля* – с желтым и ржанием лошади; *си* – с комбинацией всех цветов и ревом слона.

В западной музыке употребляются лишь три гаммы – мажор, гармонический и мелодический минор. Индийская же музыка различает семьдесят два *тхата* , или гаммы. У музыканта имеется творческий простор для бесконечной импровизации вокруг неизменной традиционной мелодии – *раги* , он сосредотачивается на чувстве или определенном настрое структурной темы и затем расцвечивает ее в пределах собственной оригинальности. Индийский музыкант не читает застывшие ноты, при каждом исполнении он заново одевает обнаженный каркас раги, зачастую придерживаясь единственной мелодической последовательности, подчеркивая повторением все ее тонкие микротоновые и ритмические варианты.

Из западных композиторов, в частности, И.С.Бах понимал все обаяние и силу повторяемого звука, слегка изменяемого с помощью сотни разнообразных комбинаций.

Древняя санскритская литература описывает сто двадцать *тала* – измерений времени. Говорят, что основатель индусской музыкальной традиции Бхарата различал тридцать два *тала* в песне жаворонка. Источник *тала* , или ритма, основывается на человеческих движениях – в два раза медленнее ходьбы и в три раза спокойнее дыхания во сне, когда вдох в два раза дольше выдоха.

Индия всегда признавала человеческий голос самым совершенным инструментом, образующим звук. Поэтому индийская музыка широко пользуется диапазоном голоса в три октавы. По этой же причине основное место в мелодии (последовательная связь нот)

---

125 [9]. Фольклор всех народов содержит ссылки на магические заклинания сил, стоящих над природой. Американские индейцы разработали эффективные звуковые ритуалы для вызова дождя и ветра. Тан Сен – великий индийский музыкант – мог погасить огонь силой песни.

Чарльз Келлог, натуралист из калифорнии, продемонстрировал перед группой нью-йоркских пожарных во время пожара в 1926 г. тональную вибрацию. «Быстро проводя увеличенным скрипичным смычком по камертону, он производил рокот, напоминающий интенсивные радиопомехи. Мгновенно желтое пламя газа высотой более чем полметра, бьющееся внутри пустой стеклянной трубы, утихало до высоты около двадцати сантиметров и превращалось в потрескивающий голубой язык пламени. Еще одна попытка и еще один скрежет вибрации потушили его совсем».

отводится ритму, а не гармонии (одновременная связь нот).

Индийская музыка всегда была субъективным, духовным и персонифицированным искусством, стремящимся не к симфоническому внешнему блеску, а к личной гармонии с Верховной Душой. Санскритское слово *бхагаватхар* – музыкант, более правильно переводится как: «тот, кто поет хвалу Богу».

Санкиртан , льющийся в день праздника из гостиной Шри Юктешвара на втором этаже, вдохновлял поваров, занятых котлами, из которых валил пар. Мы с братьями-соучениками весело пели припев, отбивая такт руками.

Санкиртаны, или музыкальные собрания, являются одними из эффективных форм йоги или духовной дисциплины, так как неизбежно влекут за собой глубокое сосредоточение, интенсивное погружение в мысль-семя и звук-семя. Поскольку сам человек является выражением творческого Слова, звук оказывает на него сильнейшее и непосредственное воздействие, освещая путь воспоминанию о его божественном происхождении. Волнующая глубина восторга, доставляемого музыкой, вызвана вибрациями пробуждения одного из оккультных спинальных центров человека[[126]]. В эти благословенные моменты слабые воспоминания о духовном происхождении могут прийти к нему.

На закате сотням наших посетителей подали *кичури* [[127]], овощное кари и рисовый пудинг. Во дворе расстелили большую хлопчатобумажную ткань, и вскоре все собрание сидело на корточках под звездным небом, тихо внимая мудрости, истекающей из уст Шри Юктешвара. В публичных речах он постоянно подчеркивал ценность *крия-йоги* и жизни с чувством собственного достоинства, спокойствия, определенности, простой пищи и постоянного регулярного упражнения.

Затем группа очень юных учеников запела священные гимны, собрание завершилось *санкиртаном* . С десяти вечера и до полуночи обитатели ашрама мыли горшки и кастрюли, расчищали двор. Гуру подозвал меня.

– Я доволен твоей усердной работой сегодня и за неделю предшествующих приготовлений и хочу, чтобы ты этой ночью был со мной, можешь спать в моей постели.

Я никогда не думал, что мне выпадет такая привилегия. Некоторое время мы пребывали в состоянии интенсивного божественного покоя. Не прошло и десяти минут после того, как мы легли спать, как учитель поднялся и стал одеваться.

– Что случилось? – невиданная радость – спать рядом с гуру – стала казаться не вполне реальной.

– Я думаю, что несколько учеников, перепутавших расписание поездов, скоро будут здесь. Приготовим им на всякий случай еду.

---

126 [10]. Пробуждение таинственных спинномозговых центров (*чакр* – астральных лотосов) – это священная цель йоги. Западные толкователи не поняли, что глава Нового Завета – *Откровение* – содержит символическое представление науки йоги, которой Господь Иисус обучал Иоанна и других близких учеников. Иоанн упоминает «тайну семи звезд» и «семи церквей» (*Откровение* 1.20.) – эти символы относятся к семи лотосам света, описанным в трактатах йоги как «семь дверей-ловушек», расположенных на спинномозговой оси. Через эти духовно запланированные «двери» йоги с помощью научной медитации выходят из железной тюрьмы тела и возобновляют истинное тождество как душа (см. главу 26).

Седьмой центр, «тысячелепестковый лотос», в голове – это трон Бесконечного Сознания. Говорят, что йог в состоянии духовного просветления постигает Браму, или Бога Творца, как Падмаджу: «Единый, рожденный из лотоса».

«Поза лотоса» называется так потому, что в этой традиционной позе йог видит разнообразно окрашенные лотосы (*падмы*) спинномозговых центров. Каждый лотос обладает характерным количеством лепестков, или лучей, состоящих из *праны* (сила жизни). Падмы известны также как *чакры* (колеса).

Поза лотоса (падмасана) позволяет держать спину прямо и прочно удерживать тело от опасности падения назад или вперед в состоянии транса (*сабикальпа самадхи*), поэтому это любимая поза йога. Однако *падмасана* может представлять некоторые затруднения для начинающих и не следует пытаться принимать ее без руководства знатока *хатха йоги* .

127 [11]. *Кичури* – рис с чечевицей.

– Гуруджи, никто не станет являться в час ночи!

– Оставайся в постели, ты трудился очень прилежно. А я пойду на кухню.

При столь решительном тоне учителя я вскочил и последовал за ним в маленькую, используемую в обычные дни, кухню, прилегающую к внутреннему балкону второго этажа. Скоро сварились рис и *дал* .

Гуру улыбнулся и с нежностью в голосе сказал:

– Этой ночью ты победил усталость и страх тяжелой работы, они никогда больше не будут тебя беспокоить в будущем. Едва он произнес слова этого благословения всей жизни, как во дворе послышались шаги. Я сбежал вниз и впустил группу учеников.

– Дорогой брат, нам так не хотелось беспокоить учителя в это время! – обратился ко мне один из них. – Мы ошиблись в расписании поездов, но почувствовали, что не можем вернуться домой, не повидав его.

– Он ждал вас, а теперь готовит для вас еду!

Раздался радушный голос Шри Юктешвара, и я повел изумленных посетителей на кухню. Учитель повернулся ко мне, в глазах его играли радостные огоньки.

– Теперь, когда закончился обмен впечатлениями, ты, несомненно, убедился, что наши гости действительно пропустили свой поезд!

Спустя полчаса я проследовал за ним в спальню, вполне прочувствовав, что буду спать рядом с богоподобным гуру.

Глава 16. Как мы перехитрили звезды

– Мукунда, почему ты не купишь какой-либо астрологический браслет?

– Я, учитель? Но я не верю в астрологию.

"Это ни в коем случае не может являться делом *веры* . Единственно приемлемое научное отношение к любому предмету заключается в том, правилен он или нет. Закон гравитации до Ньютона действовал столь же эффективно, как действует и после него. Космос был бы полным хаосом, если бы его законы не действовали без санкции человеческой веры. Шарлатаны довели науку о звездах до ее нынешней дурной славы. Астрология и в математическом[[128]], и в философском отношении слишком обширна, чтобы правильно понимать ее, разве что исключая людей глубокого знания. Если невежды неверно толкуют небеса и видят там вместо письмен одни каракули, то этого и следовало ожидать в нашем несовершенном мире. Не следует отождествлять мудрость с мудрецом.

Все части творения связаны и влияют друг на друга. Уравновешенный ритм вселенной корениться во взаимообмене, – продолжал гуру. – Люди, в их человеческом аспекте,

128 [1]. Из указаний на астрологические явления ученые, изучавшие индийские Писания, оказались в состоянии установить даты жизни их авторов. Древние риши обладали очень большими научными знаниями. В *Каушитаки Брахмана* мы находим отрывки с точными астрологическими данными, показывающими, что в 3100 г. до Р.Х. индусы были весьма компетентны в астрологии, имевшей практическую ценность в определении благоприятного времени для астрологических церемоний. В феврале 1934 г. в одной из статей *Восток-Запад* делается следующее резюме о *Джотише* , основанное на астрономических ведических трактатах: "Содержащиеся в ней научные знания сохраняют за Индией ведущее место среди всех древних наций и сделали ее Меккой для всех искателей знаний. Один из трудов Джотиша – *Брахмагупта* представляет собой астрономический трактат, рассматривающий такие проблемы, как гелиоцентрическое движение планет солнечной системы, наклон эклиптики, сферическая форма Земли, отраженный свет Луны, суточное вращение Земли вокруг собственной оси, наличие постоянных звезд в Млечном пути, закон гравитации и другие научные факты, не просочившиеся в западный мир до времен Коперника и Ньютона".

Так называемые арабские цифры, неоценимые для развития западной математики, пришли в Европу в IX веке через арабов, вышедших из Индии, где эта система обозначения была сформулирована еще в древности. Дальнейшие сведения об обширном научном наследии Индии можно найти в *Истории индийской химии* П.С.Роя, *Позитивных науках древних индусов* Б.Н.Сила, в книгах Б.К.Саркара *Достижения Индии в точной науке* и *Позитивное основание индусской социологии* и в U.C.Dutt's *Materia Medica of Hindus* .

вынуждены сражаться с двумя видами сил: во-первых, с беспорядком внутри своего существа, вызванном смесью элементов земли, воды, огня, воздуха и эфира; во-вторых, с внешними разрушительными силами природы. Столько же времени, сколько борется человек со своей бренностью, он испытывает воздействие бесчисленных изменений неба и земли.

Астрология – это изучение реакции человека на влияние планет. Звезды не отличаются сознательной благосклонностью или враждебностью, они просто излучают положительную и отрицательную энергию. Само по себе это и не помогает, и не вредит человечеству, но является неким законным каналом для проведения внешних причинно-следственных воздействий, которые каждый человек в прошлом привел в движение.

Ребенок рождается в тот день и час, когда поток небесной энергии находится в математической гармонии с его индивидуальной кармой. Гороскоп данного ребенка – это портрет, раскрывающий неизменное прошлое и вероятное будущее. Но карта рождения может быть верно истолкована лишь людьми интуитивной мудрости – таких не много. Весть, отчетливо запечатленная на небесах в момент рождения, не имеет в виду акцентирования судьбы – результата прошлого добра и зла, а предназначена для пробуждения человеческой воли, избавления от вселенского рабства. То, что им делалось ранее, он в состоянии не делать, никто другой, кроме него, не был побудителем причин любых следствий, преобладавших ранее в его жизни. Человек может превозмочь любые ограничения, прежде всего в связи с тем, что он создал их собственными действиями и располагает ресурсами, неподвластными влиянию планет.

Суеверный страх перед астрологией делает человека роботом, рабски зависимым от чьего-либо программирующего руководства. Мудрец аннулирует влияние планет, то есть прошлое, перемещая свою зависимость с творения на Творца. Чем больше он сознает единство с Духом, тем меньше над ним может властвовать материя. Душа вечно свободна и, поскольку не рождена, – бессмертна. Звезды не могут управлять ею.

Человек – *есмь* душа и *имеет* тело. Когда он правильно определяет свое тождество, то оставляет позади все принудительные шаблоны. До тех пор пока он продолжает оставаться в замешательстве в обычном состоянии духовного беспамятства, ему будут знакомы тонкие путы закона окружающей среды.

Бог есть Гармония. Набожный человек, приведший себя в гармонию, никогда не совершит неправильного действия. Они будут верно и естественно приведены в согласие с законами астрологии. После глубокой молитвы и медитации он находится в состоянии соприкосновения со своим Божественным сознанием, и нет большей силы, чем эта внутренняя защита".

– Тогда зачем же, дорогой гуру, вы хотите, чтобы я носил астрологический браслет? – после длительного молчания обратился я с вопросом, пытаясь усвоить величественное толкование Шри Юктешвара, содержавшее новые для меня мысли.

"Только тогда, когда путешественник достиг цели, он может отказаться от карты. Во время путешествия необходимо отдавать предпочтение всякому удобному сокращению пути. Древние риши открыли много способов сокращения периода человеческого изгнания в заблуждение. В законе кармы есть некоторые чисто механистические черты, которые можно искусно регулировать перстами мудреца.

Все человеческие напасти возникают от нарушения вселенского закона. В Писаниях сказано, что человек должен удовлетворить требования законов природы, не дискредитируя в то же время божественно могущества. Он должен сказать: «Господи, я верую в Тебя и знаю, что Ты можешь мне помочь, но я хочу поступать как можно лучше, чтобы не совершать дурных поступков». Эти напасти множеством способов можно свести до минимума или уничтожить – молитвой, силой воли, йоговской медитацией, общением со святыми, употреблением астрологических браслетов.

Точно так же, как можно снабдить дом медным стержнем для предотвращения удара

молнии, так и разными защитными мерами можно принести пользу телесному храму. Тонкие электрические и магнитные излучения постоянно циркулируют во вселенной. Когда тело человека получает помощь, он этого не знает; когда оно разрушается, он все так же остается в неведении. Мудрецы обнаружили, что чистые металлы испускают астральный свет, оказывающий мощное противодействие негативным влияниям планет. Обнаружено, что так же помогает сочетание определенных растений.

Профилактическое использование астрологии редко изучалось всерьез за пределами Индии. Малоизвестен тот факт, что лекарства из соответствующих драгоценных камней, металлов или растений бесполезны, если не обеспечивается требуемый вес и если эти лечебные агенты не носят в соприкосновении с кожей. Необходимый эффект не может быть достигнут и в том случае, если величина камня меньше двух карат".

– Учитель, я конечно, последую вашему совету и достану браслет. Но мысль, что этим можно перехитрить звезды, мне очень интересна.

– Для общих целей я советую изготовить браслет из золота, серебра и меди. Но для специального эффекта достань браслет из серебра и свинца. – Шри Юктешвар дал тщательные указания.

– Гуруджи, что вы имеете в виду под «специальным эффектом»?

– Звезды склоняются к тому, чтобы обратить к тебе, Мукунда, «недружелюбный» интерес. Но не бойся, нужно защититься. Примерно через месяц печень доставит тебе много хлопот. Болезнь запланирована на шесть месяцев, но ношение браслета сократит этот срок до двадцати четырех дней.

На другой день я разыскал ювелира и вскоре носил браслет. Здоровье мое было превосходным, предсказание учителя вылетело из головы. Он покинул Серампур, чтобы посетить Бенарес. Спустя тридцать дней после нашей беседы я вдруг почувствовал боль в области печени. Последующие недели были полны мучительных страданий. Не желая беспокоить гуру, я думал, что перенесу испытания сам.

Но двадцать три дня мучений поколебали это решение, и я поехал в Бенарес. Шри Юктешвар встретил меня с необычайной теплотой, но возможности поговорить наедине о случившемся не было. В тот день учителя посетило множество набожных людей ради *даршана* [129]. Я сидел в уголке, больной и забытый. Гости разошлись не раньше ужина. Гуру позвал меня на восьмиугольный балкон дома.

– Ты, должно быть, приехал из-за болезни печени, – Шри Юктешвар смотрел в сторону, он ходил взад и вперед, время от времени загораживали луну. – Погоди-ка, ты болен двадцать четыре дня, не так ли?

– Да, господин.

– Пожалуйста, сделай упражнение для живота, которому я тебя учил.

– Если бы вы знали, как я страдал, учитель, то не просили бы заниматься упражнением. – Тем не менее я сделал жалкую попытку повиноваться.

– Ты говоришь больно, а я говорю – нет. Разве могут быть такие противоречия? – гуру вопросительно посмотрел на меня.

Я был ошеломлен, а затем охвачен счастливым чувством облегчения, больше не ощущая непрерывных мучений, неделями почти не дававших мне спать. Со словами учителя сильнейшая боль исчезла, как будто ее никогда и не было.

В знак благодарности я хотел было склониться к его стопам, но он быстро предупредил меня.

– Не будь ребенком. Встань и насладись красотой луны над Гангом. – Но, когда я молча стоял рядом с ним, глаза его светились счастьем. По замечанию учителя я осознал его желание, – он хотел чтобы я почувствовал, что целителем был не он, а Бог.

Я и по сей день ношу толстый браслет из серебра и свинца в память о том давно

---

129 [2]. *Даршан* – благословение, снисходящее на посетителя от одного вида святого.

прошедшем, но незабываемом дне, когда вновь убедился, что живу рядом с личностью поистине сверхчеловеческой. Позднее, в других случаях, когда я приводил друзей лечиться к Шри Юктешвару, он неизменно рекомендовал драгоценные камни или браслет[130], превознося их применение как акт астрологической мудрости.

Предубеждение против астрологии у меня было с детства. Отчасти оно объясняется тем, что я видел, как многие люди рабски привязывались к ней, а отчасти – предсказанием семейного астролога: «Ты будешь трижды женат, овдовев дважды». Поэтому, мрачно раздумывая над этим, я чувствовал себя козлом, ожидающим у храма принесения в жертву тройной женитьбы.

– Можешь покориться судьбе, – как-то сказал Ананта. – В гороскопе верно сказано, что ты будешь убегать в Гималаи в ранние годы жизни, но тебя вернут силой. Предсказания о женитьбах тоже должно быть верным.

Однажды ночью ко мне пришло интуитивное понимание, что все пророчество было ложным. Я предал огню свиток гороскопа, собрав пепел в бумажный пакет, на котором написал: «Семена прошлой кармы не могут прорасти, если они поджарены на огне божественной мудрости», и положил пакет в одно бросающееся в глаза место. Ананта тут же прочел вызывающее замечание.

– Тебе не удастся уничтожить истину так же легко, как легко ты спалил этот бумажный манускрипт, – насмешливо заявил брат.

Действительно, трижды до достижения зрелого возраста семья пыталась устроить мне помолвку. Каждый раз я отказывался от этих замыслов[131], зная, что моя любовь к Богу была более непреодолимой, нежели любая астрологическая склонность из прошлого.

«Чем глубже самопознание человека, тем значительнее его влияние на всю вселенную своими тонкими духовными вибрациями и тем меньшее действие имеет на него поток феноменального» – эти воодушевляющие слова учителя часто приходили мне в голову.

Время от времени я просил астрологов сделать выборку наихудших для меня периодов в соответствии с указаниями планет и, тем не менее, осуществлял любую поставленную себе задачу. Правда, успех в такое время сопровождался значительными проблемами. Но всегда оправдывалось убеждение, что вера в Божественное покровительство и правильное отношение с Богом данной человеческой воли суть силы, гораздо более могущественные, чем влияния, истекающие с небес.

Я пришел к пониманию, что звездная запись при рождении человека не означает того, что он является марионеткой в руках своего прошлого. Весть ее скорее всего является поводом для гордости: сами небеса стремятся пробудить решимость человека быть свободным от всех ограничений. Бог сотворил каждого человека как душу, наделенную индивидуальностью и, следовательно, важную для структуры вселенной во временной роли опорного столба или паразита. Его свобода окончательна и незамедлительна, если он так решит, и зависит не от внешних, а от внутренних побед.

Шри Юктешвар открыл математическое обоснование 24.000-летнего симметричного цикла нашего нынешнего вселенского периода[132]. Этот цикл делится на восходящую и нисходящую арки по 12.000 лет в каждой. Каждая арка в свою очередь имеет четыре *юги* , или периода: *кали, двапара, трета* и *сатья* , подобно идее греков о железном, бронзовом, серебряном и золотом веках.

Путем различных расчетов гуру определил, что последняя *кали юга* , или железный век восходящей арки, началась около 500 г. до Р.Х. Железный век продолжительностью в 1.200

130 [3]. См. главу 26.

131 [4]. На одной из девочек, выбранной мне в невесты, потом женился двоюродный брат Прабхаш Чандра Гхош. Он был заместителем директора нашей школы йоги в Ранчи до его смерти в 1945 г.

132 [5]. Циклы эти изложены в книге Шри Юктешвара *Святая наука* .

лет – это период материализма, закончившийся около 1700 г. от Р.Х. Этот год возвестил начало *двапара юги* – 2.400-летнего периода развития электрической и атомной энергии, века телеграфа, радио, самолетов и других аннигиляторов пространства.

3.600-летний период *трета юги* начнется в 4100 г. от Р.Х., он будет отличаться общим познанием телепатических связей и других аннигиляторов времени. За 4.800 лет *сатья юги* , последнего периода восходящей арки, интеллект человека разовьется до высшей степени – он будет трудиться в гармонии с Божественным планом.

Затем для мира начнется нисходящая арка в 12.000 лет, открывающая 4.800-летним золотым веком: человек мало-помалу впадет в неведение. Эти циклы суть вечные круги *майи* – контрастов и относительностей феноменальной вселенной[133]. Люди, один за другим, избавляются от тюрьмы дуализма творения, пробуждаясь к сознанию своего неразрывного божественного единства с Творцом.

Учитель расширил мое понимание не только астрологии, но и Священных Писаний. Помещая святые тексты на чистую доску своего разума, он рассекал их скальпелем интуитивного суждения и отделял всякие ошибки и интерполяции ученых от истин, изначально выраженных пророками.

«Сосредоточьте взгляд на кончике своего носа» – эта ошибочная трактовка строфы *Бхагавадгиты* [134], широко распространенная у восточных пандитов и западных переводчиков, возбуждала критический юмор учителя.

– Путь йога и без того достаточно своеобразен, – замечал он. – Зачем же ему советовать, чтобы он еще и окосел? Подлинное значение слова *назикаграм* – это «начало носа», а не «кончик носа». Нос начинается в точке между бровями местонахождении духовного глаза[135].

Один из афоризмов *Санкхьи* [136], называемый *Ишвара Асидхи* , гласит: «Невозможно распознать Господа Творения», или «Бог недоказуем»[137]. Основываясь главным образом на одной этой строке, большинство ученых называют всю эту философию атеистической.

– В этой мысли нет атеизма, – объяснил Шри Юктешвар. – Она значит только, что для непросветленного человека, зависящего во всех окончательных выводах от чувств,

---

133 [6]. Индуистские Писания помещают теперешний мировой период внутри *кали юги* вселенского цикла, гораздо более продолжительного, нежели простой 24000-летний симметричный цикл, рассматриваемый Шри Юктешваром. Этот цикл в соответствии с Писаниями равен 4.300.560.000 годам и измеряет День Творения или длительность жизни, предопределенной для нашей планетной системы в ее нынешней форме. Эта огромная цифра, приведенная древними риши, основана на взаимосвязи длины солнечного года и величины «пи» (3,14159... – отношение длины окружности круга к его диаметру).

Продолжительность жизни для всей вселенной в соответствии с указаниями древних провидцев равна 314.159.000.000.000 солнечным годам, или «одному веку Брахмы».

Индуистские Писания заявляют, что планета, подобная Земле, распадется по какой-нибудь из двух причин: обитатели в целом станут либо абсолютно добрыми, либо абсолютно злыми. Мировой разум, таким образом, порождает силу, которая освободит плененные атомы, удерживавшиеся вместе в виде Земли.

Иногда публикуются страшные высказывания о надвигающемся «конце света». Планетарные циклы, однако, развиваются по упорядоченному духовному плану. Никакого исчезновения Земли не просматривается. У нашей планеты, в настоящей ее форме, в запасе еще много восходящих и нисходящих симметричных циклов.

134 [7]. Глава 6.13.

135 [8]. «Светильник тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» – *От Луки* 11.34-35.

136 [9]. *Санкхья* – одна из шести систем индийской философии. Она обучает человека пути окончательного освобождения через знание двадцати пяти принципов, начиная с *пракрити* , или природы, и заканчивая *пурушей* , или душой.

137 [10]. *Афоризмы* Санкхья 1.92.

доказательство Бога непременно останется неведомым и потому несуществующим[138]. Истинные последователи *Санкхьи* с непоколебимым прозрением, порожденным медитацией, понимают, что Господь существует и познаваем.

Учитель с превосходной ясностью давал толкования христианской Библии. Именно от гуру, не имеющего официального отношения к христианству, я научился воспринимать бессмертную суть Библии и понимать истину в утверждении Христа, несомненно, самом непреклонном и волнующем из кем-либо когда-либо выраженных: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»[139].

Великие учителя Индии формируют свою жизнь в соответствии с божественными идеалами, вдохновлявшими также Иисуса. Они суть его родственники, Им самим провозглашенные: «Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь»[140]. «Если пребудете в слове Моем, – указывал Иисус, – то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными»[141]. Все освобожденные – господа самих себя, Христоподобные йоги Индии являются частицей бессмертного братства – тех, кто достиг освобождающего знания Единого Отца.

– Мне не понятна история об Адаме и Еве! – однажды с пылом заметил я, когда еще только начал биться над аллегориями Священных Писаний. – Почему Бог наказал не только виновную пару, но и невинных нерожденных потомков?

Учителя позабавила больше моя горячность, нежели неведение.

– *Книга Бытия* глубоко символична, и ее нельзя понять буквально, – сказал он. – Ее «древо жизни» находится внутри «сада» человеческого тела. Спинной мозг подобен перевернутому дереву, где корни – волосы человека, а ветви – нервы, уносящие и приносящие импульсы. На древе нервной системы много доставляющих удовольствие плодов, или чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Ими человек по праву может наслаждаться. Но ему было запрещено заниматься сексом – «яблоко» в центре тела (в «середине» телесного сада)[142].

«Змей» олицетворяет свернутую спинальную энергию, стимулирующую половые органы. «Адам» – это разум, а «Ева» – чувство. Когда эмоцию, или сознание Евы, в любом человеческом существе одолевает половой импульс, его рассудок, или Адам, также побеждается[143].

Бог создал человеческий род, материализовав тела мужчин и женщин силой собственной воли. Он наделил новый род способностью творить детей подобным же «чистым», или божественным, способом[144]. Поскольку Его проявление в индивидуальной

---

138 [11]. «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть». – *От Луки* 17.20-21.

139 [12]. *От Матфея* 24.35

140 [13]. *От Матфея* 12.50.

141 [14]. *От Иоанна* 8.31-32. Святой Иоанн заявлял торжественно: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими». – *От Иоанна* 1.12.

142 [15]. «... Плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть» – *Бытие* 3.2-3.

143 [16]. «..Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел... Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела». – *Бытие* 3.12-13.

144 [17]. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» – *Бытие* 1.27-28.

душе было ограничено животными, связанными инстинктом и лишенными возможностей полного разума, Бог создал первые человеческие тела, символически называемые Адамом и Евой. В них для благоприятной восходящей эволюции и перенес Он души, или божественную сущность, двух животных[145]. В Адаме, или мужчине, преобладал разум, а в Еве – женщине – чувство. Так был выражен дуализм, или полярность, лежащая в основе феноменальных миров. Разум и чувство во всяком человеческом существе пребывают в небесах радостного союза до тех пор, пока ум его не обманывается змеиной энергией животных наклонностей.

Следовательно, тело человеческое не только результат эволюции животных, но и создано Богом актом специального творения. Животные формы слишком грубы для выражения полной божественности. Человеческое существо, единственное в своем роде, было наделено огромными способностями ума – «тысячелепестковым лотосом» мозга, а также остро пробужденными оккультными центрами в позвоночнике.

Бог, или Божественное сознание, в первой сотворенной паре посоветовало им наслаждаться всеми прочими видами человеческой чувственности, но не направлять внимание на половое чувство[146]. Оно было запрещено, с целью того чтобы использование половых органов не вовлекло человечество в низшие животные формы размножения. На предостережение Бога не оживлять присутствующие в подсознании животные воспоминания человеком внимания обращено не было. Это и привело к возобновлению способа животного воспроизведения потомства, Адам и Ева отпали от состояния небесного блаженства, естественного для первоначального совершенного человека. Как и предупреждал Бог, их сознание бессмертия было утрачено. Они поставили себя под воздействие физического закона, в соответствии с которым телесное рождение должно сопровождаться телесной смертью.

Знание «добра и зла», обещанное Еве «змеем», относится к дуалистическим принуждениям *майи* . Впадая в заблуждение вследствие неправильного употребления чувства и разума, или Евы и Адама, человек отказывается от божественного права[147]. Личная ответственность каждого заключается в уходе от возрождения «родительской», или дуалистичной, природы к гармонии единства, или Эдема. После этой беседы с гуру я по-новому взглянул на страницы *Книги Бытия* .

– Дорогой учитель, я впервые осознал должное сыновнее обязательство перед Адамом и Евой[148], – сказал я.

145 [18]. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою». – *Бытие* 2.7.

146 [19]. «Змей (половая сила) был хитрее всех зверей полевых (любое другое чувство тела)». – *Бытие* 3.1.

147 [20]. «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал». – *Бытие* 2.8. «И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят». – *Бытие* 3.23. Сознание божественного человека, вначале созданного Богом, было сосредоточено во всемогущем едином глазу в середине лба (восток). Всетворящие силы воли, сфокусированные в этой точке, были утрачены, когда человек начал «возделывать землю» своей животной природы.

148 [21]. История «Адама» и «Евы» на хинди подробно излагается в древней *пуране Шримат Бхавагатам* . Первые мужчина и женщина (существа в физической форме) называются СваямбхуваМану (человек, рожденный от Творца) и его жена Сатварупа (истинный образ). Их пять детей вступили в брак с *Праджапати* (совершенными существами, способными принимать телесную форму). От этих духовных семей родилась человеческая раса.

Никогда более ни на Востоке, ни на Западе не слышал я, чтобы кто-нибудь изъяснял христианские Писания со столь глубоким духовным прозрением, как Шри Юктешвар. "Теологи неверно истолковывали слова Христа, – говорил учитель, – в таких местах, как: «...Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». – *От Иоанна* 14.6. Иисус никогда не подразумевал, что Он один Сын Божий, этими глубокими словами Он выражал то, что никто не может достичь бескачественного Абсолюта, трансцендентного Отца, Который *за* творением, пока не проявил в себе «Сына», или вездесущее Сознание Христа *внутри* творения. Иисус, Который достиг полного единства с этим Сознанием Христа, отождествлял Себя с Ним, так

Глава 17. Шаши и три сапфира

– Поскольку ты и мой сын столь высокого мнения о свами Шри Юктешваре, то я, пожалуй, взгляну на него, – судя по тону, доктор Нараян Чундер Рой просто уступал капризу полоумных. В лучших традициях прозелита я решил скрыть негодование.

Мой собеседник, ветеринарный врач из Калькутты, был закоренелым атеистом. Его юный сын Сантош умолял меня проявить интерес к его отцу. Однако до сих пор моя неоценимая помощь не была особенно заметной.

На следующее утро доктор Рой сопровождал меня в Серампурский ашрам. После того как учитель подарил ему краткое интервью, отмеченное по большей частью стоическим молчанием с обеих сторон, посетитель бесцеремонно удалился.

– Зачем приводить в ашрам мертвеца? – вопросительно взглянув, сказал Шри Юктешвар, едва за скептиком закрылась дверь.

– Господин! Этот доктор – весьма живой человек!

– Да, но скоро он станет мертвым.

Я был поражен.

– Учитель, это будет страшным ударом для его сына. Сантош все еще надеется со временем изменить материалистические взгляды своего отца. Я умоляю вас, учитель, помочь этому человеку.

– Хорошо, только ради тебя. – Лицо гуру было бесстрастно. – У гордого лошадиного врача далеко зашел диабет, хотя он об этом и не знает. Через пятнадцать дней он сляжет в постель. Врачи сочтут его безнадежным, для него естественное время покинуть эту землю – через шесть недель с сегодняшнего дня. Однако вследствие твоего ходатайства он к тому времени поправится. Но при одном условии: ты должен добиться, чтобы он носил астрологический браслет. – Учитель засмеялся. – Он, несомненно, станет протестовать столь же бурно, как одна из его лошадей перед операцией!

После некоторого молчания, во время которого я думал, как бы нам с Сантошем лучше схитрить, чтобы провести непокорного доктора, Шри Юктешвар продолжал:

как Его собственное эго давно растворилось". (См. сноску к главе 14).

Написанное Павлом: «...в Боге, создавшем все Иисусом Христом» – К *Ефесянам* 3.9, подтверждается словами Иисуса: «...прежде нежели был Авраам, Я есмь». – *От Иоанна* 8.58, абсолютная суть этих слов – полная обезличенность.

Духовное малодушие некоторого рода иногда приводит мирских людей к удобному убеждению, что только один человек был Сыном Божьим. «Христос был создан единственным в своем роде, – рассуждают они, – а потому как можно винить меня, несчастного смертного в том, что я не берусь соревноваться с Ним?» Но Иисус дал всем людям ясное указание: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». – *От Матфея* 5.48. Святой Иоанн радостно воскликнул: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими». – 1 *Иоанна* 3.1.

Понимание закона кармы и ее результата, реинкарнации (см. сноску к главе 28, к главе 35 и главу 43) отображается в многочисленных библейских отрывках, например: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». – *Бытие* 9.6. Если каждый убийца должен сам быть убит «человеком», во многих случаях этот обращающийся процесс очевидно требует более чем одной жизни. Полиция одной жизни недостаточно быстра!

Ранняя христианская церковь приняла доктрину реинкарнации, которая толковалась гностиками и многочисленными церковными отцами, включая Климента Александрийского, прославленного Оригена (III век) и святого Иеронима (V век). Второй Собор Константинополя в 553г. объявил эту доктрину ересью. В то время многие христиане считали, что доктрина реинкарнации предоставляет слишком обширную сцену времени и пространства, чтобы подбодрить человека в стремлении к немедленному спасению. Но подавленные истины приводят к замешательству и множеству ошибок. Миллионы не используют свою «единственную жизнь», чтобы найти Бога, но наслаждаются этим миром, – так уникально полученным и так скоро теряемым «навсегда»! Правда же заключается в том, что человек перевоплощается на земле до тех пор, пока сознательно не восстановит свой статус сына Божьего.

– Когда этот человек выздоровеет, посоветуй ему не есть мяса. Однако он не послушается и через шесть месяцев, как раз тогда, когда будет чувствовать себя лучше всего, внезапно умрет. Но и это продление жизни на шесть месяцев даруется ему только из-за твоей просьбы.

На следующий день я предложил Сантошу заказать у ювелира браслет. Он был готов через неделю, но доктор Рой наотрез отказался надеть его.

– Я превосходно себя чувствую. Эти астрологические суеверия никогда не произведут на меня никакого воздействия. – Доктор воинственно взглянул на меня.

Я позабавился, припомнив, как справедливо учитель сравнил его с упрямой лошадью. Прошло еще семь дней, внезапно занемогший доктор смиренно согласился носить браслет. Две недели спустя лечащий врач сказал мне, что состояние его пациента безнадежно. Он описал мне впечатляющие подробности разрушительного действия диабета.

Я покачал головой и сказал, что, по мнению моего гуру, через месяц доктор Рой выздоровеет. Врач недоверчиво на меня посмотрел. Но через две недели он разыскал меня и с виноватым видом сообщил:

– Доктор Рой совершенно выздоровел! Это самый удивительный случай в моей практике. Я никогда раньше не видел, чтобы умирающий столь необъяснимым образом поправился. Должно быть, твой гуру и в самом деле пророк и целитель!

После беседы с доктором Роем, в которой я повторил совет Шри Юктешвара относительно вегетарианской диеты, я не видел его месяцев шесть. Однажды вечером, когда я сидел на веранде дома моей семьи, он проходил мимо и остановился поговорить со мной.

– Скажи своему учителю, что благодаря частому употреблению мяса я полностью восстановил силы. Его ненаучные идеи о диете на меня не повлияли. – Действительно, доктор Рой выглядел как воплощение здоровья.

Но на следующий день прибежал Сантош из своего дома в соседнем квартале со словами: «Сегодня утром отец внезапно умер!»

У меня с учителем это был один из самых удивительных случаев. Он исцелил непослушного ветеринара, несмотря на его неверие, и продлил естественный период пребывания этого человека на земле на шесть месяцев только вследствие моей горячей просьбы. Когда Шри Юктешвара настойчиво молил какой-нибудь поклоняющийся, доброта его была безгранична.

Самой радостной привилегией для меня было то, что я мог приводить друзей из колледжа на встречу с гуру. Многие из них, по крайней мере в ашраме, сбрасывали модную академическую маску религиозного скептицизма.

Один из моих друзей, Шаша, проводил в Серампуре много счастливых выходных. Учитель очень полюбил мальчика и сокрушался, что его личная жизнь была беспорядочной и бурной.

– Шаша, если ты не исправишься, то через год опасно заболеешь. – Шри Юктешвар смотрел на моего друга и сердито, и нежно. – Мукунда свидетель: потом не говори, что я тебя не предупреждал.

– Учитель, – рассмеялся Шаши, – я предоставляю вам заинтересовать милосердие космоса в моем тяжелом случае! Дух жаждет, но воля слаба. Вы мой единственный спаситель на земле, я не верю ни во что другое.

– По крайней мере, тебе следует носить голубой сапфир в два карата – это поможет.

– Мне это не по карману. Как бы то ни было, дорогой гуруджи, если придет болезнь, я совершенно уверен, что вы меня защитите.

– Через год принесешь три сапфира, – загадочно ответил Шри Юктешвар. – Но тогда они будут бесполезны.

Такие разговоры постоянно имели место.

Я не могу перемениться, – сказал Шаши с комичным отчаянием, – а вера в вас, учитель, для меня ценнее любого камня!

Прошел год. Однажды я навещал гуру в калькуттском доме его ученика Нарена Бабу. Часов в десять утра, когда мы со Шри Юктешваром тихо сидели в гостиной на втором этаже, я услышал, как открылась парадная дверь. Учитель выпрямился.

– Это Шаши, – серьезно сказал он, – год истек, оба его легких погибли. Он игнорировал мой совет, скажи, передай, что я не хочу его видеть.

Ошеломленный суровостью Шри Юктешвара, я сбежал вниз по лестнице, по которой поднимался Шаши.

– О Мукунда! Я надеюсь, что учитель здесь. Я предчувствовал, что он может быть здесь.

– Да, но он не желает, чтобы его беспокоили.

Шаши залился слезами и прошмыгнул мимо меня. Бросившись к ногам Шри Юктешвара, он положил три великолепных сапфира.

– Всеведущий гуру, доктора говорят, что у меня скоротечная чахотка. Они не сулят мне более трех месяцев жизни! Я смиренно молю вас о помощи, я знаю, вы можете исцелить меня!

Не поздновато ли теперь беспокоиться о жизни? Уходи со своими драгоценностями, время их полезного действия прошло. – Подобно сфинксу, учитель погрузился в безжалостное молчание, сопровождаемое всхлипыванием мальчика, ищущего его милости.

У меня появилась интуитивная уверенность, что Шри Юктешвар просто испытывал глубину веры Шаши в божественную целительную силу, и не удивился, когда через час учитель нежно посмотрел на моего распростертого друга.

– Встань, Шаши, какую ты создаешь суматоху в домах других людей! Верни свои сапфиры ювелиру, теперь это ненужные расходы. Но достань астрологический браслет и носи его. Ничего не бойся, через несколько недель ты будешь здоров.

Улыбка озарила распухшее от слез лицо Шаши, подобно солнцу, внезапно выглянувшему над промокшей землей.

– Возлюбленный гуру, следует ли мне принимать лекарства, предписанные докторами? Взгляд Шри Юктешвара выражал долготерпение.

– Как хочешь – пей их или выброси, это не имеет значения. Скорее солнце и луна изменят свое положение, чем ты умрешь от туберкулеза. А теперь ступай, пока я не передумал! – резко добавил он.

Взволнованно склонившись, друг поспешно удалился. В ближайшие недели я несколько раз навещал его и был поражен – состояние ухудшалось.

– Шаши не переживет и ночь. – Эти слова его врача и вид худого, как скелет, друга заставили меня сломя голову ринуться в Серампур. Гуру холодно выслушал мое слезное сообщение.

– Зачем беспокоить меня? Ты же слышал, как я заверял Шаши в его выздоровлении?

Я склонился перед учителем в благоговейном трепете и попятился к двери. Шри Юктешвар, ничего не сказав на прощание, впал в молчание с полуоткрытыми немигающими глазами, зрение его устремилось в иной мир.

Тут же вернувшись к Шаши в Калькутту, я с изумлением нашел его сидящим и пьющим молоко.

– Мукунда! Что это за чудо? Четыре часа назад я почувствовал в комнате присутствие учителя; страшные симптомы болезни немедленно исчезли. Его милостью я чувствую себя совсем здоровым.

Через несколько недель Шаши был крепче и здоровее, чем когда бы то ни было раньше[[149]]. Но его своеобразная реакция на исцеление имела оттенок неблагодарности: он редко посещал Шри Юктешвара! Однажды мой друг сказал, что столь глубоко раскаивается в прежнем образе жизни, что ему стыдно встречаться с учителем.

---

149 [1]. В 1936 г. от одного друга я слышал, что Шаши все еще пребывает в отличном здравии.

Я мог заключить, что болезнь оказала на Шаши исцеляющее действие, укрепив его волю и улучшив манеры.

Два первых года обучения в Шотландском церковном колледже близились к завершению. Посещаемость была неровной, учился я мало, и то лишь для того, чтобы поддерживать мирные отношения с семьей. Два частных репетитора регулярно приходили ко мне домой, но также регулярно я отсутствовал. Пожалуй, это единственная регулярность, которую я могу отметить в моей ученой карьере.

Два успешно завершенных года в индийских колледжах приносят диплом среднего образования; тогда студент может рассчитывать на следующие два года обучения и степень бакалавра.

Заключительные экзамены первых двух лет обучения зловеще вырисовывались впереди. Я помчался в Пури, куда гуру приехал на несколько недель. Питая смутную надежду, что он одобрит неявку на экзамены, я сказал о смущающей меня неподготовленности, но учитель подбадривающе улыбнулся:

– Ты чистосердечно выполнял свои духовные обязанности и никак не мог не запустить учебу в колледже. В ближайшую неделю прилежно возьмись за книги и ты не провалишься на экзаменах.

Я вернулся в Калькутту, твердо подавляя все сомнения, которые время от времени насмешливо возникали в уме, лишая меня присутствия духа. Обозревая гору книг на столе, я чувствовал себя как путешественник, затерявшийся в пустыне.

Продолжительные медитации принесли мне идею, позволявшую сэкономить труд. Открывая наобум каждую книгу, я учил лишь те страницы, которые были таким образом раскрыты. Следуя этому методу часов по восемнадцать в день в течение недели, я счел, что имею право консультировать все последующие поколения в искусстве натаскивания.

Последующие дни в экзаменационных залах явились оправданием моей, казалось бы, бессистемной методики. Я прошел все испытания, хотя и на волосок от гибели. Поздравления друзей и родных забавно переплетались с возгласами, выдающими их изумление.

По возвращении из Пури Шри Юктешвар приготовил мне приятный сюрприз:

– Кончились твои калькуттские занятия, – сказал он. – Я намерен позаботиться о том, чтобы ты в течение двух последующих лет продолжал занятия в университете прямо здесь, в Серампуре.

– Господин, в этом городе нет курса бакалавра. – Я был в недоумении. – Серампурский колледж – единственное высшее учебное заведение, имеющее лишь двухгодичные курсы средней ступени.

Учитель озорно улыбнулся:

– Я слишком стар, чтобы ходить и собирать денежные пожертвования на учреждение для тебя курса бакалавра в колледже. Думаю, мне следует уладить этот вопрос через кого-нибудь другого.

Два месяца спустя профессор Хоуэллс – ректор Серампурского колледжа – публично заявил, что ему удалось собрать достаточно средств, чтобы открыть четырехгодичный курс. Серампурский колледж стал вполне официальным филиалом Калькуттского университета. Я был одним из первых студентов, зачисленных в качестве кандидатов на степень бакалавра.

– Гуруджи, как вы добры ко мне! Я всегда мечтал покинуть Калькутту и каждый день быть рядом с вами в Серампуре. Профессор Хоуэллсу неведомо, насколько он обязан вашей бессловесной помощи!

Шри Юктешвар взглянул на меня с притворной строгостью:

– Теперь тебе не надо тратить столько часов на поезд, сколько лишнего времени появится для занятий. Быть может, ты больше не станешь зубрить в последний момент и станешь ученее.

Но тон его выдавал неуверенность[150].

Глава 18. Магометанин-чудодей (Афзал Хан)

– Несколько лет назад, как раз в той самой комнате, которую ты теперь занимаешь, один магометанин-чудодей показал мне четыре чуда.

Шри Юктешвар сделал это удивительное заявление во время первого визита в мою новую квартиру. Сразу же после поступления в Серампурский колледж я снял комнату в соседнем пансионе, называвшемся *Пантхи* [151]. Это был большой старинный кирпичный дом, выходящий на Ганг.

– Какое совпадение, учитель! Неужели эти по-новому отделанные стены на самом деле наполнены древними воспоминаниями? – С пробудившимся интересом я осмотрел свою просто меблированную комнату.

– Это долгая история, – улыбнулся гуру воспоминаниям. – Этого *факира* [152] звали Афзал Хан. У него открылись необычайные способности благодаря случайной встрече с одним индийским йогом.

"Однажды к мальчику Афзалу в маленьком селении восточной Бенгалии обратился покрытый пылью *саньясин* :

– Сын мой, я хочу пить, принеси мне воды.

– Учитель, я магометанин. Как можете вы, индус, принять питье из моих рук?

– Твоя правдивость мне нравится. Я не соблюдаю безбожных правил остракизма и сектантства. Пойди поскорей принеси мне воды.

Почтительное послушание Афзала было вознаграждено взглядом, светящимся нежностью.

– Ты обладаешь хорошей кармой прежних жизней, – торжественно заметил йог. – Я думаю научить тебя йоговскому методу, который даст власть над одной из незримых сфер. Великими силами, которые станут твоими, следует пользоваться для достойных целей, никогда не применяй их эгоистично! Но, к сожалению, я чувствую, что ты принес из

---

150 [2]. Шри Юктешвара, как и многих других мудрецов, огорчало отклонение современного образования в сторону материализма. Некоторые школы разъясняют духовные законы как средство получения удовольствий или, наоборот, учат, что мудрость в том, чтобы жить в «страхе перед Богом», то есть в страхе перед своим Творцом.

Молодые люди, которые сегодня в высших школах и колледжах слышат, что человек – это просто «высшее животное», часто становятся атеистами. Они не делают попыток исследовать душу или изучить самих себя как «образ Бога». Эмерсон наблюдал: «Мы можем видеть снаружи только то, что есть у нас внутри. Если мы не встречаем богов, то это потому, что не имеем их в себе». Тот, кто воображает, что животная природа является его единственной реальностью, отрезан от духовных стремлений.

Система обучения, не предполагающая душу как центр существования человека, представляет *авидью* – ложной знание. «Ибо ты говоришь: „Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды“; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». – *Откровение* 3.17.

Образование молодежи в древней Индии было идеальным. В возрасте девяти лет ученика «как сына» принимали в *гурукула* (в семью гуру для обучения). «Современный мальчик проводит ежегодно восьмую часть своего времени в школе, индийский проводит там все время». Профессор С.В.Венкатешвара пишет в *Индийской культуре через века* (Vol/ 1; Longmans, Green & Co.): «Были здоровое чувство солидарности и ответственности и широкая возможность упражняться в самоутверждении и индивидуальности. Был высокий стандарт культуры. Самоналагаемая дисциплина и строгое отношение к долгу, бескорыстным поступкам и жертве в соединении с самоуважением и почтением к другим, высокий стандарт академического достоинства и чувства... благородства и великой цели человеческой жизни».

151 [1]. *Пантхи* – резиденция для студентов. От слова *пантха* – странник, искатель знаний.

152 [2]. *Факир* – мусульманский йог; от арабского *факир* – бедный. Употреблялось сначала применительно и к дервишам, принявшим обет бедности.

прошлого некоторые семена пагубных тенденций. Не давай им пустить ростки, орошая свежими дурными поступками. Сложность предыдущей кармы такова, что ты должен воспользоваться этой жизнью, чтобы совместить йоговские достижения с высшими целями гуманизма.

Научив изумленного мальчика сложной технике, учитель исчез.

Афзал с вдохновением занимался этими упражнениями двадцать лет. Его чудеса начали привлекать широкое внимание. Казалось, его всегда сопровождал бесплотный дух, которого он звал Хазрат. Эта незримая сущность была в состоянии выполнять любое желание *факира* .

Затем, игнорируя предостережение учителя, Афзал стал злоупотреблять своими силами. Какого бы предмета он ни коснулся, положив его затем на место, тот бесследно исчезал. Такая приводящая в замешательство способность обычно делала магометанина нежелательным гостем. Время от времени он навещал крупные ювелирные магазины в Калькутте, выдавая себя за возможного покупателя. Любой драгоценный камень, которого касалась его рука, исчезал вскоре после того, как он покидал магазин.

Часто Афзал бывал в окружении сотен студентов, привлекаемых надеждой научиться его секретам. Время от времени *факир* приглашал их в путешествия. На вокзале он ухищрялся коснуться рулона билетов, а затем возвращал их служащему, заметив: «Я передумал, сейчас я не буду их покупать». Но когда Афзал со своей свитой садился в поезд, необходимые билеты оказывались в его распоряжении[[153]].

Эти необычные поступки вызывали взрыв негодования, ювелиры и продавцы билетов Бенгалии были доведены до нервного истощения! Полиция, пытаясь арестовать Афзала, обнаружила свою беспомощность: *факир* мог уничтожить улику преступления, сказав просто: «Хазрат, убери это» ".

Прервав рассказ, Шри Юктешвар поднялся с места и прошел на балкон комнаты, выходивший на Ганг. Я последовал за ним, страстно желая услышать еще что-нибудь о сбивающих с толку розыгрышах магометанина.

"Эта комната в Пантхи прежде принадлежала одному моему другу. Он познакомился с Афзалом и пригласил его сюда. Друг позвал также человек двадцать соседей, в том числе и меня, тогда еще молодого и испытывающего живое любопытство к этому пользующемуся дурной славой *факиру* . – Учитель засмеялся. – Я принял меры предосторожности, не надев ничего ценного. Афзал пытливо посмотрел на меня, потом заметил:

– У тебя сильные руки. Спустись в сад, найди гладкий камень и напиши на нем мелом свое имя, потом забрось этот камень подальше в Ганг.

Я послушался. Едва камень исчез в далеких волнах, магометанин вновь обратился ко мне:

– Наполни кувшин водой из Ганга около этого дома. Когда я вернулся с сосудом полным воды, факир воскликнул:

– Хазрат, положи камень в кувшин!

Камень сразу появился в нем.

Вынув его из сосуда, я нашел свою подпись настолько же разборчивой, как и тогда, когда написал.

У Бабу[[154]] – одного из моих друзей в этой комнате – были массивные золотые старинные часы с цепочкой. *Факир* бросил на них взгляд, полный зловещего восторга. Вскоре и часы и цепочка исчезли!

– Афзал, верни, пожалуйста, мою фамильную ценность! – почти плакал Бабу. Некоторое время магометанин хранил молчание, потом сказал:

153 [3]. Позже отец рассказывал мне, что железнодорожная компания Бенгал-Нагпур Рэйлуэй, в которой он служил, была одной из компаний, обманываемых Афзал Ханом.

154 [4]. Я не припоминаю имени друга Шри Юктешвара и вынужден называть его просто Бабу.

– У тебя дома, в железном сейфе, лежат пятьсот рупий. Принеси их мне, и я скажу, где найти часы.

Расстроенный Бабу сразу отправился домой. Скоро он принес и вручил Афзалу требуемую сумму.

– Пойди к мостику у твоего дома, – сказал *факир* Афзал. – Обратись к Хазрату с просьбой, чтобы он дал тебе часы.

Бабу, умчавшись прочь, вернулся с улыбкой облегчения и безо всяких драгоценностей.

– Когда я приказал Хазрату, как было сказано, – заявил он, – часы упали из воздуха в мою правую руку! Можешь быть уверен, теперь прежде, чем вновь присоединиться к вам, я запер фамильную драгоценность в сейф!

Друзья Бабу, свидетели трагикомедии с выкупом часов, негодующе впились взглядом в Афзала. Тут он умиротворяюще заявил:

– Назовите любой напиток, какой хотите, Хазрат подаст его вам.

Одни попросили молока, другие – фруктовых соков. Я не очень удивился, когда Бабу попросил виски. Магометанин отдал приказание, услужливый Хазрат послал запечатанные сосуды, которые проплыли по воздуху и упали на пол. Каждый нашел тот напиток, которого пожелал.

Перспектива очередного захватывающего события, несомненно, возбуждала нашего хозяина, – продолжал Шри Юктешвар. – Афзал предложил мгновенно подать целый ланч! Бабу мрачно предложил:

– Закажем-ка самые дорогие блюда, за свои пятьсот рупий я хочу изысканной еды. Все должно быть подано на золотых блюдах!

Как только каждый назвал то, чего бы он желал, *факир* обратился к неистощимому Хазрату. Последовала большая суматоха, золотые тарелки, наполненные кари, горячими лючи сложного приготовления и множеством фруктом, не соответствующих сезону, приземлялись из ниоткуда у наших ног. Вся еда была очень вкусной. Часок поужинав, мы начали покидать комнату. Страшный шум, как будто тарелки громоздились одна на одну, заставил нас обернуться. Смотрите-ка! Там не осталось и признака сверкающих блюд или остатков пищи!"

– Гуруджи, – прервал я его, – если Афзал был в состоянии легко получить такие вещи, как золотые блюда, зачем ему было домогаться чужой собственности?

– *Факир* был не высоко развит духовно, – пояснил Шри Юктешвар. – Владение определенной йоговской техникой открывало ему доступ в некий астральный план, где любое желание немедленно материализуется. Через посредство одного астрального существа, Хазрата, действием могучей воли магометанин мог образовать атомы любого объекта из эфирной энергии. Но такие астрально произведенные объекты структурно неустойчивы и долго не сохраняются[[155]]. Афзал же тянулся к мирскому богатству, которое, хотя труднее зарабатывается, отличается большей надежностью.

– Оно тоже исчезает иногда весьма необъяснимо, – засмеялся я.

– Афзал не был человеком, осознавшим Бога, – продолжал учитель, – чудеса устойчиво благотворной сути делают подлинные святые, ибо привели себя в созвучие со Всемогущим Творцом. Афзал же был только человеком с необычайной способностью проникновения в определенную тонкую сферу, в которую как правило не вступают простые смертные раньше самой смерти.

– Теперь я понимаю, гуруджи. По-видимому, тот мир обладает каким-то очарованием. – Учитель согласился:

– С того дня я никогда более не видел Афзала, – сказал он, – но спустя несколько лет ко мне зашел Бабу, чтобы показать газетное сообщение о публичном покаянии магометанина.

---

155 [5]. Астрально произведенный объект, подобно моему серебряному амулету, в конце концов исчезает с этой земли. (Природа астральных предметов и астральных сил объясняется в главе 43).

Из него я и узнал о факте раннего посвящения Афзала индийским гуру. Содержание последней части этого опубликованного документа, как помнил Шри Юктешвар, было следующим:

"Я, Афзал Хан, пишу эти слова как покаяние и предостережение тем, кто стремится к обладанию чудесными силами. Несколько лет я злоупотреблял способностями, переданными милостью Бога и моего учителя. Меня опьянила самовлюбленность и мысль, что нахожусь вне обычных законов морали. Наконец настал день расплаты.

Недавно на дороге за Калькуттой я повстречал одного старика. Хромая и еле волоча ноги, он нес какой-то блестящий предмет, похожий на золото. Я обратился к нему с алчностью в сердце:

– Я Афзал Хан, великий факир. Что там у тебя? – Этот золотой шар – единственное материальное благо, он не может представлять интереса для *факира* . Я молю исцелить мою хромоту.

Коснувшись шара, я пошел прочь, не ответив ни слова. Старец ковылял за мной. Вскоре он поднял крик:

– Мое золото пропало! Когда же я не обратил на это никакого внимания, он заговорил вдруг мощным голосом, странным образом звучавшим в его хилом теле:

– Ты не узнал меня? Я онемел, потрясенный запоздавшим открытием, что этот неприметный старец калека был не кто иной, как тот великий святой, что когда-то, давным-давно, посвятил меня в йогу. Он выпрямился, тело его стало юным.

– Так! – посмотрел на меня гуру огненным взглядом, – теперь я собственными глазами вижу, что ты используешь свои силы не для того, чтобы помогать страдающему человечеству, а ради того, чтобы грабить его, подобно самому обычному вору! Я отбираю у тебя оккультные дарования, Хазрат отныне свободен от тебя. Ты не будешь больше ужасом для Бенгалии!

С болью в голосе я позвал Хазрата, и впервые он не явился внутреннему зрению. Но какой-то темный покров вдруг слетел с меня – я ясно увидел все богохульство в своей жизни.

– О, гуру, благодарю вас за то, что вы пришли рассеять мое долгое заблуждение, – рыдал я у его ног, – обещаю отказаться от мирских стремлений и удаляюсь в горы для уединенных медитаций на Боге и в надежде искупить мое дурное прошлое.

Учитель взглянул на меня с безмолвным сочувствием:

– Я чувствую твою искренность, – сказал он наконец. – За послушание в ранние годы и за теперешнее раскаяние я дарую одно благо. Все твои иные силы теперь пропали, но, когда понадобится еда и одежда, ты с успехом можешь обратиться к Хазрату, чтобы он их доставил. Посвяти себя сердцем божественному разумению в уединенных местах гор.

Затем гуру исчез, предоставив меня слезам и мыслям. Прощай, мир. Я иду искать прощения Космической Возлюбленной".

Глава 19. Учитель, находясь в Калькутте, является в Серампуре

– Меня часто одолевают атеистические сомнения. Несмотря на это, мне иногда не дает покоя мучительная загадка: а не могут ли существовать непознанные возможности души? Не упускает ли человек свою подлинную судьбу, если не исследует их? – Эти высказывания Диджена Бабу, соседа по комнате в Пантхи, были вызваны моим приглашением посетить Шри Юктешвара.

– Гуру посвятит тебя к *крия-йогу* , – ответил я. – Благодаря внутренней уверенности в божественном она утихомирит сумятицу дуализма в твоей голове.

Вечером Диджен сопровождал меня в ашрам. В присутствии учителя он ощутил такой духовный покой, что вскоре стал постоянным посетителем.

Одних прозаических занятий повседневной жизни для человека недостаточно, от

рождения у него есть тяга к мудрости. Слова Шри Юктешвара побуждали Диджена к попыткам, сначала мучительным, а затем ведущим к легкому освобождению, обнаруживающим внутри себя – себя реального, а не унижающее эго временного воплощения.

Поскольку мы с Дидженом занимались на курсе бакалавров в колледже, у нас вошло в обычай вместе ходить в ашрам после занятий. Часто мы видели Шри Юктешвара стоящим на балконе второго этажа и приветствовавшим наше появление улыбкой.

Однажды вечером юный обитатель ашрама Канаи встретил нас с Дидженом у дверей с вестью: «Учителя нет, его срочно вызвали в Калькутту».

На следующий день я получил от Шри Юктешвара открытку, в которой было написано: «Я покину Калькутту в среду утром. Встречай с Дидженом поезд на Серампурском вокзале в девять утра».

В среду утром, около восьми тридцати, в моем сознании возникла настойчивая телепатическая весть от гуру: «Я запаздываю, девятичасовой поезд встречать не надо».

Я сообщил эти более поздние сведения Диджену, который был уже одет и собирался идти на вокзал.

– Ты и твоя интуиция! – с ухмылкой сказал мой друг. – Я предпочитаю верить в писаное слово учителя.

Пожав плечами, я уселся в спокойной решимости. Диджен вышел из комнаты, с шумом захлопнув за собой дверь.

Так как в комнате было довольно темно, я сел ближе к окну, выходящему на улицу. Пробивающийся скупой свет солнца вдруг перешел в интенсивный блеск, в котором исчезло окно с железной решеткой. На этом ослепительно ярком фоне появилась ясно материализовавшаяся фигура Шри Юктешвара!

Потрясенный, я поднялся со стула и пал перед ним на колени. Обычным жестом почтительного приветствия у стоп гуру я коснулся его башмаков. Они были мне хорошо знакомы – брезентовые, оранжевого цвета, с веревочными подошвами; он часто надевал именно такие башмаки в путешествия. Одежда свами цвета охры слегка задела меня, я ясно ощутил не только ее ткань, но и покрытую песком поверхность туфель и пальцы внутри них. Не в силах произнести ни слова от изумления, я поднялся и вопросительно уставился на него.

– Я рад, что ты получил мое телепатическое послание, – голос учителя был спокоен и почти естественен. – А сейчас я закончил дела в Калькутте и буду в Серампуре десятичасовым поездом. – Поскольку я все еще безмолвно глазел на Шри Юктешвара, он продолжал: – Это не призрак, а мое тело из плоти и крови. Я получил божественное разрешение показать тебе этот опыт, редко достижимый в земных условиях. Будь на вокзале, вы с Дидженом увидите меня идущего к вам и одетого, как теперь. Впереди будет один попутчик – маленький мальчик с серебряным кувшином.

Гуру положил обе руки мне на голову, прошептав благословение. Когда он завершил его словами: "*Табе аши* "[[156]], я услышал специфический грохочущий раскатистый звук[[157]]. Тело его стало постепенно растворяться в пронизывающем свете. Сначала исчезли ступни ног и ноги целиком, затем торс и голова, подобно свертываемому свитку. До самого конца я чувствовал, как его пальцы легко прикасались к моим волосам. Сияние исчезло, предо мной не осталось ничего, кроме окна с решеткой да струившегося бледным ручьем солнечного света.

Почти оцепенев от смятения, я спрашивал себя, не было ли это галлюцинацией. Удрученный Диджен скоро вошел в комнату.

---

156 [1]. *Табе аши* – на бенгали, «до свидания» буквально – многообещающий парадокс: «Так я приду».

157 [2]. Характерный звук дематериализации телесных атомов.

– Учителя не было ни с девятичасовым поездом, ни со следующим, в девять тридцать, – сказал он слегка извиняющимся голосом.

– Тогда пошли, я знаю, что он обязательно будет в десять. – Я взял Диджена за руку и, не внимая его протестам, насильно поволок его за собой. Минут через десять мы вошли на станцию, где поезд уже пыхтел у платформы.

– Весь поезд наполнен светом ауры учителя, он там! – воскликнул я радостно.

– Ты так думаешь? – ухмыльнулся Диджен.

– Подождем здесь, – сказал я и детально описал ему, как к нам приблизится гуру. Как раз тогда, когда я закончил описание, в поле нашего зрения появился Шри Юктешвар в той же одежде, что и незадолго до этого. Он медленно шагал за маленьким мальчиком, несущим серебряный кувшин.

На мгновение от беспрецедентности полученного опыта по мне прокатилась волна холодного страха. Я чувствовал, как мир материализма, мир XX века, ускользал от меня. Не вернулся ли я к тем древним дням, когда Иисус явился Петру на море?

Когда Шри Юктешвар, современный Христоподобный йог, приблизился к месту, где молча застыли мы с Дидженом, улыбнувшись моему другу, он сказал:

– Я послал весть и тебе, но ты был не в состоянии уловить ее.

Диджен молчал, подозрительно глядя на меня. Проводив гуру до дома, мы отправились в колледж. Диджен остановился на улице весь охваченный возмущением.

– Так! Учитель послал мне весть! А ты ее утаил! Я требую объяснений!

– Разве я могу помочь, когда твое умственное зеркало вибрирует с такой неугомонностью, что ты не в состоянии заметить послания нашего гуру? – парировал я.

Выражение гнева исчезло с лица Диджена.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – уныло сказал он. – Но объясни мне, пожалуйста, как мог ты знать о мальчике с кувшином?

К тому времени когда я закончил рассказ о феноменальном появлении учителя в пансионе, мы уже приблизились к колледжу.

– То, что я услышал только что о способностях нашего гуру, – сказал Диджен, – вызывает такое ощущение, что любой университет в мире – это всего лишь детский сад[[158]].

Глава 20. Мы не посещаем Кашмир

– Отец, я хочу пригласить учителя и четырех друзей поехать на летние каникулы к подножию Гималаев. Можно попросить у тебя шесть билетов на поезд до Кашмира и денег?

Как я и ожидал, отец от души рассмеялся:

– Ты уже в третий раз рассказываешь мне эту сказку. Разве в прошлом и позапрошлом году ты не просил меня о том же? В последний момент твой гуру ехать отказывался.

– Верно, отец. Я не знаю, почему учитель не говорит ничего определенного относительно поездки в Кашмир[[159]]. Но если ему сказать, что билеты уже приобретены, мне почему-то кажется, что на этот раз он согласится.

Отца это не убедило, однако на следующий день, добродушно посмеиваясь, он дал мне

158 [3]. «Такие вещи открылись мне, что ныне все, что писал я, в моих глазах не ценнее соломы» – так сказал святой Фома Аквинский, «князь схоластов», в ответ на озабоченное настояние своего секретаря завершить *Сумму Теологии* . Однажды, в 1273 году, во время мессы в Неаполитанской церкви он испытал глубокое мистическое прозрение. Величие божественного знания настолько потрясло святого Фому, что с тех пор он не проявлял никакого интереса к интеллектуальности.

Сравните слова Сократа в *Федре* Платона: «что до меня, то все, что я знаю, это то, что я ничего не знаю».

159 [1]. Хотя учитель не дал никакого объяснения, его нежелание посетить Кашмир в те два лета, возможно, было предвидением того, что еще не пришло время для его болезни там (см. главу 21).

шесть билетов и несколько бумажек по десять рупий.

– Думаю, что твоя теоретическая поездка едва ли нуждается в такой практической поддержке, – заметил он, – но, тем не менее, возьми.

Вечером я продемонстрировал свою добычу Шри Юктешвару. Ответ его был уклончив:

– Я хотел бы поехать, посмотрим, – улыбнулся он моему энтузиазму и ничего не сказал, когда я попросил присоединиться к нам его маленького ученика Канаи, прислуживающего по дому. Приглашение получили также трое моих друзей – Раджендра Натх Митра, Джотин Аудди и еще один мальчик. Наш отъезд был назначен на следующий понедельник.

Субботу и воскресенье я провел в Калькутте, где дома проходили брачные церемонии двоюродного брата. Я со своим багажом приехал в Серампур рано утром в понедельник. Раджендра встретил меня у дверей ашрама.

– Учителя нет дома, он отказался от поездки и гуляет.

– Я не хочу в третий раз давать отцу повод для осмеяния моих химерических планов, связанных с Кашмиром. Идем, остальные обязательно поедут, – от огорчения заупрямился я.

Раджендра согласился. Я покинул ашрам, чтобы подыскать слугу, понимая, что Канаи без гуру не поедет и нужен был кто-нибудь для присмотра за багажом. На память пришел Бехари, служивший прежде в нашем доме, а теперь у одного школьного учителя в Серампуре. Быстро шагая, я встретил гуру у христианской церкви, близ здания серампурского суда.

– Куда ты идешь? – На лице Шри Юктешвара не было улыбки.

– Господин, я слышал, что вы и Канаи не едете с нами. Я ищу Бехари. Вы, наверное, помните, что в прошлом году ему так хотелось повидать Кашмир, что он даже предлагал свои услуги бесплатно.

– Помню. Тем не менее я думаю, что он не решится ехать.

– Да он только и ждет такого случая! – вспыхнул я.

Гуру молча пошел дальше, я же вскоре пришел к дому школьного учителя. Во дворе меня встретил Бехари, дружелюбность на его лице тотчас пропала, едва я упомянул про Кашмир. Пробормотав извинения, он оставил меня и вошел в дом своего хозяина. Прождав полчаса и нервно уверяя себя, что Бехари задерживают приготовления к поездке, я наконец постучал в дверь. «Бехари вышел через черный ход с полчаса назад», – с легкой иронией в голосе сообщил какой-то мужчина.

Пытаясь разобраться, было ли мое приглашение слишком назойливым или действительно имело место незримое влияние учителя, с досадой я отправился восвояси. Пройдя мимо христианской церкви, я вновь увидел гуру, идущего навстречу. Не дожидаясь моего сообщения, он сказал:

– Итак, Бехари не захотел ехать! Что ты теперь надумал?

Я вел себя, как упрямый ребенок, твердо решивший не слушаться своего деспотичного отца.

– Я иду просить дядю дать мне своего слугу Лала Дхари.

– Ну, если тебе так хочется взглянуть на своего дядю, пожалуйста, – ответил Шри Юктешвар. Все его тело сотрясалось от смеха. – Я думаю, ты вряд ли будешь доволен этой встречей.

Встревоженный, но одержимый упрямством, я оставил гуру и вошел в здание суда. Дядя по отцу, Сарада Гхош, государственный прокурор, встретил меня очень тепло.

– Сегодня мы с несколькими друзьями едем в Кашмир, – сказал я ему. – Я уже много лет жду этой поездки в Гималаи.

– Очень рад за тебя, Мукунда. Могу ли я чем-нибудь помочь твоему путешествию? – Эти добрые слова придали мне смелость.

– Дорогой дядя, можно мне взять с собой вашего слугу Лала Дхари?

Моя простая просьба произвела эффект землетрясения. Дядя так резко вскочил, что

стул его перевернулся, бумаги на столе разлетелись в стороны, а его длинный кальян из кокосового ореха с грохотом свалился на пол.

– Ты молодой эгоист, – воскликнул он, кипя от возмущения, – что за нелепая мысль! А кто будет помогать мне, если ты возьмешь на эту увеселительную прогулку моего слугу?

Скрыв удивление, я думал, что внезапная перемена в моем добродушном дяде была еще одной непостижимой загадкой дня, и покинул здание суда несколько живее, чем позволяло достоинство.

Во мне росла уверенность, что позиция учителя была продиктована каким-то достойным, хотя и непонятным мотивом. По возвращении в ашрам, где в ожидании собрались друзья, из-за попытки поступить наперекор воле гуру у меня начались угрызения совести.

– Мукунда, не хотел бы ты немного задержаться и побыть со мной? – спросил Шри Юктешвар. – Раджендра и другие могут поехать раньше и подождать тебя в Калькутте. У них будет достаточно времени, чтобы попасть на вечерний поезд из Калькутты на Кашмир.

– Господин, мне не хочется ехать без вас, – сказал я мрачно.

Мои друзья не обратили на это замечание никакого внимания. Они вызвали экипаж и отбыли со всем багажом. Канаи и я тихо сидели у ног нашего гуру. Через полчаса полного молчания учитель поднялся и направился к балкону второго этажа.

– Канаи, подай, пожалуйста, еду для Мукунды. Его поезд скоро отбывает от вокзала.

Встав с шерстяного одеяла, на котором я сидел, я пошатнулся от внезапной тошноты и жуткого ощущения клокотания в желудке. Острая боль была настолько сильна, что я почувствовал, будто меня вдруг швырнули в какой-то ужасный ад. Скорчившись, пораженный всеми симптомами страшной азиатской холеры, как слепой, на ощупь, я искал гуру. Шри Юктешвар и Канаи перенесли меня в гостиную.

– Учитель, я вручаю вам свою жизнь! – изнуренный невыносимой болью, вскричал я, будучи уверен, что она поистине почти выплеснулась из берегов тела.

Шри Юктешвар положил мою голову к себе на колени, с ангельской нежностью поглаживая лоб.

– Теперь видишь, что бы случилось, если бы ты со своими друзьями оказался на вокзале, – сказал он. – Поскольку ты предпочел усомниться в моем решении по поводу поездки именно в это время, я был вынужден позаботиться о тебе столь странным образом.

Я наконец понял. Поскольку великие учителя редко считают нужным проявлять свои силы открыто, случайному наблюдателю событий этого дня их последовательность показалась бы вполне естественной. Вмешательство гуру было слишком искусно, чтобы его заподозрить. Он действовал своей волей через Бехари, дядю Сараду, Раджендру и других таким не вызывающим подозрений образом, что, вероятно, любой, кроме меня, подумал, что описанные ситуации в логическом отношении были нормальны.

Поскольку Шри Юктешвар никогда не пренебрегал своим общественным долгом, он поручил Канаи сходить к врачу и известить моего дядю.

– Учитель, – запротестовал я слабым голосом, – только вы можете исцелить меня, кроме того, для любого доктора я уже безнадежен.

– Дитя мое, ты храним Божьей милостью. О докторе не беспокойся, он не застанет тебя в этом состоянии, ты уже исцелен.

С этими словами гуру мучительная боль оставила меня. Я слабо приподнялся. Скоро пришел доктор и тщательно обследовал меня.

– Ты выглядишь так, будто перенес самое худшее, что только возможно, – сказал он. – Я возьму с собой несколько проб для лабораторных исследований.

Следующим утром он поспешно явился. Я сидел в хорошем настроении.

– Ну и ну, вот ты улыбаешься и разговариваешь, словно и не сталкивался со смертью. – Он мягко похлопал меня по руке. – Честно говоря, после того как по анализам была установлена азиатская холера, я и не надеялся застать тебя в живых. Молодой человек,

уверен, ты счастливчик, имея такого гуру с божественными целительными силами!

Я от души согласился. Когда доктор собирался уходить, в дверях появились Раджендра и Аудди, возмущение на их лицах сменилось состраданием, когда они взглянули на доктора, я затем на меня, имевшего довольно-таки измученный вид.

– Мы так рассердились, когда ты не приехал с калькуттским поездом, как условились. Ты заболел?

– Да. – Я не мог удержаться от смеха, когда мои друзья поставили багаж в тот же угол, который он занимал вчера.

«Отплыл корабль в Испанию когда-то, не успев прибыть туда, вернулся он обратно!» – перефразировал я один стих.

В комнату вошел учитель. Как выздоравливающий, я позволил вольность и нежно взял его за руку.

– Гуруджи, – сказал я, – с двенадцати лет было сделано много неудачных попыток добраться до Гималаев. Наконец я убедился, что без вашего благословения богиня Парвати[[160]] меня не примет!

---

160 [2]. *Парвати* – буквально – горная. Парвати мифологически изображается как дочь царя Гималаев (Гималаи – буквально – снежная обитель). Местоположение дома царя Гималаев и Парвати древние поэты признавали в одном из неприступных пиков на Тибетской границе. Отважные путешественники, проходившие под ним, писали о своем изумлении при виде огромного скопления снега вдали, похожего на дворец с ледяными башнями и куполами.

Парвати, Кали, Дурга, Ума и другие богини – это различные аспекты Джаганматри – Божественной Матери Вселенной, Которую называли многими именами, чтобы отметить ее важное значение. Бог Шива (см. сноску в главе 32) в Его *пара* , или трансцендентальном аспекте, бездеятелен в творении; Его *шакти* передается *супруге* , активизирующей женской силе, которая делает возможным бесконечное раскручивание этих сил в космосе.

Мифологические рассказы о *Пуранах* представляют Гималаи как место пребывания Господа Шивы. Богиня Ганга спустилась с неба, чтобы стать главным божеством реки, берущей начало в Гималаях, поэтому поэты говорят, что Ганг течет с небес на землю через волосы Господа Шивы – «Короля йоги» и разрушителя-обновителя из Троицы. Калидаса – индийский Шекспир – описал Гималаи как смех Шивы. "Читатель может вообразить себе это протяжение огромных белых зубов, – пишет Ф.В.Томас в *Наследии Индии* (Оксфорд), – но полное представление он все же получить не сможет, пока не представит фигуру огромного аскета, вечно сидящего на возвышающемся горном троне, где Ганг спускается с небес и проходит через скрытые замки с их гербовым сокровищем – луной.

В искусстве Индии Шиву часто изображают в шкуре бархатно черной антилопы, символизирующей темноту и тайну ночи – единственную одежду Того, Кто является *дигамбара* (одетый небом). Последователи некоторых сект Шивы не носят одежды в честь их Господа, Который владеет ничем и всем.

Одна из хорошо известных святых Кашмира XIV века – Лала Йогишвари (Высшая Госпожа Йоги) была *дигамбара* преданная Шиве. Возмущенные современники спросили святую, почему она нага. «А почему нет? Я не вижу вокруг мужчин, – резко ответила Лала в соответствии с несколько решительным складом своего мышления. – Тот, кто не понимает Бога, не заслуживает права называться мужчиной». Она использовала технику, весьма близкую к *крия-йоге* , свободную силу которой отмечала в четверостишиях. Я привожу здесь одно из них:

Какую только горечь печали я не пила?
Бесчисленны круги моих рождений и смертей.
Господи! Нектар остался в моей чаше,
Добытый искусством дыхания.

Не подвергаясь смерти, святая дематериализовалась в огне. Позже она живая предстала перед скорбящими горожанами, полностью одетая, наконец, в золотые одежды.

Парвати стала *супругой* Господа Шивы после того, как Он послал сапта-риши (богов семи звезд Большой Медведицы) Своими сватами просить ее руки. Шиву, иногда также называемого «С луной на гребне» или «Солнце ночи», в искусстве Индии часто изображают одетым в пятнистую леопардовую шкуру, символизирующую звезды ночного неба. В других мифологических рассказах *супруга* Шивы зовется Кали – *темная* и Сати – *лунная ночь* . Индийские солнечные и лунные мифы являются драматическим изображением двуликой *майи* , окутывающей этот феноменальный мир.

Глава 21. Мы посещаем Кашмир

– Теперь ты достаточно окреп для путешествия, и я поеду с тобой в Кашмир, – сказал Шри Юктешвар спустя два дня после моего чудесного исцеления от азиатской холеры.

В этот вечер наша группа из шести человек села в поезд, направляющийся на север. Первая длительная остановка была в Симле, царственном городе на престоле Гималаев. Мы бродили по невероятно большим улицам, восхищаясь величественными видами.

«Продается английская земляника», – повторяла пожилая женщина, сидящая на корточках на открытой живописной рыночной площади.

Учитель заинтересовался этими маленькими странными ягодами. Он купил полную корзину и предложил их Канаи и мне, находившимся поблизости. Я попробовал одну ягоду, но поспешно выплюнул ее на землю:

– Какая кислятина! Земляника мне никогда бы не понравилась!

– О, она тебе понравится в Америке, – засмеялся гуру. – Там за обедом хозяйка подаст ее с сахаром и сливками. Когда она разомнет землянику вилкой, ты попробуешь и скажешь: «какая вкусная земляника!». Тогда и вспомнишь этот день в Симле.

Предсказание Шри Юктешвара со временем забылось, но всплыло вновь через много лет, вскоре после прибытия в Америку. Я был приглашен на обед в дом мисс Алисы Т.Хасей (сестра Йогамата) в западном Сомервилле, штат Массачусетс. Когда десерт из земляники поставили на стол, хозяйка взяла вилку, раздавила ягоды, добавив сливок и сахара. «Ягода несколько кислая, я думаю, так вам понравится!» – заметила она. Я взял маленький кусочек и воскликнул: «Какая вкусная земляника!». Тотчас предсказание гуру всплыло из бездны памяти. Поразительно было сознавать, что так давно ум Шри Юктешвара, согласованный с божественным, уловил цепь кармических событий, блуждающих в эфире, увидев будущее.

Скоро наша группа покинула Симлу и поехала поездом в Равалпинди. Там мы наняли большой ландо, запряженное двумя лошадьми, и начали семидневный переезд в Шринагар – столицу Кашмира. На второй день путешествия по северной границе нашим глазам открылись настоящие просторы Гималаев. Пока железные колеса экипажа скрипели по жарким каменистым дорогам, мы восхищались сменяющими друг друга видами горного великолепия.

– Господин, – сказал Аудди учителю. – Я восхищен этими величественными видами, находясь в вашем святом обществе.

От этого отзыва я почувствовал радостное волнение, так как был за хозяина. Шри Юктешвар уловил мою мысль и, обернувшись, прошептал:

– Не тешь себя напрасно, Аудди в восторге не столько от пейзажа, сколько от перспективы оставить нас, чтобы выкурить сигарету[161].

– Учитель, – сказал я вполголоса, испытав шок, – не нарушайте, пожалуйста, гармонию этими неприятными словами. Мне не верится, что Аудди жаждет курева. – Я с опаской взглянул на своего обычно неукротимого гуру.

– Хорошо, я ничего на стану говорить, – засмеялся учитель. – Но скоро ты увидишь: когда ландо остановится, он быстро воспользуется представившейся возможностью.

Повозка подъехала к небольшому караван-сараю. Когда наших лошадей повели поить, Аудди спросил:

– Учитель, вы ничего не имеете против, если я некоторое время проеду с кучером? Мне хочется немного побыть на свежем воздухе.

Шри Юктешвар разрешил, но мне заметил:

– Ему хочется свежей затяжки, а не свежего воздуха.

Ландо возобновило шумное передвижение по пыльной дороге. Глаза учителя сверкали.

161 [1]. Курить в присутствии старших по возрасту и положению в Индии – знак неуважения.

– Высунь голову в дверь экипажа и посмотри, что делает с воздухом Аудди, – сказал он мне.

Я послушался и был весьма удивлен, застав Аудди за пусканием колец сигаретного дыма.

– Вы, как всегда, правы, – сказал я, виновато взглянув на гуру. – Аудди наслаждается окуриванием панорамы. – Я подозревал, что приятель заполучил дар от кучера, ибо знал, что он не брал сигарет из Калькутты.

Мы продолжали ехать по серпантину дороги, украшенной видами рек, долин, отвесных скал и многочисленными грядами гор. Ночь нас застала на простом постоялом дворе, где мы сами готовили себе еду. Шри Юктешвар проявлял заботу о моей диете, настаивая на том, чтобы в ней всякий раз был лимонный сок. Я был все еще слаб, но самочувствие с каждым днем улучшалось, хотя скрипучая телега была прямо-таки создана для неудобств.

Радостные предчувствия наполняли наши сердца по мере приближения к центру Кашмира, райскому краю озер с лотосами, плакучих садов, покрытых яркими навесами жилищ из лодок, реки Джелам с множеством мостов и пастбищ, усеянных цветами, в величавом обрамлении Гималаев.

Путь к Шринагару пролегал по дороге, обсаженной высокими деревьями. Мы заняли комнаты в двухэтажной гостинице, окна которой выходили на величественные горы. Водопровода там не было, и мы запасали воду, набирая ее из ближайшего колодца. Летняя погода, с теплыми днями и прохладными ночами, была идеальной.

Мы совершили паломничество к древнему храму свами Шанкары в Шринагаре. Взглянув на горную обитель, стоящую на крутом пике, я впал в экстатический транс. Явилось видение большого особняка на вершине горы в далекой стране. Высокий ашрам Шанкары передо мной превратился в строение, где спустя много лет была основана штаб-квартира «Товарищества Самопознания» в Америке. Когда я впервые посетил Лос-Анджелес и увидел большое здание на гребне горы Вашингтон, то сразу узнал его по своим давнишним видениям в Кашмире и других местах.

Несколько дней мы провели в Шринагаре, потом на Гулмарге[162], возвышающемся почти на две тысячи метров над уровнем моря. Там я впервые ездил верхом на большом коне. Раджендра же взобрался на маленького рысака, охваченного страстью скорости. Мы отважились направиться к Кхиланмару, расположенному невероятно высоко; путь лежал через густой лес, изобилующий карликовыми деревьями, где окутанные туманом тропинки были зачастую небезопасны. Но маленькое животное Раджендры, забывая обо всем, кроме радости состязания, неустанно шло вперед, не давая моему коню-переростку ни минуты отдыха даже на самых опасных поворотах.

Наше соревнование в скорости было вознаграждено захватывающим зрелищем. Впервые в этой жизни я увидел простертые во все стороны возвышенности Гималаев со снежными вершинами, лежавшими ярусами, подобно силуэтам больших белых медведей. Глаза с восторгом любовались бесконечными просторами ледяных гор на фоне солнечно голубых небес.

Вместе со своими юными спутниками, которые все были в пальто, я весело скатился по искрящимся белым склонам. Спускаясь вниз, мы увидели вдали громадный ковер желтых цветов, совершенно преображающих суровость обнаженных гор.

Следующая экскурсия была предпринята к знаменитому «Саду наслаждений» императора Джехангира в Шалимаре и Нишат Багху. Древний дворец в Нишат Багхе построен над естественным водопадом. Низвергаясь с гор, стремительный поток посредством искусственных приспособлений направляется красочными террасами и льется в фонтаны, окруженные ослепительными клумбами. Поток также входит в некоторые помещения дворца, ниспадая в конце концов, как в сказке, в находящееся внизу озеро.

---

162 [2]. *Гулмарг* – буквально – горные тропы из цветов.

Необъятные сады буйно пестрят красками – розы дюжин оттенков, львиный зев, фиалки, лаванда, маки. Заросли кипарисов, *чинар* [163], вишен создают впечатление изумруда, за ними вздымаются строгие белые Гималаи.

Кашмирский виноград считается редким лакомством в Калькутте. Раджендра, предвкушавший эту усладу по достижении Кашмира, был разочарован, не найдя там крупных виноградников. Я то и дело подшучивал над его необоснованным ожиданием.

– О, я так объелся винограда, что не могу идти! – говорил я. – Во мне переваривается незримый виноград! – Позже я слышал, что сладкий виноград в изобилии растет в Кабуле, западнее Кашмира. Мы утешались мороженым из *рабри* (сгущенного молока), смешанного с цельными фисташковыми орехами.

Мы совершили несколько переездов в *шикарах* – небольших лодках, затененных расшитыми занавесами, курсирующими по запутанным протокам озера Дал-Лейк, сплетению каналов, похожему на паутину из воды. Множество плавучих садов, грубо устроенных из бревен с землей, вызывают изумление – так неуместен на первый взгляд вид овощей и дынь, растущих посреди широких вод. Время от времени видишь крестьянина, презревшего удел «прикованности к земле» и перетягивающего свой квадратный участок «земли» на новое место ветвистого озера.

В этой легендарной долине можно найти как бы сумму всех земных красот. Хозяйка Кашмира увенчана короной из гор, украшена гирляндой озер и обута цветами. Позже, объездив много далеких стран, я понял, почему Кашмир называют самым живописным местом. Он обладает обаянием и Швейцарских Альп, озера Ломонд в Шотландии, и изысканной красотой английских озер. Американскому путешественнику в Кашмире многое напомнит суровое величие Аляски и пика Пайке, расположенного близ Денвера.

В конкурсе живописного очарования я отдаю первый приз либо великолепному виду Хочимилко в Мексике, где горы, небо и тополя отражаются в бесчисленных водных протоках, где в мириадах бликов воды играют рыбы, либо озерам Кашмира, похожим на красивых девушек, украшенных драгоценностями, находящихся под суровым присмотром Гималаев. Эти два места особенно выделяются в моей памяти как самые красивые места на земле.

Тем не менее, я был восхищен, впервые увидев чудеса и Йелоустонского национального парка, и Большого каньона в Колорадо, и Аляски. В Йелоустоне можно видеть, как целые скопища гейзеров извергаются высоко в воздух, год за годом действуя с точностью часового механизма. Горячие гейзеры, скопления опала и сапфира, горячие сернистые источники, а также медведи, волки и другие дикие животные напоминают, что здесь природа оставила некий образец более раннего творчества. В поездке на автомобиле по дорогам Вайоминга к «Дьявольскому котлу» с горячей пузырящейся грязью и журчащими источниками, гейзерами, фонтанирующими повсюду паром, я был склонен заявить, что Йелоустон заслуживает особого приза за уникальность.

В Йосамит-парке, расположенном в Калифорнии, древние величественные секвойи устремляют огромные стволы высоко в бездонное небо, напоминая природные зеленые кафедральные соборы, отмеченные божественным мастерством. Хотя на Востоке есть чудесные водопады, ни один из них не сравнится с буйной красотой Ниагары на границе с Канадой. Мамонтовые пещеры в Кентукки и Карлсбадские пещеры в Нью-Мексико с множеством разноцветных сталактитов просто ошеломляюще сказочны. Их длинные иглы, свисающие со сводов пещеры и отражающиеся в подземных водах, как они рисуются человеческому воображению, кажутся проблесками иных миров.

Многие кашмирцы, известные на весь мир своей красотой, светлы, как европейцы, с подобными же чертами лица и пропорциями тела, у многих голубые глаза и светлые волосы. В западной одежде они выглядят как американцы. Холодные Гималаи защищают Кашмир от

163 [3]. *Чинара* – восточный платан.

знойного солнца, оберегая их светлые лица. С продвижением к югу, к тропическим широтам Индии, люди становятся все темнее и темнее.

Проведя несколько счастливых недель в Кашмире, я вынужден был вернуться в Бенгалию, так как срок каникул истек. Шри Юктешвар с Канаи и Аудди остались в Шринагаре. До моего отъезда учитель намекал, что его тело в Кашмире подвергнется болезни.

– Господин, внешне вы само воплощение здоровья, – возразил я.

– Есть даже шансы оставить эту землю.

– Гуруджи! – я пал с мольбой к его ногам, – обещайте, пожалуйста, что не оставите тело теперь. Я совсем не готов к тому, чтобы следовать далее без вас!

Шри Юктешвар молчал, но улыбнулся так сочувственно, что я успокоился, однако оставив его с нежеланием.

«Учитель опасно болен!» – Телеграмма от Аудди пришла вскоре после моего возвращения в Серампур.

«Учитель, – обезумев, телеграфировал я другу, – я требую обещания не оставлять меня. Сохраните, пожалуйста, свое тело, иначе я умру!»

"Будь по твоему!, – ответил он из Кашмира.

Через несколько дней пришло письмо от Аудди, сообщавшего, что учитель выздоровел. Через две недели по возвращении гуру в Серампур я был очень огорчен, увидев, что он потерял почти половину своего обычного веса.

К счастью учеников, Шри Юктешвар сжег множество их грехов в огне тяжелой лихорадки в Кашмире. Метафизический метод переноса болезни хорошо известен высокоразвитым йогам. Сильный человек может помочь более слабому нести его тяжелый крест, духовный сверхчеловек в состоянии свести до минимума физическое или психическое бремя своих учеников, разделив с ними карму их прошлых действий. Как богатый тратит некоторое количество денег, оплачивая крупный долг блудного сына, оказывающегося таким образом спасенным от ужасных последствий собственного безрассудства, так и учитель с готовностью посвящает часть своего телесного блага облегчению страданий учеников[[164]].

Скрытым методом йог объединяет свой ум и астральный аппарат с умом и астральным аппаратом страдающего индивида, и болезнь полностью или частично передается телу святого. Учитель, познавший Бога на физическом плане, не заботится более о благополучии последнего. Хотя он и может позволить, чтобы тело его обнаружило какую-то болезнь, тем самым облегчая физические страдания других лиц, на его неоскверненный ум это никак не влияет. Он считает себя счастливым тем, что в состоянии оказать такую помощь. Достичь конечного спасения в Господе значит поистине найти, что физическое тело полностью выполнило свое назначение, после чего учитель пользуется им, как находит нужным.

Дело гуру в этом мире – облегчать страдания людей духовными средствами, интеллектуальным советом, метафизическим переносом болезни. Посредством сверхсознания учитель может забыть о физическом страдании, иногда он предпочитает стоически переносить телесную боль, являя пример для учеников. Взяв на себя болезни других, йог при желании может вместо них удовлетворить кармический закон причин и следствий. Этот закон действует механически или математически, его действие может быть научно направлено людьми божественной мудрости.

Духовный закон вовсе не требует, чтобы учитель болел всякий раз, когда исцеляет других. Исцеления обычно происходят благодаря использованию святыми разных методов мгновенного лечения, с которыми не связано никакого вреда для духовного целителя. Однако иногда учитель, желающий значительно ускорить эволюцию учеников, может по доброй воле отработать их дурную карму в собственном теле.

---

164 [4]. Многие известные христианские святые, в том числе Тереза Ньюмен (см. главу 39), были знакомы с метафизическим переносом болезней.

Иисус выражал Себя как искупление за грехи многих. Если бы Он добровольно не вступил во взаимодействие с тонким кармическим законом причин и следствий, с Его божественными силами[165], тело Его никогда бы не подверглось смерти через распятие на кресте. Таким образом Он взял на Себя карму других, в особенности учеников, в результате чего они очистились и стали способны воспринять вездесущее сознание Святого Духа, Которое позже сошло на них[166].

Только познавший себя учитель может передать жизненную силу или перенести на собственное тело болезни других. Обычный человек не может применять этот йоговский метод лечения, да это и нежелательно, ибо нездоровый физический инструмент является помехой для божественной медитации. Индийские Писания учат, что содержание тела в хорошем состоянии является настоятельным долгом человека, иначе его ум не может сохранять фиксацию на благочестивом.

Однако очень сильная воля может превозмочь все физические затруднения и достичь богопознания. Многие святые игнорировали болезненность и преуспевали в поисках Бога. Святой Франциск Ассизский, сам тяжело страдавший от болезней, исцелял других и даже воскресил мертвого.

Я знал одного индийского святого, половина тела которого однажды покрылась гнойными язвами. Его диабет протекал настолько тяжело, что в обычном состоянии он не мог сидеть спокойно более пятнадцати минут подряд. Но его духовная жажда была неумолима: «Господи, – молился он, – неужели не придешь Ты в мой разрушенный храм?» Непрестанным усилием воли святой постепенно смог сидеть в позе лотоса, погруженный в экстатический транс, ежедневно по восемнадцать часов подряд. И по истечении трех лет, – сказал он мне, – в моем разбитом теле засиял Бесконечный Свет. Наслаждаясь радостным блеском, я забыл о болезнях, позже заметив, что Божьей Милостью исцелен".

Исторический случай исцеления связан с царем Бабуром, основателем Монгольской империи в Индии (1483-1530 годы). Сын его, принц Хумаюн, был смертельно болен. Отчаявшись, отец молился, чтобы болезнь перешла к нему, а сын был пощажен. После того как врачи потеряли всякую надежду, Хумаюн[167] выздоровел, а Бабур сразу же заболел и умер от той же болезни, какой был поражен сын.

Многие воображают, будто любой духовный учитель обладает или должен обладать здоровьем и силой Сандова[168]. Такое предположение не обосновано. Болезненность тела вовсе не показатель того, что гуру не находится в контакте с божественными силами, как и неизменное здоровье в течение всей жизни вовсе не обязательно указывает на внутреннее озарение. Иными словами, состояние физического тела не является истинным критерием учителя. Его отличительные качества следует искать в его владении духовным.

На Западе многие сбитые с толку искатели истины ошибочно полагают, будто учителем может быть лишь какой-нибудь красноречивый оратор либо писатель, объектом

165 [5]. Как раз перед тем как его повели на распятие, Христос сказал: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» – *От Матфея* 26.53-54.

166 [6]. *Деяния* 1.8, 2.1-4.

167 [7]. Хумаюн стал отцом Акбара Великого. Царствие Акбара было отмечено сооружением в Дели надгробного памятника Хумаюну. Это величественное сооружение из красного песчаника с белым мрамором служило основной моделью для несравненного Тадж Махала (1652 г.). Император Акбар поначалу с исламским рвением преследовал индусов. Когда возросло разумение, – говорил он позже, – меня переполнило чувство стыда. Чудеса бывают в храмах любой веры". Великий мусульманин, условившийся о персидском переводе *Бхагавадгиты* , наслаждался слушанием толкований *Вед* учеными брахманами. Он обнаружил также глубокий интерес к христианству и пригласил сделать на Арке Победы в новом городе Фетахпура Сикри следующую надпись: "Иисус, Сын Марии (мир Ей), сказал: "*Мир – это мост: пройди по нему, но не строй на нем дом* "".

168 [8]. Сандов – немецкий атлет (умер в 1925 г.), известный как самый сильный человек в мире.

литературных изысканий которого является метафизика. Однако риши указывали, что единственным и неизменным требованием к учителю является его способность входить по собственной воле в бездыханное состояние (сабикальпа самадхи) и сохранять непрерывное самадхи (нирвакальпа самадхи)[169]. Только этим человек может доказать, что действительно мастерски овладел майей – космической иллюзией двойственности. Он один может с глубоким пониманием сказать: *«Экам Сат»* (Существует лишь Один).

«Там, где в результате невежества есть дуализм, человек видит все отличным от себя, – писал Великий монист Шанкара. – Где есть дуализм в силу неведения, там все вещи видят отличными от Я. Когда же все видят как Я, тогда нет и атома иного, нежели Я... Как не может быть снов после пробуждения, точно так же исчезают плоды прошлых действий, как только возникает знание реальности».

Лишь великие гуру в состоянии взять на себя карму учеников. Шри Юктешвар не болел бы в Шринагаре[170], если бы не получил внутреннего позволения от Духа – помочь ученикам столь необычным путем. Не многие из святых были когда-либо наделены более весомой мудростью, необходимой для выполнения божественных указаний, нежели мой находящийся в согласии с Богом учитель.

Когда я позволил несколько слов сочувствия гуру по поводу истощенной фигуры, он весело сказал:

– Это имеет свои хорошие стороны. Теперь я в состоянии надеть узкие *ганджи* (нижние рубашки), которых не носил много лет!

Слыша веселый смех учителя, я вспомнил слова святого Франциска Сальского: «Святой, который грустен, – это грустный святой!».

Глава 22. Сердце каменного изваяния

– Как верная индийская жена, я не хочу жаловаться на мужа. Но мне бы очень хотелось, чтобы он отвратился от материалистических взглядов. Ему доставляет удовольствие высмеивать изображения святых в моей комнате для медитаций. Дорогой брат, я глубоко верю, что ты можешь ему помочь. Поможешь?

Старшая сестра Рома умоляюще смотрела на меня. Я зашел в ее калькуттский дом на улице Гириш Видьяранта. Эта мольба тронула меня, ибо сестра оказала глубокое духовное влияние в моем детстве и с любовью старалась заполнить вакуум, возникший в семье в связи со смертью матери.

– Милая сестра, конечно, я сделаю все, что смогу. – Я улыбнулся, стараясь прогнать уныние с ее лица, контрастирующее с обычно спокойным и бодрым выражением.

Мы с Ромой посидели немного, безмолвно молясь, направить нас. За год до этого сестра попросила меня посвятить ее в *крия-йогу* , в которой весьма преуспела. И тут меня осенило:

– Завтра, – сказал я, – я отправлюсь в храм богини Кали в Дакшинешваре. Пожалуйста, поедем со мной, и убеди мужа сопровождать нас. Я чувствую, что в вибрациях этого святого места Божественная Мать коснется его сердца. Но не говори ему о целях нашей поездки.

Сестра с надеждой согласилась. Очень рано следующим утром мне было приятно увидеть, что Рома и ее муж были готовы к поездке. Пока нанятый нами экипаж громыхал по

169 [9]. См. сноски в главах 26 и 43.

170 [10]. Шринагар – столица Кашмира, был основан в III веке до Р.Х. императором Ашокой. Он выстроил там пятьсот монастырей, из которых сто еще стояли, когда спустя тысячу лет Кашмир посетил китайский паломник Хунь Цянь. Другой китайский писатель, Фа Сянь (V век от Р.Х.), осматривая руины огромного дворца Ашоки в Паталипутре (современная Патна), рассказывает нам, что это строение было невероятной красоты по своей архитектуре и декоративной скульптуре, что «не могло быть делом рук смертных».

верхней кольцевой дороге на пути к Дакшинешвару, мой зять Сатиш Чандра Бос забавлялся тем, что высмеивал духовных лиц прошлого, настоящего и будущего. Я заметил, что Рома тихо плачет.

– Приободрись, сестренка, – прошептал я. – Не давай мужу радости полагать, будто мы принимаем его насмешки всерьез.

– Мукунда, как ты можешь восхищаться пустым надувательством, – сказал Сатиш. – У всяких там садху и вид-то отталкивающий. Либо они худы, как скелеты, либо не по святому жирны, как слоны!

Я громко расхохотался. Моя добродушная реакция вызвала у Сатиша раздражение, он впал в угрюмое молчание. Когда наш кеб оказался на земле Дакшинешвара, он саркастически усмехнулся:

– Я полагаю, эта экскурсия задумана для того, чтобы переделать меня?

Когда же я, промолчав, отвернулся, он схватил меня за руку:

– Юный господин монах, – сказал он, – не забудь договориться со священнослужителями храма, чтобы они обеспечили нам полдник. – Сатиш хотел избавить себя от всякой беседы со жрецами.

– Сейчас я буду медитировать. О еде не беспокойся, – ответил я резко. – Божественная Мать Сама позаботится о нас.

– Не уверен, что Божественная Мать хоть что-нибудь сделает для меня. А за еду я считаю ответственным тебя, – сказал Сатиш угрожающе.

Я один проследовал в большой храм Кали, в зал с колоннами у входа, отыскал затененное место у одной из колонн и сел в позе лотоса. Хотя было еще семь часов, утреннее солнце быстро стало палящим.

Мир отступил, когда я благоговейно вошел в состояние транса. Мой ум сосредоточился на богине Кали, Чье изваяние в Дакшинешваре было предметом особого обожания великого учителя Шри Рамакришны Парамахансы. В ответ на его неистовые мольбы каменное изваяние этого самого храма часто принимало образ и беседовало с ним.

Безмолвная Матерь с каменным сердцем, – молился я. – Ты оживала по просьбе Твоего любимого приверженца Рамакришны, почему же не внемлешь воплям Твоего жаждущего сына?

Мое возвышенное рвение безгранично возрастало, сопровождаясь усилением божественного покоя. Тем не менее, когда прошло пять часов, а богиня, Которую я внутренне четко визуализировал, не дала никакого ответа, я слегка приуныл. Иногда, отсрочивая осуществление молитвы, Бог испытывает поклоняющихся. Но в конце концов Он являет Себя упорному поклоняющемуся в наиболее дорогой для последнего форме. Набожный христианин видит Иисуса, индус – Кришну или богиню Кали, или, если его поклонение носит безличный характер, – расширяющийся свет.

С неохотой открыв глаза, я увидел, что один жрец закрывает двери храма в соответствии с обычаем на полуденный час. Поднявшись со своего уединенного места в открытом зале, я пошел во двор. Его каменный настил жгло полуденное солнце, сильно обжигая босые ноги.

– Божественная Мать, – безмолвно увещевал я. – Ты не приходишь ко мне в видении, а теперь Ты сокрыта в храме за закрытыми дверьми. Я хотел вознести Тебе ныне особую молитву за Сатиша.

Моя внутренняя просьба была тотчас принята. Сначала на голову и под стопы накатилась приятная волна прохлады, изгнав все неудобства. Затем, к моему изумлению, храм необычайно увеличился. Его широкие двери отворились, открыв каменную фигуру богини Кали, Которая мало-помалу ожила, улыбаясь, кивнув в знак приветствия; Она возбудила трепет неописуемого восторга. Как будто какой-то таинственный магнит извлек дыхание из легких, тело стало совсем неподвижным, хотя и не инертным.

Последовало экстатическое расширение сознания. Я мог ясно видеть на несколько миль

за Гангом, слева от меня и за храмом, предместья Дакшинешвара. Стены всех строений призрачно мерцали, через них я видел людей, ходящих вдали туда и сюда.

Хотя я был бездыханным, а тело находилось в удивительно спокойном состоянии, тем не менее способность свободно двигать руками и ногами сохранилась. Несколько минут я пытался то закрывать, то открывать глаза; и в том, и в другом случае отчетливо виделась вся панорама Дакшинешвара.

Духовное зрение пронизывает всю материю, подобно рентгеновским лучам: центр божественного глаза везде, а горизонт – нигде. Стоя там, на солнечном дворе, я по новому осознал, что тогда, когда человек перестанет быть блудным сыном Бога, поглощенным физическим миром, который на самом деле – греза, не более чем мыльный пузырь, он вновь наследует Вечное Царство. Если «уход от действительности» и есть потребность человека, ограниченного своей личностью, может ли этот «уход» сравниться с величием вездесущности?

В моем святом переживании в Дакшинешваре были сильно увеличены храм и образ богини. Все остальное виделось в нормальном измерении, хотя и было окружено ободком мягкого света белого, голубого и пастельно-радужного оттенка. Тело мое, казалось, было из эфирного вещества и могло вот-вот взлететь. Вполне сознавая материальное окружение, я осмотрелся и сделал несколько шагов, не нарушая непрерывности блаженного видения.

За стенами храма я вдруг мельком увидел зятя, который сидел под колючими ветками священного дерева *бел* . Без усилий можно было различить ход его мыслей, несколько возвышенных святым влиянием Дакшинешвара. Тем не менее в его уме содержались недобрые мысли в мой адрес. Я обратился прямо к милостивому образу богини.

– Божественная Мать, – молился я, – не переменишь ли Ты духовно мужа сестры?

Прелестная фигура, до сих пор хранившая полное молчание, наконец заговорила:

– Твое желание сбудется!

Счастливый, я взглянул на Сатиша. Как бы инстинктивно сознавая действие какой-то духовной силы, он с возмущением вскочил с земли. Я видел, как он бежит за храм, приближаясь ко мне и грозя кулаком.

Всеобъемлющее видение пропало. Я больше не мог видеть славную богиню: вздымающийся храм уменьшился до обычных размеров, утратив прозрачность, снова тело изнемогало от свирепых лучей солнца. Бросившись под укрытие колонн, я взглянул на часы: был час дня, божественное видение длилось час. Там меня настиг разгневанный Сатиш:

– Эй ты, дурачок, – выпалил он, – ты шесть часов просидел тут, скрестив ноги и скосив глаза. Я уже вдоволь находился в ожидании тебя. Где моя еда? Теперь храм закрыт, ты не сообщил священнослужителям, и мы остались без еды!

Возвышенное чувство, нахлынувшее от присутствия богини, все еще трепетало во мне; у меня хватило смелости воскликнуть: «Божественная Мать, накорми нас!»

Сатиш был вне себя от ярости:

– Заладил одно и то же, – закричал он, – хотел бы я видеть, как твоя Божественная Мать подаст нам еду без предварительных мер! – Едва он сказал это, как один из жрецов храма пересек двор и подошел к нам.

– Сын мой, – обратился он ко мне, – я видел твое лицо, безмятежно сияющее в течение нескольких часов медитации. Заметив прибытие утром вашей группы, я почувствовал желание оставить вам еду для второго завтрака. Правда, кормить тех, кто предварительно не сделал заказ, – против правил храма, но я сделал для вас исключение.

Поблагодарив его, я посмотрел Сатишу прямо в глаза. Он покраснел и опустил голову в безмолвном раскаянии. Когда нам подали обильную еду, в том числе, не соответствующие сезону манго, я заметил, что у зятя аппетит был весьма скромен. Он был сбит с толку и погрузился в океан мыслей.

На обратном пути Сатиш был более мягок и время от времени вопросительно поглядывал на меня. Но он не сказал ни слова с того момента, когда жрец, как бы прямо на

его вызов, пригласил нас на полдник.

Следующим вечером я навестил сестру. Она встретила меня ласково.

Я стою между двумя своими сестрами Ромой (слева) и Налини

Моя старшая сестра Ума в детстве. Горахпур

– Милый брат, – воскликнула она, – что за чудо! В прошлый вечер муж плакал предо мной, как дитя, не скрывая слез. "Милая дэви[171], – сказал он. – У меня нет слов, чтобы выразить, как я счастлив, что план твоего брата совершил такую перемену во мне. Я никогда не причиню обид, как раньше. С этой ночи будем пользоваться нашей большой спальней как местом поклонения, а твою комнатку для медитаций превратим в спальню. Я искренне сожалею, что высмеивал твоего брата. За свое столь постыдное поведение я накажу себя тем, что ничего не скажу Мукунде, пока не продвинусь на духовном пути. С этого момента я буду глубоко стремиться к Божественной Матери и когда-нибудь непременно обрету Ее!"

Спустя несколько лет, в 1936 году, я посетил зятя в Дели и был счастлив заметить, что он чрезвычайно развился в самопознании, будучи благословен видением Божественной Матери. За время своего пребывания я заметил, что Сатиш тайно большую часть ночи проводил в божественной медитации, хотя и страдал серьезной болезнью, а днем был занят на службе.

Ко мне пришла мысль, что жизнь зятя не будет продолжительна. Рома, должно быть, прочитала эту мысль в моем уме.

171 [1]. *Дэви* – богиня, буквально – сияющая; от санскритского глагольного корня *див* – сиять.

– Дорогой брат, – сказала она, – я здорова, а муж болен. Тем не менее я хочу, чтобы ты знал, что, как преданная индийская жена, я намерена умереть первой[172]. Мне теперь осталось недолго.

Ошеломленный этими словами, тем не менее я сознавал остроту истины в них. Я был в Америке, когда сестра умерла примерно через год после своего предсказания. Мой младший брат Бишну позже сообщил подробности:

"В день ее смерти мы с Сатишем были в Калькутте. В то утро она надела свой свадебный наряд.

– Зачем тебе такой особенный костюм? – спросил Сатиш.

– Это последний день моего служения тебе на земле, – ответила Рома.

Вскоре с нею случился сердечный приступ. Когда ее сын бросился было за помощью, она сказала: – Сынок, не оставляй меня. Это бесполезно, я умру прежде, чем придет врач.

Через десять минут, касаясь в знак почтения стоп мужа, Рома счастливо и без мучений, в полном сознании оставила свое тело.

После смерти жены Сатиш стал весьма склонен к уединению. Однажды, когда мы с ним смотрели на фотографию улыбающейся Ромы, Сатиш вдруг воскликнул, как будто жена его была рядом: «Зачем ты улыбаешься? Ты думаешь, что хорошо сделала, решив уйти раньше меня. Я докажу, что ты не можешь оставаться без меня долго, и скоро присоединюсь к тебе».

Хотя в это время Сатиш был совершенно здоров, он умер без всякой видимой причины вскоре после странного замечания перед фотографией".

Так отошли и моя сестра, и человек, который в Дакшинешваре мгновенно преобразился в безмолвного святого.

Глава 23. Я получаю университетскую степень

– Вы игнорируете философские определения из учебника, несомненно рассчитывая, что некая неутруждающая «интуиция» проведет вас через все экзамены. Но если вы срочно не обратитесь к более научному методу, то мне придется позаботиться о том, чтобы вы не закончили курс – такой суровый выговор сделал мне профессор кафедры философии Серампурского колледжа Д.Гхошал.

Если бы я не выдержал заключительного письменного зачета по его предмету, то меня не допустили бы до сдачи выпускных экзаменов, вопросы которых были сформулированы преподавателями Калькуттского университета, одним из филиалов которого является Серампурский колледж. В Индии студент университета, не сдавший заключительного экзамена на степень бакалавра хотя бы по одному предмету, на следующий год должен экзаменоваться вновь по всем предметам.

Педагоги колледжа обычно относились ко мне с доброжелательностью, не лишенной забавной терпимости. Они говорили: «Мукунда несколько излишне опьянен религией». Подводя такую черту, они тактично избавляли меня от затруднения отвечать на вопросы в классе, надеясь, что заключительные письменные зачеты исключат меня из числа кандидатов на степень бакалавра. Приговор, вынесенный соучениками, выражался в прозвище «сумасшедший монах».

Чтобы исключить угрозу, высказанную профессором Гхошалом, относительно провала на зачете по философии, я проницательно разработал один остроумный план. Когда результаты заключительного зачета вот-вот должны были публично объявить, я попросил сокурсника пойти со мной в рабочий кабинет профессора.

172 [2]. Для индийских жен считается духовным прогрессом, если в доказательство преданного служения они умирают раньше мужа, когда «смерть наступает за повседневной работой».

– Пойдем, мне нужен свидетель, – сказал я ему. – Я буду разочарован, если мне не удалось провести преподавателя.

Когда я спросил, как профессор оценил мою письменную работу, он только покачал головой.

– Вы среди тех, кто не сдал зачета, – сказал он торжественно. Затем профессор порылся в большой стопке письменных работ на своем столе. – Вашей работы здесь нет вообще; во всяком случае, вы провалились, не явившись на зачет.

– Господин, я был на нем. Можно мне поискать работу в этой пачке? – засмеялся я.

Профессор в замешательстве позволил, и я быстро нашел работу, на которой тщательно постарался не оставить никаких следов авторства, кроме номера переклички на зачете. Не предупрежденный «красным флажком» моей фамилии, педагог дал ответам высокую оценку, хотя они и не были украшены цитатами из учебника[[173]].

– Абсолютно бессовестная удача! – поняв хитрость, вскричал он. – Вы непременно провалитесь на заключительных экзаменах на степень, – с надеждой добавил профессор.

Для сдачи зачетов меня немного поднатаскали репетиторы, в частности дорогой друг и двоюродный брат Прабхаш Чандра Гхош, сын дяди Шарада. Я мучительно, но успешно, с самыми низкими проходными баллами, проковылял через все заключительные экзамены.

Только теперь, через четыре года учебы в колледже, можно было быть допущенным до экзаменов на степень бакалавра. Тем не менее я почти не ожидал, что воспользуюсь этой привилегией. Выпускные экзамены в Серампурском колледже были детской забавой по сравнению с жесткими требованиями на экзаменах на степень бакалавра в Калькуттском университете. Мои почти ежедневные посещения Шри Юктешвара оставляли мало времени для присутствия в залах колледжа. Возгласы удивления сокурсников скорее всего вызвало бы мое присутствие, нежели отсутствие.

Обычно по утрам в половине восьмого я на велосипеде выезжал из общежития. В одной руке было подношение гуру – несколько цветов из сада пансиона Пантхи. Приветливо встречая, учитель приглашал меня на второй завтрак. Я с готовностью неизменно соглашался, радуясь возможности отогнать мысли о колледже на этот день. Побыв несколько часов с Шри Юктешваром, слушая ни с чем не сравнимый поток его мудрости или помогая в ашраме, я около полуночи с неохотой отбывал в Пантхи или иной раз оставался с гуру на всю ночь, так счастливо поглощенный его словами, что едва замечал, как темнота сменялась рассветом.

Однажды, около одиннадцати вечера, когда я надевал туфли[[174]], собираясь ехать в пансион, учитель серьезно спросил меня:

– Когда у тебя начинаются экзамены на степень бакалавра?

– Через пять дней, господин!

– Я надеюсь, ты к ним готов.

В полном смятении я застыл с поднятой туфлей в руках.

– Учитель, – возразил я. – Вы же знаете, что дни мои проходили больше с вами, чем с профессорами. Как можно разыграть фарс, явившись на эти трудные экзамены?

– Ты должен явиться, – сказал он холодным повелительным тоном, пронизывающе глядя мне в глаза, – мы не можем давать повод твоему отцу и родным осуждать предпочтение тобою жизни в ашраме. Обещай мне, что пойдешь на экзамены и будешь отвечать на них как можно лучше.

---

173 [1]. Я должен воздать дань должного уважения профессору Гхошалу, соглашаясь, что наши напряженные взаимоотношения были следствием не каких-либо придирок с его стороны, а исключительно моего отсутствия или невнимательности в классе.

Профессор Гхошал был и является прекрасным оратором с обширными философскими знаниями. В более позднее время мы пришли к сердечному взаимопониманию.

174 [2]. Ученик всегда снимает туфли в индийском жилище-ашраме.

По моему лицу полились непрошеные слезы. Я чувствовал, что требование учителя чрезмерно и, мягко говоря, запоздало.

– Если вы этого так хотите, я пойду на экзамены, – сказал я, всхлипывая. – Но для соответствующей подготовки не остается времени. В ответ на вопросы я заполню экзаменационные листы вашими учениями, – невнятно прошептал я.

Когда на следующее утро, войдя в ашрам в свой обычный час, я подал Шри Юктешвару букет с мрачным видом и почти похоронной торжественностью, он усмехнулся:

– Мукунда, разве Господь оставлял тебя когда-нибудь на экзамене или в других делах?

– Нет, господин, – тепло ответил я. Приятные воспоминания потекли живым потоком.

– Не лень, а пылкое рвение к Богу не давало тебе искать особых отличий в колледже, – мягко сказал гуру. Помолчав, он процитировал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»[175].

Уже, наверное, в тысячный раз в присутствии учителя я ощутил облегчение от чувства бремени. Когда мы покончили с ранним полдником, он предложил мне вернуться в Пантхи.

– Твой приятель Ромеш Чандра Датт все еще живет в пансионе?

– Да, господин.

– Свяжись с ним, Господь внушит ему помочь тебе в подготовке к экзаменам.

– Хорошо, учитель, но Ромеш необычайно занят. Он уважаемый студент в нашем классе, с более трудным курсом, чем у других.

– Ромеш найдет для тебя время. А теперь ступай, – отклонил мои возражения учитель.

Я вернулся в Пантхи на велосипеде. Первым, кого я встретил, был Ромеш. Он с готовностью согласился на мою застенчивую просьбу, как будто был совершенно свободен. В этот вечер и в последующие дни он тратил по несколько часов, натаскивая меня по разным предметам.

– Я думаю, что много вопросов на экзамене по английской литературе будут связаны с путем, проделанным Чайлдом Гарольдом, – сказал он мне. – Нам нужно достать атлас.

Я поспешил в дом дяди Сарады и взял у него на время атлас. Ромеш отметил на карте Европы места, которые посетил романтический путешественник Байрон.

Несколько учеников собралось послушать объяснения репетитора. В конце занятий один из них заметил, что Ромеш меня неверно консультирует, так как обычно бывает лишь пятьдесят процентов вопросов о произведениях, другую же половину составляют биографии авторов.

Когда на следующий день я держал экзамен по английской литературе, то при первом же взгляде на вопросы экзаменационного билета у меня полились слезы благодарности, замочившие бумагу. К столу подошел староста класса и с участием посмотрел на меня.

– Мой гуру сказал, что Ромеш поможет, – пояснил я. – Сравни вопросы, которые объяснял мне Ромеш, с вопросами экзаменационных билетов! К счастью, в этом году очень мало вопросов об английских авторах, жизнь которых окутана для меня глубокой тайной!

Когда я вернулся, пансион гудел от волнения. Ребята, высмеивавшие метод подготовки Ромеша, с благоговейным почтением смотрели на меня, почти оглушив поздравлениями. За неделю до экзаменов я провел много часов с Ромешем, который формулировал вопросы так, как они, по его мнению, скорее всего могли быть поставлены профессорами. День за днем вопросы Ромеша появлялись почти в той же самой формулировке на экзаменационных билетах.

В колледже широко распространились слухи о том, что происходит нечто похожее на чудо и что рассеянному «сумасшедшему монаху», кажется, сопутствует успех. Я не делал никаких попыток скрыть происходящие факты. Однако местные профессора были бессильны изменить вопросы Калькуттского университета.

Однажды утром обдумывая экзамен по английской литературе, я понял, что сделал

---

175 [3]. *От Матфея* 6.33.

серьезную ошибку. Один раздел вопросов был разбит на две части – «A или B» и «C или D». Вместо того чтобы ответить по одному вопросу из каждой части, я тщательно ответил на оба вопроса из первой части и оставил без внимания вопросы второй части. Высший балл, который я мог получить за эту работу, был тридцать три, то есть на три меньше, чем проходной.

Я бросился к учителю и излил ему свои сомнения:

– Учитель, я совершил непростительную ошибку. Я недостоин божественной милости, проявившейся через Ромеша.

– Утешься, Мукунда, – сказал Шри Юктешвар веселым, беззаботным тоном и указал на голубой свод небес. – Скорее солнце и луна поменяются местами в космосе, чем ты потерпишь неудачу в получении степени!

Я оставил его дом в более спокойном настроении, хотя чисто арифметически казалось непостижимым, чтобы я прошел. С тревогой раза два я взглянул на небо; дневное владыко как будто надежно держалось на обычной орбите!

Добравшись до Пантхи, я услышал замечание одного сокурсника: «Я только что узнал, что в этом году впервые требуемый проходной балл по английской литературе изменен». Ворвавшись в комнату этого парня с такой скоростью, что он тревожно взглянул на меня, я нетерпеливо переспросил его.

– Монах длинноволосый, – засмеялся он, – откуда вдруг такой интерес к ученым вопросам? Чего кричать в одиннадцатом часу? Но проходной балл действительно снижен до тридцати трех.

Несколько радостных прыжков – и я оказался в своей комнате, где, опустившись на колени, вознес хвалу математическим совершенствам Божественного Отца. Каждый день я трепетал от сознания Духовного Присутствия, Которое, как ясно чувствовал, направляло меня через Ромеша. В связи с экзаменом по бенгальскому языку произошел один знаменательный прецедент. Ромеш, мало касавшийся этого предмета, однажды утром, когда я оставил пансион и уже был на пути в экзаменационный зал, позвал меня обратно.

– Там тебя Ромеш зовет, – с нетерпением сказал мне один соученик. – Не возвращайся, а то мы опоздаем.

Не послушавшись его совета, я побежал домой.

– Бенгальские ребята экзамен по бенгальскому языку обычно сдают легко, – сказал мне Ромеш. – Но у меня только что было какое-то предчувствие, что в этом году профессора задумали срезать студентов, поставив вопросы из наших учебников, в которые мы и не заглядываем. – Затем мой друг письменно в общих чертах набросал несколько рассказов из учебника, в том числе и два случая из жизни Видьясагара, бенгальского филантропа, жившего в начале XIX века.

Я поблагодарил Ромеша и поскорее на велосипеде отправился в колледж. Оказалось, что в экзаменационном листе было две части. «Опишите два случая благотворительности из жизни Видьясагара»[176], – это была первая инструкция. Перенеся на бумагу так вовремя приобретенные сведения, я прошептал несколько слов благодарности за то, что не был оставлен без внимания и в последний момент вызван Ромешем. Будь я несведущ по части благодеяний, оказанных Видьясагаром человечеству (включая и меня, в конце концов), я не выдержал бы этого экзамена.

Вторая часть гласила: «Напишите на бенгали очерк о жизни человека, который оказал на вас большое влияние». Любезный читатель, вряд ли мне нужно говорить, какого человека я выбрал для своей темы. Наполняя страницу за страницей восхвалениями гуру, я улыбнулся, поняв, что прошептанное мною предсказание, оказалось правильным: «Я наполню

176 [4]. Я забыл точную формулировку вопроса, но помню, что она касалась историй, рассказанных мне Ромешем о Видьясагаре.

Благодаря своей эрудиции пандит Ишвар Чандра стал широко известен в Бенгалии просто под именем *Видьясагар* (Океан знаний).

экзаменационные листы вашими учениями!»

Я не чувствовал склонности спрашивать Ромеша по поводу институтского курса философии, ибо надеялся на длительное воспитание под руководством Шри Юктешвара, и с уверенностью пренебрег толкованиями учебника. Самой высокой оценкой из всех моих работ была отмечена работа по философии. Отметки по всем прочим предметам были как раз лишь в пределах проходных баллов.

Приятно отметить, что мой бескорыстный друг Ромеш получил ученую степень *кум лауде* .

Узнав, что я получил степень, отец расплылся в улыбке.

– Я и не думал, что ты выдержишь экзамены, Мукунда, – признался он. – Ты так много времени проводил со своим гуру.

Учитель поистине верно уловил невысказанное критическое отношение отца.

Несколько лет у меня не было уверенности, что когда-нибудь доживу до того дня, когда за моей фамилией будет следовать степень бакалавра. Я редко пользуюсь этим титулом, всегда помня о том, что это дар Божий, данный из каких-то не вполне ясных для меня соображений. Время от времени я слышу, как бывшие выпускники колледжей отмечают, что у них остается очень мало из вбитых в голову знаний после получения ими степени. Это признание несколько утешает меня в моей несомненно недостаточно высокой учености.

В тот день в июне 1915 года, когда я получил степень от Калькуттского университета, я преклонил колени у стоп гуру и поблагодарил за все благодеяния, изливающиеся из его жизни в мою[[177]].

– Встань, Мукунда, – милостиво сказал он. – Господь просто нашел более удобным, чтобы ты получил степень бакалавра, чем менять местами солнце с луной!

Глава 24. Я становлюсь монахом Ордена Свами

– Учитель, отец хочет, чтобы я занял один административный пост в железнодорожной компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй. Но я решительно отказался от этого. Не посвятите ли вы меня в монахи Ордена Свами? – добавил я с надеждой и умоляюще посмотрел на гуру. В предшествующие годы, для того чтобы испытать глубину решимости, он отказывал мне в этой просьбе. Но ныне он милостиво улыбнулся:

---

177 [5]. Сила, влияющая на умы других и ход событий, – это вибхути (сила йога), упомянутая в *Йога-сутре* Патанджали 3.24, объясняющая это как результат «всеобщей симпатии» (две научные книги о *сутрах* – это *Система Йоги Патанджали* , том 17, восточные серии, Гарвардский университет и *Философия Йоги* Дасгупты, Trubner's, London).

Все Священные Писания гласят, что Бог создал человека по Своему всемогущему образу. Контроль над вселенной кажется сверхъестественным, но в действительности такая власть присуща и естественна для каждого, кто достигает «правильного воспоминания» своего духовного происхождения. Люди, понимающие Бога, такие как Шри Юктешвар, лишены *ахамкары* (эго-принципа) и его появления в виде личных желаний; действия настоящих учителей находятся в не требующем усилий соответствии с *рита* (природной добродетельностью). По словам Эмерсона, все великие становятся «не добродетельными, но Добродетелью; тогда достигается соответствие цели творения, и Бог доволен».

Любой человек, сознающий духовность, мог бы творить чудеса, так как, подобно Христу, он понимает тонкие законы творения; но не все учителя предпочитают проявлять феноменальные силы.(См. сноску в главе 24). Каждый святой трактует Бога по-своему; выражение индивидуальности – основное в мире, где нет и двух совершенно одинаковых песчинок.

Невозможно сформулировать устойчивые правила об освященных Богом святых; одни совершают чудеса, другие – нет, одни инертны, другие (как царь Джанака из древней Индии и Святая Тереза из Авилы) заняты великими делами; одни обучают, путешествуют, принимают учеников, другие проводят жизнь молча и скромно, словно тень. Ни один критик в мире не может прочитать тайного манускрипта кармы, разворачивающегося для каждого святого по разным сценариям.

– Хорошо, завтра я посвящу тебя в свами. Я счастлив, что ты настаиваешь на желании быть монахом, – тихо продолжал он. – Лахири Махасая часто говорил: «Если вы не пригласите Бога в лето ваше, то не придет Он в зиму вашу».

– Дорогой учитель, моя решимость принадлежать, подобно вам, Ордену Свами всегда была неколебима, – я улыбнулся ему с безмерной нежностью.

«Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене»[178], – Этой цитатой я подвел итоги судеб многих друзей, женившихся по прохождении определенного духовного воспитания. Окунувшись в море мирских забот, они забыли о первоначальных намерениях.

Отвести Богу второстепенное место в жизни было для меня невозможно[179]. Он является единственным владыкой космоса, безмолвно осыпая нас дарами из жизни в жизнь. И есть только одно, что человек может предложить в ответ, – свою любовь, которую он властен утаить или даровать.

В бесконечных трудах, окутывая тайной Свое присутствие в каждом атоме, Творец имеет за этим лишь один мотив – ощутимое желание того, чтобы люди стремились к Нему только по собственной свободной воле. Какой только бархатной перчаткой всяческого смирения ни покрывал Он железную руку Своего всемогущества!

Следующий день был одним из самых памятных в моей жизни. Я помню, что был солнечный четверг июля 1915 года, через несколько недель после получения степени в колледже. На внутреннем балконе своего дома в Серампуре учитель окунул кусок белой шелковой ткани в охру – традиционный цвет Ордена Свами. Когда ткань высохла, он обернул меня ею на манер одеяния отреченного.

– Когда-нибудь ты поедешь на Запад, где предпочитают шелк, – сказал он. – Как символ я выбрал этот материал вместо обычного хлопка.

В Индии, где монахи приемлют идеал бедности, одетый в шелк свами выглядит необычно. Однако многие йоги носят одежду из шелка, позволяющего поддерживать некоторые тонкие телесные токи лучше, чем хлопок.

– Я не склонен к церемониям, – заметил Шри Юктешвар, – и посвящу тебя в свами без них[180].

Бибидиса , или тщательно разработанное посвящение в свами, включает в себя церемонию огня, при которой совершаются символические похоронные обряды. Физическое тело ученика изображается мертвым, а затем кремированным в пламени мудрости. Далее новому свами посвящается какое-нибудь песнопение, наподобие "Этот *атма* – Брахма"[181], или «Ты есть То», или «Я – Он». Однако Шри Юктешвар, с его любовью к простоте, обошелся безо всех формальных ритуалов и просто попросил меня выбрать новое имя:

– Я хочу даровать тебе привилегию выбрать его самому, – сказал он улыбаясь.

– Йогананда[182], – ответил я после минутного раздумья. Имя это буквально означает – блаженство *(ананда)* через божественное единение *(йога)* .

– Да будет так. Оставив свое фамильное имя Мукунда Лал Гхош, ты будешь теперь именоваться Йоганандой из ветви Гири Ордена Свами.

Сердце переполнилось радостью, когда я склонился перед Шри Юктешваром и впервые услышал, как он произносит мое имя. Как нежно и неустанно он трудился, чтобы мальчик

178 [1]. 1 *Коринфянам* 7.32-33.

179 [2]. «Кто дает Богу второе место, тот не дает Ему никакого места» – *Раскин* .

180 [3]. Посвящение в монахи Ордена Свами без особых церемоний называется – *бидват* .

181 [4]. Буквально – «Эта душа – Дух». Высший Дух, несотворенный абсолютно не обусловлен (*нети, нети,* не это, не то), но часто упоминается в *Веданте* как *Сат – Чит – Ананда* , то есть Бытие – Разум – Блаженство.

182 [5]. Йогананда – это достаточно распространенное имя среди свами.

Мукунда когда-нибудь стал монахом Йоганандой! Я радостно пропел несколько стихов из длинного санскритского псалма господа Шанкары[183].

Не ум, не интеллект, не эго, не чувство,
Не небо, не земля и не металлы я,
Я – Он, я – Он, блаженный Дух, я – Он!
Ни рождения, ни смерти, ни касты нет у меня,
Ни отца, ни матери.
Я – Он, я – Он, блаженный Дух, я – Он!
Выше тонкого полета фантазии бесформенный я,
Проникая (собой) ветви всей жизни;
Рабства я не страшусь; я свободен, я вечно свободен,
Я – Он, я – Он, блаженный Дух, я – Он!

Каждый свами принадлежит к древнему монашескому ордену, реорганизованному в его теперешнюю форму Шанкарой. Поскольку это официальный орден с непрерывной линией святых представителей, служащих в качестве активных лидеров, никто иной не может присвоить титул свами. Его по праву получают лишь от другого свами. Таким образом, у всех монахов прослеживается родословная к их общему гуру – *Ади* (первый) Шанкарачарья. Они принимают обеты неприверженности к собственности, целомудрия и послушания главе или духовной власти. Во многом католические христианские монашеские ордена походят на более древний Орден Свами.

В дополнение к новому имени, обычно оканчивающемуся на *ананда* , свами получает титул, указывающий на его официальную связь с одной из десяти ветвей Ордена Свами. В эти *дасанамис* , или десять прозвищ, входят – *Гири* (гора), к ней принадлежит Шри Юктешвар Гири, а следовательно, и я. Среди прочих – *Сагар* (море), *Бхарати* (земля), *Пури* (путь), *Сарасвати* (мудрость природы), *Тиртха* (место паломничества) и *Аранья* (лес).

Монашеское имя свами обычно оканчивается словом *ананда* (высшее блаженство), означает его стремление достичь освобождения через определенный путь, состояние или божественное качество – любовь, мудрость, проницательность, преданность, служение, йогу. Его агномен отражает гармонию с природой.

---

183 [6]. Шанкару иногда называют Шанкарачарьей (*Ачарья* – религиозный учитель). Время жизни Шанкары является поводом для ученых споров. Некоторые летописи указывают, что несравненный монист жил в VI веке до Р.Х., мудрец анандагири приводит даты 44-12 гг. до Р.Х. Западные историки относят это время к концу VIII века от Р.Х. Какое родство всем векам!

Покойный Джагадгуру Шри Шанкарачарья из древнего Говардхана Матха в Пури, его святейшество Бхарати Кришна Тиртха, приезжал в Америку на три месяца в 1958г году. Это было впервые, когда какой-либо из Шанкарачарий совершил путешествие на Запад. Джагадгуру выступал в ведущих университетах Америки и участвовал в дискуссии о мире во всем мире с выдающимся историком доктором Арнольдом Тойнби.

Бог в аспекте Шивы.
Такие исторические персонажи как Кришна и Шива не представляют имени Бога в его высшем тройственном проявлении (Создатель – Хранитель – Разрушитель). Шива – Разрушитель майи, или иллюзии, в древних текстах представлен как Бог Отречения, Царь йогов. В индуисском искусстве он всегда изображается обвитый змеями с раскрытыми капюшонами и с Луной в волосах, находящейся в новой фазе. Это – древняя эмблема совершенной мудрости и преодоления зла. На его лбу находится всевидящий (третий) глаз.

Идеал бескорыстного служения всему человечеству и отрешение от личных уз и амбиций приводит многих свами к необходимости активного участия в гуманитарной и учебной деятельности в Индии, а иной раз и в иных странах. Отбрасывая все предубеждения кастовости, вероучений, цвета кожи, пола или расы, свами следуют заповедям человеческого братства. Его цель – полное единство с Духом. Наполняя свое бодрствующее и спящее сознание мыслью «я – Он», он удовлетворенно странствует по миру, но не от мира. Только так он может оправдать титул свами, то есть того, кто стремится достичь единения со *Сва* , или *Я* .

Шри Юктешвар был и свами, и йог. Свами, формально будучи монахом благодаря связи с древним орденом, не всегда является йогом. Всякий, кто практикует какую-либо научную технику контакта с Богом, – йог. Он может быть женат или не женат, может быть мирским человеком или членом формальных религиозных объединений.

Свами может выбрать следование по пути лишь холодного рассудка, сурового отречения, йог же включает себя в определенный постепенный процесс, благодаря которому его тело и разум дисциплинируется, а душа освобождается. Не принимая ничего как само собой разумеющееся на основании эмоций или на веру, йог практикует ряд тщательно проверенных упражнений, впервые сформулированных древними риши. Йога во всей истории Индии создавала людей, становящихся подлинно свободными, истинно Христоподобными.

Как и всякая иная наука, йога применима для людей любого климата и времени. Теория, выдвинутая некоторыми невежественными писателями, будто йога «не подходит» жителям Запада, абсолютно ложна и, к сожалению, отпугнула многих искренне интересующихся от поиска ее многообразных благ.

Йога – это метод сдерживания природного буйства мыслей, препятствующих проблеску подлинной духовной сущности у всех людей всех стран без различия. Йога не знает разницы между людьми Востока и Запада, так же как медицина и беспристрастный свет солнца. До тех пор пока существует человек с его беспокойными мыслями и умом, потребность в йоге или контроле будет неизбежной.

Риши Патанджали, живший в древности[184], определяет йогу как «контроль над вибрациями вещества ума»[185]. Его очень краткие и мастерские изложения – *Йога-сутра* – составляют одну из шести систем индийской философии[186]. В отличие от философии Запада все шесть индийских систем включают в себя не только теоретические, но и практические учения. Помимо всевозможных онтологических исследований эти шесть систем формируют шесть определенных дисциплин, направленных на окончательное устранение страдание и достижение бесконечного блаженства.

Поздние *Упанишады* из шести систем выделяют *Йога-сутру* как содержащую самые эффективные методы для достижения прямого восприятия Истины. Благодаря практическим техническим приемам человек навсегда оставляет за собой бесплодную сферу теоретизирования и на опыте познает Истинную Сущность.

Йоговская система Патанджали известна как восьмеричный путь[187]. Первые степени: 1. *Яма* – требует соблюдения десяти основ нравственности, 2. *Нияма* – требует чистоты тела и ума, удовлетворенности любыми условиями, самодисциплины, самосозерцания и преданности Богу и учителю.

Следующие ступени: 3. *Асана* (правильная поза) – позвоночник следует держать прямо, а тело прочно в удобном для медитации положении, 4. *Пранаяма* (контроль над праной) и 5. *Пратьяхара* (отвлечение чувств от внешних объектов).

Последние ступени истинной йоги: 6. *Дхарана* (сосредоточение), удержание ума на одной мысли, 7. *Дхьяна* (медитация) и 8. *Самадхи* (сверхсознательное восприятие). Это восьмеричный путь йоги, ведущий к конечной цели – достижения *Кайвальи* (Безусловность, Неограниченность) – когда йог осознает Истину за пределами восприятия ума.

Возможен вопрос: «Кто же выше – свами или йог?» – Если достигнуто конечное единство с Богом, различия разных путей пропадают. Однако *Бхагавадгита* отмечает, что метод йоги универсален. Ее технические приемы не предназначаются лишь для конкретных типов темпераментов, как те немногие люди, которые склонны к монашеской жизни; йога не требует никакой формальной лояльности. Поскольку йоговская наука удовлетворяет

184 [7]. Время жизни Шримат Патанджали неизвестно, хотя многие ученые относят его к II веку до Р.Х. Риши создавали труды, касающиеся всех вопросов бытия, с таким глубоким пониманием, что прошли эпохи, а они не устарели; но, к ужасу историков, авторы не приложили никаких усилий для того, чтобы снабдить свои труды датами жизни и личными характеристиками. Они знали, что их жизнь имела лишь временное значение как мгновения великой бесконечной Жизни и что Истина вневременна. Не возможно ни подвести итоги, ни добавить ничего личного от самих себя.

185 [8]. *Читта вриттиниродха* – *Йога-сутра* 1.2, – можно перевести как «прекращение процессов преобразования в веществе ума». *Читта* – вещество ума, обозначает принцип мышления, в который включены праническая жизненная сила, манас (ум, или чувственное сознание), *ахамкара* и *буддхи* (интуитивное сознание). *Вритти* (буквально – водоворот) – движение волн мыслей и эмоций, непрерывно следующих друг за другом в сознании человека. *Ниродха* – нейтрализация, успокоение, контроль.

186 [9]. Шесть ортодоксальных, основанных на *Ведах* , систем – это *Санкхья, Йога, Веданта, Мимамса, Ньяйя и Вайшешика* . Читателям доставит удовольствие утонченность и масштабность этих древних доктрин, суммированных на английском языке в *Истории индийской философии* , т.1 профессором Сурендранатом Дасгуптой (издание Кембриджского университета).

187 [10]. Не путать с «Благородным Восьмеричным Путем» буддизма – руководством к поведению человека в жизни через следующие средства: 1. Правильный идеал, 2. Правильный мотив, 3. Правильная речь, 4. Правильное действие, 5. Правильный образ жизни, 6. Правильное усилие, 7. Правильное воспоминание (себя) или осознание и 8. Правильная реализация – *самадхи* .

универсальным нуждам, то, разумеется, она обладает естественной всеобъемлющей привлекательностью.

Истинный йог может, покоряясь долгу, оставаться в миру; там он подобен маслу на воде, а не легко разбавляемому молоку, подобно недисциплинированному человечеству. Выполнение земных обязанностей не требует отделения человека от Бога при условии что он сохраняет ментальную непривязанность к себялюбивым желаниям и играет свою роль как добровольный инструмент божественного.

Существует множество великих людей, живущих ныне в американских, европейских или иных неиндийских телах, которые, возможно, никогда не слышали слов *йог* и *свами* , но являются тем не менее настоящими примерами этих понятий. Благодаря либо бескорыстному служению человечеству, либо преданной любви к Богу, либо огромной силе сосредоточения они в определенном смысле являются йогами, ибо поставили перед собой ту же цель, что и йог, – самоконтроль. Эти люди могли бы подняться еще выше, если бы их обучить конкретной йоге, делающей возможным более сознательное направление разума и жизни.

Многие писатели Запада неверно интерпретируют йогу, никогда не занимаясь ею практически. Среди тех, кто отдал дань глубокого уважения йоге, можно упомянуть известного швейцарского психолога доктора К.Г.Юнга[188].

"Когда религиозный метод рекомендуется как научный, на Западе он обязательно получит аудиторию. Йога оправдывает такие ожидания, – пишет доктор Юнг. – Помимо обаяния и очарования полупонятного, нового йога имеет основу для многих приверженцев. Она предлагает возможность поддающегося контролю опыта и таким образом удовлетворяет научную потребность в «фактах». Кроме того, вследствие своей широты и глубины, почтенного возраста, учения и метода, включающего все фазы жизни, она рисует перспективы, не снившиеся и во сне...

Любое занятие религией или философией подразумевает психологическую дисциплину, то есть метод гигиены ума. Разнообразные чисто физические упражнения в йоге[189] имеют в виду также физиологическую гигиену, которая выше обычной гимнастики и обычных дыхательных упражнений, поскольку она является не просто механической или научной, но и философской. Тренируя разные части тела, она объединяет их со всем духовным целым, как это явствует, к примеру, из упражнений *пранаямы* , где *прана* – это и дыхание, и универсальная движущая сила космоса...

Занятие йогой... было бы бесплодно без тех идей, на которых она базируется. Она сочетает телесное с духовным необычайно полным образом...

Я вполне в состоянии поверить, что на Востоке, где развились эти идеи и упражнения и где за несколько тысячелетий непрерываемая традиция создала необходимый духовный базис, йога является совершенным и подходящим методом сплавления тела с умом так, что они становятся едины, и это вряд ли подлежит сомнению. Это единство создает психологическое расположение, делающее возможным достижение такой интуиции, которое выходит за переделы сознания...

Поистине близок тот день, когда на Западе науку внутреннего самоконтроля найдут столь же необходимой, как и внешнее покорение природы. Наш новый атомный век еще увидит, как отрезвится и расширится человеческий разум от неоспоримой ныне научной истины, что материя – это в действительности сгусток энергии. Человеческий разум может и должен освободить свои внутренние энергии, значительно более великие, чем те, что

---

188 [11]. Доктор Юнг присутствовал в 1937 г. на Конгрессе индийской науки и получил почетную ученую степень от Калькуттского университета.

189 [12]. Здесь доктор Юнг касается *хатха йоги* – специализированной ветви технических приемов и поз тела, цель которых – здоровье и долголетие. *Хатха йога* полезна и приводит к эффективным физическим результатам, но эта ветвь йоги мало используется йогами, склонными к духовному освобождению.

находятся в камнях и металлах, чтобы ныне отпущенный с привязи материальный атомный гигант не обратился к миру с бессмысленным разрушением. Одним косвенным благом от озабоченности человечества атомным оружием, вероятно, является рост практического интереса к науке йоги[190], – поистине являющейся «бомбоубежищем».

Глава 25. Брат Ананта и сестра Налини

«Ананта не жилец, время его кармы в этой жизни истекло». Эти безжалостные слова достигли моего внутреннего сознания, когда однажды утром я сидел в глубокой медитации. Вскоре после вступления в Орден Свами я посетил место своего рождения Горакхпур в качестве гостя старшего брата Ананты. Внезапная болезнь приковала его к постели, и я с любовью ухаживал за ним.

Мрачное внутреннее заявление наполнило меня печалью. Я почувствовал, что больше не могу оставаться в Горакхпуре только для того, чтобы увидеть, как на моих глазах умирает брат, а я ничем не могу помочь. При весьма критическом отношении ничего не понимающих родственников я оставил Индию с первым попавшимся судном, совершавшим круиз вдоль берегов Бирмы и по Китайскому морю в Японию. Я остановился всего на несколько дней в Кобе. На сердце было слишком тяжело, чтобы заниматься осмотром достопримечательностей.

На обратном пути в Индию судно зашло в Шанхай. Там корабельный врач доктор Мишра провел меня по нескольким антикварным лавкам, где я выбрал разные подарки для Шри Юктешвара, своей семьи и друзей. Для Ананты приобрел большой сувенир из резного бамбука. Едва китаец подал его мне, как я выронил сувенир на пол, воскликнув: «Я купил это для моего дорогого умершего брата!»

Меня охватило какое-то ясное сознание, что его душа только что освободилась, уйдя в Бесконечность. Палка при падении символично резко треснула, и я со слезами написал на бамбуке: «Для моего любимого Ананты, ныне отошедшего».

Мой спутник, доктор Мишра, наблюдал происходящее с сардонической усмешкой.

– Сдержите слезы, – заметил он. – Зачем их лить, прежде чем вы не убедились, что он

190 [13]. Много несведущих людей говорят о йоге как о *хатха йоге* или рассматривают ее как науку «волшебства», темных, таинственных ритуалов с целью достижения необычайных сил. Когда ученые, однако, говорят о йоге, они имеют в виду систему, развитую в *Йога-сутре* , то есть *раджа* (царскую) *йогу* . Этот трактат заключает в себе философские концепции такого величия, что они вдохновили на комментарии многих величайших мыслителей Индии, включая просвещенного учителя Садашивендру (см. сноску в главе 41).

Как пять других обычных (основанных на *Ведах*) философских систем, *Йога-сутра* рассматривает «волшебство» моральной чистоты («десять заповедей» *ямы* и *ниямы*) как обязательную подготовку для серьезного философского исследования. Требовательность к себе, на которой не настаивают на Западе, дала длительную жизнеспособность шести индийским дисциплинам. Космический порядок (*рита*), поддерживающий вселенную, не отличается от морального порядка, управляющего судьбой человека. Тот, кто не желает соблюдать моральные правила вселенной, не намерен серьезно добиваться истины.

В третьем разделе *Йога-сутры* упоминается о различных чудесных силах йоги (*вибхути* и *сиддхах*). Истинное знание – это всегда сила. Тропа йоги делится на четыре этапа, каждый с выражением своей *вибхути* . Достигая определенной силы, йог знает, что он успешно прошел испытание одного из четырех этапов. Проявления характерных сил и есть доказательство научной структуры системы йоги, в которой запрещено иллюзорное воображение о чьем-либо «духовном прогрессе», но требуются доказательства.

Патанджали предупреждает, что целью посвященного должно быть только единство с духом, а не овладение *вибхути* , являющимся случайными цветами на священной тропе. Пусть ищут Того, Кто вечно дарует, а не Его феноменальных подарков! Бог не обнаружит Себя тому, кто удовлетворится достижением меньшего. Поэтому, чтобы не вызвать ложную гордость и не отвлечься от вступления в конечное состояние *кайвальи* , стремящиеся йоги осторожны в применении феноменальных сил.

Когда йог достиг Конечной Цели, он использует *вибхути* или воздерживается от их применения – как ему хочется. Тогда все его действия, чудесные или нет, выполняются без вовлечения кармы. Железные опилки кармы притягиваются только тогда, когда все еще существует магнит личного эго.

действительно умер?

Когда наше судно прибыло в Калькутту, рядом вновь был доктор Мишра. На пристани меня встретил младший брат Бишну.

– Я знаю, что Ананта ушел из этой жизни, – сказал я Бишну прежде, чем тот заговорил. – Скажи, пожалуйста, нам с доктором, когда это случилось?

Бишну назвал ту самую дату, когда я покупал в Шанхае сувениры.

– Вот это да! – воскликнул доктор Мишра. – Что можно сказать по этому поводу? Профессора должны добавить к медицинскому курсу, который и так уже довольно велик, годичный курс по изучению телепатии!

Когда я вошел в наш дом, отец тепло обнял меня.

– Ты приехал, – сказал он нежно. Две крупных слезы катились по его лицу. Обычно сдержанный, он никогда не проявлял ко мне таких знаков привязанности. Внешне суровый, внутренне он был мягкосердечен, как мать. В семейных отношениях он соединял в себе и отца, и мать.

Вскоре после смерти Ананты моя младшая сестра Налини, исцелившись божественным образом, была возвращена от врат смерти. Прежде чем рассказать эту историю, я немного коснусь некоторых предшествующих эпизодов ее жизни.

В детстве наши взаимоотношения с Налини были не из лучших. Я был очень худ, она еще худее. По какому-то неосознанному побуждению, которое психиатрам нетрудно будет распознать, я частенько дразнил сестру, называя ходячим скелетом. Ее резкие ответы были тоже проникнуты черствой прямотой раннего детства. Иногда вмешивалась мать: легким шлепком мне по уху, как старшему, она на время прекращала ссору.

Прошло время, Налини была помолвлена с молодым калькуттским врачом Панчаноном Босом. Тщательно разработанные брачные церемонии были совершены в надлежащее время. В свадебную ночь я присоединился к большой веселой компании родственников в гостиной нашего калькуттского дома. Жених, расположившись рядом с Налини, опирался на огромную златопарчовую подушку. Увы! Пышное из пурпурного шелка *сари* не могло скрыть ее угловатости. Прикрывшись подушкой, я подбадривающе улыбнулся новому зятю. До дня брачной церемонии он никогда не видел Налини и, наконец, узнал, что получает в брачной лотерее.

Уловив мое сочувствие, доктор Бос незаметно указал на Налини и шепнул мне на ухо:

– Скажи-ка, что это такое?

– О, доктор, – ответил я, – это вам скелет для изучения! – Мы с зятем скорчились от смеха, с трудом сохраняя должное приличие пред собравшимися родственниками.

С годами доктор Бос полюбился нашей семье. При любой болезни все обращались к нему. Мы стали верными друзьями и часто вместе шутили. Обычно в качестве мишени была Налини.

– Это какой-то замысловатый медицинский курьез, – однажды заметил зять. – На твоей тощей сестре я перепробовал все: рыбий жир, масло, солод, рыбу, яйца, мясо, тонизирующие средства. А она не поправилась и на сотую долю дюйма. – Мы оба расхохотались.

Через несколько дней я зашел к Босу домой. Дело, приведшее меня, заняло всего около пяти минут, после чего я собрался уйти, и, как казалось, Налини меня не заметила. Дойдя до входной двери, я услышал ее мягкий, но повелительный голос:

– Пойди сюда, брат. Не думай сбежать от меня на сей раз. Я хочу с тобой поговорить

Я поднялся в ее комнату. К моему удивлению, она была в слезах.

– Милый брат, – сказала она, – давай оставим старые ссоры. Я хочу стать такой, как ты, во всех отношениях. – И с надеждой добавила: – Ты теперь выглядишь крепким, помоги мне, пожалуйста. Муж ко мне не подходит, а я его так люблю. Более того, даже если я останусь худой[[191]] и непривлекательной, все равно жажду прогресса в богопознании.

---

191 [1]. Так как в Индии большинство людей худы, разумная полнота считается весьма желательной.

Просьба ее глубоко тронула мое сердце. Наша новая дружба неуклонно крепла, однажды она попросила меня принять ее в ученицы.

– Обучи меня, как тебе нравится. Я перелагаю свою надежду с тонизирующих средств на Бога. – Она собрала все лекарства и вылила их в канализацию.

Чтобы испытать ее веру, я потребовал исключить из пищи всяческое мясо, рыбу и яйца. Несмотря на значительные трудности, спустя несколько месяцев, в течение которых Налини строго придерживалась множества различных предписаний, намечаемых мной, соблюдая вегетарианскую диету, я зашел к ней.

– Сестренка, ты добросовестна в соблюдении духовных предписаний, а поэтому время твоего вознаграждения близится, – я озорно улыбнулся. – Сколь полной тебе хочется быть, – как наша тетка, что много лет не видит своих ног?

– Нет! Я хочу быть такой, как ты.

– Милостью Божией, поскольку я всегда говорил правду, и теперь скажу истинно[[192]]. С Божьего благословения тело твое с этого дня начнет изменяться, за месяц оно обретет тот же вес, что и у меня, – торжественно сказал я.

Эти слова, сказанные от всего сердца, сбылись. Через тридцать дней вес Налини сравнялся с моим. Новая округлость была прелестной, и муж влюбился в нее по уши. Их брак, начавшийся так неблагоприятно, обернулся идеальным благополучием.

По возвращении из Японии я узнал, что в мое отсутствие Налини заболела брюшным тифом. Кинувшись к ней, я был поражен, найдя ее высохшей, подобно скелету. Она была в бреду.

– Пока ее разум не помутился от болезни, – рассказал мне зять, – она часто говорила: «Если бы здесь был брат Мукунда, со мной бы этого не случилось». – И в отчаянии добавил: – Врачи и я сам не видим никакой надежды. Длительное тифозное состояние осложнилось кровавым поносом.

Я начал сотрясать небо и землю своими молитвами. Наняв в сиделки одну женщину, наполовину англичанку, наполовину индианку, которая действовала в полном согласии со мной, я применил к сестре разные йоговские методы лечения. Кровавый понос прекратился.

Но доктор Бос, лишь мрачно покачав головой, сказал, что у нее просто больше нет крови, чтобы ее терять.

– Она поправится! – твердо возразил я. – Через семь дней ее тиф пройдет.

Через неделю я с трепетом увидел, что Налини открыла глаза и взглянула на меня нежным взглядом, по которому видно было, что она меня узнала. С того дня она быстро поправлялась. Хотя ее обычный вес и восстановился, но на ней запечатлелся грустный отпечаток почти роковой болезни – у нее были парализованы ноги. Индийские и английские специалисты признали ее безнадежной калекой.

Непрерывная борьба за ее жизнь, которую я вел своими молитвами, истощила меня. Я отправился в Серампур просить помощи у Шри Юктешвара. После моего рассказа о состоянии Налини в его глазах отразилась глубокая радость.

– Ноги твоей сестры станут нормальными через месяц. – И добавил: – Пусть она носит на руке браслет с непросверленным жемчугом в два карата на ремешке.

Я простерся у его стоп с чувством радостного облегчения:

---

192 [2]. В индийских Писаниях сказано, что те, кто обычно говорит правду, развивают силу материализации своих слов. Какое бы указание они не произнесли от всего сердца, оно претворится в жизнь (*Йога-сутра* 2.36). Так как миры строятся на истине, все Священные Писания превозносят ее как добродетель, с ее помощью любой человек может привести свою жизнь в гармонию с Бесконечностью. Махатма Ганди часто говорил: «Истина – это Бог», всю свою жизнь он стремился к совершенной истине в мыслях, словах и поступках. В течение веков идеал *сатья* (истина) проникал в индийское общество. Марко Поло рассказывает, что *брахманы* «не произнесли бы ложь ни за что на свете». Английский судья в Индии, Вильям Шлимман, говорит в своем *Путешествии через Аудх* в 1849-1850 гг.: «Передо мной были сотни случаев, в которых собственность, свобода или даже жизнь человека зависели от того, чтобы он солгал, но он отказывался лгать».

– Господин, вы же учитель, достаточно и слова, что она поправится. Но если вы настаиваете, я немедленно достану жемчуг.

– Да, сделай это, – кивнул он и перешел к точному описанию физических и психических черт Налини, которой никогда не видел.

– Учитель, – спросил я, – разве это астрологический анализ? Вам же не известен ни день, ни час ее рождения.

Шри Юктешвар улыбнулся:

– Существует более глубокая астрология, независимая от показаний календарей и часов. Всякий человек является частью Творца, или Человека Космического, он обладает небесным телом, равно как земным. Глаз человеческий видит физическую форму, но внутреннее око проникает значительно глубже – до самой вселенской модели, интегральной и индивидуальной частью которой является человек.

Я вернулся в Калькутту и приобрел для Налини жемчуг[[193]]. Месяц спустя ее парализованные ноги полностью исцелились.

Сестра попросила меня передать моему гуру сердечную благодарность. Он молча выслушал переданное. Но когда я уходил, учитель сделал замечание полное смысла:

– Многие врачи говорили твоей сестре, что она никогда не сможет иметь детей. Убеди ее, что в течение нескольких лет она родит двух дочерей.

Через несколько лет Налини, к своей радости, родила девочку, за которой еще через несколько лет последовала другая.

Глава 26. Учение крия-йоги

Учение *крия-йога* , столь часто здесь упоминаемое, стало широко известно в современной Индии через посредство Лахири Махасая – гуру моего гуру. Санскритский глагольный корень *крия – кри* – делать, действовать и реагировать – тот же, что в слове *карма* – природном принципе причин и следствий. *Крия-йога* , таким образом, – это "единение (*йога*) с Бесконечным через определенный обряд или определенное действие (*крия*)". Йог, следующий с верой ее методу, постепенно освобождается от кармы, или универсальной цепи причинности.

Древние йоговские предписания не позволяют мне дать полное разъяснение *крия-йоги* на страницах данной книги, предназначенной широкой публики. Подлинной технике следует учиться у *криябана (крия-йога).* Здесь же достаточно указания в общих чертах.

Крия-йога – это простой психофизиологический метод, благодаря которому кровь человека освобождается от углекислоты и обогащается кислородом. Атомы этого избыточного количества кислорода преобразуются в жизненный ток, что омолаживает мозг и спинальные центры. Тормозя процесс образования венозной крови, йог в состоянии затормозить или предотвратить разложение тканей. Развитый йог преобразует свои клетки в чистую энергию. Илия, Иисус, Кабир и другие пророки в прошлом были мастерами в

193 [3]. Жемчуг и другие драгоценности, так же как металлы и растения, прикладывали прямо на кожу человека, как бы намагничивая физические клетки. Организм человека содержит углерод и различные металлические элементы, которые присутствуют также в растениях, несомненно, получат когда-нибудь подтверждение физиологов. Чувствительный организм человека с его электрическими жизненными токами является центром многих еще не исследованных тайн.

Хотя драгоценности и металлические браслеты имеют лечебное значение для организма, Шри Юктешвар рекомендовал их еще по одной причине. Учителя никогда не хотят представать великими целителями. «Лишь один Бог – целитель». Поэтому святые часто маскируют силы, смиренно полученные ими от Бога. Человек обычно верит в реальное, люди приходившие за исцелением к гуру, получали совет носить браслет или драгоценный камень, чтобы вызвать веру, а также отвлечь внимание от себя. Браслеты и драгоценные камни, помимо присущих им электромагнитных исцеляющих сил, также обладали скрытым духовным благословением учителя.

применении крии или какого-то сходного метода, благодаря которому они по своей воле заставляли свое тело материализоваться и дематериализоваться.

Крия – древнее учение. Лахири Махасая получил его от своего гуру – Бабаджи, вновь открывшего и очистившего эту технику после того, как ее утратили в темные века. Бабаджи назвал ее заново просто *крия-йога* .

"*Крия-йога* , которую я даю миру через тебя в этом, девятнадцатом, веке, – сказал Бабаджи Лахири Махасая, – это возрождение того же учения, что тысячелетия назад дал Кришна Арджуне, оно же позже было известно Патанджали и Христу с Его учениками".

Крия-йога дважды упоминается величайшим пророком Индии Господом Кришной в *Бхавагадгите* . Одна строфа гласит:

Можно жертвовать в пране апану
иль, напротив, в апане – прану:
так, дыханий пути преграждая,
пранаяму аскеты свершают [194].

Комментарий этой строфы таков: йог задерживает разложение своего тела пополнением *праны* (жизненной силы), а отрицательные изменения в теле сдерживаются *апаной* (выделение), то есть, нейтрализуя разложение и развитие благодаря успокоению сердца, йог научается контролировать жизненные процессы.

Другая строфа *Гиты* :

Отвратившись от внешних предметов,
меж бровями свой взор уставив,
уравняв внутри носа дыханья,
что зовутся апана и прана ,
кто без страсти, без страха, без злобы,
обуздавший мысль, чувства и сердце,
устремленный лишь к освобожденью,
– тот молчальник всегда свободен [195].

В другой строфе *Бхагавадгиты* Кришна также рассказывает[196], что это Он Сам в одной из Своих предыдущих инкарнаций передал непреходящую йогу древнему просветленному, Вивасвату – Вивасват сообщил ее великому законодателю Индии Ману[197]. Мудрый Ману передал эту великую технику Икшваку, основателю индийской династии солнечных воинов. Переходя таким образом от одного к другому, царственная йога хранилась мудрецами – *риши* до наступления эпохи материализма[198]. Затем из-за

194 [1]. *Бхагавадгита* 4.29.

195 [2]. *Бхагавадгита* 5.27-28. Для дальнейшего понимания науки дыхания см. главу 49.

196 [3]. *Бхагавадгита* 4.1-2.

197 [4]. Величайшим хранилищем индусских законов являются *Манава Дхарма Шастры* , известные на Западе как *Законы Ману* . Ману – родовое имя, произошедшее от санскритского глагольного корня *ман* – думать. Это имя используется в Священных Писаниях индусов, дабы указать ряд прародителей человеческой расы, где каждый Ману правит землей в течение одного *Манвантара* равного 1.728.000 годам. Ману настоящего периода – седьмой; он и является автором *Манава Дхарма Шастр* . Эти установки канонизированного всеобщего закона основаны на вневременных нравственных принципах. Их соблюдение необходимо для блага общества в любой период, и они действуют в Индии по сей день.

198 [5]. Началом эпохи материализма, по подсчетам индийских Писаний, был 3102 г. до Р.Х. Эта дата являлась началом последней нисходящей двапара юги равноденственного цикла, а также *кали юги* вселенского цикла (см. главу 16 и сноску к главе 16).Большинство антропологов, считающих, что десять тысяч лет назад

скрытности жрецов и безразличия остальной части человечества священные знания постепенно стали недоступными.

Крия-йога дважды упоминается выдающимся толкователем йоги мудрецом древности Патанджали, писавшем: "*Крия-йога* состоит в дисциплинировании тела, контроле над умом и медитации на *Аум* "[199]. Патанджали говорит о Боге как о действительном Космическом Звуке Аум, слышимом в медитации[200]. Аум – это Творческое Слово, Звук Вибраторного Мотора, Свидетель[201] божественного присутствия. Даже начинающий йог может вскоре услышать чудесный звук *Аум* . Получая это блаженное духовное поощрение, поклоняющийся обретает полную уверенность, что находится в действительном контакте с божественными сферами.

Второй раз Патанджали упоминает о контроле над жизненной силой или технике *крия-йоги* таким образом: «Освобождения можно достичь той пранаямой, что приобретается разделением процесса вдоха и выдоха»[202].

Святой Павел знал *крия-йогу* или очень сходный метод, благодаря чему был в состоянии подключать жизненные токи к чувствам и отключать их. Поэтому он и мог сказать: «Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем»[203]. Направляя всю жизненную силу тела внутрь (обычно направленную вовне, на чувственный мир, придавая ему, таким образом, его кажущуюся прочность), святой Павел ежедневно испытывал подлинное йоговское единение с «радостью» (блаженством) сознания Христа. В этом счастливом состоянии он отчетливо сознавал себя «мертвым» или свободным от чувственных иллюзий мира *майи* .

В начальных состояниях контакта с Богом – *сабикальпа* самадхи сознание преданного сливается с Космическим Духом, его жизненная сила извлекается из тела, кажущегося мертвым, то есть недвижным, застывшим. Йог вполне сознает состояние приостановленной живости тела. Когда же он прогрессирует до более высоких духовных состояний – *нирвакальпа самадхи* , то получает возможность общаться с Богом безо всякой фиксации тела и в своем обычном бодрствующем сознании даже среди изнуряющих мирских обязанностей[204].

человечество жило в варварском каменном веке, в общем гонят от себя как «мифы» широко распространенные традиции очень древних цивилизаций в Лемурии, Атлантиде, Индии, Китае, Японии, Египте, Мексике и многих других землях.

199 [6]. *Иога-сутра* 2.1. Под словами *крия-йога* Патанджали имеет в виду либо точно тот же метод, которому учил и Бабаджи, либо весьма схожий. То, что Патанджали упоминает конкретную технику контроля над жизненной силой, подтверждается его афоризмом из *Йога-сутры* 2.49 (приведенным далее).

200 [7]. *Йога-сутра* 1.27.

201 [8]. «... Так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия» – *Откровение* 3.14. "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него (слово или *Аум*) начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть". – *От Иоанна* 1.1-3. *Аум Вед* стал священным словом *Амен* мусульман, *Хум* тибетцев и *Аминь* египтян, греков, римлян, евреев и христиан – переводится с иврита как *несомненно, верно* .

202 [9]. *Йога-сутра* 2.49.

203 [10]. 1.*Коринфянам* 15.31. «Радость наша» – буквальный перевод, а не как обычно переводится – «ваша радость». Святой Павел говорит о *вездесущности* сознания Христа. – *Примечание автора* .

Буквальный перевод с английского соответствующего места Евангелия не «похвалою вашею», как в русскоязычном варианте, а «ваша радость, блаженство». Парамаханса Йогананда имеет в виду то, что в соответствии с Писаниями это место должно переводиться как «радость наша». – *Примечание российского издателя* .

204 [11]. Санскритское слово *бикальпа* значит «разница», «неидентичность». *Сабикальпа* – это состояние *самадхи* с «разницей», *нирвикальпа* – состояние «без разницы». То есть в состоянии *сабикальпа самадхи*

"*Крия-йога* – это инструмент, благодаря которому может быть ускорена эволюция человека, – объяснял ученикам Шри Юктешвар. – Йоги древности открыли, что секрет Космического Сознания тесно связан с господством над дыханием. Это уникальный и бессмертный вклад Индии в сокровищницу мирового знания. Жизненная сила, обычно занятая поддержанием деятельности сердца, может быть освобождена для более высоких видов деятельности методом успокоения и остановки непрестанной потребности в дыхании".

Крия-йог мысленно направляет движение жизненной энергии вверх и вниз вокруг шести спинальных центров (мозговое, затылочное, грудное, поясничное, крестцовое и копчиковое сплетения), соответствующих двенадцати астральным знакам зодиака – символическому Космическому Человеку. Полминуты обращения энергии вокруг чувствительного спинного мозга человека вызывают тонкий прогресс в его эволюции; полминуты крия равны году естественного духовного развития.

Астральная система человека с шестью (двенадцать по полярности) внутренними созвездиями, обращающимися вокруг солнца всеведущего духовного ока, связана с физическим солнцем и двенадцатью знаками зодиака. Так на всех людей действует внутренняя и внешняя вселенная. Древние риши открыли, что земная и небесная сфера человека двенадцатилетними циклами толкают его вперед на его естественный путь. Писания утверждают, что человеку требуется миллион лет нормальной безболезненной эволюции, чтобы, усовершенствовав мозг, достичь Космического Сознания.

Тысяча *крия* , выполняемых в течение восьми с половиной часов, дают йогу за день эквивалент тысячи лет естественной эволюции, или 365.000 лет эволюции за один год. Таким образом за три года *крия-йог* может достичь собственным разумным усилием того же результата, который природа дает только через миллион лет. Конечно, ускорением *крией* могут пользоваться только такие йоги, которые с помощью гуру тщательно приготовили тело и мозг для того, чтобы выдержать силу, порождаемую интенсивной практикой.

Начинающий заниматься *крией* делает от 14 до 28 йоговских упражнений два раза в день. Многие йоги достигают освобождения через 6, 12, 24 или 48 лет. Если йог умирает раньше достижения полной самореализации, то он уносит с собой хорошую карму прежних усилий в *крия-йоге* , и в последующей жизни он естественно устремляется к своей Бесконечной Цели.

Тело обычного человека подобно лампочке в пятьдесят ватт, которая не способна выдержать мощность в миллион ватт, пробужденную постоянной практикой *крия* . Благодаря постепенному и регулярному наращиванию простых и всем понятных методов крия тело человека день за днем астрально преобразуется и становится, наконец, готовым для проявления бесконечных потенций космической энергии, составляющей первое материально активное пророждение Духа.

Крия-йога не имеет ничего общего с ненаучными дыхательными упражнениями, преподаваемыми многими введенными в заблуждение фанатиками. Попытки насильственно удержать дыхание в легких не только неестественны, но и явно неприятны. *Крия* же, напротив, с самого начала сопровождается ощущением покоя и ощущением эффекта восстановления в позвоночнике.

Древняя йоговская техника преобразует дыхание в вещество мысли. Путем духовного развития можно познать дыхание как ментальную концепцию действия ума: воображаемое дыхание.

Можно привести множество примеров математической связи между скоростью дыхания человека и изменениями в состоянии его сознания. Человек, все внимание которого поглощено интеллектуальной беседой или осуществлением какого-нибудь искусного или трудного дела, автоматически дышит очень медленно. Устойчивость внимания зависит от

посвященный все еще сохраняет некоторую отделенность от Бога, в *нирвакальпа* самадхи он полностью осознает свою идентичность как Духа.

скорости дыхания, быстрое или неровное дыхание неминуемо сопровождается вредными эмоциональными состояниями страха, страсти, гнева. Беспокойная обезьяна дышит со скоростью тридцать два раза в минуту в отличие от человека, скорость дыхания которого в среднем восемнадцать раз. Слон, крокодил, черепаха, змея и другие животные, известные своей долгой жизнью, отличаются меньшей скоростью дыхания, чем у человека. Гигантская черепаха, например, доживающая до трехсот лет, дышит лишь четыре раза в минуту.

Омолаживающий эффект сна связан с временным неосознаванием человеком тела и дыхания. Спящий как бы становится йогом, каждую ночь он бессознательно выполняет йоговский ритуал освобождения себя от отождествления с телом и поглощается потоками жизненной силы, исцеляющей главные области головного мозга и шесть «субдинамо» спинальных центров. Таким образом, спящий, сам того не ведая, подзаряжается космической энергией, поддерживающей его всю жизнь.

Подлинный же йог осуществляет этот простой, естественный процесс сознательно, а не бессознательно, как медленно дышащий спящий человек. *Крия-йог* пользуется своей техникой, чтобы пропитать и насытить все физические клетки нетленным светом, поддерживая их таким образом, в духовно намагниченном состоянии. Научным образом (в часы занятий) он делает дыхание ненужным и при этом не входит в негативные состояния сна, бессознательности или смерти.

У людей, живущих под властью *майи* или природы, поток жизненной энергии направлен к внешнему миру; она расходуется напрасно и неправильно употребляется чувственной сферой. Практика *крии* меняет направление потока; жизненная сила ментально направляется во внутренний космос и воссоединяется с тонкими спинальными энергиями. От такой подпитки клетки тела и мозга йога обновляются духовным эликсиром.

При помощи надлежащего питания, солнечного света и гармоничного мышления человек, которого по жизни ведет только лишь природа с ее божественным планом, достигает самореализации только через миллион лет. Напротив, чтобы произвести хотя бы незначительное очищение в структуре мозга нужно двенадцать лет нормального здорового образа жизни; потребуется миллион оборотов солнца, чтобы очистить обитель мозга в достаточной степени для проявления Космического сознания. Однако *крия-йог*, используя духовную науку, освобождает себя от необходимости внимательного наблюдения и тщательного соблюдения законов природы в течение длительного времени.

Развязывая шнур дыхания, накрепко привязывающий душу к телу, *крия* служит для продления жизни и расширения сознания до бесконечности. Йоговский метод преодолевает бесконечное перетягивание каната между умом и чувствами, привязанными к материи, и освобождает стремящегося, дабы он вновь унаследовал Вечное Царство. Тогда он знает, что его истинная природа не ограничена ни физическим телом, ни дыханием – символом порабощения смертного человека воздухом, принуждением стихийной природы[205].

Над смертью властвуй в жизни быстротечной.
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно [206].

Интроспекция, или «сидение в молчании», – это ненаучный метод, попытки насильно

---

205 [12]. «Последний же враг истребится – смерть». – *1.Коринфянам* 15.26. Тот факт, что тело Парамахансы Йогананды не разлагалось после смерти, доказывал, что он совершенный *крия-йог* (см. конец главы 49 «Йог после смерти, как при жизни»). Однако не все великие учителя демонстрируют нетленность тела после смерти (см. сноску к главе 33). Такие чудеса происходят, как говорят нам индийские Писания, только ради какой-то особой цели. В случае Парамахансаджи особой целью, несомненно, было убедить Запад в ценности йоги. Бабаджи и Шри Юктешвар дали распоряжение Йоганандаджи служить Западу. Парамахансаджи выполнил то, что ему доверили, как при жизни, так и в смерти. – *Примечание американского издателя*.

206 [13]. Шекспир, *Сонет* 146.

разъединить разум и чувство, связанные вместе жизненной силой. Созерцательный ум, пытающийся вновь вернуться к божественности, постоянно оттягивается жизненными токами обратно к чувствам. *Крия* , управляющая умом, непосредственно через жизненную силу, есть легчайший, эффективнейший и самый научный путь приближения к Бесконечному. В отличие от медленных и ненадежных теологических путей «на волах» к Богу *крия-йогу* справедливо можно назвать перелетом на «самолете».

Йоговское учение базируется на эмпирическом учете всех видов упражнений в концентрации и медитации. Йога дает возможность последователю по своему желанию отключать жизненный ток от пяти «телефонных линий» чувств: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания или подключать его к этим «телефонам». Достигнув этой способности разъединяться с чувствами, йог находит простым по своей воле соединять ум с божественными сферами или с миром материи. Он более не уносится против своей воли жизненной силой обратно в земную сферу буйных чувств и беспокойных мыслей.

На жизнь развитого *крия-йога* оказывают влияние не следствия прошлых действий, но исключительно указания со стороны души. Таким образом, практикующий избегает медленных эволюционных контролеров хороших или дурных эгоистических действий обычной жизни – медлительных и подобных улитке с сердцем орла.

Высший метод духовной жизни освобождает йога, который, разбив оковы эго, ощущает глубокую атмосферу вездесущности. В отличие от этого рабство естественного образа жизни заключено в унизительной медлительности. Сообразуя жизнь лишь с порядком эволюции, человек не может требовать от природы никакой уступки в сторону ускорения; даже если бы он мог жить, не погрешая против законов физической и психической сущности, ему все же потребовалось бы около миллиона лет маскарада перевоплощений для того, чтобы познать конечное освобождение.

Телескопические методы йоги, освобождая от физических и умственных отождествлений в пользу индивидуальности души, таким образом, вручаются тем, кто с отвращением смотрит на тысячу тысяч лет. Этот круг цифр расширяется для обычного человека, не живущего в гармонии даже с природой, не говоря уже о душе, а следуя вместо этого всяким неестественным усложнениям, нарушая в своем теле и мыслях непорочный здравый смысл природы. Ему может не хватить для освобождения и двух миллионов лет.

Простой человек редко сознает или вовсе не сознает, что тело – это царство, управляемое душой-императором, находящийся на троне черепа с помощниками-регентами в шести центрах позвоночника или сфер сознания. Эта теократия распространяется на толпу послушных подданных – двадцать семь тысяч миллионов клеток, наделенным как бы автоматическим разумом, благодаря чему они выполняют все обязанности развития, изменения и гибели в теле, и пятьдесят миллионов бессознательных мыслей, эмоций и комбинаций чередующихся фаз в сознании человека в течение средней длительности жизни – шестьдесят лет.

Всякий кажущийся бунт в человеческом теле или мозге против души-императора, проявляющийся в виде болезни или неразумности, происходит не вследствие нелояльности среди смущенных субъектов, но вследствие злоупотребления человеком в прошлом или теперь индивидуальностью или свободной волей, данной ему одновременно с душой и вовеки не подлежащей отторжению.

Отождествляя себя с пустым эго, человек принимает как должное, что это именно он думает, желает, чувствует, переваривает пищу и поддерживает в себе жизнь, никогда не признавая в размышлениях (а их было бы достаточно очень немного), что в его обычной жизни он ничто, лишь марионетка прошлых действий (кармы) и природы или окружающей среды. Интеллектуальные реакции, чувства, настроения и привычки каждого человека – лишь следствия прошлых причин этой или предыдущей жизни. Однако его царственная душа выше таких влияний. Отвергая преходящие истины и свободы, *крия-йог* проходит за пределы всех разочарований в свою освобожденную Сущность. Писания говорят, что

человек – это не разлагающееся тело, а бессмертная душа. Благодаря *крия-йоге* ему дается точный метод доказательства этой истины.

"Внешние ритуалы не разрушают невежества, так как не вступают во взаимное противоречие, – писал Шанкара в его знаменитом "*Столетии стихов* «. – Лишь осознанное знание разрушает невежество. Знание не может возникнуть иначе чем путем исследования: кто я? как родилась эта вселенная? кто является ее творцом? какова ее материальная причина? К такому типу исследования обращаются». Интеллект не дает ответа на эти вопросы, поэтому риши развили йогу как метод духовного исследования.

Говоря о несомненной методической надежности йоги, Кришна следующим образом возносил хвалу йогу, знающему технику:

Превосходит йогин аскетов,
йогин выше, чем тот, кто знает (*Джняна йог*),
йогин выше, чем делатель жертвы (*Карма йог*);
устремляйся же к йоге, арджуна[207].

Крия-йога – это в действительности «ритуал огня», часто превозносимый в *Гите* . Йог бросает страстные желания в костер монотеизма, посвященный бесподобному Богу. Это действительно истинно йоговская церемония огня, в которой все прошлые и настоящие желания являются топливом, расходуемым божественной любовью. Высшее пламя принимает жертву всего человеческого безумия, и человек очищается от грязи. Его метафорические кости обнажены от жаждущей плоти, его кармический скелет очищен антисептическим солнцем мудрости. Безобидный перед человеком и Творцом, он, наконец, чист.

Глава 27. Создание школы йоги в Ранчи

– Почему ты питаешь отвращение к организационной работе?

Этот вопрос учителя немного испугал меня. Действительно, в то время я считал, что организации – это «осиные гнезда».

– Это неблагодарный труд, – ответил я, – неважно, что делает или не делает

207 [14]. *Бхагавадгита* 6.46

Современной науке известны необычные терапевтические и омолаживающие эффекты, производимые на тело человека прекращением дыхания. Доктор Эдвин Л.Бэрах (Нью-йоркский медико-хирургический колледж) предложил оригинальный метод лечения заболевания легких так называемым «местным дыханием». Предложенный метод вернул здоровье многим туберкулезным больным. При помощи барокамер пациент получает возможность приостановить дыхание. В *Нью-Йорк Таймс* от 1 февраля 1941 г. приведено следующее сообщение доктора Бэраха: «Действие прекращения дыхания на центральную нервную систему представляет значительный интерес. Число нервных импульсов к скелетной мускулатуре необычайно уменьшается. Пациент может часами лежать в камере, не двигая руками и не меняя позы. За время приостановки произвольного дыхания даже у пациентов, привыкших выкуривать ежедневно по две пачки сигарет, исчезает желание курить. Во многих случаях такое расслабление приводит к тому, что пациент не нуждается в развлечениях при длительном лежании». В 1951 г. доктор Бэрах публично подтвердил ценность своего метода лечения: «Предоставляется покой не только легким, но также всему телу и, кажется, уму. Сердце, например, урезает работу в три раза. Наши больные переставали волноваться. Никто из них не ощущал утомления».

Эти факты помогают понять, как йоги могут длительное время сидеть без движения и без внутренних побуждений тела к беспокойной деятельности. Только благодаря такому спокойствию душа может найти обратный путь к Богу. Однако обычный человек, достигший известных результатов, связанных с прекращением дыхания, должен оставаться в камере с уравновешенным давлением. Йоги не нуждаются в таких приспособлениях. Им достаточно техники *крия-йоги* для достижения высшей награды телу и уму и для обнаружения присутствия души.

руководитель, его все равно критикуют.

– Не желаешь ли ты всю божественную *чанна* (манну небесную) для себя одного? – возразил гуру, строго взглянув на меня. – Разве мог бы ты или кто-нибудь другой достичь контакта с Богом через йогу, если бы великодушные учителя, сменяя друг друга, не пожелали передать знание другим? – И добавил: – Бог – это мед, организации – ульи; необходимы оба. Конечно, всякая *форма* бесполезна без *Духа* , но почему бы тебе не начать деятельность с ульев, полных духовного нектара?

Его совет глубоко тронул меня. Хотя я и ничего не ответил, в груди моей возникло твердое решение непременно, насколько в моих силах, поделиться с собратьями освобождающими истинами, полученными у стоп гуру. «Господи, – молился я, – да озаряет вовеки любовь Твоя святилище моего благоговения, и да буду я способен пробудить любовь Твою во всех сердцах».

А однажды, еще до того, как я присоединился к монашескому ордену, Шри Юктешвар неожиданно заметил:

– Подумай, как тебе в старости будет недоставать общества жены! Согласись, что семейный человек, занятый полезным трудом для содержания жены и детей, таким образом играет достойную роль в глазах Бога?

– Учитель, – запротестовал я в тревоге. – Вы же знаете, что я в этой жизни жажду лишь Космической Возлюбленной.

Он рассмеялся так весело, что я понял: замечание его было сделано просто для того, чтобы испытать мою веру.

– Запомни, – медленно сказал он, – тот, кто сбрасывает с себя мирские обязанности, может оправдаться, лишь взяв ответственность за гораздо большую семью.

Идея правильного воспитания молодежи всегда была близка моему сердцу. Я четко видел бесплодные результаты обычного обучения, направленного лишь на развитие тела и интеллекта. Моральные и духовные ценности, без признания которых ни один человек не может прийти к счастью, все еще отсутствуют в официальной учебной программе. Я решил основать школу, где мальчики могли бы развиваться до поры их зрелости. Свой первый шаг в этом направлении я сделал с семью ребятами в Дихика, маленьком селении Бенгалии.

Через год, в 1918 году, благодаря великодушию Маниндры Чандра Нунди, магараджи Кашимбазара, я смог перевести быстро разрастающуюся группу в Ранчи. Этот город в Бихаре, километров в трехстах от Калькутты – благословенное место с самым здоровым климатом в Индии. Кашимбазарский дворец в Ранчи был превращен в штаб-квартиру новой школы, которую я назвал «Йогода Сатсанга Брахмачарья Видьялая»[208].

В соответствии с идеалами воспитания риши я создал программу обучения детей как для начальной, так и для средней школы. В древней Индии местами их обучения, как светского, так и божественного, были лесные ашрамы. Туда входили дисциплины сельскохозяйственные, технические, коммерческие и академические. Ученики обучались также йоговской концентрации и медитации, а также единственной в своем роде системе физического развития *йогода* , принципы которой мне открылись в 1916 году.

Поняв, что тело человека подобно электрической батарее, я сделал вывод, что его можно подзарядить энергией непосредственно человеческой волей. Поскольку никакое действие, незначительное или значительное, невозможно без проявления *воли* , человек может воспользоваться этим основным двигателем для обновления тканей тела без

---

208 [1]. *Видьялая* – школа. *Брахмачарья* здесь относится к одному из четырех этапов ведического плана жизни, куда входят: 1. Целомудренный ученик *(брахмачарья)* . 2. Домохозяин с мирскими обязанностями *(грихастха)* . 3. Отшельник *(ванапрастха)* . 4. Лесной житель или странник, свободный от всех земных благ и забот *(саньяси)* . Хотя эта идеальная схема жизни и не соблюдается широко в современной Индии, тем не менее она имеет много преданных приверженцев. Эти четыре этапа проводятся благоговейно под жизненным руководством гуру.

Дальнейшая информация о школе Йогода Сатсанга в Ранчи дана в главе 40.

всяческих обременительных аппаратов или механических упражнений. Поэтому я научил учащихся в Ранчи простым техническим йогода, благодаря которым жизненная сила, сконцентрированная в продолговатом мозге, может быть тотчас сознательно подзаряжена из постоянно имеющегося неограниченного источника космической энергии.

Ребята в Ранчи с радостью откликнулись на применение этой техники, необычайно развив способность к перемещению энергии из одной части тела в другую и сидению в трудных асанах[209] в абсолютном равновесии. Они совершали подвиги силы и выносливости, которые не смогли бы осуществить многие взрослые силачи.

Мой младший брат Бишну Чаран Гхош поступил в школу Ранчи, позже он стал ведущим специалистом Бенгалии по физкультуре. С одним из своих учеников он проехал Европу и Америку, демонстрируя силу и ловкость, изумлявшие ученых, в том числе Колумбийского университета в Нью-Йорке и многих других университетах[210].

К концу первого учебного года заявлений от желающих поступить в Ранчи достигло двух тысяч. А школа, которая в то время была исключительно и местом жительства учеников, могла дать пристанище лишь примерно сотне человек. Вскоре было организовано обучение учеников, живущих дома.

В школе мне надлежало быть и отцом и матерью для детей, а также справляться с множеством организационных проблем. Я часто вспоминал слова Христа: «...Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной»[211].

Шри Юктешвар так истолковывал эти слова: «Преданный Богу человек, отказавшийся от жизненного опыта брака и семьи, меняет проблемы маленького домохозяина и ограниченной деятельности на значительно более ответственное служение обществу в целом, предпринимает труд, часто сопровождаемый преследованием со стороны неправильно понимающего его общества. Но этот путь также сопровождается и неким божественным внутренним вознаграждением».

Однажды в Ранчи с благословением прибыл мой отец, долго воздерживающийся от этого из-за того, что я огорчил его отказом от предложения занять пост в железнодорожной компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй.

– Сын, – сказал он, – теперь я смирился с твоим жизненным выбором. Мне радостно видеть тебя среди этих счастливых, шустрых ребятишек, твоя жизнь здесь лучше, чем жизнь с бездушными цифрами железнодорожных расписаний. – Он помахал рукой дюжине мальчиков, следовавших за мной по пятам. – У меня было только восемь детей, – заметил он, – но я могу понять тебя! – Глаза его были влажны от слез.

---

209 [2]. Для удовлетворения растущего на Западе интереса к йоговским позам *(асанам)* издан ряд иллюстрированных книг по этой теме.

210 [3]. Бишну Чаран *Гхош* умер 9 июля 1970 г. в Калькутте.

211 [4]. *От Марка* 10.29-30.

Центральное здание «Йогода Сатсанга Брахмачарья Видьялая» в Ранчи, Бихар.
Эта начальная и средняя школа для мальчиков основана в 1918 году. В ней ученики также обучались йоговской концентрации и медитации

Имея в собственном распоряжении большой фруктовый сад и одиннадцать гектаров земли, мы с учениками и учителями по многу часов ежедневно наслаждались сельскохозяйственными работами на свежем воздухе. У нас было много разных животных – кошек, собак, коз, коров и олененок, которого дети просто обожали. Я тоже так любил оленя, что позволял ему спать в своей комнате. Со светом зари маленькое создание обычно ковыляло к моей постели за утренней лаской.

Однажды, так как мне надо было сделать кое-какие дела в городе Ранчи, я покормил баловня раньше обычного, предупредив ребят, чтобы до моего возвращения они не кормили олененка. Однако один мальчик не послушался и дал ему много молока. По возвращении вечером я узнал печальную новость: олененок при смерти от переедания.

Жалостливо моля Бога пощадить его жизнь, со слезами я взял на колени всеобщего любимца, явно бывшего без признаков жизни. Через несколько часов маленькое создание открыло глаза, встало и слабо заковыляло. Вся школа огласилась радостными восклицаниями.

Но этой ночью я получил памятный урок на всю жизнь. Провозившись с олененком до двух часов ночи, я заснул. Он явился во сне и сказал:

– Ты задерживаешь меня здесь, пожалуйста, отпусти!

– Хорошо, – ответил я во сне.

Тут же проснувшись, я закричал: «Ребята! Олененок умирает!» и бросился в угол комнаты, где был всеобщий любимец. Он сделал последнюю попытку подняться, проковылял ко мне и упал мертвым у моих ног.

Согласно карме, направляющей и регулирующей судьбу животных, жизнь олененка завершилась, и он был готов к прогрессу в более высокой форме. Но из-за глубокой привязанности, которая, как я потом осознал, была эгоистичной, благодаря пылким молитвам я был в состоянии удержать его в ограничениях животной формы существования, от которой душа всеми силами старалась освободиться. В связи с этим душа олененка во время моего сна попросила освободить ее от жизни в теле олененка, поскольку без позволения она либо не хотела, либо не могла отойти. И как только я согласился, сделала это.

Скорбь оставила меня, я по-новому понял, что Бог желает, чтобы все дети любили Его, ибо являются частью Его, и не считали ошибочно, будто со смертью все завершается. Несведущий человек видит лишь непреодолимую силу, захватывающую сцену смерти, как будто навек скрывающую его любимых друзей. Но непривязанный человек, любящий других как Проявления Господа, понимает, что со смертью дорогие ему лишь возвращаются к Богу

радостно передохнуть.

Школа Ранчи разрослась от скромных размеров до учебного заведения, теперь хорошо известного в Бихаре. Многие факультеты поддерживались добровольными взносами тех, кого радовало увековечение идеалов воспитания риши. Также были учреждены процветающие филиалы в Миднапуре, Лакшманпуре и Пури.

В учебном заведении Ранчи есть медицинский факультет, где лекарства и услуги врачей бесплатны для местных бедняков. Число лечившихся было довольно высоко и доходило до более чем восемнадцати тысяч человек в год. Видьялая отличалась также и в индийских состязаниях, и в сфере науки, что подтвердилось позже успехами многих ее питомцев в последующей университетской жизни.

В течение трех последних десятилетий школа была удостоена посещения выдающихся людей Востока и Запада. Одной из великих персон, посетивших Видьялаю в первый год ее существования, был свами Пранабананда, бенаресский «святой с двумя телами». Когда великий учитель взглянул в классы, живописно расположившиеся на свежем воздухе под деревьями, и вечером увидел, как ребята часами сидят неподвижно в йоговской медитации, он был глубоко тронут.

– Сердце радуется, – сказал он, – когда я вижу, что идеалы правильного воспитания молодежи Лахири Махасая продолжаются в этом месте. Да будет на нем благословение моего гуру.

Один мальчик обратился с вопросом к великому йогу:

– Господин, – спросил он, – буду ли я монахом? Только ли для Бога моя жизнь?

Хотя свами кротко улыбался, глаза его пронизывали будущее.

– Дитя мое, – ответил он, – когда ты станешь взрослым, тебя ждет прекрасная невеста (в конце концов после многолетних намерений вступить в Орден Свами он действительно женился).

Спустя некоторое время после посещения школы в Ранчи свами Пранабанандой я с отцом посетил его дом в Калькутте, где временно остановился этот йог. Предсказание Пранабананды сделанное много лет назад, вдруг пришло на память: «Я увижу тебя с твоим отцом позже».

Когда отец вошел в комнату свами, великий йог поднялся с места и дружески обнял моего родителя.

– Бхагабати, – сказал он, – что вам еще надо? Разве вы не видите, что ваш сын на пути к Бесконечному? – Услышав его похвалу, я покраснел от смущения. Свами продолжал: – Помните, как часто наш блаженный гуру говаривал: "*Банат, банат, бан джа* "[[212]]. Так, непрестанно придерживаясь *крия-йоги* , быстрее достигайте врат божества.

Тело Пранабананды, выглядевшее столь здоровым и крепким во время удивительного посещения его в Бенаресе, теперь обнаруживало явные следы возраста, хотя осанка его была по-прежнему восхитительно прямой.

– Свамиджи, – спросил я, глядя прямо в его глаза, – скажите, пожалуйста, правду: не ощущаете ли вы возраста? С ослаблением тела не страдают ли восприятия Бога из-за каких-либо ограничений?

Он улыбнулся ангельской улыбкой:

– Возлюбленный ныне со мною более, чем когда-либо. – Его абсолютная уверенность переполняла мой ум и душу. Он продолжал: – Я все еще наслаждаюсь двумя пенсиями – одной от присутствующего здесь Бхагабати, а другой – ниспосланной выше. Показав пальцем на небо, святой впал в экстаз, лицо его озарилось божественным светом – это явилось достаточным ответом на вопрос.

---

212 [5]. Одно из любимых замечаний Лахири Махасая для поощрения упорства учеников: «Делаешь, делаешь, когда-нибудь и сделаешь». Эту мысль можно свободно перевести так: «Стараешься, стараешься и когда-нибудь придешь к божественной цели!»

Заметив, что в комнате Пранабананды было много растений и пакетиков с семенами, я спросил его об их назначении.

– Я навсегда оставил Бенарес, – сказал он, – и теперь держу путь в Гималаи. Там я открою ашрам для учеников. Из этих семян вырастут шпинат и другие овощи. Мои дорогие будут жить просто, проводя время в блаженном единении с Богом. Ничего иного не нужно.

Отец спросил брата по ученичеству, когда он вернется в Калькутту.

– Никогда более, – ответил святой. – Это тот год, в который, как сказал Лахири Махасая, я оставлю мой любимый Бенарес навсегда и отправлюсь в Гималаи, чтобы там сбросить свой бренный остов.

Глаза мои при этих словах наполнились слезами, но свами спокойно улыбнулся. Он напомнил мне маленького сына неба, сидящего в безопасности на коленях Божественной Матери. Бремя лет не оказывает никакого неблагоприятного действия на полное владение великими йогами высшими духовными силами. Они в состоянии обновить тело по своей воле, но торможение процесса старения никогда не занимает их. Некоторые святые, чтобы исключить необходимость истощения кармы в новом воплощении, дают ей истощиться на физическом плане, используя старое тело, что позволяет сэкономить время.

Через несколько месяцев я встретил старого друга Санандана, – близкого ученика Пранабананды.

"Мой обожаемый гуру отошел, – рассказывал он, всхлипывая. – Он основал ашрам близ Ришикеша и с любовью занимался с нами. Когда мы, в его обществе быстро прогрессируя духовно, достаточно укрепились, он однажды предложил накормить многих жителей Ришикеша. Я спросил, зачем ему хочется этого.

– Это моя последняя праздничная церемония, – сказал он. Я не понял глубины смысла его слов.

Пранабанандаджи помог приготовить большое количество еды. Мы накормили около двух тысяч гостей. После пира он сел на высокий помост и прочитал вдохновенную проповедь о Бесконечном. По окончании на глазах у тысячи людей он обратился ко мне, так как я сидел на возвышении рядом с ним, и сказал с необыкновенной силой:

– Санандан, приготовься, я собираюсь оставить свое тело.

После безмолвной паузы, ошеломленный, я громко закричал:

– Учитель, не делайте этого! Пожалуйста, прошу вас, не делайте этого!

Толпа мгновенно утихла, множество глаз с любопытством взирало на нас. Гуру улыбнулся мне, но его торжественный взгляд был уже устремлен в Вечное.

– Не будь эгоистом, – сказал он, – не горюй обо мне. Я долго с радостью служил всем вам, теперь возрадуйся и пожелай мне счастливого пути. Я иду на встречу с Космическим Возлюбленным. – Пранабанандаджи шепотом добавил: – Скоро я буду рожден вновь. Насладившись кратким периодом Бесконечного Блаженства, я вернусь на землю и присоединюсь к Бабаджи[213]. Ты скоро узнаешь, когда и где моя душа облачится в новое тело.

Затем он воскликнул вновь:

– Санандан, вот я отбрасываю свое тело, применяя вторую *крия-йогу* [214].

Он взглянул на море лиц перед собой и дал благословение. Затем направил внутренний

---

213 [6]. Гуру Лахири Махасая, который жив поныне. См. главу 33.

214 [7]. Вторая *крия* , полученная от Лахири Махасая, позволяет овладевшему ею выходить из тела и возвращаться в него сознательно в любое время. Преуспевающие йоги используют эту методику *крия* во время последнего выхода – смерти – момент, который они всегда знают заранее.

Великие йоги «входят и выходят» через духовное око, «двери» спасения. Христос сказал: "Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется и войдет и выйдет, и пажить найдет. Вор (*майя* или иллюзия) приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить; Я (Сознание Христа) пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком". – *От Иоанна* 10.9-10.

взор на духовное око, и стал недвижен. Когда изумленные люди думали, что он медитирует в экстатическом состоянии, он уже оставил сосуд плоти и погрузил душу в Космическую Безбрежность. Ученики коснулись его тела, находящегося в позе лотоса, но оно более не было теплой плотью. Остался лишь окоченевший остов; владелец его улетел к берегу бессмертия".

Когда Санандан окончил рассказ, я подумал: «Блаженный „святой с двумя телами“ был драматичным как при жизни, так и в смерти».

Я спросил, где должен был вновь родиться Пранабананда.

– Эту доверенную мне святыню я никому не могу разглашать, – ответил Санандан. – Возможно, ты узнаешь об этом каким-нибудь другим путем.

Через несколько лет от свами Кешабананды[[215]] я узнал, что Пранабананда спустя несколько лет после рождения в новом теле ушел в Бадринараян, расположенный в Гималаях, и там присоединился к группе святых вокруг великого Бабаджи.

Глава 28. Каши, вновь рожденный и найденный

– Не заходите, пожалуйста, в воду. Давайте зачерпнем ее ведрами и помоемся.

С этими словами я обратился к юным ученикам Ранчи, сопровождавшим меня в тринадцатикилометровой экскурсии к соседнему холму. Озеро перед нами было привлекательно, но во мне возникла неприязнь к нему. Окружавшая группа последовала моему примеру и погрузила в озеро ведра, но несколько ребятишек поддались соблазну прохладной воды. Едва они прыгнули в нее, как вокруг них уже извивались большие водяные змеи. Какие поднялись крики и всплески! С какой комичной живостью было покинуто озеро!

Достигнув цели путешествия, мы наслаждались завтраком на природе. Я сидел под деревом окруженный учениками. Заметив мое вдохновенное настроение, они забросали меня вопросами.

– Скажите, пожалуйста, – спросил один юноша, – всегда ли я пребуду с вами на пути отречения?

– О нет, – ответил я, – тебя насильно заберут домой, а позже ты женишься.

– Меня увезут домой только в случае моей смерти, – горячо запротестовал он, не поверив. (Но через несколько месяцев его родители прибыли в школу, чтобы забрать его, невзирая на полное слез сопротивление. Спусти несколько лет он женился.)

После того, как я ответил на множество вопросов, ко мне обратился мальчик по имени Каши. Ему было двенадцать лет, он был блестящий, всеми любимый ученик.

– Господин, – спросил он, – а какой будет моя судьба?

– Ты скоро умрешь, – ответ вырвался из уст с непреодолимой силой.

Это неожиданное открытие потрясло и глубоко опечалило меня и всех присутствующих. Молча обозвав себя жутким ребенком, я отказался отвечать на дальнейшие вопросы.

По возвращении в школу Каши пришел в мою комнату.

– Если я умру, не найдете ли вы меня, когда я буду рожден вновь и не направите ли снова на духовный путь? – рыдал он.

Я вынужден был отказаться от этой трудной оккультной ответственности. Но Каши несколько недель упорно осаждал меня. Видя, что он расстроен до предела, я наконец утешил его.

– Да, – пообещал я. – Если поможет Небесный Отец, я постараюсь найти тебя.

В летние каникулы я отправился в краткосрочную поездку. Сожалея, что не могу взять

215 [8]. Моя встреча с Кешабанандой описывается в главе 42.

с собой Каши, я позвал его перед дорогой в свою комнату и тщательно наказал ему оставаться в духовных вибрациях школы, невзирая ни на какие уговоры. Я как-то чувствовал, что если он не поедет домой, надвигающееся бедствие пройдет стороной.

Едва я уехал, как в Ранчи прибыл отец Каши. Пятнадцать дней он пытался сломить волю сына, убеждая, что если Каши поедет в Калькутту всего на четыре дня повидаться с матерью, то потом сможет вернуться. Каши упорно отказывался. Наконец отец заявил, что заберет мальчика насильно с помощью полиции. Эта угроза обеспокоила Каши, не желавшего быть причиной какой бы то ни было неприятности для школы. У него не оставалось никакого иного выхода, кроме поездки.

Несколькими днями позже, вернувшись в Ранчи и узнав, что Каши увезли, я тут же сел в поезд на Калькутту. Там я нанял кеб, запряженный лошадью. Когда экипаж проехал Ховрский мост через Гагн, к своему изумлению, я встретил отца Каши и прочих родственников в траурных одеждах. Крикнув возничему, чтобы он остановился, я соскочил и свирепо взглянул на несчастного отца.

– Господин убийца! – воскликнул я довольно безрассудно. – Вы убили моего мальчика!

Отец уже понял, что совершил ошибку, насильно доставив Каши в Калькутту. В те несколько дней, что мальчик пробыл там, он поел зажаренной пищи, заболел холерой и умер.

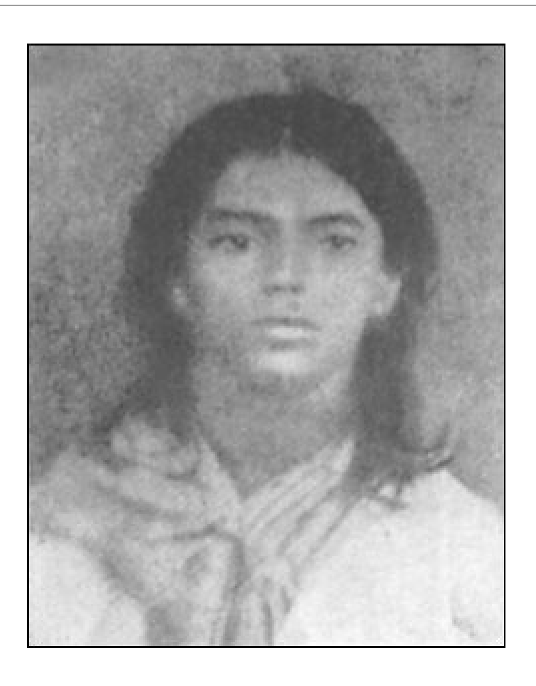
Моя любовь к Каши и обещание найти его после смерти днем и ночью преследовали меня. Где бы я ни был, лицо его вырисовывалось передо мной. Я искал его, как давным-давно разыскивал утраченную мать.

Чувствуя, что поскольку Бог дал мне способность разума, я должен воспользоваться им и до предела напрячь силы для того, чтобы открыть тонкие законы, благодаря которым я смогу узнать астральное нахождение мальчика. Я понимал, что он был душой, вибрирующей неосуществившимися желаниями, – световой массой в астральных сферах, плавающей где-то среди миллионов светящихся душ. Как мне настроиться на него среди такого множества вибраций световых масс других душ?

Пользуясь секретной йоговской техникой, я передал свою любовь душе Каши через внутренний «микрофон», расположенный в центре духовного ока[216]. С антенной из поднятых кистей и пальцев я часто поворачивался в разных направлениях, пытаясь определить место, в котором он вновь родился в зародыше, и надеясь получить ответ в настроенное концентрацией радио моего сердца. Я интуитивно чувствовал, что Каши скоро вернется на Землю и что, если я буду беспрестанно передавать призыв, его душа ответит. Я знал, что легчайший импульс, посланный Каши, почувствуется в моих пальцах, кистях и других частях рук, позвоночнике и нервах.

---

216 [1]. Воля, излучаемая из межбровного центра, известна йогам как *передатчик* мысли. Когда чувство спокойно сосредоточено на сердце, оно действует и как мысленное радио способное *получать* вести от других, находящихся далеко или близко. При телепатии слабые вибрации мысли одного человека передаются через тонкие вибрации астрального эфира, а затем через более грубый земной эфир, создавая электрические волны, преобразующиеся в вибрации мысли в уме другого лица.



Потерянный и вновь найденный Каши

С неослабевающим рвением в течение почти шести месяцев после смерти Каши я неизменно практиковал этот йоговский метод. Однажды утром, гуляя с несколькими друзьями по переполненной народом Бамбазарской части Калькутты, подняв руки на обычный манер, я впервые получил ответ, с внутренним трепетом обнаружив электрические импульсы, тонкой струйкой текущие по пальцам и ладоням. Эти токи переводились в одну непрерывную мысль из глубокого укромного места: «Я Каши, идите ко мне!»

Мысль эта сделалась почти слышимой, когда я сосредоточился на сердечном радио. Вновь и вновь слышимый мною призывный шепот Каши имел характерный, слегка хрипловатый тембр[217]. Схватив за руку Прокаш Даса, одного из моих спутников, я радостно сказал ему:

– Кажется, я определил местонахождение Каши!

Я стал вертеться вокруг, к явному веселью друзей и толпы прохожих. Электрические импульсы покалывали в пальцах лишь тогда, когда я обращался лицом к соседней улочке, удачно именуемой Змеиной, и пропадали, когда я поворачивался в других направлениях.

– А, – воскликнул я, – душа Каши, должно быть, живет в чреве какой-нибудь матери, проживающей здесь.

Я и спутники подошли ближе к улочке Змеиной, вибрации в поднятых руках становились сильнее и отчетливее. Меня как магнитом тянуло на правую сторону. Достигнув входа в один дом, я был поражен, чувствуя, что ток пронизывает меня буквально насквозь. Постучав в дверь в состоянии сильного возбуждения, я затаил дыхание, чувствуя, что настал счастливый конец долгим, трудным и довольно необычным поискам.

Дверь открыл слуга, сказав, что хозяин дома. Спустившись со второго этажа по лестнице, хозяин вопросительно улыбнулся мне. Я и не знал, как выразить вопрос, уместный и неуместный в одно и то же время.

– Скажите, пожалуйста, не ждете ли вы с женой ребенка месяцев примерно шесть?[218]

217 [2]. Всякая душа в своем чистом состоянии всеведуща. Душа Каши помнила все характерные черты мальчика Каши и для того, чтобы я узнал его, имитировала хрипловатый голос Каши.

218 [3]. Хотя многие люди после физической смерти от пятисот до тысячи лет остаются в астральном мире, не существует неизменных правил относительно продолжительности времени между воплощениями (см. главу 43). Предназначенный человеку период времени в физическом или астральном воплощении кармически предопределен.

– Да, это так. – Видя, что я свами, отреченный, одетый в традиционные одежды оранжевого цвета, он вежливо добавил: – Скажите, пожалуйста, откуда вы знаете об этом?

Когда изумленный человек услышал историю о Каши и об обещании, данном ему мною, он поверил в рассказ.

– У вас родится ребенок мужского пола красивого сложения, – сказал я, – с открытым лицом и вихром на лбу. Он будет весьма предрасположен к духовному. – Я определенно чувствовал, что ожидаемый ребенок будет похож на Каши.

Позже я навестил ребенка, родители которого дали ему старое имя Каши. Даже в младенчестве он был поразительно похож внешне на дорогого ученика в Ранчи. Ребенок немедленно обнаружил ко мне привязанность, прошлое проснулось с удвоенной силой.

Несколько лет спустя, когда я был в Америке, мальчик-подросток написал мне письмо. Он заявлял о глубоком стремлении следовать йоговскому пути. Я направил его к одному гималайскому учителю, принявшему в ученики вновь рожденного Каши.

Глава 29. Рабиндранат Тагор и я сравниваем школы

– Рабиндранат Тагор учил нас пению как естественной форме самовыражения, как это происходит, например, у птиц.

Такое пояснение дал шустрый четырнадцатилетний мальчик Бхола Нат, ученик школы в Ранчи после того, как я однажды утром похвалил его за склонность к музыке. Мальчик изливал целый гармоничный поток. Ранее он посещал знаменитую тагоровскую школу «Шантиникетан»[219] в Болпуре.

– Песни Рабиндраната с ранней юности были у меня на устах, – сказал я собеседнику. – Вся Бенгалия, даже неграмотные крестьяне, наслаждается его возвышенными стихами.

Мы с Бхолой спели несколько строк из произведения Тагора, переложившего на музыку тысячи индийских стихов, – как современных, так и пришедших из глубокой древности.

Смерть и обычный сон – «маленькая смерть» – это необходимость, временно освобождающая здравый смысл непросвещенного человека от помех. Так как важной частью человека является душа, во сне и в смерти он получает определенные, возрождающие к жизни напоминания о своей бестелесности.

Уравновешивающий закон кармы, как изложено в индуистских Писаниях, – это закон действия и противодействия, причины и следствия, сеяния и сбора урожая. В процессе естественной добродетельности *(рита)* каждый человек мыслями и действиями становится творцом судьбы. Какие бы всеобщие энергии он мудро или не мудро ни приводил в движение, как неумолимо завершающийся круг, они должны вернуться к нему в их начальной точке. «Мир похож на математическое уравнение, которое, как его ни верти, уравновесится. Каждый секрет раскрывается, каждое преступление наказывается, каждая добродетель вознаграждается, каждый проступок компенсируется». – Эмерсон, *Компенсация* . Карма как закон справедливости объясняется неровностями в жизни и служит для освобождения человеческого ума от чувства обиды на Бога и людей (См. сноску в гл. 16).

219 [1]. *Шантиникетан* – Приют покоя.

Рабиндранат Тагор,
вдохновенный поэт Бенгалии и лауреат Нобелевской премии по литературе

– Я встретился с Рабиндранатом вскоре после того, как он получил Нобелевскую премию в области литературы, – заметил я после нашего пения. – Меня потянуло к нему, ибо его недипломатическая смелость в отношении литературных критиков вызвала мое восхищение. – Я засмеялся.

Бхола, заинтересовавшись, попросил рассказать эту историю.

"Ученые жестоко и беспощадно критиковали Рабиндраната Тагора за введение нового стиля в бенгальскую поэзию, – начал я. – Он смешивал разговорные и классические выражения, игнорируя все предписанные ограничения, дорогие сердцу пандитов. Песни его в эмоционально привлекательных выражениях без особого внимания к принятым литературным формам воплощают глубокую философскую истину.

Один влиятельный критик буквально третировал Рабиндраната, называя его «поэтом-пижоном, продающим в печать воркования по рупию за штуку». Но реванш Тагора был близок: весь западный мир вскоре после того, как он перевел на английский язык свои *Гитанджали* [[220]], сложил к его стопам бесконечные признания. Целый сонм пандитов, включая его бывших критиков, направился в Шантиникетан, чтобы принести поздравления.

После преднамеренно длительного промедления Рабиндранат все-таки принял гостей и выслушал их похвалы в стоическом молчании. Наконец он обратил на них их собственное привычное орудие критицизма:

«Господа, – сказал он, – благоухание тех почестей, которыми вы меня тут одарили, не слишком сочетается с вашим прежним дурно пахнущим пренебрежением. Возможна ли какая-то связь между присуждением мне Нобелевской премии и вашей внезапно обострившейся способностью давать оценку? Я тот же самый поэт, не понравившийся вам тогда, когда впервые принес скромные цветы к святыне Бенгалии».

Газеты опубликовали сообщение о смелом выступлении Тагора. Я был восхищен прямотой человека, не поддающегося гипнозу лести. В Калькутте меня представил Тагору его секретарь мистер Ч.Ф.Эндрюс[[221]], просто одетый в бенгальскую *дхоти* , – продолжал я. –

220 [2]. *Гитанджали* – подношение, жертва пением.

221 [3]. Английский писатель, и публицист, близкий друг Махатмы Ганди. Мистера Эндрюса почитают в Индии за большую помощь, оказанную им принявшей его земле.

Он с любовью говорил о Тагоре как о своем *гурудеве* .

Рабиндранат любезно принял меня. Он излучал мягкую ауру спокойствия, обаяния, культуры и учтивости. На мой вопрос о предыстории его литературы Тагор ответил, что одним из давнишних источников его вдохновения помимо нашего религиозного эпоса всегда было творчество народного поэта XIV века Видьяпати".

Воодушевленный этими воспоминаниями, я запел тагоров вариант старой бенгальской песни «Зажги светильник своей любви». Мы с Бхолой весело пели, разгуливая по саду школы.

Года через два после основания школы в Ранчи я получил сердечное приглашение от Рабиндраната навестить его в Шантиникетане и обсудить идеалы воспитания детей. Это приглашение было с благодарностью принято. Когда я вошел, поэт сидел в рабочем кабинете. Как и при первой встрече, в голову пришло, что он был такой замечательной живой моделью благородного мужества, какую только мог пожелать любой живописец. Его прекрасно изваянное лицо благородного патриция обрамлялось длинными волосами и струящейся бородой. Большие трогательные глаза, ангельская улыбка и буквально зачаровывающий, как флейта голос. Крепкий, высокий и серьезный, он соединял почти женскую нежность с восхитительной непосредственностью ребенка. Нельзя было найти более подходящего воплощения идеального представления о поэте, нежели в этом кротком певце.

Мы с Тагором скоро углубились в сравнительное изучение наших школ, как та, так и другая основанных на неортодоксальном направлении. Мы обнаружили много идентичных черт: обучение на открытом воздухе, простоту, достаточный простор для творческого духа детей. Но Рабиндранат большое значение придавал изучению литературы и поэзии, а также выражению себя через музыку и пение, которое я уже отметил у Бхолы. Дети Шантиникетана не обучались йоге, но соблюдали периоды молчания.

Поэт с лестным вниманием слушал мое описание заряжающих энергией упражнений йогода и методов йоговского сосредоточения, которым обучались в Ранчи все ученики.

Тагор рассказал мне о собственной борьбе на пути воспитания: – Я сбежал из школы после пятого класса, – сказал он, смеясь. Было вполне понятно, как его врожденная поэтическая утонченность была оскорблена скучной дисциплинарной атмосферой в классе. Он продолжал:

– Именно поэтому я открыл Шантиникетан в тени деревьев и под величавыми небесами, – выразительно показал на небольшую группу, занимающуюся в прелестном саду. – Ребенок находится в естественном для него окружении среди цветов и певчих птиц. Только так может он вполне выразить скрытое богатство его индивидуального дарования. Подлинное воспитание ни в коем случае не может вбиваться в голову и восприниматься извне, скорее, оно должно способствовать самопроизвольному извлечению на поверхность бесконечных хранилищ мудрости, скрытых внутри[222].

Я согласился, ибо считаю, что страсть к идеалам, культу героев у молодежи угаснет на диете одной лишь статистики и хронологии эпох.

Поэт с любовью заговорил о своем отце Девендранате, вдохновившим начинания Шантиникетана:

– Отец подарил мне эту плодородную землю, где он уже построил постоялый двор и храм, – рассказывал мне Рабиндранат. – Я приступил к воспитательному опыту здесь в 1901 году всего с десятью ребятами. Все восемь тысяч английских фунтов, доставшиеся мне с Нобелевской премией, пошли на благоустройство школы.

---

222 [4]. «Поскольку душа часто рождается или, как говорят индусы, путешествует по пути существования через тысячи рождений... нет ничего, о чем она ни приобрела знания. Неудивительно, что она способна вспомнить... то, что знала прежде... Ибо воплощение и изучение являются всецело воспоминанием». – Эмерсон, *Типичный человек* .

Старый Тагор – Девендранат – известный как *махариши* , был личностью весьма замечательной, как всякий может обнаружить из его *Автобиографии* . Два года его зрелой жизни проведены были в медитации в Гималаях. В свою очередь его отец – Дварканат Тагор – был знаменит на всю Бенгалию щедрыми публичными пожертвованиями. Из этого славного дерева возникла семья гениев. Племянники Рабиндраната – Гогониндра и Абаниндра – в числе выдающихся художников[223] Индии. Брат Рабиндраната – Двиджендра – был глубоким философом, которого любили даже птицы и лесные твари.

Рабиндранат пригласил меня переночевать у него на постоялом дворе. Это было поистине чудесное зрелище – видеть, как вечером поэт сидит с группой учеников в патио. Время повернуло вспять: этот вид напоминал сцену из древней обители – счастливый принц окружен преданными ему людьми, и все сияют божественной любовью. Тагор стягивал все узы струнами гармонии. Безо всякого догматизма он привлекал и пленял сердца непреодолимым магнетизмом. Редкий цветок поэзии, распустившийся в саду Господа, привлекал других естественным благоуханием!

Мелодичным голосом Рабиндранат прочитал нам несколько вновь написанных прелестных стихов. Большинство песен и пьес, написанных на радость его ученикам, сочинены были в Шантиникетане. Прелесть этих стихов для меня кроется в его искусстве, заключавшемся в том, что почти в каждой строке он говорил о Боге, тем не менее редко упоминая святое имя. «Опьяненный блаженством пения, – писал он, – я забываю себя и называю Тебя другом, Тебя – Кто Господь мой».

На следующий день после второго завтрака я с неохотой простился с поэтом. Я рад, что его маленькая школа выросла теперь в интернациональный университет Вишва-Бхарати[224], где ученые всех стран находили правильный путь.

Где ум без страха, а голова держится высоко;
Где знание свободно;
Где мир не разбивается на части тесными стенами дома;
Где слова исходят из глубины истины;
Где неустанное старание простирает руки к совершенству;
Где ясный поток разума не утратил путь в сухих пустынных песках мертвой привычки;
Где ум ведется Тобой к все ширящейся мысли и действию.
В тех небесах свободы, о Отец мой мой,
Пусть пробудится моя страна![225]

Рабиндранат Тагор

Глава 30. Закон чудес

223 [5]. Рабиндранат в свои шестьдесят лет серьезно занялся живописью. Выставки его «футуристических» работ устраивались несколько лет назад в столицах Европы и в Нью-Йорке.

224 [6]. Хотя любимый поэт умер в 1941 году, его учреждение Вишва-Бхарати все еще процветает. В январе 1950 г. шестьдесят пять учителей и студентов из Шантиникетана приехали с десятидневным визитом в школу Йогода Сатсанга в Ранчи. Руководителем группы был Шри С.Н.Гхошал, ректор школьного отделения Вишва-Бхарати. Гости сильно порадовали студентов Ранчи драматическим представлением прекрасной поэмы Рабиндраната – *Пьюджарани* .

225 [7]. *Гитанджали* (Macmillan Co.). Глубокое изучение поэта вы найдете в *Философии Рабиндраната Тагора* знаменитого ученого сэра С.Радхакришнана (Macmillan, 1918).

Великий писатель-романист Лев Толстой[226] написал чудесный рассказ *Три отшельника* . Его друг Николай Рерих вкратце пересказал эту историю так:

"На одном острове жили три старых отшельника. Они были так просты, что единственная молитва, которой они молились, была: «Трое нас, Трое Вас – Господи, помилуй нас!» – Великие чудеса совершались при этой наивной молитве.

Местный епископ[227], прослышав об этих трех отшельниках и недопустимой молитве, решил навестить их, для того, чтобы научить каноническим молениям. Прибыв на остров, он рассказал отшельникам, что их моление Небу было недостойным, и научил многим из общепринятых молитв. Затем епископ отплыл на судне. Через некоторое время он увидел, что за судном следует лучезарный свет. Когда свет приблизился, в нем можно было различить трех отшельников, которые, держась за руки, бежали по волнам, пытаясь догнать корабль.

– Мы забыли молитвы, которым ты нас учил, – воскликнули они, когда нагнали епископа, – и поспешили попросить тебя повторить их.

Епископ, объятый благоговейным трепетом, покачал головой.

– Дорогие мои, – скромно ответил он, – живите по-прежнему, с вашей старой молитвой!" Как же трое святых гуляли по воде?

Как воскресил Христос свое распятое тело?

Как творили чудеса Лахири Махасая и Шри Юктешвар?

Современная наука до сих пор не дает на эти вопросы никакого достойного ответа, хотя с появлением атомной бомбы и чудес радара мировоззрение людей резко расширилось. Слово «невозможно» становится все менее употребляемым в человеческом словаре.

В *Ведах* говорится, что физический мир действует на основании одного фундаментального закона майи – принципе относительности и двойственности. Бог, который есть Единственная Жизнь, – это абсолютное единство. Он не может казаться разделенным на части в проявлении творения, иначе как под действием ложного и нереального покрова. Этот иллюзорный покров дуалистичности и есть *майя* [228]. Всякое крупное открытие современности служило подтверждением этого простого свидетельства древних риши.

Закон движения Ньютона – это закон *майи* : «На всякое действие всегда существует равное по силе и противоположно направленное противодействие». Таким образом, действие равно противодействию. «Иметь единственную силу невозможно. Должна быть и всегда есть пара сил равных и противоположных».

Всякий процесс в природе выдает свое происхождение от майи. Электрический ток, к примеру, есть феномен взаимного отталкивания и притяжения, электроны и протоны – суть противоположности электричества. Другой пример: атом, или конечная частица материи, подобно самой земле, является магнитом с положительными и отрицательными полюсами. Весь феноменальный мир находится под неумолимой властью разнополюсности. Ни один закон физики, химии или любой иной науки никогда не оказывался свободным от его неотъемлемых противоположностей или противополагаемых принципов.

В таком случае физическая наука не может формулировать законы вне *майи* – самой ткани и структуры творения. Природа и есть *майя* , естественная наука волей-неволей должна иметь дело с ее неотвратимой сущностью. В своем собственном царстве она вечна и

226 [1]. У Толстого было много общих идеалов с Махатмой Ганди. Оба одинаково относились к вопросу об отказе от применения насилия. Толстой рассматривал центральное учение Христа как непротивление злу (*От Матфея* 5.39), которому следует противостоять логически эффективной противоположностью, то есть лишь добром или любовью.

227 [2]. История эта, очевидно, имеет историческое основание. В примечании издателя сообщается, что тот епископ повстречал троих монахов, когда плыл из Архангельска к Соловецкому монастырю, расположенному в устье Двины.

228 [3]. См. сноски к главе 4.

неистощима, ученые будущего будут обречены на испытание бесконечного множества ее разнообразных аспектов. Таким образом, наука остается в состоянии непрестанной изменчивости и не способна достичь завершенности, достаточной для формулирования законов уже существующего и действующего космоса, и бессильна открыть Творца Законов и Единственного Деятеля. Величественные проявления гравитации и электричества стали известны, но что такое гравитация и электричество, не ведает ни один смертный[229].

Преодоление *майи* было задачей, которую определяли человеческой расе пророки в течение тысячелетий. Подняться над двойственностью творения и постичь единство Творца представлялось величайшей целью человека. Те, кто цепляются за космическую иллюзию, должны принять ее основной закон полярности: прилив и отлив, подъем и спад, день и ночь, удовольствие и страдание, добро и зло, рождение и смерть. Этот шаблон цикличности приобретает некоторую мучительную монотонность. После того как позади несколько тысяч рождений в теле человека, он с надеждой начинает поглядывать за пределы принуждения *майи* .

Сорвать покров *майи* – значит проникнуть в тайну творения. Йог, который так обнажает вселенную, сам только и является подлинным монотеистом. Все остальные поклоняются языческим идолам. До тех пор пока человек остается подвластным дуалистическим иллюзиям природы, богиней его является Янусоликая майя: он не может знать истинного Единого Бога.

Поскольку иллюзия мира – *майя* – действует через разум человека, она порождает авидью[230]. *Майя* , или *авидья* , ни в коем случае не может быть уничтожена интеллектуальным убеждением или интеллектуальным анализом, но только лишь посредством достижения внутреннего состояния *нирвакальпа самадхи* . Пророки Ветхого Завета и провидцы всех стран и народов говорили об этом состоянии сознания. Иезекиль заявляет: «И привел меня к воротам, к тем воротам, которые обращены к востоку. И вот, слава Бога Израилева шла от востока, и глас Его – как шум вод многих, и земля осветилась от славы Его»[231]. Через око божье, расположенное во лбу (восток), йог погружает свое сознание в Вездесущее, слыша Слово, Аум, божественный звук «многих вод» или световых вибраций, суть единственную реальность творения.

Среди великого множества тайн космоса самая феноменальная – свет. В отличие от звуковых волн, для передачи которых требуется воздух или какой-нибудь иной материальный посредник, световые волны свободно проникают через вакуум межзвездного пространства. Даже гипотетический эфир, утверждаемый в качестве межпланетного проводника света волновой теорией, может быть отброшен на основании теории Эйнштейна, ибо геометрические свойства пространства делают ненужной теорию эфира. Так или иначе, в материальной зависимости свет остается тоньше и свободнее, чем любые иные проявления природы.

В гигантских концепциях Эйнштейна скорость света – 300.000 километров в секунду – является доминирующей в теории относительности. Он математически доказал, что скорость света, коль скоро это касается конечного человеческого ума, является единственной константой во вселенной непрестанного движения. Только от безусловности скорости света зависят все человеческие стандарты времени и пространства. Не абстрактно вечные, как до сих пор считалось, время и пространство суть относительные и конечные факторы,

---

229 [4]. Великий изобретатель Маркони сделал следующее признание несостоятельности науки перед лицом завершенности: «Неспособность науки разрешить вопрос жизни абсолютна. Факт этот был бы поистине пугающим, не будь веры. Тайна жизни – определенно самая упорная из проблем, когда-либо поставленных перед мыслью человека».

230 [5]. *Авидья* – неведение, заблуждение.

231 [6]. *Иезекиль* 43.1-2.

получающие основание своего измерения только относительно мерила скорости света.

В соединении с пространством как относительностью протяженности и время вынуждено было отказаться от своих деспотических претензий на безусловность. Время ныне разоблачено до его подлинной природы – простой сути неопределенности. Несколькими строками уравнений Эйнштейн изгнал из космоса всякую твердую реальность, за исключением реальности света.

В процессе дальнейшего развития *Единой теории поля* великий физик объединил в одном уравнении законы гравитации и электромагнетизма. Сведя структуру космоса к вариантам одного-единственного закона, Эйнштейн через века протянул руки древним *риши* , провозгласившим единственную ткань творения – ткань изменчивой *майи* [232].

На основе *Теории относительности* , имеющей эпохальное значение, появились возможности для математического исследования неделимого атома. Крупные физики ныне смело заявляют не только то, что атом – скорее энергия, чем материя, но и то, что атомная энергия, в сущности, есть вещество ума.

"Искреннее осознание, что физическая наука занята миром теней, является одним из самых значительных успехов, – пишет сэр Артур Стенли Эддингтон в работе *Природа физического мира* [233]. – В мире физики мы видим исполнение драмы обычной жизни. Тень моего локтя лежит на тени стола, тогда как чернильная тень течет по тени бумаги. Все это символы, и как символы физик их оставляет. Тогда выступает алхимик Разум, преобразующий символы... чтобы вывести резкое заключение, что вещество мира есть вещество ума".

Реалистичная материя и силовые поля прежней физической теории абсолютно неуместны, исключая то, что вещество ума само собой соткало эти образы. Таким образом, внешний мир стал миром теней.

С недавним открытием электронного микроскопа пришло определенное доказательство световой сущности атомов и неизбежной двойственности природы. *«Нью-Йорк Таймс»* опубликовала следующее сообщение о демонстрации в 1973 году электронного микроскопа перед группой ученых.

Кристаллическая структура вольфрама, известная до сих пор лишь косвенно, посредством рентгеновских лучей отчетливо вырисовывалась на светящемся экране, показывая девять атомов в их точном расположении пространственной решетки, – куб с одним атомом в центре и по атому в каждом углу. Атомы в кристаллической решетке вольфрама выглядели на светящемся экране как точки света, расположенные геометрически правильно. Против этого кубического кристалла света бомбардирующие молекулы воздуха выглядели танцующими световыми точками наподобие пятнышек солнечного света, мерцающих на колышущейся воде...

Принцип электронного микроскопа был впервые открыт в 1927 году докторами Клинтоном Дж.Дэвисоном и Лестером Х.Гермером, работавшими в лаборатории «Белл Телефон» в Нью-Йорке и обнаружившими у электрона двоякое свойство, совмещающее в себе характерные черты и частицы, и волны [234]. *Волновое свойство дало электрону характеристику света, и начались поиски средств для «фокусирования» электронов наподобие фокусирования света посредством линз.*

За открытие джекил-гайдского свойства электрона, которое... подтвердило

---

232 [7]. Эйнштейн был убежден, что связь между законами электромагнетизма и гравитации можно выразить математической формулой *Единой теории поля* , над которой работал во время написания данной книги. Хотя он и умер, не завершив работу, сегодня многие физики разделяют убеждения Эйнштейна, что такая связь будет обнаружена. – *Примечание американского издателя* .

233 [8]. Macmillan Co.

234 [9]. То есть материи и энергии.

предсказание, сделанное в 1924 году Луи д'Бройлем, крупным французским физиком, удостоенным Нобелевской премии и показавшим, что все царство физической природы имеет двойственный характер, доктор Дэвисон также получил Нобелевскую премию в области физики.

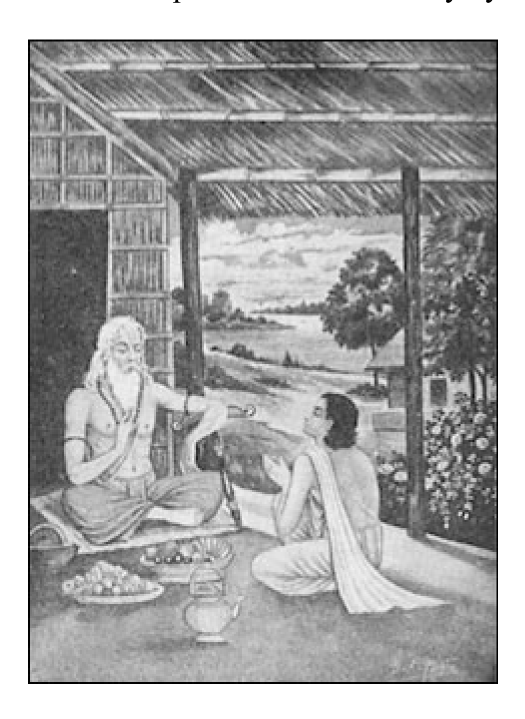
"Поток знания, – пишет сэр Джеймс Джейнс в *Таинстве вселенной* [235], – устремляется к немеханической реальности, вселенная начинает выглядеть более как великая мысль, нежели как великая машина".

Таким образом, наука XX века звучит подобно странице из седых *Вед* . Если так, то пусть человек научится у философской науки истине, что нет никакой материальной вселенной, основа ее ткани и самая ткань есть *майя* – иллюзия. Все миражи ее реальности рассеиваются под влиянием анализа. Когда на глазах человека одна за другой рушатся вновь обретенные опоры физического космоса, он смутно осознает свою идолоподобную опору, свое былое нарушение Божьего указания: «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим»[236].

В своем знаменитом уравнении, устанавливающим взаимозависимость массы и энергии, Эйнштейн доказал, что энергия любой частицы материи равна произведению ее массы на квадрат скорости света. Освобождение атомной энергии осуществляется через аннигиляцию материальных частиц. «Смерть» материи явилась рождением атомного века.

Скорость света является математической константой не только потому, что имеет абсолютное значение в 300.000 километров в секунду, но и потому, что ни одно материальное тело, масса которого возрастает с его скоростью, никогда не может достичь скорости света. Говоря иначе, сравняться со скоростью света может лишь то материальное тело, масса которого бесконечна.

Эта идея приводит нас к закону чудес.



Гуру и ученик

Лесные ашрамы были древними местами учебы для молодежи Индии. Эти божественные места существовали веками. На рисунке изображен гуру, который

---

235 [10]. Cambridge University Press.

236 [11]. *Исход* 20.3.

посвящает своего ученика в тайны Духа. Учитель положил свой локоть на деревянную трость, специально используемую для медитации.

Учителя, которые способны материализовать и дематериализовать свое тело или любой иной объект, перемещаться со скоростью света и пользоваться световыми лучами творения для мгновенного приведения в состояние видимости любого физического проявления, осуществили необходимое условие – их масса бесконечна.

Творение совершенного йога безо всякого усилия отождествляться не с каким-то ограниченным телом, но со вселенской структурой. Гравитация, будь то «сила» Ньютона или «проявление энергии» Эйнштейна, бессильна *заставить* учителя проявить свойство веса, являющееся характерным гравитационным состоянием всех материальных объектов. Тот, кто знает себя как вездесущий Дух, более не подвержен строгости пребывания тела во времени и пространстве. Их заточители – «запретные сигналы» – сдались все разрешающему: *Я – Он* .

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет»[[237]]. Первый приказ Бога, посланный Своему творению, привел в действие единственную атомистическую реальность – свет. В лучах этого нематериального посредника происходят все Божьи проявления. Посвященные всех времен и народов свидетельствуют о явлении Бога как пламени и света. Святой Иоанн так описал свое видение Господа: «...Очи Его – как пламень огненный; ...и лице Его – как солнце, сияющее в силе своей»[[238]].

Йог, который посредством совершенной медитации погрузил свое сознание в Творца, воспринимает окружающую космическую сущность как свет, для него нет никакой разницы между световыми лучами, изображающими воду, и световыми лучами, изображающими землю. Свободный от материи-сознания, свободный от трех измерений пространства и четвертого измерения – времени, учитель перемещает свое тело, состоящее из света, с одинаковой легкостью, ибо земля, вода, огонь или воздух также состоят из световых лучей.

«...Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло»[[239]]. Длительная концентрация на освобождающем духовном оке дает йогу возможность разрушить все иллюзии относительно материи и ее гравитационного веса, с этого времени он видит вселенную, по сути, как недифференцированную массу света.

«Оптические образы, – заявляет нам доктор Л.Т.Троланд из Гарварда, – создаются по тому же самому принципу, что и обычные „полутоновые“ гравюры, то есть они строятся из мельчайших точек или кусочков, слишком малых для того, чтобы их обнаружил глаз... Чувствительность сетчатки столь велика, что зрительное ощущение может быть вызвано единичными квантами видимого света».

Любой человек, осознавший, что суть творения – это свет, может управлять законом чудес . Благодаря божественному знанию феномена света учитель может мгновенно спроецировать в восприятие имеющиеся всюду световые атомы. Конкретная форма этой проекции – будь то дерево, лекарство, дворец, человеческое тело – подчинена силе воли йога и его способности вызывать зрительные образы.

В сознании человека во время сновидений, когда ослаблена хватка эгоистических ограничений, окружающих его днем, всемогущество разума проявляется ночью. И вот там, во сне, встают давно умершие друзья, отдаленные континенты, воскресают сцены из детства.

С этим свободным и неограниченным сознанием, известным всем людям из сновидений, единый с Богом учитель выковал никогда не обрывающуюся цепь, свободную от всего личностного, и, пользуясь творческой волей, дарованной ему Творцом, йог

237 [12]. *Бытие* 1.3.

238 [13]. *Откровение* 1.14-16.

239 [14]. *От Матфея* 6.22.

перераспределяет световые атомы вселенной для удовлетворения любой искренней молитвы поклоняющегося.

Для этой цели были созданы человек и творение: он восстал как господин *майи* , зная свою власть над космосом.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»[240].

В 1915 году вскоре после того, как я вступил в Орден Свами, у меня было четкое видение. В нем ярко доказывалась относительность человеческого сознания, я ясно воспринимал единство Вечного Света за мучительной двойственностью майи. Видение снизошло на меня, когда я однажды утром сидел в маленькой мансарде дома отца на Гурпар Роуд. В Европе несколько месяцев неистовствовала первая мировая война, я с грустью раздумывал о той громадной дани, которую взимала смерть.

Когда я в медитации закрыл глаза, мое сознание внезапно перенеслось в тело одного капитана, командующего боевым кораблем. Воздух раскалывался от грохота орудий, и снаряды летали с береговых кораблей и судовых пушек. Большой снаряд угодил в пороховой погреб, и мое судно разлетелось на куски. Я вместе с несколькими матросами, оставшимися в живых после взрыва, бросился в воду.

С бешено колотившимся сердцем я благополучно добрался до берега. Но увы! Шальная пуля завершила свой бешеный полет у меня в груди. Я со стоном упал на землю. Все тело мое было парализовано, но все-таки я сознавал, что обладаю им, как, засыпая, ощущают свою ногу.

«Наконец таинственная поступь смерти настигла меня», – подумал я. С последним взором я готов был погрузиться в бессознательность, как вдруг обнаружил, что сижу в позе лотоса в своей комнате.

Слезы радости полились из моих глаз, я поглаживал и пощипывал свое вновь обретенное владение – тело без всякой раны в груди. Я раскачивался взад и вперед, вдыхая и выдыхая, дабы убедиться, что я жив. Во время такого радостного обретения самого себя я вновь обнаружил, что сознание перенеслось в мертвое тело капитана у кровопролитного берега. Разум мой был в крайнем замешательстве.

– Господи, – взмолился я, – мертв я или жив?

Весь горизонт заполнили ослепительные переливы огня. Мягкий рокот вибрации оформился в слова:

– Что делать жизни или смерти со светом? По образу света Своего сотворил Я тебя. Относительность жизни и смерти принадлежит космическому сну. Узри сущность без всяких снов! Пробудись, дитя Мое, пробудись!

Делая шаг в сторону пробуждения человека, Господь внушает ученым открывать в должное время и в должном месте тайны Его творения. Многие из современных открытий помогают людям понять космос как разнообразное выражение одной силы – света, направляемого божественным разумом. Чудеса кино, радио, радара, фотоэлемента – всевидящего «электрического ока», атомной энергии основаны на электромагнитном феномене света.

Искусство кино может изобразить любое чудо. С точки зрения зрительного впечатления не существует предела чудесам комбинированных съемок. Можно видеть, как астральное прозрачное тело человека поднимается из грубой физической формы, он может гулять по воде, воскресать из мертвых, изменять естественный ход событий, разрушать время и пространство. Монтируя по собственному желанию световые изображения, оператор достигает оптических чудес, которые подлинный учитель совершает с настоящими световыми лучами.

---

240 [15]. *Бытие* 1.26.

Кажущиеся живыми образы кино иллюстрируют многие истины, касающиеся творения. Космический Директор написал Свой собственный сценарий и подобрал огромные коллективы исполнителей для пышного представления веков. Из скрытой в Своем доме вечности струит Он творческий луч в фильмах последовательных эпох, и картины эти отбрасываются на задний план пространства.

Точно так же, как образы кино, кажущиеся реальными, являются лишь комбинациями света и тени, иллюзорно и кажущееся разнообразие вселенной. Сферы планет с их бесчисленными формами жизни являются не чем иным, как картинами в космическом кино, временно подлинными для восприятия пятью чувствами, поскольку эти преходящие сцены отбрасываются бесконечным творческим лучом на экран человеческого сознания.

Зрители кино могут взглянуть и увидеть, что все образы на экране появляются через посредство одного луча света, не имеющего образов. Цветная вселенская драма аналогично исходит из единого белого света космического источника. С непостижимой изобретательностью Бог ставит представление для людей, детей Своих, делая их актерами и зрителями в Своем планетарном театре.

Однажды я пошел в кино посмотреть хронику военных действий в Европе. На западе все еще продолжалась первая мировая война, хроника регистрировала кровавую бойню с таким реализмом, что я вышел из кино взволнованный.

«Господи, – молился я, – почему Ты допускаешь такие страдания?» К моему удивлению, тут же пришел ответ в форме видения настоящего сражения в Европе. Ужас битвы, с множеством убитых и умирающих, значительно превосходил кадры хроники.

«Смотри внимательно, – сказал моему внутреннему сознанию мягкий голос. – Ты увидишь, что эти сцены, разыгрывающиеся сейчас во Франции, не что иное, как игра светотени. Они – суть космическое кино, как игра светотени. Они – суть космическое кино, столь же реальное и столь же нереальное, как хроника, которую ты только что видел, – спектакль в спектакле».

Но сердце мое еще не успокоилось. Божественный голос продолжал: "Творение – это свет и тень, иначе невозможна никакая картина. Добро и зло *майи* должны вечно состязаться в превосходстве. Если бы радость непрерывно пребывала здесь в этом мире, разве стал бы когда-нибудь человек искать иное? Без страдания он едва ли попытается вспомнить о том, что забыл свой вечный дом. Боль – это толчок к воспоминанию. Путь спасения – через мудрость! Трагедия смерти нереальна. Те, кто дрожит перед ней, подобны невежде-актеру, умирающему от ужаса на сцене, тогда как в него выстрелили всего лишь холостым патроном. Сыны Мои – дети света, им не вечно спать в заблуждении".

Хотя я читал о *майе* в Писаниях, они не дали мне столь глубокого понимания, какое пришло с личными видениями и сопровождающими их словами утешения. У человека происходит полная переоценка ценностей, когда он наконец убеждается в том, что творение – всего лишь огромное кино и что не в нем, а за ним скрывается истинная реальность человека.

Закончив писать эту главу, я сел на кровать в позе лотоса. Мою комнату[[241]] тускло освещали два светильника. Взглянув вверх, я заметил, что весь потолок был усеян маленькими бликами света горчичного цвета, мерцающими и трепещущими блеском, подобным блеску радия. Мириады тонко очерченных лучиков, как сплошная сеть дождя, собрались в прозрачный луч и бесшумно лились на меня.

Мое физическое тело сразу утратило плотность и превратилось в астральную ткань. Я ощутил состояние плывущего, так как невесомое тело, едва касаясь постели, слегка перемещалось то влево, то вправо. Я осмотрел комнату: мебель и стены стояли, как обычно, но незначительное освещение комнаты так размножилось, что потолка не было видно. Я был

241 [16]. В уединенном жилище Общества Самопознания, в Энсинитасе. – *Примечание американского издателя* .

поражен.

«Это механизм космического кино, – заговорил Голос как бы из света. – Бросая лучи на белый экран простыней постели, он производит изображение твоего тела. Смотри, форма твоя не что иное, как свет!»

Подвигав руками я обратил внимание на то, что их вес был совершенно не ощутим. Меня охватила экстатическая радость. Этот космический световой стебелек, распускаясь моим телом, казался божественным воспроизведением лучей света, льющихся из проекционной кабины кино и отражающихся изображениями на экране.

Я долго созерцал это отображение своего тела в тускло освещенном кинотеатре собственной спальни. Несмотря на то, что у меня было много видений, ни одно из них не было столь необычным. Когда, углубив мое понимание, что суть всех объектов – свет, иллюзия плотного тела полностью рассеялась, я взглянул на трепещущий поток и умоляюще проговорил:

«Божественный Свет, вбери, пожалуйста, в себя мою скромную телесную картину, как взят был на небо ураганом пламени Илия»[242].

Очевидно, молитва эта была ужасна: свет рассеялся. Тело мое вновь обрело свой нормальный вес и осело на постель, рой мерцающих лучей на потолке задрожал и исчез. Время оставить эту землю, видно, для меня не настало. «Кроме того, – философски заметил я, – может быть, Илие была бы неприятна моя самонадеянность!»

Глава 31. Беседа со святой матерью

242 [17]. *4 Царств* 2.11.

«Чудо» вообще рассматривается как следствие или событие без закона или вне закона. Но все события в нашей точно отрегулированной вселенной и законно отработаны, и законно объяснимы. Так называемые чудодейственные силы великого учителя – это естественные спутники его тонкого понимания тонких законов, действующих в космосе внутреннего сознания.

Ничто истинно не может быть названо чудом, разве лишь в глубоком смысле, что все – чудо. Каждый из нас облачен в сложно организованное тело и отправлен на землю, проносясь через пространство среди звезд, – есть ли что-либо более банальное или более сверхъестественное?

Великие пророки, такие как Иисус или Лахири Махасая, обычно совершали много чудес. Такие учителя должны выполнить большую и трудную духовную миссию для человечества, – чудодейственной помощи тем, кто в беде (см. сноску к главе 24). Божественные указания требуются против неизлечимых болезней и неразрешимых человеческих проблем. Когда высокий царедворец попросил вылечить его умирающего сына в Капернауме, Иисус с легкой иронией сказал ему: «...Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес». Но тем не менее Он добавил: «...Пойди, сын твой здоров». – *От Иоанна* 4.46-54.

В этой главе я дал Ведическое объяснение майе – магической силе иллюзии, лежащих в основе феноменальных миров. Западная наука уже обнаружила, что «волшебство», нереальность охватывает атомное вещество. Однако не только природа, но и человек (в его смертном аспекте) подвергнуты майе с их принципами относительности, контраста, дуализма, инверсии, противоположных состояний.

Не следует воображать, что правду о *майе* знали только риши. Древние пророки имели в виду майю, говоря о сатане (с *иврита* буквально – вражье). На греческом языке в качестве эквивалента *сатаны* используется слово *диабулос* , или *дьявол – клеветник* . Сатана, или *майя* , – это Космический Чародей, который производит множество форм, для того чтобы спрятать одну бесформенную истину. В аспекте действия *(лилы)* Бога единственная функция сатаны, или *майи* , – это попытка отвратить человека от духа к материи, от реальности к нереальности.

Темная сила, или завеса, скрывающая Вечную Истину, описана Христом таким образом: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». – *От Иоанна* 8.44.

«Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола». – *1 Иоанна* 3.8. Иначе говоря, проявление Сознания Христа внутри самой человеческой сущности составляет единственное избавление от *майи* .

Майя есть «с самого начала» из-за ее структурной неотделимости от феноменальных миров. Она находится в состоянии непрерывного изменения, контрастируя с божественной низменностью.

– Почтенная мать, еще младенцем я был крещен вашим мужем-пророком. Он был гуру моих родителей и моего собственного гуру Шри Юктешвара. Не окажете ли вы мне милость, рассказав несколько случаев из вашей святой жизни?

Я обратился к Шримати Каши Мони, подруге жизни Лахири Махасая. Оказавшись ненадолго в Бенаресе, я осуществил давнюю мечту посетить почтенную женщину.

Она любезно приняла меня в старой усадьбе Лахири в районе Гарудешвар Мохулиа в Бенаресе. Несмотря на возраст, она была цветущей, подобно лотосу, испуская духовное успокоительное благоухание. Она была среднего роста, с тонкой шеей, нежной кожей и большими блестящими глазами.

– Я рада тебе, сынок. Поднимись наверх.

Каши Мони провела меня в очень маленькую комнату, в которой одно время жила она с мужем. Мне было приятно чувствовать себя удостоенным чести взглянуть на святое место, где материализовался несравненный учитель, сыгравший человеческую драму бракосочетания. Женщина жестом любезно показала на мягкое сиденье рядом с ней.

"Это было за несколько лет до того, как я поняла божественность моего мужа, – начала она. – Однажды ночью в этой самой комнате у меня был яркий сон. Славные ангелы грациозно парили надо мной. Видение было так реально, что я проснулась. Комната была окутана странным ослепительным светом. Мой муж в позе лотоса левитировал среди комнаты, окруженный ангелами, поклонявшимися ему, воздев руки, сложенные ладонями. Безмерно изумленная, я решила, что еще сплю.

– Женщина, – сказал Лахири Махасая, – ты не спишь. Забудь свой сон навсегда.

Когда он медленно опустился на пол, я простерлась у его стоп.

– Учитель, – воскликнула я, – я вновь и вновь склоняюсь перед тобой. Простишь ли ты меня за то, что я считала тебя своим мужем? Я сгораю от стыда, поняв, что пребывала закостеневшей в невежестве рядом с тем, кто пробужден божественно. С этой ночи ты больше мне не муж достойный, но мой гуру. Примешь ли ты меня, ничтожную, в ученицы? [243]

Учитель мягко коснулся меня:

– Восстань, святая душа. Ты принята. – Он указал жестом на ангелов: – Поклонись, пожалуйста, каждому из этих святых.

Когда я завершила скромные коленопреклонения, голоса ангелов зазвучали вместе, подобно хору из древнего Писания: «Супруга божества, ты благословенна. Мы приветствуем тебя». – Они склонились у моих ног, и вдруг их сияющие лики исчезли. В комнате потемнело.

Мой гуру предложил тут же получить посвящение в *крия-йогу* .

– О, конечно, – ответила я, – мне жаль, что я не была облагодетельствована ею раньше.

– Не пришло время, – подбадривающе улыбнулся Лахири Махасая. – Я безмолвно помогал тебе переработать многое из твоей кармы. Теперь ты желаешь и готова.

Он коснулся моего лба. Появились потоки вихрящегося света, сияние постепенно оформилось в опалово-голубой духовный глаз, обрамленный золотом, с белой пятиугольной звездой в центре.

– Проникни сознанием через эту звезду в царство Бесконечного, – в голосе гуру был новый оттенок, мягкий, как далекая музыка.

Одни виды накатывались на другие, подобно океанскому прибою на берега моей души. В конце концов эти панорамные сферы растворились в море блаженства, где я утратила себя. Когда через несколько часов я вернулась к осознаванию этого мира, учитель передал мне технику *крия-йоги* .

С этой ночи Лахири Махасая никогда более не спал в моей комнате. С этого времени он вообще не спал, день и ночь пребывая в передней комнате нижнего этажа в обществе своих

243 [1]. «Он лишь для Бога, она для Бога в нем», – *Мильтон* .

учеников".

Славная женщина замолчала. Сознавая уникальность ее взаимоотношений с высшим йогом, наконец я попросил ее поведать мне о еще каких-нибудь воспоминаниях.

– Да ты жадный, сынок. Но тем не менее будет тебе еще один рассказ, – застенчиво улыбнулась она. – Я исповедуюсь тебе в грехе, который совершила перед своим мужем и гуру.

"Через несколько месяцев после моего посвящения, – начала она, – я стала чувствовать себя забытой и покинутой. Однажды утром Лахири Махасая зашел в эту комнату, чтобы взять какую-то вещь, я быстро последовала за ним и, охваченная заблуждением, неистовствуя, накинулась на него.

– Ты проводишь время с учениками. А как же с обязанностями перед женой и детьми? Мне очень жаль, что тебя не интересует финансовое положение семьи.

Учитель посмотрел на меня и вдруг исчез. Сильно испугавшись, я вдруг услышала голос, звучавший со всех сторон комнаты:

– Все это – ничто, разве не видишь? Как может ничто вроде меня дать тебе богатство?

– Гуруджи, – воскликнула я, – миллион раз прошу о прощении! Мои грешные глаза больше не могут видеть тебя, появись, пожалуйста, в своем святом облике.

– Я здесь, – пришел ответ сверху. – Взглянув туда, я увидела, как учитель материализовался в воздухе, голова его касалась потолка, глаза были как ослепительное пламя. Вне себя от страха, рыдая, после того, как он спокойно опустился на пол, я повалилась ему в ноги.

– Женщина, – сказал он, – ищи божественного богатства, а не жалкой земной мишуры. После обретения внутреннего сокровища ты найдешь и внешнее благополучие! – И добавил: Один из моих духовных сыновей обеспечит тебя.

Слова гуру в самом деле сбылись: один ученик оставил нашей семье значительную сумму денег".

Я поблагодарил Каши Мони за то, что она поделилась со мной своим чудесным опытом[244]. На следующий день вновь вернувшись в ее дом, я в течение нескольких часов наслаждался философской беседой с Тинкаури и Дукаури Лахири. Оба святых сына великого йога Индии пошли по его стопам. Оба красивые, высокие, крепкие, с густой бородой, мягким голосом и обаятельными манерами на старый лад.

Его жена была не единственной женщиной среди учениц Лахири Махасая. Были сотни других учениц, в том числе и моя мать. Одна ученица попросила однажды у гуру фотографию. Вручив ее, он заметил: «Если ты будешь считать ее защитой, то так оно и будет, в противном случае это только изображение».

Спустя несколько дней она с невесткой Лахири Махасая изучали *Бхагавадгиту* за столом, над которым висела фотография гуру. Вдруг внезапный порыв грозы ворвался в комнату. «Лахири Махасая, защити нас!» – Женщины склонились перед его изображением. Молния ударила в книгу, которую они читали, но обе последовательницы учителя остались невредимы. «Я почувствовала, как будто леденящий щит окружил меня, чтобы охранить от палящего жара», – пояснила чела.

Лахири Махасая совершил два чуда с одной ученицей – Абхоей. Однажды она со своим мужем, юристом из Калькутты, отправилась в Бенарес навестить гуру. Из-за интенсивного уличного движения их экипаж задержался. Они добрались до главного вокзала в Ховре только лишь для того, чтобы услышать, как поезд на Бенарес известил свистком об отбытии.

Абхоя спокойно встала у кассы. «Лахири Махасая, – я молю тебя задержать поезд, – тихо молилась она. – Я не могу перенести ожидания и не видеть тебя еще целый день».

Колеса пыхтящего поезда вертелись, но не было никакого видимого движения. Машинист и пассажиры спустились на платформу взглянуть на этот феномен.

244 [2]. Почтенная мать отошла в Бенаресе 25 марта 1930 г.

Англичанин-кондуктор подошел к Абхое и ее мужу. Вопреки правилам, служащий предложил свои услуги. «Бабу, – сказал он, – давайте деньги. Я дам вам билеты, после того как вы сядете в вагон».

Как только эта пара села и получила билеты, поезд тихо двинулся вперед. В панике машинист и пассажиры вновь вскочили в вагон, не понимая, как это поезд отправился и почему он стоял на одном месте.

Прибыв в дом Лахири Махасая в Бенаресе, Абхоя молча простерлась перед учителем, пытаясь коснуться его стоп.

– Успокойся, Абхоя, – заметил он, – как ты любишь меня беспокоить! Как будто ты не могла приехать следующим поездом!

Абхоя навестила Лахири Махасая в другом памятном случае. На сей раз она жаждала его покровительства, но не с поездом, а с аистом.

– Молю тебя благословить меня, чтобы мой девятый ребенок жил, – сказала Абхоя, – у меня родилось восемь детей, и все они умерли вскоре после рождения.

– Дитя твое, которое должно родиться, будет жить, – сочувственно улыбнулся учитель. – Только, пожалуйста, выполни тщательно мои указания. Ребенок, девочка, родится ночью. Следи, чтобы лампада горела до рассвета. Смотри не усни, чтобы свет не погас.

Девочка родилась ночью, в точности как предсказывал всеведущий гуру. Мать наказала няньке следить, чтобы в лампаде не иссякло масло. Обе женщины упорно бодрствовали до раннего утра, но в конце концов уснули. Масло в лампаде почти иссякло, свет слабо мерцал. Дверь спальни открылась с резким шумом. Женщины в испуге проснулись. Их изумленным очам предстал Лахири Махасая.

– Абхоя, смотри, свет почти погас! – указал он на лампу. Нянька поспешила ее наполнить. Как только лампада снова ярко загорелась, учитель исчез. Дверь закрылась, замок защелкнулся сам собой.

Девятый ребенок Абхои остался в живых. В 1935 году, когда я спрашивал о девочке, она была еще жива.

Один из учеников Лахири Махасая, почтенный Кали Кумар Рой, рассказывал мне много удивительных подробностей из своей жизни с учителем.

"Я часто неделями гостил в его доме в Бенаресе, – говорил Рой. – Я видел, как в ночной тиши появлялось множество святых *данди* свами[[245]], желавших посидеть у ног гуру. Иной раз они вступали в беседу, когда она касалась вопросов медитации и философии. С рассветом благородные гости уходили. Во время своих посещений я обнаружил, что Лахири Махасая ни разу не ложился спать.

В ранний период общения с учителем я вынужден был бороться с враждебным отношением своего хозяина, у которого работал, – продолжал Рой. – Он был закоренелым материалистом. «Я не желаю, чтобы среди моих служащих были религиозные фанатики, – говорил он издевательским тоном. – Если я когда-нибудь встречу вашего шарлатана-гуру, то скажу ему такое, что он меня надолго запомнит».

– Тем не менее эта тревожная угроза была не в состоянии воспрепятствовать моему обычному плану: почти каждый вечер я проводил в обществе гуру. Однажды ночью хозяин последовал за мной и грубо ворвался в гостиную, явно настроенный высказать обещанные им сокрушающие замечания. Но не успел он сесть, как Лахири Махасая обратился к группе учеников, человек в двенадцать:

– Не хотите ли вы увидеть картинку?

Когда мы закивали головами в знак согласия, он попросил нас затемнить комнату.

– Сядьте кругом рядом друг с другом, – сказал он, – и положите руки на глаза человека,

---

245 [3]. Монашеский орден, члены которого носят бамбуковую палку с семью утолщениями – *данда* – по длине, символизирующую *Брахма-данда* – посох Брахмы, или позвоночный столб человека. Пробуждение семи цереброспинальных центров составляет истинную тропу к Бесконечности.

что пред вами.

Я не удивился, когда заметил, что и мой хозяин последовал указаниям учителя, хотя и неохотно. Через несколько минут Лахири Махасая спросил нас, что мы видим.

– Господин, – ответил я, – появилась красивая женщина. На ней *сари* с красной каймой, и она стоит у папоротника «слоновое ухо». Учитель обернулся к моему хозяину:

– Знаете вы эту женщину?

– Да, – человек этот явно боролся с чувствами, новыми для его натуры. – Я неразумно тратил на нее деньги, хотя у меня хорошая жена. Мне стыдно за те побуждения, что привели меня сюда. Простите ли вы меня и примете ли в ученики?

– Если вы в течение шести месяцев будете вести нравственную жизнь, я приму вас, иначе не смогу посвятить вас, – ответил учитель.

Три месяца мой хозяин воздерживался от искушения, но потом возобновил связь с этой женщиной. Спустя еще два месяца он умер. Тогда я понял скрытое пророчество гуру о невозможности посвящения этого человека".

У Лахири Махасая был знаменитый друг свами Трайланга, которому, как полагали, было более трехсот лет. Оба йога часто сиживали вместе в медитации. Слава о Трайланге распространилась столь широко, что мало кто из индусов стал бы отрицать возможность истины в любом из рассказов о его удивительных чудесах. Если бы Христос вернулся на землю и ходил по улицам Нью-Йорка, проявляя свою божественную силу, это вызвало бы, вероятно, такое же возбуждение, какое создавал Трайланга несколько десятков лет назад, проходя по забитым людьми улицам Бенареса. Он был одним из тех *сиддхов* (совершенных существ), что цементировали Индию от разрушительного действия времени.

Много раз видели, как свами без каких бы то ни было дурных последствий пил самые страшные смертельные яды. Тысячи людей, некоторые из них живы и по сей день, видели, как Трайланга плавал на водах Ганга. Целыми днями сидел он на поверхности воды или оставался сокрытый волнами в течение очень долгого времени. Обычным зрелищем на Маникарника гхате было недвижимое тело свами на покрытых водяными брызгами каменных плитах, целиком открытое немилосердному индийскому солнцу.

Этим Трайланга стремился показать людям, что жизнь йога не зависит ни от кислорода, ни от привычных условий и предосторожностей. Был ли он над водой или под водой, подвергалось ли его тело действию свирепых лучей солнца или нет, учитель доказывал, что он жил божественным сознанием: смерть не могла коснуться его.

Йог был велик не только духовно, но и физически. Вес его превышал триста фунтов (сто тридцать шесть килограммов) – по фунту на каждый год жизни! Поскольку он ел очень редко, тайна его большого веса возрастала. Учитель, однако, легко игнорирует все обычные правила сохранения здоровья, если он того желает по какой-либо особой, известной только ему самому, часто неуловимой причине.

Великие святые, пробудившиеся от космического сна майи и осознавшие этот мир как идею о божественном разуме, с телом могут делать что хотят, зная, что оно является лишь управляемой формой конденсированной или замороженной энергии. Хотя ученые физики ныне понимают, что материя есть не что иное, как застывшая энергия, озаренные учителя в сфере контроля над материей давно перешли от теории к практике.

Трайланга всегда оставался совершенно нагим. Измученной полиции Бенареса пришлось обходиться с ним, как с грудным ребенком. Дитя природы, свами, подобно древнему Адаму в Эдемском саду, абсолютно не сознавал своей наготы. Зато полиция вполне сознавала ее и бесцеремонно препроводила его в тюрьму. Последовало общее замешательство: громадное тело Трайланги во всей своей обычной полноте скоро оказалось на ее крыше. Его камера, все еще надежно запертая, не давала никакого ключа к разгадке того, каким образом он избавился от заключения.

Обескураженные стражи закона еще раз выполнили свой долг. На этот раз у камеры был поставлен часовой. И вновь сила отступила перед правдой. Скоро Трайлангу узрели в

непринужденной прогулке по крыше. У богини правосудия на глазах повязка. В случае с Трайлангой обескураженная полиция решила последовать ее примеру.

Великий йог обычно сохранял привычное молчание[246]. Несмотря на круглое лицо и огромный, как бочка, живот, Трайланга ел лишь изредка. Проведя без пищи несколько недель, он, бывало, прерывал свой пост несколькими горшками кислого молока, предлагаемого ему поклонниками. Один скептик решил однажды изобличить Трайлангу как шарлатана. Перед свами было поставлено большое ведро раствора кальциевой извести, используемого при побелке стен.

– Учитель, – сказал материалист с притворным почтением, – я принес тебе простокваши. Выпей ее, пожалуйста.

Трайланга без колебаний осушил до последней капли сосудище со жгучей известью. Через несколько минут злодей в предсмертной агонии повалился на землю.

– Помоги, свами, помоги! – вскричал он. – Я в огне! Прости мне мое злобное испытание!

Великий йог прервал свое обычное молчание.

– Насмешник! – сказал он. – Ты не понимал, когда предложил мне отраву, что жизнь моя едина с твоей. Если бы не мое знание, что Бог присутствует в моем желудке, как и в каждом атоме творения, известь убила бы меня. Теперь, когда ты знаешь божественный смысл бумеранга, никогда больше не разыгрывай ни на ком подобных трюков.

Очищенный грешник, исцеленный словами Трайланги, жалко поплелся прочь.

Перемещение боли не было результатом какого-то волевого акта учителя, но произошло через безошибочное применение закона справедливости[247], что поддерживает и самое дальнее небесное светило творения. Люди, познавшие Бога, подобно Трайланге, дают возможность мгновенного действия божественному закону. Они навсегда изгнали все перекрестные течения эго.

Автоматические регулирования справедливости, зачастую оплачивающие совершенно неожиданной монетой, как в случае с Трайлангой-свами и его несостоявшимся убийцей, успокаивают наше опрометчивое возмущение человеческой несправедливостью. «...Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»[248]. Какая нужда в ограниченных возможностях человека? Вселенная должным образом устраивает возмездие.

Ограниченные умы не доверяют божественному правосудию, любви, всеведению, бессмертию и относятся к ним, как к «пустым предложениям Писаний»! Такая бесчувственность, лишенная благоговения перед космическим зрелищем, приводит к действию цепи событий, которые проявляются во множестве последующих жизней и в конечном счете принуждают их к пробуждению мудрости.

О всемогуществе духовного закона говорил Христос при Своем триумфальном въезде в Иерусалим, когда «все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога... Говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних! И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют»[249].

В этом ответе фарисеям Христос показал, что божественное правосудие не какая-то фигуральная абстракция и что человек мира, хотя бы язык у него был вырван с корнем, все

---

246 [4]. Он был *муни* – монахом, соблюдающим *мауна* – духовное молчание. Санскритский корень *муни* родствен греческому *монос* – одинокий, единственный, от которого произошли слова *монах* и *монизм* .

247 [5]. Сравните *4 Царств* 2.19-24. После того, как Елисей совершил чудо «оздоровления воды» в Иерихоне, группа детей подняла его на смех. «...И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них сорок два ребенка».

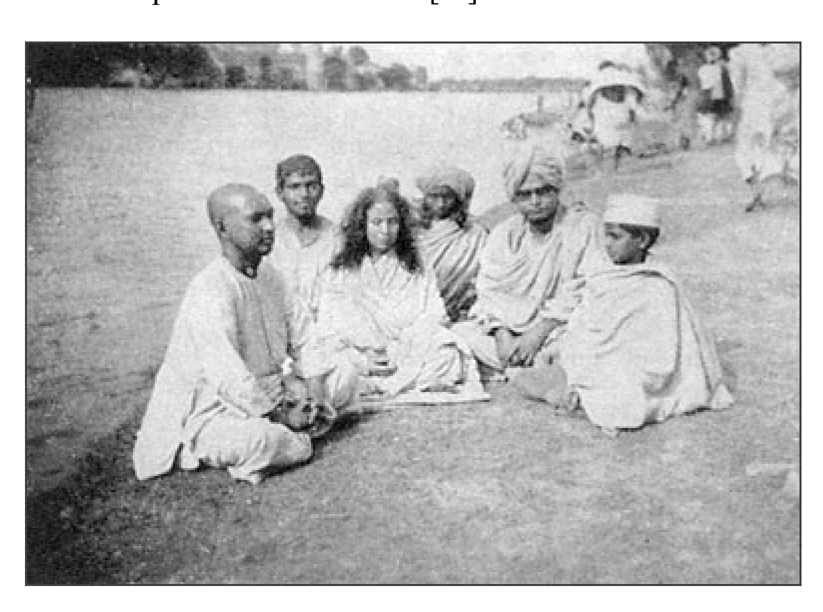
248 [6]. *К Римлянам* 12.19.

249 [7]. *От Луки* 19.37-40.

же найдет свою речь и защиту в основании творения, самом вселенском порядке.

«Вы считаете, что можно заставить замолчать мирных людей, – говорил Иисус. – Равно вы можете надеяться заглушить голос Божий, у Которого и камни поют славу Ему и воспевают Его вездесущность. Вам хотелось бы заставить людей не воздавать почести миру на небесах? Вам хотелось бы, чтобы они быстро собирались толпами только в случае войны на земле? Тогда будьте готовы, о фарисеи, опрокинуть основы мира, ибо не только честные люди, но и камни, земля, вода, огонь и воздух восстанут против вас, чтоб засвидетельствовать предопределенную им гармонию в творении».

Мой *седжо мама* (дядя по матери) был одарен милостью Христоподобного йога Трайланги. Однажды утром дядя увидел у *гхата* в Бенаресе учителя, окруженного множеством поклонников. Ему посчастливилось оказаться рядом с Трайлангой и скромно прикоснуться к его стопам. Дядя был изумлен, ибо моментально излечился от одной мучительной хронической болезни[250].



Йогиня Шанкари Май Джи – единственная живущая ученица великого свами Трайланги. Сидящий прямо за ней мужчина в тюрбане – это свами Бенойананда, директор нашей школы йоги для мальчиков в Ранчи, Бихар. Снимок сделан в 1938 году на *Кумбха Мела* в Хардваре. Святой женщине тогда было 112 лет.

Единственная из учениц великого йога известная ныне – Шанкари Май Джи. Дочь одного из учеников Трайланги, она училась у свами с раннего детства. Прожив сорок лет в уединенных пещерах Гималайских гор близ Бадринатха, Кедарнатха, Амарнатха, Пашупатинатха, эта *брахмачарина* (женщина-аскет), родившаяся в 1826 году, имеет возраст далеко за сто лет. Однако, она не стара на вид, сохранила темные волосы, отличные белоснежные зубы и удивительную энергию, покидая свое уединение раз в несколько лет для посещения периодически устраиваемых *мела* .

Эта святая женщина часто навещала Лахири Махасая. Она рассказывала, что однажды в районе Баракпура, близ Калькутты, когда сидела рядом с Лахири Махасая, в комнату спокойно вошел его великий гуру Бабаджи и стал беседовать с ними. «Он благословил меня духовным советом», – сказала она.

250 [8]. Жизнь Трайланги и других великих учителей напоминает о словах Иисуса: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». – *От Марка* 16.17-18.

А однажды ее учитель Трайланга, оказавшись в Бенаресе, оставив свое обычное молчание, весьма подчеркнуто публично проявлял почтение Лахири Махасая. Один ученик Трайланги запротестовал:

– Господин, зачем вы – свами, отреченный – оказываете такое почтение домохозяину?

– Сын мой, – ответил Трайланга, – Лахири Махасая подобен божьему котенку, находящемуся там, куда его определила космическая Мать. Покорно играя роль мирского человека, он приобрел то совершенное самопознание, ради которого я отрекся даже от набедренной повязки!

Глава 32. Рама, воскресший из мертвых

«Был болен некто Лазарь... Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий»[251].

Одним солнечным утром Шри Юктешвар изъяснял христианское Писание на балконе серампурского жилища. Его аудитория состояла из нескольких учеников, включая меня и небольшую группу моих студентов из Ранчи.

– В этом месте Иисус называет себя Сыном Божьим. Хотя Он и был действительно един с Богом, здесь Его упоминание имеет глубокий безличный смысл, – объяснял гуру. – Сын Божий – это Христос, или божественное сознание в человеке. *Смертный* не может славить Бога. Единственное почитание, которое он в состоянии оказать своему Творцу, – это искать Его: человек не может славить некую абстракцию, которой не знает. *Слава* , или нимб вокруг головы святых, есть символическое свидетельство их способности воздавать истинное божественное почитание.

Шри Юктешвар продолжал чтение удивительной истории о воскрешении Лазаря. По завершении ее учитель впал в долгое молчание с раскрытой священной книгой на коленях.

– Мне тоже посчастливилось видеть подобное чудо, – проговорил он наконец торжественно, – Лахири Махасая воскресил из мертвых одного из моих друзей.

На лицах ребят рядом со мной отразилась улыбка с выражением живого интереса. Во мне тоже было еще достаточно от мальчишки, чтобы обрадоваться не только философии, но и любому рассказу, который я мог услышать от Шри Юктешвара, о его чудесных общениях со своим гуру.

"Мы с Рамой были неразлучны, – начал учитель. – Он был застенчив и любил уединение, поэтому предпочитал навещать нашего гуру только в часы полуночи и на рассвете, когда множество дневных учеников отсутствовало. Как самый близкий друг Рамы я был как бы духовной отдушиной, через которую он излучал все богатство своих духовных восприятий. В его идеальном товарищеском отношении я находил вдохновение. – Лицо гуру смягчилось под влиянием воспоминаний. – Внезапно Рама был подвергнут суровому испытанию, – продолжал Шри Юктешвар. – Он заразился азиатской холерой. Поскольку наш учитель никогда не возражал против услуг врачей во время серьезной болезни, были вызваны два специалиста. Неистово пытаясь помочь больному, я не переставал глубоко молиться Лахири Махасая о помощи. Поспешив к нему домой, рыдая, я все рассказал ему.

– Врачи осматривают Раму. Он будет здоров, – весело улыбнулся гуру.

С легким сердцем я вернулся к постели друга и нашел его умирающим.

– Он протянет еще час-два, не более, – заявил один из врачей, безнадежно махнув рукой.

Я снова помчался к Лахири Махасая.

– Доктора – люди добросовестные. Я уверен, что Рама будет здоров, – весело успокоил меня учитель.

251 [1]. *От Иоанна* 11.1-4.

У Рамы я обнаружил, что оба доктора уже ушли. Один из них оставил мне записку: «Мы сделали все, что могли, но он безнадежен».

Друг и в самом деле имел вид умирающего. Мне было непонятно, как могут не сбыться слова Лахири Махасая, но тем не менее вид быстро угасающего Рамы вынудил меня подумать, что и в самом деле все кончено. Так в метаниях от веры к тревожному сомнению я чем мог помогал другу. Он очнулся и воскликнул:

– Юктешвар, беги к учителю и скажи ему, что я отошел. Попроси его благословить мое тело перед последними церемониями.

С этими словами Рама тяжело вздохнул и испустил дух[252].

Около часа я поплакал над дорогим мне телом. Он всегда искал тишины и теперь достиг абсолютного покоя смерти. Пришел еще один ученик, я попросил его побыть в доме до моего возвращения и, ошеломленный, поплелся к гуру.

– Ну и как Рама? – лицо Лахири Махасая расплылось в улыбке.

– Господин, вы увидите его через несколько часов, – взволнованно выкрикнул я, – перед тем как его тело увезут в крематорий. – Не выдержав, я открыто застонал.

– Юктешвар, возьми себя в руки. Посиди спокойно и помедитируй.

Мой гуру ушел в *самадхи* . Вечер и ночь прошли в непрерывном молчании. Я безуспешно боролся за восстановление внутреннего самообладания. На рассвете Лахири Махасая бросил на меня утешающий взгляд.

– Я вижу, ты еще взволнован. Почему же ты не сказал мне вчера, что хочешь, чтобы я оказал Раме осязаемую помощь в виде какого-нибудь снадобья? – Учитель указал на лампаду в форме чаши с неочищенным касторовым маслом: – Налей масло из этой лампы в пузырек и влей Раме в рот семь капель.

– Господин, – возразил я, – он мертв со вчерашнего дня. Какой толк теперь в этом масле?

– Неважно, делай то, что я прошу. – Веселое настроение Лахири Махасая мне было непонятно; я все еще пребывал в состоянии ничем не смягченной утраты. Отлив немного масла, я отправился в дом Рамы.

Найдя тело друга застывшим в тисках смерти, не обращая внимания на это его страшное состояние, я приоткрыл ему губы указательным пальцем правой руки и ухитрился при помощи пробки левой рукой влить каплю за каплей масло сквозь стиснутые зубы. Когда холодных губ Рамы коснулась седьмая капля, он неистово задрожал. Мышцы его с головы до ног затрепетали, и, к моему изумлению, он сел.

– Я видел Лахири Махасая в блеске света! – воскликнул он. – Он сиял, как солнце. «Восстань, оставь свой сон, – приказал он мне. – Приходи с Юктешваром навестить меня».

Я не верил своим глазам, когда Рама оделся и оказался достаточно крепок, чтобы после этой роковой болезни прийти домой к нашему гуру. Там он простерся перед Лахири Махасая со слезами признательности. Учитель был вне себя от радости. Глаза его озорно мигнули мне.

– Юктешвар, – сказал он, – теперь ты, конечно, не преминешь носить с собой пузырек касторового масла. Как увидишь труп, сразу давай масла! Семь капель лампадного масла наверняка должны одолеть силу бога Ямы![253]

– Гуруджи, вы смеетесь надо мной. Я никак не пойму, в чем моя ошибка. Скажите, пожалуйста, в чем она.

– Я тебе дважды сказал, что Рама будет здоров, и все же ты не совсем поверил мне, – пояснил Лахири Махасая. – Я не имел в виду, что доктора в состоянии будут вылечить его, а заметил лишь, что они находятся рядом. Между этими двумя замечаниями не было никакой

---

252 [2]. Жертвы холеры зачастую встречают смерть в полном сознании и разуме.

253 [3]. *Яма* – бог смерти.

причинной связи. Я не хотел помешать врачам: они тоже должны жить. – И голосом, в котором звучала радость, гуру добавил: – Всегда знай, что неистощимый Параматман[254] может исцелить любого доктора или не доктора.

– Я понял ошибку, – с раскаянием сознался я. – Теперь понятно, что даже простое наше слово связано со всем космосом".

Когда Шри Юктешвар закончил этот удивительный рассказ, один из зачарованных слушателей позволил себе вполне резонный для ребенка вопрос:

– Господин, – сказал он, – а почему ваш гуру воспользовался именно касторовым маслом?

– Дитя мое, масло не имело никакого значения, кроме того, что я ожидал чего-то материального, и Лахири Махасая выбрал бывшее рядом масло как вещественный символ для пробуждения у меня большей веры. Учитель дал Раме умереть, поскольку я отчасти сомневался. Но божественный гуру знал: раз он сказал, что ученик будет здоров, исцеление должно иметь место, даже если ему придется излечить Раму от смерти – «болезни», обычно неизлечимой.

Шри Юктешвар отпустил маленькую группу и показал мне жестом, чтобы я сел на одеяло у его ног.

– Йогананда, – сказал он с необычайной серьезностью, – ты от рождения был в окружении прямых учеников Лахири Махасая. Великий учитель прожил возвышенную жизнь в частичном уединении и наотрез отказывался позволить последователям создавать какую бы то ни было организацию вокруг его учений. Тем не менее он сделал одно значительное предсказание.

«Лет через пятьдесят после моего ухода, – сказал он, – вследствие глубокого интереса к йоге, проявляемого Западом, о жизни моей будет написано. Провозвестие йоги обойдет весь земной шар и поможет установлению того братства людей, которое происходит от прямого восприятия Единого Отца».

– Сын мой Йогананда, – продолжал Шри Юктешвар, – именно ты должен сыграть свою роль в распространении этой вести и в описании этой святой жизни.

Пятидесятилетие со дня ухода Лахири Махасая исполнилось в 1945 году – году, когда настоящая книга была завершена. Я мог лишь поражаться тому совпадению, что год 1945-й возвестил также начало новой эры – эры, произведшей переворот в науке атомной энергии. Все мыслящие люди, как никогда ранее, обратились к насущным проблемам мира и братства, дабы непрерывное применение физической силы не уничтожило всех людей вместе с их проблемами.

Если бы даже человеческая раса и дела ее под влиянием времени или бомб бесследно исчезли, солнце не сбилось бы со своего курса, и звезды неизменно бодрствовали. Действие космического закона невозможно остановить или изменить, и человек хорошо бы сделал, если бы привел себя с ним в гармонию. Если космос против силы, если солнце не воюет с планетами, а уходит в должное время, чтобы передать звездам их маленькую власть, то к чему нам бронированный кулак? Будет ли от него мир? Не жестокость, а добрая воля вооружает движущую силу вселенной, человечество в мире познает бесчисленные плоды победы, более сладкие, нежели те, что выращены на кровавой почве.

Действительная Лига Наций станет естественной, безымянной силой человеческих сердец. Глубокие симпатии и проницательность, необходимые для исцеления земных ран, не могут проистекать от одного лишь интеллектуального рассмотрения отличия людей, в основе их должно быть сознание человеческого единства – его родства с Богом. Ради осуществления высшего идеала: мир через всеобщее братство – путь йога – учение о личном контакте с Богом распространяется своевременно среди всех людей всех стран.

Хотя цивилизация Индии древнее всякой иной, немногие из историков заметили, что

254 [4]. *Параматман* Верховная Душа.

подвиг ее национального выживания ни в коем случае не является случайностью, он логически оправдан преданностью вечным истинам, которые Индия предлагала общему вниманию через лучших представителей, живших в каждом поколении. Благодаря непрерывности бытия, непреходящей перед лицом веков, в состоянии ли сухие ученые верно сказать нам, сколько веков, бросая вызов времени, Индия давала бесценный ответ всем народам!

Библейская история моления Авраама к Богу[[255]] , чтобы пощадил Он город Содом, если найдутся в нем десять праведников, и в ответе Божьем: «...не истреблю ради десяти» – получает новый смысл в свете избежание Индией участи забвения ее современников – Вавилона, Египта, Греции, Италии.

Ответ Бога ясно показывает, что страна живет не материальными достижениями, но в человеческих шедеврах.

Пусть же слова Божьи вновь будут услышаны в этом, XX веке, дважды утопавшим в крови, не достигнув и половины: ни одна из наций, которая может создать десятерых великих в глазах Неподкупного Судии, не узнает смерти.

Благодаря такого рода убеждениям Индия выстояла перед тысячею хитрых уловок времени. Во всех веках ее земля была освящена познавшими себя учителями; современные Христоподобные мудрецы, такие, как Лахири Махасая и его ученик Шри Юктешвар, явились возвестить о том, что для счастья человека и долговечности нации учение йоги жизненнее и важнее любого материального прогресса.

В печать просочилась весьма скудная информация о Лахири Махасая и его универсальном учении[[256]]. За три десятилетия моего пребывания в Индии, Америке и Европе я обнаружил глубокий и искренний интерес к провозвестию освобождающей йоги великого учителя. Как он и предсказал, рассказ о его жизни в печати теперь необходим и на Западе, где достижения великих йогов современности известны мало.

В благочестивой семье *брахмана* с древней родословной 30 сентября 1828 года родился Лахири Махасая. Место его рождения было село Гхурни в округе Надии близ Кришнанагара в Бенгалии. Он был единственным сыном Муктакаши, второй жены почтенного Гаури Мохана Лахири[[257]]. Мать мальчика скончалась, когда он был еще ребенком. Сверх того весьма показательного факта, что она была пылкой поклонницей Господа Шивы[[258]], определяемого в Писаниях как «Царь йогов», о ней известно мало.

Мальчик, которого звали Шьям Чаран Лахири, провел ранние годы своей жизни в родовом доме в Гхурни. В три-четыре года его часто видели сидящим в йоговской позе в песках, скрывавших все тело, кроме головы.

---

255 [5]. *Бытие* 18.23-32.

256 [6]. В 1941 г. появилась короткая биография *Шри Шьяма Чаран Лахири Махасая* , написанная свами Сатьнандой. С его страниц я перевел несколько эпизодов для данной главы о Лахири Махасая.

257 [7]. Первая жена после рождения трех сыновей умерла во время паломничества.

258 [8]. Один из Богов Троицы – Брахма, Вишну, Шива, вселенская деятельность Которых заключается соответственно в творении, сохранении и растворении-восстановлении. Шива, представленный в мифах как Господь отреченных, является Своим поклонникам в видениях в разных аспектах – как Махадев – аскет со спутанными волосами и Натараджа – Космический Танцор.

Такой Бог, как Шива (или Разрушитель), сложен для понимания многих умов. В *Махимнаставе* – гимне, написанном Пушпадантой, он гротескно спрашивает божественного Шиву: «Зачем Ты сотворил миры, только чтобы разрушать их?» Отрывок из Махимнастава: «Поступь Твоих стоп внезапно привела землю к опасности, движение Твоих сильных, как железные пруты, рук разбросало звезды по небу. Небеса, по которым хлестали Твои распущенные волосы, взволновались. Поистине, Ты прекрасно танцуешь! Но тревожить мир, чтобы спасти его – что это за тайна?»

Но древний поэт завершает: «Велико различие между моим умом, способным немного понимать и печалиться, и Твоей вечной славой, превосходящей все атрибуты!»

Имение Лахири было разрушено зимой 1833 года, когда протекающая вблизи река Джаланги, изменив русло, исчезла в глубинах Ганга. Один из храмов Шивы, основанный семьями Лахири, погрузился в реку вместе с фамильным домом. Один из поклонников спас из бурлящих вод каменное изваяние Господа Шивы и перенес его во вновь построенный храм, ныне хорошо известный как местонахождение Гхурновского Шивы.

Гаур Мохан Лахири с семьей оставил Гхурни и стал обитателем Бенареса, где он тут же воздвиг храм Шивы. Ведя свое хозяйство по дисциплинарным правилам *Вед* , регулярно соблюдая церемониальное богослужение, он проявлял благотворительность и изучал Писания. Однако, будучи справедливым и непредубежденным, он не отвергал и благотворного потока современных идей.

Мальчик Лахири брал уроки хинди и урду в ученых кругах Бенареса. Он посещал школу, руководителем которой был Джой Нараян Гхошал, обучаясь санскриту, бенгали, французскому и английскому. Принявшись за непосредственное изучение *Вед* , юный йог жадно прислушивался к дискуссиям ученых *брахманов* по поводу священных Писаний, в том числе и Махратского пандита Наг-Бхатта.

Шьяма Чаран был добрым, честным и смелым юношей, любимым всеми товарищами. Хорошо сложенный, с сильным телом, он отличался в плавании и искусностью во многих видах ручного труда.

В 1846 году Шьяма Чаран Лахири женился на Шримати Каши Мони, дочери Шри Дебнараяна Саньяла. Будучи образцом настоящей индийской женщины-домохозяйки, Каши Мони бодро взялась за домашние обязанности и исполнение традиционного долга домохозяйки – служение гостям и беднякам. Союз этот был благословлен двумя сыновьями и двумя дочерьми. В возрасте двадцати трех лет, в 1851 году, Лахири Махасая занял место бухгалтера в инженерно-военном ведомстве британского правительства. За время службы он получил много наград. Таким образом, перед очами Божьими он был не только учителем, но имел успех и в маленькой человеческой драме, где играл порученную ему роль служащего в миру.

Поскольку управления военного департамента перемещались, Лахири Махасая переводили в Газипур, Мирджапур, Найнитал, Данапур и Бенарес. После смерти отца Лахири Махасая должен был взять на себя всю ответственность за семью, для которой купил тихой жилище в Гарудешвар Мохулле, по соседству с Бенаресом.

В тридцать три года Лахири Махасая[259] увидел осуществление цели, ради которой вновь воплотился на земле: близ Раникхета в Гималаях он встретил своего великого гуру Бабаджи, который посвятил его в *крия-йогу* .

Это был благоприятный случай не для одного Лахири Махасая, это был счастливый момент для всего человечества. Потерянное, давно исчезнувшее высочайшее искусство йоги было вновь возвращено свету.

Как Ганг[260], согласно Пуранической истории, пришел с небес на землю, предлагая

259 [9]. Санскритский религиозный титул *Махасая* значит – *широкий ум.*

260 [10]. Воды матери Ганга, святой реки индусов, берут начало среди вечных снегов и тишины, в ледяной пещере Гималаев. Веками тысячи святых с наслаждением оставались около Ганга; вдоль его берегов они оставили ауру благословения (см. сноску к главе 20).

Чрезвычайная, возможно, уникальная черта Ганга – это его неизменная стерильность от бактерий. Миллионы индусов, не причиняя себе вреда, используют воду для омовения и питья. Этот факт ставит в тупик современных ученых. Один из них, доктор Джон Хауворд Нортроп, солауреат Нобелевской премии по химии за 1946 г., недавно сказал: «Мы знаем, что Ганг сильно загрязнен. Однако индусы пьют из него, купаются в нем, и это не них явно не влияет». И с надеждой добавил: «Возможно, реке придает стерильность бактериофаг» (вирус, поражающий и разрушающий бактерии).

Веды передают благоговение перед всеми явлениями природы. Набожный индус хорошо понимает похвалу святого Франциска Ассизского: «Благословен будь, мой Бог, за нашу сестру Воду, такую полезную, скромную, простую и драгоценную».

божественный напиток страдающему от жары набожному Бхагирату, так и в 1861 году небесная река *крия-йоги* начала течь из тайной цитадели Гималаев в пыльные убежища людей.

Глава 33. Бабаджи – современный йог, равный Христу

Утесы северных Гималаев близ Бадринараяна все еще освящены живым присутствием Бабаджи, гуру Лахири Махасая. Уединившийся учитель сохраняет физическую форму в течении столетий, а возможно, и тысячелетий. Бессмертный Бабаджи – *аватара* . В индусских Писаниях это санскритское слово означает – нисхождение божества в плоть; корни его – *ава* – вниз и *три* – пройти.

– Духовное состояние Бабаджи выше способности человеческого понимания, – объяснил мне Шри Юктешвар. – Карликовое видение людей не в состоянии постичь его трансцендентность. Величие аватара тщетно пытаются постичь. Оно невообразимо.

Упанишады тщательно классифицировали все состояния духовного развития сущности. Сиддха (совершенное существо) прогрессирует до состояния *дживанмукта* (свободный при жизни), а затем до состояния *парамукта* (в высшей степени свободный – имеющий власть над смертью), последний полностью избавился от рабства майи и круга ее перевоплощений. Потому *парамукта* редко возвращается в физическое тело, а если возвращается – он аватара, божественно предопределенный посредник высших благ миру. Аватара совершенно не подвержен вселенской математике, его чистое тело, выглядящее, как световой образ, свободно от долга природе.

Случайный взгляд может не заметить ничего особенного в теле аватара, но иногда он не отбрасывает тени или не оставляет следов на земле. Это внешние символы, доказывающие внутреннее отсутствие темноты и материальной зависимости. Только такой богочеловек видит истину за относительностями жизни и смерти. Омар Хайам, столь извращенно понимаемый, в бессмертном сочинении *Рубаи* так воспел освобожденного человека (перевод А.С.Рапопорт):

О неизбывная луна моей отрады!
Восходит месяц вновь над нашим садом,
Но тщетно станет он потом, взойдя,
Искать меня за этою оградой!

«Неизбывная луна моей отрады» – это Бог, никогда не устаревающий, вечный Поларис. «Восходит месяц вновь над нашим садом» – это внешний космос, связанный законом периодического возвращения. Оковы его были навсегда разбиты персидским провидцем благодаря его самопознанию. «Но тщетно станет он потом, взойдя, искать меня за этою оградой!» Тщетны будут попытки удивленной вселенной отыскать того, кто исчез навсегда!

Христос высказался по поводу Своей свободы иначе. «Тогда один книжник, подошедши сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову»[[261]].

Разве можно было последовать за вездесущим Христом кому-либо, кроме как покрывающему все своим сводом Духу?

Кришна, Рама, Будда и Патанджали были среди древних индийских аватар. Значительная поэтическая литература на тамильском языке выросла вокруг Агастьи, аватара Южной Индии. Много чудес сотворил он в века, предшествующие христианству и

261 [1]. *От Матфея* 8.19-20.

последующие. Ему приписывают сохранение физической формы и по сей день.

Миссия Бабаджи в Индии – помогать пророкам в выполнении особо предназначенного им. Таким образом, он подходит под классификацию Писаний как *Махаватара* (великий аватара). Он говорил, что передал йоговское посвящение Шанкаре[262], реорганизатору Ордена Свами, и Кабиру, знаменитому учителю средневековья. Главным учеником Бабаджи в XIX веке явился, как мы знаем, Лахири Махасая, возродивший утраченное искусство *крии* .

Бабаджи находится в постоянном общении с Христом, они вместе излучают вибрации спасения и вместе намечают духовные методы для спасения человечества на текущий период. Дело этих двух в полной мере озаренных учителей – одного с телом, а другого без – вдохновлять народы на отказ от гибельных войн, расовой ненависти, религиозного сектантства и бумеранга зла материализма. Бабаджи хорошо понимает тенденцию нашего времени, в особенности влияние и сложность западной цивилизации, и осознает необходимость распространения йоговского самоосвобождения в равной степени как на Западе, так и на Востоке.

Пусть нас не удивляет отсутствие каких бы то ни было исторических упоминаний о Бабаджи. Великий гуру ни в одном из веков не являлся открыто, сбивающий с толку блеск известности не нашел себе места в его тысячелетних планах. Подобно Творцу – единой, но тихой силе – Бабаджи действует в скромной безвестности.

Великие пророки, такие как Христос и Кришна, приходят на землю ради особой и зримой цели, и уходят, коль скоро она осуществлена. Другие же аватары, как Бабаджи, предпринимают труд, который связан с медленным эволюционным прогрессом человека в ходе веков, а не с каким-либо выдающимся событием истории. Такие учителя всегда скрыты от большой публики и обладают способностью становиться невидимыми по своей воле. По этим причинам, а также потому, что обычно они наказывают своим ученикам сохранять полное молчание о них, многие из могучих, вздымающихся ввысь духовных фигур остаются неизвестными миру. На этих страницах я даю лишь маленький набросок жизни Бабаджи – всего несколько фактов, которые он считает подобающим и полезным сообщить.

Никогда не было открыто столь дорогих сердцу летописца конкретных фактов о семье или месте рождения Бабаджи. Говорит он обычно на хинди, но легко беседует на любом языке. Он принял простое имя – Бабаджи, другие почтительные наименования, данные ему учениками Лахири Махасая, – Махамуни Бабаджи Магарадж (великий экстатический святой), Маха йог (величайший из йогов), Трамбак Баба или Шива Баба (титулы аватар Шивы). Однако разве имеет значение, что мы не знаем родового имени вполне освобожденного учителя?

«Когда бы и кто бы ни произнес с почтением имя Бабаджи, – говорил Лахири Махасая, – этот поклоняющийся немедленно привлекает его духовное благословение».

262 [2]. *Шанкара* был учеником Говинды Джати и получил посвящение в *крия-йогу* от Бабаджи в Бенаресе. Подробно рассказывая эту историю очарованным Лахири Махасая и свами Кебалананде, Бабаджи привел множество прелестных деталей общения с великим монистом.

Махаватар Бабаджи.
Гуру Лахири Махасая.
Я помог одному художнику нарисовать подлинный портрет йоговского Христа современной Индии.

Одна из пещер в горах Дрангири (Гималаи) около Ранихета, которую занимал Бабаджи.
Ананда Мохан Лахири – внук Лахири Махасая (второй справа в белом) и три других ученика посещают святое место.

Тело бессмертного гуру не несет никаких признаков возраста; он выглядит не старше двадцатипятилетнего юноши. Светлокожий, среднего роста, с красивым и сильным телом,

Бабаджи излучает заметное свечение. Глаза его темные, спокойные и нежные; волосы длинные, блестящие, цвета бронзы. Странным является большое внешнее сходство Бабаджи с его учеником Лахири Махасая. Сходство это столь поразительно, что Лахири Махасая в последние годы жизни можно было принять за отца юно выглядевшего Бабаджи.

Свами Кебалананда, святой репетитор по санскриту, провел некоторое время с Бабаджи[263] в Гималмях.

"Несравненный учитель передвигается со своей группой в горах с места на место, – рассказывал мне Кебалананда, – в его маленькой группе есть двое высокоразвитых учеников американцев. После того как Бабаджи пробыл в одном месте некоторое время, он говорит: "*Дера данда утхао* « – Снимем-ка наш лагерь и поднимем посох». (Он носит символический данда.) Эти его слова являются сигналом для мгновенного передвижения всей группы на другое место. Он не всегда пользуется этим методом астрального путешествия, а иногда ходит пешком с пика на пик.

Бабаджи можно увидеть или узнать лишь тогда, когда он того пожелает. Известно, что разным поклонникам он являлся во многих слегка различающихся формах – иногда без бороды и усов, а иногда с ними. Поскольку его не подверженному разложению телу не требуется никакой пищи, учитель ест редко. Из вежливости к посещающим его ученикам он изредка употребляет фрукты или рис, сваренный в молоке, и очищенное масло.

Мне известны два удивительных случая из жизни Бабаджи, – продолжал Кебалананда. – Однажды ночью ученики его сидели вокруг огромного костра, пылавшего для проведения одной священной ведической церемонии. Вдруг учитель выхватил из костра пылающий чурбан и слегка ударил им по голому плечу одного чела, сидевшего близко к огню.

– Как жестоко, учитель! – выразил свой протест присутствовавший там Лахири Махасая.

– Ты предпочел бы видеть его превратившимся у тебя на глазах в пепел в соответствии с его прошлой кармой? – с этими словами Бабаджи положил свою целящую руку на изуродованное плечо чела: – Этой ночью я спас тебя от мучительной смерти. Закон кармы удовлетворен твоим незначительным страданием от огня.

В другом случае группу Бабаджи потревожило появление незнакомца, который с удивительной ловкостью взобрался на почти неприступный выступ близ лагеря учителя.

– Господин, должно быть, вы и есть великий Бабаджи. – Лицо человека было озарено невыразимым почтением. – Несколько месяцев непрестанно разыскивал я вас средь этих грозных скал. Умоляю вас принять меня в ученики.

Великий гуру не отвечал, тогда человек указал на глубокую расселину у своих ног.

– Если вы мне откажете, я прыгну с этой горы. Если я не обрету вашего руководства к божественному, дальнейшая жизнь не имеет для меня цели.

– Так прыгай, – сказал Бабаджи бесстрастно. – Я не могу принять тебя в твоем теперешнем состоянии развития.

Человек тут же бросился с крутого обрыва. Бабаджи приказал пораженным ученикам принести его. Когда они вернулись с искалеченным телом, учитель возложил свою божественную руку на мертвеца. И вот он открыл глаза и скромно простерся перед всемогущим учителем.

– Теперь ты готов для ученичества, – Бабаджи с сияющей улыбкой нежно смотрел на воскресшего человека. – Ты смело прошел трудное испытание[264]. Смерть более не коснется

263 [3]. *Бабаджи* (почтенный отец) – это распространенное имя. Так в Индии обращаются ко многим известным учителям. В индийских книгах, новых и старых, время от времени находят упоминание о том или ином Бабаджи – но ни один из них не есть Бабаджи, гуру Лахири Махасая. Существование Махаватара было открыто миру впервые в 1946 г. в книге *Автобиография Йога* .

264 [4]. Послушание, связанное с жестом. Когда посвященный учитель сказал: «Прыгай», человек послушался. Если бы он усомнился, то отверг бы собственное утверждение, что считает свою жизнь без

тебя, теперь ты один из нас. Затем он произнес обычные слова отбытия: "*Дера данда утхао* «, – и вся группа исчезла с горы».

Аватар живет в вездесущем духе, для него не существует понятий *обратно квадрату расстояния* . Следовательно, лишь одна причина может побуждать Бабаджи сохранять из века в век физическую форму – желание показать людям конкретный пример человеческих способностей. Не удостойся человек увидеть хоть мельком божество во плоти, он остался бы угнетенным тяжким заблуждением *майи* , будто он не в состоянии превозмочь свою бренность.

Иисус с самого начала знал последовательность Своей жизни. Он проходил через все события не ради Себя и не вследствие кармического принуждения, но исключительно ради духовного подъема мыслящих человеческих существ. Четыре евангелиста – Матфей, Марк, Лука и Иоанн – записали невыразимую драму на благо будущих поколений.

Для Бабаджи также не существовало относительности прошлого, настоящего, будущего. С самого начала ему известны были все этапы его жизни. Приспосабливаясь к ограниченному пониманию людей, он разыграл многие акты своей божественной жизни в присутствии одного или более свидетелей. Так, один ученик Лахири Махасая присутствовал, когда Бабаджи решил, что для него настало время заявить о возможности телесного бессмертия. Он высказал эту перспективу Раму Гопалу Музумдару, чтобы это могло в конце концов стать известным и вдохновить другие ищущие сердца. Великие говорят свои слова и принимают участие в кажущемся естественном ходе событий исключительно на благо человеку, как и сказал Христос: "Отче!.. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но *сказал сие для народа, здесь стоящего* , чтобы поверили, что Ты послал Меня"[[265]].

Во время моего посещения Рама Гопала – «неспящего святого» – в Ранбаджпуре[[266]] он рассказал чудесную историю о своей первой встрече с Бабаджи.

"Иногда я покидал свою уединенную пещеру, чтобы посидеть у ног Лахири Махасая, жившего в Бенаресе. Однажды в полночь, когда я медитировал с ним и группой его учеников, учитель обратился ко мне с неожиданной просьбой:

Рам Гопал, скорее отправляйся к месту омовения – Дасасамедхскому *гхату* .

Я скоро добрался до этого укромного местечка. Была ясная лунная ночь, мерцали звезды. Просидев некоторое время в терпеливом молчании, я обратил внимание на огромную каменную плиту лежавшую у моих ног. Она мало-помалу поднималась, открывая подземную пещеру. Камень каким-то непонятным образом оставался в равновесии, а из пещеры высоко в воздух вознеслась изящно одетая молодая и исключительно привлекательная женщина. Окруженная мягким сиянием, она медленно опустилась передо мной, оставаясь неподвижной, погруженная во внутреннее состояние экстаза. Наконец она пошевелилась и мягко сказала:

– Я Матаджи[[267]] – сестра Бабаджи. Я попросила его, а также Лахири Махасая прийти этой ночью сюда, чтобы обсудить вопрос большой важности.

Неясный свет быстро промелькнул над Гангом, странное свечение отразилось в темных водах. Он приближался все ближе и ближе до тех пор, пока с ослепительной вспышкой не оказался рядом с Матаджи и мгновенно сгустился в человеческую фигуру Лахири Махасая.

руководства Бабаджи бесполезной. Если бы он колебался, то обнаружил бы, что ему недостает полной истины в гуру. Поэтому это испытание, хотя и было радикально и необычно, является наилучшим в данных обстоятельствах.

265 [5]. *От Иоанна* 11.41-42.

266 [6]. Тот самый йог, чье вездесущее око узрело, что я не склонился перед Таракешварской святыней, – глава 13.

267 [7]. *Матаджи* – Святая Мать. Она тоже прожила много веков, и столь же развита духовно, как ее брат. Она пребывает в экстазе в скрытой подземной пещере расположенной близ Дасасамедхского *гхата* в Бенаресе.

Он скромно склонился у ног святой женщины. Не успел я оправиться от удивления, как был вновь поражен, увидев кружащуюся массу таинственного света, движущуюся по небу. Быстро спустившись, водоворот пламени приблизился к нашей группе и материализовался в тело прелестного юноши, который, как я сразу понял, и был Бабаджи. Он выглядел, как Лахири Махасая, отличались же они в основном тем, что Бабаджи казался много моложе, у него были длинные волосы и не было усов.

Лахири Махасая, Матаджи и я преклонили колена у святых стоп гуру. Когда я коснулся его божественной плоти, неземное ощущение блаженного восторга затрепетало во всех фибрах моего существа.

– Благословенная сестра, – сказал Бабаджи, – я намерен сбросить свою форму и погрузиться в Поток Бесконечного.

– Я уже уловила твое намерение, любимый учитель, и хотела обсудить его с тобой этой ночью. Зачем тебе оставлять тело? – Чудесная женщина испытующе посмотрела на него.

– Какая разница, надену ли я зримую или незримую волну на океан моего духа?

– Бессмертный гуру, – с необычайным остроумием ответствовала Матаджи, – если в этом нет никакой разницы, тогда не оставляй никогда, пожалуйста, своего тела[268].

– Да будет так, как ты сказала, – торжественно проговорил Бабаджи. – Я никогда не оставлю свое физическое тело. Его всегда смогут увидеть хотя бы немногие люди на этой земле. Господь высказал свое желание твоими устами.

Поскольку я с благоговейным трепетом внимал беседе между этими возвышенными существами, великий гуру милостиво обратился ко мне.

– Не бойся, Рам Гопал, – сказал он, – ты благословен быть свидетелем этого бессмертного обещания.

Когда ясный, мелодичный голос Бабаджи отзвучал, его тело и тело Лахири Махасая медленно вознеслись и двинулись обратно через Ганг. Ореол ослепительного света обрамлял их тела, исчезнувшие в ночном небе. Матаджи уплыла к пещере и опустилась в нее, каменная плита сама собой, как на незримых рычагах, закрылась.

Безмерно воодушевленный, я направился в дом Лахири Махасая. Когда на заре я склонился пред ним, гуру понимающе улыбнулся.

– Я счастлив за тебя, Рам гопал, – сказал он. – Желание встретиться с Бабаджи и Матаджи, которое ты часто мне высказывал, наконец нашло свое осуществление.

Мои соученики сообщили, что Лахири Махасая не двигался со своего места со вчерашнего вечера.

– Он провел чудесную беседу о бессмертии после того, как ты ушел к Дасасамедхскому *гхату* , – сказал один чела. Я впервые вполне осознал истинность стихов священных Писаний, утверждающих, что познавший себя человек может являться в разных местах в двух или более телах в одно и то же время.

Позже Лахири Махасая изъяснил мне многие метафизические моменты, касающиеся скрытого божьего плана для этой земли, – завершил Рам Гопал. – Бабаджи был избран Богом, чтобы оставаться в своем теле в продолжение этого отдельного мирового цикла. Пройдут века, а бессмертный учитель[269], созерцая драму веков, все еще будет пребывать на

---

268 [8]. Случай этот напоминает Фалесский. Великий греческий философ учил, что нет никакой разницы между жизнью и смертью.

– Тогда почему же ты не умираешь? – спросил один критик.

– Потому, что в этом нет никакой разницы, – ответил Фалес.

269 [9]. «...Кто соблюдает слово Мое (пребывает непрерывно в сознании Христа), тот не увидит смерти вовек». – *От Иоанна* 8.51

В этих словах Христос не имеет в виду бессмертность жизни в физическом теле – однообразное, как в тюрьме, существование, на которое едва ли обрекут грешника, я святого и подавно! Озаренный человек, о котором говорит Христос, – это тот, кто пробудился от смертного транса неведения Вечной Жизни. (См. главу 43.)

Существеннейшая природа человека – бесплотный вездесущий Дух. Принудительное, или кармическое,

этой вечной арене".

Глава 34. Материализация дворца в Гималаях

«Первая встреча Бабаджи с Лахири Махасая – это захватывающая история, открывающая один из фрагментов образа бессмертного гуру».

Эти слова свами Кебалананды были преамбулой к чудесному рассказу. Когда он рассказал мне это впервые, я был буквально ошеломлен. Впоследствии я много раз уговаривал моего дорогого репетитора по санскриту повторить этот рассказ, который позже, по существу теми же словами, рассказал мне Шри Юктешвар. Оба ученика Лахири Махасая слышали эту внушающую благоговейный трепет историю непосредственно из уст своего гуру.

"Первая встреча с Бабаджи произошла на тридцать третьем году моей жизни, – рассказывал Лахири Махасая. – Осенью 1861 года я был определен в Данапур, где работал бухгалтером инженерно-военного ведомства. Однажды утром меня вызвал управляющий.

– Лахири, – сказал он, – только что пришла телеграмма из нашего главного управления. Тебя должны перевести в Раникхет, где сейчас организуется военная почта[270].

Я и один служащий отправились в поездку за восемьсот километров. Передвигаясь на лошадях и в экипаже, через тридцать дней мы въехали в Раникхет[271] с гималайской стороны.

Мои служебные дела не были обременительны, и я часами бродил по величественным горам. До меня дошли слухи, будто великие святые своим присутствием облагодетельствовали это место, и я испытывал сильное желание увидеть их. Однажды, слоняясь ранним вечером, я был удивлен, услышав, что меня зовет по имени какой-то отдаленный голос. Я продолжал энергично подниматься на гору Дронгири. При мысли, что я, возможно, не смогу вернуться до того времени, когда на джунгли опуститься мгла, мной овладело легкое беспокойство. Наконец я добрался до площадки, по сторонам усеянной пещерами. На одном каменном выступе стоял улыбающийся молодой человек с поднятой в виде приветствия рукой. С удивлением я заметил, что, за исключением бронзового цвета его волос, он удивительно похож на меня.

– Ты пришел, родной! – святой дружелюбно обратился ко мне на хинди: – Отдохни здесь, в этой пещере. Это я тебя звал.

Я зашел в маленькую опрятную пещеру, в которой было несколько шерстяных одеял и

воплощение является результатом авидьи – неведения. Смерть, как и рождение, есть продукт *майи* , космической иллюзии, оба состояния принадлежат лишь миру относительности.

Бабаджи не ограничен физическим телом или этой планетой, но по желанию Бога он выполняет особую миссию на земле.

Великие учителя, такие как свами Пранабананда (см. главу 27), возвращающиеся на землю в новых воплощениях, делают это по причинам, которые лучше всего известны им самим. Их инкарнации на этой планете – это не вопрос жестких ограничений кармы. Такие сознательные возвращения называются *вьюттхана* , или возвращение к земной жизни после того, как майя прекратила ослепление. Каков бы ни был способ его ухода, обычный или феноменальный, учитель, полностью осознавший Бога, может воскресить свое тело и появиться в нем перед глазами жителей земли. Материализуясь, атомы физического тела едва ли могут злоупотреблять силами того, кто объединен с Самим Богом, Чьи солнечные системы отрицают любые расчеты!

«...Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее, – провозгласил Христос. – Никто не отнимет ее у Меня, но Я Сам отдаю ее: имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее». – *От Иоанна* 10.17-18.

270 [1]. Ныне военный санаторий. К 1861 г. британское правительство уже организовало некоторую телеграфную связь в Индии.

271 [2]. Раникхет находится в Алморском округе, расположенном у подножья одного из высочайших пиков Гималаев – Нанда Дэви (7821 метр над уровнем моря).

несколько сосудов для воды.

– Лахири[272], ты помнишь это место? – йог указал на сложенное в углу одеяло.

– Нет, господин, – ответил я и, несколько ошеломленный странностью произошедшего, добавил: – А теперь мне надо идти, пока не настала ночь. Утром у меня есть дела на службе.

Таинственный святой ответил по-английски: работа была создана для тебя, а не ты для работы.

Я был ошеломлен тем, что этот лесной аскет не только заговорил по-английски, но еще и перефразировал слова Христа[273].

– Я вижу, что моя телеграмма к тебе возымела действие. – Это замечание йога мне было непонятно, и я спросил, что он имеет в виду. – Я имею в виду ту телеграмму, что вызвала тебя в эти уединенные места. Это я безмолвно предложил уму твоего начальника перевести тебя в Раникхет. Если кто-то ощущает свое единство с человечеством, умы всех людей становятся передающими станциями, через которые он может влиять на них по своей воле. – И тихо добавил: – Лахири, в самом деле тебе эта пещера не кажется знакомой?

Поскольку я был в замешательстве, святой приблизился и мягко шлепнул меня по лбу. При его магнетическом прикосновении мозг пронзил чудесный ток, освобождая плодородные зерна воспоминаний прошлой жизни.

– Я помню! – голос прервался от радостных рыданий. – Вы мой гуру Бабаджи, вы всегда были моим! Картины прошлого ожили в уме: здесь, в этой пещере, провел я много лет прошлого воплощения! – Меня переполняли невыразимые воспоминания, и я в слезах обнял стопы учителя.

– Больше трех десятилетий я ждал тебя здесь, ждал, когда ты вновь вернешься ко мне, – в голосе Бабаджи звучала небесная любовь. Он продолжал: – Ты ускользнул и исчез в буйных волнах жизни по ту сторону смерти. Магический жезл твоей кармы коснулся тебя, и ты ушел! Хотя ты и утратил меня из виду, я никогда не упускал тебя! Я последовал за тобой через сверкающее море астрала, где летают славные ангелы, через мрак, бурю, смешения и свет, как птица-мать, следящая за своим птенцом. Око мое всегда было на тебе: и тогда, когда ты проходил положенный человеку период внутриутробного развития и младенцем появился на свет. Я незримо присутствовал в детстве, когда ты в позе лотоса укрывал свое крошечное тельце в песках Гхурни. Терпеливо, месяц за месяцем, год за годом, я наблюдал за тобой, ожидая этого дня. Теперь ты со мной! Взгляни, вот твоя пещера, давным-давно любимая тобой! Я всегда сохранял ее в чистоте и готовности для тебя. Вот чтимая тобой подстилка для *асан* , где ты сиживал, чтобы наполнить Богом свое ширящееся сердце! Взгляни, вот твоя чаша, из которой ты часто пил приготовленный мной нектар. Смотри, как я отполировал этот медный кубок, чтобы ты мог вновь пить из него. Теперь ты вспомнил все это, родной мой?

– Гуру, что я могу сказать? – пробормотал я прерывистым шепотом. – Где кто когда-либо слышал о такой бессмертной любви? – Долго и восторженно я смотрел на вечное сокровище, на гуру в жизни и смерти.

– Лахири, тебе нужно очищение. Выпей масла из этого кубка и полежи у реки. – Практическая мудрость Бабаджи, подумал я, всегда была начеку.

Я повиновался его указаниям. Хотя спустилась ледяная гималайская ночь, успокоительная теплота в виде какого-то внутреннего излучения начала пульсировать в

272 [3]. На самом деле Бабаджи сказал *Гангадхар* – имя, под которым Лахири Махасая был известен в своей предыдущей инкарнации. *Гангадхар* (буквально – тот, кто держит реку Ганг) – одно из имен Бога Шивы. Согласно пуранической легенде, святая река Ганг стекает с небес, и, чтобы земля могла удержать силу ее мощного потока, Бог Шива удержал воды Ганга в Своих запутанных волосах, откуда затем выпустил их слабым потоком. Метафизическое значение слова *Гангадхар* – тот, кто имеет контроль над потоком «реки» жизни в позвоночном столбе.

273 [4]. «...Суббота для человека, а не человек для субботы». – *От Марка* 2.27.

каждой клетке тела. Я был удивлен: не было ль неизвестное масло наделено космическим жаром?

– Резкие порывы ветра во тьме бушевали вокруг меня, завывая свирепо и вызывающе. Студеные волны реки Гогаш время от времени выплескивались на тело, простертое на каменистом берегу. Где-то близко ревели тигры, но в сердце не было страха, лучистая энергия, порожденная во мне недавно, давала уверенность неприступной защищенности. Несколько часов прошли незаметно, увядшие воспоминания другой жизни слились в блестящий узор настоящего – узор нового соединения с моим божественным гуру.

Уединенные мысли были прерваны звуком приближающихся шагов. Человеческая рука во мраке заботливо помогла встать и дала сухую одежду.

– Идем, брат, – сказал сопровождающий. – Учитель ждет тебя. – Он повел меня через лес. За поворотом тропы темная ночь в отдалении вдруг озарилась ровным сиянием.

– Может ли это быть восходом солнца? – спросил я. – Действительно ли ночь еще не кончилась?

– Сейчас полночь, – тихо засмеялся проводник. – Этот свет – сияние золотого дворца, материализованного здесь этой ночью несравненным Бабаджи. В далеком прошлом ты однажды выразил желание насладиться красотами дворца. Наш учитель ныне удовлетворяет это желание, таким образом освобождая тебя от оков кармы[274]. Этой ночью этот великолепный дворец, – добавил он, – будет местом посвящения тебя в *крия-йогу* . Все твои братья, находящиеся здесь, объединились в приветственном песнопении, радуясь окончанию твоего продолжительного изгнания. Смотри!

Перед нами был огромный дворец, сверкающий золотом. Усеянный бесчисленными драгоценными камнями, среди живописных садов, он представлял собой зрелище несравненного величия. Вздымающиеся арки были инкрустированы огромными бриллиантами, сапфирами и алмазами. Святые с ангельскими лицами расположились у сверкающих ворот, почти покрасневших от блеска рубинов.

Я последовал за попутчиком в просторный приемный зал. Воздух был наполнен ароматом ладана и роз, матовые лампы излучали разноцветное сияние. Небольшие группы посвященных – одни светлокожие, другие темнее – мелодично исполняли песнопения или сидели в медитации, погруженные во внутренний покой. Трепетная радость наполняла всю окружающую атмосферу.

– Полюбуйся, насладись помпезным блеском этого дворца, ибо он возник исключительно в твою честь. Когда у меня вырвалось несколько восклицаний изумления, мой проводник понимающе улыбнулся.

– Брат, – сказал я, – красоты этого сооружения превосходят границы воображения. Поведай мне, пожалуйста, тайну его возникновения.

– Я охотно просвещу тебя в этом, – темные глаза моего спутника искрились мудростью. – На самом деле, в этой материализации нет ничего необъяснимого. Весь космос есть спроецированная мысль Творца. Эта тяжела глыба земли, плавающая в пространстве, есть греза Божья. Он извлекает все из Своего сознания точно так же, как человек во сне воспроизводит в своем сознании и оживляет творение собственных грез.

Господь, сначала сотворив землю как идею, оживил ее: атомная энергия пришла в движение. Он сконцентрировал атомы в этот плотный шар, удерживая все молекулы вместе Своей волей. С изъятием Его воли земля снова дезинтегрируется в энергию. Энергия растворится в Сознании, идея земли исчезнет с объективного плана. В сущности, – продолжал он, – она удерживается материализованной подсознательной мыслью Спящего. Когда же эта связующая мысль изымается в бодрствовании, она и ее элементы рассеиваются.

---

274 [5]. Кармический закон требует, чтобы всякое человеческое желание получило окончательное осуществление. Таким образом, недуховные желания являются цепью, приковывающей человека к колесу реинкарнаций.

Человек закрывает глаза и воздвигает творенье сна, которое он по пробуждении безо всякого усилия дематериализует. Он следует божественному архетипу. Аналогичным образом, пробуждаясь в космическом сознании, он безо всяких усилий дематериализует иллюзии этого космического сна.

Будучи единым с бесконечной, все свершающей волей, Бабаджи может преобразовывать созданные атомы в любых сочетаниях и проявлениях в различных формах. Этот золотой дворец, созданный мгновенно, реален точно так же, как реальна земля. Бабаджи создал это роскошное здание своим умом и удерживает его атомы вместе силой своей воли, как Бог создал эту землю и сохраняет ее в целости. Когда это строение послужит своей цели, – добавил он, – Бабаджи его дематериализует.

Поскольку, объятый благоговейным трепетом, я сохранял молчание, мой проводник сделал широкий жест рукой.

– Этот сияющий дворец не был построен человеческими усилиями, и золото с драгоценностями не добывалось трудом. Здание это прочно стоит монументальным вызовом человеку[275]. Кто бы ни осознал себя сыном Божьим, как Бабаджи, может достичь любой цели бесконечными возможностями души. Точно так же, как самый обычный камень заключает в себе тайну грандиозной атомной энергии, так и самый ничтожный из смертных является аккумулятором божественного[276].

Мудрец взял с соседнего столика изящную вазу, ручка которой сверкала алмазами.

– Наш великий гуру сотворил этот дворец, уплотнив мириады свободных космических лучей, – продолжал он. – Потрогай эту вазу и ее алмазы, они удовлетворят любую проверку чувственным опытом.

Я осмотрел массивную золотую вазу и провел рукой по гладким блестящим стенкам. Каждый драгоценный камень, щедро усыпанный по ней, был достоин места в царской коллекции. Глубокое удовлетворение овладело мной. Скрытое желание, прятавшееся в подсознании со времен прошедших жизней, казалось и удовлетворенным, и погашенным.

Мой спутник, преисполненный достоинства, провел меня через богато украшенные арки и коридоры по целому ряду комнат, меблированных в стиле императорского дворца. Мы вошли в огромный зал. В центре стоял золотой трон, украшенный драгоценностями, переливающимися разными цветами. На нем в позе лотоса сидел высочайший Бабаджи. Я преклонил колени у его святых стоп.

– Лахири, ты все еще услаждаешься иллюзорными желаниями золотого дворца? – Глаза моего гуру сверкали, как сапфиры. – Очнись. Все твоя жажда земного вот-вот погаснет навсегда. – Он прошептал какие-то непонятные слова благословения. – Восстань, сын мой. Получи посвящение в Царство Божие через *крия-йогу* .

– Бабаджи вытянул руку – появилось священное пламя *хома* (жертвенное), окруженное плодами и цветами. Пред этим пламенеющим алтарем я и получил освобождающую йоговскую технику.

Церемонии были завершены рано на рассвете. Я не ощущал нужды во сне – в экстатическом состоянии я бродил вокруг дворца, переполненного со всех сторон сокровищами и предметами *изысканного искусства* . Спустившись к благоухающим садам, я поблизости заметил те же пещеры и голые выступы гор, которые вчера не могли похвастаться соседством с каким-либо дворцом или цветущей террасой.

Вновь зайдя во дворец, сказочно сверкающий на холодном гималайском солнце, я искал общества моего учителя. Он все еще был на троне, окруженный множеством безмолвных учеников.

---

275 [6]. Что есть чудо? – Это укор, Безмолвная сатира на человечество. – Эдвард Янг *Ночные мысли* .

276 [7]. Теория атомного строения материи была изложена в древних индийских трактатах *Вайшешики* и *Ньяйя* . «Существуют огромные миры, все размещенные в пустотах всякого атома, многообразные, как пылинки в солнечном луче», – *Йога Васиштха* .

– Лахири, ты голоден, – сказал учитель и добавил: – Закрой глаза.

Когда же я снова открыл их, чарующий дворец и его живописные сады исчезли, мое собственное тело, тела Бабаджи и учеников располагались на голой земле как раз на месте исчезнувшего дворца, невдалеке от освещенных солнцем входов в каменные пещеры. Я припомнил, как мой проводник заметил, что дворец дематериализуется, его плененные атомы высвободятся в мысль вещество, из которых они возникли. Несмотря на потрясение, я доверчиво смотрел на гуру, и не знал, чего еще ждать в этот день чудес.

– Дворец послужил той цели, для которой был создан, – объяснил Бабаджи. Он взял с пола глиняный сосуд. – Сунь туда руку и возьми еду какую хочешь.

Едва я дотронулся до просторного пустого кувшина, он наполнился горячими, вареными *лючи* с маслом, кари и редкостными сладостями. Я ел, замечая, что сосуд всегда был полон. Покончив с едой, я осмотрелся в поисках воды. Гуру указал на тот же кувшин. Удивительно! Пища исчезла, вместо нее была вода, чистая, как будто из горного ручья.

– Немногие знают, что Царство Божие включает и царство земных свершений, – заметил Бабаджи. – Божественная сфера простирается до земной, но последняя, будучи иллюзорной, не может заключать в себе сущность реальности.

– Возлюбленный гуру, прошедшей ночью вы продемонстрировали мне связь красоты на небе и на земле. – Я улыбнулся воспоминаниям об исчезнувшем дворце, поистине ни один простой йог никогда не получал посвящения в высокие мистерии духа в окружении более впечатляющей роскоши! Однако я спокойно взирал на резкий контраст теперешней сцены. Обнаженная земля, крыша из небес, примитивный приют пещер – все это казалось привлекательным естественным окружением для серафических святых, находившихся вокруг меня.

К вечеру я уселся на свою подстилку, освященную связью с воспоминаниями прошлой жизни. Божественный гуру приблизился ко мне и провел рукой над головой. Я вошел в состояние *нирвикальпа самадхи* , оставаясь непрерывно в его блаженстве в течение семи дней. Пересекая следующие один за другим уровни самопознания, я проник в бессмертные сферы реальности. Все иллюзорные ограничения одно за другим отпали, душа моя прочно утвердилась на вечном алтаре Космического Духа. На восьмой день я упал к стопам гуру и умолял его позволения остаться с ним навсегда в этом святом неприступном месте.

– Сын мой, – сказал Бабаджи, обняв меня, – свою роль в этом воплощении тебе должно играть на сцена внешнего. Благословенный прежде рождения множеством жизней уединенных медитаций, ты должен теперь вращаться в мире людей. Глубокий смысл кроется в том факте, что в этот раз ты не встретил меня до тех пор, пока не стал уже женатым мужчиной со скромными деловыми обязанностями. Ты должен оставить свои мысли о присоединении к нашей скрытой в Гималаях группе. Жизнь твоя должна проходить на людных площадях, в служении образцом идеального йога-домохозяина.

Вопли многих зашедших в тупик мирских людей не остались без внимания Великого Единого, – продолжал он. – Ты избран принести духовное утешение множеству серьезных ищущих – через *крия-йогу* . Миллионы обремененных семейными узами и тяжелыми мирскими обязанностями получат от тебя обновление сердце – такого же домохозяина, как и они. Ты должен направить их к пониманию, что высшие йоговские достижения не закрыты для семейного человека. Даже в миру тот йог, который честно исполняет свои обязанности без личностного мотива или привязанности, идет по пути озарения.

Тебе нет никакой нужды оставлять мир, ибо внутренне ты уже отделился от всех его кармических уз. Не от мира сего, ты тем не менее должен быть в нем. Много лет еще предстоит тебе сознательно выполнять семейные, деловые, гражданские и духовные обязанности. Новое, свежее дыхание надежды на божественное проникнет в иссохшие сердца мирских людей. Из твоей гармоничной жизни они уяснят, что освобождение зависит скорее от внутренних, нежели от внешних отречений.

Как далеки казались мне моя семья, служба, мир, когда я внимал гуру в уединении

высоких Гималаев. Но несокрушимая истина звучала в его словах, я смиренно согласился покинуть этот благословенный приют мира. Бабаджи обучил меня древним строгим правилам, которыми руководствуются при передаче йоговского мастерства от гуру к ученику.

– Даруй ключ *крии* только достойным ученикам, – сказал Бабаджи. – Кто дает обет пожертвовать всем на поиски Бога, достоин разгадать конечные тайны жизни через науку медитации.

– Ангельский гуру, поскольку вы уже облагодетельствовали человечество, воскресив утраченное искусство *крии* , не увеличите ли вы это благо, ослабив свои суровые ограничения для ученичества? – Я умоляюще посмотрел на Бабаджи. – Молю вас позволить передавать *крию* всем ищущим, если даже они вначале и не в состоянии дать обета – завершить внутреннее отречение. Измученные мужчины и женщины, живущие в миру, преследуемые тройным страданием[277], нуждаются в особом поощрении. Быть может, они никогда и не попытаются вступить на путь спасения, если посвящение в *крию* будет скрыто от них.

– Да будет так. Можешь передавать крию свободно всем, кто скромно попросит помощи. Божья воля выразилась через тебя, – этими простыми словами милосердный гуру исключил суровые ограничения, которые веками скрывали крию от мира.

После некоторого молчания Бабаджи добавил:

– Повторяй каждому из обучающихся это величественное обещание из *Бхагавадгиты: «Свальпампьясья дхармасья траяте махато бхаят»* [278].

Когда следующим утром я склонился у стоп Бабаджи за его прощальным благословением, он почувствовал мое глубокое нежелание покидать его.

– Милое дитя, для нас нет разлуки! – Он с любовью коснулся моего плеча. – Где бы ты ни был, когда бы ты ни позвал меня, я тут же буду с тобой.

Утешенный его чудесным обещанием, обогащенный вновь найденным золотом мудрости Божьей, я направил свой путь вниз с гор на равнину. На службе меня с радостью встретили сослуживцы, которые вот уже десять дней считали меня заблудившимся в гималайских джунглях. Вскоре из главного управления пришло письмо: «Лахири должен вернуться в Данапур. Его перевели в Раникхет по ошибке. Принять на себя служебные обязанности пришлют другого человека».

Я улыбнулся, подумав о скрытом перекрестном ходе событий, приведшем меня в эту удаленную точку Индии.

Перед возвращением в Данапур[279] я провел в Морадабаде несколько дней в одной бенгальской семье. Там собралось шестеро друзей, чтобы повидаться со мной. Когда я перевел разговор на духовные вопросы, хозяин мрачно заметил:

– О, в наши дни в Индии нет святых!

– Бабу, – горячо запротестовал я, – не подлежит сомнению то, что в нашей стране есть великие учителя!

---

277 [8]. Физическим, психическим и духовным, проявляющимися соответственно в болезнях, психической неполноценности или «комплексах» и в неведении души.

278 [9].

> "То, что сделано, здесь не гибнет,
> здесь помех на пути не бывает;
> этой *дхармы* (религиозный обряд или правильное действие) даже частица
> от великого страха избавит".

Колоссальные страдания свойственны все время повторяющимся переживанием рождения и смерти. – *Глава* 2.40.

279 [10]. Город близ Бенареса.

В состоянии духовного подъема я ощутил побуждение рассказать о своих чудесных переживаниях в Гималаях. Маленькая компания проявила вежливое недоверие.

– Лахири, – успокаивающим тоном сказал один из них, – ты перенес большое нервное напряжение, находясь в разреженном горном воздухе. Ты рассказал какой-то сон наяву.

– Если я его позову, мой гуру явится прямо в этом доме, – вспыхнув от жажды истины, безрассудно сказал я.

У всех в глазах отразился интерес – не было ничего удивительного в том, что все жаждали увидеть святого, материализовавшегося столь странным образом. Почти нехотя попросил я тихую комнату и две новые шерстяные подстилки.

– Учитель материализуется из эфира, – сказал я. – Побудьте тихо за дверью, скоро я позову вас.

Я погрузился в медитативное состояние, скромно призывая своего гуру. Затемненная комната наполнилась эманацией матового лунного света, вскоре возникла светящаяся фигура Бабаджи.

– Лахири, ты позвал меня попусту. – Взгляд учителя был суров. – Истина для серьезных искателей, а не для тех, кто испытывает лишь праздное любопытство. Легко поверить, когда видишь, тогда уже нечего отрицать. Сверхчувственную истину заслуживают лишь те, кто преодолеет свой естественный материалистический скептицизм. – И тяжело добавил: – Отпусти меня!

Я с мольбой упал к его стопам: – Святой гуру, я осознал серьезность ошибки и скромно прошу о прощении. Я решился позвать вас для того, чтобы вызвать веру в этих духовно ослепленных умах. Поскольку вы милостиво явились по моей просьбе, прошу, не уходите, не даровав благословения моим друзьям, хотя и неверующим, но, по крайней мере, желающим исследовать истинность моих странных убеждений.

– Хорошо, я останусь ненадолго. Я не желаю, чтобы слово твое дискредитировало перед друзьями. – Лицо Бабаджи смягчилось, но он мягко добавил: – С этих пор, сын мой, я буду являться тогда, когда ты будешь нуждаться во мне, а не всякий раз, как ты позовешь меня[280].

Напряженное молчание царило в маленькой группе, когда я открыл дверь. Не веря глазам, мои друзья уставились на сияющую фигуру учителя, сидящего на шерстяной подстилке.

– Это какой-то массовый гипноз! – нервно засмеялся один. – Никто не мог войти в эту комнату без нашего ведома!

Бабаджи, улыбаясь, вышел и подошел к каждому, чтобы все коснулись теплой, прочной плоти его тела. Сомнения рассеялись, мои друзья простерлись на полу в трепетном раскаянии.

– Пусть приготовят *халву* [281], – попросил Бабаджи, как я понял, чтобы еще больше убедить присутствующих в своей физической реальности.

Пока варилась каша, божественный гуру непринужденно беседовал. Велико же было превращение этих Фом неверующих в благочестивых святых Павлов. Когда мы поели, Бабаджи благословил каждого из присутствующих. Резкая вспышка – и мы стали свидетелями мгновенной аннигиляции электронных элементов тела Бабаджи в рассеивающийся туманный свет. Связанная с Богом сила воли учителя отпустила эфирные атомы, удерживаемые вместе в качестве его тела, триллионы крошечных жизнетронных искр сейчас же исчезли в Бесконечности.

– Своими глазами видел я победителя смерти, – почтительно сказал один из группы по

---

280 [11]. На пути к Бесконечному даже такие озаренные учителя, как Лахири Махасая, могут страдать избытком рвения и подвергаться дисциплинированию. В *Бхагавадгите* мы читаем немало эпизодов, где божественный гуру Кришна налагает взыскание на принца поклоняющихся – Арджуну.

281 [12]. Каша из сливок, пшеницы, жаренной в животном жире, сваренная в молоке с сахаром.

имени Майтра[282]. Лицо его преобразилось от радости недавнего пробуждения. – Высочайший гуру играл временем и пространством, как ребенок мыльными пузырями. Я видел человека с ключами от небес и земли.

Вскоре я вернулся в Данапур. Прочно встав на якорь в гавани Духа, я вновь взялся за множество деловых и семейных обязанностей домохозяина".

Лахири Махасая рассказывал также свами Кебаланадне и Шри Юктешвару историю другой встречи с Бабаджи при обстоятельствах, подтверждавших обещание гуру: «Я явлюсь, когда ты будешь нуждаться во мне».

"Это случилось на *кумбха мела* в Аллахабвде, – рассказывал Лахири Махасая ученикам. – Я поехал туда в короткий отпуск для отдыха от служебных обязанностей. Когда я бродил в толпе монахов и садху, пришедших издалека, чтобы посетить святой праздник, то заметил посыпанного пеплом аскета, протягивающего чашу для подаяния. У меня в уме возникла мысль, что он лицемер, носящий символы отречения без соответствующего внутреннего содержания. Не успел я пройти мимо этого аскета, как с изумлением заметил Бабаджи. Он стоял, преклонив колени, перед одним отшельником со спутанными волосами.

– Гуруджи! – бросился я к нему. – Что вы здесь делаете? – Я омываю стопы этого отреченного, а потом почищу его кухонную посуду. – Бабаджи улыбнулся мне, как малое дитя, я понял, что он имел в виду. Он хотел, чтобы я никого не критиковал, но видел Господа обитающим равно во всех телесных храмах – как самого высокого, так и самого низкого человека. Великий гуру добавил: – Служа мудрым и невежественным садху, я обучаюсь величайшей из добродетелей, приятной Богу, которая превыше всех других добродетелей, – скромности"[283].

Глава 35. Христоподобная жизнь Лахири Махасайя

«... Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду»[284]. – Этими словами к Иоанну крестителю с просьбой крестить Его Иисус признал божественные права своего гуру.

Из благоговейного изучения библии с восточной позиции[285], а также посредством интуитивного восприятия я убедился, что Иоанн креститель в прошлых жизнях был великим гуру Христа. Многие эпизоды Библии подразумевают, что Иоанн и Иисус в своем последнем воплощении были Элиах и его ученик Элиша[286].

В самом конце Ветхого Завета имеется предсказание нового воплощения Илии и Елисея: «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и

282 [13]. Этот человек – Майтра Махасая, о котором упоминает здесь Лахири Махасая, впоследствии высоко продвинулся в самопознании. Я встретился с ним вскоре после получения аттестата об окончании средней школы, когда он посетил *Махамандалскую* обитель в Бенаресе. Он рассказал мне тогда о материализации Бабаджи перед группой в Морадабаде. «В результате этого чуда, – объяснил мне Майтра Махасая, – я на всю жизнь стал учеником Лахири Махасая».

283 [14]. «Кто, как Господь, Бог наш, Который, обитая на высоте, приклоняется, чтобы призирать на небо и на землю» – *Псалом* 112.5-6. «Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится». – *От Матфея* 23.12.

Смирить эго, или ложное я, – значит открыть чье-то вечное тождество.

284 [1]. *От Матфея* 3.15.

285 [2]. Многие библейские эпизоды открывают, что закон перевоплощения понимался и принимался. Циклы перевоплощения являются более разумным объяснением различных состояний эволюции, в которых находится человечество, нежели теперешняя западная теория, предполагающая, будто

286 [3]. Таково правописание Ветхого Завета. Греческие переводчики превратили эти имена в Елиас (Илия) и Елисеус (Елисей); В Новом Завете они появляются в этом измененном виде.

страшного»[287]. Таким образом, Иоанн (Илия), посланный «пред... днем Господним», был рожден немного раньше, чтобы служить вестником Христу. Отцу Захарию является ангел засвидетельствовать, что сын, родившийся у него, будет не кто иной, как Илия. Ангел же сказал ему: "Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн... И многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; И предъидет пред Ним (то есть пред Господом) *в духе и силе Илии* , чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокорливым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный"[288].

Иисус дважды недвусмысленно отождествляет Илию с Иоанном: «...Илия уже пришел, и не узнали его... Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе»[289]. И еще Христос сказал: «Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти»[290].

Когда Иоанн отрицает, что он пророк Илия[291], то имеет в виду, что в скромном одеянии Иоанна он более не имеет отношения к Илии, к его высокому внешнему положению великого гуру. В своем предшествующем воплощении он отдал *милость* славы и духовное богатство ученику своему Елисею. "...И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне. И сказал он: трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так... И взял *милость* Илии, упавшую с него..."[292].

Роли переменились, так как Илие-Иоанну больше не надо быть очевидным гуру Елисея-Иисуса, ныне божественно совершенного.

Когда Иисус пережил преображение на горе[293], Он вновь видел своего гуру Илию с Моисеем. И снова в последний свой час на кресте Иисус восклицал божественное имя: «Или, Или! лама савахфани? ...Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он... посмотрим, придет ли Илия спасти Его»[294].

Вневременная связь гуру и ученика, существовавшая между Иоанном и Иисусом, была также налицо и у Бабаджи и Лахири Махасая. С нежной заботливостью переплыл бессмертный гуру бездонные воды, кружащиеся между двумя последними жизнями своего чела, и направлял стопы ребенка, а затем мужчины – Лахири Махасая. Не ранее чем по достижении учеником тридцати трех лет Бабаджи счел, что настало время открыто восстановить никогда не прерывающуюся связь.

Затем, после их краткой встречи близ Раникхета, бескорыстный учитель отослал любимого ученика из небольшой группы в горах для миссии во внешнем мире. «Сын мой, я явлюсь, когда бы тебе ни понадобился». Какой смертный любящий может даровать такое безграничное обещание?

Незаметно для общества великое духовное возрождение начало восхождение в 1861 году из отдаленного уголка Бенареса. Как нельзя скрыть аромат цветов, так не мог скрыть своего прирожденного величия и Лахири Махасая, тихо живущий идеальным домохозяином.

---

287 [4]. *Малахия* 4.5.

288 [5]. *От Луки* 1.13-17.

289 [6]. *От Матфея* 17.12-13.

290 [7]. *От Матфея* 11.13-14.

291 [8]. *От Иоанна* 1.21.

292 [9]. *4 Царств* 2.9-14.

293 [10]. *От Матфея* 17.3.

294 [11]. *От Матфея* 27.46-49.

Потихоньку со всех сторон Индии пчелы благоговения отыскивали божественный нектар освободившегося учителя.

Англичанин-управляющий был одним из первых, заметивших странную трансцендентную перемену в служащем, которого он ласково называл «экстатический Бабу».

– Вы как будто печальны, сэр. Что с вами? – с участием спросил однажды утром Лахири Махасая начальника.

– Жена моя в Англии опасно больна. И я очень беспокоюсь.

– Я попытаюсь вам что-нибудь сообщить о ней. – Лахири Махасая вышел из комнаты и посидел немного в уединении. Вернувшись, он утешительно улыбнулся:

– Вашей жене лучше, сейчас она пишет вам письмо. – Всеведущий йог процитировал один из эпизодов послания.

– Экстатический Бабу, я уже знаю, что вы необыкновенный человек. И все же я не в состоянии поверить, что вы по своей воле можете рассеять время и пространство.

Обещанное письмо наконец пришло. Изумленный управляющий обнаружил, что в нем не только были хорошие вести о выздоровлении жены, но и те же самые фразы, которые неделями раньше воспроизвел великий гуру.

Жена приехала в Индию через несколько месяцев. Встретив Лахири Махасая, она с почтением пристально всмотрелась в него.

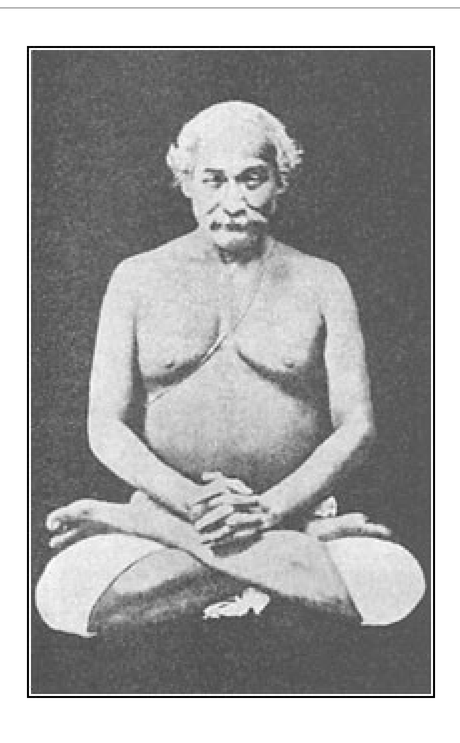
– Господин, – сказала она, – это ваш образ, окруженный чудесным сиянием, видела я несколько месяцев назад в Лондоне у своей постели во время болезни. В тот же миг я совершенно исцелилась! Вскоре после этого я была в состоянии предпринять долгое путешествие в Индию через океан.

Каждый день один-два жаждущих просили высокого гуру о посвящении в *крия-йогу* . В дополнение к этим духовным обязанностям и обязанностям деловой и семейной жизни великий гуру проявлял живой интерес к воспитанию. Он организовал много учебных групп и играл активную роль в создании большой средней школы в Бенгалитольском районе Бенареса. Его еженедельные беседы по поводу Священных Писаний, называемые «Собрания Гиты», посещались многими искателями истины.

Этой разносторонней деятельностью Лахири Махасая стремился ответить на общий вызов: «Где найти время для благочестивых медитаций после выполнения деловых и общественных обязанностей?» Гармонично уравновешенная жизнь великого гуру-домохозяина стала безмолвным вдохновением для тысяч вопрошающих сердец. Зарабатывая лишь скромное жалование, бережливый без показухи, доступный для всех, учитель естественно и счастливо проводил жизнь в миру.

Несмотря на то, что Лахири Махасая уютно устроился в гнезде Всевышнего, он оказывал почтение всем, независимо от их достоинства. Когда его приветствовали последователи, он в свою очередь кланялся им. С детским смирением учитель часто касался стоп других, но редко позволял им воздавать себе ту же честь.

Примечательной чертой жизни Лахири Махасая было его дарование посвящения в *крия-йогу* людям любой веры. Не только индусы, но и мусульмане, и христиане были среди его любимых учеников. Монистов и дуалистов, людей всякой веры или безо всякой определенной веры – всех беспристрастно принимал и обучал универсальный гуру. Одним из высокоразвитых его учеников был мусульманин Абдул Гафер Хан. Со стороны Лахири Махасая было большой смелостью то, что он, невзирая на свою высокородную касту *брахмана* , всеми возможными силами стремился разбить суровый кастовый фанатизм своего времени. Люди с любым положением в жизни находили укрытие под вездесущими крылами мудрости учителя. Как и все боговдохновенные пророки, Лахири Махасая давал новую надежду отверженным и угнетенным.



Лахири Махасая.
Ученик Бабаджи и гуру Шри Юктешвара

– Помните всегда, что вы никому не принадлежите и вам не принадлежит никто. Подумайте, что когда-нибудь вам придется внезапно оставить все в этом мире, так что заводите теперь знакомство с Богом, – говорил великий гуру ученикам. – Готовьте себя к астральному путешествию смерти ежедневным катаньем на воздушном шаре боговосприятия. Вследствие заблуждения вы воспринимаете себя как котомку из мяса и костей, которая в лучшем случае является гнездом бед[295]. Медитируйте непрестанно, чтобы скорее увидеть себя бесконечной сущностью, свободной от всякого горя. Перестаньте быть пленниками тела; пользуйтесь тайным ключом крия, учитесь уходить в Дух.

Великий гуру поощрял своих разнородных учеников к строгому придерживанию добрых традиций их веры. Подчеркивая всеобъемлющую природу крия-йоги как практического метода освобождения, Лахири Махасая предоставлял затем чела свободу выражения в жизни в соответствии с их средой и воспитанием.

– Мусульманин должен совершать намаз[296] пять раз в день, – указывал учитель, – индус – несколько раз в день садиться для медитации, христианин – несколько раз в день преклонять колена, молясь Богу, а потом читать Библию.

С мудрой проницательностью гуру направлял последователей по пути *бхакти* (преданности), *карма* (деятельности), *джняна* (мудрости) и *раджа* (царственной, совершенной) *йоги* в соответствии с естественной склонностью каждого. Учитель долго не давал разрешения набожным людям вставать на формальную тропу монашества. Он всегда советовал им прежде всего хорошо подумать о суровости монашеской жизни.

Великий гуру учил своих учеников избегать теоретических дискуссий по поводу Писаний.

– Лишь тот мудр, кто посвящает себя реализации, а не одному лишь чтению древних

---

295 [12]. «Сколько разных смертей в нашем теле! Нет там ничего, кроме Смерти» – Мартин Лютер, *Застольная беседа* .

296 [13]. *Намаз* – основная молитва магометан, повторяемая пять раз в день.

откровений, – говорил он. – Разрешайте все проблемы через медитацию[297]. Замените бесполезные религиозные размышления подлинной связью с Богом.

Очищайте ум от догматических теологических дебрей; погружайтесь в свежие, целящие воды прямого восприятия. Приводите себя в созвучие с подлинным внутренним руководством; у голоса Божьего есть ответ на всякую дилемму в жизни. Несмотря на то, что человеческое искусство способности ввергания себя в беду кажется бесконечным, безграничная помощь Бога оказывается не менее находчивой.

Вездесущность учителя однажды была проявлена перед множеством учеников, слушавших его толкование *Бхагавадгиты* . Объясняя смысл *Кутастха Чайтанья* или Сознания Христа во всех вибрациях творения, Лахири Махасая вдруг задыхаясь воскликнул:

– Я утопаю недалеко от берегов Японии в телах многих душ!

На следующее утро чела из газет узнали о гибели множества людей, плывших на судне, которое потерпело крушение вчера близ Японии.

Ученики Лахири Махасая, жившие далеко, часто сознавали его оберегающее присутствие. "Я всегда с теми, кто занимается *крией* , – утешал он тех чела, которые не могли находиться рядом с ним. – Я буду направлять вас в Космический Дом через ваше ширящееся восприятие".

Шри Бхупендра Нат Саньял[298], выдающийся ученик великого гуру, рассказывал, что в молодости в 1892 году, не имея возможности поехать в Бенарес, он молился, чтобы учитель дал ему духовное руководство. Лахири Махасая явился перед Бхупендрой во сне и дал ему *дикша* (посвящение). Позже юноша поехал в Бенарес и попросил у гуру посвящения. «Я уже посвятил тебя во сне», – ответил Лахири Махасая.

Если какой-нибудь ученик пренебрегал какой-либо из мирских обязанностей, учитель мягко поправлял и дисциплинировал его.

– Слова Лахири Махасая были мягки и целительны, даже если он был вынужден открыто указать на недостатки чела, – сказал мне однажды Шри Юктешвар. И печально добавил: – Ни один ученик не смог избежать колкостей нашего учителя.

Я не мог удержаться от смеха, но честно заверил Шри Юктешвара, что всякое его слово, резкое или нет, было музыкой для моих ушей.

Лахири Махасая тщательно разделил крию на четыре последовательных посвящения[299]. Он даровал три высших технических приема лишь после того, как приверженец проявлял определенный духовный прогресс. Однажды один чела, убежденный, что его не оценили по достоинству, стал высказывать свое недовольство.

– Учитель, – сказал он, – несомненно, я уже готов для второго посвящения.

В это мгновение дверь открылась, чтобы впустить одного скромного ученика Бринду Бхагата, работавшего почтальоном в Бенаресе.

– Бринда, присядь-ка рядом. – Великий гуру тепло улыбнулся ему. – Скажи мне, ты готов ко второму методу *крия?*

Маленький почтальон умоляюще сложил руки.

– Гурудев, – сказал он тревожно, – больше не надо посвящений, прошу вас! Как я могу усвоить более высокие учения? Ныне я пришел просить вашего благословения, ибо первая божественная *крия* исполнила меня таким опьянением, что я не в состоянии разносить письма!

---

297 [14]. «Ищи истину в медитации, а не в заплесневелых книгах. Для того, чтобы увидеть луну, смотри в небо, а не в пруд» – *Персидская пословица* .

298 [15]. Шри Саньял умер в 1962 г. – *Примечание американского издателя* .

299 [16]. Поскольку *крия-йога* поддается множеству подразделений, Лахири Махасая мудро отобрал четыре ступени, которые, по его мнению, должны содержать самое существенное и представляют огромную ценность для действительной практики.

– Бринда уже плавает в море духа.

При этих словах Лахири Махасая другой его ученик поник головой.

– Учитель, – сказал он, – я вижу, что я жалкий работник, жалующийся на свои инструменты.

Необразованный почтальон впоследствии благодаря *крие* развил проницательность до такой степени, что некоторые ученые время от времени интересовались его толкованием запутанных вопросов Писания. Невинный младенец по части игреков и синтаксиса, маленький Бринда завоевал славу в среде ученых пандитов.

Помимо многочисленных бенаресских учеников к Лахири Махасая приезжали сотни людей из дальних концов Индии. Сам он совершал путешествия в Бенгалию несколько раз, посещая дома отцов жен двух своих сыновей. Таким образом, благословенная его присутствием Бенгалия стала медовым ульем с сотами крия. В особенности в Кришнанагарском и Бишнупурском округах многие безмолвные последователи и по сей день удерживают незримый поток духовного течения медитации.

Среди множества святых, получивших *крию* от Лахири Махасая, можно упомянуть знаменитого свами Бхаскарананду Сарасвати из Бенареса и деогарского высокочтимого аскета Балананду Брахмачари. Некоторое время Лахири Махасая служил частным репетитором у сына магараджи Ишвари Нараяна Сингха Бахудра из Бенареса. Поняв духовное величие учителя, магараджа, его сын и магараджа Джотиндра Мохан Тхакур искали посвящения в *крию* .

Многие из учеников Лахири Махасая с влиятельным мирским положением очень желали расширить круг *крии* гласностью. Гуру не разрешал. Один чела, придворный врач у властителя Бенареса, стал распространять имя учителя как Каши Баба (Вдохновенный из Бенареса)[300]. И опять гуру не позволил этого.

– Пусть аромат цветка *крия* разносится естественно, – говорил он. – Семена ее, попав на почву духовно плодородных сердец, пустят крепкие корни.

Хотя великий учитель не разделял методов проповедования посредством образования обществ или через печать, он знал, что сила его провозвестия будет возрастать как непреодолимый поток, затопляющий собственной силой берега человеческих умов. Переменившаяся и очищенная жизнь последователей была простой гарантией бессмертия *крии* .

В 1886 году, спустя двадцать лет после Раникхетского посвящение, Лахири Махасая ушел на пенсию[301]. Когда его день оказался свободным, ученики устремились к нему во все возрастающем количестве (Лахири Махасая посвятил в *крия-йогу* около пяти тысяч учеников. В это число входят несколько человек – англичан, европейцев и американцев). Теперь великий гуру большую часть времени сидел в молчании, скрестив ноги, в спокойной позе лотоса. Он редко выходил из своей комнаты даже затем, чтобы погулять или пройти в другие части дома. Тихий поток учеников почти непрестанно прибывал на *даршан* к гуру.

К изумлению всех очевидцев, обычное физиологическое состояние Лахири Махасая приобрело сверхчеловеческие черты: бездыханности, бессонности, прекращения сердцебиения, часами немигающие глаза и глубокая атмосфера покоя. Никто из посетителей не уходил, не возвысившись духовно, все сознавали, что получили безмолвное благословение истинного человека Божия.

Только теперь учитель позволил ученику Панчанону Бхаттачарье открыть в Калькутте общество «Миссия ариев». Бенгальский центр распределял йоговские растительные

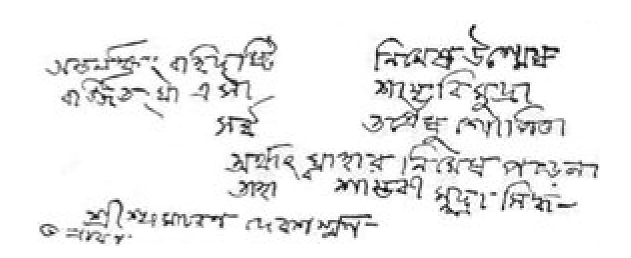
---

300 [17]. Другие титулы, которыми наделяли ученики Лахири Махасая, были – *Йогибар* (величайший из йогов), *Йогирадж* (царь йогов) и *Мунибар* (величайший из святых), к которым я прибавил – *Йогаватара* (воплощение Бога в аспекте йоги).

301 [18]. В общей сложности он провел на службе тридцать пять лет.

лекарства[302] и публиковал первые недорогие издания *Бхагавадгиты. Ария Миссия Гита* на хинди и бенгали нашла путь в тысячи домов.

В соответствии с древней традицией с целью лечения самых разных болезненных состояний учитель в основном применял масло дерева *ним* [303]. Когда гуру просил кого-нибудь очистить масло, тот легко справлялся с задачей, однако если это пытался сделать кто-либо иной, он сталкивался со странными необъяснимыми трудностями, обнаруживая, что после прохождения через требуемые процессы дистилляции лечебное масло почти совсем испарялось. Очевидно, благословение учителя было необходимым ингредиентом.



Выше приводится факсимиле и подпись Лахири Махасая на бенгали. Эти строки из письма к одному чела. Великий учитель следующим образом трактует один санскритский стих: "Кто достиг состояния покоя, когда веки у него не мигают, тот достиг *самбхави мудра* "[304]. Подпись внизу слева «Шри Шьяма Чаран Дэва Шарман».

Общество «Миссия ариев» опубликовало многие из комментариев гуру к Священным Писаниям. Подобно Иисусу и многим другим пророкам, Лахири Махасая сам не писал книг, но его проницательные интерпретации записывались и обрабатывались разными учениками. Мой дорогой друг Шри Ананда Мохан Лахири, внук учителя, составил интересную брошюру о крие.

"Текст *Бхагавадгиты* является частью величайшего индийского эпоса *Махабхараты* , в которой есть определенные узловые моменты (*вьяс-кутас*). Оставим эти узловые моменты без объяснения, и мы не найдем ничего, кроме мифических историй странного и сбивающего с толку характера. Оставьте эти узловые моменты без объяснения, и мы утратим учение, которое Индия сохраняла со сверхчеловеческим терпением после поиска и тысячелетних опытов[305].

---

302 [19]. Медицинские труды на хинди называются *Аюрведа* . Ведические врачи пользовались изысканными хирургическими инструментами, применяли пластическую хирургию, поняли, каким образом противостоять действию ядовитого газа, выполняли кесарево сечение и операции на мозге, имели опыт активизации действия лекарств. Гиппократ (IV век до Р.Х.) в своей *Materia Medica* многое взял из индийских источников.

303 [20]. Дерево маргоза (индийское название ним) произрастает в восточной Индии. Его медицинское значение признано теперь на Западе, где горькую кору этого дерева использовали как тоник, а масло из семян и плодов давали больным проказой и другими заболеваниями.

304 [21]. *Самбхави мудра* означает фиксацию взгляда на точке между бровями. Когда йог добивается определенного этапа умственного покоя, его веки не мигают, он погружен во внутренний мир.

Мудра (символ) – это ритуальный жест пальцами и руками. Древние писания тщательно классифицировали нади – 72000 путей в теле и их связь с умом. Таким образом, *мудры* , применяемые в богослужении, в йоге, имеют научное обоснование. Разработанный язык *мудр* , или жестов, также существует в иконографии и ритуальных танцах Индии.

305 [22]. «На множестве печатей, недавно раскопанных на археологических участках долины Инда, датированных третьим тысячелетием до Р.Х., изображены фигуры, сидящие в медитативных позах, ныне применяемых в системе йоги, и это подтверждает предположение, что даже в то время некоторые из элементов йоги были уже известны. Мы можем не без основания сделать вывод, что систематическая интроспекция с помощью специальных методов практиковалась в Индии в течение пяти тысяч лет...» – Professor W.Norman Brown, in *Bulletin* of the American Council of Learned Societis, Washington, D.C. Однако, по свидетельству

Эти комментарии Лахири Махасая выявили свободное от аллегорий истинное учение религии, которое было столь искусно спрятано за загадкой букв и образов Писаний. Более нет изощренного жонглирования словами и многих других бессмысленных культовых формул *Вед* , которые, как доказал учитель, исполнены глубокого научного значения.

Мы знаем, что человек обычно беспомощен против мятежных вибраций страстей, но они становятся бессильными, и человек не нуждается в потакании им, когда на него сходит сознание возвышенного и неизменного блаженства через *крия-йогу* . Тут отказ, отрицание низших страстей происходит одновременно с принятием, утверждением блаженства. Без такого оборота сотни моральных систем, связанных с одними отрицаниями, для нас бесполезны.

За всеми феноменальными проявлениями лежит Бесконечность, океан энергии. Наша потребность активности в миру убивает в нас чувство духовного благоговения. Вследствие того что наука рассказывает нам, как применять и формами понять Великую Жизнь. Чем ближе знаешь природу, тем меньше чтишь ее конечные секреты, наши отношения с ней имеют характер практичного бизнеса. Мы, так сказать, пристаем к ней, для того чтобы принудить служить нашим целям, используя ее энергию, источник которой пока остается неизвестным. В науке наши отношения с природой подобны отношению между самонадеянным человеком и его слугой или, в философском смысле, природа подобна пленнику в зале суда. Мы подвергаем ее перекрестному допросу, бросаем вызов и ежеминутно взвешиваем показания, полученные от нее, на человеческих весах, не способных измерить ее скрытых ценностей.

С другой стороны, когда собственное я находится в общении с высшей силой, природа без напряжений или надрывов автоматически послушна воле человека. Эту не требующую усилий власть над природой непонимающий материалист называет *чудом* .

Жизнь Лахири Махасая явилась примером, изменившим ошибочное мнение, что йога – это таинственная практика. Несмотря на прозаичность физической науки, каждый человек может найти способ понять через *крия-йогу* его истинные отношения с природой и почувствовать духовное благоговение перед всеми явлениями[306], мистическими или повседневными. Нам следует помнить, что многие вещи, необъяснимые тысячу лет тому назад, больше таковыми не являются, и то, что кажется таинственным сейчас, может стать понятным через несколько лет.

Закон *крия-йоги* вечен. Она верна, как математика, как простые правила сложения и вычитания, закон *крия* никогда не может быть уничтожен. Сожгите все имеющиеся в мире книги по математике – расположенные к логике всегда откроют вновь эти истины, уничтожьте все священные книги о йоге – ее основные законы будут открыты в любом случае, когда появится настоящий йог, который носит в себе чистое благословение, а следовательно, и чистое знание".

Как Бабаджи средь величайших из аватар – *Махааватара* , а Шри Юктешвар – *Джнянаватара* – воплощение мудрости, так Лахири Махасая справедливо можно назвать *Йогаватарой* – воплощением йоги[307].

Примерами добра он повышал духовность общества в количественном и качественном отношениях. Будучи способным поднимать непосредственных учеников до уровня

индийских Писаний, наука йоги была известна Индии с незапамятных тысячелетий.

306 [23]. «Человек, который не может удивляться, не способен удивляться (и поклоняться Богу), будь он президентом многочисленных королевских обществ, пусть он носит... в одном своей голове конспекты результатов всех лабораторий и обсерваторий, это лишь очки, за которыми нет глаз». – Carlyle, *Sartor Resartus* .

307 [24]. Шри Юктешвар говорил о Парамахансе Йогананде, как об инкарнации божественной любви. После кончины Парамахансаджи его главный ученик Раджарши Джанакананда (мистер Джеймс Дж. Лини) наделил Йогананду прелестным и глубоко соответствующем именем *Премаватара* – воплощение любви. – *Примечание американского издателя* .

подобного Христу и широко распространять истину среди людей, Лахири Махасая занимает видное место среди спасителей человечества.

Уникальность его как пророка кроется в практическом акцентировании конкретного метода крии, впервые открывающего двери йоговской свободы для всех людей. Не говоря уж о чуде его жизни, *Йогаватара* поистине достиг самого верха чудес, сведя древнюю путаность йоги к действительной простоте, не лежащей за пределами обычного понимания.

Относительно же чудес Лахири Махасая часто говорил: «Действие тонких, неизвестных людям законов вообще не следует публично обсуждать или публиковать без должного объяснения». Если на этих страницах я как будто пренебрег этими предостережениями, то это потому, что он дал мне в этом отношении внутреннюю уверенность. Однако я опускаю описания множества чудесных случаев из жизни Бабаджи, Лахири Махасая и Шри Юктешвара. К тому же я едва бы смог включить эти необыкновенные истории, не написав и целого тома труднодоступных для понимания философских пояснений.

Как йог-домохозяин, Лахири Махасая принес практическое провозвестие, соответствующее нуждам современной Индии. Отличных экономических и религиозных условий древней Индии больше не существует. Поэтому великий йог не поддерживал старого идеала йога – бродячего аскета с чашей нищего. Он скорее подчеркивал преимущество для современного йога самому зарабатывать на жизнь, не завися от жесткого давления общества в делах жизни, и заниматься йогой в уединении своего дома. Этот совет Лахири Махасая подкрепил собственным ободряющим примером. Он был современным образцом йога. Его образ жизни, как он был задуман Бабаджи, должен был стать ориентиром для устремившихся йогов всех частей света.

Новая надежда для новых людей! "Божественное единение, – провозгласил *Йогаватара* , – возможно благодаря собственным усилиям и не зависит ни от теоретических убеждений, ни от деспотической воли Космического Диктатора". Пользуясь ключом крия, люди, не способные заставить себя поверить в божественность всякого человека, в конце концов узрят всю божественность самих себя.

Глава 36. Интерес Бабаджи к Западу

– Учитель, вы когда-нибудь встречали Бабаджи?

Была тихая летняя серампурская ночь, я и Шри Юктешвар сидели рядом на балконе второго этажа его дома, огромные звезды тропиков мерцали у нас над головой.

– Да, – учитель улыбнулся моему прямому вопросу, глаза его выразили почтение. – Три раза я был благословен лицезрением бессмертного гуру. Наша первая встреча произошла в Аллахабаде на *кумбха мела* .

Религиозные праздники, устраиваемые в Индии с незапамятных времен, известны как *кумбха мела* , они постоянно сохраняли духовные цели в поле зрения масс. Миллионы набожных индусов собираются раз в двенадцать лет для того, чтобы встретиться с садху, йогами, свами и аскетами всякого рода. Есть много отшельников, которые никогда не покидают своих уединенных убежищ, исключая лишь посещение *мела* (ярмарки), чтобы даровать свое благословение мирским мужчинам и женщинам.

"Во время первой встречи с Бабаджи я еще не был свами, – продолжал Шри Юктешвар, – но уже получил посвящение в *крию* от Лахири Махасая. Он надоумил меня посетить мела, собиравшуюся в январе 1894 года в Аллахабаде. Я впервые видел *кумбха* и был немного ошеломлен шумом и гомоном толпы. Ищущим взглядом озираясь по сторонам, я не заметил ни одного лика озаренного учителя. Перейдя через мост, на берегу Ганга я заметил одного знакомого, стоящего поблизости и протягивающего чашу нищего.

«О, этот базар не что иное, как хаос шума и нищих, – разочарованно подумал я. – Я не

удивлюсь, если западные ученые, терпеливо расширяющие границы своего познания для практического блага человечества, милее Богу, чем эти бездельники, исповедующие религию, но больше всего думающие о подаянии».

Мои размышления по поводу социальных реформ были прерваны голосом *саньясина* , остановившегося предо мной.

– Господин, – сказал он, – вас зовет один святой.

– Кто он?

– Подойдите и посмотрите сами.

Не без колебания последовав этому лаконичному совету, я вскоре оказался около дерева, ветви которого укрывали гуру с небольшой группой учеников. Необычный с виду учитель, светлый, с темными, но яркими глазами, поднялся при моем приближении и обнял меня.

– Добро пожаловать, свамиджи, – нежно сказал он.

– Господин, – настойчиво возразил я, – я не *свами* .

– Те, которым я божественно указал даровать титул *свами* , никогда не отвергают его.

Святой обратился ко мне просто, но в словах его звучала глубокая уверенность истины, и я был тут же охвачен волной духовного блаженства. Улыбнувшись внезапному возвышению в древний монашеский орден[308], я склонился у стоп явно великой и ангельской сущности в образе человека, воздавшего мне такую честь.

Бабаджи – а это был именно он – жестом показал мне на место под деревом рядом с собой. Он был крепок и молод и походил на Лахири Махасая. Хотя я часто слышал о необычайном сходстве внешности двух учителей, оно не поразило меня. Бабаджи способен воспрепятствовать возникновению любой конкретной мысли в уме человека. Видимо, великий гуру хотел, чтобы я чувствовал себя непринужденно в его присутствии и не был одержим благоговейным страхом, узнав, кто он.

– Что ты думаешь о *кумбха мела* ?

– Я весьма разочарован увиденным, господин, – сказал я и поспешно добавил: – Пока не встретился с вами. Святые и эта суета как-то не подходят друг другу.

– Дитя мое, – сказал учитель, хотя на вид я был в два раза старше его, – за ошибки многих не осуждай всего. Все на земле смешанной природы, как смесь сахара с песком. Будь как мудрый муравей, который отбирает лишь сахар, а песок оставляет нетронутым. Хотя многие садху, находящиеся здесь, еще блуждают в иллюзии, тем не менее *мела* благословлена немногими осознавшими Бога.

Ввиду своей собственной встречи с этим возвышенным учителем я охотно с ним согласился.

– Господин, – заметил я, – мне думалось о людях науки Запада, намного превосходящих разумом большинство из собравшихся здесь, они живут в далекой Европе и Америке, исповедуя разные веры и не ведая о подлинном значении такого *мела* , как теперешний. Это люди, которые могли бы извлечь огромную пользу из встреч с учителями Индии. Но, несмотря на высокие интеллектуальные достижения, многие представители Запада преданы неприкрытому материализму. А другие, знаменитые в науке и философии, не признают единую основу разных религий. Вера их служит непреодолимым барьером, грозящим отделить их от нас навсегда.

– Я видел, что Запад тебя интересует так же, как и Восток. – На лице Бабаджи отразилось одобрение, – Я чувствовал, как сердце твое болит за всех людей, восточных или западных. Именно поэтому я и призвал тебя сюда. Восток и Запад должны найти золотую середину – путь активности в соединении с духовностью, – продолжал он. – Индии есть чему поучиться у Запада в отношении материального прогресса, в свою очередь, Индия может

308 [1]. Шри Юктешвар был позже официально посвящен в Орден Свами *махантом* (главой монастыря) в Буддх Гайя в Бенгалии.

научить Запад универсальным методам, благодаря которым он будет в состоянии упрочить религиозные убеждения на неколебимых основах йоговской науки. Ты, свамиджи, должен сыграть определенную роль в наступлении гармоничного взаимообмена между Востоком и Западом. Через несколько лет я пошлю тебе одного ученика, которого ты сможешь обучать для распространения йоги на Западе. Вибрации множества духовно ищущих душ оттуда текут ко мне. Я чувствую потенциальных святых в Америке и Европе, ожидающих пробуждения".

В этом месте рассказа Шри Юктешвар обратился ко мне и, посмотрев в глаза, сказал улыбаясь в свете луны:

– Сын мой, ты и есть тот самый ученик, которого несколько лет назад Бабаджи обещал мне послать.

Я был счастлив узнать, что Бабаджи направил мои стопы к Шри Юктешвару, но мне все-таки было трудно представить себя на далеком Западе, вдали от любимого гуру и простого мира его уединенного жилища.

"Потом Бабаджи заговорил о *Бхагавадгите* , – продолжал Шри Юктешвар, – к моему удивлению, несколькими словами похвалы он показал, что ему был известен факт написания мною толкования *Гиты* .

– По моей просьбе, свамиджи, сделай, пожалуйста, еще одно дело, – сказал великий учитель, – Не напишешь ли ты небольшую книгу о единой основе Христианского и Индусского Писания? Покажи параллельными ссылками, что вдохновенные сыны Божии говорили одни и те же истины, не затуманенные сектантскими разногласиями людей.

– Магарадж[[309]], – неуверенно возразил я, – в состоянии ли я буду выполнить это указание?

Бабаджи тихо засмеялся.

– Сын мой, к чему сомнение? – уверенно сказал он. – Чьих рук все это дело и кто свершитель всех действий? Что бы Господь ни побудил меня сказать, это обязательно претворится в жизнь как Истина.

Я счел себя уполномоченным на это благословением святого и согласился написать книгу. Чувствуя, что пора уходить, я неохотно поднялся со своего сиденья из листьев.

– Ты знаешь Лахири? – спросил учитель, – Он великая душа, не правда ли? Расскажи ему о нашей встрече. – Затем он передал мне весть для Лахири Махасая.

Когда я скромно преклонил колени, прощаясь, святой по-доброму улыбнулся.

– После того как книга будет закончена, я навещу тебя, – пообещал он. – А пока до свидания.

На следующий день я оставил Аллахабад и сел на поезд в Бенарес. Придя домой к моему гуру, я без промедления рассказал историю о чудесном святом на *кумбха мела* .

– О, неужели ты не узнал его? – В глазах Лахири Махасая играли смешинки. – Я вижу, что ты не мог узнать, так как он воспрепятствовал тебе. Он и есть мой несравненный гуру, небесный Бабаджи!

– Бабаджи! – повторил я, охваченный благоговейным трепетом. – Йоговский Христос Бабаджи! Видимый невидимый спаситель Бабаджи! О, если бы я мог вернуть прошлое и еще раз побыть в его присутствии, чтобы ощутить блаженство у его лотосных стоп!

– Ничего, – утешительно сказал Лахири Махасая. – Он же обещал повидать тебя вновь.

– Гурудев, божественный гуру просил передать вам весточку: «Скажи Лахири, что запас силы на эту жизнь истощается, он почти кончился».

Едва я произнес эти загадочные слова, тело Лахири Махасая затрепетало, как от электрического разряда. В один миг все в нем стихло, улыбающееся лицо стало невероятно суровым. Тело побледнело и стало как деревянная статуя, сидящая мрачно и недвижно. Я был смущен и встревожен. Никогда в жизни я не видел, чтобы это радостная душа являла

---

309 [2]. «Великий царь» – титул уважения.

такую суровость. Другие присутствующие ученики со страхом впились в него глазами.

Три часа прошло в молчании. Потом Лахири Махасая вернулся к своей естественной бодрой манере поведения и тепло обратился к каждому из чела. Все облегченно вздохнули.

По реакции учителя я понял, что весть Бабаджи, несомненно, была сигналом, по которому Лахири Махасая узнал, что тело его скоро умрет. Внушавшее ужас молчание доказывало, что мой гуру, контролируя свою сущность, отсек последнюю ниточку привязанности к материальному миру и ушел в вечно живое тождество в Духе. Замечание Бабаджи выражалось иными словами: «Я всегда буду с тобой».

Хотя Бабаджи и Лахири Махасая были всеведущи и не имели необходимости общаться друг с другом через меня или кого-либо иного, но великие часто снисходят до исполнения той или иной роли в человеческой драме. Время от времени они передают пророчества через посланцев обычным путем, для того чтобы впоследствии у широкого круга людей, узнавших об этом, осуществление этих слов могло вызвать большую веру в Бога.

Вскоре я оставил Бенарес и в Серампуре взялся за работу над книгой о Писаниях, о которой просил Бабаджи, – продолжал Шри Юктешвар. – Не успел я приняться за дело, как уже был в состоянии сочинить стих, посвященный бессмертному гуру. Мелодичные строки без усилий текли из-под пера , хотя никогда ранее я не брался за санскритскую поэзию. В ночной тиши я занялся сравнением Библии и Писаний *Санатана дхармы* [310]. Приводя слова благословенного Господа Иисуса, я показывал, что учения Его по существу едины с откровениями *Вед* . К моему утешению, книга *Святая наука* была закончена в короткое время, это привело меня к пониманию, что такая скорость была следствием милостивого благословения моего парамгуру[311] магараджа.

Утром, после своих литературных усилий, – продолжал учитель, – я отправился сюда на Рай *гхат* , чтобы искупаться в Ганге. *Гхат* был пуст, и я немного постоял, наслаждаясь живительным покоем. После погружения в искрящиеся воды я собрался домой. Единственным звуком в тишине было шуршание и шлепанье в ритм каждому шагу омытой в Ганге ткани. Когда я прошел мимо большого баньянового дерева у реки, какой-то сильный импульс заставил меня оглянуться. Там, в тени баньяна, в окружении нескольких учеников сидел великий Бабаджи!

– Приветствую тебя, свамиджи! – прозвучал чарующий голос учителя, убедив меня, что я не сплю. – Я вижу, ты успешно завершил работу над книгой. Как я и обещал, я здесь, чтобы поблагодарить тебя.

С бьющимся сердцем простерся я у его стоп.

– Парам-гуруджи, – умоляюще сказал я, – не почтите ли вы и ваши чела своим присутствием мой находящийся поблизости дом?

Высочайший гуру, улыбаясь, отказался.

---

310 [3]. Буквально – вечная религия – название, данное основному ядру ведических учений. *Санатана дхарму* со времен греков, которые жителей берега Инда называли *индусами* , или *хиндус* , стали называть *индуизмом* . Слово *хиндус* , верно произносимое, относится лишь к последователю *Санатана дхармы* , то есть *индуизма* . Термин *индийцы* в равной степени применим к индусам, магометанам и другим обитателям земли индийской (а также в результате сбивающей с толку ошибки Колумба – к американским монголоидным аборигенам; по-русски *индейцам*).

Древнее название Индии – *Арьяварта* (буквальный перевод – Обитель ариев). Санскритский корень *арья* значит достойный, святой, благородный. Позже неверное этимологическое использование слова *арии* для обозначения не духовных, а физических черт заставили выдающегося востоковеда Макса Мюллера своеобразно высказаться: «Для меня этнолог, говорящий об арийской расе, арийской крови, арийских глазах и волосах, столь же великий грешник, как лингвист, говорящий о долихоцефальном словаре или брахиоцефальной грамматике».

311 [4]. *Парамгуру* – буквально верховный гуру, или гуру выше, обозначает цепь или преемственность учителей. Бабаджи, гуру Лахири Махасая, был *парамгуру* Шри Юктешвара.

Махаватара Бабаджи – это верховный гуру в ряду индийских учителей, он принимает на себя ответственность за духовное благосостояние всех членов, правоверно практикующих *крия-йогу.*

– Нет, дитя, – сказал он, – мы люди, которым нравится тень деревьев, это место для нас вполне удобно.

Подождите пожалуйста, немного, учитель, – я умоляюще взглянул на него, – Я мигом вернусь с кое-какими сладостями[312].

Когда через несколько минут я вернулся с блюдом различных лакомств, увы, баньян более не укрывал своей тенью небесную группу. Я все обыскал вокруг *гхата* , но сердцем знал, что маленькая группа уже улетела на крыльях эфира.

Я обиделся до глубины души. «Если даже мы снова встретимся, то не стану с ним разговаривать, – уверял я себя. – С его стороны нехорошо было оставить меня так внезапно». Это была, конечно, обида любви, и ничто иное. Несколько месяцев спустя я посетил Лахири Махасая в Бенаресе. Когда я вошел в его маленькую гостиную, гуру, улыбаясь, сказал:

– Заходи, Юктешвар. Не встретил ли ты только что на пороге моей комнаты Бабаджи?

– Да неужели? Нет, не встретил, – удивленно ответил я.

– Иди сюда, – Лахири Махасая мягко коснулся моего лба, и я тут же увидел у двери фигуру Бабаджи, подобную цветущему лотосу.

Я вспомнил прежнюю обиду и не поклонился. Божественный гуру смотрел на меня непроницаемым взглядом:

– Я тебе неприятен? – Господин, как же мне будет приятно? – ответил я. – Из воздуха вы появились с вашей магической группой и в воздухе рассеялись.

– Я сказал тебе, что увижусь с тобой, но не говорил, сколь долго я с тобой пробуду, – тихо рассмеялся Бабаджи. – Уверяю, ты был так возбужден, что от взрыва твоего неистовства я совсем растворился в эфире.

Меня сразу удовлетворило это нелестное разъяснение. Я склонился к его стопам, всевышний гуру доброжелательно похлопал меня по плечу.

– Дитя мое, ты должен больше медитировать, – сказал он. – Взгляд твой еще небезошибочен – ты не можешь видеть меня за солнечным светом. – С этими словами, сказанными голосом небесной флейты, Бабаджи исчез в скрытом сиянии.

– Это было одно из последних моих посещений Бенареса, имевшее целью увидеть любимого гуру, – заверил Шри Юктешвар. – Как и предсказал Бабаджи на *кумбха мела* , воплощение домохозяина Лахири Махасая приближалось к завершению. Летом 1895 года на спине его крепкого тела появился незначительный нарыв – он перерабатывал в своей плоти дурную карму некоторых из учеников. Вскрыть нарыв он не соглашался. Наконец несколько чела стали очень настаивать, на что учитель загадочно ответил: «У тела должна найтись причина для отдыха; я соглашусь на все, что вам угодно».

Через непродолжительное время несравненный гуру в Бенаресе оставил свое тело. Мне больше не нужно было искать его в его маленькой гостиной, я убедился, что всякий день моей жизни благословен вездесущим руководством учителя".

Через несколько лет из уст свами Кешабананды[313], одного из продвинутых учеников, я услышал множество чудесных деталей, рассказанных очевидцами, об отходе Лахири Махасая.

"За несколько дней до того как гуру оставил свое тело, – рассказывал мне Кешабананда, – он материализовался передо мной, когда я сидел в своем жилище в Хардваре. «Приезжай сейчас же в Бенарес», – сказал Лахири Махасая и исчез. – Я немедленно поехал в Бенарес. У дома учителя я увидел многих собравшихся учеников. В тот день в течение нескольких часов учитель изъяснял *Гиту* , потом просто обратился к нам: «Я ухожу домой»[314].

312 [5]. В Индии считается непочтительным не предложить угощение гуру.

313 [6]. Мое посещение ашрама Кешабананды описано в главе 42.

314 [7]. 26 сентября 1895г. – день, когда Лахири Махасая покинул тело. Еще через несколько дней ему исполнилось бы 67 лет.

Тут же разразились горестные вопли. «Утешьтесь, я еще восстану». Сказав так, Лахири Махасай трижды обернулся по кругу и, обратившись лицом на север в своей позе лотоса, славно вошел в окончательное *махасамадхи* [315].

Красивое тело Лахири, столь дорогое поклонникам, было кремировано с торжественными обрядами у святого Ганга на Маникарника *гхате* , – продолжал Кешабананда. – На следующий день в десять утра, когда я еще был в Бенаресе, мою комнату залил яркий свет. И вот предо мной стоит Лахири Махасая из плоти и крови. Тело его было такое же, как прежде, только моложе и светлее. Божественный гуру заговорил: «Кешабананда, это я. Из дезинтегрированных атомов своего кремированного тела я воссоздал его форму. Мое дело домохозяина в мире сделано, но я оставляю землю не насовсем. Я проведу некоторое время с Бабаджи в Гималаях и с Бабаджи в космосе».

С несколькими словами благословения мне трансцендентальный учитель исчез. Чудное воодушевление исполнило мое сердце от возвышения в Духе, как учеников Христа и Кабира[316], увидевших своих гуру живыми после их физической смерти.

Возвратившись в уединенное жилье в Хардваре, – продолжал Кешабананда, – я принес с собой святой пепел моего гуру. Я знаю, что он избавился от временно-пространственной клетки, птица вездесущности освободилась. Тем не менее хранение его святых останков успокаивало мое сердце".

Другой ученик, благословенный лицезрением воскресшего гуру, был святой Панчанон Бхаттачарья[317]. Я навестил Панчанона в его калькуттском доме и с удовольствием выслушал рассказ о его многолетнем общении с учителем. В заключение он рассказал мне о самом изумительном случае в его жизни:

«Здесь, в Калькутте, после кремации в десять утра мне в живом величии явился Лахири Махасая».

Свами Пранабананда – «святой с двумя телами» – также поведал мне детали собственного высокого переживания.

"За несколько дней до того как Лахири Махасая оставил тело, – рассказал мне Пранабананда во время посещения школы в Ранчи, – я получил от него письмо с просьбой сразу выехать в Бенарес. Но я задержался, ибо сразу выехать не мог. Занимаясь приготовлениями к поездке, в десять часов утра я вдруг, к своей радости, увидел сияющую фигуру моего гуру.

– Зачем спешить в Бенарес? – улыбаясь, сказал Лахири Махасая. – Ты больше не

---

315 [8]. Трижды повернуть тело и обратиться лицом к северу – это части ведического ритуала, применяемые учителями, заранее знающими, когда вот-вот пробьет последний час для физического тела. Последняя медитация, во время которой учитель погружается в космический *Аум* , называется *маха* , или великое, *самадхи* .

316 [9]. Кабир был великим святым XVI века, среди его многочисленных последователей были и индусы, и мусульмане. Когда он умер, ученики перессорились из-за обряда похоронной церемонии. Раздраженный учитель восстал от своего последнего сна и дал им инструкции. «Половину моих останков следует похоронить по мусульманским обычаям, – сказал он, – а другую половину кремировать по индусскому обряду». После чего исчез. Подняв саван, которым было покрыто тело, ученики не обнаружили ничего, кроме множества красивых цветов. Половину из них мусульмане послушно похоронили в Магхаре, где и по сей день чтут эту святыню. Другую половину кремировали на индусский лад в Бенаресе. Храм *Кабир Чеура* был построен на этом месте и привлекает огромное число паломников.

В юности к Кабиру обратились двое учеников, которые желали подробного интеллектуального руководства по мистическому пути. Учитель просто ответил: «Путь предполагает расстояние. Если цель рядом, тебе вообще не нужен никакой путь. Поистине у меня возникает улыбка, когда я слышу о рыбе, испытывающей жажду в воде!»

317 [10]. См. главу 35. Панчанон воздвиг храм Шивы в Деогаре, штат Бихар, в саду площадью семь гектаров, в который поместил портрет Лахири Махасая, написанный маслом. – *Примечание американского издателя* .

найдешь меня там.

Когда до меня дошел смысл его слов, от горя я разрыдался, думая, что вижу его лишь в видении. Учитель приблизился ко мне с утешением.

– Вот, коснись моего тела, – сказал он. – Я живой, как всегда. Не плачь, разве я не всегда с тобой?"

Из уст этих трех великих учеников выяснялась история чудесной истины: в десять часов утра, день спустя после того, как тело Лахири Махасая было кремировано у священного Ганга, воскресший учитель в разных городах в настоящем, но преображенном теле явился пред тремя учениками.

"Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертное, тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть победою». «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»[[318]]".

Глава 37. Я еду в Америку

«Америка! Наверняка эти люди – американцы!» – подумал я, когда перед моим внутренним взором прошло панорамное видение западных лиц[[319]].

Погруженный в медитацию, я сидел за какими-то пыльными ящиками в кладовке школы в Ранчи[[320]]. В эти беспокойные годы трудно было найти уединенное местечко.

Видение продолжалось: множество людей, внимательно глядя на меня, прошли подобно актерам по сцене сознания.

Дверь кладовки отворилась: как обычно, один из ребятишек обнаружил мое укрытие.

– Пойди сюда, Бимал, – весело сказал я. – У меня для тебя новость: Господь призывает меня в Америку!

– В Америку? – мальчик повторил мои слова таким тоном, как будто я сказал – «на луну».

– Да! Я уезжаю в Америку, открывать Америку, как Колумб. Он думал, что нашел Индию; определенно между этими двумя странами существует кармическая связь!

Бимал умчался прочь, вскоре вся школа была сбита с толку известием этой двуногой газеты.

– Я знаю, вы будете хранить всегда на высоте идеалы воспитания йоги Лахири Махасая, – сказал я. – Я буду часто вам писать. Бог даст, я когда-нибудь вернусь.

На моих глазах были слезы, когда я бросил последний взгляд на ребят и озаренные солнцем земли Ранчи. Я знал, что ныне завершился определенный период моей жизни, с этого времени я буду обитать в далеких странах и выехал в Калькутту через несколько часов после видения. На следующий день от одного бенгальского друга я получил приглашение быть делегатом от Индии на Международном Религиозном Конгрессе, собиравшемся в этом году в Бостоне под покровительством Американской Унитарианской Ассоциации

Моя голова пошла кругом, и я разыскал учителя в Серампуре.

– Гуруджи, меня только что пригласили выступить на религиозном конгрессе в Америке. Ехать мне или нет?

– Все двери для тебя открыты, – просто ответил Шри Юктешвар. – Теперь или никогда.

---

318 [11]. 1 *Коринфянам* 15.54-55. «Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?» – *Деяния* 26.8

319 [1]. Многие из тех лиц я впоследствии видел на Западе и тут же узнавал.

320 [2]. В 1959г. Шри Дайя Мата, президент Общества *Самопознания* в Америке и Индийского Общества *Йогода Сатсанга* , торжественно открыла Йогананда Дхьяна Мандир (Храм медитации), построенный на месте бывшего склада в Ранчи, где было видение Парамахансаджи. – *Примечание американского издателя* .

– Но, господин, – сказал я с тревогой, – что я знаю о публичных выступлениях? Я редко читал лекции, а по-английски – никогда

– По-английски или не по-английски, но твои слова о йоге должны услышать на Западе.

Я засмеялся.

– Но, дорогой гуруджи, я думаю, американцы едва ли станут изучать бенгали. Прошу вас благословить меня на попытку взять барьер английского языка[321].

Когда я осторожно сообщил новости о своих планах отцу, он был поражен. Ему Америка казалась невероятно далекой, он боялся, что никогда больше не увидит меня.

– Как ты сможешь поехать? – спросил он. Поскольку всю мою жизнь расходы на мое воспитание с любовью нес он, то, несомненно, надеялся, что этот вопрос поставит преграду в осуществлении сообщенного ему.

– Господь, безусловно, будет финансировать меня. – Ответив так, я подумал о подобном же ответе, который давным-давно дал брату Ананте в Агре. И безо всякой подоплеки добавил: – Отец, может быть, Бог внушит тебе помочь мне.

– Нет, никогда! – Он с жалостью посмотрел на меня.

Поэтому я был весьма удивлен, когда на следующее утро он вручил мне чек на большую сумму.

– Я даю тебе эти деньги, – сказал он, – не как отец, я как ученик Лахири Махасая. Поезжай же в эту далекую страну Запада, распространяй там не связанное с религией учение *крия-йоги* .

Я был бесконечно тронут самоотверженностью, с которой отец смог быстро справиться со своими личными желаниями. В эту ночь он осознал истину, что никакое заурядное желание не было мотивом моей поездки.

– Может, мы уже не встретимся в этой жизни, – с грустью сказал отец, которому в то время было шестьдесят семь лет.

Какая-то интуитивная уверенность заставила меня ответить:

– Несомненно, Господь еще сведет нас вместе.

Собираясь покинуть учителя и родину ради незнакомых берегов Америки, я испытывал немалую тревогу, ибо приходилось много слышать о материалистической атмосфере Запада, весьма отличной от духовной почвы Индии, многие века проникнутой аурой святых.

«Восточный учитель, который решается на атмосферу Запада, – думал я, – должен быть смелее, чем решившийся на испытание лютых гималайских холодов!»

Однажды рано утром я начал молиться с твердым решением не останавливаться, пока не услышу голос Божий, даже если умру. Я жаждал Его благословения и уверенности, что не потеряюсь в тумане современного утилитаризма. Сердце мое готово было на поездку в Америку, но прежде еще раз решило получить божественное соизволение.

Я молился, молился, заглушая вздохи. Ответа не было. Моя безмолвная просьба возрастала в мучительном крещендо, пока к полудню не достигла зенита, – голова больше не могла выдержать бремени мук. Если б я со все возрастающей глубиной внутренней страсти воззвал еще хоть раз, мне кажется, голова моя разлетелась бы вдребезги.

В этот момент из вестибюля, примыкающего к комнате на Гурпар Роуд, в которой я сидел, донесся стук. Отворилась дверь, и я увидел молодого человека в странном одеянии отреченного. Он вошел, закрыв за собой дверь, и, отказавшись от моего приглашения сесть, показал жестом, что желает беседовать со мной стоя.

«Должно быть, это Бабаджи!» – подумал я, изумленный, ибо у этого человека были черты молодого Лахири Махасая. Он ответил на мою мысль.

– Да, я – Бабаджи, – мелодично сказал он на хинди. – Отец наш Небесный услышал твои молитвы. Он велел мне сказать тебе: последуй веленью гуру и поезжай в Америку. Не бойся, ты будешь под защитой.

---

321 [3]. Мы с Шри Юктешваром обычно говорили на бенгали.

После волнующей паузы Бабаджи снова обратился ко мне:

– Ты тот, кого я избрал для распространения провозвестия *крия-йоги* на Западе. Когда-то много лет назад на *кумбха мела* я встретился с твоим гуру Юктешваром, тогда я сказал, что пошлю тебя ему для обучения.

Я не сказал ничего, потрясенный благоговейным трепетом от его присутствия и глубоко тронутый тем, что из его собственных уст услышал, что он направил меня к Шри Юктешвару. Я простерся перед бессмертным гуру. Он милостиво поднял меня с пола. Рассказав многое о моей жизни, он дал кое-какие личные указания и сказал несколько сокровенных пророчеств.

– *Крия-йога* – научная техника Богоосознания, – в завершение торжественно заявил он, – в конце концов распространится по всем странам на земле и будет способствовать согласию народов через личное трансцендентальное восприятие Безграничного Отца человеком.

Одним величественным взглядом учитель наэлектризовал меня светом своего космического сознания.

Если тысячи солнц свет ужасный
в небесах запылает разом -
это будет всего лишь подобье
светозарного лика Махатмы[[322]].

Через некоторое время Бабаджи направился к двери.

– Не пытайся следовать за мной, – сказал он, – ты не сможешь этого сделать.

– Бабаджи, прошу, не уходи! – восклицал я. – Возьми меня с собой!

– Не сейчас. Как-нибудь в другой раз, – ответил он оглянувшись.

Охваченный трепетом, я не услышал его слов и, попытавшись последовать за ним, обнаружил, что ноги как бы приросли к полу. Бабаджи от двери бросил последний теплый взгляд, поднял руку в виде благословения и вышел, сопровождаемый моим прикованным к нему жадным взглядом.

Через несколько минут ноги освободились. Я опустился на пол и вошел в глубокую медитацию, непрестанно благодаря Бога за то, что Он не только ответил на молитву, но и благословил на встречу с Бабаджи. Все мое тело как бы светилось от прикосновения этого древнего, вечно юного учителя. У меня давно было пылкое желание увидеть его.

До сих пор я никому никогда не рассказывал историю этой встречи с Бабаджи. Оберегая как самое святое из своих человеческих переживаний, я хранил ее в сердце. Но мне пришла мысль, что читатели моей автобиографии будут более склонны поверить в реальность уединенного Бабаджи с его интересами к миру, если я расскажу, что видел его своими глазами. Я помог одному художнику нарисовать подлинный портрет йоговского Христа современной Индии, который и приводится в этой книге.

Вечер накануне моего отбытия в Соединенные Штаты я провел в святом присутствии Шри Юктешвара.

– Забудь, что ты родился среди индусов, и в то же время не перенимай всех американских обычаев. Возьми лучшее от обоих народов, – в спокойной мудрой манере сказал учитель. – Будь самим собой, дитем Божьим. Ищи и вбирай лучшие качества всех твоих братьев, рассеянных по всей земле в разных расах.

Затем он благословил меня:

– Все, кто придет к тебе в поисках Бога и с верой, – получат помощь. Когда ты посмотришь на них, духовный ток, текущий из твоих глаз, проникнет в их мозг и изменит материальные привычки, сделает их более чувствующими Бога. Твой жребий – привлекать

322 [4]. *Бхагавадгита* 11.12.

искренние души – очень хорош, – продолжал он. – Куда бы ни лежал твой путь, ты найдешь друзей, даже если это будет в пустыне.

Оба эти благословения позже получили достаточно полное подтверждение. Приехав в Америку один, как в пустыню, без единого друга, там я нашел тысячи сподвижников, готовых получить вневременные учения души.

Я оставил Индию в августе 1920 года на первом пассажирском судне, отплывавшем в Америку после окончания первой мировой войны. Оно называлось *Город Спарта* Мне посчастливилось взять билет только после чудом удавшегося устранения многих бюрократических затруднений, связанных с признанием моего паспорта.

Плавание продолжалось около двух месяцев. Один из попутчиков обнаружил, что я – индийский делегат, следующий на бостонский конгресс.

– Свами Йогананда, – сказал он с тем своеобразным оттенком произношения, с которым мне впоследствии довелось слышать свое имя из уст американцев, – будьте столь любезны, в ближайший четверг вечером прочесть пассажирам лекцию. Я думаю, нам всем будет полезно услышать беседу о «Битве Жизни» и о том, как ее провести.

Увы! Как обнаружил я в среду, мне предстояло провести битву в своей собственной жизни. Я предпринимал отчаянные попытки сгармонизировать мысли в лекцию на английском языке, в конце концов я вовсе оставил все приготовления: мысли же, подобно дикому жеребенку, завидевшему седло, отказывались от какого бы то ни было взаимодействия с правилами английской грамматики. Однако всецело полагаясь на недавние уверения учителя, я явился в четверг пред аудиторией в салоне парохода. Молчаливое стояние перед собранием не прибавило красноречия моим устам. После состязания на терпение, продолжавшегося минут десять, аудитория поняла мое затруднение и начала смеяться.

Мне же тогда было не до смеха, призывно я послал учителю безмолвную мольбу.

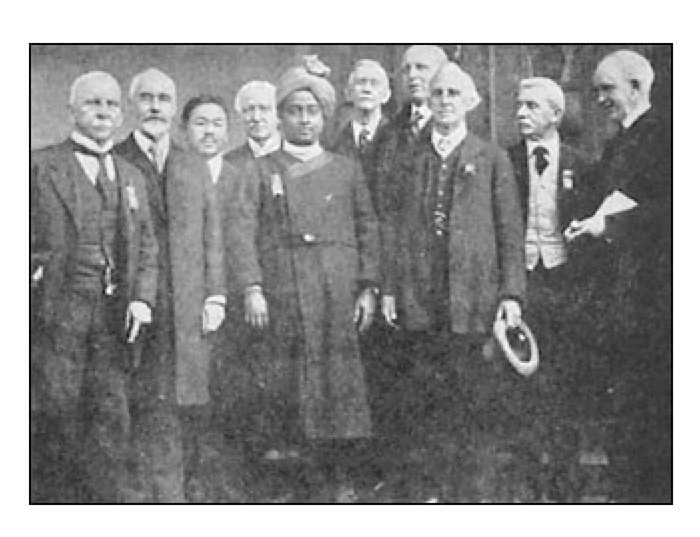
– Ты *можешь* ! Говори! – в тот же миг прозвучал его голос в моем сознании.

Мысли сразу вошли в дружескую связь с английским языком. Спустя сорок пять минут публика все еще сохраняла внимание. Эта беседа принесла в дальнейшем множество приглашений на лекции перед различными собраниями в Америке.

Впоследствии мне никогда не удавалось вспомнить ни слова из того, что я говорил. Благодаря осторожным расспросам множества пассажиров, я услышал: «Вы прочитали вдохновляющую лекцию на динамичном и корректном английском языке». При этом вдохновляющем известии я скромно поблагодарил гуру за его своевременную помощь, вновь осознав, что он всегда со мной, пренебрегая всеми барьерами времени и пространства.

Время от времени в остаток океанского путешествия я испытывал мучительные предчувствия от предстоящего испытания – лекции по-английски на бостонском конгрессе.

– Господи, – молил я, – да будешь Ты, а не новые взрывы смеха в аудитории моим вдохновением!



Группа делегатов Конгресса религиозных либералов в Бостоне, 1920 год. На этом Конгрессе я произнес свою первую речь в Америке.
Слева направо: преподобный Клэй МакКаулей, преподобный Т.Ронда Вильямс, профессор С.Ушигасаки, преподобный Джейбс Т.Сандерланд, я собственной персоной, преподобный Час В.Вендт, преподобный Самуэль А.Элиот, преподобный Вазил Мартин, преподобный Кристофер Дж.Стрит, преподобный Самуэль М.Кротерс.

Город Спарта пришвартовался близ Бостона в конце сентября. 6 октября 1920 года я обратился к конгрессу с первой лекцией в Америке. Ее хорошо приняли, и я вздохнул с облегчением. Великодушный секретарь Американской Унитарианской Ассоциации в опубликованном сообщении о работе конгресса написал следующее, озаглавив заметку *Новые паломничества Духа* [[323]]: «Свами Йогананда, делегат из ашрама Брахмачари в Ранчи, передал конгрессу приветствия от своего Общества. На свободном английском языке с динамичной речью он обратился к слушателям с лекцией философского характера об „Учении религии“, которая издана в виде брошюры для широкого распространения. „Религия, – утверждает он, – универсальна и едина. Мы не можем универсализировать те или иные обычаи и верования, но это возможно в отношении религии, и мы можем просить всех в равной мере следовать этому“».

Благодаря щедрому чеку отца я был в состоянии остаться в Америке и после завершения конгресса. Четыре года прошли в Бостоне в стесненных обстоятельствах. Я читал публичные лекции, обучал классы и написал книгу стихов *Песни души* с предисловием Фредерика Б.Робинсона, доктора колледжа города Нью-Йорка[[324]].

Начав межконтинентальное путешествие летом 1924 года, я выступил перед тысячами людей во многих крупных городах Америки. Из Сиэтла на корабле я отправился отдохнуть на прелестный север, на Аляску.

С помощью великодушных учеников в конце 1925 года в Лос-Анджелесе я основал Американский Центр Общества, расположенный в имении Маунт Вашингтон. Это и было то здание, показанное мне в Кашмире за много лет до этого дня в видении. Я поспешил послать Шри Юктешвару снимки этих далеких американских центров деятельности. Он ответил открыткой на бенгали, которую я здесь перевожу:

11 августа 1926 года.

О, дитя моего сердца, Йогананда!

При виде фотографий школы и учеников я не могу выразить словами ту радость, что наполнила мою жизнь. Я весь растворен в счастье, видя твоих учеников йоги из разных городов.

Узнавая напев утверждений твоего метода в целительных вибрациях и целительных молитвах Богу, я не могу удержаться от сердечной благодарности тебе.

При виде холма, извилистой дороги вверх и прелестного пейзажа близ имения Маунт Вашингтон я жажду увидеть все это своими глазами.

Здесь все идет хорошо, милостью Божией да пребудешь ты всегда в счастии.

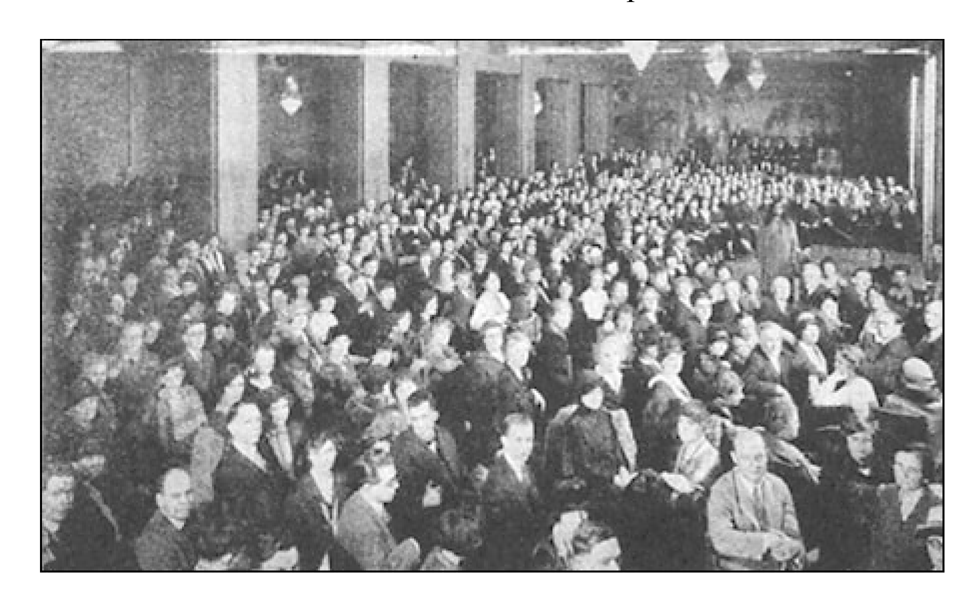
Шри Юктешвар Гири

Прошли годы. Я читал лекции во всех уголках моей новой страны и выступал в сотнях клубов, колледжей, церквей и обществ разных наименований. Десятки тысяч американцев

323 [5]. Boston: Beacon Press, 1921.

324 [6]. Доктор и миссис Робинсон посетили Индию в 1939 г. и были почетными гостями в Калькуттской ветви организации *Йогода Сатсанга* .

получили посвящение в крия-йогу. В 1929 году всем им я посвятил новую книгу молитвенных мыслей *Шепоты из Вечности* с предисловием Амелиты Галли Курчи.



Перед занятием по йоге в Вашингтоне, округ Колумбия. Присутствует более тысячи студентов. Я стою на сцене.

Иногда, обычно первого числа очередного месяца, когда так и сыпались счета за содержание Маунт Вашингтонского и других центров Общества Самопознания, появлялась страстная ностальгия о простом покое Индии. Но с каждым днем я видел возрастающее взаимопонимание между Америкой и Индией, и душа моя радовалась.

Джордж Вашингтон, «отец страны», жизнь которого была отмечена магическими видениями и сознанием Божьего водительства, высказал следующие слова духовного вдохновения об Америке: «Будет достойно свободной, просвещенной и за недолгий период ставшей великой нации дать человечеству великодушный и необычайный пример людей, всегда направляемый высокой справедливостью и благожелательностью. Несомненно, что со временем она превзошла всякие временные преимущества, которых можно было бы достичь отсутствием постоянной приверженности к этому. Может ли быть, чтобы Провидение не связало неизменное благосостояние нации с ее достоинством?»

Уолт Уитмен «Гимн Америке»

(«Ты матерь со своей Семьей Равных»)

Ты в своем будущем,
Ты в своей более обширной и здоровой семье женщин и мужчин,
Ты в своих атлетах, нравственных, духовных, на юге, севере, западе, востоке,
Ты в своем нравственном богатстве и нравственной цивилизации
(в сравнении с которой самая броская материалистическая цивилизация – пуста),
Ты в своем всеудовлетворяющем, всезаключающем поклонении,
Ты не в единственной Библии и не в одном лишь Спасителе,
Твои спасители неисчислимы, скрытые внутри тебя, равные всякому, божественные, как и всякий...

Глава 38. Лютер Бербанк – святой средь роз

– Секретом лучшего разведения растений, помимо научного знания, является любовь, – эту мудрость Лютер Бербанк высказал во время прогулки в его саду в Санта-Роза. Мы задержались у клумбы съедобных кактусов. Он продолжал: – Проводя опыты по выведению кактусов без колючек, я часто говорил с растениями, чтобы создать вибрации любви: «Вам нечего бояться. Вам не нужны колючки для защиты. Я защищу вас». Постепенно появилась новая разновидность этого полезного растения пустыни – без колючек.

Я был очарован этим трудом.

– Дорогой Лютер, дайте мне, пожалуйста, несколько листов кактуса, я посажу их у себя в саду на Маунт Вашингтон.

Стоящий рядом рабочий хотел было их сорвать для меня, однако Бербанк его удержал.

– Лучше я сделаю это сам. – Он вручил мне три листа, которые я потом посадил и радовался их буйному росту.

Великий садовод рассказал, что его первым триумфом был огромный картофель, ныне известный под его именем. С неутомимостью гения он продолжал одаривать мир сотнями скрещенных улучшенных пород – новыми бербанковскими видами помидоров, зерна, кабачков, вишни, сливы, гладких персиков, ягод, маков, лилий, роз.

Я приготовил свой фотоаппарат, когда Лютер подвел меня к знаменитому дереву грецкого ореха, благодаря которому он доказал, что естественная эволюция может быть значительно ускорена.

– Всего за шестнадцать лет, – сказал он, – это ореховое дерево дало обильный урожай орехов, чего природа могла бы достичь лет за тридцать.

Приемная дочка Бербанка Бетти забежала в сад, шумно играя со своей собакой Ионитой.

Мой дорогой друг Лютер Бербанк и я в саду Санта-Роза

– Она – мое человеческое растение, – Лютер ласково помахал ей рукой, – Я теперь смотрю на человечество как на одно огромное растение, нуждающееся для наивысших свершений только в любви, естественных благах чудесного открытого пространства, а также разумном скрещивании и отборе. За небольшую часть своей жизни я наблюдал такой

чудесный прогресс в эволюции растений, что, видя здоровый, счастливый мир, смотрю вперед оптимистично, коль скоро дети его научатся принципам простой и разумной жизни. Мы должны вернуться к природе и к Богу, создавшему ее.

– Лютер, вам понравилось бы в моей школе в Ранчи с ее занятиями на свежем воздухе и атмосферой радости и простоты, – сказал я.

Слова мои затронули самую близкую сердцу Бербанка струну – воспитание детей. Интерес заблестел в его глубоких ясных глазах.

– Свамиджи, – сказал он наконец, – школы подобные вашей являются единственной надеждой будущего тысячелетия. Я возмущен системами воспитания нашего времени, оторванными от природы и подавляющими все индивидуальные качества. Я с вами в ваших практических идеалах воспитания сердцем и душой.

Когда я покидал любезного святого, он надписал один томик своей книги и подарил его мне[[325]].

– Вот моя книга *Воспитание человеческого растения* [[326]], – сказал он. – Необходимы новые методы воспитания – бесстрашные эксперименты. Временами самые дерзкие опыты приводили к успеху в выявлении лучшего во фруктах и цветах. Новаторства в воспитании детей точно так же должны стать более многочисленными и более смелыми.

В ту же ночь я с интересом прочитал его книжку. Предвидя славное будущее человеческой расы, он писал: "Самое упрямое из существ в мире, раз и навсегда упрочившееся в некоторых привычках, что труднее всего убрать с пути, – это растение... Вспомните, что растения сохранили индивидуальность на протяжении веков. Быть может, за ними можно проследить эпохи до самых камней, не изменившихся в сколько-нибудь значительной степени. Вы полагаете, что после веков повторения, если вы предпочитаете так это называть, растение не выработало волю неколебимой твердости? В самом деле, есть растения, как, например, некоторые из пальм, столь стойкие, что никакая человеческая воля не смогла изменить их, воля человека слаба в сравнении с волей растений. Но посмотрите, как все это пожизненное упорство растения ломается простым смешением с ним новой жизни, производя в результате скрещивания в его жизни полную и властную перемену. В таком случае, при наступлении перелома, закрепите его поколениями терпеливого наблюдения и отбора, и новое растение встанет на новый путь и никогда более не вернется к старому. Его твердая воля, наконец, сломлена и изменена.

Когда же это касается столь чувствительного и податливого предмета, как природа ребенка, проблема значительно облегчается".

Влекомый обаянием этого великого американца, я навещал его вновь и вновь. Однажды я пришел утром одновременно с почтальоном, сложившим в кабинете у Бербанка около тысячи писем. Садоводы писали ему со всех концов света.

– Свамиджи, ваше присутствие является для меня поводом, чтобы выйти в сад, – сказал он. – Посмотрите на то, как я путешествую. – Он открыл большой выдвижной ящик письменного стола, в котором были сотни проспектов различных путешествий. – Видите, – продолжал он, – так я и путешествую. – Связанный растениями и корреспонденцией, взглянув иной раз на эти картинки, я удовлетворяю жажду странствий.

Моя машина стояла у ворот, мы с Лютером поехали по улицам города Санта-Роза, сады которого пестрели его собственными разработками, имеющими персиковый цвет, – розами

---

325 [1]. Бербанк вручил мне также собственный портрет с автографом. Я ценю его так же, как один индийский купец ценил портрет Линкольна. Этот индиец, живший в Америке в годы гражданской войны, испытывал такое восхищение перед Линкольном, что не желал возвращаться в Индию, пока не достанет портрета Великого Освободителя. Непреклонно усевшись перед Линкольном на дороге, купец отказывался уйти, пока изумленный президент не позволил ему прибегнуть к услугам известного нью-йоркского художника Даниела Хантингтона. Когда портрет был закончен, индус с триумфом увез его в Калькутту.

326 [2]. N.Y.: Century Co., 1922.

Бербанка.

Великий ученый получил посвящение в *крия-йогу* во время одного из моих прежних посещений.

– Я занимаюсь этой техникой с благоговением, свамиджи, – как-то раз спокойно заметил он. Задав мне множество глубоких вопросов относительно разных аспектов йоги, Лютер медленно сказал: – Восток действительно располагает безграничными сокровищами, которые Запад едва начинает исследовать[327].

Тесная связь с природой, открывавшая многие из ревностно хранимых тайн, сообщила ему безграничное духовное почтение.

– Иногда я почти чувствую себя близким к Безграничной Силе, – робко открылся он. Его чуткое, красивое лицо озарилось воспоминаниями. – Тогда я в состоянии лечить больных людей из моего окружения, а также и многие больные растения.

Он рассказал мне о своей матери, искренней христианке.

– Много раз после ее смерти, сказал Лютер, – я был благословен общением с ней в видениях, она говорила со мной.

Мы нехотя возвратились в его дом к ожидающей там тысяче писем.

– Лютер, – заметил я, – через месяц я начну выпускать журнал, чтобы даровать через него истины Востока и Запада. Помогите мне, пожалуйста, выбрать хорошее название для журнала.

Некоторое время мы обсуждали название и, наконец, сошлись на *Восток-Запад (East-West)* [328]. Когда мы вернулись в его кабинет, Бербанк вручил мне статью, написанную им, – *Наука и цивилизация* .

– Она выйдет в первом номере журнала *Восток-Запад* , – с благодарностью сказал я.

Наша дружба становилась все больше, я называл Бербанка «американским святым». «...Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства»[329], – часто цитировал я. Сердце его было неизмеримой глубины, ему хорошо были знакомы скромность, терпеливость, самопожертвование. Домик среди роз отличался суровой простотой, Лютер понимал никчемность роскоши, радость обладания немногим. Скромность, с которой нес он бремя ученой славы, вызывала во мне ассоциацию с деревьями, склонившимися под тяжестью созревающих плодов, – в пустом хвастовстве лишь бесплодное дерево поднимает голову.

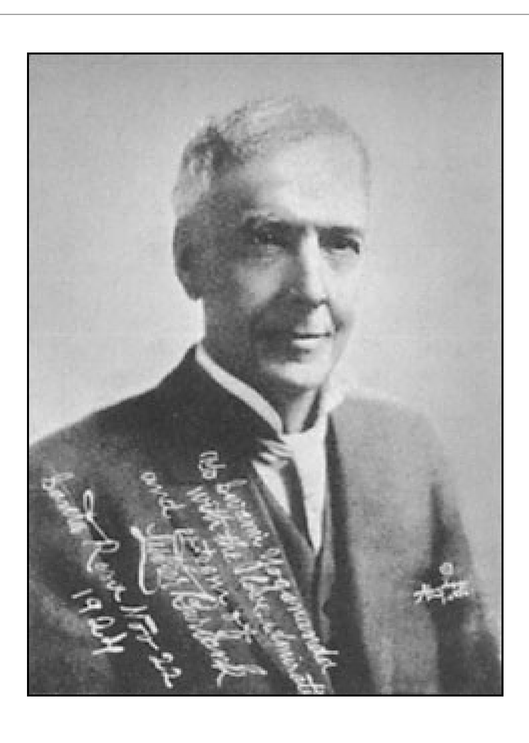
---

327 [3]. Доктор Джулиан Хаксли, известный английский биолог и председатель ЮНЕСКО, недавно заявил, что западным ученым следует изучать восточные методы вхождения в состояние транса и контроля за дыханием. "*Что* из этого получится? *Как* добиться такого состояния?" – спрашивает он.

В заметке Associated Press из Лондона от 21 августа 1948 г. сообщалось: «Доктор Хаксли на заседании новой Всемирной Федерации Психического Здоровья заявил, что, возможно, нужно заглянуть в мистические знания Востока. Если бы можно было провести научное исследование этих знаний, – то, я думаю, был бы сделан огромный шаг в вашей области».

328 [4]. Основан в 1925 г., в 1948 г. переименован в *Журнал Самопознания* .

329 [5]. *От Иоанна* 1.47.



Лютер Бербанк

Когда в 1926 году я был в Нью-Йорке, мой дорогой друг скончался. «Я с радостью прошел бы пешком весь путь отсюда до Санта-Роза, чтобы еще хоть раз увидеться с ним», – со слезами думал я, проведя сутки в уединении, запершись от своих секретарей и посетителей.

На следующий день я провел ведический погребальный ритуал у большого портрета Лютера. Группа моих американских учеников, облаченных в индийские церемониальные одежды, пропела древние гимны, совершив приношение из цветов, воды и огня – символов телесных элементов и их освобождения в Бесконечный Источник.

Хотя тело Бербанка лежит в Санта-Роза под ливанским кедром, посаженным им несколько лет назад, для меня душа его в каждом распустившемся цветке, цветущем близ дороги. Вовлеченный на время во всеобъемлющий дух природы, не Лютер ли это шепчет в ветерке, гуляет на заре? «Когда я уйду, не воздвигайте мне монумент, посадите дерево», – завещал Бербанк с характерной скромностью и человечностью. Недавно калифорнийцы отметили день памяти Лютера Бербанка посадкой рощи красного дерева близ Эврики. Эти стометровые деревья принадлежат к числу древнейших живых творений на земле. День рождения Бербанка... отмечается по всей Калифорнии как Весенний Праздник Посадки Деревьев.

Теперь его имя у всех на устах. Причисляя слово «бербанк» к переходным глаголам, Новый Международный Вебстерский словарь определяет его так: «Скрещивать или прививать растение. Отсюда, улучшать что-либо, как то: процесс или нечто установленное отбором хороших качеств и устранением отрицательных или же добавлением положительных свойств».

– Милый Бербанк, – воскликнул я, прочитав это определение, – само имя твое теперь синоним добра!

Здесь я привожу перевод текста отзыва Бербанка о системе йогода:

Лютер Бербанк, Санта-Роза,

Калифорния, США.

Я исследовал систему Йогода свами Йогананды, и, по моему мнению, это идеал воспитания и гармоничного развития физической, психической и духовной природы человека. Цель свами – основание школ, обучающих «как жить» во всем мире, в которых воспитание

не ограничивается одним лишь интеллектуальным развитием, но развивает также тело, волю и чувства.

Благодаря физическому, психическому и духовному развитию по системе Йогода, простым и научным методам концентрации и медитации, можно разрешить большинство сложных проблем жизни, и на землю снизойдет мир и добро. Идея свами о правильном воспитании – явное проявление здравого смысла, свободна от всякого мистицизма и непрактичности, иначе она бы не получила моего одобрения.

Я рад этой возможности от души присоединиться к свами в его призыве к созданию международных школ искусства жизни, которые в случае их основания столь же приблизят наступление золотого века, как и все, с чем я знаком.

22 декабря 1924 года.

Лютер Бербанк.

Глава 39. Тереза Ньюмен – католичка-стигматка

«Возвращайся в Индию. Я терпеливо ждал тебя пятнадцать лет. Скоро я выплыву из тела и пойду в Сияющую Обитель. Йогананда, приезжай!»

Голос Шри Юктешвара поразительно звучал во мне, когда я сидел в медитации в управлении на Маунт Вашингтон. Преодолев десять тысяч миль в мгновение ока, его весть как вспышка молнии проникла в мое существо.

Пятнадцать лет! Да, сейчас 1935-й, осознал я. Я провел пятнадцать лет в распространении учений гуру в Америке. Теперь он зовет меня обратно.

В тот же вечер я рассказал о случившемся мистеру Джеймсу Дж.Линну. Его духовное развитие в результате ежедневных занятий *крия-йогой* было столь заметно, что я звал его «Святой Линн», вспомнив пророчество Бабаджи о том, что и западные страны будут давать мужчин и женщин божественного осознания благодаря древнему йоговскому пути.

Мистер Линн и многие другие великодушно настояли на сборе денежных пожертвований для моей поездки. С разрешением таким образом финансовой проблемы я договорился об отплытии в Индию через Европу. В марте 1935 года по законам штата Калифорния я даровал «Товариществу Самопознания» права нерелигиозного и неприбыльного общества.

– Мне нужно вернуться, – сказал я своим ученикам. – Я никогда не забуду Америку.

На прощальном банкете, устроенном в Лос-Анджелесе любящими друзьями, я долго смотрел на их лица и с благодарностью думал: «Господи, тот, кто помнит Тебя как Единственного Подателя, никогда не будет испытывать недостатка в сладости дружбы среди смертных».

Я отплыл из Нью-Йорка 9 июня 1935 года на судне *Европа* . Меня сопровождали двое учеников: мой секретарь, мистер Ч.Ричард Райт, и пожилая дама из Цинциннати, мисс Этти Блетч. Мы целыми днями наслаждались спокойным океаном в противовес последним неделям спешки. Наш досуг был недолговечен, ибо скорость современных судов имеет и некоторые прискорбные качества!

Подобно всякой другой группе назойливо любопытных туристов, мы провели первый день в Лондоне в беглом осмотре достопримечательностей. На другой день я был приглашен выступить с речью перед большим собранием в Кэкстон Холл, где сэр Френсис Янгхазбент представил меня лондонской аудитории.

Наша группа приятно провела день в гостях у сэра Карри Лаудера в его имении в Шотландии. Так как я хотел поехать в Баварию, вскоре после этого мы пересекли Ла-Манш, переправившись на континент. Я чувствовал, что для меня это, возможно, единственный шанс посетить великого католического мистика – Терезу Ньюмен из Коннерсройта.

Несколькими годами раньше я прочитал интересное сообщение о Терезе Ньюмен.

Информация, приведенная в этой статье, была такого рода:

1. Тереза, родившаяся в Страстную пятницу 1898 года, в результате несчастного случая ослепла и была парализована в возрасте двадцати лет.

2. Молитвами к Святой Терезе из Лисье – «Маленькому цветочку» – она чудесным образом вернула себе зрение в 1923 году. Позже мгновенно исцелились конечности Терезы Нюмен.

3. С 1923 года Тереза полностью отказалась от еды и питья, за исключением ежедневного употребления маленькой освященной облатки.

4. Стигматы, то есть святые раны Христовы, появились в 1926 году у Терезы на голове, груди, руках и ногах. С того времени по пятницам[[330]] каждую неделю она проходит через страсти Христовы, вынося на своем теле все Его исторические муки.

5. Зная в обычном состоянии лишь простую германскую речь своей деревни, во время трансов по пятницам Тереза произносит фразы, которые ученые отождествляли с древним арамейским языком. В соответствующие моменты в видениях она говорит на иврите или по-гречески.

6. С разрешения церкви Тереза несколько раз находилась под пристальным научным наблюдением. Доктор Фриц Герлик, редактор протестантской немецкой газеты, отправился в Коннерсройт, чтобы «разоблачить католическое мошенничество», но это закончилось тем, что он почтительно описал ее биографию.

Как всегда, на Востоке или на Западе, я был жаден до любых встреч с каким бы то ни было святым и был очень рад, когда шестнадцатого июля наша маленькая группа выехала в небольшую тихую деревеньку Коннерсройт. Крестьяне-баварцы проявили живой интерес к «форду», прибывшему с нами из Америки, и соответствующей ему группе людей – молодому американцу, пожилой даме и оливковому жителю Востока с длинными волосами, заправленными за воротник.

Но, увы, чистенький, опрятный домик Терезы с цветущей геранью у простого колодца был заперт. Ни соседи, ни даже сельский почтальон, проходивший мимо, не могли нам ничего сказать. Начался дождь, мои спутники предложили уехать.

– Нет, – упорно возразил я, – я останусь здесь, пока не найду ключа, ведущего к Терезе.

Два часа спустя мы все еще сидели в автомобиле под наводящим уныние дождем. «Господи, – пожаловался я вздыхая, – зачем Ты привел меня сюда, если она исчезла?»

Около нас остановился один человек, говорящий по-английски, и вежливо предложил помощь.

– Я не знаю наверняка, где Тереза, – сказал он, – но она часто бывает в доме у профессора Вутца, учителя семинарии в Эйхштадте, миль за восемьдесят отсюда.

На следующее утро мы приехали в селение Эйхштадт, рассекаемое узкими вымощенными булыжником улочками. Доктор Вутц сердечно приветствовал нас у себя дома: «Да, Тереза здесь». Он послал сказать ей о посетителях. Посланный скоро вернулся с ответом от нее: «Хотя епископ и просил меня не встречаться ни с кем без его позволения, я приму божьего человека из Индии».

Глубоко тронутый, я последовал за профессором Вутцем наверх в гостиную. Тереза тут же вышла, излучая атмосферу мира и радости. На ней было черное платье и белый, без единого пятнышка, головной убор. Хотя ей в то время было тридцать семь лет, она казалась намного моложе, отличаясь поистине детской свежестью и обаянием. Здоровая, бодрая, хорошо сложенная и с розовыми щеками – вот святая, которая ничего не ест!

---

330 [1]. С военных лет Тереза не переживала крестные муки каждую пятницу, а лишь по определенным святым дням в году. Книги о ее жизни: *Тереза Ньюмен, стигматка наших дней; Дальнейшая хроника о Терезе Ньюмен,* обе Фридриха Риттера фон Лама, и *Рассказ о Терезе Ньюмен* А.П.Шимберга (1947) – опубликованы издательством Bruce Pub. Co., Milwaukee, Wisconsin; и *Тереза Ньюмен* Джоана Штейнера, опубликованная издательством Alba House, Staten Island, N.Y. Книга Шимберга описывает жизнь Терезы во время войны, когда нацисты тщетно пытались ее убить.

Тереза приветствовала меня очень милым рукопожатием. Мы оба, улыбаясь, смотрели друг на друга в молчаливом согласии, и каждый сознавал, что рядом с ним человек, любящий Бога.

Доктор Вутц любезно предложил свои услуги в качестве переводчика. Когда мы сели, я заметил, что Тереза смотрит на меня с наивным любопытством, очевидно, индийцы в Баварии бывали редко.

– Вы ничего не едите? – Я хотел услышать ответ на этот вопрос из ее собственных уст.

– Нет, кроме гостии[331] ежедневно в шесть часов утра.

Как велика гостия?

– Тонкая, как бумага, величиной с маленькую монетку, – ответила она и добавила: – Я ем ее по причине ее святости, если она не освящена, я не в состоянии есть и ее.

– Разумеется, вы не смогли бы прожить этим целых двенадцать лет?

– Я живу Светом Божиим! Какой по-эйнштейновски простой ответ! – Я вижу, вы сознаете, что энергия вливается в ваше тело из эфира, от солнца и из воздуха.

По лицу ее скользнула улыбка:

– Я так счастлива узнать, что вы понимаете, как я живу.

– Ваша святая жизнь является каждодневной демонстрацией истины, высказанной Христом: «...Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»[332].

И снова она обнаружила радость при моем объяснении.

– Это действительно так. Одна из причин, по которым я ныне на земле, в том, чтобы доказать, что человек в состоянии жить незримым Светом Божиим, а не одной лишь пищей.

– Можете ли вы научить других, как жить без пищи?

Это ее как будто шокировало.

– Я не могу этого делать, Богу это не угодно.

---

331 [2]. Евхаристическая облатка из муки.

332 [3]. *От Матфея* 4.4. Батарея тела поддерживается не одной лишь грубой пищей (хлебом), но вибрацией космических энергий (Словом, то есть *Аум*). Незримая сила вливается в тело чрез врата продолговатого мозга. Этот шестой центр тела локализуется в задней части шеи поверх пяти спинных *чакр* (санскритское наименование «колес», или центров излучающейся энергии). Продолговатый мозг – это главный вход для снабжения тела универсальной жизненной силой *(Аум)* , непосредственно связан с силой воли человека, сосредоточенной в шестом центре, или центре Сознания Христа *(Кутастха)* – в третьем глазу между бровями. Космическая энергия затем накапливается в мозге в качестве резервуара бесконечных потенций, часто упоминаемого в Ведах как «тысячелепестковый лотос света». Когда авторы Библии говорят об *Аум* как о Слове, или *Амине* , или *Духе Святом* , они неизменно имеют в виду *Аум* – ту незримую силу, что божественно поддерживает все творение. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» – *1 Коринфянам* 6.19.

Знаменитая католичка-стигматка Тереза Ньюмен, которая в 1935 году вдохновила меня на паломничество в Коннерсройт.

Когда мой взгляд упал на ее крепкие изящные руки, Тереза показала мне квадратные, только что залеченные раны на тыльной стороне рук. На ладонях она указала на недавно затянувшиеся раны поменьше, в форме полумесяца. Каждая рана проходила прямо через кисть. Вид этих стигматов вызвал у меня воспоминание о больших квадратных железных гвоздях с кончиками в виде полумесяца, все еще используемых на Востоке, но которых я не припомню на Западе.

Святая кое-что рассказала мне о еженедельных трансах. Как беспомощный зритель наблюдал я всю страсть Христову. Каждую неделю с полуночи в четверг и до полудня – часа дня в пятницу все раны открываются и кровоточат; она теряет четыре с половиной килограмма обычного веса в пятьдесят пять килограммов. Также страдая в полной сочувствия любви, Тереза тем не менее с радостью ожидает этих еженедельных видений Господа.

Я сразу понял, что ее странная жизнь предназначена Богом для того, чтобы вновь убедить всех христиан в исторической достоверности жизни Иисуса и Его распятия на кресте, как это записано в Новом Завете и драматично показать вечно живую связь между Учителем-галилеянином и поклоняющимися Ему.

Профессор Вутц рассказал несколько случаев, бывших со святой в его присутствии.

– В компании нескольких человек, включая Терезу, с целью осмотра достопримечательностей мы часто предпринимали многодневные экскурсии по всей Германии, – рассказывал он. – Это поразительный контраст: в то время как мы едим трижды в день, Тереза не ест ничего. Она остается свежей, как роза, которой не касается усталость, сказывающаяся на нас в результате путешествия. Когда мы голодны и рыщем по пригородным постоялым дворам, она весело смеется.

Профессор добавил несколько интересных физиологических деталей:

– Поскольку она не принимает никакой пищи, ее желудок уменьшился. У нее нет естественных выделений, но потовые железы функционируют, кожа ее всегда нежна и упруга.

Во время отъезда я сказал Терезе о желании присутствовать во время одного из ее трансов.

– Пожалуйста, приезжайте в Коннерсройт в следующую пятницу, – любезно сказала она. – Епископ позволит вам. Я буду очень рада, если вы навестите меня в Эйхштадте.

Тереза неоднократно кротко пожала нам руки и проводила до ворот, мистер Райт в автомобиле включил приемник, святая осмотрела его, восторженно улыбаясь. Тут же собралось столько мальчишек, что Тереза удалилась. Мы увидели ее у окна смотрящую на нас и машущую рукой, как дитя.

Два брата Терезы Ньюмен.
Я стою с ними в Коннерсройте, Бавария

На другой день из беседы с двумя братьями Терезы, очень добродушными и приятными, мы узнали, что святая спит лишь час-два. Она активна и полна энергии, несмотря на множество ран на теле. Она любит птиц, следит за аквариумом и часто работает в саду. Ее корреспонденция велика, набожные католики обращаются к ней за молитвами и целительными благословениями. Благодаря ей многие ищущие исцелились от серьезных болезней.

Ее брат Фердинанд, молодой человек двадцати трех лет, сказал, что Тереза обладает способностью при помощи молитвы переносить на свое тело болезни других. Отказ святой от пищи берет начало с того времени, когда она молилась, чтобы болезнь горла у одного молодого человека из ее прихода, готовящегося принять духовный сан, перешла на ее собственное горло.

В четверг вечером наша группа поехала к дому епископа, который с некоторым удивлением взглянул на мои распущенные волосы. Он с готовностью дал необходимое разрешение[333], не требовавшее никакого вознаграждения. В пятницу около половины десятого утра мы прибыли в Коннерсройт.

Я заметил, что в домике Терезы есть специальное место, крытое стеклом, чтобы было больше света. Мы рады были видеть, что двери более не закрыты, а широко и гостеприимно распахнуты. В число посетителей, представивших разрешение, которых было около двадцати, входили многие пришедшие издалека, чтобы увидеть мистический транс.

Тереза прошла мое первое испытание на интуитивное знание в доме профессора вовсе

333 [4]. До 1934 г. никакого разрешения не требовалось, после чего Гитлер приказал прекратить пятничные паломничества, привлекавшие тысячи людей.

не для того, чтобы удовлетворить преходящее любопытство.

Мое второе испытание было связано с тем фактом, что как рез перед тем как подняться в ее комнату, чтобы быть единым с нею в телепатической и телевизионной связи, я привел себя в состояние йоговского транса. Я вошел в ее комнату, полную посетителей. Она в белом одеянии лежала на кровати. Вместе с неотступно следующим за мной мистером Райтом я остановился на пороге, пораженный странным и весьма жутким зрелищем.

С нижних век Терезы тонкой и непрерывной струйкой текла кровь. Взгляд ее был устремлен вверх на духовное око в центре лба. Ткань, которой была обернута голова, промокла от крови, сочившейся из ран-стигматов тернового венца. На ее белом одеянии было красное пятно над сердцем от раны в боку, в том месте, где тело Христа когда-то пострадало от последнего унижения – удара копьем.

Руки Терезы были простерты в материнском молящем жесте, на лице ее было мученическое и вместе с тем божественное выражение. Она казалась более худой, чем обычно, изменившейся не только физически, но и в более тонком отношении. Бормоча слова на каком-то чужом языке, она слегка дрожащими губами обращалась к лицам, видимым ее внутренним зрением.

Поскольку я был в состоянии единения с нею, я видел те сцены, которые открывались ей в это время. Она смотрела на Иисуса, Который средь глумящейся толпы нес крест из бревен[334]. Вдруг она в ужасе подняла голову: Господь упал под нещадной тяжестью. Видение исчезло. Тереза тяжело откинулась на подушку, изнеможенная горячим состраданием.

В этот момент я услышал позади себя какой-то громкий стук. Обернувшись, я увидел двоих людей, выносящих тело упавшего. Я не сразу его узнал, поскольку выходил из глубокого сверхсознательного состояния. Я снова устремил глаза на лицо Терезы, смертельно бледное, в ручейках крови, но теперь спокойное, излучающее чистоту и святость. Оглянувшись затем, я увидел, что мистер Райт стоит, прижав руку к щеке, из которой течет кровь.

– Дик, – с тревогой спросил я, – это вы упали?

– Да, от этого жуткого зрелища я потерял сознание.

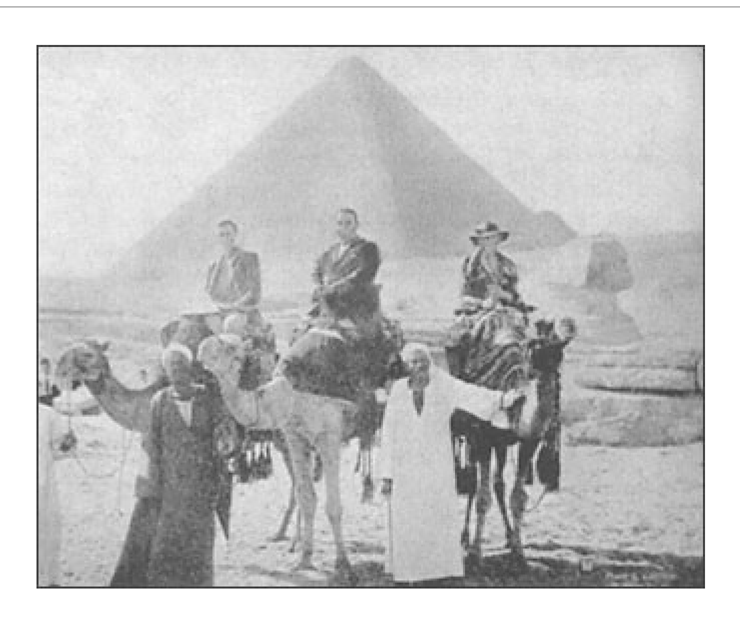
– Ну, ну, – утешил я его, – вы были достаточно смелы, чтобы вернуться и вновь смотреть на это.

Вспомнив о терпеливо ожидающей группе паломников, мы с мистером Райтом безмолвно простились с Терезой и оставили ее святое общество[335].

334 [5]. В часы, предшествовавшие моему прибытию, Тереза прошла уже через множество видений последних дней в жизни Христа. Транс ее обычно начинается со сцен тех событий, что последовали за Тайной Вечерей, и заканчиваются смертью Иисуса на кресте или иногда Его погребением.

335 [6]. Официальное сообщение *INS news* Германии от 26 марта 1943 г. извещало: «Германская крестьянка лежала в эту страстную Пятницу на своей кровати с обагренной кровью головой, кистями и плечами в тех местах, где тело Христово кровоточило от гвоздей креста и тернового венца. Тысячи исполненных благоговейного трепета немцев и американцев в молчании прошли мимо постели Терезы Ньюмен».

Великая стигматка скончалась 18 сентября 1962 г. в Коннерсройте – *Примечание американского издателя* .



Мистер Райт, я и мисс Блетч в Египте

На следующий день наша маленькая группа двинулась на юг, ибо не зависела от поездов и могла остановить «форд», в любом месте, где пожелает. Мы получили удовольствие от нашего турне по Германии, Голландии, Франции и Швейцарским Альпам. В Италии в честь апостола скромности святого Франциска мы специально заехали в Асию. Тур по Европе кончился в Греции, где мы осмотрели афинские храмы и видели тюрьму, в которой благородный Сократ[336] выпил смертельный напиток. Зритель был наполнен восхищением, видя художественный талант, с которым древние греки повсюду воплощали в мраморе самые смелые фантазии.

Мы поплыли пароходом через солнечное Средиземное море, высадившись в Палестине. Днем за днем странствуя по святой стране, я более чем когда-либо убедился в ценности паломничества. Для чувствительного сердцу дух Христа пронизывает в Палестине все. Я почтительно посетил Его Вифлеем, Гефсиманию, Калвири, святую Оливковую гору, реку Иордан и Галилейское море.

Наша маленькая группа посетила и осмотрела ясли, где Он родился, плотницкую мастерскую Иосифа, могилу Лазаря, дом Марфы и Марии, зал тайной вечери. Древность раскрывалась, я видел божественную драму, которую Христос когда-то сыграл на века.

Дальше – в Египет с его современным Каиром и древними пирамидами. Затем на судне по обширному Красному морю, через огромное арабское море, и вот – Индия!

Глава 40. Я возвращаюсь в Индию

336 [7]. Один отрывок из Эвзебия рассказывает об интересной встрече Сократа с индийским мудрецом. Этот отрывок гласит: Аристоксен, музыкант, рассказывает следующую историю об индийцах. Некто из этих людей встретил Сократа в Афинах и спросил его, какова цель философии. «Исследование феномена человека», – ответил Сократ. Индиец при этом расхохотался. «Как может человек исследовать феномен человека, – сказал он, – когда не имеет понятия о феноменах божественных?»

Идеал греков отразился в философии Запада: «Человек, познай себя сам». Индиец сказал бы: «Человек, познай свое Я». В глазах индийцев знаменитое выражение Декарта: «Я мыслю, значит, существую» – не является обоснованным. Мыслительная способность не в состоянии пролить свет на окончательную сущность человека. Человеческий ум, подобно миру феноменов, который он познает, находится в непрестанном изменении и не может дать ничего окончательного. Интеллектуальное удовлетворение не есть высшая цель. Ищущий Бога – подлинный приверженец неизменной Истины – *видья* ; все прочее есть *авидья* – относительное знание.

С благодарностью вдыхал я благословенный воздух Индии. Наше судно *Раджпутана* пришвартовалось 23 августа 1935 года в огромном порту Бомбея. Даже этот первый день вне судна был неким предвкушением последующего года – двенадцати месяцев беспрерывной активности. Друзья собрались на пристани с венками из цветов и приветствиями. В наших комнатах в отеле «Тадж Махал» мы приняли несколько групп.

Бомбей был для меня городом новым, я нашел его энергично преобразующимся, с множеством западных нововведений. Вдоль просторных бульваров тянулись ряды пальм, величественные государственные сооружения резко контрастировали с древними храмами. Однако осмотру достопримечательностей было уделено очень мало времени, я горел от жгучего нетерпения увидеть возлюбленного гуру и других дорогих мне людей. Сдав «форд» в багажный вагон, наша группа уже спешила на восток поездом на Калькутту[337].

К нашему прибытию на станцию Ховра пришло столько друзей, собравшихся нас встретить, что мы некоторое время не в состоянии были сойти с поезда. Молодой магараджа из Кашимбазара и мой брат Бишну возглавляли комиссию по встрече. Я был не готов к такому теплому и пышному приему.

Предводимые целой колонной из автомобилей и мотоциклов, средь множества радостный звуков барабанов и раковин, мисс Блетч, мистер Райт и я, в цветах с ног до головы, медленно подъехали к дому моего отца

Мой постаревший отец обнял меня будто восставшего из мертвых. Без слов, с радостью мы долго смотрели друг на друга. Братья и сестры, дяди и тети, двоюродные братья и сестры, ученики и друзья давно прошедших лет сгруппировались вокруг меня, ни у кого из нас глаза не были сухими. Отошедшая ныне в архивы воспоминаний, эта сцена сердечного единения вновь неизменно наполняет мое сердце. Что же касается встречи со Шри Юктешваром, то у меня не хватает слов, удовольствуюсь следующим описанием из дневника моего секретаря.

Мой брат Бишну, Мотилал Мукхерджи из Серампура – сильно продвинутый ученик Шри Юктешвара, мой отец, мистер Райт, я сам, Тулси Нараян Босе, Свами Сатиянанда из Ранчи.

337 [1]. Мы прервали свою поездку в центральных провинциях в Вардха на полпути через континент, чтобы повидать Махатму Ганди. Эти дни описаны в главе 44.

Мой почтенный отец сидит в позе лотоса, Калькутта .

В тот день, исполненный самых высоких предвкушений, я повез Йоганандаджи из Калькутты в Серампур. Проехав мимо каких-то причудливых лавок, в одной из которых в годы обучения в колледже Йоганандаджи любил перекусить, мы наконец выехали на узкую обнесенную стеной улочку. Внезапный поворот налево – и вот перед нами простой, невнушительный двухэтажный уединенный дом с выступающим на верхнем этаже балконом в испанском стиле. Все создавало впечатление мирного уединения.

С почтением вошел я за Йоганандаджи во внутренний дворик, расположенный за стенами дома. С сильно бьющимся сердцем мы проследовали вверх по старым цементным ступеням, истоптанным, без сомнения, бесчисленным множеством искателей истины. По мере того как мы поднимались, напряжение возрастало. Перед нами у верхней ступеньки в достойной позе мудреца спокойно предстал великий человек – свами Шри Юктешварджи.

Сердце мое было взволновано и переполнено чувствами, когда я ощутил себя благословенным привилегией пребывания в его возвышенном присутствии. Слезы затуманили мой взор, когда Йоганандаджи с преклоненной головой, припав к его коленям, коснулся рукой его стоп, а затем своей головы, выразив в смиренном послушании душевную признательность. Потом он поднялся и оказался в объятиях Шри Юктешварджи.

Вначале не было слов, но самое сильное чувство выразилось в немых фразах души. Как горели их глаза, выражая тепло возобновленного душевного единения! Какая-то нежная вибрация прошла по патио, и даже солнце выскользнуло из-за туч, чтобы добавить внезапного величественного сияния.

Преклонив колена перед учителем, я передал свою собственную невыразимую любовь и признательность, коснувшись его стоп, огрубевших от времени и служения. Затем я встал и встретился взглядом с парой прекрасных глаз, в которых ощущалась внутренняя глубина и в то же время искрилась радость.

Мы вошли в его гостиную, одна из сторон которой целиком открывалась на внешний балкон, тот самый, что был виден с улицы. Учитель сел на подстилку, постеленную на цементном полу. Чтобы облегчить позу, Йоганандаджи и я сели, опершись на подушки оранжевого цвета, лежащие на соломенной циновке у стоп гуру.

Я все пытался проникнуть в беседу на бенгали между двумя свами. Английский язык, как я обнаружил, теряет свою законную силу, когда они вместе, хотя свамиджи магарадж, как называют другие великого гуру, зачастую говорил и на нем. Но я через согревающую

сердце улыбку и сверкающие глаза воспринимал святость великого человека. Одно свойство, легко различимое в его радостной, серьезной беседе, – решительная определенность утверждения – признак мудрого человека, знающего то, что он знает, ибо знает Бога. Его великая мудрость, сила устремленности и решительность, проявлялись во всем.

Одет он был просто: в обыкновенное *дхоти* и рубашку, выкрашенные когда-то в яркий цвет охры, но теперь вылинявшего оранжевого цвета. Почтительно время от времени изучая его, я отметил, что у него крупное, атлетическое тело, закаленное испытаниями и жертвами отречения. Осанка величественная. Ходит он достойно и прямо. У него веселый раскатистый смех, очень радостный и искренний, исходящий из глубины груди, заставляющий его дрожать и сотрясаться всем телом.

Лицо и тело его, как и пальцы, имеют поразительную силу. Волосы посреди расчесаны на пробор, начинаясь серебром и переходя в серебряно-золотистые и серебристо-темные пряди, они как бы подчеркивают его черты и характер – в одно и то же время глубокие и светлые. Борода и усы поредели и, казалось, укрупняли черты лица. Высокий, как бы устремленный в небо лоб властвует в его божественном лике. Радужки властных темных глаз окружены светло-голубым кольцом. У его довольно большой и незаурядный нос, которым он забавляется в праздные минуты, щелкая и теребя его пальцами, как дитя. В покое его губы сдержаны, однако едва уловимо тронуты нежностью.

Оглядевшись вокруг, я заметил довольно обветшавшую комнату, которая наводит на мысль о непритязательности ее владельца к материальным удобствам. Выцветшие белые стены длинной спальни имели полосы обесцветившейся синей штукатурки. В одном конце комнаты висел портрет Лахири Махасая, благоговейно украшенный цветами. Там же был старый снимок Йоганандаджи, стоящего среди делегатов Конгресса Религий во время своего первого прибытия в Бостон.

Я отметил странную гармонию современности и старомодности. Большая хрустальная люстра для свечей без употребления покрылась паутиной, а на стене – яркий ультрасовременный календарь. Вся комната излучала аромат мира и покоя.

За балконом росли кокосовые пальмы, которые как безмолвные стражи вздымались над жильем.

Учителю достаточно было одного легкого хлопка в ладоши, как тут же к его услугам был какой-нибудь маленький ученик. Между прочим, мне очень понравился один из них – худенький мальчик по имени Прафулла[[338]], с длинными черными волосами до плеч, парой весьма проницательных глаз и небесной улыбкой. Глаза его блестели, уголки рта поднимались, как звезды и растущая луна, появляющаяся в сумерках.

Понятно, что свами Шри Юктешварджи очень рад возвращению своего «детища» и, кажется, несколько интересовался мной – «детищем детища». Однако преобладание мудрости в натуре этого великого человека препятствовало внешнему выражению его чувств. Йоганандаджи, по обычаю ученика, возвратившегося к своему гуру, преподнес кое-какие дары. Позже мы отведали простую, но хорошо приготовленную еду. Все блюда были сочетанием овощей с рисом. Шри Юктешварджи было приятно соблюдение мною многих индийских обычаев, например, еды пальцами.

338 [2]. Прафулла – это тот мальчик, который был с учителем, когда к ним приблизилась кобра (см. гл. 12).

Шри Юктешвар и я в Калькутте, . Он опирается на трость для зонтов, которую я ему подарил.

Через несколько часов, наполненных летучими бенгальскими фразами и обменом теплыми улыбками и веселыми взглядами, мы выразили свое почтение у его стоп, простились с *пранамом* [339] и уехали в Калькутту, навсегда унося с собой память о святой встрече. Хотя я в основном описываю внешние впечатления от святого, тем не менее все время сознавал, что его подлинное основание – духовное величие. Я чувствовал его силу и пронесу это чувство как свое божественное благословение.

Из Америки, Европы и Палестины я привез подарки для Шри Юктешвара. Ничего не сказав, улыбаясь, он принял их. В Германии для самого себя я купил набор тростей для зонтов, а в Индии решил подарить их учителю.

– Вот этот подарок я ценю! – При этом непривычном замечании глаза гуру были обращены на меня с нежностью. Изо всех подарков он решил показать посетителям именно трости.

– Учитель пожалуйста, позвольте мне достать новый коврик для гостиной. – Я заметил, что его тигровая шкура лежала на какой-то совершенно истлевшей тряпке.

– Сделай так, если тебе хочется, – в голосе гуру не было энтузиазма. – Посмотри, моя тигровая подстилка приятна и чиста. Я – монах в маленьком царстве, за ним – огромный мир, интересующийся лишь внешним.

Когда он произнес эти слова, я почувствовал, что годы отошли куда-то и я снова ученик, очищаемый в повседневном огне дисциплинированности!

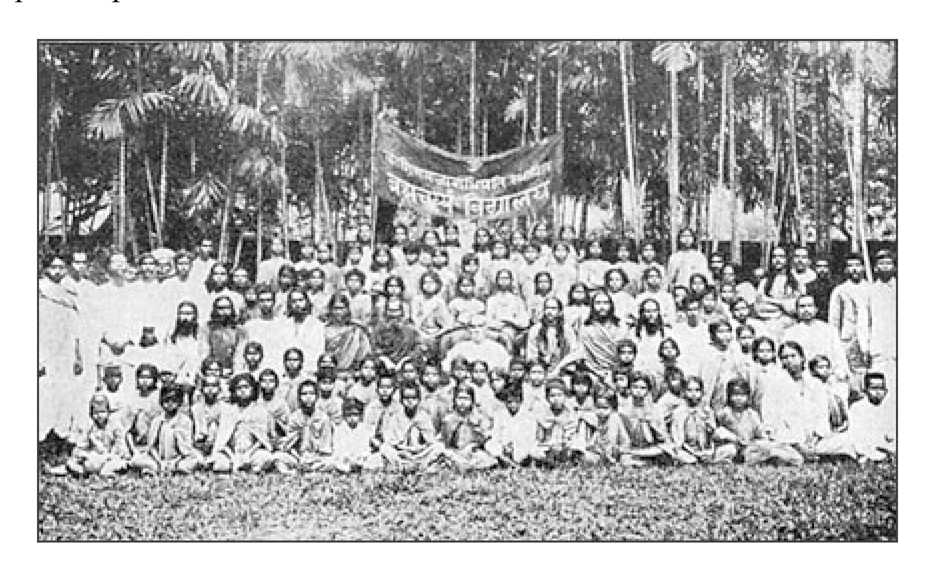
Когда наконец я с трудом оторвался от Серампура и Калькутты, мы с мистером Райтом выехали в Ранчи. Какой прием, какая трогательная овация! Со слезами на глазах я обнял самоотверженных учителей, которые держали знамя школы поднятым в течение пятнадцати

339 [3]. *Пранам* , или буквально – полное приветствие, от санскритского корня нам – приветствовать и префикса *пра* – полностью. Полное приветствие оказывается, главным образом, монахам и другим уважаемым людям.

лет моего отсутствия. Веселые лица и счастливая улыбка учеников были достаточным доказательством ценности их заботливого воспитания в школе и обучения йоге.

Но увы! Учебное заведение в Ранчи было в большом материальном затруднении. Сэра Маниндра Чандра Нанди, старого магараджи, чей кашимбазарский дворец был обращен на центральное школьное здание и который сделал много царственных пожертвований, теперь не было в живых. Вследствие недостатка необходимой общественной поддержки школа ныне находились в серьезной опасности.

Я не потратил годы в Америке напрасно и научился кое-чему из ее практической мудрости, ее духу неустрашимости перед препятствиями. Неделю я оставался в Ранчи, борясь с проблемами. Затем последовали интервью в Калькутте с выдающимися лидерами и воспитателями, продолжительная беседа с молодым магараджей Кашимбазара, обращение к отцу за финансовой поддержкой – и вот шаткие основания Ранчи стали поправляться. Много пожертвований, в том числе один большой чек от моих американских учеников, прибывший как раз вовремя.



Группа учащихся и учителей школы Ранчи с почтенным Махараджей Касимбазара (в центре). В 1918 году он отдал свой касимбазарский дворец и земли в Ранчи для создания моей школы йоги для мальчиков.

После немногих месяцев пребывания в Индии я имел счастье увидеть школу в Ранчи признанной официально. Мечта всей моей жизни о навсегда обеспеченном центре йоговского воспитания осуществилась. Она владела мной еще тогда, когда у меня была группа из семи ребят, в скромных начинаниях 1917 года.

Эта школа, Йогода Сатсанга Брахчамарья Видьялая, проводит занятия по предметам начальной и средней школы под открытым небом. Как ученики, живущие в школе, так и ученики, живущие дома, кроме изучения основных предметов получают определенное профессиональное воспитание.

Через комитеты самоуправления ребята сами регулируют большую часть своей учебной и общественной деятельности. В начале преподавательского пути я открыл, что ребята, проказливо радующиеся тому, что провели учителя, охотно принимают правила дисциплины, установленные их соучениками. Сам никогда не быв образцовым учеником, я всегда с сочувствием относился ко всем проказам и проблемам ребят.

Спортивные состязания и игры поощрялись, поля оглашались возгласами детей во время тренировок по хоккею и футболу. Учащиеся Ранчи часто выигрывали кубки в соревнованиях с другими школами. Гимназия под открытым небом была широко известна. Перезарядка мышц волевым усилием и мысленное направление энергии в любую часть тела

– характерная черта *йогоды* . Ребята обучаются также асанам, фехтованию и *латхи* (палка). Обученные приемам первой помощи, студенты Ранчи оказывали ценную услугу своей области в трагические периоды наводнения или голода. Мальчики работают в саду и выращивают собственные овощи.

Предметам начальной школы на хинди обучаются *колы, сантали и мунды* – народности, населяющие эту область. В ближайших селах организованы классы для девочек.

Уникальная черта Ранчи – посвящение в *крия-йогу* . Ребята ежедневно занимаются духовными упражнениями, распеванием *Гиты* и обучаются наставлениям и примерам добродетелей скромности, самопожертвования, искренности и правдивости. Они учатся тому, что зло – это то, что приносит горе, а добро – это действие, ведущее к счастью. Зло можно сравнить с отравленным медом, соблазнительным, но пропитанным смертью.

Победа над беспокойством тела и ума методами концентрации приносит удивительные результаты. В Ранчи не в новинку увидеть трогательное маленькое тельце лет девяти-десяти, целый час сидящее в неизменной позе с немигающим взглядом, направленным на духовное око.

Госпиталь Йогода Сатсанга Севашрам (Дом Службы) в Ранчи предлагает бесплатную медицинскую помощь тысячам индийских бедняков.

Во фруктовом саду стоит храм Шивы со статуей благословенного учителя Лахири Махасая. В саду под манговыми деревьями каждый день занимаются молитвами и изучением Святых Писаний.

Ранчи расположен на высоте шестисот метров над уровнем моря, климат мягкий и ровный. На участке в одиннадцать гектаров, рядом с большим бассейном, расположен один из лучших фруктовых садов Индии – пятьсот плодовых деревьев манго, гуавы, личи и финиковые пальмы.

В библиотеке Ранчи множество журналов и около тысячи томов на английском и бенгали, подаренных жителями Запада и Востока. Есть коллекции Священных Писаний мира. Тщательно классифицированный музей выставляет археологические, геологические и антропологические экспонаты, являющиеся в значительной степени трофеями моих странствий по разнообразной земле Господней[[340]].

Открыты и ныне процветают средние школы-филиалы с проживанием в школе и дома, сохранившие характерные черты Ранчи. Это – Йогода Сатсанга Видьяпитх, школа для мальчиков в Лакшманпуре в Западной Бенгалии и обитель в Эджмаличаке, в Миднапуре (Бенгалия)[[341]].

---

340 [4]. Музей на Западе с подобными экспозициями, собранными Парамахансой Йоганандой, находится в Обществе Самопознания, расположенном на озере Шрайн в Калифорнии. – *Примечание американского издателя* .

341 [5]. Из этого первоначального корня растут многие образовательные учреждения Йогода Сатсанга для девочек и мальчиков в нескольких местах Индии. Их учебный план имеет диапазон от начальной школы до уровня колледжа.

Йогода матх – ашрам Общества Самопознания в Дакшинешваре на берегу Ганга. Основан в 1938 году и служит мирным приютом для восточных и западных студентов, занимающихся йогой.

Величественный Йогода матх был освящен в 1938 году в Дакшинешваре у Ганга. Всего в нескольких милях к северу от Калькутты новая обитель представляет мирный приют для жителей города.

Дакшинешвар матх – центральный орган Общества Йогода Сатсанга в Индии и его школ, центров и жилищ в различных частях Индии. Общество Йогода Сатсанга в Индии официально присоединилось к международному центру Общества Самопознания расположенному в Лос-Анджелесе. Деятельность Йогода Сатсанга[342] включает издание ежеквартального журнала *Йогода* и рассылку каждые две недели уроков студентам во всех уголках Индии. В этих уроках даются подробные инструкции Общества Самопознания к методам энергизации, концентрации и медитации. Их благоговейная практика составляет основу для высшей инструкции в *крия-йогу* , которая дается преуспевающим студентам в последующих уроках.

Образовательная, религиозная и гуманитарная деятельность Йогода требует служения и преданности многих учителей и сотрудников. Я не привожу здесь их имен, так как их много, но в моем сердце для каждого имеется теплое место.

Мистер Райт прочно сдружился с ребятами Ранчи. Одетый в простое *дхоти* , он некоторое время жил среди них. В Бомбее, Ранчи, Калькутте, Серампуре – повсюду, куда бы ни поехал мой секретарь, обладающий даром живописания, он вынимал свой путевой дневник, для того чтобы записывать все, что пережил. Однажды вечером я спросил его:

– Дик, каково твое впечатление от Индии?

– Мир, – сказал он задумчиво. – Аура расы – мир.

---

342 [6]. Йогода – это производное от *йога* – союз, гармония, равновесие и *да* – то, что дает.

Йогода – это слово, созданное Парамахансой Йоганандой в 1916 г., когда он открыл принципы перезарядки человеческого тела энергией из космического источника (см. гл. 27). Шри Юктешвар называл свое жилище Сатсанга, его ученик Парамахансаджи, естественно, захотел оставить это название.

Индийское общество Йогода Сатсанга – это не прибыльное учреждение, созданное, чтобы жить бесконечно. Под этим именем Йоганандаджи объединил свою работу и устои Индии, которые теперь умело определяются Советом директоров в обители Йогода матх в Дакшинешваре. В различных уголках Индии теперь процветают центры медитации Йогода Сатсанга.

На Западе, избегая санскритских слов, Парамаханса Йогананда проводил работу под названием «Общество Самопознания». С 1955 г. президентом как Общества Йогода Сатсанга в Индии, так и Общества Самопознания является Шри Дайя Мата. – Примечание американского издателя.

Глава 41. Идиллия в Южной Индии

– Вы – первый человек Запада, Дик, из когда-либо входивших в эту святыню. Попытки многих других были тщетны

Эти мои слова удивили мистера Райта, но затем на его лице отобразилось удовольствие. Мы только что оставили прелестный храм Чамунди в горах, возвышавшийся над Майсуром, расположенным в Южной Индии, где склонились перед золотым и серебряным алтарями богини Чамунди, богини – покровительницы правящей фамилии Майсура

– Как память об оказанной чести я всегда буду хранить эти лепестки, которые жрец окропил розовой водой, – сказал мистер Райт, осторожно заворачивая несколько благословленных лепестков розы.

Я и мой спутник[343] провели ноябрь 1935 года в качестве гостей штата Майсур. Наследник магараджи[344], его высочество Ювараджа Шри Кантерава Нарасимхараджа Вадияр, пригласил нас с секретарем посетить его просвещенное и прогрессивное царство.

За истекшие две недели я выступил перед тысячами горожан и студентов Майсура в ратуше, в колледже магараджи, медицинском училище при университете и на трех массовых митингах в Бангалоре, в национальной средней школе, среднеобразовательном колледже и в ратуше Четти, где собралось более трех тысяч человек.

В состоянии ли были жадные слушатели поверить тем ярким впечатлениям, привезенным мною из далекой Америки, не знаю, но аплодисменты, когда я говорил о большой пользе от взаимообмена лучшими качествами Востока и Запада, всегда были самыми громкими.

Теперь мы с мистером Райтом отдыхали в покое тропиков. В его путевом дневнике есть следующая запись о впечатлениях от Майсура:

Много восхитительных мгновений прошло при виде вечно меняющихся Божьих контуров, простирающихся под небесами, ибо только лишь Его прикосновение в состоянии призвать вибрации цвета свежести жизни. Эта свежесть цвета утрачивается, когда человек пытается имитировать ее одними лишь красками, ибо Господь прибегает к более простому и действенному посреднику – не к краскам, не к пигментам, а просто к лучам света. Он бросает сюда зайчик света – и луч отражается красным. Он вновь взмахивает кистью – и луч переходит в оранжевое или золотое; тогда быстрым выпадом Он получает полосы пурпура, сочащегося красной каймой из раны в облаках; и так дальше и дальше Он все играет и ночью и утром, вечно изменчивый, вечно новый, вечно свежий; никаких повторений, ни узоров, ни дублирования цветов. Очарование перехода дня в ночь в Индии нигде в мире не имеет равных: небо часто выглядит так, будто Бог собрал все краски в Свой мешок и как в могучем калейдоскопе разбросал их в небесах.

Я должен рассказать о великолепии посещения огромной плотины Кришнараджа Сагар[345], сооруженной в двадцати километрах от Майсура. В сумерках я и Йоганандаджи сели в небольшой автобус и по ровной грунтовой дороге отправились в путь как раз в то время, когда солнце садилось за горизонт, сплющиваясь, как перезрелый помидор. С нами в качестве официального лица был один мальчик, заводивший машину или менявший батареи.

Мы ехали мимо квадратов рисовых полей, сквозь успокаивающие взор ряды деревьев индийской смоковницы, по роще вздымающихся ввысь кокосовых пальм. Густота растительности была подобна джунглям. И наконец, приблизившись к вершине горы, мы

343 [1]. Мисс Блетч осталась с моими родственниками в Калькутте.

344 [2]. Магараджа Шри Кришна Раджендра Вадияр IV.

345 [3]. Ирригационная плотина построена в 1930 г. для орошения районов около Майсура, известного своими шелками, мылом и маслом сандалового дерева.

оказались лицом к лицу с безбрежным искусственным озером, в котором отражались звезды и кайма пальм и других деревьев, его окружали сады в виде террас и ряды электрических огней, зажженных по краю плотины. А ниже его нашим глазам предстало ослепительное зрелище красочных лучей, играющих в фонтанах, похожих на гейзеры, множество извергающихся струек сверкающих чернил – ярко-голубых и захватывающе красных водопадов с зелеными и желтыми брызгами, с фонтаном, бьющим из фигурок слонов[346]. Плотина выделялась современным видом в этой стране рисовых полей и простых людей, принявших нас так тепло, что, боюсь, я буду не в силах увезти Йоганандаджи назад в Америку.

Другое редкое удовольствие – моя первая поездка на слоне. Вчера Ювараджа пригласил нас в летний дворец покататься на одном из его огромных слонов. Я взобрался по приставной лестнице, предназначенной для подъема наверх к седлу – ховдах, похожему на ящик с шелковой подушкой внутри, а потом – болтался, подскакивал, взлетал и раскачивался из стороны в сторону. Слишком много волнений, чтобы бояться или восклицать, цепляясь за дорогую жизнь.

Южная Индия, богатая историческими и археологическими реликвиями, – страна определенного и в то же время неопределенного обаяния. К северу от Майсура находится самый крупный штат в этом месте Индии – Хайдарабад, живописное плато которого рассекает могучая река Годвари. Обширные плодородные равнины, прекрасные Нильгири (голубые горы) и другие места с бесплодными горами известняка или гранита. История Хайдарабада длинна и красочна, начинается три тысячи лет назад династией Андхра и продолжается до династии Хинду, правившей до 1294 года от Р.Х., когда правление перешло к мусульманским царям.

Наиболее впечатляющие творения архитектуры, скульптуры и живописи по всей Индии находятся в Хайдарабаде – в древних пещерах Эллоры и скалах Аджанты. В Кайласе, в огромном монолитном храме Эллора, находятся высеченные из камня скульптуры богов, людей и животных в ошеломляющих пропорциях Микеланджело. В Аджанте находятся пять кафедральных соборов и двадцать пять монастырей. Все они высечены в скалах и поддерживаются гигантскими колоннами, украшены потрясающими фресками, которыми художники и скульпторы увековечили свой гений.

Город Хайдарабад украшает университет Османия и мечеть Мекка Масджид, где для молитвы собираются десять тысяч мусульман.

Штат Майсур, расположенный на высоте более девятисот метров над уровнем моря, изобилует густыми тропическими лесами, где нашли приют дикие слоны, бизоны, медведи, пантеры и тигры. Два его чистых и привлекательных главных города, Бангалор и Майсур, имеют множество прекрасных парков и скверов.

Индийская архитектура и скульптура достигли наивысшего совершенства в Майсуре при покровительстве владык, царствовавших с XI по XV век от Р.Х. Храм в Белуре – шедевр XI века, завершенный в период царствования Вишнувардхана, по тонкости деталей и изобилию резьбы является непревзойденным в мире.

Каменные эдикты, найденные в северном Майсуре, относятся к III веку до Р.Х., напоминая о царе Ашоке[347], чья огромная империя включала Индию, Афганистан и Белуджистан. Написанные на разных диалектах «поучения в камне» Ашоки свидетельствуют

346 [4]. Нечто похожее я видел в миниатюре в 1933 г. на Чикагской всемирной ярмарке.

347 [5]. Император Ашока в разных местах Индии воздвиг 84.000 *каменных святынь* , оставив нам четырнадцать указов *(эдиктов)* на камне и десять каменных колонн, каждая из которых является триумфом архитектурной техники и скульптуры. Ашока повелел построить в самых разных уголках Индии водохранилища, плотины и ирригационные каналы, большие открытые дороги и дороги, затененные деревьями, постоялые дворы для путешественников, ботанические сады для медицинских целей и больницы для людей и животных.

о широко распространенной образованности индийцев тех дней. Указ XIII осуждает войны: «Не считайте истинным ни одно завоевание, кроме религии». Указ X гласит, что истинная слава царя зависит от нравственного прогресса, которого он помогает добиться своему народу. Указ XI определяет, что истинный подарок – это не вещи, а добро – распространение истины.

Ашока был внуком грозного Чандрагупты Маурьи, известного грекам как Сандрокоттус, встречавшегося в юности с Александром Великим. Впоследствии, в 305 году до Р.Х., Чандрагупта уничтожил гарнизоны Македонского, оставленные в Индии, и нанес поражение армии Македонского под предводительством Селевкуса, вторгшейся в Пенджаб. Затем он принял у себя во дворце в Паталипутре[348] греческого посла Мегасфена, который оставил нам описания счастливой и предприимчивой Индии того времени.

Чрезвычайно интересные истории были подробно записаны греческими историками и теми, кто сопровождал Александра при его вторжении в Индию. Дабы пролить свет на древнюю Индию, доктор Дж.В.Мак-Криндл[349] перевел произведения Ариана, Диодора, Плутарха и географа Страбона. Самая замечательная особенность неудачного вторжения Александра – это глубокий интерес к индийской философии и к йогам – святым людям, встречавшимся с ним время от времени, общества которых он очень искал. Вскоре после того западный воин прибыл в Таксилу, расположенную в Северной Индии, и направил посыльного Онесикрита, ученика эллинской школы Диогена, с приказом привести индийского учителя Дандамиса, великого саньясина Таксилы.

– Хвала тебе, о учитель брахманов! – сказал Онесикрит, разыскав Дандамиса в его лесном убежище. – Сын могучего бога Зевса, Александр, верховный властитель всех людей, просит явиться к нему. Если согласишься, он наградит тебя великими дарами, а если откажешься, отрубит голову!

Йог спокойно принял это довольно-таки принуждающее приглашение и даже не поднял головы со своего ложа из листьев.

"Я также сын Зевса, если Александр таков, – заметил он. – Я не хочу ничего, что принадлежит Александру, ибо я доволен тем, что имею, тогда как он странствует со своими людьми по морю и суше безо всякой пользы и никак не придет к завершению. Пойди и скажи Александру, что Бог Царь Всевышний ни в коем случае не творец дерзкой вражды, но творец света, мира, жизни, воды, человеческого тела и душ. Он принимает всех людей, когда смерть освобождает их, и никакая злая болезнь тогда не опасна им. Один Он Бог чтим мною, кому претит кровопролитие и войны.

Александр не бог, поскольку он должен подвергнуться смерти, – спокойно продолжал мудрец. – Как может такой, как он, быть властителем мира, когда он еще не сел на трон внутреннего вселенского владения? Пока что он не вошел ни в Гадес (подземное царство), не познал движения солнца через центральные сферы земли, а народы в пределах ее еще и не слышали его имени!"

---

348 [6]. Город Паталипутра (современная Патна) имеет захватывающую историю. Господь Будда посетил это место в VI веке до Р.Х., когда это был лишь незначительный порт. Он сказал пророчество: «Поскольку его часто посещают арийцы, поскольку путешествуют купцы, Паталипутра станет для них главным городом, центром взаимного обмена самыми разными товарами». – *Махапаранирвана-сутра* . Два века спустя Паталипутра стала столичным городом огромной империи Чандрагупты Маурьи. Его внук Ашока довел столицу до еще большего процветания и великолепия.

В 298 г. до Р.Х. победоносный Чандрагупта передал бразды правления Индией сыну. Путешествуя в Южную Индию, Чандрагупта провел последние двенадцать лет жизни как нищий аскет, ищущий самопознания в скалистой пещере Шраванабелагола, являющейся теперь местом поклонения в Майсуре. Этот же район может похвастать самой большой скульптурой в мире, вырезанной джайнами в 983 г. от Р.Х. из огромного валуна в честь мудреца Гоматешвара.

349 [7]. Шесть томов книги *Древняя Индия* (Калькутта: Chuckervertty, Chatterjee & Co., 15 College Square; 1879) переизданы в 1927 г.

После этого выговора, наверняка самого строгого из высказанных когда-либо, дабы уязвить слух «властителя мира», мудрец иронически добавил:

"Если теперешние владения Александра недостаточно пространны, чтобы вместить все желания, пусть перейдет реку Ганг, там найдет он край, способный прокормить его самого и его людей![350]. Дары, предложенные Александром, мне не нужны, – продолжал Дандамис, – то, в чем я нахожу истинную пользу и ценность, – это деревья, укрывающие меня, это цветущие растения, дающие мне повседневную пищу, и вода для утоления жажды, тогда как иная собственность, приобретаемая с тревожной озабоченностью, обычно оказывается губительной для тех, кто ее копит, и приносит лишь горе и неприятности, которыми до краев наполнен каждый несчастный смертный.

Что касается меня, то я лежу на лесных листьях и мне нечего сторожить, я закрываю глаза в покойной дремоте, а если бы у меня было что охранять, то сон пропал бы от этого. Земля дарует мне все, как мать дает молоко ребенку. Я иду, куда хочу, и нет никаких забот, которыми я вынужден был бы стеснять себя. Если бы Александр и отрубил мне голову, он не в состоянии уничтожить мою душу. Голова, безмолвная тогда, и мое тело, как оторванные куски одежды, останутся на земле, откуда взяты элементы, их составляющие. Я же, став Духом, вознесусь к Богу моему, Который одел нас всех в плоть и оставил нас на земле, чтобы испытать, будем ли мы здесь внизу жить, подчиняясь Его воле. Который потребует от всех нас, когда мы уйдем отсюда, отчета о нашей жизни, поскольку Он есть судья всех неправых дел, ибо стоны угнетенного станут наказанием угнетателю.

Пусть же Александр пугает этими угрозами тех, кто жаждет богатства и страшится смерти, против брахманов его оружие бессильно: брахманы не любят золота и не боятся смерти. Иди же и скажи Александру: «Дандамису ничего твоего не надо, а потому он к тебе не пойдет, а если ты чего-нибудь хочешь от Дандамиса, приходи к нему сам»".

Онесикрит должным образом передал послание. С пристальным вниманием выслушал Александр Онесикрита, передавшего весть от йога, и почувствовал еще более чем когда-либо желание увидеть Дандамиса, который, несмотря на старость и беззащитность, оказался сильнее его и был единственным реальным противником ему, победителю многих народов.

Александр пригласил в Таксилу многих аскетов брахманов, известных искусностью в разрешении философских вопросов с глубинной мудростью. Один случай словесной схватки приводится Плутархом. Александр сам сформулировал все вопросы:

– Кого больше, живых или мертвых?

– Живых, ибо мертвых нет.

– Что порождает более крупных животных – море или земля?

– Земля, ибо море – часть земли.

– Кто из зверей самый умный?

– Тот, которого человек еще не знает. Человек боится неизвестного.

– Что существовало прежде – день или ночь?

– День был прежде за днем. – Этот ответ вызвал удивление Александра; *брахман* добавил: – Невозможные вопросы требуют невозможных ответов.

– Как лучше человеку заставить себя полюбить?

– Человека полюбят, если он, обладая огромной силой, все же не принуждает себя бояться.

– Как может человек стать Богом?[351]

– Делая то, что невозможно человеку.

---

350 [8]. Ни Александр и ни один из его полководцев так и не перешли Ганг. Встретив решительное сопротивление на северо-западе, армия Македонского вынуждена была оставить попытки проникнуть дальше. Александр покинул Индию, устремившись за дальнейшими завоеваниями в Персию.

351 [9]. Из этого вопроса мы можем подозревать, что «Сын Зевса» иногда сомневался, что уже достиг совершенства.

– Что сильнее – жизнь или смерть?

– Жизнь, поскольку она выносит столь много бедствий.

Александру удалось вывезти из Индии своим учителем Кальяна (свами Сфинкс), настоящего йога, прозванного греками Каланос. Этот мудрец сопровождал Александра в Персию.

В назначенный день в Суса, в Персии, Каланос оставил свое состарившееся тело, взойдя на виду у всей армии Македонского на погребальный костер. Историки пишут об изумлении солдат, видевших, что йог не страшился ни боли, ни смерти, он не пошевельнулся, когда его пожирало пламя. Прежде чем уйти на свою кремацию, Каланос обнял всех близких друзей, но воздержался от прощания с Александром, которому индийский мудрец только заметил:

– Я скоро увижу тебя в Вавилоне.

Александр оставил Персию и год спустя умер в Вавилоне. Слова его гуру являлись способом пророчества, что он с Александром в жизни и в смерти.

Греческие историки оставили множество живых вдохновляющих картин индийского общества: «Индийский закон, рассказывает Ариан, охраняет людей и определяет, что ни один из них ни при каких обстоятельствах не будет рабом, но что, наслаждаясь собственной свободой, они должны уважать равное право на это, которым обладают все. Люди считали, что те, кто не привыкнет повелевать другими, пресмыкаться перед другими, достигнут жизни лучшим образом приспособленной ко всем превратностям судьбы»[352].

«Индийцы, – гласит другой текст, – ни денег не дают под процент, ни, как брать взаймы, не знают». По утвердившемуся обычаю, индийцу противно поступать непоследовательно или несправедливо, а потому они не заключают договоров и не требуют гарантий. Лечение, говорят нам, проводилось при помощи простых и естественных средств. Оно производится скорее регулированием диеты, нежели применением лекарств. Наиболее уважаемые препараты – это мази и пластыри. Все прочее считается в высшей степени вредным. Участие в войне ограничивалось *кшатриями* , кастой воинов. Враг, неожиданно напавший на земледельца за работой в поле, не причинял ему никакого вреда, ибо люди этой касты считались благодетелями общества и защищались от всякого вреда. Земля, не опустошенная таким образом и приносящая обильный урожай, обеспечивала всем необходимым, чтобы сделать жизнь достойной.

Повсеместные религиозные святыни Майсура являются постоянным напоминанием о множестве великих святых Южной Индии. Один из этих учителей – Тхайуманавар оставил нам следующий бросающий вызов стих:

Вы можете удержать бешеного слона,
Заткнуть пасть медведю и тигру, ездить верхом на льве,
Играть с коброй,
С помощью алхимии вы можете пополнить свои средства к жизни.
Можете странствовать по вселенной инкогнито,
Заставить служить богов; можете быть вечно юным,
Ходить по воде и жить в огне.
Но управлять умом – лучше и труднее.

352 [10]. Все греческие обозреватели говорят о незначительном развитии рабовладения в Индии – черте, напротив, развитой в греческом обществе.

Созидательная Индия профессора Бинея Кумара Саркара дает полную картину достижений в древней и современной Индии и отличительных ценностей в экономике, политике, литературе, искусстве и социальной философии (Лахор: Motilal Banarsi Dass, Publishers, 1937, 714 pp.).

Также рекомендуется издание – *Вековая Индийская культура* С.В.Венкатешвара (New York: Longmans, Green & Co.).

В красивом и плодородном штате Траванкор, на крайнем юге Индии, где транспорт движется по рекам и каналам, традиционно ежегодно магараджа налагает на себя обязательство искупления греха от войн и насильственного присоединения в далеком прошлом нескольких мелких государств к Траванкору. Пятьдесят шесть дней в году трижды в день магараджа посещает храм – слушая гимны и чтения *Вед* ; церемония искупления завершается *лакшадипамом* – озарением храма сотнями тысяч свечей.

В Мадрасском Президентстве на юго-восточном побережье Индии есть густо населенные, огромные, опоясанные морем города Мадрас и Кондживирам – золотой город-столица династии Паллавов, цари которой властвовали в ранние века христианской эры. В современном Мадрасском Президентстве ненасильственные идеалы Махатмы Ганди сделали огромные успехи, повсюду видны отличительные белые шапочки Ганди. На юге влияние Махатмы на многие важные храмовые реформы для «неприкасаемых», как и на реформы кастовой системы, проявилось несколько больше.

Источник кастовой системы, сформулированный великим законодателем Ману, был замечателен. Ману ясно видел, что люди подразделяются естественной эволюцией на четыре больших класса: на тех, кто в состоянии предложить служение обществу физическим трудом – *шудры* ; тех, кто служит способностью мышления, искусством в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, в деловой жизни вообще – *вайшьи* ; тех, кто имеет административные, исполнительские и бойцовские качества, – правители и воины – *кшатрии* ; тех, кто созерцателен по натуре, духовно вдохновен – *брахманы* . "Ни рождение, ни таинство, ни учение, ни родословная не могут решить, рожден ли человек дважды, то есть *брахман* ли он, – говорит *Махабхарата* , – на что указывает только характер и поведение"[353]. Ману наказывал обществу уважать своих членов, коль скоро они обладают мудростью, добродетелью, возрастом, родством или, наконец, богатством. Богачей, если они стремились только к накопительству или не занимались благотворительностью, в Индии со времен *Вед* всегда презирали. Нещедрым людям с большим богатством предназначалось низкое положение в обществе.

Когда через века кастовая система ужесточилась, перейдя в наследственную узду, возникли серьезные бедствия. Индия самоуправляема с 1947 года. Социальные реформы,

---

353 [11]. «Включение в одну из этих четырех каст первоначально зависело не от кого родился человек, а от его природных способностей, демонстрируемых целью, которую он выбрал в жизни», – рассказывает статья в журнале *Восток-Запад* за январь 1935 г.

Целью этой могли быть:

. *Кама* – страстное желание, активность жизни чувств (состояние *шудры*).

. *Артха* – выгода, осуществление желаний, но контролирование их (состояние *вайшья*).

. *Дхарма* – самообладание, жизнь ответственности и правильного действия (состояние *кшатрия*).

. *Мокша* – освобождение, жизнь духовности и религиозного учения (состояние *брахмана*).

Эти четыре касты воздают служение человечеству: 1) телом, 2) умом, 3) силой воли, 4) духом.

Эти четыре состояния соответствуют вечным *гунам* , или качествам природы, – *тамасу, раджасу и саттве* – неведением, активностью и просветлением. Четыре природные касты соотносятся с гунами, как: 1) *тамас* (неведение); 2) *тамас-раджас* (смешение неведения и активности); 3) *раджас-саттва* (смешение правильной активности и просветления); 4) *саттва* (просветление). Природа отметила каждого человека соответствием своей касте, преобладанием в нем одной или смешением двух из *гун* . Конечно, всякий человек обладает всеми тремя гунами, но в неравных пропорциях. Правильно определить касту, или эволюционный уровень человека, в состоянии только гуру.

До некоторой степени все расы и народности на практике, если не в теории, придерживаются кастовости. Где есть большая вольность, или так называемая свобода, особенно в браке между крайними представителями основных каст, раса вырождается и угасает. *Пурана Самхита* уподобляет отпрыска таких союзов бесплодным гибридам, подобным мулу, не способным к размножению собственного рода. Искусственный род в конечном счете истребляется. История доказывает это: многие великие расы более не имеют ни единого живого представителя. Наиболее глубокие мыслители Индии приписывали кастовой системе роль тормоза или предупредительной меры против вольности, сохранившей чистоту расы и бережно пронесшей ее через тысячелетия превратностей, тогда как другие канули в забвение.

подобные реформам Ганди и членов весьма многочисленных обществ в теперешней Индии, производят медленный, но верный прогресс в восстановлении древней сути кастовости, основанной исключительно на врожденных свойствах индивида, а не на родстве. Всякий народ на земле обладает своей собственной, отличительной, порождающей страдания кармой, с которой ему предстоит иметь дело и которую ему предстоит устранить. Также Индия с ее гибким и неуязвимым духом должна показать способность решения задач кастового преобразования.

Южная Индия столь очаровательна, что мы с мистером Райтом старались подольше продлить нашу идиллию. Но время с его древней суровостью не давало нам никакой любезной отсрочки. Приближалось намеченное ранее выступление на заключительном заседании Индийского философского съезда в Калькуттском университете. В завершение визита в Майсур я был рад побеседовать с сэром Ч.В.Раманом, президентом Индийской Академии наук. Этот блестящий индийский физик был удостоен Нобелевской премии в 1930 году за важное открытие в области диффузии света, известное как «эффект Рамана».

Неохотно простившись с группой мадрасских студентов и друзей, мы с мистером Райтом выехали на север. На пути мы остановились у маленькой святыни, посвященной памяти Садашивы Брахмана[354], в жизни которого, относящейся к XVIII веку от Р.Х., было множество чудес.

Более крупная святыня Садашивы в Неруре, воздвигнутая раджой из Пудуккоттаи, является местом паломничества и была свидетелем множества божественных исцелений. Следующие правители Пудуккоттаи сохраняли, подобно святыне, некоторые религиозные указания. Их Садашива включил в 1750 году в руководство царствующему принцу.

Много необычных историй о Садашиве, привлекательном и вполне озаренном учителе, все еще ходит среди крестьян Южной Индии. Однажды Садашиву, погрузившегося в самадхи, видели на берегу Кавери уносимого внезапно поднявшейся водой. Спустя несколько недель близ Кодумуди в округе Коимбаторе его нашли покрытым толстым слоем земли. Когда лопаты крестьян наткнулись на его тело, святой поднялся и быстро удалился.

После того как его гуру сделал ему выговор за одержание верха в словесном споре над старшим ученым – *ведантистом* , Садашива стал *муни* (святым молчальником). «Когда ты научишься, о юноша, сдерживать свой язык?» – заметил гуру. «С вашего благословения, хоть с этого момента!»

Гуру Садашивы был свами Шри Парамашивендра Сарасвати, оставивший нам свой труд *Дахаравидья Пракасика* , а также глубокие комментарии к *Уттарагите* . То, что он справедливо гордился великим учеником-йогом, видно из следующего случая. Несколько светских людей жаловались его ученому гуру, ибо были оскорблены тем, что опьяненного богом Садашиву часто можно было видеть танцующим на улицах «без этикета». «Господин, – заявили они, – Садашива просто сумасшедший!» Но Парамшивендра, радостно улыбнувшись, воскликнул: «О, если бы и другие были бы настолько же сумасшедшими!»

Жизнь Садашивы была отмечена многими странными и прекрасными проявлениями Вмешивающейся Руки. В этом мире много кажущейся несправедливости, но поклонники Божьи могут засвидетельствовать неисчислимое множество примеров Его безотлагательной справедливости. Однажды ночью погруженный в самадхи Садашива остановился у ограды амбара богатого домохозяина. Трое слуг, сторожививших его от воров, занесли свои палки, чтобы ударить святого. Но что это? – руки их оказались скованными! Как статуи с поднятыми руками простояло это трио в уникальной живописной картине до ухода Садашивы на рассвете.

В другом случае с великим учителем один надсмотрщик, рабочие которого носили

354 [12]. Его полное имя было свами Садашивендра Сарасвати (известный комментатор *Брахма-сутры* и *Йога-сутры* Патанджали). Его духовная известность в Индии столь высока, что теперешний знаменитый последователь официальной линии Шанкары – Джагадгуру Шри Шанкарачарья из Шрингери матха написал вдохновенную *оду* , посвященную Садашиве.

топливо, грубо принудил прислуживать себе. Молчаливый святой донес ношу до требуемого места и положил ее поверх огромной кучи, после чего вся груда топлива вспыхнула пламенем.

Садашива, подобно свами Трайланге, не носил никакой одежды. Однажды утром нагой йог по рассеянности зашел в дом одного мусульманского вождя. Две женщины вскрикнули от ужаса, воин нанес жестокий удар мечом по Садашиве – рука его была отрублена. Учитель беспечно удалился. Охваченный раскаянием, мусульманин подобрал руку с пола и последовал за Садашивой. Йог спокойно вставил свою руку в фонтанирующий кровью обрубок. Когда воин смиренно попросил какого-нибудь духовного наставления, Садашива написал пальцем на песке: «Не делай того, чего хочешь, и тогда ты сможешь делать то, что нравится».

Магометанин возвысился до состояния чистого ума и понял, что парадоксальный совет святого гостя есть руководство к освобождению души через господство над мелким эго. Духовный толчок этих немногих слов был столь велик, что воин стал достойным учеником – прежние притоны более не знали его.

Дети деревенских жителей в присутствии Садашивы однажды выразили желание повидать религиозное празднество в Мадуре, расположенном за двести сорок километров. Йог показал малышам, чтобы они коснулись его тела. И вот в мгновение вся группа перенеслась в Мадуру. Счастливые дети бродили среди тысяч паломников. Через несколько часов йог перенес маленьких подопечных домой самым простым способом транспортировки. Изумленные родители услышали живые рассказы о процессии, заметив, что у некоторых детей были мешочки мадурских сладостей.

Один недоверчивый юноша осмеял и святого и этот рассказ. Во время следующего религиозного празднества молодой человек приблизился к Садашиве. «Учитель, – насмешливо сказал он, – почему бы вам не взять меня на праздник в Шрирангам, как в тот раз в Мадуру».

Садашива согласился, парень тут же оказался среди толпы в далеком городе. Но, увы! Где же был святой, когда ему захотелось вернуться? Уставший юноша добрался домой самым древним прозаичным методом передвижения – пешком.

Прежде чем покинуть Южную Индию, мистер Райт и я совершили паломничество к священной горе Аруначала около Тируваннамалаи, чтобы встретиться с Шри Рамана Махариши. Святой любезно приветствовал нас в своем ашраме, указав на груду журналов *Восток-Запад* . В те часы, которые мы провели с ним и его учениками, он в основном молчал, его благородное лицо светилось божественной любовью и мудростью.

Чтобы помочь страдающему человечеству вновь обрести забытое состояние совершенства, Шри Рамана учит, что постоянно необходимо спрашивать себя: Кто я? Действительно, великий вопрос. Суровым отказом от всех других мыслей набожный человек скоро обнаруживает, что все глубже и глубже проникает в свое истинное *Я* , побочное замешательство от других мыслей больше не возникает. Святой риши из Южной Индии писал:

> Двойственные и тройственные суждения поддерживаются чем-то,
> И если его не поддерживать, оно никогда не появится.
> В поиске его оно теряется и исчезает.
> Вот истина. Кто видит это, никогда не колеблется.

Глава 42. Последние дни с учителем

– Гуруджи, я рад, что сегодня утром застал вас одного,– обратился я к учителю, только что прибыв в Серампур с благоухающей ношей – фруктами и розами. Шри Юктешвар кротко взглянул на меня.

– Что у тебя за вопрос? – Учитель поглядел в стороны, как бы ища спасения.

– Гуруджи, я пришел к вам еще школьником, а теперь я взрослый человек, и у меня появились седые волосы. Хотя вы обильно орошали меня молчаливой добротой с самого начала, с первого часа и по нынешнюю минуту, разве вы не понимаете, что всего лишь однажды, в день встречи вы сказали: «Я люблю тебя»? – Я посмотрел на гуру с мольбою.

Учитель потупил взор.

– Йогананда, разве я должен приносить в холодную область слов те теплые чувства, которые лучше всего хранятся в безмолвии сердца?

– Гуруджи, я знаю, что вы любите меня, но мои смертные уши жаждут услышать, как вы сами скажете это.

– Пусть будет так, как ты желаешь. Во время моей семейной жизни я часто хотел иметь сына, чтобы вести его по пути йоги. Но когда ты вошел в мою жизнь я стал доволен: ибо в тебе я нашел сына,– в глазах Шри Юктешвара стояли слезы,– Я всегда люблю тебя, Иогананда.

– Ваш ответ открывает мне двери на небеса.

При этих словах я ощутил, что с моего сердца навсегда снят тяжелый груз. Я знал, что гуру сдержан и не принадлежит к эмоциональному типу, однако меня часто удивляло его молчание. Иногда я боялся, что мне не удалось целиком оправдать его ожидания. Никогда нельзя было понять до конца странную натуру учителя: глубокий и спокойный, он оставался недоступным намерениям внешнего мира, ценности которого давным-давно отбросил.

Через несколько дней после этого разговора я выступил перед большой аудиторией в Альберт-холле, в Калькутте. Шри Юктешвар согласился сесть на возвышение вместе с махараджей Санташем и мэром Калькутты. Учитель не сделал мне никакого замечания. Во время выступления я несколько раз взглядывал на него, и мне казалось, что он выглядит довольным.

Затем состоялась беседа с выпускниками Серампурского колледжа. Когда я смотрел на своих старых школьных друзей, а они – на своего «безумного монаха», слезы радости текли без всякого стеснения[355]. Мой Златоуст, профессор философии Гошал вышел вперед, чтобы приветствовать меня. Все наши прошлые разногласия растворились в алхимической реторте времени.

В конце декабря в Серампурской обители праздновали день зимнего солнцестояния. Как всегда, ученики Шри Юктешвара собрались изо всех концов страны. Благоговейные *санкиртаны* , приятные голоса, певшие соло, угощение, устроенное юными учениками, глубоко волнующая речь учителя под открытым небом во дворе ашрама, заполненном толпою, – ах, все эти воспоминания! Радостные праздники давно прошедших лет! Однако в тот вечер в установленном распорядке празднества появилась новая черта.

355 [1]. В письме, адресованном Обществу Самопознания после махасамадхи Парамахансаджи, доктор С. И. Эйбрехем, руководитель Серампурского колледжа писал: «Я знаю, что Его Святость чувствовал большую любовь к серампурскому колледжу; и стипендия имени Йогананды учреждена как памятник этому факту» (прим. американского издателя).

Последний праздник зимнего солнцестояния, который отмечал Шри Юктешвар. Декабрь 1935 г . Мой Гуру сидит в центре. Я – справа от него. Праздник проходил на большом дворе Серампурской обители моего Гуру.

– Йогананда, пожалуйста, выступи перед собравшимися по-английски! Глаза учителя блеснули, когда он обратился ко мне с этой вдвойне необычной просьбой; не вспомнил ли он о моем затруднении на борту корабля перед первой лекцией, прочитанной по-английски? Я рассказал собравшимся всю эту историю, закончив ее восторженной хвалой нашему гуру.

– Его неустанное руководство я ощущал не только на борту океанского парохода,– сказал я в заключение,– но и ежедневно в течение всех пятнадцати лет, которые я провел на огромной и гостеприимной земле Америки.

После того, как разошлись гости, Шри Юктешвар позвал меня в ту же самую комнату, где мне когда-то лишь однажды после аналогичного праздника, было позволено спать в его кровати. В этот раз гуру спокойно сидел в центре полукруга учеников, устроившихся у его ног.

– Иогананда, ты сегодня уезжаешь в Калькутту? Пожалуйста, вернись сюда завтра, мне надо кое-что тебе сказать.

На следующий день, произнеся несколько простых слов в качестве благословения, Шри Юктешвар присвоил мне следующий монашеский титул: *Парамаханса* [[356]].

– Теперь это звание формально заменяет твой прежний титул – свами,– сказал он, когда я преклонил перед ним колени. Молча улыбнувшись, я подумал о том, какие трудности придется преодолевать моим ученикам-европейцам, когда они будут называть меня *«Парамахансаджи»* [[357]].

– Моя задача на земле ныне окончена, и ты должен продолжать ее,– спокойно проговорил учитель, серьезно и мягко глядя на меня. Мое сердце забилось от страха.

---

356 [2]. Буквально *«парама»* – высочайший, *«ханса»* – лебедь. Лебедь в мифологии изображается носителем Брахмы, Создателя. Священный ханса, как утверждается, обладает способностью извлечь молоко из смеси с водой, являя собою, таким образом, символ распознавания.

"*Ахан-са"* , или *«хан-са»* (произносит как *хан-н-со-о-о*) означает буквально «Я – Он». Эти два могущественных заклинательных санскритских слова обладают вибрационной связью со вдохом и выдохом. Таким образом, с каждым своим дыханием человек бессознательно утверждает истину своего бытия: *«Я – Он!»*

357 [3]. Обычно они избегали этой трудности, называя меня просто *сэр* .

– Пожалуйста, пошли кого-нибудь для управления нашим ашрамом в Пури[358],– продолжал Шри Юктешвар.– Я передаю все в твои руки. Ты сможешь успешно править ладьей своей жизни и организации, ты поведешь их до берегов божественного.

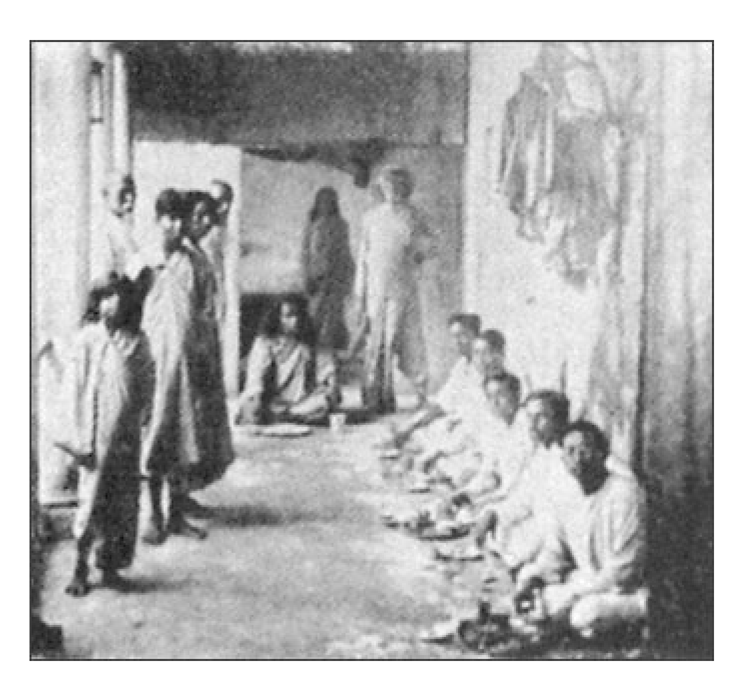
В слезах я обнял ноги гуру; он встал и с любовью благословил меня. Позднее гуру обсудил со мною детали завещания, касающиеся принадлежащей ему недвижимости. Его беспокоила возможность того, что после смерти родственники смогут предъявить претензии на две его обители и другое имущество. Он желал предупредить такой поворот дела и устроить все так, чтобы оставшиеся после него материальные ценности были употреблены исключительно на благотворительные цели.

– Недавно мы приготовили все для того, чтобы учитель посетил Киддерпур, но он не поехал.

Это замечание обронил однажды утром Амулайа, мой собрат по учению у Шри Юктешвара. Я ощутил холодную волну предчувствия. На мои упорные расспросы Шри Юктешвар отвечал: «Я больше никогда не поеду в Киддерпур». На мгновенье учитель вздрогнул, как испуганный ребенок.

"Привязанность к телесному обиталищу, возникающая из его собственной природы[359] существует даже у великих святых",– писал Патанджали. В некоторых своих беседах о смерти мой гуру был вынужден прибавить: «Так птица, долго сидевшая в клетке, страшится покинуть дом, к которому она привыкла, когда дверцы клетки отворены».

– Гуруджи,– обратился я к нему, рыдая,– не говорите этого! Никогда не произносите при мне таких слов.



Балкон второго этажа Серампурской обители Шри Юктешвара, где обычно ученики ужинали. Я сижу около ног моего Гуру (в центре).

Лицо Шри Юктешвара залила спокойная улыбка. Хотя приближался его восемьдесят первый год рождения, он выглядел здоровым и сильным.

358 [4]. В настоящее время в ашраме Пури существует школа для юношей, называемая «Шри Юктешвар Видьяпитх». Там же периодически происходят встречи садху и пандитов.

359 [5]. Т. е. проистекающее из незапамятных корней, из прошлых переживаний смерти. Это место находится во второй главе *«Йога-сутры»* Патанджали (II. 9).

День за днем, купаясь в сиянии любви моего гуру, не выраженной в словах, но ясно ощутимой, я устранил из своего сознательного ума все намеки на приближение конца, которые он мне делал.

– Господин, в этом месяце в Аллахабаде будет происходить *Кумбха Мела* .– Я показал учителю дату *Мелы* в «Бенгальском Альманахе»[360].

– Ты и в самом деле хочешь отправиться туда? Не поняв того, что Шри Юктешвару не хотелось, чтобы я покидал его, я продолжал:

– Однажды вы узрели на Аллахабадской *Кумбха* благословенную форму Бабаджи. Может быть, на этот раз я буду настолько счастлив, что увижу его.

– Не думаю, что ты его там встретишь.

Затем гуру погрузился в безмолвие, не желая препятствовать моим планам.

Когда на следующий день я отправился в Аллахабад вместе с небольшой группой, учитель, как обычно, спокойно благословил меня. По всей вероятности я оказался глух к намекам Шри Юктешвара потому, что Господь пожелал избавить меня от тяжелых переживаний – оказаться беспомощным свидетелем смерти гуру. В моей жизни всегда происходило, что в момент смерти горячо любимых мною людей, Господь милостиво устраивал дело так, чтобы я находился в отдалении от сцены смерти[361].

Наша компания приехала на *Кумбха Мела* 23 января 1936 года. Возбужденная толпа, насчитывавшая около двух миллионов человек, являла собою внушительное, даже ошеломляющее зрелище. Своеобразный гений индийского народа проявляется во врожденном уважении, которое питает даже самый темный крестьянин к духовным ценностям, к монахам и садху, которые разорвали мирские узы, дабы найти божественное укрытие. Конечно, и там встречаются лицемеры и обманщики. Но Индия уважает всех ради немногих, которые озаряют землю вышним благословением. Европейцы, видевшие это гигантское зрелище, имели единственную в своем роде возможность ощутить биение пульса целого народа, его духовное рвение, которому Индия обязана своей неиссякаемой жизненностью, неподвластной ударам времени.

Первый день наша группа провела, просто наблюдая за происходящим. Тысячи паломников купались в священном Ганге. Чтобы омыться от грехов, жрецы-*брахманы* совершали торжественные ритуалы поклонения; поклонники рассыпали дары у ног безмолвных *саньяси* ; проходили целые ряды слонов, лошадей, покрытых попонами, медленно выступающих раджастханских верблюдов; а за ними следовали религиозные шествия из обнаженных садху, махавших золотыми и серебряными скипетрами и волнами шелкового бархата.

Отшельники в одних лишь набедренных повязках спокойно сидели небольшими группами. Их тела были вымазаны золой, что предохраняло их от жары и холода. Единственное пятно пасты из сандалового дерева на лбу каждого из них явственно изображало третий глаз. Тысячами появлялись бритоголовые свами в своих одеждах цвета охры, с бамбуковыми посохами и чашами для подаяния. Когда они прохаживались или вели

---

360 [6]. Религиозные *Мела* упоминаются еще в древней *«Махабхарате»* . Китайский путешественник Хузы Цзянь оставил описание большой *Кумбха Мела* в 644 г. н. э. в Аллахабаде. Самая большая *Мела* собирается каждый год; следующая за нею (*ардха* , или половинная) *Кумбха* собирается раз в шесть лет, а еще меньшие *Мела* происходят через три года. *Мела* происходят в четырех городах: в Аллахабаде, Хардваре, Насико и Уджайне.

Хуэн Цзянь рассказывает, что Харша, царь северной Индии, раздал собравшимся на *Кумбха Мела* монахам и паломникам целую царскую казну с накоплениями за пять лет. Когда же Хуан Цзянь отправился обратно в Китай, он отказался от прощальных даров царя, состоявших из золота и драгоценных камней; но увез с собою более ценное сокровище в виде 657 религиозных манускриптов.

361 [7]. Я не присутствовал при смерти матери, старшего брата Ананты, старшей сестры Ромы, учителя, отца и многих других любимых мною людей. (Мой отец скончался в Калькутте в 1942 г. в возрасте восьмидесяти девяти лет).

с учениками философские дискуссии, их лица излучали глубокий мир, приобретенный благодаря отречению.

Здесь и там, под деревьями, среди огромных куч горящих поленьев, встречались живописные садху[362] с заплетенными и связанными узлом на макушке волосами. Некоторые из них носили бороды в несколько футов длиной, вьющиеся и связанные узлом. Они или сидели, погрузившись в медитацию, или простирали руки, благословляя проходившую толпу: нищих, махараджей на слонах, женщин во многоцветных сари со звенящими на руках и ногах браслетами, *факиров* с тощими руками, гротескно вытянутыми вверх, *брахмачаринов* , несущих подставки для локтей используемых для медитации, смиренных мудрецов, чей торжественный вид скрывал внутреннее блаженство. В вышине, над всем этим шумом, непрерывно звучал призыв храмовых колоколов.

На второй день *Мелы* мы со спутниками посетили различные ашрамы и временные пристанища, совершая *пранам* перед святыми людьми. Мы получили благословение от главы ветви *«Гири»* ордена свами – худого монаха-аскета, с глазами, полными смеющегося огня. Затем наша компания посетила обитель, где гуру в течение последних девяти лет соблюдал обет молчания и питался только фруктами. На возвышении в зале ашрама восседал слепой садху Праджна Чакшу[363], глубокий знаток *Шастр* , высоко почитаемый всеми сектами.

Кришнананда на *Кумбха Мела* со своей приученной к вегетарианству львицей. 1936 г.

После того, как я произнес краткую речь на хинди о *Веданте* , наша группа покинула обитель, дабы приветствовать находившегося вблизи свами Кришнананду, красивого, розовощекого монаха с внушительными бицепсами. Подле него распростерлась ручная львица. Покоренная духовным очарованием монаха (я уверен, что не его физической мощью!), эта представительница диких животных джунглей отказывалась от мяса в любом

362 [8]. Сотни тысяч индийских садху находятся под руководством особого исполнительного комитета из семи руководителей, представляющих семь больших частей Индии. Я встречал *махамандалешвара* , или президента Шри Джойендра Пури. Этот святой человек чрезвычайно сдержан. Часто в своих речах он ограничивается лишь тремя словами: Истина, Любовь, Труд. Достаточное рассуждение!

363 [9]. Титул, буквально означает «тот, кто видит своим разумом» (не имея физического зрения).

его виде и ела только рис и молоко. Свами научил своего желтого зверя произносить слово *«АУМ»* одним глубоким привлекательным рычанием. Это был настоящий зверь-подвижник!

Наше следующее приключение, беседа с молодым ученым садху описана в блестящем путевом дневнике мистера Райта:

На своем форде мы переехали через самое низкое место Ганга по скрипящему понтонному мосту, виляя, подобно змее, протискиваясь сквозь толпы и пробираясь по узким, извилистым переулкам. Далее мы миновали то место на берегу реки, где, как указал мне Иогананджи, произошла встреча Шри Юктешвара и Бабаджи. Немного погодя мы вышли из автомобиля и прошли некоторое расстояние пешком, окутанные густым дымом, струившимся от костров садху, шагая по зыбучим пескам. Наконец мы добрались до группы крошечных построек из земли и соломы. Мы остановились перед одним из таких временных убежищ с небольшим входом без двери. Это было жилье молодого странствующего садху, Кара Парти, известного своим исключительным умом. Он сидел, скрестив ноги, на кучке желтой блестящей соломы. Его единственной одеждой,– а иногда и единственной собственностью – было одеяние цвета охры, висевшее на плечах.

Когда мы вползли на четвереньках в хижину и совершили *пранам* у ног этого просветленного человека, мы увидели обращенную к нам подлинно божественную улыбку. Керосиновый фонарь у входа мигал; на соломенных стенах плясали тени. Глаза садху излучали счастье, его безупречные зубы блестели. Хотя я не мог понять разговор, шедший на бенгали, выражение лица казалось достаточно ясным, он был исполнен энтузиазма, любви, духовной славы. Никто не усомнился бы в его величии.

Вообразите счастливую жизнь человека, не привязанного к материальному миру: он свободен от проблемы приобретения одежды, от стремления к разнообразным блюдам, никогда не прикасается к вареной пище за исключением немногих дней; он никогда не носит чашу для подаяния. Он свободен от денежных затруднений, ибо никогда не берет в руки деньги, не делает никаких запасов, всегда полагаясь на Бога. Он свободен от беспокойства по поводу способа передвижения, так как никогда не ездит на повозках или машинах, а постоянно странствует пешком по берегам священных рек. Он никогда не остается на одном и том же месте дольше, чем неделю, дабы избегнуть какой бы то ни было привязанности.

Такая умеренность! А ведь он обладал необычным знанием Вед, степенью магистра и титулом "*шастри* « (учитель писаний), полученным при университете в Варанаси. Когда я сел у его ног, меня наполнили возвышенные чувства; казалось, что переживание было ответом на мое желание увидеть древнюю истинную Индию,– ибо это был подлинный представитель страны духовных гигантов».

– Я расспрашивал Кара Патри о его жизни и странствованиях.

– Неужели у вас нет лишней одежды для зимы?

– Нет, мне достаточно и этой.

– Вы носите с собою какие-нибудь книги?

– Нет, тех, кто хочет слушать меня, я учу по памяти.

– А чем еще вы занимаетесь?

– Я брожу по берегам Ганга.

При этих простых словах меня охватило неудержимое желание вести столь же простую жизнь. Но тут мне на память пришла Америка и все обязанности, висевшие на моих плечах.

«Нет, Йогананда,– подумал я, опечалившись на мгновенье,– эта жизнь скитаний по берегам Ганга,– не для тебя».

После того, как садху рассказал мне о некоторых своих духовных постижениях, я задал ему неожиданный вопрос:

– Вы описываете то, что прочли в Писаниях, или то, что внутренне пережили сами?

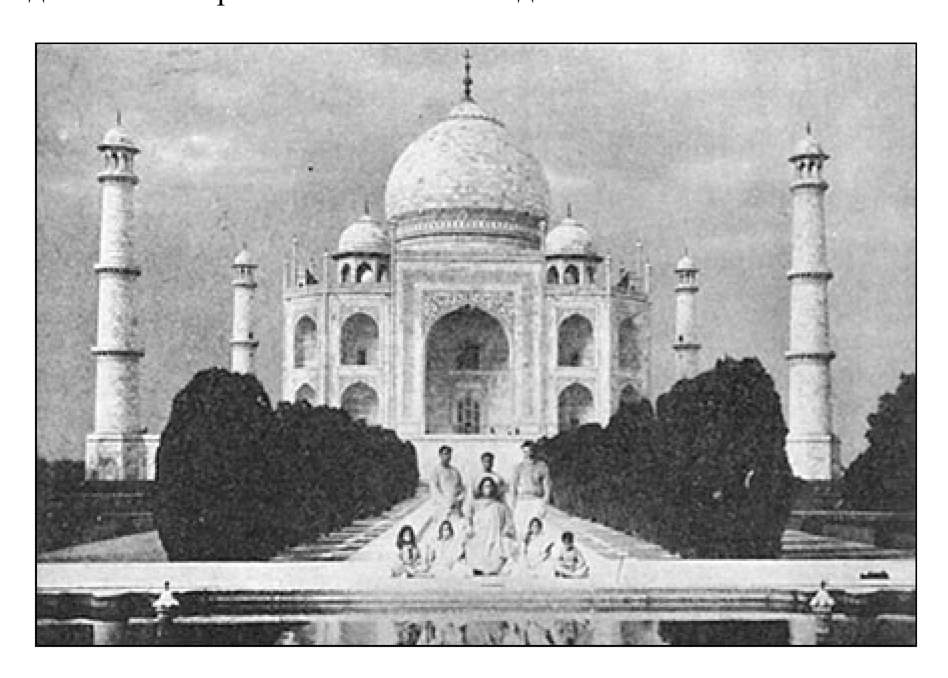
– Частично это взято из книг,– ответил он с откровенной улыбкой,– частично из опыта.

Осчастливленные посещением, мы просидели немного времени в безмолвной медитации. Расставшись со святыми, я сказал мистеру Райту: «Это царь, восседающий на

троне из золотой соломы».

Вечером мы пообедали под звездами на земле Мела. Мы ели с листьев, сколотых вместе веточками. Мытье посуды в Индии сведено к минимуму!

Прошло еще два дня замечательной *Кумбха* . Затем мы отправились на северо-запад по берегам Джамны, к Агре. Еще раз я созерцал Тадж-Махал. В моей памяти подле меня стоял Джитендра, пораженный сказочной красотой мраморного дворца. Затем мы посетили Бриндабанский ашрам свами Кешабананды.

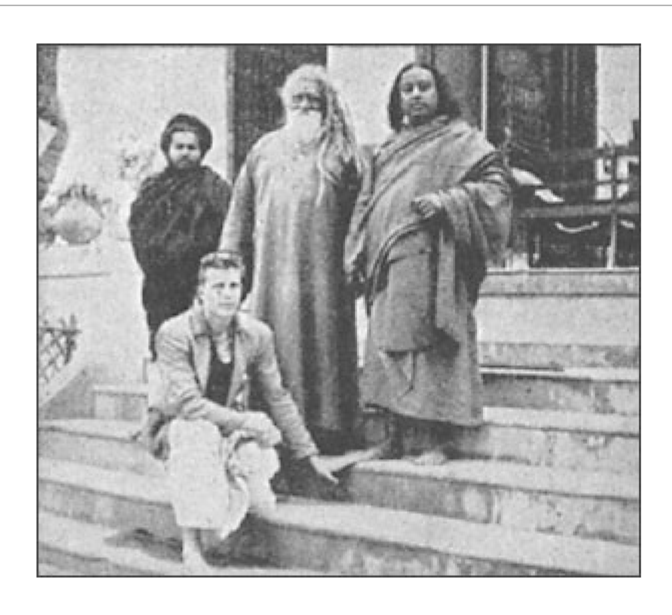


Мои спутники и я позируем перед «сказкой в мраморе» Тадж-Махалом в Агре

Целью моих розысков свами Кешабананды было получить помощь в работе над этой книгой. Я никогда не забывал поручения Шри Юктешвара написать книгу о жизни Лахири Махасайа. Во время моего пребывания в Индии я пользовался любой возможностью, чтобы установить контакт с родственниками и учениками, учившимися лично у Йогаватара. Делая подробные и обширные записи их рассказов, я сверял факты и даты, собирая фотографии, старые письма и документы. Мой портфель с материалами о Лахири Махасайа стал увеличиваться в объеме: со страхом я понял, что мне предстоит тяжкий авторский труд. Я молился о том, чтобы оказаться достойным роли биографа этого колоссального гуру. Некоторые его ученики опасались, что в биографических заметках жизнь и деятельность их учителя будет преуменьшена или неправильно истолкована.

«Едва ли вам удастся в холодных словах воздать должное всей жизни воплощенного божества»,– заметил мне однажды Панчанон Бхаттачарья.

Другие близкие ученики также были удовлетворены тем, что образ Иогаватара оставался скрытым в их сердцах, как образ бессмертного наставника. Тем не менее, постоянно размышляя о предсказании Лахири Махасайа относительно его биографии, я не пропускал ни одной возможности собрать и уточнить факты, касающиеся его внешней жизни.



Мистер Райт и я позируем вместе с почтенным свами Кешабанандой и учеником у величественной обители в Бриндабане

Свами Кешабананда тепло приветствовал нас в своем ашраме, называвшемся Катайони Пейтх и находившемся в Бриндабане. Ашрам представлял собою внушительных размеров кирпичное здание с массивными черными колоннами, расположенное в прекрасном саду. Свами сейчас же ввел нас в гостиную, украшенную увеличенным портретом Лахири Махасайа. Свами приближался к девяностолетнему возрасту, но его мускулистое тело излучало силу и здоровье. Длинноволосый, с белоснежной бородой и глазами, сверкавшими радостью, он казался подлинным олицетворением типа древнего патриарха. Я сообщил ему о том, что хочу упомянуть о нем в своей книге об индийских учителях.

– Расскажите мне, пожалуйста, что-нибудь из раннего периода вашей жизни,– улыбнулся я с молящим видом: великие йогины часто необщительны. Кешабананда сделал жест, выражающий смирение.

– В моей жизни так мало внешних событий. Практически вся она прошла в уединении Гималаев. Я путешествовал пешком из одного тихого убежища в другое. Некоторое время я содержал небольшой ашрам за Хардваром, со всех сторон окруженный рощей из высоких деревьев, и его редко посещали путники, так как он был со всех сторон окружен норами кобр.– При этих словах Кешабананда усмехнулся.– Позже разлившийся Ганг смыл ашрам вместе с кобрами. Тогда мои ученики помогли мне построить вот этот бриндабанский ашрам.

Кто-то из нас спросил свами, как он предохранял себя от гималайских тигров[364]. Кешабананда покачал головой:

– В этих высоких местах, пронизанных духовными излучениями,– промолвил он,– никакие звери не беспокоят йогинов. Как-то в джунглях я неожиданно наткнулся на тигра. Я внезапно вскрикнул – и зверь просто окаменел.

Свами опять усмехнулся, вспомнив об этом происшествии.

---

364 [10]. Кажется, существует много способов перехитрить тигра. Австралийский исследователь Френсис Бертиа рассказывает, что он нашел индийские джунгли «разнообразными, красивыми и безопасными». Волшебным средством, обеспечивающим ему безопасность, оказалось... липкая бумага для ловли мух. «Каждую ночь я расклеивал множество ее листов вокруг своей стоянки, и меня никогда никто не беспокоил,– объясняет он.– Здесь все дело в психологии. Тигр – это животное с большим сознанием собственного достоинства. Он бродит вокруг и подстерегает человека, пока не наткнется на липкую бумагу – а тогда убегает прочь. Ни один уважающий себя тигр не посмел бы встретиться с человеком после того, как попал на липкую бумагу!»

– Иногда я выходил из своего уединенного убежища, чтобы посетить моего гуру в Варанаси. Он все подшучивал над моим беспрестанным скитанием по пустынным местам Гималаев.

«Линии на твоей ноге свидетельствуют о страсти к бродяжничеству,– сказал он мне однажды.– Я рад, что священные Гималаи достаточно обширны, чтобы поглотить тебя».

– Много раз,– продолжал Кешабананда,– до своей смерти и после нее Лахири Махасайа появлялся передо мной в телесной форме. Для него нет недоступных высот в Гималаях.

Прошло два часа, и свами повел нас в крытый двор пообедать. Я вздохнул в безмолвном отчаянии. Еще одно угощение из пятнадцати блюд! Не прошло и года индийского гостеприимства, а я прибавил в весе пятьдесят фунтов! Однако, если бы я отказался от старательно приготовленных кушаний на банкетах, это сочли бы крайней невежливостью. В Индии (увы, больше нигде) вид упитанного свами считается прекрасным зрелищем.

После обеда Кешабананда отвел меня в уединенный уголок.

– Ваш приезд не был для меня неожиданностью,– сказал он мне.– У меня есть для вас послание.

Я удивился, так как никому не сообщал о своих планах посещения Кешабананды.

"В прошлом году, скитаясь в северных Гималаях около Бадринарайана,– продолжал свами,– я заблудился и укрылся в просторной пещере. Она была пустая, однако в отверстии на скалистом полу тлели горячие головешки. Размышляя о том, кто бы мог занимать это уединенное убежище, я присел у огня, устремив взор на залитый солнцем вход в пещеру.

«Кешабананда, я рад, что ты здесь!» – эти слова раздались позади меня. Пораженный, я обернулся и в изумлении увидел Бабаджи. Великий гуру материализовался в глубине пещеры. Меня переполняла радость: я вновь увидел его после многих лет разлуки! Я простерся у его святых ног.

– Я позвал тебя сюда,– продолжал Бабаджи. Вот почему ты заблудился и попал к моему временному жилью в этой пещере. Мы долго не виделись со времени последней встречи. Мне приятно увидеть тебя еще раз.

Бессмертный учитель благословил меня; он произнес при этом несколько слов, содержавших духовную помощь, затем добавил: «Я дам тебе послание для Иогананды. Он посетит тебя по возвращении в Индию, полностью загруженный множеством дел, связанных с его гуру и с оставшимися в живых учениками Лахири. Скажи ему, что я в этот раз не увижу его, хотя он страстно надеется на это. Но я встречусь с ним как-нибудь в другой раз».

Меня глубоко тронуло полученное из уст Кешабананды утешительное обещание Бабаджи. Исчезла боль, таившаяся где-то в глубине сердца; и я более не горевал о том, что Бабаджи, как и намекал Шри Юктешвар, не появился на *Кумбха Мела* .

Переночевав в ашраме в качестве его гостей, наша группа на следующий день выехала в Калькутту. Проезжая через мост над Джамной, мы любовались величественным видом небосвода над Бриндабаном. Впечатление было такое, будто солнце зажгло небеса. Под нами, в тихих водах, отражались цветные отблески, напоминавшие подлинную печь вулкана.

КРИШНА, ДРЕВНИЙ ПРОРОК ИНДИИ.
Концепция современного художника на божественного учителя, духовные наставления которого в Бхагаватгите стали библией индуизма. В индийском изобразительном искусстве Кришна изображается с павлиньим пером в волосах (символ божественной лилы, игры или творческого состязания) и с флейтой восхитительные звуки которой один за другим пробуждают его последователей ото сна в майе, или космической иллюзии.

Берега Джамны освещены воспоминаниями о детских годах Шри Кришны. Здесь он погружался в невинную сладость своей *лилы* (игры) с *гопи* (девушками), воплощая высочайшую любовь, которая когда-либо существовала между проявлением Божественного и его учениками. Многие европейские комментаторы неверно поняли жизнь Господа Кришны: аллегория писаний была взята ими в буквальном смысле. Вот в качестве примера случай поразительной ошибки переводчика. Речь идет о вдохновенном святом средних веков, сапожнике Равидасе, который в простых выражениях, пользуясь терминами своего ремесла, пел о духовной славе, скрытой в человеке:

Под огромным синим сводом
Живет Божество, Облеченное в кожу.

Можно лишь отвернуться в сторону, чтобы скрыть улыбку, услышав такое неуклюжее толкование, которое европейский писатель дает стихотворению Равидаса:

«После этого он построил хижину, поставил в ней идола, которого сам изготовил из кожи, и стал поклоняться ему».

Равидас был собратом по ученичеству великого Кабира. Одной из восторженных учениц Равидаса была Рани Читора. Она пригласила многих *брахманов* на пир в честь ее учителя. Однако последние отказались есть вместе с сапожником низкого происхождения. Когда они с достоинством уселись отдельно и стали есть свою неоскверненную пищу, неожиданно каждый *брахман* обнаружил рядом с собою форму Равидаса. Это массовое видение завершило широкое духовное возрождение в Читоре.

Через несколько дней наша маленькая группа достигла Калькутты. Страстно желая повидать Шри Юктешвара, я с разочарованием узнал, что он уехал из Серампура и находится в Пури, приблизительно в трехстах милях к югу.

«Немедленно выезжайте в ашрам Пури». Эту телеграмму 8 марта прислал брат одного

из учеников Атулу Чандра Рой Чаудри – калькуттскому *ученику* Шри Юктешвара. Едва лишь новость достигла моих глаз, я почувствовал заключенную в ней боль и, упав на колени, стал молить Бога сохранить жизнь моего учителя. Когда я уже собрался выйти из дома отца, чтобы сесть в поезд, внутри меня зазвучал божественный голос:

«Не езди сегодня в Пури. Твою молитву исполнить нельзя».

«Господи,– произнес я, ошеломленный горем,– Ты не желаешь обязывать меня „перетягивать канат“ в Пури, где Тебе пришлось бы отвергать мои недостойные моления о жизни учителя. Значит он должен отправиться для более высоких дел по Твоей Воле?»

Повинуясь внутреннему приказанию, я не поехал в этот вечер в Пури; но на следующий вечер я отправился в путь. По пути, в семь часов вечера, я увидел, как темное астральное облако внезапно окутало небо[[365]]. Позднее, когда поезд с грохотом приближался к Пури, передо мной появилось видение Шри Юктешвара. Он сидел с очень серьезным видом, а по сторонам его блестели огни.

«Неужели все кончено?» – поднял я с мольбой руки.

Он кивнул, затем медленно исчез.

Наутро я уже стоял на платформе железнодорожного вокзала в Пури, все еще надеясь на невозможное. Ко мне подошел какой-то незнакомый человек.

– Вы слышали, что учитель скончался?– Ничего не сказав больше, он оставил меня; я так никогда и не узнал, кто это был, и как он разузнал, где найти меня.

Грубо потрясенный, я прислонился к стене, уяснив, что гуру стремился разными способами сообщить мне ужасную весть. Меня охватило небывалое возмущение, моя душа уподобилась вулкану. Добравшись до обители, я был на грани обморока. Но внутренний голос все время нежно повторял: «Возьми себя в руки! Будь спокоен!»

Я вошел в ту комнату ашрама, где тело учителя восседало в позе лотоса. Оно до неправдоподобия напоминало живого человека, представляя картину полного здоровья и красоты. Незадолго до кончины учителя слегка лихорадило; но ко дню своего восшествия к Беспредельному его тело совершенно поправилось. Несмотря на то, что я так часто глядел на эту дорогую для меня форму, я никак не мог допустить, что жизнь покинула ее навсегда. Кожа была гладкой и мягкой, а на лице сохранялось выражение блаженного покоя. Он сознательно покинул свое тело в час мистического призыва.

Ушел лев Бенгалии!– воскликнул я, пораженный зрелищем.

10 марта я исполнил все торжественные обряды. Шри Юктешвар был зарыт в землю[[366]] в саду своего ашрама в Пури: свами его обители совершили при этом древние обряды. Позднее из дальних и ближних мест стали прибывать ученики, дабы почтить своего гуру в празднество весеннего равноденствия.

Крупнейшая газета Калькутты *«Амрита Базад Патрика»* в следующем своем сообщении нарисовала такой портрет гуру:

"21 марта в Пури были совершены погребальные церемонии «Бхандара» в память Шримат Свами Шри Юктешвара Гири Махараджа, скончавшегося в возрасте восьмидесяти одного года. Для совершения обрядов в Пури прибыли многие ученики.

Один из лучших истолкователей «Бхагавадгиты» Свами Махараджа был великим учеником Йогараджи Шри Шияма Чаран Лахири Махасайя из Бенареса. В Индии свами Махарадж основал несколько центров Йогода Сатсанга (Общества самопознания). Он был источником вдохновения того движения Йоги, которое было перенесено на Запад его главным учеником свами Йоганандой. Именно пророческие способности и глубокое

---

365 [11]. Шри Юктешвар вступил в махасамадхи как раз в этот час: 7 часов вечера 9 марта 1936 г.

366 [12]. Индийские погребальные обряды требуют для домохозяев сожжения; но свами и монахов других орденов не сжигают, а зарывают в землю (хотя и из этого правила бывают исключения). Символически считается, что тела монахов уже подверглись сожжению в огне мудрости во времена принятия ими на себя монашеских обетов.

прозрение Шри Юктешвараджи вдохновили свами Йогананду на его дело – пересечь океан и распространить в Америке весть учителей Индии.

Его толкование «Бхагавадгиты» и других писаний свидетельствует о том, что Шри Юктешвар глубоко понимал не только восточную, но и западную философию; они остаются словом, отверзающим очи, в единении Востока и Запада. Веря в единство всех религиозных верований, Шри Юктешвар Махараджа создал Садху Шабха (общество святых), действующее в сотрудничестве с руководителями различных сект и вероисповеданий для внедрения в религии научного духа. В момент ухода он назначил свами Йогананду своим преемником на посту президента Садху Шабха.

«Поистине, сегодня, с уходом такого человека Индия обеднела. И пусть те, кто имел счастье личного общения с ним, пробудят в себе истинный дух индийской культуры и садханы, олицетворением которого был он».

Я возвратился в Калькутту. Не решаясь пока ехать в Серампурскую обитель с ее священными воспоминаниями, я вызвал Прафуллу, маленького ученика Шри Юктешвара, жившего в Серампуре, и устроил его в школу Ранчи.

"В то утро, когда вы уехали в Аллахабад, на Мела,– рассказал мне Прафулла,– учитель тяжело опустился на свое сиденье.

"Йогананда уехал! – воскликнул он.– Йогананда уехал!

Он прибавил загадочную фразу: «Мне нужно будет дать ему знать каким-то новым путем». Затем он погрузился в безмолвие на много часов".

Мои дни протекали среди лекций, занятий, интервью, встречи со старыми друзьями. За пустой улыбкой и беспрестанной деятельностью темные настроения потокам вливались во внутреннюю реку блаженства, которая в течение столь многих лет струилась под песками всех моих восприятий.

"Куда же ушел этот божественный мудрец? – взывал я в безмолвии из глубин своего страждущего духа.

Не было никакого ответа.

«То, что учитель завершил единение с Космическим Возлюбленным – это самое лучшее,– уверял меня мой ум.– Он вечно сияет в том мире, где нет смерти».

"Никогда больше не сможешь ты увидеть его в старом серампурском доме,– жаловалось сердце. Никогда более ты не сможешь приводить к нему своих друзей, не сможешь с гордостью сказать: "Вот сидит *джнянаватар* Индии".

Мистер Райт приготовил все для того, чтобы наша группа отплыла из Бомбея на Запад. Отплытие было назначено на первые числа июня. После двух недель мая, занятых прощальными банкетами и речами в Калькутте, мисс Блетч, мистер Райт и я отправились на нашем форде в Бомбей. По прибытии оказалось, что судовладельцы просят нас отложить отъезд, так как отходящий корабль не располагает необходимым помещением для нашего форда, который потребовался бы нам в Европе.

– Ничего,– сказал я грустному мистеру Райту,– я хочу еще раз вернуться в Пури". И при этом молча подумал: «Пусть мои слезы еще раз оросят гробницу гуру».

Глава 43. Воскрешение Шри Юктешвара

«Господь Кришна!» В мерцающем сиянии передо мною явилась прекрасная форма аватара, когда я сидел в своей комнате в бомбейском отеле «Риджент». Я смотрел на улицу из своего распахнутого окна на четвертом этаже – и неизгладимое видение внезапно появилось передо мною, сверкая поверх крыши высокого здания на противоположной стороне улицы.

Божественная фигура сделала мне знак, улыбнулась и приветливо кивнула. Я не мог понять, в чем заключается смысл этого послания Господа Кришны, и он исчез с жестом

благословения. Я ощутил чудесный подъем духа и почувствовал, что это видение предвещает какое-то духовное событие. Мое путешествие на Запад пришлось на некоторое время отложить. Вернувшись в Бомбей после повторного посещения Калькутты и Пури, я получил приглашения на несколько публичных выступлений.

В три часа дня 19 июня 1936 г., ровно через неделю после видения Шри Кришны, я сидел на кровати в том же самом отеле. Внезапно божественное сияние прервало мою медитацию. Перед моими широко открытыми от изумления глазами комната преобразилась в какой-то странный мир, и солнечный свет засверкал с поражающим великолепием.

Волны восторга поглотили все мое существо, когда я увидел, что предо мной во плоти и крови возникла телесная форма Шри Юктешвара!

– Сын мой! – произнес нежно учитель с ангельской чарующей улыбкой на лице.

Впервые в жизни я не склонился к его ногам для приветствия, а внезапно бросился вперед и жадно обхватил его руками. Непередаваемый момент! Душевная боль прошедших месяцев была более чем достаточно оплачена неудержимой волной блаженства, нахлынувшей на меня в ту минуту.

– Учитель мой, возлюбленный сердца моего, почему Вы покинули меня? – бормотал я несвязно, обуреваемый радостью.– И почему вы разрешили мне ехать на *Кумбха Мела* ? Как жестоко порицал я себя за то, что оставил вас!

– Я не хотел мешать счастливому случаю, позволившему тебе увидеть то место, где я впервые встретил Бабаджи. Но ведь я покинул тебя лишь на короткий срок: разве я не с тобою опять?

– Но это действительно вы, учитель, тот же самый Лев Господень? Что это за тело у Вас? Похоже ли оно на то, которое я зарыл под жесткими песками Пури?

– Да, дитя мое, я все тот же. Это тело – из плоти и крови. Хотя я вижу его, как эфирное, твоему зрению оно представляется физическим. Из атомов космоса я создал совершенно новое тело, в точности такое же, как и физическое тело космической иллюзии, которое ты оставил под иллюзорными песками Пури в твоем иллюзорном мире. По истине, я воскрес – не на Земле, а на астральной планете. Ее обитатели могут лучше, чем земные существа, реагировать на мое высокое состояние. Там когда-нибудь ты встретишься и со мною, и с теми возвышенными существами, которых ты любишь.

– Бессмертный гуру, расскажите мне еще!

На лице учителя появилась быстрая и веселая улыбка.

– Дорогой мой,– промолвил он,– не ослабишь ли ты хоть чуть-чуть свои объятия?

– Только немного,– воскликнул я, продолжая сжимать его с цепкостью осьминога. Я мог ощутить тот же самый, слабый, но приятный естественный запах, свойственный ранее его телу. Волнующее ощущение прикосновения божественного тела все еще сохраняется внутренними поверхностями моих рук и ладоней, когда я вспоминаю эти прекрасные мгновения.

Как пророки посланы на Землю помочь людям отрабатывать их физическую карму, так и я был послан Богом, чтобы послужить спасителем на астральной планете,– объяснил мне Шри Юктешвар.– Она называется «Хираньялока», или «Просветленная астральная планета». Там я помогаю продвинутым существам избавиться от астральной кармы и таким образом достичь совершенства, освобождения от астральных перерождений. Обитатели Хараньялоки высоко развиты в духовном отношении. Все они в своем последнем воплощении на земле приобрели с помощью медитации способность сознательно покидать свои физические тела во время смерти, никто не может вступить в Хираньялока, если он не пережил во время предыдущей жизни на Земле, состояния *сабикальпа* и *нирбикальпа самадхи* [367].

---

367 [1]. В состоянии *сабикальпа самадхи* подвижник достигает понимания своего единства с Духом; он, однако, еще не может удержать свое космическое сознание иначе, как в состоянии неподвижного транса. При помощи постоянной медитации он достигает высшего состояния *нирбикальпа* , при котором он свободно движется в мире, не теряя при этом восприятия Божественного.

В состоянии *нирбикальпа самадхи* йогин растворяет последние остатки и следы материальной, земной

Обитатели Хираньялока уже прошли через обычные сферы астрального мира, куда они должны были вступить после смерти, как почти все обитатели Земли. Там они разрушают многие семена кармы, связанные с их прошлыми действиями в астральных мирах. Никто, кроме высоко продвинутых подвижников, не в состоянии успешно исполнять такую искупительную работу в астральных сферах[368]. Далее, чтобы полностью освободить свои души от всех следов астральной кармы, эти существа силою космического закона вынуждаются вновь родиться в новых астральных телах на Хираньялока, на астральном солнце, или небе, где нахожусь я, чтобы помочь им. В Хираньялока находятся также и существа, близкие к совершенству, которые пришли туда из высшего причинного мира.

Мой ум в тот момент находился в столь совершенном созвучии с умом моего гуру, что последний передавал мне картины своего мира частично при помощи слов, а частично при помощи непосредственных мысленных образов. Таким путем я быстро схватывал воплощенные в его мыслях факты.

Ты читал в писаниях,– продолжал учитель,– что Бог последовательно заключил человеческую душу в трех телах: идеальном, или причинном, в тонком, или астральном седалище умственной и эмоциональной природы, и наконец, в грубом, или материальном теле. На Земле человек вооружен своими физическими чувствами. Астральная же личность действует через сознание, чувства и тело, состоящее из жизнетронов[369]. Существо, имеющее лишь причинное тело, остается в блаженном мире идей. Моя же работа идет с теми астральными подвижниками, которые готовятся впервые или вновь вступить в причинный мир.

Обожаемый учитель, пожалуйста, расскажите мне еще об астральном космосе",– взмолился я. Хотя я немного ослабил свои объятья, как того просил Шри Юктешвар, мои руки продолжали держаться за него. Бесценное сокровище, мой гуру, который, презирая смерть, пришел навестить меня!

Существует много астральных миров, населенных астральными обитателями,– начал Шри Юктешвар.– Эти существа пользуются особыми астральными проводниками, или массами света, чтобы перемещаться с одной планеты на другую со скоростью, превышающей радио и электричество.

Астральная вселенная, состоящая из тонких световых и цветовых вибраций, в сотни раз обширнее материального космоса. Все физическое творение как бы висит подобно небольшой плотной корзине под гигантским сверкающим воздушным шаром астральной сферы. Как множество материальных солнц и звезд, странствующих в пространстве, точно так же существуют бесчисленные астральные солнечные и звездные системы. Астральные солнца и луны красивее физических. Астральные светила напоминают северное сияние, причем солнечное сияние в астральном мире более ослепительно, чем умеренно блестящее сияние луны. Астральные день и ночь более продолжительны, чем земные.

Астральная вселенная бесконечно прекраснее, яснее, чище, она более упорядочена. В ней нет мертвых планет или бесплодных земель. Там отсутствуют такие земные недостатки,

---

кармы. Тем не менее, у него остается еще некоторая астральная и причинная карма, которую надо изжить. Поэтому ему приходится перевоплощаться в астральном, а затем, и в причинном теле в сферах с более высокими вибрациями.

368 [2]. Ибо большинство людей, наслаждаясь красотою астрального мира, не видят необходимости в упорных духовных усилиях.

369 [3]. Шри Юктешвар пользовался словом *«прана»* , а я перевел это слово термином «жизнетроны». Индийские писания упоминают не только об *«ану»* , или атоме, и *«параману»* или элементарных частицах следующих «за атомом», т. е. тонких электронных энергиях, но также и о *«пране»* , или жизненной творческой силе. Атомы и электроны суть слепые силы, тогда как пране присущ внутренний разум. Так, например, практические жизнетроны в сперматозоидах и яйцеклетках направляют развитие зародыша в соответствии с кармическим планом.

как сорняки, вредные бактерии, вредные насекомые, змеи и т.п. В противоположность сменам климата и времен года, происходящим на Земле, астральная сфера сохраняет одну и ту же температуру вечной весны; там иногда идет сверкающий снег, а иногда дождь из разноцветных огней. В астральном мире есть множество опаловых озер, блистающих морей и радужных рек.

Обычная астральная вселенная – но не более тонкое астральное небо Хираньялоки – населена миллионами астральных существ, которые более или менее недавно перешли сюда с Земли. Там живут также мириады фей, наяд, рыб, зверей, домовых, гномов, полубогов и духов, причем все они обитают на различных астральных планетах в соответствии со своими кармическими особенностями. Различные части этой сферы, или вибрационные районы, предназначены для добрых и злых духов. Добрые могут передвигаться свободно, а злые ограничены определенными зонами. Так же, как люди живут на поверхности земли, черви – в почве, рыбы – в воде, а птицы – в воздухе, астральные существа различных степеней развития должны обитать в соответствующих вибрационных условиях.

Среди падших ангелов тьмы, изгнанных из различных астральных миров, идут раздоры и войны. В войне они пользуются жизнетронными бомбами или созданными разумом мантрическими[[370]] вибрационными лучами. Эти изгнанники обитают в мрачных и бесплодных областях низшего астрального космоса, отрабатывая там свою дурную карму.

А в обширных областях, расположенных над темной астральной тюрьмой, все прекрасно, все сверкает. Астральный космос более созвучен божественной воле и плану совершенствования. Каждый астральный объект проявляется прежде всего силой Божественной воли и частично призывом воли астрального существа. Эти последние обладают способностью изменять или улучшать красоту и форму того, что уже создано Господом. Он дал своим астральным детям свободу и привилегию изменять и улучшать по своему желанию астральный космос. На Земле плотные предметы можно преобразовать в жидкие или иные формы при помощи природных или искусственных химических процессов, а «плотные предметы» астрального мира превращаются в астральные жидкости, газ или атомную энергию целиком и полностью под действием воли обитателей этого мира.

Земля погружена во тьму; она полна столкновений и убийств на море, на суше и в воздухе,– продолжал гуру,– а астральные миры знают счастливую гармонию и равновесие. Астральные существа произвольно материализуют и дематериализуют свои формы. Цветы, рыбы и звери могут на некоторое время превратиться в астрального человека. Все остальные существа имеют возможность принимать любую форму; они в состоянии легко общаться друг с другом. Их не ограничивает никакой определенный естественный закон. Так, например, любое астральное дерево можно успешно заставить произвести плод манго, или цветок, или какой-нибудь совершенно другой объект. Все вибрирует в творческом свете Бога.

Там нет рожденных женщинами. Астральные существа силою своей, созвучной с космосом воли производят на свет потомство по особым образцам астральных форм. Лицо, недавно лишившееся тела на физическом плане, является на астральный план, в астральную семью «по приглашению», т. е. в силу притяжения сходных душевных и духовных тенденций.

Астральное тело не подвержено действию холода, тепла или иных природных условий. Его анатомия включает астральный мозг, или всеведущий лотос света с тысячью лепестками, а также шесть пробужденных центров в *сушумне* , или астральная спинномозговая ось. Сердце, поглощая свет и космическую энергию из мозга, распределяет их по астральным нервам и клеткам тела. Астральные существа способны производить перемены в своих

---

370 [4]. От слова *«мантра»* , особый напевный звук, или семя действия, как бы вылетевший из умственного ружья при сосредоточении. *Пураны* (древние *шастры* , или трактаты) описывают мантрические войны между *девами* и *асурами* (богами и демонами). Однажды *асура* пытался убить *дева* могущественной мантрой. Но из-за неправильного произношения ментальная бомба подействовала, как бумеранг, убив самого демона.

формах при помощи жизнетронной силы или же действием священных мантрических вибраций.

В большинстве случаев астральное тело представляет собою точную копию последней физической формы. Лицо и фигура астральной личности напоминают ее лицо и фигуру в молодые годы прошлого воплощения. Иногда некоторые люди, как и я, например, предпочитают сохранять облик своей старости",– учитель, излучавший подлинный дух юности, весело усмехнулся.

В отличие от пространственного физического мира, ограниченного тремя измерениями и познаваемого лишь пятью чувствами, астральные сферы постигаются лишь всеохватывающим шестым чувством или интуицией,– продолжал Шри Юктешвар.– Все астральные личности, видят, слышат, обоняют, ощущают и определяют вкус при помощи непосредственного интуитивного чувствования. У них имеется три глаза, причем два из них частично закрыты. Третий и главный астральный глаз, расположенный в центре лба, открыт. Астральные люди обладают и всеми внешними органами чувств: глазами, ушами, носом, языком и кожей, однако они пользуются интуитивным чувством для получения ощущений при помощи любой части тела. Они могут слышать глазами или языком, определять вкус ушами, кожей и т. п.[[371]]

Физическое тело человека подвержено бесчисленным опасностям, его легко повредить или расстроить. Эфирно-астральное тело тоже иногда может быть порезано или повреждено, но оно сейчас же исцеляется простым усилием воли.

– Гурудев, все ли астральные личности красивы?

– В астральном мире красота считается духовным качеством, а не внешним зрелищем,– ответил Шри Юктешвар.– Поэтому астральные существа считаю неважными черты лица. Все же они обладают привилегией облекать себя по желанию в новые многоцветные тела из астральной материи. Так же, как и мирские люди надевают новые одежды для праздников, так и астральные личности всегда находят поводы для украшения себя специально приготовленными формами.

На астральных планетах высших планов, подобных Хараньялоке, происходят радостные празднества, когда одно из существ освобождается от астрального мира. Это возможно благодаря духовному продвижению, вследствие которого существо становится готовым вступить на небеса или в причинный мир. В таких случаях Невидимый Отец Небесный и святые, погрузившиеся в Его бытие, проявляются в прекрасных астральных телах и присоединяются к празднеству. Чтобы доставить удовольствие своим возлюбленным детям, Господь принимает желаемые ими формы. Если подвижник поклоняется божеству с преданностью и благоговением, он видит Бога в Образе Божественной Матери. Для Иисуса аспект Отца был ближе других концепций. Индивидуальность, которой Творец одарил каждое из Своих творений, предъявляет всяческие требования к многообразию Господа! Некоторые из этих требований возможно постичь, другие – нет". Мы с гуру счастливо рассмеялись.

Друзья по прошлым жизням легко узнают друг друга на астральной планете,– продолжал Шри Юктешвар своим прекрасным звучным голосом, напоминавшим звук флейты.– Радуясь тому, что дружба бессмертна, они понимают неразрушимость любви, которая часто подвергается сомнению во время печали, заблуждений и расставаний земной жизни.

При помощи интуиции астральные существа проникают сквозь завесу и наблюдают за деятельностью людей; но человек не в состоянии видеть астральные сферы, если у него не развито шестое чувство. Однако тысячи обитателей Земли имели моменты проблесков

371 [5]. Даже на Земле нет недостатка в примерах этих способностей. Таковы Элен Келлер и другие люди с редкими дарованиями.

астрального мира или восприятия его обитателей[372].

Населяющие Хираньялока существа обычно пребывают в состоянии бодрствования в экстазе *нирбакальпа* . Такое переживание длится в течение долгих астральных дня и ночи. Оно способствует разрешению труднейших проблем управления космосом и искуплению блудных сынов, душ, рожденных на Земле. Когда Хираньялока погружается в сон, у ее обитателей имеют место случайные переживания и астральные видения, напоминающие сон.

Обитатели всех частей Хираньялоки все же подвержены ментальным страданиям. Чувствительные умы высоких подвижников на планах, подобных Хираньялоке, ощущают острую боль при чьей-нибудь ошибке в поведении или в восприятии истины. Эти высокие существа стремятся согласовать каждую мысль и каждое действие с совершенством духовного закона.

Все сношения обитателей астрального мира друг с другом осуществляются целиком при помощи передачи мысли и астрального телевидения. В астральных сферах неизвестны случаи непонимания смысла или противоречия между произнесенными и написанными словами, тогда как на Земле это происходит сплошь и рядом.

Подобно тому, как люди на экране кино, благодаря целой серии созданных светом картин, двигаются и действуют, но в действительности не дышат, так и астральные личности двигаются и работают как разумные существа, состоящие из света; но для оживотворения их тел не требуется кислород. Человеческая жизнь находится в зависимости от твердых тел, газов, жидкостей и жизненной энергии воздуха. А обитатели астрального мира поддерживают свое существование в основном космическим светом".

– Учитель, а едят что-либо астральные существа? – Я впивал его чудесные разъяснения, воспринимая их всем моим существом, всеми способностями: умом, сердцем, и всей душою. Сверхсознательные восприятия вечно реальны и неизменны, тогда как летучие впечатления внешних чувств всегда бывают истинны лишь временно и относительно. Воспоминания человека о них скоро теряют живость. Слова моего гуру так глубоко врезались в самое мое существо, что в любое время, перенося свой разум в сверхсознательное состояние, я мог ясно пережить его божественный опыт.

На астральных почвах произрастают сверкающие лучеобразные овощи,– отвечал гуру.– Обитатели астрального мира поглощают фрукты и овощи, пьют нектар, истекающий из великолепных фонтанов света, а также находящийся в астральных ручьях и реках. Так же, как обычно недоступные зрению образы людей на земле можно вызвать из эфира, сделать видимыми при помощи телевизионного устройства и послать их дальше в пространство, так и сотворенные Богом невидимые астральные прототипы овощей, растений и фруктов, парящие в эфире, привлекаются на астральную планету волей ее обитателей. Точно таким же образом самые дикие фантазии астральных существ материализируются в астральные сады, которые позднее возвращаются в состояние астральной невидимости.

Хотя обитатели небесных сфер, подобных Хираньялоке, почти свободны от употребления еды, есть еще более высокое существование. Это безусловное бытие близких к совершенству личностей в причинном мире. Единственной их пищей является манна блаженства.

Астральная личность встречается с целой толпой родственников: отцов, матерей, жен, мужей, детей и друзей, приобретенных во время различных земных воплощениях[373]. Они

---

372 [6]. На земле дети с чистым разумом иногда могут видеть изящные астральные тела фей. При помощи наркотических средств или опьяняющих напитков, употребление которых запрещают все писания, человек бывает в состоянии дать своему сознанию такую встряску, что его восприятию откроются отталкивающие формы низших слоев астрального мира.

373 [7]. Однажды Владыке Будде задали вопрос: «Почему человек должен одинаково любить все существа?» – "Потому,– отвечал великий учитель,– что во многочисленных и разнообразных промежутках земных жизней каждого человека любое другое существо (в разное время и в разнообразных формах – в животных или человеческих) было ему дорого.

время от времени появляются в различных частях астрального космоса. Поэтому астральный человек не в состоянии решить, кого он должен любить больше. Таким путем он учится дарить равную и божественную любовь всем существам, рассматривая их как детей и индивидуализированных проявлений Бога.

Хотя внешний вид любимых существ может измениться в той или иной степени в соответствии с развитием новых качеств их последней жизни, обитатель астрального мира пользуется своей безошибочной интуицией, чтобы узнать тех, кто были на других планетах существования близки его сердцу. И он приветствует их в новой астральной обители. Поскольку в процессе творения каждый атом одарен неугасимой индивидуальностью[374], астральный друг будет признан своими близкими, какой бы внешний вид он ни принял. Точно так же, как на земле при тщательном наблюдении узнают личность актера, в какую бы одежду он ни облекся.

Нормальная длительность жизни в астральных сферах значительно больше, чем на земле. Личность обитает там в течение некоторого периода, обусловленного тяжестью ее материальной кармы, которая притягивает ее обратно в земные сферы; такое вторичное появление на Земле совершается через определенный промежуток времени. Некоторые существа возвращаются на Землю сейчас же после физической смерти. Обыкновенно это происходит потому, что у них имеется сильное желание туда вернуться. А для достаточно продвинутой личности средний срок пребывания в астральной сфере колеблется от пятисот до тысячи лет (в земных измерениях). Подобно тому, как секвойя переживает другие деревья на целые тысячелетия или многие йогины живут по несколько сот лет, в то время как большинство людей умирает до шестидесяти, так и исключительные личности живут в астральной сфере до двух тысяч лет.

Астральное существо не должно болезненно бороться со смертью во время сбрасывания своего лучезарного тела. Тем не менее, многих из существ охватывает слабое беспокойство при мысли о необходимости покинуть свою астральную форму для перехода в более тонкую, причинную. Астральный мир свободен от насильственных смертей, болезней и старости. Эти три ужасных явления суть проклятия земного существования, где человек позволил своему сознанию почти полностью отождествить себя с хрупким физическим телом, которое и существует-то на свете лишь благодаря постоянной поддержке пищи, воздуха и сна.

Физическая смерть проявляется благодаря исчезновению дыхания и разложения клеток тела. Астральная смерть заключается в рассеивании жизнетронов, этих проявленных единиц космической энергии, которые оставляют телесную форму астральных существ. После физической смерти человек теряет сознание тела и осознает свое тонкое тело в астральном мире. Переживая затем в соответствующее время астральную смерть, человек, переходит от сознания астрального рождения и смерти к сознанию физического рождения и смерти. Эти повторные циклы, заключенные в астральной и физической оболочках, являются неизбежной участью всех существ, не достигших просветления. Описание рая и ада в писаниях иногда смутно волнуют глубочайшие слои человеческой памяти, которые находятся еще глубже подсознания. Они напоминают ему о долгих циклах переживаний в блаженном астральном и полном разочарований земном мирах".

– Любимый учитель,– спросил я,– пожалуйста, опишите детальнее разницу между повторными рождениями на Земле и в астральной сфере.

– Человек, как индивидуальность, в сущности своей имеет причинное тело,– объяснил гуру,– которое представляет собою как бы матрицу тридцати пяти *идей* , необходимых Богу в качестве основы причинных мыслительных сил, из которых Он впоследствии создал

374 [8]. Восемь элементарных качеств, присутствующих во всей сотворенной жизни, от атома до человека, суть: земля, вода, огонь, воздух, эфир, чувства (*манас*), разум (*будхи*), индивидуальность или эго (*ахамкара*). (Бхагавадгита VII:4).

тонкое астральное тело из девятнадцати элементов и грубое физическое тело из шестнадцати элементов.

Девятнадцать элементов астрального тела существуют в сферах ума, эмоциональной и жизнетворной. Эти девятнадцать составных частей суть: интеллект, сознание "я", ощущения, ум, как инструменты *знания* ; пять инструментов *действия* , или тонкие подобия способностей к действию, а именно: воспроизведение потомства, выделение, речь, ходьба и работа руками; пять орудий *жизненной энергии* , одаренные силой отправления: кристаллизационные, ассимиляционные, выделительные, обменные и циркуляторные функции тела. Эта тонкая астральная оболочка из девятнадцати элементов переживает смерть физического тела, состоящего из шестнадцати грубых космических элементов.

В тридцати пяти мысленных категориях причинного тела Бог разработал все комплексы девятнадцати астральных и шестнадцати физических подобий. Сгустив вибрационные силы, сначала тонкие, затем и плотные, Он создал астральное тело человека и наконец физическую его форму. Согласно закону относительности, в силу которого Первичная Простота стала запутанным множеством, причинный космос и причинное тело отличаются от астрального космоса и астрального тела. Подобным же образом физический космос и физическое тело имеют характерные отличия от других форм творения.

Бог продумывает внутри Себя различные идеи и проектирует их в сны. Таким образом появляется владычица Космического Сна, украшенная бесконечным узором относительности.

Физическое тело составлено из устойчивых объективизированных снов Творца. На земле вечно присутствуют противоположность: болезнь и здоровье, страдание и удовольствие, потеря и приобретение. Человеческие существа находят в трехмерной материи свои ограничения, сопротивление своим желаниям и деятельности. Когда присущее человеку желание жить жестоко потрясено болезнью или другим причинами, наступает смерть, и тяжелое одеяние из плоти временно сбрасывается. Однако душа остается облеченной в астральное и причинное тело[375]. Сила сцепления, при помощи которой все эти три тела удерживаются вместе, есть желание. Стимулирующая сила неутоленных желаний есть основа рабства всего человечества.

Физические желания коренятся в эгоизме и чувственных удовольствиях. Принуждение или искушение со стороны чувственных переживаний более могущественны, чем силы желаний, соединенных с астральными привязанностями или причинными восприятиями.

Астральные желания сосредоточены вокруг наслаждений особыми видами вибрации. Астральные существа наслаждаются эфирной музыкой сфер; их глубоко захватывает вид всего творения, выраженного в неистовых формах изменяющегося света. Таким образом, астральные желания имеют связь со способностью астрального существа воспринимать все предметы и переживания, как формы света, или как сгустившиеся мысли, или сны.

Причинные желания осуществляются лишь в восприятии. Почти достигшие освобождения существа, заключенные только в причинное тело, воспринимают всю вселенную в виде реализации слов – Идей Бога; они могут материализовать все, что угодно, в чистой мысли. Поэтому причинные существа считают наслаждения физическими ощущениями или астральные восторги грубыми, удушающими тонкую чувствительность души. Они изживают свои желания при помощи их немедленной материализации[376]. Индивидуальность, прикрытая только тонкой оболочкой причинного тела, может создать проявления целых вселенных, как это делает Творец. Поскольку все творение состоит из ткани космического сна, душа, одетая в тончайший причинный покров, обладает гигантской

375 [9]. «Тело» здесь означает любую оболочку души, плотную или тонкую. Все три тела суть клетки, в которых заключена Райская Птица.

376 [10]. Так же, как Бабаджи помог Лахири Махасайа избавиться от подсознательного желания, остававшегося из прошлой жизни (см. главу 34).

силой постижения.

Душа по своей природе невидима; ее можно различить только по присутствию одного или нескольких ее тел. Самое наличие тела указывает на то, что его существование вызвано неудовлетворенными желаниями[377].

До тех пор, пока человеческая душа облечена в одну, две или три телесные оболочки, крепко запечатанные корою познания и желаний, она не в состоянии погрузиться в Океан Духа. Когда же плотное физическое вместилище разрушено молотом смерти, два другие покрова – астральный и причинный – все еще препятствуют душе сознательно соединиться с Вездесущим Светом. Когда же, при помощи мудрости достигнута свобода от желаний, ее сила разрушает два оставшихся сосуда. Тогда, наконец, крошечная душа человека погружается в Беспредельность; она становится единой с Безмерным Колебанием.

Я попросил своего божественного гуру пролить дальнейший свет на высший и таинственный причинный мир.

– Причинный мир неописуемо тонок,– ответил он.– Чтобы понять его, нужно обладать такими колоссальными способностями сосредоточения, чтобы, закрыв глаза, явственно представить астральный и физический миры во всей их необъятности – сверкающий шар с плотным ядром внутри – как существующим лишь идеально. Если таким сверхчеловеческим сосредоточением человеку удастся добиться обратного представления об этих двух космосах со всеми их сложностями, как о чистых идеях – тогда он достигнет причинного мира и утвердится на пограничной линии, где происходит растворение материи и мысли. Там он постигает все сотворенные предметы – твердые тела, жидкости, газы, электрическую и все другие виды энергии, все существа, людей, животных, растения, бактерии, божественные существа – как формы сознания. Совершенно так же человек, закрыв глаза, понимает, что он существует даже и тогда, когда его тело невидимо для физических глаз, когда оно наличествует только как идея.

Все то, что человеческое существо может совершать в воображении, существо причинного мира может осуществить реально. Самый колоссальный человеческий интеллект с огромной силой воображения в состоянии переходить – только в уме – от одной мысленной крайности к другой, переноситься мысленно с планеты на планету, бесконечно странствовать в недрах Беспредельности, парить, подобно ракете, над завесой галактики, сверкать, как луч фонаря, над туманностями и звездными пространствами. Но существа причинного мира обладают значительно большей свободой; они могут без усилий немедленно проявить свои мысли в объективности без каких бы то ни было материальных или астральных препятствий, без кармических ограничений.

Существа причинного мира понимают, что физический космос не является по преимуществу соединением электронов, как и астральный космос не есть, прежде всего, сочетание жизнетронов. Оба эти космоса в действительности созданы из мельчайших частиц Божественной мысли, раздробленных и разъединенных *майей* , законом относительности, который очевидно, вмешивается в жизнь с тем, чтобы отделить творение от Творца

Души причинного мира узнают друг друга как индивидуализированные точки движущего Духа; их мыслеформы являются единственными окружающими их объектами. Существа причинного мира видят, что различие между телами и мыслями есть просто различия между идеями. Как человек, закрыв глаза, в состоянии видеть ослепительный белый свет или слабый синеватый туман, так и обитатели причинного мира могут видеть, слышать, обонять, осязать и вкушать только силой мысли; они создают или разрушают все, что угодно, силой космического разума.

Как жизнь, так и смерть в причинном мире совершаются в мысли. Существа с

377 [11]. «Он же сказал им: где труп, там соберутся и орлы» (Лука, 17. 3). Там, где душа заключена в физическом, астральном или причинном теле, там существуют и «орлы» желаний, питающиеся слабостями человеческих чувств или астральными и причинными привязанностями; они собираются, чтобы удержать душу в заточении.

причинными телами вкушают только амброзию вечно нового знания. Они пьют из источников мира, блуждающих по неизведанной почве постижения, плавают в океанической бесконечности блаженства. Их сверкающие мысленные тела проносятся мимо триллионов созданных духом планет, этих свежих мыльных пузырей вселенной, мимо звезд мудрости, призрачных грёз золотых туманностей – в небесных недрах Беспредельности.

Многие существа остаются в причинном космосе целые тысячелетия. В более глубоких экстазах освобожденная душа отделяется и от нашего причинного тела и облекается в необъятный простор причинного космоса. Все отдельные русла идей, отдельные волны энергии, любви, воли, радости и сосредоточения растворяются в вечно-радостном море Блаженства. Душа более не должна переживать свое счастье как индивидуализированная волна сознания: она погружается в Единый Космический Океан, все волны которого являют собой вечное ликование, восторг, биение радости.

Когда душа вышла из кокона трех тел, она навсегда ускользает из-под власти закона относительности, она становится неизреченным Вечно Сущим[[378]]. И вот перед нами бабочка Вездесущего Бытия, крылья которой украшены лунами, звездами и солнцами! Душа, расширившаяся до Духа, пребывает уединенно в области, где светит свет без света, где существует тьма без тьмы, а мысль – без мысли; она опьянена экстазом радости в божественных грезах космического творчества!

– Свободная душа! -воскликнул я в благоговении.

– И когда душа наконец выходит за пределы трех оболочек телесных заблуждений,– продолжал учитель,– она становится единой с Беспредельностью без какой бы то ни было утраты своей индивидуальности. Христос достиг этой конечной свободы даже до того, как родился в виде Иисуса. В трех стадиях своего прошлого, выраженных символически тремя днями его переживания смерти и Воскресения, Он достиг полной силы для того, чтобы воскреснуть в духе.

Недостаточно развитый человек должен пройти бесчисленные земные, астральные и причинные воплощения, чтобы освободиться от своих трех тел. Учитель, достигший этой конечной свободы, может избрать путь возвращения на Землю в виде пророка, дабы привести к Богу других людей; или, как сделал я, он может избрать пребывание в астральном космосе. Там спаситель берет на себя часть бремени кармы обитателей его нового мира, помогая им таким путем закончить цикл воплощений в астральном мире и перейти к постоянному существованию в сфере причинного космоса[[379]]. Или же такая освобожденная душа может вступить в причинный мир, чтобы помочь его обитателям сократить свое пребывание в причинном теле и тем самым достичь Абсолютной Свободы.

– О, воскресший, я хочу еще услышать о карме, которая вынуждает людей вернуться в три мира!

Я думаю, что мог бы без конца слушать моего всезнающего учителя. Никогда во время его жизни на Земле не был я так способен усвоить столь много из его мудрости за один раз. Теперь же я впервые получал ясное, определенное прозрение в загадочный промежуток на шахматной доске космоса между жизнью и смертью.

– Физическая карма человеческих желаний должна быть полностью изжита, пока станет возможным его постоянное пребывание в астральных сферах,– разъяснил мне учитель своим волнующим голосом.– В астральных сферах живет два рода существ. Это, прежде

---

378 [12]. «Побеждающего сделаю столпом во Храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон», (т. е. не воплотится еще раз)... «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел со Отцем Моим на престоле Его» (Откровение, 3, 12, 21).

379 [13]. Шри Юктешвар имел в виду то обстоятельство, что даже в своем земном воплощении он иногда брал на себя бремя болезни, чтобы облегчить карму своих учеников. Так что в астральном мире его миссия спасителя давала ему возможность возлагать на себя некоторую часть астральной кармы обитателей Хираньялоки, ускоряя, таким образом, их эволюцию и переход в высший причинный мир.

всего, те, кто все еще не избавились от земной кармы и потому должны вновь облечься в плотные физические тела, чтобы погасить свои кармические долги. Их можно, после их физической смерти, назвать скорее временными посетителями астрального мира, нежели его постоянными обитателями.

Существам с неискупленной земной кармой не разрешается после смерти в астральной сфере перейти в высшие сферы причинного мира, в обитель космических идей. Они должны будут перемещаться только между физическими и астральными мирами, обладая последовательно сознанием своего грубого физического тела из шестнадцати грубых элементов и сознанием астрального тела из девятнадцати тонких элементов. Но после каждой утраты своего физического тела недостаточно развитое существо с Земли большую часть своего пребывания в астральном плане проводит в глубоком оцепенении, как бы в глубочайшем сне, почти не осознавая красоты астральной жизни. После отдыха в астральном мире такой человек вернется на материальный план для дальнейших уроков; благодаря повторным пребываниям в астральных сферах он постепенно привыкнет к их тонким особенностям.

С другой стороны, существа, навсегда освободившиеся от всяких материальных желаний, являются постоянными обитателями астральной сферы или живут там долгое время. Они не нуждаются в повторном возвращении к грубым вибрациям Земли. Такие существа имеют неизжитой только астральную или причинную карму. После астральной смерти они переходят в более прекрасный и тонкий причинный мир. Изжив мыслеформы причинного тела в конце определенного порога, предрешенного космическим законом, эти высоко продвинутые существа возвращаются затем на Хираньялоку или на аналогичную высшую астральную планету, повторно родившись в новом астральном теле для погашения своей неискупленной астральной кармы.

Сын мой, теперь ты можешь более полно уяснить себе, что я воскрес по божественному повелению,– продолжал Шри Юктешвар,– как спаситель душ, перевоплощающихся на астральном плане и возвращающихся туда из причинной сферы, а не тех астральных существ, которые поднимаются в эту сферу с Земли. Последние, все еще оставаясь в оковах материальной кармы, не поднимаются на высшие астральные планеты, подобные Хираньялоке.

Подобно тому, как большинство людей на Земле не выучиваются приобретенному медитацией прозрению и не в состоянии оценить высшие радости и преимущества астральной жизни и потому желают возвратиться к ограниченным, несовершенным удовольствиям Земли, так и многие астральные существа в момент распада своих астральных тел оказываются неспособными представить себе более высокое состояние духовной радости причинного мира, и, пребывая мысленно в более грубом и мишурном астральном счастье, жаждут вновь обрести свой потерянный астральный рай. Такие существа должны искупить свою тяжкую, астральную карму, прежде чем они смогут достичь после астральной смерти постоянной обители в причинно мысленном мире, отделенном от Творца лишь тончайшей завесой.

И лишь тогда, когда существо более не имеет желаний вновь испытать радующие глаз переживания астрального космоса, когда оно не может поддаться искушениям вернуться туда еще раз, тогда только остается оно в причинном мире. Завершив здесь труд искупления всей причинной кармы, или семян прошлых желании, утонченная душа сбрасывает прочь остатки тройной коры неведенья и, освободившись от последних оков причинного тела, сливается с Вечным.

– Понимаешь ли ты все это теперь,– улыбнулся учитель своей чарующей улыбкой.

– Да, я понимаю все, благодаря вашей милости! Я не могу словами выразить свою радость и благодарность.

Никогда дотоле не получал я такого вдохновляющего знания от какой-либо песни или истории. Хотя в индийских писаниях и упоминается астральный и причинный миры и три

человеческих тела, какими далекими к лишенными смысла казались мне эти их страницы в сравнении с горячей достоверностью моего воскресшего учителя! По истине, для него не существовало ни одной «неведомой страны», из которой «не возвращался ни один странник!»

Взаимопроникновение трех тел человека выражается многими способами,– продолжал мой высокий гуру,– благодаря его тройной природе. В бодрствующем состоянии на Земле, человек более или менее осознает свои три проводника. Когда он интенсивно погружается в ощущения вкуса, запаха, прикосновения, слуха или зрения, он работает главным образом в своем физическом теле. Представляя себе нечто или желая чего-нибудь, он действует главным образом в астральном теле. Его причинный проводник находит выражение тогда, когда он размышляет, погружается в глубокую интроспекцию или медитацию. Космические мысли, свойственные гению, приходят в голову человеку, который привык входить в соприкосновение со своим причинным телом. В таком понимании можно охарактеризовать человека как «материального», «энергетического» и «интеллектуального».

Около шестнадцати часов в день человек отождествляет себя со своим физическим аппаратом. Затем он спит. Если он видит сон, он остается в астральном теле, без усилий создавая любой объект совершенно так же, как это делает астральное существо. Если сон человека глубок и свободен от сновидений, он способен на несколько часов переносить свое сознание, или чувство "я", в причинное тело. Такой сон производит оживотворяющее действие. Тот, кто видит сны, соприкасается с астральным, а не с причинным телом; и его сон не дает полного восстановления сил.

Я с любовью смотрел на Шри Юктешвара, когда он давал эти чудесные разъяснения.

– Ангельский гуру,– сказал я,– ваше тело выглядит совершенно таким же, каким я видел его в последний раз, оплакивая в ашраме Пури.

– Да, мое новое тело – это точная копия старого. Я материализую или дематериализую эту форму в любое время по своему усмотрению, гораздо чаще, чем я делал это на Земле. При помощи быстрой дематериализации я переношусь со скоростью света с одной планеты на другую или из астрального космоса – в физический или причинный.– Здесь божественный гуру улыбнулся.– Хотя ты так быстро двигаешься с места на место все эти дни, я все же без труда нашел тебя в Бомбее.

– О, учитель, я так глубоко горевал о вашей смерти!

– Ах, да разве я умер? Разве здесь нет какого-то противоречия? – Глаза Шри Юктешвара сверкали весельем и любовью.

– Ведь ты находился на Земле только во сне; и на этой Земле ты видел мое тело, как образ сна,– продолжал он,– а впоследствии ты зарыл этот созданный сном образ в землю. Теперь мое более тонкое физическое тело, которое ты видишь, а сейчас даже сжимаешь с достаточной силой! – воскресло на другой, более тонкой планете – грезе Бога. Когда-то наступит время, и это более тонкое тело, как и более тонкая планета – греза, тоже исчезнет, ибо и оно не вечно. Все сны должны в конце концов лопнуть, как мыльные пузыри, сын мой Йогананда. Различай же между снами и реальностью!

Эта ведантическая идея[380] глубоко поразила меня. Мне стало стыдно за то, что я жалел об учителе, увидев в Пури его безжизненное тело. Я понял наконец, что мой гуру всегда обладал полным сознанием Божественного, всегда постигал, что его жизнь и смерть на Земле, равно как и нынешнее воскресение, были ничем иным, как относительными божественными идеями в космическом сне.

– Так, я раскрыл ныне тебе Йогананда, истины моей жизни, смерти и воскресения. Не печалься обо мне; лучше распространяй повсюду весть о том, как я воскрес, и как я перехожу

380 [14]. Жизнь и смерть суть лишь относительные аспекты мысли. *Веданта* устанавливает, что единственная Реальность – это Божественное; всесотворенное, обладающее раздельным существованием, есть *майя* , иллюзия. Такая философия монизма получила свое наивысшее выражение в комментариях Шанкары к *Упанишадам* .

из области одной божественной грезы Земли, в область другой божественной грезы, планеты душ, облеченных в астральную материю. И тогда в сердце обезумевших от скорби, страха и смерти людей, живущих в этом мире снов, прольется новая надежда!

– Да учитель! – радостно воскликнул я, думая о том, как охотно я поделюсь со всеми прочими людьми моей радостью по поводу его воскресения!

– На земле мои требования были чересчур высоки и не подходили к природе большинства людей. Часто я бранил тебя больше, чем следовало бы. Ты выдержал мое испытание, и твоя любовь сияла сквозь облака всех порицаний.– Он прибавил с нежностью.– Сегодня я пришел также, чтобы сказать тебе: никогда более ты не увидишь моего строгого наблюдающего за тобой взора, никогда более не буду я бранить тебя!

Как недоставало мне выговоров моего великого гуру! Ибо каждый из них оказывался моим ангелом-хранителем!

– Дорогой мой учитель! Браните меня миллион раз – и, пожалуйста, начните это сейчас же!

– Нет, больше я никогда не буду бранить тебя,– раздался серьезный голос гуру, в котором, однако, чувствовалась скрытая веселость.

– Мы с тобою будем улыбаться друг другу, пока две наши формы кажутся различными во сне божественной Майи. В конце концов мы погрузимся, как одно целое, в недра Космического Возлюбленного, и наши улыбки станут Его улыбками, наша совместная песнь радости, звенящая через всю вечность, станет слышной всем душам, настроенным в унисон с Божественным!

Шри Юктешвар пролил свет на некоторые вещи, секрет которых я не могу здесь раскрыть. За те два часа, которые он провел со мной в комнате бомбейского отеля, он ответил на все мои вопросы. Множество предсказаний, сделанных им в тот июньский день 1936 года, уже сбылись.

– Теперь я оставляю тебя, мой любимый! – И при этих словах я ощутил, что тело учителя растаяло в моих объятиях.

– Дитя мое,– зазвучал его голос, проникая своими колебаниями в самую глубину моей души,– когда бы ты ни вступил в двери *нирбикальпа-самадхи* , когда бы ты ни позвал при этом меня, я всегда явлюсь тебе во плоти и крови, точно так же, как сейчас.

Произнесши это небесное обещание, Шри Юктешвар исчез из моих глаз. Далекий музыкальный голос прогремел, подобно отдаленному раскату грома: "Скажи всем! Тот, кто постигнет в *нирбикальпа* , что наша Земля – лишь сон Божественного, может прийти на планету Хираньялока, в более тонкую обитель, созданную Божественной мечтою. И там он найдет меня, воскресшего в таком же точно теле, каким, было мое земное. Йогананда, скажи всем!"

Ушла прочь печаль расставания. Сожаление, горе, вызванное его смертью, долгое беспокойство – все это совершенно улетело вместе с облаком стыда. Блаженство изливалось на меня через бесконечные фонтаны вновь открывшихся пор души. Давно закрытые из-за неупотребления, они раскрылись в чистоте, залитые потоком экстаза. Перед моим внутренним взором, подобно сменяющим друг друга кадрам кинофильма, появились мои прошлые воплощения. Хорошая и дурная карма прошлого растворилась в космическом свете, излитом на меня при божественном посещении учителя.

В этой главе своей книги, выполняя повеление моего гуру, я сообщаю радостную весть, хотя она может еще раз смутить это недоверчивое поколение. Человек твердо усвоил идею о своей ничтожности и редко бывает свободен от отчаяния; но и то, и другое суть извращения, а не его подлинная судьба. В тот день, когда он пожелает, он вступит на путь, ведущий к свободе. Слишком долго слушал он своих исполненных пессимизма наставников, твердивших ему: «прах еси!» и не обращавших внимания на его непобедимую душу.

Я был не единственным человеком, имевшим счастье видеть воскресшего гуру.

Одну из *учениц* Шри Юктешвара, пожилую женщину, все любовно называли *«Ма»*

(мать). Ее дом находился недалеко от обители Пури. Во время своих утренних прогулок учитель часто останавливался, чтобы поговорить с нею. Вечером 16 марта 1936 года Ма пришла в ашрам и попросила, чтобы ей разрешили посмотреть на гуру.

– Но ведь учитель умер еще неделю назад,– печально взглянул на нее свами Сабананда, новый глава обители Пури.

– Нет, этого не может быть! – возразила она с улыбкой.

– Уверяю вас,– и Сабананда рассказал ей подробности погребения.

– Пойдемте, я проведу вас к его могиле в сад. Ма покачала головой:

– Для него не существует могилы! Сегодня в десять часов утра он прошел, как обычно мимо моей двери. Я разговаривала с ним несколько минут у дороги. Он сказал мне, чтобы я пришла нынче утром в ашрам. И вот я здесь! Бессмертный гуру пожелал, чтобы я поняла, в каком трансцендентном теле он посетил меня сегодня!

Пораженный Сабананда, склонив перед ней колени, промолвил:

– Ма, какую тяжесть вы сняли с моего сердца! Он воскрес!

Глава 44. С Махатмой Ганди в Вардха

«Добро пожаловать в Вардха!». Этими сердечными словами и подарками в виде свертков *хаддара* (домотканой хлопчатобумажной ткани) Махадов Десай, секретарь Махатмы Ганди, приветствовал мисс Блетч, мистера Райта и меня. Наша небольшая группа, только что прибывшая на станцию Вардха ранним августовским утром, была рада избавиться от пыли и духоты вагона.

Отправив багаж на запряженной быками повозке, мы с мистером Десаем и его спутниками Бабаса-Хебом Дешмукхом и доктором Пингейлом сели в открытую автомашину. Проехав немного по грязным деревенским дорогам, мы прибыли в «Маханвади», ашрам святого политика Индии.

Мистер Десай сейчас же провел нас в рабочий кабинет, где, скрестив ноги, сидел Махатма Ганди. В одной руке он держал перо, в другой – листок бумаги. На его лице играла широкая, сердечная, полная тепла улыбка.

«Привет!» – написал он на хинди. Был понедельник, его еженедельный «день молчания».

Хотя мы виделись впервые, мы глядели друг на друга с любовью. В 1925 году Махатма Ганди почтил своим посещением школу Ранчи и оставил в книге для гостей сердечный отзыв.

Маленький святой, весивший лишь сто фунтов, излучал физическое, душевное и духовное здоровье. Его ласковые карие глаза сверкали умом, искренностью и пониманием. Этот государственный деятель состязался остроумием и выходил победителем в тысяче юридических, социальных и политических сражениях.

Ни один другой мировой вождь не достиг такого прочного места в сердце своего народа, какое занимает Ганди в сердцах миллионов неграмотных индийцев. Их непосредственное уважение выражено в его знаменитом титуле «махатма», что означает «великая душа»[381]. Только ради них Ганди ограничил себя столь широко известной по фотографиям и рисункам набедренной повязкой. Это – символ его единства с угнетенными массами, которые не в состоянии позволить себе ничего большего.

«Все обитатели ашрама целиком в вашем распоряжении, пожалуйста, обращайтесь к ним при любой надобности». С характерной вежливостью Махатма вручил мне эту наскоро написанную записку, когда мистер Десай повел нашу компанию из кабинета в помещение для гостей.

---

381 [1]. Его полное имя Мохандас Карамчанд Ганди. Он никогда не называл себя Махатма.

Наш вожатый провел нас через фруктовые сады и цветущие поля в небольшое строение с черепичной крышей и окнами на чердаке. На переднем плане, во дворе находился колодец, из которого, как объяснил мистер Десай, брали воду; рядом стояло вращающееся колесо для размалывания риса.

Оказалось, что в каждой из наших маленьких спален обстановка сведена к самому необходимому минимуму – к койке, сплетенной из веревок. Чисто выбеленная кухня могла похвалиться только краном в одном углу и очагом для варки пищи – в другом. Ухо ловило простые звуки этой новой Аркадии – крики ворон и воробьев, мычание коров, удары долота камнетёса.

Заметив путевой дневник мистера Райта, мистер Десай, открыл его и вписал туда обеты *Сатьяграхи* [[382]], которые брали на себя строгие последователи Махатмы, *сатьяграхини* .

«Ненасилие, истина, неприсвоение чужого, воздержание, нестяжание, физический труд, умеренность в пище, бесстрашие. Равное уважение ко всем религиям, свадеши (пользование товарами домашнего производства), отрицание неприкасаемости. Эти одиннадцать обетов необходимо соблюдать в духе смирения».

На следующий день Ганди сам подписал этот лист, поставив также и дату 27 августа 1935 года.

Я насладился тихим ланчем со святым политиком Индии в его ашраме в Вардха. Август .

Спустя два часа после нашего прибытия нас позвали к столу. Махатма уже сидел под сводом портика ашрама во дворе, прямо напротив его кабинета. Около двадцати пяти босых *сатьяграхинов* сидело на корточках перед медными тарелками и чашками. Все общество хором пропело молитву, затем началась еда. В больших медных горшках находились *чапати* (пресные хлебцы из пшеничной муки), политые *гхи* ; подали также *талсари* (вареные овощи, нарезанные кубиками) и лимонное варенье.

382 [2]. Буквальное значение этого санскритского слова "приверженность истине Сатьянграха – знаменитое движение ненасилия руководимое Ганди.

Махатма ел чапати, вареную свеклу, немного сырых овощей и апельсинов. Около его тарелки лежала большая кучка очень горьких листьев *ним* , замечательного очистителя крови. Своей ложкой он отделил часть своей порции и положил на мое блюдо. Я нескоро проглотил ее с водой. При этом мне вспомнилось детство, когда мать заставляла глотать это неприятное кушанье. Но Ганди ел пасту из *нима* понемногу, без всякого отвращения. В этом незначительном случае я заметил способность Махатмы отвлекать по желанию свой ум от органов чувств. Я припомнил, как несколько лет назад он подвергался операции по поводу аппендицита. Отказавшись от обезболивания, святой весело разговаривал во время операции со своими учениками, и его спокойная улыбка свидетельствовала о том, как мало внимания он обращает на боль.

Днем мне удалось поговорить с выдающейся ученицей Ганди Мадленой Слейд, дочерью английского адмирала, ныне называвшейся Мира Бен[383]. Энергичное, спокойное лицо зажглось энтузиазмом, когда она на безупречном хинди рассказывала мне о своей ежедневной деятельности.

«Работа по преобразованию деревни так благородна! Наша группа поставила себе задачу очистить их уборные и землянки. Крестьяне неграмотны, учить их можно только наглядными примерами. Каждое утро наша группа в пять часов утра отправляется в окрестные деревни»,– весело рассмеялась она.

С восхищением глядел я на эту высокородную англичанку: подлинно христианское смирение дало ей силы выполнять работу мусорщицы, обычно выполняемую в Индии только неприкасаемыми.

«Я приехала в Индию в 1925 году,– рассказала она мне,– в этой стране я почувствовала, что „вернулась домой“. Теперь я никогда не пожелала бы возвратиться к моей прошлой жизни и прежним интересам».

Мы немного поговорили об Америке. «Я всегда радуюсь и удивляюсь,– сказала она,– когда вижу глубокий интерес к духовным вопросам, который проявляют многие американцы, посещающие Индию».[384]

Вскоре в руках и Миры Бен оказалась *чарка* (прялка). Благодаря усилиям Махатмы *чарки* стали вездесущими в сельских районах Индии.

У Ганди были значительные экономические и культурные основания для возрождения домашних ремесел; однако он вовсе не предлагл фактическое отрицание всего современного прогресса.

Машины, поезда, автомобили, телеграф играли важную роль в его собственной гигантской жизни! Пятьдесят лет служения обществу, тюремное заключение и жизнь на свободе, ежедневная борьба со множеством практических мелочей, жестокая реальность мира политики только укрепили его уравновешенность, откровенность, здравый смысл и слегка юмористическое отношение к человеческому спектаклю.

В шесть часов мы ужинали в гостях у Бабасахаба Дешмукха. В семь часов, во время вечерней молитвы, мы опять были в ашраме Маханзади и поднялись на третий этаж, где тридцать *сатьяграханов* собрались в кружок около Ганди. Он сидел, скрестив ноги, на соломенном мате, а перед ним на небольшом возвышении лежали старинные карманные

383 [3]. Она опубликовала очень много писем Махатмы, содержащих указания по самодисциплине; данные ей ее учителем («Письма Ганди ученице» Нью-Йорк, 1950 г.).

В последние годы жизни Мира Бен руководила ашрамом «Пашулок» около Ришикеша, оказывая медицинскую помощь и давая советы по сельскому хозяйству окрестным крестьянам. Она помнила слова Гандиджи: «Я стремлюсь узреть Бога в служении человечеству, ибо знаю, что Бог находится в каждом человеке, а не на небесах или внизу».

384 [4]. Мисс Слейд напомнила мне другую известную женщину Запада, мисс Маргарет Вилсон, старшую дочь великого американского президента. Я встретил ее в Нью-Йорке. Она чрезвычайно сильно интересовалась Индией, а позднее отправилась в Пондишери, где провела последние пять лет жизни у ног Шри Ауробиндо Гхоша, в счастье следуя его учению.

часы. Заходящее солнце бросало свои последние лучи на пальмы и баньяны; слышалось жужжание ночных насекомых и пенье сверчков. Атмосфера была полна спокойствия, и она глубоко захватывала меня.

Мистер Десай начал пенье торжественного гимна, группа вторила ему. Далее последовало чтение из «Гиты». Махатма знаком попросил меня прочесть заключительную молитву. Чувствовалось сильное божественное единство мысли и устремлений! Невозможно забыть эту медитацию под ранними звездами на крыше ашрама в Вардха!

Точно в восемь часов Махатма прекратил свое молчание, геркулесова работа его жизни требовала от него расчета времени по минутам.

«Привет, свамиджи!» – на сей раз Махатма приветствовал уже не на бумаге. Мы только что спустились с крыши в его кабинет, просто убранный квадратными матами; стульев не было; на низком столике лежали книги, бумаги и несколько обычных ручек (авторучек нигде не было видно). В углу тикали какие-то непонятные часы. Ощущалась всепроникающая аура мира и благоговения. Ганди улыбнулся одной из своих чарующих улыбок, широко раскрыв беззубый рот.

– Много лет назад,– объяснил он,– я начал еженедельно соблюдать молчание в течение одного дня для разбора корреспонденции. Однако теперь эти двадцать четыре часа приобрели жизненную духовную необходимость. Регулярные периоды молчания – это не мучение, а благословение.

Я от всего сердца согласился с этими словами[[385]]. Махатма расспрашивал меня об Америке и Европе; затем мы говорили об Индии и о состоянии всего мира.

– Махадев,– обратился Ганди к мистеру Десаю, когда последний вошел в комнату,– приготовьте, пожалуйста, для свамиджи аудиторию в Паун-Холле. Завтра вечером он побеседует там о йоге.

Когда я попрощался с Махатмой, он заботливо вручил мне бутылочку с маслом цитронелли.

– Москиты в Вардха ничего не знают о принципах *ахимсы* [[386]], свамиджи,– сказал он со смехом.

На следующий день, рано утром, наша небольшая группа позавтракала кашей из цельной пшеницы с патокой и молоком. В половине одиннадцатого нас позвали в ашрам. В портике состоялся второй завтрак в обществе Ганди и *сатьяграхинов* . На сей раз в меню был включен неотшлифованный рис, новые сорта овощей и семена кардамона.

В полдень я гулял около ашрама и прошелся дальше, где паслось несколько невозмутимых коров. Защита коров – это страсть Ганди.

«Для меня корова обозначает весь мир существ ниже человека: и этот мир способствует расширению симпатий человека за пределы его собственного рода,– объяснил Махатма.– При помощи коровы человек вынужден уяснить свое тождество со всеми живыми существами. Мне ясно, почему древние риши избрали корову для апофеоза. Корова была лучшим спутником индийца. Она несла изобилие, она не только давала молоко, но также и сделала возможным земледелие. Корова – это поэма сострадания; и человек проникается состраданием к этому доброму животному. Она стала второй матерью для миллиона людей. Защита коровы означает защиту всего мира немых Божьих творений. Призыв к милосердию, исходящий от существ низшего порядка, тем более силен, что они бессловесны».

Ортодоксальный индиец обязан ежедневно выполнять некоторые религиозные обряды.

---

385 [5]. В течение многих лет жизни в Америке я соблюдал периоды молчания к огорчению посетителей и секретарей.

386 [6]. Безвредность, ненасилие – краеугольный камень убеждений Ганди. Он находился под сильным влиянием джайнов, которые считают ахимсу главной добродетелью. Джайнизм, одна из сект индуизма, был широко распространен в VI в. до Р.Х. благодаря проповеди Махавиры, современника Будды. «Махавира» означает «великий герой»; да обратит он свой взор через столетия на своего героического сына Ганди!

Один из них называется *«бхута яджня»* , предложение пищи животному царству. Эта церемония символизирует понимание человеком своих обязанностей по отношению к менее развитым формам творения, инстинктивно отождествляющим себя с телом. Такое отождествление отягощает и человеческую жизнь; однако животные лишены освобождающего инструмента разума, который составляет особенность человека.

Бхута яджня , таким образом, подкрепляет готовность человека помочь слабейшему, подобно тому, как он, в свою очередь, получает поддержку – бесчисленные благодеяния высших незримых существ. Став чуждым земле, морю и небу, человек отрезал себя от оживотворяющих даров природы. Однако действие безмолвной любви преодолевает непроходимую эволюционную преграду между природой, животными, человеком и астральными ангелами.

Другими ежедневными *яджня* являются *«питри»* , *«нири»* . *Питри Яджня* – это предложение жертвы предкам, как символ признания человеком своего долга перед прошлым, сущность мудрости которого и поныне освещает человечество. *Нири Яджня* – это предложение пищи чужим или бедным, символ нынешних обязанностей человека, его долга по отношению к современникам.

Вскоре после полудня я исполнил *Нири Яджня* , посетив ашрам Ганди для маленьких девочек. Мистер Райт сопровождал меня в этой десятиминутной поездке. Крошечные детские лица под яркими длиннополыми *сари* были подобны цветам! В конце короткой беседы на хинди[387], которую я вел прямо на открытом воздухе, небеса неожиданно отверзлись, и хлынул ливень. Со смехом мистер Райт и я влезли в автомобиль и среди полос движущегося серебра поспешили в Махамохан. Такая сила заключена в тропическом ливне, какой блеск!

Вернувшись в дом для гостей, я опять поразился крайней простоте и явным признакам самопожертвования, которые виднелись повсюду. Обет бедности был принят Ганди в ранние годы его супружеской жизни. Отказавшись от обширной адвокатской практики, приносившей ему годовой доход более чем в шестьдесят тысяч рупий, Махатма затем роздал все свое состояние бедным.

Шри Юктешвар бывало, посмеивался над обычными искаженными концепциями отречения:

«Разве нищий может отречься от состояния? – говаривал учитель.– Если человек плачется: мое дело пришло в упадок, меня бросила жена, я отрекусь от всего и уйду в монастырь! – то, о каком отречении от мирских благ он говорит! Не он отрекся от богатства и любви, а они отреклись от него».

С другой стороны, святые подобно Ганди, не только шли на ощутимые материальные жертвы, но также совершали и более трудное отречение – отречение от эгоистических мотивов и личных целей. Они растворили свое внутреннее существо в потоке всего человечества.

Замечательная жена Махатмы, Кастурабай, не возражала, когда он не отложил ничего из своего состояния для нее и для детей. Поженившись в ранней юности, Ганди и его жена после рождения четырех сыновей приняли обет воздержания[388]. Со спокойным героизмом

---

387 [7]. Хинди является разговорным языком для Индии. Индо-европейскиий язык, в основном базирующийся на санскритских корнях, хинди представляет собою главный диалект северной Индии. Главный из диалектов западного хинди – язык хиндустави, пользующийся алфавитами деванагари (санскритским) и арабским. Его субдиалект, урду, распространен среди мусульман и индийцев северной Индии.

388 [8]. Ганди описал свою жизнь с поразительной откровенностью в книге «История моих опытов в искании истины». Многие автобиографии наполнены громкими именами и красочными событиями; они хранят почти полное молчание о каких бы то ни было фазах внутреннего анализа, о процессе внутреннего развития. Каждую из этих книг откладываешь в сторону с известной неудовлетворенностью, как бы говоря: «Вот человек, знающий много выдающихся людей, но не знавший самого себя». Такая реакция на автобиографию Ганди невозможна; он описывает свои ошибки и увертки с безличной преданностью истине, редкой в анналах любой эпохи.

Кастурабай играла свою роль в той напряженной драме, которой сделалась их совместная жизнь. Она следовала за мужем в тюрьму, разделяла с ним его трехнедельные посты и полностью несла свою часть тяжелого бремени других бесконечных обязанностей. Она следующим образом воздала должное Ганди:

"Я благодарю вас за то, что вы дали мне почетную возможность быть вашим сотоварищем и помощником в течение всей жизни. Я благодарю вас за то, что наше супружество было самым совершенным, основанным на брахмачарья, а не сексуальности. Я благодарю вас за то, что вы сочли меня равной себе в вашей длящейся всю жизнь работе на благо Индии. Я благодарю вас за то, что вы не были одним из тех мужчин, которые тратят свое время на игры и развлечения, на скачки, женщин и вино, которые устают от своих жен и детей, подобно тому, как дети быстро устают от своих игрушек. Как я благодарна вам за то, что вы не были одним из тех мужей, которые посвящают свое время накоплению богатства за счет чужого труда.

Я так благодарна вам и за то, что вы поставили Бога и свою страну превыше личной выгоды, за то, что вы имеете смелость следовать своим убеждениям и своей полной и безусловной вере в Бога! Как благодарна я судьбе за такого мужа, который поставил Бога и свою страну выше меня! Я благодарна вам за вашу терпимость ко мне и ко всем свойственным юности недостаткам, когда я ссорилась с вами и ворчала по поводу тех перемен, которые вы произвели в нашем образе жизни, начиная с самого большого и кончая самым малым.

Маленькой девочкой я жила в доме ваших родителей, ваша мать учила меня быть смелой и храброй женой, сохранять любовь и уважение ее сына, моего будущего мужа. Когда прошли годы, и вы стали самым любимым вождем Индии, я не боялась, что вы меня бросите, как может того бояться женщина, чей муж поднялся на верхние ступени успеха,– что нередко случается в других странах. Я знала, что смерть застанет нас все еще мужем и женой".

Много лет Кастурабай исполняла обязанности казначея общественных фондов, которые обожаемый всеми до идолопоклонства Махатма способен доводить до миллионов. Существует множество смешных историй о том, как в индийских домах мужья беспокоились, когда их жены надевали какие-нибудь драгоценности, отправляясь на выступления Ганди. Магическая речь Махатмы, призывающего помочь угнетенным, производила чудеса: золотые браслеты и алмазные ожерелья сами переходили с рук и шей их богатых обладательниц в корзину для пожертвований.

Однажды общественный казначей Кастурабай не смогла отчитаться в расходе четырех рупий. Ганди после должной проверки счетов безжалостно предал гласности совершенную женой растрату в четыре рупии.

Я часто рассказывал эту историю перед аудиториями моих американских учеников. Как-то вечером одна находившаяся в зале женщина поднялась с решительным лицом:

– Махатма он или не Махатма,– воскликнула она,– но если бы он был моим мужем, он ходил бы у меня с синяком под глазом после такого публичного оскорбления!

После нескольких веселых шуток, которыми мы обменялись по вопросу об американских и индийских женах, я дал более подробное разъяснение:

– Госпожа Ганди считает Махатму не мужем, а учителем, который имеет право делать ей замечания по поводу даже незначительных ошибок. Через некоторое время после того, как Кастурабай получила публичное порицание, Ганди был отправлен в тюрьму по политическому обвинению. Когда он спокойно прощался со своей семьей, жена склонилась к его ногам. «Учитель,– сказала она смиренно,– пожалуйста простите меня, если я когда-нибудь вас обидела!»

В три часа дня в Вардха я отправился в кабинет Ганди, памятуя о предыдущем приглашении. Святой, способный сделать из своей жены преданную ученицу – редкое чудо!

Ганди взглянул на меня со своей незабываемой улыбкой.

– Махатмаджи,– спросил я, усевшись подле него на циновке со скрещенными ногами,– дайте мне, пожалуйста, ваше определение *ахимсы* .

– Непричинение вреда любому живому существу мыслью или делом.

– Прекрасный идеал! Но мир всегда скажет: разве нельзя убить кобру, чтобы спасти ребенка или спастись самому?

– Я бы не мог убить кобру, не нарушив двух моих обетов: обета бесстрашия и обета *ахимсы* . Я скорее попытался бы успокоить змею внутренними вибрациями любви. Я не могу снизить мои стандарты, руководствуясь обстоятельствами.– Затем с поразительным чистосердечием Ганди добавил: – Должен признаться, что я не смог бы вести этот разговор так спокойно, если бы передо мною находилась кобра.

Я обратил внимание на несколько европейских книг о диете, лежавших на его письменном столе.

– Да, диета важна в движении сатьяграха, как и во всех иных делах,– сказал он, улыбнувшись.– Поскольку я защищаю полное воздержание для *сатьяграхинов* , я всегда стараюсь найти наилучшую диету для этой цели. Необходимо подчинить свой вкус прежде, чем контролировать инстинкт размножения. Полуголодовая или односторонняя диета не будет выходом из положения. Победив внутреннюю *жадность* к пище, *сатьяграхин* должен продолжать соблюдение рациональной вегетарианской диеты, содержащей все необходимые витамины, минеральные соли, калории и так далее. При помощи внешней и внутренней мудрости сексуальная жидкость *сатьяграхина* легко преобразуется в жизненную энергию всего тела.

Мы с Махатмой сравнивали известные нам хорошие заменители мяса.

– Авокадо – вот прекрасная вещь,– сказал я.– Около моего центра в Калифорнии множество рощ авокадо. Лицо Ганди засветилось интересом:

– А не будут ли эти деревья расти в Вардха? Тогда мои *сатьяграхины* воспользуются новым блюдом.

– Я обязательно пришлю в Вардха несколько саженцев авокадо.– Затем я прибавил.– А как насчет яиц? Эта пища содержит много белков. Разрешена ли она для *сатьяграхинов* ?

– Только неоплодотворенные яйца.– Махатма засмеялся, вспомнив один случай: – Много лет я не соглашался употреблять их, да и теперь сам их не ем. Одна из моих невесток как-то умирала от истощения, и доктор настаивал, чтобы ее кормили яйцами. Я не соглашался и посоветовал дать ей какой-нибудь заменитель яиц.

«Гандиджи,– сказал доктор,– неоплодотворенное яйцо не содержит жизненной спермы, и при пользовании им не произойдет убийства».

Тогда я охотно согласился на то, чтобы невестка ела яйца, и скоро она совсем поправилась.

За день до нашего разговора Ганди выразил желание научиться *крия-йоге* Лахири Махасайа. Меня тронуло такое отсутствие предвзятости и дух исследования, присущие Махатме. Он подобен ребенку в своем божественном любопытстве; он обнаруживает ту чистую восприимчивость, которую имел в виду Христос, говоря о детях; «Их есть царствие небесное».

Подошло время, которое я обещал выделить для обучения. В комнату вошло несколько *сатьяграхинов* , мистер Десай, доктор Пингейн и другие. Все они желали изучить технику *крия-йоги* .

В начале я научил свой небольшой класс физическим упражнениям йогода. Они заключаются в том, что создается мысленный образ тела, как некоего комплекса из двадцати частей: воля направляет энергию последовательно во все эти отделы. Скоро каждый из присутствующих вибрировал передо мною, подобно человеческому мотору. Действие упражнений явственно проявлялось на двенадцати частях тела Ганди, ибо его тело было почти целиком доступно взору. Хотя и очень худой, но он не производил неприятного

впечатления; кожа его тела оказалась гладкой и лишенной морщин[389].

Позднее я посвятил всю группу в освобождающую технику *крия-йоги* .

Махатма с почтением изучал все мировые религии. Тремя главными источниками его убеждений о ненасилии являются писания джайнов, Новый Завет и социологические труды Толстого[390]. Он изложил свой символ веры следующим образом:

"Я верю, что Библия, Коран и Зенд-Авеста[391] столь же боговдохновенны, как и Веды. Я верю в институт гуру; но в этом веке миллионы должны оставаться без гуру, ибо редко можно найти человека, сочетающего совершенную чистоту с совершенным знанием. Однако не следует отчаиваться и сомневаться в возможности открыть истинность своей религии – ибо основные положения индуизма, как и любой великой религии, неизменны и их легко понять.

Подобно всякому индийцу, я верю в Бога и Его единство, в перевоплощения и освобождение... Я могу описать мои чувства к индуизму не иначе, как мои чувства к своей жене. Она волнует меня как ни одна другая женщина в мире; и не то, чтобы у нее не было недостатков: я смею сказать, что у нее их больше, чем я сам вижу. Но я всегда ощущаю нарастающую связь с нею. То же самое я чувствую и по отношению к индуизму со всеми его ошибками и ограничениями. Ничто не доставляет мне большей радости, чем музыка «Гиты» или *«Рамайаны»* Тулсидаса. Когда мне казалось, что наступает мой последний час, «Гита» была моим утешением.

Индуизм не есть религия исключительности. В ней есть место для почитания всех пророков мира[392]. Это не миссионерская религия в обычном смысле слова. Индуизм, несомненно, усвоил свои принципы из многих источников. Но это усвоение происходило незаметно, в процессе эволюции. Индуизм учит каждого человека почитать Бога в соответствии со своей собственной верой, или *дхармой* [393],– и потому он живет в мире со всеми религиями".

О Христе Ганди писал: "Я уверен, что если бы он жил сейчас среди людей, Он благословил бы жизни многих из тех, которые, может быть, даже никогда не слыхали его имени... совершенно так, как написано: «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“ войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»[394]. Уроком Своей жизни Иисус дал человечеству великую цель единственную задачу, к достижению которой мы все должны стремиться. Я верю, что Он принадлежит не одному лишь христианскому миру, но целому человечеству, всем странам и народам".

---

389 [9]. Ганди соблюдал множество кратких и более длительных постов. Его здоровье было исключительно хорошим. Его книги «Диета и ее реформа», «Естественные методы лечения», и «Ключ к здоровью» можно получить в издательстве Навадживан, Ахмедабад, Индия.

390 [10]. Торо, Рескин и Маццини – вот три других западных писателя, чьи социологические взгляды тщательно изучались Ганди.

391 [11]. Священное писание, данное Зороастром Персии приблизительно за 1000 лет до РХ.

392 [12]. Единственная в своем роде особенность индуизма среди мировых религий – это его происхождение не от единственного великого основателя, а от безличных ведических писаний. Таким образом, индуизм дает достаточный простор для почитания и включения в свои пределы пророков всех времен и народов. Ведические писания регулируют не только практику религии, но и все важнейшие социологические предписания и обычаи, стремясь привести в гармонию с Божественным каждое действие человека.

393 [13]. Санскритское слово, эквивалентно понятию «закон», «сообразование с законом или естественной справедливостью», и «долг», внутренне присущий обстоятельствам, в которых человек находится в любое данное время. Писания определяют дхарму как «естественный всеобщий закон, следование которому позволяет человеку спастись от деградации и страдания».

394 [14]. Матф., 7, 21.

В последний вечер, проведенный в Вардха, я обратился к собранию, созванному мистером Десаем в Паун-Холо. Комната была переполнена до самых подоконников: беседу о йоге собралось послушать более четырехсот человек. Я говорил сначала на хинди, потом по-английски. Наша небольшая группа вернулась в ашрам как раз вовремя, чтобы пожелать Ганди спокойной ночи и еще раз взглянуть на него, окутанного атмосферой мира и занятого перепиской.

Когда я поднялся с постели в пять часов утра, еще стояла темная ночь. Но в деревне уже проснулась жизнь; сначала мимо ворот ашрама проехала повозка, запряженная быками, затем прошел крестьянин с тяжелой поклажей, которую он нес на голове, с большой осторожностью. После завтрака мы втроем нашли

Ганди, чтобы сделать прощальной *пранам* . Святой поднимается в четыре часа утра для ранней молитвы.

«До свиданья, Махатмаджи! – Я склонился к его ногам,– Индия пребывает в безопасности благодаря вашему труду».

Со времени этой идиллии в Вардха прошли многие годы. Темная пелена мировой войны затянула землю, океаны и небеса. Среди великих вождей народов Ганди оказался единственным, кто предложил практическую ненасильственную линию поведения, вместо преклонения перед вооруженной мощью. Для того, чтобы исчезли страдания и были устранены несправедливости, Махатма пользовался ненасильственными средствами, которые вновь и вновь доказывали свою эффективность. Он определяет свою доктрину в таких выражениях:

"Я нашел, что жизнь продолжает существовать среди разрушения. Поэтому должен существовать закон, более высокий, чем закон разрушения. Только под действием такого закона, хорошо организованное общество будет разумным, а жизнь станет достойной человека.

Если таков закон жизни, мы должны поступать в соответствии с ним в нашем повседневном существовании. Где бы ни вспыхивали войны, где бы нам не встречался противник, побеждайте его любовью. Я нашел, что известный закон любви оказался справедливым в моей жизни, а с законом разрушения этого никогда не было.

У нас в Индии имелось наглядное подтверждение действия этого закона в самом широком масштабе. Я не утверждаю, что ненасилие проникло в глубину всего трехсотшестидесятимиллионного народа индии; но я утверждаю, что оно в невероятно короткий срок проникло в него глубже, чем любая иная доктрина.

Чтобы достичь душевного состояния ненасилия, необходим довольно строгий курс подготовки. Состояние ненасилия – это жизнь, полная дисциплины, подобная жизни солдата. Совершенное состояние будет достигнуто только тогда, когда разум, тело и речь придут в должное соответствие. Всякая проблема придет к своему решению, если мы согласимся сделать закон истины и ненасилия законом жизни".

Мрачное развитие политических событий во всем мире неумолимо указывает на ту истину, что без духовного прозрения человечество погибнет. Если не религия, то наука пробудила в людях туманное ощущение неустойчивости и даже несубстациональности всех материальных предметов. Куда же осталось теперь идти человеку, если не к своему источнику и Корню, не к Духу, пребывающему внутри его?

Припоминая течение истории, можно с полным основанием установить, что человеческие проблемы никогда не решались с помощью грубой силы. Первая мировая война вызвала появление снежного кома ужасной кармы, оледенившего всю землю, и из него выросла вторая мировая война. Только теплота братства в состоянии растопить нынешний колоссальный запас кровавой кармы, которая иначе может перерасти в третью мировую войну. Эта триада двадцатого века внушает ужас! Пользование логикой джунглей вместо человеческого разума в решении спорных вопросов превратит в джунгли всю землю. Если люди не достигнут братства в жизни, они обретут это братство в общей насильственной

смерти. Разве для такого позора Божественный Разум с любовью позволил человеку открыть способ пользования атомной энергией?

Войны и преступления никогда себя не оправдывают. Миллиарды долларов, которые превращаются в ничто при взрывах военных материалов, были бы вполне достаточны для того, чтобы построить новый мир, почти свободный от болезней и совершенно не знающий нищеты. Из обители хаоса, страха, голода, эпидемий и пляски смерти, земля превратилась бы в область мира, процветания и роста знания.

Призыв Ганди к ненасилию обращен к высочайшему сознанию человека. Пусть народы вступают в союз не со смертью, но с жизнью, не с разрушением, но с созиданием, не с ненавистью, но с творческим чудом любви.

"Нужно прощать любое зло,– говорит *«Махабхарата»* ,– Сказано, что продолжение рода есть результат проявленного человеком прощения. Прощение – это святость; силою прощения держатся миры. Прощение – это сила сильного, это – жертва, это – спокойствие ума. Прощение и мягкость суть качества того, кто исполнен самообладания. Они представляют особую вечную добродетель".

Ненасилие – это естественное следствие закона прощения и любви. «Если в битве за справедливость потребуется пожертвовать жизнью,– провозглашает Ганди,– нужно быть готовым, подобно Иисусу, пролить собственную кровь, а не кровь других людей. И в результате в мире будет пролито меньше крови».

Когда-то будут написаны эпические произведения об индийских *сатьяграхинах* , встречавших ненависть любовью, насилие – ненасилием, позволявших беспощадно убивать себя, но не бравших в руки оружия. В некоторых сохранившихся в истории случаях получались необычные результаты: противники бросали ружья и бежали, пристыженные, потрясенные до глубины души видом людей, которые ценят чужую жизнь выше своей собственной.

Если потребуется, я подожду целые столетия,– говорил Ганди, но не буду добиваться освобождения моей страны насильственными, кровавыми средствами". Евангелие предупреждает нас: «Все, взявшие меч, мечом погибнут»[[395]]. Махатма писал:

"Я называю себя националистом; но мой национализм охватывает всю вселенную. Он включает в себя все нации земли[[396]]. Мой национализм предполагает благосостояние всего человечества. Я не желаю, чтобы Индия эксплуатировала хоть одно человеческое существо. Я хочу, чтобы Индия была сильна, чтобы она могла передать эту силу другим народам. Не таково нынешнее положение в Европе: там ни одна нация не передаст другим свою силу.

"Президент Вильсон предложил свои прекрасные четырнадцать пунктов. Однако он заявил: «В конце концов, если эта наша попытка добиться мира не удастся, у нас есть наше оружие, к которому мы сможем прибегнуть». А я хочу изменить этот взгляд и скажу: «Наше оружие до сих пор оказывалось бесплодным; теперь давайте изыщем что-нибудь новое, давайте испробуем силу любви и силу Бога, который есть Истина. Добившись этого, мы не будем нуждаться ни в чем другом».

Благодаря тому, что Махатма обучил тысячи истинных *сатьяграхинов* (тех, кто принял одиннадцать суровых обетов, упомянутых в первой части этой главы), которые в свою очередь распространяли его весть, терпеливо воспитывая у масс индийского народа привычки к пониманию духовного и, в конце концов, и материального преимущества ненасилия, благодаря тому, что он вооружил народ оружием ненасилия – несотрудничеством с несправедливостью, готовностью переносить оскорбления, тюрьму и даже смерть, не прибегая к оружию, благодаря завоеванию симпатий во всем мире силою бесчисленных

395 [15]. Матф., 26, 52. Одно из многочисленных мест в Библии, с необходимостью подразумевающих перевоплощение человека. Многие сложные проблемы жизни объяснимы только при понимании космического закона справедливости.

396 [16]. «Пусть человек славится не тем, что любит свою страну, а тем, что любит весь род людской».

примеров героического мученичества *сатьяграхинов* ,– Ганди смог драматически обрисовать практику ненасилия, его торжественную силу, решать вопросы без войн.

С помощью ненасильственных средств Ганди уже добился большего количества политических уступок для своей страны, чем любой другой вождь прочих стран, включая, конечно, военные столкновения. Ненасильственные средства были с поразительным успехом применены для искоренения всех недостатков и зол не только на политической арене, но также и в тонкой и запутанной области индийских социальных реформ. Ганди и его последователи устранили множество распрей между индийцами и мусульманами, существовавших с давних пор. Сотни тысяч мусульман считали Махатму своим вождем. Неприкасаемые нашли в нем своего неустрашимого и успешного защитника. «Если мне придется родиться еще раз,– писал Ганди,– я хотел бы родиться среди неприкасаемых, ибо благодаря этому я смог бы оказать им более действенные услуги».

Махатма Ганди – это поистине «великая душа»; но именно неграмотные миллионы распознали в нем человека, достойного такого титула. Этот смиренный пророк достиг почитания в своем отечестве. Самые темные крестьяне оказались способны откликнуться на возвышенный призыв Ганди. Махатма искренне верит в прирожденное благородство человека: его никогда не разочаровывали неизбежные неудачи. "Даже если оппонент обманывает его двадцать раз,– писал он,– *сатьяграхин* готов довериться ему в двадцать первый раз, ибо безотчетная вера в человеческую природу составляет самую сущность его убеждений".[[397]]

Один из критиков заметил: «Махатмаджи, вы – исключительный человек. Вы не должны ждать, что мир будет действовать так, как действуете вы».

«Как странно мы заблуждаемся, воображая, что можно укрепить тело, но нельзя вызвать к жизни скрытые силы души,– отвечал Ганди.– Я все время хочу показать вам, что если у меня и имеются некоторые из этих сил, то я остаюсь таким же хрупким смертным, как и любой из вас, что во мне никогда не было и нет ничего сверхъестественного. Я простой человек, подверженный заблуждению, подобно всякому другому смертному. Однако я обладаю тем качеством, что у меня достаточно смирения для признания своих ошибок и устремления своей деятельности по другому пути. Я обладаю нерушимой верой в Бога и Его доброту, ненасытной страстью к Истине и Любви. Но разве эти качества не присущи каждому человеку, хотя бы в зачаточной форме?» Он прибавил: «Если мы смогли совершить новые феноменальные открытия, предложить новые изобретения в области феноменального мира, разве мы должны объявлять о своем банкротстве в духовной области? Разве невозможно умножать исключения до тех пор, пока они станут правилом. Разве человек всегда должен быть сначала животным, а потом уже человеком? Разве он должен вообще оставаться животным?»[[398]]

Американцы могут с гордостью припомнить успешный эксперимент в области

397 [17]. «Тогда Петр приступил в Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: „до семи“, но до седмижды семидесяти раз» (Матф., 18, "21-22.)

Я горячо молился, чтобы понять этот бескомпромиссный совет. «Господи! – протестовал я,– разве это возможно?» И когда Божественный голос дал наконец ответ, Он пролил поток света, повергший меня в смирение:

«О, человек, а сколько раз я прощаю каждому из вас в течение дня?»

398 [18]. Мистер Роджер У. Бобсон однажды спросил известного инженера-электротехника Чарльза П. Штейнмеца: «В какой области научных исследований мы увидим величайшее достижение в следующие пятьдесят лет?» Штейнмец ответил: "Существует сила, которая, как учит нас история, является величайшей силой в развитии человечества. Однако мы просто играем с нею и никогда ее не изучаем так же серьезно, как физические силы. Когда-нибудь люди поймут, что материальные предметы не приносят счастья, что они бесполезны «и не могут сделать человека творческим и могучим. Тогда ученые всего мира направят работу своих лабораторий к изучению Бога, Молитвы и Духовных сил, которых мы едва лишь коснулись. Когда этот день наступит, тогда мир увидит в одном поколении большие достижения, чем мы сейчас видим в четырех».

ненасилия, произведенный Уильямом Пенном в XVII веке. Он основал колонию в Пенсильвании, где не было ни крепостей, ни солдат, ни народного ополчения, даже не было оружия. Среди жестоких пограничных войн и кровопролитий, между новыми поселенцами и краснокожими только пенсильванские квакеры не знали мучений. «Других людей убивали, избивали; но их никто не трогал, ни одна женщина из поселений квакеров не подверглась нападению, ни один ребенок не был убит, ни один мужчина не был подвергнут пыткам». Когда же наконец квакеры были вынуждены уступить управление штатом людям других убеждений, «вспыхнула война, и многие пенсильванцы были убиты. Но среди убитых было только три квакера, да и то эти трое оказались отпавшими от веры и взявшими оружие для самозащиты».

«Обращение к силе во время первой мировой войны не смогло принести спокойствия,– заявил Франклин Делано Рузвельт.– И победа и поражение оказались одинаково бесплодным. Мир должен усвоить этот урок».

«Чем больше орудий насилия, тем больше несчастья для людей,– учил Лао-Цзы.– Триумф насилия кончается погребальным плачем».

"Я борюсь за мир во всем мире, меньшего я и не желаю,– заявил Ганди.– Если индийское движение придет к успеху, на основе *сатьяграхи* , на основе ненасилия, оно даст новый смысл патриотизму и – если можно сказать со всем смирением – и самой жизни".

Прежде чем отбросить прочь учение Ганди, назвав его непрактичным и мечтательным, пусть западный читатель сначала поразмыслит над следующим определением *сатьяграхи* , данным учителем из Галилеи:

"Вы слышали что сказано: «око за око, и зуб за зуб». (Исход, 21, 24).

«А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».[[399]]

Эпоха Ганди с поразительной точностью космического хронометра превратилась в век человечества, уже повергнутого в отчаяние и приведенного в запустение двумя мировыми войнами. Теперь на гранитных стенах его жизни является божественная рука, которая чертит предупреждение против дальнейшего братоубийства и кровопролития.

В ПАМЯТЬ МАХАТМЫ ГАНДИ

«Это был отец народа в полном смысле слова, и его убил безумец. Миллионы скорбят, ибо погас свет... Свет, горевший в этой стране, не был обычным светом. Он будет виден в этой стране целую тысячу лет, и весь мир также будет видеть его»,– сказал премьер-министр Индии вскоре после того, как Махатма Ганди был убит в Нью-Дели 30 января 1948 года.

За пять месяцев до этого события Индия мирным путем добилась национальной независимости. Работа семидесятивосьмилетнего Ганди была закончена и он понимал, что час его близок. «Ава, принести мне все важные бумаги,– сказал он внучке утром трагического дня.– Я должен отметить сегодня. Завтрашний день может никогда не наступить». Во многих местах своих статей и речей Ганди делал намеки, свидетельствовавшие о том, что он предчувствовал свой конец.

Медленно опустившись на землю с тремя пулями в слабеющем и быстро угасающем теле, умирающий Махатма поднял руки в традиционном индийском жесте приветствия, безмолвно свидетельствуя этим свое прощение. Будучи в течение всей своей жизни невольным артистом, Ганди достиг высочайшей вершины артистического мастерства в момент смерти. Все самопожертвование его бескорыстной жизни сделало возможным этот заключительный жест любви.

«Будущие поколения, возможно и не поверят, что такой человек во плоти и крови

399 [19]. Мтф., 5, 38-39.

ходил по земле»,– писал Альберт Эйнштейн, воздавая хвалу Махатме. Сообщение из Ватикана гласило: «Убийство Ганди вызвало здесь глубокую скорбь. Ганди оплакивают, как апостола Христианских добродетелей».

Жизни всех великих существ, пришедших на землю для служения высшей добродетели, преисполнены символического значения. Драматическая смерть Ганди во имя единства Индии высоко вознесла его послание к миру, каждый континент которого раздираем враждой. Это послание выражено в следующей пророческой фразе:

«Ненасилие явилось среди людей, и оно живет. Оно – предвестник мира во всем мире».

Глава 45. Бенгальская «Мать, проникнутая блаженством» (Ананда Мои Ма)

– Пожалуйста; не уезжайте из Индии, не взглянув на Нирмалу Деви. В ней так и кипит святость. Она всюду известна как Ананда Мои Ма – «мать, пропитанная радостью».

Моя племянница Амита Боз серьезно глядела на меня, произнося эту фразу.

– Конечно, мне очень хотелось бы увидеть эту святую женщину,– ответил я.– Я читал о ее высоком состоянии Богопознания. Около года назад в журнале *«Восток и Запад»* появилась о ней небольшая статейка.

– Я встречалась с ней,– продолжала Амита.– Недавно она навестила наш городок Джамшедпур. По просьбе своего ученика Ананда Мои Ма вошла в дом умирающего. Она стала у его постели и положила на лоб руку. В тот же момент прекратились предсмертные судороги, и болезнь немедленно исчезла. К приятному изумлению больного, он стал здоров.

Через несколько дней я услышал, что Блаженная Мать находится в доме своего ученика в Бхованипуре, одном из районов Калькутты. Мистер Райт и я немедленно отправились к ней из калькуттского дома моего отца. Когда наш форд приближался к бхованипурскому дому, мы со спутником увидели необычную уличную сцену,

Ананда Мои Ма, стоя в открытом автомобиле, благословляла толпу, насчитывавшую около сотни учеников. Очевидно, она собиралась уезжать. Мистер Райт остановил свой форд на некотором расстоянии и мы с ним подошли к безмолвной толпе. Святая женщина, бросив взгляд на нас, вышла из автомобиля и зашагала навстречу.

– Вы пришли отец! – С этими пламенными словами она обняла меня за шею и положила голову ко мне на плечо. Мистер Райт, которому я только что говорил, что не знаком со святой, был чрезвычайно доволен столь необычным демонстративным приветствием. Глаза *учеников* также устремились на это внешнее проявление любви; некоторые из них были полны удивления.

Я сейчас же увидел, что святая находилась в высоком состоянии *самадхи* . Забыв о своем внешнем женском облике, она осознавала себя, как неизменную душу и с этого плана радостно приветствовала другого поклонника Божественного. Она повела меня за руку к своему автомобилю.

Ананда Мои Ма, бенгальская «Мать, проникнутая блаженством».

– Ананда Мои Ма, я задерживаю вашу поездку,– запротестовал я.

– Отец, ведь я вижу вас впервые в этой жизни[400] после стольких сотен лет разлуки! – говорила она.– Пожалуйста, не уходите.

Мы уселись рядом на заднем сиденье автомобиля. Блаженная Мать вскоре погрузилась в состояние полной неподвижности и экстаза. Ее прекрасные глаза, устремленные к небесам, были полуоткрыты и спокойны; взор был направлен в некий внутренний Элизиум, одновременно близкий и далекий. Ученики тихо пели:

«Победа Божественной Матери!»

В Индии я видел много людей, достигших Богопознания. Никогда прежде мне не встречалась женщина столь возвышенной святости. Ее мягкое лицо сияло неизгладимой радостью, давшей ей имя Блаженной Матери. Длинные черные локоны свободно падали назад с непокрытой головы. Красное пятно пасты из сандалового дерева на середине лба символизировало духовный глаз, всегда для нее открытый. Маленькое лицо, маленькие руки и ноги – какой контраст с ее духовным величием!

Пока Ананда Мои Ма оставалась погруженной в транс, я задал несколько вопросов стоявшей подле *ученице* .

"Ананда Мои Ма много путешествовала по Индии; у нее сотни учеников во многих частях страны,– сказала мне *ученица* .– Ее смелые усилия вызвали к жизни большое число желаемых общественных реформ. Хотя по рождению она – *брахманка* , святая не признает кастовых различий. С ней всегда путешествует группа учеников, наблюдающих за тем, чтобы она была хорошо устроена. Мы должны ухаживать за ней, как за ребенком, ибо она не чувствует своего тела. Если ее не кормить, она не станет есть и никогда не попросит еды. Даже если перед ней и положить еду, она ее не коснется. И чтобы предотвратить ее уход из этого мира, мы, ученики, кормим ее из собственных рук. Часто она остается погруженной в божественный транс несколько дней подряд, едва дыша, с немигающим взором. Одним из главных учеников Ананды Мои Ма является ее муж. Много лет назад, вскоре после свадьбы, он принял обет молчания".

---

400 [1]. Ананда Мои Ма родилась в 1986 году в деревне Хеора, расположенной в восточной области Бенгалии Тритуре.

Ученица указала на широкоплечего и длинноволосого человека с тонкими чертами лица и окладистой бородой. Он спокойно стоял среди собравшихся, сложив руки, в почтительной позе ученика.

Освежив себя погружением в Беспредельность, Ананда Мои Ма теперь сосредоточила свое сознание на материальном мире.

– Отец, скажите мне, пожалуйста, где вы сейчас живете,– спросила она ясным, мелодичным голосом.

– Сейчас я нахожусь в Калькутте или в Ранчи, но скоро вернусь в Америку.

– В Америку?

– Да, американские искатели духовного знания искрение приветствовали бы вас у себя, как святую женщину из Индии. Не поедете ли вы туда?

– Если отец сможет взять меня, я поеду.

Этот ответ вызвал тревогу у находившихся вблизи учеников.

– Около двадцати человек всегда путешествуют с Блаженной Матерью,– твердо сказал мне один из них.– Мы не сможем жить без нее. Куда бы она не отправилась, мы должны следовать за ней.

Неохотно я отказался от своего плана, ибо выяснилась его практическая неосуществимость из-за склонности группы к самопроизвольному росту!

– Пожалуйста, приезжайте тогда хоть в Ранчи со своими учениками,– попросил я святую во время расставания.– Вы подобны божественному дитяти, и вам понравятся малыши из моей школы.

– Куда бы отец ни взял меня, я поеду с радостью.

Спустя короткое время в Видьялайа Ранчи уже готовилось празднество по случаю обещанного посещения святой. Молодежь вообще радовалась любому празднику – нет уроков, нет занятий по музыке, да к тому же еще будет угощение!

«Победа! Ананда Мои Ма, ки джай!» – Этот повторный припев из десятков маленьких, но полных энтузиазма глоток приветствовал святую и сопровождавшую ее группу, когда они вошли в ворота школы. Поток цветов, звон цимбал, трубные звуки множества раковин, удары мриданга! Блаженная Мать ходила, улыбаясь, по солнечным дворикам Видьялайи, всегда нося в своем сердце портативный рай.

– Как здесь красиво! – любезно сказала она, когда я ввел ее в главное здание. Она уселась около меня с детскою улыбкой на устах. Чувствовалось, что даже среди самых близких друзей она окутана аурой уединения – такова парадоксальная изолированность Вездесущего!

– Пожалуйста, расскажите мне что-нибудь о вашей жизни.

– Отец знает о ней все, зачем же повторения? Она очевидно, чувствовала, что фактическая история одного краткого воплощения на Земле не заслуживает внимания.

Я засмеялся и мягко повторил свою просьбу.

– Отец, мне так мало рассказывать,– усмехнулась она, сложив свои изящные руки.– Мое сознание никогда не отождествляло себя с этим временным телом. Я[401] была «все та же», отец, перед приходом на эту землю; маленькой девочкой я была «все та же». И когда семья, в которой я родилась, устраивала замужество этого тела, я осталась «все той же».

И вот, отец, перед вами я – «все та же». И впоследствии, даже если танец творения вокруг меня превратится в обитель Вечного, я всегда буду «все та же».

Ананда Мои Ма погрузилась в состояние глубокой медитации. Уподобившись статуе, она улетела в свое вечно зовущее ее царство, темная вода ее очей казалась гладкой и безжизненной. Такое выражение нередко появляется тогда, когда святые удаляют свое

401 [2]. Ананда Мои Ма никогда не говорит о себе "я". Она пользуется смиренными намеками: это тело", «эта девочка», или «ваша дочь». Она никого не называет своим учеником. С безличной мудростью она изливает одинаково на всех божественную любовь Вселенской Матери.

сознание из физического тела. Это последнее тогда едва ли представляет собою нечто большее, нежели кусок бездушной глины. Мы сидели вместе, погруженные в экстатический транс в течение целого часа. Наконец, она вернулась в наш мир с веселым смешком.

– Ананда Мои Ма,– заговорил я,– пожалуйста, пройдемте со мной в сад. Мистер Райт сделает несколько снимков.

– Конечно, отец. Ваша воля – моя воля.

Ее прекрасные глаза, казалось, сохранили неизгладимый божественный свет, она позировала для множества фотографий.

Наступило время угощения! Ананда Мои Ма присела на одеяло, скрестив ноги; сбоку устроилась *ученица* , чтобы кормить ее. Как ребенок, святая послушно глотала пищу, когда ученица подносила ее к губам. Было ясно, что Блаженная Мать даже не ощущает какой бы то ни было разницы между карри и сладостями.

Спустились сумерки, и святая уехала вместе со своей группой среди потока розовых лепестков, простирая с благословением руки к моим малышам. Их лица сияли любовью, которую она пробуждает без всяких усилий.

«И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею; и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» – провозгласил Христос,– «вот, первая заповедь!»[402]

Отбросив прочь все личные привязанности, Ананда Мои Ма обратила свою единственную привязанность к Богу. Не вдаваясь в тончайшие различия, установленные учеными, но, пользуясь безошибочной логикой верующего человека, святая-ребенок разрешила единственную проблему человеческой жизни – установление единства с Божественным. Человек забыл эту совершенную простоту, ныне затуманенную миллионом воздействий. Отказавшись от монотеистической любви к Божественному, народы украшают свое неверие пунктуальными обрядами перед внешним святилищем милосердия. И такие гуманитарные жесты полезны, ибо они на какой-то миг отвлекают внимание человека от него самого, но они не освобождают его от единственной ответственности в жизни, о которой Иисус говорил, как о первой заповеди. Возвышенное обязательство любви к Богу человек принимает на себя с первым глотком воздуха, которым его одаряет единственный Благодетель.[403]

Мне случалось повидать Ананду Мои Ма еще раз после ее визита в Ранчи. Через несколько месяцев она стояла, окруженная учениками, на платформе серапурской станции, ожидая поезда.

– Отец, я отправляюсь в Гималаи,– сказала она.– Добрые люди построили для нас обитель в Дехра Дун.

Когда она входила в поезд, я с удивлением заметил, что где бы она ни находилась: в толпе, поезде, на празднике или в безмолвной медитации – ее взор никогда не отклоняется от Бога. Во мне все еще звучит ее голос, эхо безмерной сладости:

"Вот, ныне и во веки единая с Вечным, «я все та же».

Глава 46. Женщина-йог, которая ничего не ест (Гири Бала)

– Сэр, куда мы направляемся сегодня утром?

Мистер Райт сидел за рулем форда. Дорога была достаточно длинной, и он мог

402 [3]. Марк, 12. 30.

403 [4]. «Многие обстоятельства побуждают создать новый и лучший мир. Прежде, чем позволить вашим мыслям подробно остановиться на этом, вы должны сконцентрироваться на Этом путем религиозного раздумья о том, где есть надежда найти совершенное место. Это – обязанность человека быть в поисках Бога или Истины» – *Ананда Мои Ма* .

оторвать от нее глаза, взглянув на меня с вопросительной улыбкой. Почти каждый день он куда-то ехал, лишь иногда при этом зная заранее, какую часть Бенгалии ему придется заново открывать во время поездки.

– Если Богу будет угодно,– ответил я с благоговением,– мы посмотрим на восьмое чудо света – на святую женщину которая питается только воздухом.

– Ну, это повторение чудес,– ведь мы уже видели Терезу Ньюман. Однако в смехе мистера Райта явно слышалось жадное любопытство, и он даже увеличил скорость. Еще одна необычная находка для его путеводного дневника! И притом такая, какая не снилась среднему туристу!

Мы только что выехали из школы Ранчи, встав еще до восхода солнца. Кроме меня и моего секретаря с нами было еще трое друзей-бенгальцев. Мы упивались бодрящим воздухом, этим естественным вином раннего утра. Наш водитель осторожно вел машину среди рано поднявшихся крестьян и двухколесных повозок. Горбатые волы медленно тянули их по дороге, не проявляя ни малейшей склонности уступать дорогу своему гудящему сопернику.

– Сэр, нам хотелось бы узнать больше об этой святой постнице.

– Ее зовут Гири Бала,– сообщил я спутникам. Впервые я услышал о ней много лет назад от одного ученого джентльмена, которого зовут Стхити Лал Найди. Он часто приходил к нам домой на Гурпар Роуд, занимаясь с моим братом Вишну.

– Я хорошо знаю Гири Балу,– рассказывал мне Стхити Бабу.– Она пользуется особой техникой йоги, которая дает ей возможность жить без пищи. Я был ее близким соседом в Навабгандже около Ичапура[404]. Хотя я старался тщательно наблюдать за нею, я никогда не мог заметить, чтобы она ела или пила. В конце-концов мой интерес возрос до такой степени, что я обратился к Махарадже Бурдвана[405] и попросил его произвести исследование этого случая. Удивленный всей историей, Махараджа пригласил ее к себе во дворец. Гири Бала согласилась подвергнуться испытанию и жила а течение двух месяцев под замком, помещенная в небольшом отделении дворца. Позже она еще раз посетила дворец и оставалась там двадцать дней. Наконец, третье испытание длилось пятнадцать дней. Сам Махараджа сказал мне, что эти три строжайшие проверки вполне убедили его в том, что она ничего не ест.

«Этот рассказ Стхири Бабу оставался у меня в памяти более двадцати пяти лет,– закончил я.– Иногда, находясь в Америке, я сомневался не поглотит ли поток времени эту йогиню еще до того, как я смогу повстречаться с ней. Ей должно быть сейчас уже не мало лет. Я даже не знаю, где она теперь живет, не умерла ли она. Но через несколько часов мы будем в Пурулья, там у ее брата есть свой дом».

В половине одиннадцатого мы беседовали с братом Гири Балы, Дамбодаром, адвокатом из Пурулья.

– Да, моя сестра жива. Иногда она навещает меня здесь; а сейчас она находится в нашем семейном доме в Биуре,– Дамбодар Бабу взглянул с сомнением на форд.– Я думаю, свамиджи. Вам было бы лучше удовольствоваться древней повозкой с волами, хотя на ней будет трясти.

Наша компания единодушно выразила свою верность форду, гордости Детройта.

– Этот форд приехал из Америки! – сказал я адвокату.– Будет стыдно лишить его возможности познакомиться с самым сердцем Бенгалии.

– Ну, тогда пусть вам сопутствует Ганеш![406] – промолвил, смеясь Дамбодар Бабу;

---

404 [1]. В северной Бенгалии.

405 [2]. Ныне покойный Его Высочество сэр Биджай Чанд Матхаб. Его семья, несомненно, хранит архивные записи о трех исследованиях необыкновенных способностей Гири Балы, произведенных Махараджей.

406 [3]. «Устраняющий препятствия», божество удачи.

затем он вежливо добавил: – Если вам удастся туда доехать, то Гири Бала будет рада вас видеть. Я уверен в этом. Ей скоро исполнится семьдесят лет, но здоровье ее продолжает оставаться великолепным.

– Скажите, пожалуйста, сэр, она в самом деле ничего не ест? – Я взглянул ему прямо в глаза, как бы пытаясь проникнуть в самую глубину его души.

– Это верно.– Его взгляд был чистым и открытым.– В течение более чем пятидесяти лет я не видал ни разу, чтобы она съела хоть кусочек. Если бы неожиданно наступил конец мира, то и это меня не удивило бы так, как если бы я увидел, что моя сестра, что-то ест.

Мы вместе посмеялись над этими невероятными космическими событиями.

– Гири Бала никогда не стремилась выполнять свою практику йоги в недоступном одиночестве,– продолжал Дамбодар Бабу.– Вся ее жизнь прошла в окружении семьи и друзей. Теперь они знают о ее необычном состоянии, и каждый из них был просто потрясен, если бы она решила что-нибудь съесть! Само собой разумеется, сестра любит уединение, что и соответствует положению индийской вдовы. Но наш небольшой кружок друзей в Пурулья и Биуре знает ее, как исключительную женщину.

Искренность брата была очевидна. Наша небольшая группа тепло поблагодарила его и направилась в Биур. Мы остановились около одной из уличных лавок, чтобы купить *карри* и *лучи* . Собрался целый рой уличных мальчишек, наблюдавших за тем, как мистер Райт ест просто руками, как это принято у индийцев[407]. С большим аппетитом мы подкрепилась перед наступающим днем, который, хотя мы в тот момент этого и не знали, оказался весьма трудным.

Теперь мы проехали на восток через обожженные солнцем рисовые поля, направляясь в район Бурдвана. Мы пробирались по дорогам, обнесенным густой растительностью; с огромных ветвей, напоминавших зонтики, лились песни птиц. По временам встречалась повозка с волами, и скрип ее осей и обшитых железом деревянных колес являл уму резкий контраст со свистом автомобилей на аристократическом асфальте больших городов.

– Дик, стойте! – На мою неожиданную просьбу форд ответил протестующим толчком.– Ведь это обремененное плодами дерево манго просто кричит, приглашая нас к себе!

Вчетвером мы, как дети, бросились к подножью дерева, вокруг которого в изобилии лежали плоды манго. Дерево щедро сбрасывало их по мере того, как они созревали.

– Как много плодов рождено для того, чтобы лежать незамеченными,– перефразировал я известное изречение,– и терять свою сладость на каменистой почве!

– Не то, что в Америке, свамиджи, а? – засмеялся Сейлеш Мазумдар, один из моих учеников-бенгальцев.

– Совсем не то,– согласился я, наполненный удовлетворением и соком манго.– Как мне недоставало этих плодов на Западе! Без манго невозможно постичь индийские небеса.

Подобрав кусок камня, я сбил прелестный плод, скрывавшийся на самой вершине дерева.

– Дик,– спросил я в промежутке между двумя глотками амброзии,– мы взяли с собою асе аппараты?

– Да, сэр, они лежат в багажнике.

– Если Гири Бала окажется настоящей святой, я хочу написать о ней в американских журналах. Индийская йогини с такой вдохновляющей силой не должна жить и умереть в безвестности, подобно большинству этих плодов манго.

Прошло полчаса, а я все еще бродил в лесном уединении.

– Сэр,– заметил мистер Райт,– мы должны добраться до Гири Балы еще засветло, чтобы освещение было достаточным для фотографирования.– Усмехаясь, он добавил: – Мы не

407 [4]. Шри Юктешвар часто говорил: "Господь дал нам плоды этой прекрасной земли. Нам нравится видеть пищу, ощущать ее вкус, запах; а индийцу приятно также держать ее в руках. Иногда мы не прочь также и *послушать* ее, если едим в одиночестве".

можем рассчитывать на то, что они поверят в существование этой леди без единого снимка!

Эта мудрость была неоспоримой; преодолев искушение, я вновь уселся в машину.

– Ваша правда, Дик,– вздохнул я, когда мы снова понеслись вперед,– принесем манговый рай на алтарь европейского реализма Фотографии нам необходимы!

Дорога становилась все хуже и хуже. Появились многочисленные колеи, огромные пузыри засохшей глины – словом, все печальные признаки разрушения, свойственные глубокой старости. Теперь нам иногда приходилось вылезать из машины, чтобы дать возможность мистеру Райту легче маневрировать фордом, который мы втроем подталкивали сзади.

– Дамбодар Бабу оказался прав,– признал Сейлеш,– теперь уже не машина везет нас, а мы машину.

Кроме того, нам то и дело приходилось вылезать из автомобиля: нас обманывала внешность встречных деревень, каждая из которых казалась образцом непритязательной простоты.

Извилистая дорога поворачивала в разные стороны среди пальмовых рощ, деревень, гнездившихся в тени лесов, вероятно, с древнейших времен,– записал 5 мая 1936 года мистер Райт в своем путевом дневнике.– Эти группы глинобитных домов под крышами из пальмовых листьев, с дверьми, украшенными лишь одним из Имен Бога, являли весьма живописный вид. Везде было множество голых малышей, невинно игравших в свои игры; они останавливались, широко открывали глаза или в испуге бежали прочь, завидев огромную черную повозку без быков, которая с безумной скоростью несется через их деревню. Женщины лишь украдкой бросали на нас взгляды из-под укрытий, тогда как мужчины, лениво развалившиеся под деревьями, расположенными вдоль дороги, даже не допускали, чтобы любопытство могло преодолеть их бесстрастие. В одной деревне все ее жители весело плескались в огромном пруду. Они купались прямо в одежде, сбрасывая затем мокрое платье и драпируясь в сухое. Женщины носили домой воду в больших медных кувшинах.

Дорога превратилась в веселую скачку с препятствиями. Пробираясь через горы и скалы, мы прыгали и тряслись, погружались в маленькие ручейки, объезжали неоконченное шоссе, скользили по песчаным руслам пересохших рек. Наконец, к пяти часам вечера мы приблизились к Биуру, месту нашего назначения. Эта крошечная деревушка, расположенная в глубине округа Банкура и скрытая в густой листве, во время дождей недоступна для путешественников, ибо тогда ручьи превращаются в бушующий поток, а дороги – в змеящиеся реки грязи.

Спросив дорогу у группы богомольцев, возвращавшихся домой после служения (храм находился поблизости, на уединенном поле), мы попали в осаду: нас окружили дюжина едва одетых ребятишек, которые карабкались на крылья машины и наперебой предлагали показать путь к Гири Бале.

Дорога привела нас к роще финиковых пальм, в тени которых укрывалось несколько глинобитных хижин. Но прежде чем мы успели доехать, форд угрожающе наклонился, подскочил и упал. Узкая тропа шла между стеной деревьев и прудом по гребням скал, среди ям и глубоких колей. Автомобиль удержался на зарослях кустарника; затем он застрял на холмике, и нам пришлось подкладывать под колеса глыбы засохшей земли. Медленно и осторожно мы двинулись дальше; но вдруг дорогу преградили заросли кустов, возникшие перед нами прямо посреди колеи от повозок. Нам пришлось объезжать это препятствие низом, по крутому склону, который спускался прямо в высохший пруд. Мы спаслись только благодаря тому, что нарубили веток, обтесали их и уложили, а затем забросали песком. Вновь и вновь дорога казалась непроходимой; но нам нужно было довести наше паломничество до конца. Услужливые ребята достали заступы и разбивали препятствия (благословения Ганеша!), а сотни малышей и их родителей играли роль зрителей.

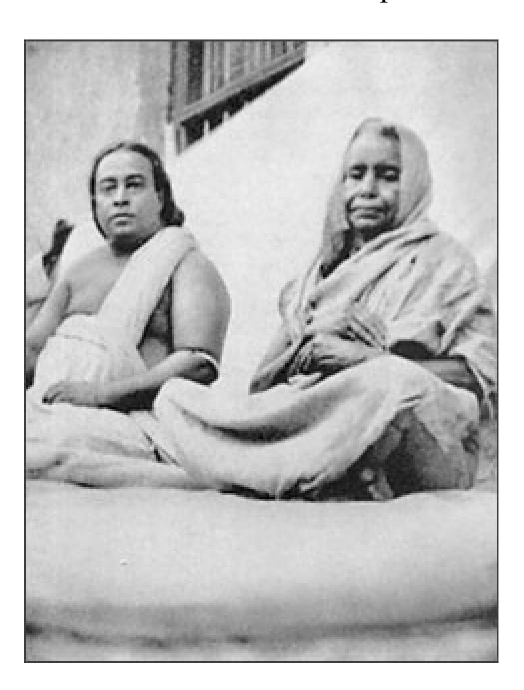
Наконец дорога стала виться вдоль двух рядов древних колей; женщины глядели из-за дверей, широко открыв глаза. Мужчины шли по бокам и позади. Шествие увеличивалось

благодаря толпам детей. Вероятно, наш автомобиль первым проехал по этим дорогам, где «синдикат повозок с волами» все еще, должно быть, обладал всемогущей властью. Можно себе представить, какую сенсацию вызвали мы – группа во главе с американцем, въезжающая на фыркающем автомобиле прямо в их сельское убежище, нарушив святость его древнего уединения!

Остановившись у узкого переулка, мы оказались в трех десятках метров от наследственного дома Гири Балы. Мы почувствовали волнение успеха после стольких дорожных тягот, завершившихся труднейшим финишем. Мы подошли к широкому трехэтажному кирпичному строению, которое господствовало над окружающими каменными хижинами. Дом ремонтировали: он был окружен бамбуковыми лесами.

С лихорадочной дрожью ожидания, подавляя радость, мы стояли перед открытой дверью, откуда должна была выйти женщина, которую коснулось благословенье Божие, навсегда уничтожив при этом чувство голода. Вокруг стояли, разинув рты, деревенские жители, молодые и старые, обнаженные и в одеждах. Женщины глядели откуда-то издалека, но и они были исполнены любопытства; мужчины и мальчишки неотступно следовали за нами по пятам, глазея на это беспрецедентное зрелище.

Вскоре в двери показалась небольшая фигура – это вышла Гири Бала! Закутанная в одеяние из тусклого золотистого шелка, она ступала совершенно по-индийски, скромно и застенчиво, поглядывая на нас из-под верхней складки своего одеяния из тканей вадеши. Глаза ее блестели подобно углям в тени лица. Чрезвычайно благожелательное и доброе выражение лица сразу очаровало нас, ибо то было лицо постижения и понимания, свободно от малейшего оттенка земной привязанности.



Эта великая йогиня не ела и не пила с 1880 года. Я запечатлен вместе с ней на снимке, сделанном в 1936 году около ее дома в Бенгальской деревне Биур. Ее способность не есть была строго исследована Махараджей Бурдвана. Она применяет определенную йоговскую технику чтобы заряжать свой организм космической энергией, взятой из солнца или из воздуха.

Она покорно приблизилась и безмолвно согласилась разрешить нам сделать много фотографий, а также заснять несколько кинокадров[408]. Терпеливо и смиренно она выносила

408 [5]. Мистер Райт, кроме того, заснял на пленку и Шри Юктешвара во время его последнего празднества

все тяготы фототехники: принятие нужной позы, поиски удачного освещения. В концe-концов мы запечатлели для потомства на множестве фотоснимков единственную в мире женщину, прославленную тем, что она живет без пищи и питья более пятидесяти лет (Тереза Ньюман, разумеется, начала свой пост с 1923 г.). Когда Гири Бала стояла перед нами, целиком прикрывшись своей просторной одеждой, ее тела совсем не было видно. Осталось только лицо с потупленными глазами, руки и маленькие ноги. В глазах светилось само материнство; лицо поражало редким спокойствием, невинностью и миром – широкий, детский вздрагивающий рот, женский нос, маленькие блестящие глаза на лице и задумчивая улыбка.

Мои впечатления от Гири Балы сходны с впечатлениями мистера Райта. Духовность окутывала ее нежной сверкающей вуалью... Она совершила передо мною *пранам* обычным жестом мирянина, приветствующего монаха. Ее простое очарование и спокойная улыбка оказались лучшим приветствием, чем громкие слова: и мы забыли наше трудное, пыльное путешествие.

Маленькая святая уселась, скрестив ноги, на веранде. Хотя лицо ее было изборождено морщинами, свойственными старости, она не казалась высохшей; оливково-смуглая кожа оставалась чистой и упругой.

– Мать,– заговорил я на бенгали,– я думал о том, чтобы посетить вас более двадцати пяти лет. Я слышал о вашей святой жизни от Стхити Лал Найди Бабу.

Она кивнула в знак подтверждения головой.

– Да, это мой добрый сосед в Навабгандже.

– За эти годы мне пришлось пересечь океаны, но я никогда не забывал своего желания когда-нибудь повидать вас. Та возвышенная драма, которую вы здесь незаметно играете, должна быть явлена перед всем миром, ибо он давно забыл о существовании внутренней божественной пищи.

Святая на мгновенье подняла глаза, улыбаясь с безмятежным интересом.

– Баба (почтенный отец) знает лучше,– покорно ответила она... Я был счастлив, увидев, что мои расспросы ее не оскорбили. Никогда нельзя заранее знать, как йогин или йогини будут реагировать на мысль о какой-либо публичности. Как правило, они избегают ее, желая в безмолвии следовать по пути глубоких душевных показаний.

– Мать,– продолжал я,– тогда простите меня за то, что обременяю вас расспросами. Будьте добры, ответьте лишь на те из них, которые не будут вам неприятны. Я пойму и ваше молчание.

Она грациозным жестом протянула вперед руки:

– Я рада ответить вам,– если такая незначительная личность, как я, сможет дать удовлетворительные ответы.

– Не называйте себя незначительной,– запротестовал я.– Вы великая душа.

– Я смиренно служу всем.– И затем я услышал странную фразу: – Я люблю готовить пищу и угощать людей.

«Странное время препровождения для святой, которая ничего не ест!» – подумалось мне.

– Скажите мне, мать,– я хочу услышать это из ваших уст,– действительно ли вы живете без пищи?

– Да, это правда,– она немного помолчала; следующие ее слова показали, что она считала в уме.– С двенадцати лет четырех месяцев и до моего нынешнего возраста в шестьдесят восемь лет около пятидесяти шести лет – я ничего не ела и не пила.

– И вам никогда не хочется есть?

– Если бы мне хотелось есть, я должна была бы делать это,– произнесла она просто, но с достоинством. Эта аксиома слишком хорошо известна тому миру, который вращается

зимнего солнцестояния в Серампуре.

вокруг трех приемов пищи в день.

– Но все же вы едите нечто! – В моем тоне послышалась нота увещевания.

– Конечно,– улыбнулась она, быстро поняв смысл моего замечания.

– Вы питаетесь более тонкими энергиями из воздуха, солнечного света[409] и космической энергии, которая насыщает ваше тело через продолговатый мозг.

– Баба знает,– вновь покорно согласилась она, как обычно спокойно и бесстрастно.

– Мать, расскажите мне, пожалуйста, о ранних годах вашей жизни. Этот рассказ будет представлять глубокий интерес для всей Индии и даже для наших заморских братьев и сестер.

Отбросив обычную сдержанность, Гири Бала устроилась поудобнее и принялась рассказывать:

"Пусть будет так,– произнесла она тихим, но твердым голосом.– Я родилась в этом лесном крае. В детстве моем не было ничего замечательного, кроме одной вещи; я была невероятно прожорлива.

Я была обручена девяти лет.

– Дитя,– часто предостерегала меня мать,– старайся сдерживать свою жадность. Когда для тебя наступит время жить в семье мужа, среди чужих людей, что подумают там о тебе? Ведь ты тратишь все свое время только на еду"!

И вот наступила беда, которую она предвидела. Мне было всего двенадцать лет, когда я стала жить в семье мужа, в Навабгандже. С утра до самой ночи свекровь стыдила меня за обжорство. Однако ее брань оказалась скрытым благословением: она пробудила во мне дремлющие духовные наклонности. Однажды утром свекровь высмеивала меня особенно безжалостно.

– Скоро я докажу вам,– ответила я, уязвленная до глубины души,– что никогда больше за всю свою жизнь не притронусь к пище!

– Скажите пожалуйста,– насмешливо расхохоталась свекровь.– Как же ты сможешь жить без еды, если ты объедаешься каждый день?

Мне было нечего возразить на это замечание. Однако в сердце мое вошла непреклонная решимость. Спрятавшись в уединенном месте, я взывала к моему Небесному Отцу:

– Господи,– молилась я неустанно,– пошли мне, пожалуйста, гуру, который смог бы научить меня жить Твоим светом, а не пищей!

Объятая экстазом, в блаженном очаровании, я отправилась к Навабганджинскому *гхату* , на берег Ганга. По пути я встретила жреца семьи мужа.

– Досточтимый господин,– сказала я доверчиво,– будете добры, расскажите мне, как можно жить без пищи.

Он посмотрел на меня с удивлением, ничего не отвечая. В конце концов ему захотелось

---

409 [6]. «То, что мы едим,– это излучения; наша пища представляет собой огромное количество квантов энергии»,– заявил доктор Джордж У. Урайл из Кливленда на медицинском съезде 17 мая 1933 года в Мемфисе.– «Эта важнейшая радиация, которая создает электрические токи внутри тела, в нервной системе, сообщается пище солнечными лучами». Как утверждает доктор Крайл, атомы суть не что иное, как своеобразные солнечные системы. Они представляют собой проводники, наполненные солнечными лучами и подобные множеству свернутых в кольца пружин. Эти бесчисленные запасы энергии в атомах усваиваются во время приема пищи. Попадая в человеческое тело насыщенные излучения, создает новую химическую энергию. Новые электрические токи. "Наше тело состоит из таких атомов, они суть ваши мускулы, мозг, органы чувств, например, глаза, уши и т. д.– говорил доктор Крайл.

Когда-нибудь ученые найдут способы, при помощи которых человек сможет жить непосредственно за счет солнечной энергии. «В природе известна единственная субстанция, которая каким-то образом может улавливать солнечную энергию»,– пишет Уильям Л. Лоренс в *«Нью-Йорк Таймс»* .– Это хлорофилл. Он как бы «захватывает» энергию солнечного света и отлагает ее в растении. Без этого невозможно существование жизни. Мы получаем необходимую для жизни энергию из солнечной энергии, накопленной в растительной пище, которую поедаем, или в мясе животных, питающихся растениями. Заключенная в угле и нефти энергия также является солнечной энергией, уловленной хлорофиллом в растениях, живших миллионы лет назад. Мы живем за счет солнца, благодаря посредничеству хлорофилла".

меня утешить.

– Приди сегодня вечером в храм, дитя мое, и я совершу для тебя специальную ведическую церемонию.

Не этого неясного ответа ждала я и продолжила путь к *гхату* . Утреннее солнце сверкало в воде. Я очистилась в Ганге как бы для святого посвящения. И когда я в мокрой одежде вышла на берег, передо мной при полном дневном свете материализовалась фигура моего гуру!

– Дорогое дитя,– промолвил он голосом, полным любви и сострадания,– я – гуру, посланный сюда Богом, чтобы удовлетворить твою неотложную просьбу. Господь был глубоко тронут самой ее необычностью! С сегодняшнего дня ты будешь жить за счет астрального света, и атомы твоего тела будут поглощать энергию из потока Беспредельности!"

Гири Бала погрузилась в безмолвие. Я взял у мистера Райта карандаш и записную книжку и сделал несколько записей по-английски, чтобы он знал, о чем наш разговор.

Но вот святая еле слышным голосом возобновила свое повествование:

"*Гхат* был заброшен, тем не менее, гуру окружил нас аурой ограждающего света, чтобы никто из случайных посетителей не обеспокоил нас впоследствии. Он посвятил меня в технику *крия* , которая освобождает тело от необходимости питаться грубой пищей смертных. Эта техника включает в себя особую *мантру* [410] и дыхательное упражнение, более трудное, чем те, которые доступны выполнению среднего человека. Вот и все. Не нужны ни лекарства, ни магические обряды – ничего, кроме *крия* ".

Подобно американскому газетному репортеру – все они, сами того не ведая, научили меня своим приемам,– я засыпал Гири Балу вопросами о многих предметах, которые как я и полагал, будут интересны для всего мира. Понемногу она сообщила мне следующее:

«У меня никогда не было детей; много лет назад я овдовела. Сплю я очень мало, ибо для меня сон и бодрствование – одно и то же. Днем я занимаюсь своими домашними делами, а медитирую ночью. Я почти не ощущаю сезонных перемен погоды. Я никогда не болела и не чувствовала себя нездоровой; только при случайных повреждениях бывает слабая боль. У меня нет телесных выделений. Я могу управлять работой сердца и дыханием. В видениях я часто общаюсь с моим гуру и другими великими душами».

– Мать,– задал я вопрос,– а почему вы не учите других людей способу жить без пищи?

Но мои честолюбивые замыслы о помощи миллионам голодающим во всем мире сразу же рассеялись:

– Нет,– покачала она головой,– гуру строго запретил раскрывать эту тайну. Он не желает вмешиваться в драму Божественного Творения. Крестьяне не поблагодарили бы меня, если бы я научила людей жить без пищи! Сочные плоды лежали бы бесполезно на земле. Получается так, что несчастья, голод и болезни являются бичами нашей кармы, которые в конце концов побуждают нас искать подлинный смысл жизни.

– Мать,– спросил я тогда медленно,– а для чего же в таком случае вы были избраны, как человек, живущий без пищи?

– Чтобы показать, что человек – это дух,– и лицо ее засверкало мудростью.– Показать, что благодаря духовному продвижению человек постепенно сможет жить не пищей, а вечным Светом[411].

---

410 [7]. Могущественный вибрационный напев. Буквальное значение слова *«мантра»* в санскрите – «орудие мысли». Оно означает, как поясняет «Новый международный словарь» Уэбстера «идеальные неслышимые звуки, которые воспроизводят один из аспектов творения. Произносимая в виде слогов, мантра составляет универсальную терминологию».

Бесконечное могущество звука проистекает из ОМ, Слова или творческого гула Космического Мотора.

411 [8]. Достигнутое Гири Балой состояние, при котором отпадает нужда в еде, является одной из сил йоги, упоминаемые Патанджали в его *«Йога-сутре» (III, 31)* . Гири Бала пользуется особым дыхательным упражнением, воздействующим на *вишудха чакру* , пятый центр тонких энергий, расположенный в

Святая погрузилась в состояние глубокой медитации. Ее взор обратился внутрь, нежная глубина глаз потеряла всякое выражение. Она испустила особый вздох, являющийся прелюдией к экстатическому пребыванию в бездыханном трансе. На некоторое время она унеслась в тот мир, где нет никаких вопросов, в небеса внутренней радости.

Мы сидели, опутанные тьмой тропической ночи. Небольшая керосиновая лампа бодро мигала над головами. Многие односельчане Гири Балы молча сидели на корточках в тени. Стремительные светлячки и масляные светильники в далеких хижинах оплетали блестящий, феерический узор на темном бархате ночного воздуха. Наступил горький момент расставания; нам предстояло долгое и утомительное обратное путешествие.

– Гири Бала,– обратился я к святой, когда она открыла глаза,– пожалуйста, подарите мне на память полоску от одного из ваших *сари* .

Она вскоре вернулась из комнаты с полоской варанасского шелка и протянула ее мне, а затем неожиданно простерлась на полу.

– Мать,– произнес я почтительно,– это я должен коснуться ваших благословенных ног! Позвольте же мне сделать это!

Глава 47. Я возвращаюсь на Запад

«Я дал множество уроков по йоге в Индии и Америке, но должен признаться, что как индиец, я чрезвычайно счастлив вести класс йоги для англичан».

Ученики моего лондонского класса одобрительно рассмеялись. Никакие политические смуты никогда не поколебали мира учеников йоги.

Теперь Индия была для меня лишь светлым воспоминанием. Стоял сентябрь 1936 года. Я находился в Англии, выполняя данное шестнадцатью месяцами ранее обещание: опять прочесть в Лондоне лекции по йоге.

Англия также оказалась восприимчивой к неподвластному времени учению йоги. Репортеры и кинооператоры из хроники толпами осаждали мою квартиру в Гросвенор Хауз. Британский совет международного Братства религий организовал 29 сентября встречу в церкви Хайтфилдской конгрегации. На этой встрече я обратился к собравшимся, затронув в своем выступлении важную тему: «Как вера и братство может спасти цивилизацию». Кроме того, я читал еще лекции в Кэкстон Холле, начинавшиеся в восемь часов вечера. Эти лекции привлекли такую массу слушателей, что многие не смогли на них попасть. Тогда для них пришлось на второй день устроить дополнительную лекцию в Уиндзор-хауз в девять тридцать. В течение следующих недель число слушателей в классах йоги настолько возросло, что мистеру Райту пришлось перенести занятия в более просторное помещение.

Английское упорство нашло великолепное выражение в отношении англичан к духовным вопросам. После моего отъезда лондонские ученики йоги сами организовали у себя центр Общества Самопознания. Они продолжали собираться еженедельно для коллективных медитаций даже в течение всех тяжелых военных лет.

позвоночном столбе, против горла. Этот центр контролирует пятый элемент – *акашу* или эфир, пронизывающий межатомные пространства клеток физического тела. Сосредоточение на этой *чакре* («колесо») дает подвижнику способность жить эфирной энергией.

Но вот Тереза Ньюман, не употребляющая грубой физической пищи, не практикует никакой специальной техники йогической науки, рассчитанной на то, чтобы ничего не есть. Объяснение этому факту открывается в особенностях личной кармы. За Терезой Ньюман, как и за Гири Балой, лежат многие жизни преданности Богу, однако пути внешнего проявления этой преданности оказались различными. Среди христианских святых, живших без пищи и являвшихся в то же время стигматиками, можно упомянуть св. Дидвину Шидамскую, блаженную Елизавету Ренскую, св. Екатерину Сиенскую, Доминику Даццари, "блаженную Анжелу из Фолинье, Луизу Лато (жившую в XIX в.). Св. Николас из Флуиса (брат Клаус, отшельник XV века, чей страстный призыв к единению спас Швейцарскую конфедерацию) воздерживался от пищи в течение двадцати лет.

И вот незабываемые недели, проведенные в Англии, остались позади. Пролетели дни осмотра достопримечательностей Лондона, поездки по восхитительным сельским местностям. Мы с мистером Райтом благодаря нашему верному форду посетили места рождения и гробницы великих поэтов и героев британской истории.

Наша небольшая группа отплыла в Америку из Саут-кэмптона в последних числах октября. Мы ехали на пароходе *«Бремен»* . Величественный вид статуи Свободы в Нью-Йоркской гавани вызвал у нас слезы радости.

Наш форд, несколько изношенный после борьбы с древними индийскими дорогами, был все еще достаточно могуч; и теперь он перенес нас через весь континент в Калифорнию. Подходил конец 1936 г. И вот перед нашими глазами появился центр Маунт Вашингтон.

В конце каждого года в Лос-Анджелесском центре отмечаются праздники последних месяцев. Это происходит следующим образом: 24 декабря восьмичасовая группа медитации символизирует духовный аспект Рождества, а на следующий день устраивает банкет, иллюстрирующий социальный аспект великого праздника. В 1936 г. радость праздников увеличивалась еще и присутствием дорогих друзей и учеников из дальних городов, которые прибыли, чтобы дома приветствовать трех путешественников, объехавших вокруг света.

Рождественское угощение изобиловало деликатесами, привезенными издалека специально для этого радостного дня. *Гуччи* – кашмирские грибы, консервированные *разагулла* и мякоть манго, бисквиты из *папаро* , масло индийского цветка *кеоры* , добавляемое для аромата в мороженое,– все эти кушанья проехали пятнадцать тысяч миль. Вечер застал нас собравшимися вокруг громадной сверкающей елки. Подле нее трещал костер из поленьев ароматического кипариса.

Момент раздачи подарков! Подарков из дальних уголков земли – из Палестины, Египта, Индии, Англии, Франции, Италии! Как старательно мистер Райт пересчитывал наши сундуки, когда мы делали пересадки на иностранных станциях, чтобы ничья жадная рука не присвоила сокровищ, предназначенных для любимых американских друзей! Рисунки на пластинках из священной оливы, привезенные из Святой Земли, тонкие кружева и вышивки из Бельгии и Голландии, персидские ковры, тончайшие кашмирские шали, всегда ароматные подносы из сандалового дерева, сделанные в Майсуре, камни «бычий глаз» – амулеты Шивы – из Центральных Провинций, древние индийские монеты давно исчезнувших династий, вазы и кубки ювелирной работы, миниатюры, гобелены, храмовые благовония, духи, крашеные ситцы *«свадеши»* , деревянные изделия, покрытые лаком, майсурская резьба по слоновой кости, персидские туфли с длинными любознательными носами, древние рукописи, бархат, парча, гандистские шапочки, изделия из глины, изразцы, бронза, молитвенные коврики – эта добыча была собрана на трех континентах!

Один за другим проходили через мои руки завернутые в пеструю бумагу подарки из огромной кучи под елкой.

– Сестра Джьянамата! – Я вручил длинную коробку безгрешной американской леди с приятным лицом человека, достигшего глубин постижения Бога. Во время моего отсутствия она руководила центром Маунт Вашингтон. Из бумажной обертки она извлекла сари из золотистого варанасского шелка.

– Благодарю вас, сэр,– оно создаст перед моим взором образы Индии!

Мистер Дикинсон из Лос-Анджелеса. Он нашел серебряный кубок.

– Мистер Дикинсон! – В следующем пакете находился подарок, купленный мною на калькуттском базаре. «Вот это понравится мистеру Дикинсону»,– пронеслась тогда в моей голове неожиданная мысль. Мой любимый ученик мистер Дикинсон присутствовал на каждом рождественском празднестве в центре Маунт Вашингтон с 1925 года.

Сейчас он стоял передо мною на одиннадцатом празднике и развязывал ленты продолговатой коробки.

Серебряный кубок! – Борясь с охватившим его волнением, он глядел широко раскрыв глаза, на подарок – высокий кубок для питья. Затем он уселся в отдалении, явно ошеломленный случившимся. Ласково улыбнувшись ему, я возвратился к своей роли Санта-Клауса.

Вечер, исполненный восклицаниями, закончился молитвою Подателю всех даров. Затем последовало групповое пенье рождественских гимнов.

Прошло несколько дней, и как-то раз мы с мистером Дикинсом завели случайный разговор.

– Сэр,– промолвил он,– разрешите мне сейчас поблагодарить вас за серебряный кубок. Тогда, под Рождество, я не мог найти нужные слова.

– Я привез этот подарок именно для вас!

– Этого кубка я ждал сорок три года! Это длинная история, и она долго оставалась скрытой а моей душе.– Мистер Дикинсон застенчиво взглянул на меня.– Начало ее было драматическим: я тонул. Дело происходило в одном из городков штата Небраски. Старший брат в шутку толкнул меня в пруд, в глубине вода доходила до пятнадцати футов. Тогда мне было всего пять лет. Когда я должен был вторично скрыться под водой, передо мной появилось сверкающее многоцветное световое облако. Оно заполнило все видимое глазам пространство, а посреди его показалась фигура человека со спокойным взором и ободряющей улыбкой. Мое тело погрузилось в воду и в третий раз,– но тут один из приятелей брата так сильно наклонил гибкую высокую иву, что я, уже пришедший в отчаянье, смог ухватиться за нее слабеющими пальцами. Мальчики вытащили меня на берег и успешно оказали мне первую помощь.

Двенадцать лет спустя, семнадцатилетним юношей, я посетил вместе с матерью Чикаго. Это случилось в 1893 году; как раз в это время там шла сессия великого Международного Парламента Религий. Мы с матерью шли по главной улице, когда я вновь увидел сильную вспышку света. В нескольких шагах от меня неторопливо шел тот самый человек, который явился мне в видении много лет назад. Он приблизился к большому зданию и скрылся за дверью.

– Мама,– воскликнул я,– это был тот человек, который явился передо мной, когда я тонул!

Мы поспешно вошли в здание. Человек сидел на возвышении, предназначенном для делегатов. Скоро мы узнали, что это был Свами Вивекананда[412] из Индии. После его волнующей душу речи, я устремился вперед, чтобы встретиться с ним. Он благосклонно улыбнулся мне, как будто мы были старыми знакомыми. Я был еще так молод и не знал, как выразить свои чувства; но в глубине моего сердца таилась надежда на то, что он предложит мне стать его учеником. Он прочел мои мысли:

– Нет, нет, сын мой, я – не твой гуру.– Вивекананда заглянул глубоко в мою душу своими прекрасными пронизывающими глазами.– Твой учитель явится позднее. Он подарит тебе серебряный кубок.

– После недолгой паузы он улыбнулся, и прибавил:

– Он изольет на тебя больше благодати, чем ты сейчас в состоянии удержать.

Через несколько дней я уехал из Чикаго,– продолжал мистер Дикинсон,– и никогда более не встречал великого Вивекаианду. Однако каждое произнесенное им слово неизгладимо запечатлелось в глубине моего сознания. Прошли годы, но учитель не появлялся. Однажды вечером, в 1925 году, я помолился от всей души, прося Господа послать мне моего гуру. Через несколько часов меня пробудили от сна мягкие звуки какой-то мелодии. Перед моим взором появилась группа небесных существ с флейтами и другими инструментами. Наполнив воздух прекрасной музыкой, ангелы медленно исчезли.

На следующий вечер я впервые присутствовал на одной из ваших лекций здесь, в Лос-Анджелесе,-и узнал, что моя молитва была услышана.

Мы молча улыбнулись друг другу.

«Я учился у вас крия-йоге в течение одиннадцати лет,– закончил мистер Дикинсон.– Иногда я удивлялся тому, что серебряный кубок не появляется: однако я почти убедил себя в том, что слова Вивекананды были всего лишь метафорой».

«Но в ту ночь под Рождество, когда под елкой вы вручили мне небольшую коробку, я увидел в третий раз в жизни ту же самую ослепительную вспышку света. И в следующее мгновение я увидел подарок своего гуру, тот самый серебряный кубок, который Вивекананда предсказал мне сорок три года назад!»[413]

Глава 48. Энсинитас в Калифорнии

– Сэр, сюрприз! Пока вы были за границей, мы выстроили эту обитель. Она будет приветственным подарком возвратившемуся домой!

Мистер Линн, сестра Джянамата, Дурага Ма и несколько других подвижников, улыбаясь, повели меня через открытые ворота по тенистой аллее.

---

412 [1]. Главный ученик Учителя во Христе Парамахансы Шри Рамакришны.

413 [2]. Мистер Дикинсон встретил Свами Вивекананду в сентябре 1893 года – в год рождения Парамахансы Йогананды (5 января). Вивекананда, видимо, был осведомлен о том, что Йогананда опять реинкарнировал и что он поедет в Америку обучать Индийской философии.

В 1965 году мистер Дикинсон по-прежнему имел хорошее здоровье и вел активный образ жизни. В этом году на церемонии в штаб квартире Общества Самопознания в Лос-Анджелесе он получил титул Йогачарья (учитель йоги).

Он часто в течение длительного периода медитировал вместе с Парамахансаджи и очень редко пропускал занятия по *крия* йоге.

За два года до своей кончины 30 июня 1967 года Йогачарья Дикинсон разговаривал с монахами Общества Самопознания. Он рассказал о весьма интересной детали, которую забыл сообщить Парамахансанджи. Он сказал:

"Тогда в Чикаго я поднялся на лекционный помост, чтобы поговорить со Свами Вивеканандой. Не успел я открыть рот для приветствия, как он сказал:

– Молодой человек, я хочу, чтобы вы держались подальше от воды!"

Примечание американского издателя.

Я увидел здание, выступавшее на синем небе и на фоне моря, подобно большому белому океанскому кораблю. Сначала без слов, потом «ах» и «ох», наконец со всеми выражениями радости и благодарности, какие можно найти в скудном человеческом словаре, я осмотрел ашрам целиком,– шестнадцать необыкновенно широких комнат, каждая из которых отличалась очаровательной обстановкой.

Из высокого центрального холла с огромными, во всю стену окнами, открывается вид на подлинный алтарь Всевышнего из травы, океана и небес – целая симфония цветов: изумруд, опал и сапфир! Над широким камином в холле висят изображения Христа, Бабаджи, Лахири Махасайа и Шри Юктешвара. Я чувствую, что они изливают свое благословение на этот тихий ашрам Запада.

Прямо внизу под холлом, над самым обрывом, две пещеры для медитации смотрят в бесконечную глубину неба и океана. На берегу расположены уголки для солнечных ванн, дорожки из плиток, ведущие к тихим беседкам, опутанным зеленью, клумбы роз, эвкалиптовая роща и несколько акров фруктовых деревьев.

На одной из дверей обители висит надпись. Это «Молитва об Обители», взятая из «Зенд-Авесты».

«Да придут сюда все добрые и героические святые души, да идут они рука об руку с нами, да одарят они нас целительными добродетелями своей благословенной благодати, охватывающей всю землю, достигающей высоты небес!»

Энсинитас, Калифорния. Вид на Тихий океан. Главное здание и часть земли Общества Самопознания.

Это обширное калифорнийское поместье Энсинитас дар Обществу Самопознания от мистера Джеймса Дж. Линна, верного *крия-йогина* с момента его посвящения в январе 1932 года. Американский бизнесмен с бесконечными обязанностями, глава крупного нефтяного объединения, президент крупнейшей в мире фондовой биржи по взаимному страхованию от огня, мистер Линн, тем не менее, находит каждый день время для длительной и глубокой медитации *крия-йоги* . Благодаря такой уравновешенной жизни он достиг в *самадхи* благодати нерушимого мира.

Во время моего пребывания в Европе и в Индии (с июня 1935 года по октябрь 1936 года) мистер Линн[414] устроил заговор со всеми моими корреспондентами в Калифорнии,

414 [1]. После смерти Парамахансаджи мистер Линн (раджарши Джананананда) продолжал свое служение как Президент Братства Самопознания и Общества Йогода-Сат-санга. О своем гуру мистер Линн говорил: "Какое небесное счастье – общество святого! Из всего, что случилось со мной в жизни, я более всего дорожу благодатью, которой меня осенил Парамахансаджи.

Мистер Линн вступил в *махасамадхи* в 1955 г.

Прим. американского издателя.

так чтобы до меня не дошло ни одного слова о строительстве ашрама в Энсинитас. Удивление, восторг!

Еще во время первого пребывания в Америке я исколесил все калифорнийское побережье в поисках небольшого уголка для ашрама на берегу моря. Но где бы я ни обнаруживал подходящее место, неизменно возникали какие-нибудь препятствия, которые портили все дело. Теперь же, глядя на залитый солнцем уголок Энсинитас, я со смирением увидел исполнение давнишнего пророчества Шри Юктешвара: «лесное уединение на берегу океана»[415].

Спустя несколько месяцев, во время Пасхи 1937 года, я совершил на лужайке нового ашрама первое из многих пасхальных богослужений на восходе солнца. Как древние маги, несколько сот учеников взирали в благоговейном молчании на чудо нашего времени: воскрешенный образ поклонения солнцу под небесами Запада. В сторону заката простирался Тихий Океан, и его торжественный грохот звучал, подобно хвалебной песне. Вдали виднелся крошечный белый парусник, в уединении летела чайка: «Христос, Ты воскрес!» – не только в весеннем солнце, но в вечном рассвете Духа.

Пролетело много счастливых месяцев. В обители Энсинитас, в окружении совершенной красоты, я завершил давно задуманную работу – «Космические песнопения». Я перевел около сорока песен на английский язык и выразил их мелодию европейскими музыкальными обозначениями. Сюда были включены также песнопенья, как гимн Шанкары «Нет рожденья, нет смерти», древний санскритский «Гимн Брахме», песнь Тагора «Кто во храме Моем?» и множество песен, написанных мною самим: «Всегда буду твоим», «В стране превыше моих мечтаний», «Выйди из безмолвных небес», «Услышь призыв души моей», «В храме безмолвия», «Ты – жизнь моя».[416]

В предисловии к этой книге песен я вновь рассказал о моих первых, наиболее ярких впечатлениях, вызванных реакцией Запада на восточные песнопенья. Это произошло во время публичной лекции, состоявшейся 18 апреля 1926 года в аудитории Карнеджи Холл, в Нью-Йорке.

Накануне, 17 апреля, я признался одному американскому ученику, мистеру Олвину Хансикеру в том, что собираюсь попросить аудиторию спеть древнее индийское песнопенье «О, Господь Прекрасный!».[417]

Мистер Хансикер запротестовал: «Американцам будет нелегко понять восточные песни».

«Музыка – универсальный язык,– возразил я,– и американцы не замедлят

---

415 [2]. См. главу 12.

416 [3]. Шесть песен из *«Космических песнопений»* , исполненных Парамаханса Йоганандой, записаны на пластинках, которые можно получить в Братстве Самопознания в Лос-Анджелесе.
Прим. американского издателя.

417 [4]. Вот слова песнопения, написанного Гуру Нанаком:

"О, Господь Прекрасный! О, Господь Прекрасный!
В глубине леса Ты зелен,
На горе Ты высок,
В воде реки Ты не знаешь отдыха,
В океане Ты величественен,
Для тех, кто предан служению, Ты – само служение.
А для любящего – любовь.
Для печального Ты – сострадание,
Для йогина – блаженство.
О, Господь Прекрасный, Прекрасный,
К Твоим ногам склоняюсь я!"

почувствовать порыв души в этом возвышенном песнопении».

Вечером следующего дня больше часа раздавались благоговейные звуки песни «О, Господь Прекрасный!» Гимн пели три тысячи голосов. Дорогие ньюйоркцы, вы отбросили свою пресыщенность, и ваши сердца воспарили в простом и радостном пении. В этот же вечер среди поклонников, распевавших с любовью благословенное Имя Господнее, произошло несколько чудесных исцелений.

В 1941 году я посетил Бостонский центр Братства Самопознания. Его руководитель доктор М. У. Льюис поместил меня в аристократически обставленном помещении. «Сэр,– сказал, улыбаясь, доктор Льюис,– в первые годы вашего пребывания в Америке вы остановились в нашем городе в одной комнатке, даже без ванны. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что Бостон обладает и роскошными помещениями».

Шли годы счастливой жизни в Калифорнии. Они были насыщены напряженной деятельностью. Колония Всемирного Братства Самопознания, основанная в Энсинитас с 1937 году, служит образцом для нескольких меньших колоний в южной Калифорнии. В настоящее время строения Энсинитас включает в себя три ашрама, магазин подарков, также и Приют Братства для его членов. Белые колонны, выходящие строем на шоссе, украшены золотыми лотосами.

Деятельность колоний состоит в многосторонней подготовке учеников в соответствии с идеалами Братства Самопознания и в развитии экстенсивного сельского хозяйства, чтобы обеспечить своими фруктами жителей центров Братства в Энсинитас и Лос-Анджелесе.

От одной крови Он произвел весь род человеческий"[[418]]. Основанные на духовных принципах многочисленные колонии Всемирного Братства на нашей искалеченной войнами Земле являются ответом на неотложные нужды человечества. «Всемирное Братство» – это обширный термин; однако человек должен расширять свои симпатии, рассматривая себя в этом свете, как гражданина всего мира. Тот, кто правильно считает, что это «моя Америка, моя Индия, моя Европа, мои Филиппины, моя Африка» и так далее, никогда не будет лишен размаха полезной и счастливой жизни.

Хотя тело Шри Юктешвара никогда не ступало на какую бы то ни было чужую землю, он знал эту истину о братстве:

«Весь мир – моя родина!»

Глава 49. Годы 1940-1951

«Мы по-настоящему усвоили ценность медитации, мы знаем, что ничто не сможет нарушить наш внутренний мир. За последние недели во время собраний мы слышали сигналы воздушной тревоги и взрывы бомб замедленного действия; но наши ученики продолжали собираться и пользоваться всеми благами нашего прекрасного служения».

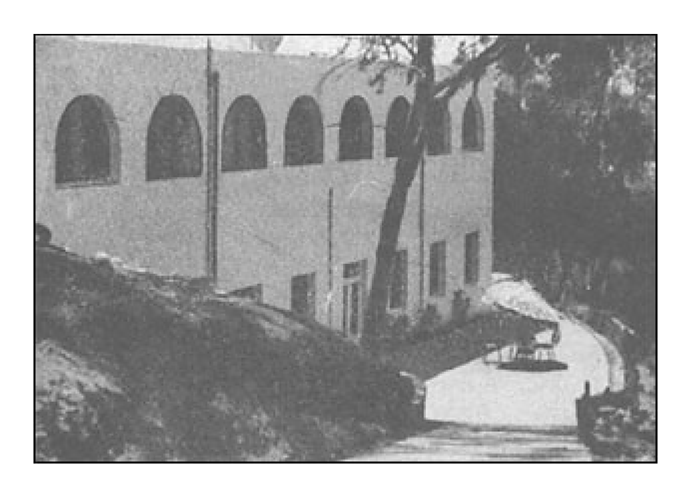
Это проникнутое смелостью послание, написанное руководителем Лондонского Центра Братства Самопознания, было одним из множества писем, которые я получал из Англии и других европейских стран, истерзанных войной, в годы, предшествовавшие вступлению Соединенных Штатов в войну. Следующее письмо было написано в 1942 году доктором Кранмер-Бингом, известным издателем серии *«Мудрость Востока!»*

"Когда я прочел журнал *"Восток-Запад* «, я понял, насколько далекими кажемся мы друг друга – как если бы жили в двух разных мирах. Красота, порядок, спокойствие и мир пришли ко мне из Лос-Анджелеса подобно судну, приплывающему в порт, осажденный врагом, с грузом благодати из Святого Грааля. Как во сне, я вижу вашу пальмовую рощу в Энсинитас, океанские просторы и горные вершины, самое же главное – братство духовно настроенных мужчин и женщин, общество, представляющее собою единое целое,

418 [5]. Деяния апостолов, 17, 26.

поглощенное творческим трудом и переживающее в созерцании полноту бытия... Привет всему Братству от простого солдата, который пишет это письмо, ожидая рассвета на сторожевой башне».

В 1942 году в Голливуде (Калифорния) рабочими Братства Самопознания была построена и освящена Церковь Всех Религий. Спустя год другая церковь Братства Самопознания была основана в Сан-Диего (Калифорния); и еще одна церковь появилась в Лонг Бич в 1947 году.



Церковь Всех Религий Братства Самопознания в Сан-Диего, Калифорния.

В 1949 году Братство Самопознания получило в дар одно из прекраснейших поместий в мире, подлинную страну чудесных цветов; это поместье расположено в районе Тихоокеанских палисадов Лос-Анджелеса. Участок в четыре гектара представляет собою естественный амфитеатр, окруженный покрытыми зеленью холмами. Широкое естественное озеро, голубая жемчужина в горной диадеме, дало поместье его название «Озерное Святилище». На берегу озера стоит изящный голландский дом в виде ветряной мельницы; в нем помещается мирная часовня Братства. В низине сада находится большое водяное колесо, которое разбрызгивает воду. Участок украшают две китайские мраморные статуи – статуя Господа Будды и статуя Кван-Иин (китайское олицетворение Божественной Матери). На холме, возвышающемся над водопадом, стоит статуя Христа в человеческий рост. Ее спокойный лик и ниспадающие одежды по ночам замечательно освещены. В часовне стоит статуя Господа Кришны и других пророков.

В 1950 году в Озерном Святилище был освящен памятник Махатме Ганди и его работе на благо мира во всем мире. В этом же году была отмечена тридцатая годовщина[[419]] Братства Самопознания в Америке. Частица золы из погребального костра Махатмы, присланная из Индии, была захоронена в саркофаге из тысячелетнего камня.

Индийский центр Братства, находящийся в Голливуде, был основан в 1951 году. При богослужении в честь освящения центра вместе со мной присутствовали вице-губернатор Калифорнии мистер Гудвин Дж. Найт и Генеральный консул Индии мистер М. Р. Ахудза. На участке индийской ветви Братства, находятся так же магазин подарков и аудитория[[420]].

419 [1]. Во время празднования этой годовщины я совершил 27 августа 1950 года в Лос-Анджелесе священную церемонию «розы и свечи», во время которой дал посвящение в *крия-йогу* пятистам ученикам.

420 [2]. Сотрудники, обслуживающие магазин подарков и все кафе Братства,– это монахи Ордена Самопознания. Они посвятили себя служению человечеству и воплощению в своей жизни идеалов Братства Самопознания.

Молитвенный центр Братства в Лос-Анджелесе предлагает бесплатные услуги всем нуждающимся в помощи при решении каких-либо частных проблем.

Лица, вступившие в различные центры Братства Самопознания, нередко нуждаются в дальнейшей информации о йоге. Я часто слышу один и тот же вопрос:

Церковь Всех Религий Братства Самопознания в Вашингтоне, округ Колумбия. На снимке запечатлены лидер церкви свами Премананда и я.

«Верно ли как утверждают многие организации, что йогу нельзя успешно изучать по книгам, а следует усваивать лишь под личным руководством учителя?»

В атомный век йогу необходимо преподавать при помощи особого курса наставлений,– каким, например, являются *уроки Братства Самопознания* . Иначе приносящая свободу наука йоги вновь окажется ограниченной замкнутым кругом немногих избранных. Конечно, если бы каждый ученик был в состоянии иметь около себя гуру, совершенного в божественной мудрости, это было бы бесценным даром. Однако мир состоит из многих «грешников» и немногих святых. Как же тогда может йога помочь массам? Очевидно, только в том случае, если они будут изучать ее у себя дома по наставлениям, написанным истинными йогинами!

Единственной альтернативой будет оставить «среднего человека» в неведении, лишить его знаний о йоге. Но не таков план Бога для нового века. Бабаджи обещал сохранять и наставлять всех искренних крия-йогинов на их пути к великой цели[421]. Для того, чтобы создать мир спокойствия и изобилия, который предстоит всему человечеству после долгих усилий по восстановлению своего положения – сыновей божественного Отца,– требуются сотни тысяч крия-йогинов, а не просто десятки их.

Создание на Западе Братства Самопознания, этой организации «улья духовного меда», было долгом, возложенным на меня моим гуру Шри Юктешваром и моим парам-парамгуру Бабаджи. Выполнение этого священного поручения было не лишено трудностей.

---

421 [3]. Много раз Йогананджи говорил своим ученикам на Востоке и на Западе, что после своего ухода с Земли он будет продолжать следить за духовным прогрессом всех *крия-йогинов* . Со времени его *махасамадхи* истинность этого прекрасного обещания подтверждается тысячами писем членов *Общества Йогада-Сатсанга* и *Братства Самопознания* , которые осознали его вездесущее руководство.

Докладчики на межрассовой встрече в Сан-Франциско во время подготовки мирной конференции. Слева направо: др. Манек Анклесария, Джон Кои, я, Хью Е. МакБет, Винс М. Тоунсенд младший, Ричард Б. Мур.

– Скажите мне правду, Парамахансаджи, стоила ли игра свеч? – Такой лаконичный вопрос задал мне однажды доктор Ллойд Коннел, руководитель церкви Братства в Сан-Диего. Я понял смысл его вопроса: «Счастливы вы в Америке или нет? Что вы думаете о клевете, распространяемой заблуждающимися людьми, которые стремятся помешать успеху учения йоги? Что вы думаете о разочарованиях, о сердечных страданиях, о руководителях, не способных руководить, об учениках, не способных учиться?»

– Благословен человек, которому Господь посылает испытания! – отвечал я.– Он иногда вспоминает, что можно возложить на меня бремя.– Затем я подумал обо всех преданных людях, о любви, доверии и понимании, озаряющих сердце Америки. Медленно и выразительно я продолжал:

– Да, отвечаю я, тысячу раз да! Моя работа имела смысл, даже больше, чем я мог мечтать, ибо я вижу, как Восток и Запад сближаются друг с другом под действием единственно прочных уз – уз духовности.

Великие учителя Индии, которые выказывали живой интерес к Западу, хорошо понимают современные условия. Они знают, что до тех пор, пока все народы не усвоили отчетливо значение добродетелей Запада и Востока, положение во всем мире не станет лучше. И каждое полушарие нуждается в помощи со стороны своего соседа.

Во время путешествий по всему свету я с горечью наблюдал многочисленные страдания. На Востоке они проявляются главным образом на материальном плане, на Западе – на душевном или духовном плане. Все народы ощущают болезненные результаты неуравновешенной цивилизации[422]. Индия, Китай и другие страны Востока могут получить

---

422 [4].

"Этот голос вокруг меня подобен бурлящему морю:
Разве земля твоя так осквернена,
Разбита как куча битой черепицы?
Смотри, все бежит от тебя, ибо ты бежишь от Меня.
Все, что Я беру от тебя. Мною Самим и было дано, дано время тебе.
Но лишь для того, чтобы мог ты искать его в Моих руках.
Все, что твой ребенок
Ошибочно считал потерянным, Я храню для тебя в доме;
Восстань, возьми Мою руку, идем!

Фремонс Томпсон «Небесный Пес»

большую пользу от усвоения практического подхода к делам от материальной продуктивности западных народов, таких, как народы Америки. С другой стороны, народы Запада нуждаются в более глубоком понимании духовных оснований жизни, в особенности же в научной методике, которую Индия выработала еще в древности для сознательного единения человека с Богом.

Идеал создания всесторонне развитой цивилизации не является химерическим. В течение целых тысячелетий Индия была страной духовного света и широкого процветания народа. В древности богатства Индии[423] оставались притчей во языцах много сотен лет; в ее долгой истории нищета последних двух столетий – лишь преходящая фаза, следствие кармических причин.– А длительное материальное и духовное изобилие являлось следствием, присущим самой структуре ее общества, выражавшейся в *«рите»* , т.е. в

423 [5]. В исторических анналах до самого XVIII века Индия описывается как самая богатая страна в мире. Кстати, никто в индийской литературе или традиции не подкрепляет циркулирующей на Западе теории будто бы ранние арийцы «вторглись» в Индию из какой-либо другой части Азии или из Европы. Ученые, конечно, не в состоянии установить начальный пункт этого воображаемого путешествия. Внутренняя очевидность того, что Веды указывают на Индию, как на обитель индийцев с незапамятных времен, представлена в необычной книге, которую очень легко читать. Эта книга написана Абинас Чандра Дасом и называется *«Индия Ригведы»* (издательство Калькуттского университета, 1921 г.). Профессор Дас утверждает, что, наоборот, выходцы из Индии селились в разных частях Европы и Азии, распространяя там арийский язык и фольклор. Так, например, литовский язык во многих случаях поразительно сходен с санскритом. Философ Кант, который ничего не знал о санскрите, был поражен научной структурой литовского языка. «В нем находится ключ, который откроет все загадки не только филологии,– писал Кант,– но также и истории».

Библия упоминает о богатствах Индии, сообщая как корабли привозили царю Соломону «золото, серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов» и «великое множество сандалового дерева и драгоценных камней» из Офира Сопара (Бомбейское побережье). Греческий посол Мегасфен (IV в. до Р. Х.) оставил нам подробное описание процветающей Индии. Плиний (I в. после Р. Х.) сообщает, что римские императоры ежегодно тратили пятьдесят миллионов сестерций (около пяти млн. долларов) на ввоз индийских товаров. В то время Индия была обширной морской державой.

Китайские путешественники живо описывают богатую цивилизацию Индии, широкое распространение образования, замечательное управление. Китайский жрец Фа Цзэн (V век) говорит нам, что индийский народ был счастлив, честен и богат. См. книгу Сэмюэла Вилла *«Буддийские сообщения о западном мире»* (для Китая Индия была «западным миром!») см. также: Томас Устерс *«Путешествие Ян Чуня по Индии в 629-645 гг. после Р. Х»* . изд. Королевского Азиатского общества.

Колумб, открывший Америку в XV веке, в действительности искал более короткий путь для торговли с Индией. В течение веков Европа стремилась завладеть индийским экспортом – шелком, тонкими тканями (они были так тонки, что заслужили название «вытканный воздух» и "невидимый туман), хлопчатобумажными тканями, парчой, шитьем, коврами, изделиями чеканки, оружием, слоновой костью, благовониями и духами, сандаловым деревом, керамикой, лекарственными растениями и мазями, индиго, рисом, пряностями, кораллами, золотом, жемчугом, рубинами, изумрудами, алмазами.

Португальские и итальянские купцы описывают свое восхищение баснословным величием империи Виджай Анагара (1336-1565). Великолепие ее столицы было описано арабским послом Раззаком: «Ухо не слышало, глаз не видел города на Земле, равного тому».

В XVI столетии впервые за свою долгую историю Индия попала под власть иноземцев. Тюрк Бабур вторгся в эту страну в 1524 г. и основал династию мусульманских царей. Но, обосновавшись в древней стране, новые монархи не растратили всех ее богатств. Однако внутренние разногласия ослабили Индию, и в XVIII веке эта богатая страна стала добычей нескольких европейских государств. В конце концов управление Индией полностью захватила Англия. 15 августа 1947 г. Индия мирным путем обрела свою независимость.

Подобно многим индийцам, я могу сейчас рассказать одну историю. Группа молодых людей, знакомых мне по колледжу, обратилась ко мне во время первой мировой войны, предложив возглавить революционное движение. Я отказался, возразив: «Убийство наших английских братьев не может принести Индии никакой пользы. Ее свобода придет не благодаря пулям, а при помощи духовной силы». Затем я предупредил моих друзей, что немецкие корабли с грузом оружия, на которые они рассчитывают, будут перехвачены англичанами в Бенгалии, в Дайамонд-Харбор. Тем не менее, молодые люди решили осуществить свои планы; но эти планы окончились неудачей – именно так, как я предсказал. Друзей моих освободили из тюрьмы только через несколько лет. Некоторые из них, отбросив свои воинственные наклонности, присоединились к идеальному политическому движению Махатмы Ганди. И в конце концов они увидели победу Индии в своеобразной войне, выигранной мирными средствами.

Печальный факт разделения страны на Индию и Пакистан, краткая, но кровавая интермедия, которая затем произошла, все это было вызвано в сущности экономическими факторами, а не религиозным фанатизмом.

Космическом законе естественной справедливости. Божественное Начало не знает скупости, равно как и Его богиня, проявляющаяся в феноменальном мире, щедрая Природа.

Индийские писания учат нас, что человек привлекается к этой особой Земле, дабы в последовательных жизнях полнее изучить бесконечные способы, которыми дух может получить выражение в материальных условиях и подчинить их себе. Восток и Запад усваивают эту великую истину различными путями, и они должны с радостью делиться друг с другом своими открытиями. Не может быть никакого сомнения в том, что Господь радуется, когда Его дети на Земле прилагают усилия к созданию мировой цивилизации, свободной от нищеты, болезней и духовного невежества. То, что человек забыл о ресурсах своей души, что явилось следствием его неправильного пользования свободной волей[424], и есть коренная причина всех иных форм страдания.

В настоящее время все наши несчастья приписываются некой антропоморфической абстракции, называемой обществом; однако с гораздо большим реализмом их можно отнести на счет так называемого среднего человека[425]. Идеальный мир должен возникнуть в груди отдельного индивида, прежде нежели он сможет расцвести в гражданской добродетели; и внутренние перемены естественно приведут ко внешним. Человек, преобразовавший самого себя, преобразит и тысячи других.

Испытанные временем Священные писания всего мира в сущности своей едины. Они пробуждают человека к движению ввысь. Один из самых счастливых периодов моей жизни был связан с особой работой – я диктовал для *«Журнала Общества Самопознания»* свое объяснение части Нового Завета. Я горячо молил Христа, чтобы он руководил мною в открытии подлинного божественного смысла Его слов, многие из которых были роковым образом искажены в течение двадцати столетий.

И вот однажды ночью, когда я был погружен в безмолвную молитву, моя комната для медитации в обители Энсинитас наполнилась опалово-голубым светом. Я увидел лучистую форму Благословенного Господа Иисуса. Он явился в образе молодого человека в возрасте

Между тем, именно эту второстепенную причину часто принимают за главную. Огромное число индуистов и мусульман теперь, как и в прошлые века, живет по-братски бок о бок друг с другом. Многие последователи обеих религий становились учениками «не имеющего веры» учителя Кабира (1450-1518) и по сей день существуют миллионы *«кабирпантхов»* , т. е. его последователей. Под мусульманскими правлениями Акбара Великого во всей Индии господствовала широчайшая возможная свобода вероисповедания. И ныне в Индии, среди девяноста пяти процентов простого народа, не существует каких бы то ни было религиозных расхождений. Подлинную Индию, Индию, которая может понимать Махатму Ганди и следовать за ним, можно найти не в больших беспокойных городах, а в семистах тысячах мирных деревень, где с незапамятных времен главной чертой жизни остается простота и справедливые формы самоуправления при помощи *«панчаятов»* (местных советов). Проблемы, которые ныне возникли во вновь обретшей свободу Индии, несомненно, будут со временем разрешены теми великими людьми, которых Индия никогда не переставала порождать.

424 [6].

"Мы свободно служим,
Ибо свободно любим!
В нашей воле любить иль не любить;
На этом мы стоим иль падаем.
И так уж некоторые пали,
Унизившись до неповиновения...
И так с небес в пучину ада!
Пасть с высот блаженства в горя глубину!"

Дж. Милтон. «Потерянный рай»

425 [7]. План божественной *«лила»* или «спортивной игры», буквальное выражение текста – (прим. переводчика) благодаря которой начинают существовать феноменальные миры, есть план взаимности между творением и Творцом. Единственный дар, который человек может предложить Богу – это любовь, ее достаточно, чтобы вызвать Его подавляющее великодушие.

около двадцати пяти лет, с редкой бородкой и усами; его длинные, черные[426] волосы, разделенные посредине пробором, мерцали золотым сиянием. Его глаза являли собою вечное чудо. Когда я смотрел на них, они беспрерывно изменялись. С каждым божественным их изменением я интуитивно охватывал выраженную в них мудрость. В Его величественном взоре я ощутил силу, которая поддерживает мириады миров. У уст Его появилась чаша Святого Грааля, затем она подошла к моим губам и вновь вернулась к губам Иисуса. Несколько мгновений спустя Он произнес прекрасные слова, столь глубоко личные по своей природе, что я храню их только в своем сердце.

В 1950 и 1951 годах я провел много времени в Приюте Братства Самопознания вблизи пустыни Мохаве в Калифорнии. Там я перевел «Бхагавадгиту» и написал к ней подробный комментарий[427], который излагает различные пути йоги.

Дважды[428] ясно указывая на технику йоги (эта техника единственная, упомянутая в «Бхагавадгите»,– является той же самой, которую Бабаджи называл просто *крия-йога*), величайшее священное писание древней Индии, таким образом, предлагало как моральные, так и практические наставления. В этом океане нашего призрачного мира дыхание представляет собою особый вихрь заблуждения, который создает сознание индивидуальных волн – формы людей и все другие материальные объекты. Понимая, что лишь философское и этическое знание недостаточно для пробуждения человека от его болезненного сна отдельного существования, Господь Кришна изложил священную науку, при помощи которой йогин может овладеть своим телом и превращать его по своему желанию в чистую энергию. Возможность такого йогического достижения не выходит за пределы теоретических допущений современной науки, ибо наши ученые, пионеры атомного века, в своих построениях сводят всю материю к энергии.

Индийские писания превозносят науку йоги, поскольку она применима для всего человечества в целом. На самом деле, тайна дыхания йоги случайно была решена без использования формальной йогической методики, как то бывало в практике мистиков иных верований, обладавших сверхъестественными силами преданности Господу. Таких христианских, мусульманских и иных святых действительно замечали погруженных в транс, т. е. состояние неподвижности тела и прекращения дыхания *(сабикальпа-самадхи)* , без чего ни один человек не вступал на первые ступени восприятия Божественного. (Однако после того, как святой достигал нирбикальпа, или высшей ступени *самадхи* , он неизменно утверждался в Господе), независимо от того, в каком состоянии находился: дышал он или нет, действовал или оставался неподвижным[429].

Брат Лоуренс, христианский мистик XVII века, рассказывает нам, что первый проблеск богопознания пришел к нему, когда он увидел дерево. Почти все люди видят деревья; увы, лишь немногие из них видят благодаря этому и Того, Кто создал это дерево. Большинство людей совершенно не в состоянии вызвать в себе непреодолимые силы преданности, которыми обладают лишь немногие *«экантисы»* , т. е. святые, сердце которых «устремлено воедино». Этих последних можно найти на всех религиозных путях Востока и Запада.

---

426 [8]. Так в подлиннике! (прим. переводчика).

427 [9]. Эта работа появилась в очередных выпусках «Журнала Самопознания». «Бхагавадгита» – самое любимое священное писание Индии. Она содержит наставления Господа Кришны ученику Арджуне. Это – слова духовного наставления, применимые во все времена для всех искателей истины. Комментарий Йоганаджи на «Бхагавадгиту» издан отдельной книгой в Лос-Анджелесе в 1964 г. (прим. американ. издателя).

428 [10]. «Бхагавадгита» 4, 29 и 5, 27-28.

429 [11]. См. гл. 26 настоящей книги. Среди христианских мистиков, которых видели в состоянии *сабикальпа самадхи* , можно отметить св. Терезу де'Авила. Тело св. Терезы становилось настолько неподвижным, что изумленные монахини ее монастыря не могли изменить его положения или привести святую в сознание.

Однако средний человек[430] не будет по этой причине отрезан от возможности союза с Божественным. Для пробуждения души он нуждается лишь в технике крия-йоги, в ежедневном соблюдении принципов морали, в способности искренне воскликнуть: «Господи, жажду познать тебя!»

Таким образом, универсальный характер послания йоги заключается в том, что она рекомендует приближение к Богу при помощи ежедневного использования научных методов, а не набожного рвения; ибо последнее превосходит эмоциональные способности обычного человека.

Различных великих учителей джайнизма называли *«тиртхакара»* , или «теми, кто прокладывает брод», так как они открывали проходы, по которым находящиеся в смятении люди могут пересечь море *самсары* (кармическое колеса, чередование жизней и смертей) и выйти за его пределы. *«Самсара»* , или буквально: «плавание вместе» с потоком феноменального мира, побуждает человека избирать линию наименьшего сопротивления. Поэтому «кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу»[431]. Чтобы стать «другом Богу», человек должен победить «дьявола», т. е. зло собственной кармы, или действий, которые всегда побуждает его безвольно и покорно подчиняться заблуждениям мира, вызванного к жизни майей. Знание железного закона майи поощряет серьезного исследователя к тому, чтобы найти путь конечного избавления в желании ума, омраченного *майей* . Йогин начинает именно с контроля над умом[432]. Затем сбрасывается разнообразные покровы кармического незнания, и человек видит себя в своей природной сущности.

Тайна жизни и смерти, решение которой и является единственной целью пребывания человека на земле, теснейшим образом переплетается с дыханием. Отсутствие дыхания есть бессмертие. Уяснив указанную истину, древние индийские *риши* ухватились за ее ключ и создали точную и рациональную науку прекращения дыхания.

Если бы Индия не принесла миру ничего иного, одной *крия-йоги* было бы достаточно для подлинно царственного дара.

В Библии содержатся такие места, которые свидетельствуют о том, что еврейские пророки хорошо понимали, что Бог заставил Свое дыхание служить тонким связующим звеном между душой и телом человека. Книга Бытия говорит:

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою»[433]. Человеческое тело состоит из различных химических и

---

430 [12]. «Средний человек» где-то и когда-то должен начать духовный прогресс. «Путешествие в тысячу ли начинается с одного шага»,– заметил Лао-Цзы. А Господь Будда сказал: «Не думай легкомысленно о доброте: не придет близко ко мне. Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Мудрый наполняется добром, даже понемногу накапливая его».

431 [13]. Посл. Иакова, 4, 4.

432 [14].

"Как светильник, находящийся в безветренном месте, не колеблется
– это подобие относится к йогину с укрощенным сознанием, упражняющемуся в йоге.
Где успокаивается мысль, заторможенная упражнениями в йоге,
где, взирая на Атмана в себе, человек радуется Атману.
Там познается предельное блаженство,
воспринимаемое (лишь) через буддхи, превосходящее чувство;
пребывающий в нем (человек) не уклоняется от реальности.
По достижении которого (блаженства) человек понимает,
что нет ничего высшего для достижения;
стоящий в нем не потрясается даже тяжелым горем.
Нужно знать, оно именуется йогой, разрешающей связи со скорбью;
в этой йоге должно упражняться решительно с мыслью, отвратившейся от всего".

Бхагавадгита. 6, 19-23

433 [15]. Бытие, 2, 7.

металлических веществ, которые можно обнаружить и в «прахе земном». Плоть человеческая никогда не могла бы проявить какую бы то ни было деятельность, не смогла бы выказать влияние энергии или движения, если бы в ней не существовали жизненные потоки, переданные телу душой, благодаря действию дыхания (особой газообразной энергии), как это наблюдается у непросветленных людей. Потоки жизненной силы, проявляющиеся в человеческом теле как пять видов праны, или тонких жизненных энергий, суть проявления вибрации ОМ, или вездесущей души.

Отражение жизни, как кажущаяся реальность, которая сияет в клетках тела и берет свои истоки в душе, есть единственная причина, привязанности человека к своему телу. Очевидно, он не стал бы относиться с таким же заботливым почтением к куску глины. Человек сложно отождествляет себя со своей физической формой, и это происходит потому, что потоки жизненной силы его души вдыхают в плоть настолько интенсивную энергию, что человек ошибочно принимает следствие за причину и идолопоклоннически воображает, что его тело обладает самостоятельной жизнью.

Человеческое сознание – это осознание тела и дыхания. Его подсознательные сферы, столь активные во время сна, отождествляют себя с душой, временно отделяющейся от тела и дыхания. А сверхсознательный элемент индивидуального человека представляет собою свободу от заблуждения, согласно которому «существование» зависит от тела и дыхания[[434]]. Бог живет без всякого дыхания; душа, сотворенная по Его образу, впервые осознает свою подлинную сущность только в состоянии прекращения дыхания.

Когда дыхание, это связующее звено между телом и душою, разрушено эволюционной кармой, происходит внезапное изменение, называемое «смертью». Клетки физического тела возвращаются к своему естественному бессилию. Однако *крия-йогин* разрушает связующее звено дыхания по своей воле, пользуясь научной мудростью, а не силами грубого вмешательства кармической необходимости. Благодаря фактическому переживанию йогин уже при жизни осознает свою подлинную бестелесность и не нуждается в наставлениях смерти, указующих на ошибочность человеческого взгляда на жизнь, возлагающего все надежды на физическое тело.

Жизнь за жизнью человек прогрессирует в приближении – особым, только ему свойственным путем – к собственному апофеозу. При этом бывает, что он движется к этой цели, допуская много ошибок. Смерть – это не перерыв в его движении вперед. Она просто предлагает индивиду более подходящие условия астрального мира для того, чтобы очиститься от шлака своей жизни и низшей природы. «Да не смущается сердце ваше... В доме Отца Моего обителей много»[[435]]. Действительно, нельзя представить себе, что бы Бог исчерпал Свою изобретательность, устроив только этот мир, чтобы и в другом мире Он не предложил нам ничего, более возбуждающего наш интерес, нежели бренчанье арф.

Смерть не зачеркивает все существование человека: не будучи окончательным бегством от жизни, она не является и дверью к бессмертию. Тот, кто потерял свое "я" в земных наслаждениях, не обретет его и среди воздушных чар астрального мира. Там он просто накапливает более тонкие восприятия, повышает чувствительность к прекрасному и доброму (что – то же самое). Именно на наковальне этой плотной земли борющийся человек должен выковать неразрушимое золото духовного тождества. Держа в руках это с трудом

434 [16]. Томас Трахерм в «Столетиях медитаций» пишет: «Вы никогда не сможете должным образом наслаждаться миром, пока в ваших зонах не будет струиться само море, пока вы не окажетесь одеты в небеса, увенчаны звездами; пока вы не постигнете, что вы – единственный наследник всего мира, даже более того – ибо все люди едины с вами и являются таким же единственными его наследниками, пока вы не сможете петь и наслаждаться, радуясь в Боге, как скупцы находят радость в золоте, а цари в скипетрах... Пока вы не познаете во всех веках так же близко, как вы знаете свою походку и свой стол, пока вы теснейшим образом не познакомитесь с этим тенистым небытием, из которого был сотворен мир».

435 [17]. Иоанн, 14, 1-2.

обретенное золотое сокровище, единственно приемлемый дар для алчной смерти, человек завоевывает конечное освобождение от кругов перевоплощений.

В течение нескольких лет я вел в Энсинитас и в Лос-Анджелесе занятия по «Йога-сутре» Патанджали и по другим глубочайшим источникам индийской философии.

«Почему Бог вообще соединил душу с телом?» – задал мне однажды вечером вопрос какой-то ученик.– «Какова была Его цель, когда Он дал толчок, явившийся началом эволюционной драмы творения?» Бесчисленное множество людей ставит и ставило тот же вопрос, и философы тщетно пытались на него ответить.

«Оставьте в Вечности хоть несколько неисследованных тайн,– говаривал, улыбаясь, Шри Юктешвар.– Как могут ограниченные мыслительные способности человека уяснить непостижимые мотивы Несотворенного Абсолюта?».[436]

«Рассудочная способность человека, скованная причинно-следственным принципом феноменального мира, бессильна перед загадкой Божественного, Безначального и Беспричинного. Тем не менее, хотя человеческий разум и не в состоянии проникнуть в глубину загадки творения, каждая тайна будет в конце концов раскрыта подвижнику Самим Богом».

Тот, кто искренне жаждет мудрости, должен довольствоваться началом исканий, смиренно осваивать первые простые принципы Божественного Плана, не требуя раньше времени точных математических формул и «теории относительности» жизни.

"Бога не видел никто, никогда (т. е. ни один смертный, находящийся под властью «времени», относительности майи,[437] не может познать Беспредельность). *Единородный Сын, сущий в недре Отчем* (отражение Христова Сознания, или спроецированный извне Совершенный Интеллект, который, производя через вибрацию *АУМ* все структурные явления, изошел из «недра», или глубин Несотворенного Божественного Бытия, дабы выразить разнообразие в Едином), *Он явил* (т. е. проявил, выразил в форме)*"* .[438].

«Истинно, истинно говорю вам,– пояснял Иисус,– Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего; ибо что творит Он, то и Сын творит также».[439]

Тройная природа Божественного, в которой Он являет Себя в феноменальном мире, символизируется в индийских писаниях в виде Брахмы, или Творца, Вишну, или Вседержителя, и Шивы, или Обновляющего Разрушителя. Их триединая деятельность непрестанно проявляется в вибрационном творчестве. Поскольку Абсолютное превышает человеческие силы постижения, благочестивые последователи индуизма поклоняются Ему в

---

436 [18]. «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших». (Исайя, 55, 8-9). Данте свидетельствует в *«Божественной комедии»* :

"Я был на небе, что сверкало ярче всех,
освещенное Его светом, я видел вещи,
что вернувшийся оттуда, произнести не сможет,
не сумеет, ибо ему не хватит знания.
Ибо, подходя к цели своих стремлений,
наш разум становится столь глубоко отягощен,
что никогда не может вспомнить путь, по которому он шел".

437 [19]. Двойственный цикл Земли – от света к тьме и наоборот – является постоянным напоминанием человеку о том, что творение вовлечено в состояние майи, или противоположностей. (Поэтому переходные периоды равновесия, как рассвет и сумерки считаются благоприятными для медитации). Разрывая двойную ткань *майи* , йогин постигает трансцендентное Единство.

438 [20]. Иоанн, 1, 18.

439 [21]. Иоанн, 5, 19.

царственном воплощении Троицы[440].

Однако Вселенской созидательно-охранительно-разрушительный аспект Божества не является Его конечной или даже существенной природой. Ибо космическое творчество есть лишь Его *«лила»* , творческая игра[441] внутреннюю же сущность его невозможно постичь даже через проникновение во все тайны Троицы, потому что Его внешняя природа, проявленная в потоке атомов, подчиненных определенным законам, только выражает Его, но не раскрывает. Конечная природа Божественного познается только тогда, когда «Сын восходит к Отцу»[442]. Освобожденный человек оставляет позади области вибраций и вступает в Источник, лишенный вибраций.

Все великие пророки хранили молчание, когда их просили раскрыть конечные тайны. Так, на вопрос Пилата: «Что есть истина?»[443] Иисус не дал ответа. Такие показные всеохватывающие вопросы, которые задают подобные Пилату интеллектуалисты, редко проистекают из огненного духа исследования. Эти люди говорят скорее с пустым высокомерием, считая духовные ценности страдают недостатком убежденности[444], т.е. имеют признак «свободомыслия».

«Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий кто от истины, слушает голоса Моего»[445]. В этих словах Христа заключен смысл многих томов. Дитя Божье «свидетельствует» *своей жизнью* . В Нем Самом заключена истина, если же он еще и объясняет ее, то это уже излишнее многословие, результат Его великодушия.

Истина – это не теория, не спекулятивная философская система, не интеллектуальное постижение. Истина есть точное соответствие Реальности. Для человека истина состоит в непоколебимом познании своей подлинной природы, себя, как души. Каждым действием и каждым словом Своей жизни Иисус доказывал, что Он знает *Истину* Своего бытия, источник которого коренится в Боге. Полностью отождествив Себя с Вездесущим Христовым Сознанием, Он мог провозгласить с простой законченностью: «всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

Будда также отказывался пролить свет на конечные истины метафизики, сухо заметив, что кратковременное пребывание человека на Земле лучше всего использовать для улучшения его нормальной природы. Китайский мистик Лао-Цзы правильно учил: «Знающие не говорят, говорящие не знают». Конечные тайны Божественного Начала

---

440 [22]. Другая концепция этой тройственной Реальности – *Сат, Тат, Аум* или Отец, Сын, Святой Дух. Троица Брахмы, Вишну и Шивы представляет собой тройственное выражение Божественного в аспекте *Тат* , или Сына, Христова Сознания, имманентного вибрационному творению. *Шакти* – энергии или «супруги» Троицы, суть символы *АУМ* , или Святого Духа, единственной причинной силы, которая своими вибрациями поддерживает космос.

441 [23]. "Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено (Откровение, 4, 11).

442 [24]. Иоанн, 14, 12.

443 [25]. Иоанн, 18, 38.

444 [26].

"Любите Добродетель, лишь она свободна,
И лишь она тебя научит, как подняться
Превыше самой музыки сфер.
А если бы Добродетель была слабой,
Ей в помощь небеса бы сошли вниз".

Джон Милтон

445 [27]. Иоанн, 18. 37.

«закрыты для обсуждения». Дешифровка Его тайного кода – это такое искусство, которое человек не может сообщить другому; здесь Учителем бывает лишь один Бог.

Остановитесь и познайте, что Я – Бог"[446]. Никогда не выставляя напоказ Свою вездесущую природу. Господь слышится лишь в незапятнанном безмолвии. Отражаясь во всей вселенной, как творящее АУМ, Первичный звук моментально переводится в доступные пониманию слова для настроенного в гармонии с Ним подвижника.

Цель Божественного творения в доступной для человеческого разума форме объяснена в Ведах. Риши учили, что каждый человек создан Богом, как душа, которая непередаваемым образом проявит некоторые особые качества, присущие Беспредельности, прежде нежели вернуться к своему Абсолютному Тождеству. Таким образом, все люди, поскольку они одарены гранями Божественной Индивидуальности, одинаково дороги Богу.

Мудрость, собранная Индией, этой старшей сестрой других народов, есть достояние всего человечества. Ведические истины, подобно всякой иной истине, принадлежит Богу, а не Индии. Великие риши, чьи умы были чистыми приемниками божественных глубин Вед, являлись сынами человеческой расы. По своему рождению, они принадлежали нашей Земле более, чем какой-либо иной планете,– и они служили всему человечеству в его целостности. В области истины теряют смысл различия между расами или народами; единственное качество, имеющее там значение – это духовная готовность воспринять истину.

Бог есть любовь, и Его планы творения могут иметь корни только в любви. Разве эта простая любовь, более чем ученые рассуждения, не приносит утешение человеческому сердцу? Каждый святой, проникший в ядро Реального, свидетельствовал, что существует всеобъемлющий Божественный план, что план этот прекрасен и полон радости.

Пророку Исайе Бог открыл Свои намерения в таких словах:

«Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих,– оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его. Итак, вы выйдете с веселием и будете провожаемы с миром. Горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все дерева в поле рукоплескать вам». [447]

«Выйдете с радостью и пойдете с миром». Люди, задавленные тяжестью двадцатого века, жадно слушают это чудесное обещание. Заключенная в нем полная истина доступна каждому подвижнику Божию, который смело борется, чтобы вновь обрести свое божественное наследие.

Благословенное действие *крия-йоги* на Востоке и на Западе началось едва ли ранее, чем сейчас. Да придут все люди к познанию того, что существует точная научная техника самопознания, для преодоления всех человеческих несчастий!

Посылая полные любви мысленные вибрации тысячам *крия-йогинами* , рассеянным по всей Земле, подобно сверкающим драгоценным камням, я часто думаю с благодарностью:

«Господи, большую семью дал Ты этому монаху!»

==

Йог после смерти, как при жизни.

Парамаханса Йогананда вошел в махасамадхи (окончательный сознательный выход йога из тела) в Лос-Анджелесе (США, Калифорния) 7 марта 1952 года после окончания своей речи на банкете в честь индийского посла Бинея Р.Сена.

446 [28]. Псалмы 46, 10. Цель науки о йоге заключается в обладании необходимого внутреннего блаженства через которое можно истинно познать Бога.

447 [29]. Исайя.55, 11-12.

Великий учитель мира продемонстрировал ценность йоги и научных методов богопознания не только при жизни, но и после смерти. Несколько недель спустя после его ухода неизменившееся тело йога светилось божественным светом нетленности.

Директор лос-анджелесского морга, куда временно было помещено тело великого учителя, мистер Гари Роу, отправил Товариществу Самопознания нотариально заверенное письмо, извлечения из которого мы приводим:

"Отсутствие каких бы то ни было видимых признаков разложения мертвого тела Парамахансы Йогананды является уникальнейшим случаем в нашей практике... Признаков физического распада не было заметно даже через двадцать дней после смерти... На коже его тела не было видно никаких признаков плесени, а ткани не высыхали. Это состояние полной нетленности, насколько нам известно из анналов похорон, является случаем беспримерным. После получения тела Йогананды персонал морга ожидал увидеть обычные прогрессирующие признаки разложения, за которыми можно было бы наблюдать через стеклянную крышку гроба. Наше изумление возрастало с каждым днем, так как никаких заметных изменений в теле не происходило. Оно было явно в феноменальном, нетленном состоянии...

Никакого запаха разложения... Внешний вид Йогананды 27 марта, перед тем как была установлена бронзовая крышка гроба, был таким же, как и 7 марта. 27 марта не было никаких оснований заявить, что его тело страдает от какого бы то ни было физического распада вообще. Поэтому мы вновь утверждаем, что случай с Парамахансой Йоганандой в нашей практике уникален".

===